

Рс $\frac{35}{625}$

Pietro NICOLAEFF

801-16
1790

0

ПРОИСХОЖДЕНИИ
ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ КАНОНИЧЕСКИХЪ
ЕВАНГЕЛІЙ.

Pietro NICOLAEFF

Отъ Совѣта Московской Духовной Академіи печатать
довволяется. Ноября 5 дня 1877 года.

Академіи Ректоръ, Архимандритъ Михаилъ.

Р^о $\frac{35}{625}$

Pierre NICOLLE

801-15
1740

○
ПРОИСХОЖДЕНИИ
ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ КАНОНИЧЕСКИХЪ
ЕВАНГЕЛІЙ.

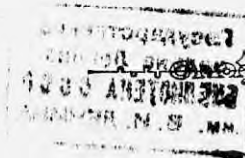
Опытъ разбора гипотезъ Г. Эвальда и Ю. Гольцмана.



Сочиненіе

Николая Троицкаго.

Pierre NICOLLE

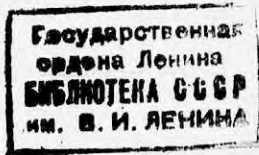


1878.
Рострома.

Въ типографіи Андроннова.

Wahrlich die wunderbare Geschichte Christus' hat auch alsbald ihre fast ebenso wunderbare Geschichtschreibung gefunden: denn was kann in vieler Hinsicht wunderbarer sein als sogar diese Entstehung und Bildung der Evangelien selbst!—

H. Ewald: Gesch. Christ.
S: 126.



140959-48



2015187213

I.

Каноническія Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки носятъ названіе **синоптическихъ**. Это названіе хорошо соотвѣтствуетъ общимъ характеристическимъ свойствамъ и взаимному отношенію первыхъ трехъ Евангелій, въ отличіе ихъ отъ четвертаго; потому что въ этихъ Евангеліяхъ рассказы о событіяхъ изъ исторіи земной жизни и дѣятельности Иисуса Христа и Его ученіе излагаются такъ сходно и параллельно, что удобно могутъ быть сопоставлены въ параллельныхъ таблицахъ для совокупнаго и одновременнаго обозрѣнія ихъ (*συνοψις*).¹⁾

1) Синоптическія таблицы находятся у Б. Тишендорфа: *Synopsis evangelica*. Lips. 1854; у I. Буизвиза: *Bibelurkunden*,—d. B. N. T. Leips. 1866; и спеціально—у Севина: *d. Drei erst. Ev.* Wiesbaden. 1866. Примѣч. Слово *Synopsis* употребляется и въ другомъ значеніи. Таковы: *Synopsis Londinensis criticorum aliorumque scripturae sacrae*. M. Poli. 1712. *Synopsis*, какъ резюмэ содержанія; *Sicula I. Ph. D'orville*. Amst. 1764, р. 1. „*Синопись*“ или сокращенная исторія, собранная отъ разныхъ авторовъ. 1714; у П. Пекарскаго: *Наука и литература въ Россіи при П. Вел.*; т. II, стр. 333. Сиб. 1862. „*Синопись*“ или краткое описаніе о началѣ слав. народа. П. Гизели. 1674.

Синоптики сходны между собою съ внѣшней и внутренней стороны. Внѣшнее сходство ихъ состоитъ въ томъ, что содержаніе всѣхъ трехъ Евангелій одинаково и почти равномерно распадается на извѣстные отдѣлы и представляетъ рядъ отдѣльныхъ разсказовъ, иногда буквально сходныхъ въ подробностяхъ и послѣдовательно—прямственной связи. Такъ, напр., событія крещенія, искушенія, возвращенія Иисуса Христа въ Галилею ²⁾ и другія отдѣльныя событія Ев. исторіи изображаются иногда съ дословнымъ сходствомъ всѣми тремя, а чаще двумя синоптиками. Классическій примѣръ такого сходства и параллельности представляетъ разсказъ объ изцѣленіи расслабленнаго въ Капернаумѣ (Матѳея IX, 1—8; Мр. II, 1—12; Лук. V, 17—26). Точно также нѣкоторые отдѣлы рѣчей Христовыхъ во всѣхъ трехъ, а чаще въ двухъ, Евангеліяхъ изложены буквально—одинаково,—что въ греческомъ текстѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей (Holtzmann), особенно замѣчательно, если Иисусъ Христосъ говорилъ по-арамейски. Таковы, напр. предсказанія о послѣднихъ временахъ (Мѳ. XXIV, Мр. XIII, Лук. XXI), и под. Встрѣчаются одинаковыя цитаты, согласно отступающія какъ отъ еврейскаго текста, такъ и отъ греческаго перевода LXX ³⁾. Нѣкоторыя цитаты, общія двумъ синоптикамъ, заимствованы изъ LXX ⁴⁾. Со внутренней стороны примѣчательно, что всѣ три синоптическія Евангелія имѣютъ одинаковый порядокъ и связь въ изложеніи очень многихъ событій, а нѣкоторые отдѣлы—по большей части одинаковое заключеніе. Параллельные разска-

2) Мѳ. III, 13—17. Мр. I, 9—11. Лук. III, 21—22. Мѳ. IV, 1—11. Мр. I, 12—13. Лук. IV, 1—13. Мѳ. IV, 12—17. Мр. I, 14—15. Лук. IV, 14, 15, 16.

3) Мѳ. IV, 10. Лук. IV, 8. LXX: Второз. VI, 13. Илп: Ис. XL, 3—5. Мр. I, 3. Мѳ. III, 3. Лук. III, 4. Ис. XXIX, 13. Мѳ. XV, 8, 9. Мр. VII, 6, 7.

4) Мр. VII, 10. Мѳ. XV, 4. Мр. X, 7, 8. Мѳ. XIX, 5. Мр. XII, 29, 30. Мѳ. XXII, 37 и т. п.

зы, именно повѣствованія о чудесахъ, имѣютъ по большей части одно и то же расположеніе, послѣдовательность и изображеніе отдѣльныхъ моментовъ ⁵⁾. Точно также параллельныя рѣчи сходны иногда въ указаніи поводовъ къ ихъ произнесенію и въ порядкѣ мыслей, а иногда и въ примѣчаніяхъ относительно ихъ впечатлѣнія на слушателей и—отсюда—послѣдствій ⁶⁾. Всѣмъ этимъ частнымъ сходствамъ синоптиковъ соответствуетъ и общее сходство ихъ въ томъ, что они изображаютъ жизнь Иисуса Христа, послѣ крещенія и искушенія Его, вообще въ Галилеѣ, и эта область, съ ея ближайшими границами, остается у нихъ до самаго разсказа о путешествіи Господа на страданія почти исключительнымъ мѣстомъ Его дѣятельности: хотя у ев. Луки сравнительно подробнѣе изображается путешествіе Господа по Іудеѣ (Лук. гл. XVII, 11—XVIII—XIX и далѣе; но и этотъ Евангелистъ не перемѣняетъ своей главной мѣстной точки зрѣнія, общей для всѣхъ синоптиковъ.

Такъ сходны между собой синоптическія Евангелія; но сходство—не тожество: оно предполагаетъ и различіе; поэтому, и синоптическія Евангелія различны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Каждое изъ нихъ имѣетъ свое особенное свойство. Напримѣръ, Евангеліе отъ Марка, самое краткое между тремя, почти вполнѣ содержится въ двухъ другихъ; но, сравнительно съ тѣми, въ немъ нѣтъ сказаній о многихъ событіяхъ, преимущественно изъ исторіи до вступленія Иисуса Христа въ открытую

5) Мѳ. III, 11, 12. Мр. I, 7, 8. Лук. III, 15—20. Мѳ. III, 13—17. Мр. I, 9—11. Лук. III, 21—23. Мѳ. IV, 1—11. Мр. I, 12, 13. Лук. IV, 1—12. Мѳ. IV, 12—17. Мр. I, 14—15. Лук. IV, 14, 15, 16—20. Мѳ. IV, 18—22. Мр. I, 16—20, Мр. I, 21—28. Лук. IV, 31—37. Мѳ. VIII, 14—17. Мр. I, 29—34. Лук. IV, 38—41. Мѳ. VIII, 1—4. Мр. I, 40—45. Лук. V, 12—16. Мѳ. IX, 1—8. Мр. II, 1—12. Лук. V, 17—26. Мѳ. IX, 9—13. Мр. II, 13—17. Лук. V, 27—32. Мѳ. IX, 14—17. Мр. II, 18—22. Лук. V, 33—39.

6) Мѳ. IX, 14—17. Мр. II, 18—22. Лук. V, 33—39. Мѳ. XII, 1—8. Мр. II, 23—28. Лук. VI, 1—5. Мѳ. XI, 7—19. Лук. VII, 24—35. Мѳ. XII, 22—37. Мр. III, 20—30. Мѳ. XIII, 54—58. Мр. VI, 1—6 и пр.

общественную дѣятельность, съ чего начинаютъ евангелисты Матѳей и Лука. Въ отличіе отъ нихъ, Маркъ начинаетъ свое Евангеліе прямо съ проповѣди Крестителя о покаяніи, опускаетъ Нагорную бесѣду и т. п. При самомъ изложеніи порядокъ сказаній не у всѣхъ во всемъ одинаковъ и параллельныя сказанія иногда стоятъ въ различной связи; встрѣчаются прямыя уклоненія отъ параллельнаго изложенія событій и т. п. 7). Преимущественное различіе замѣчается въ рѣчахъ: нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ неодинаковое положеніе между разсказами, неодинаковую связь, полноту 8) и т. п. Текстъ синоптиковъ различается въ конструкціи, — по длинѣ и краткости оборотовъ, по идиотизмамъ и т. п. Въ Евангелии отъ Матѳея, на примѣръ, преимущественно встрѣчаются гебраизмы, въ Евангелии отъ Марка латинизмы 9) и пр. Цитаты заимствованы не всеми и всегда одинаково изъ LXX: на примѣръ, св. Матѳей приводитъ нѣкоторыя изъ нихъ по еврейскому подлинному тексту Ветхаго Завѣта 10).

Сходство и различіе синоптиковъ въ общемъ и частномъ, выражающія ихъ взаимныя отношенія, составляли и составляютъ одну изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ проблеммъ библейской науки, въ частности — одну изъ важнѣйшихъ задачъ высшей критики Евангельскихъ писаній. Важность настоящей задачи опре-

7) Мѳ. ix, 1—8. Мр. II, 1—12. Лук. v, 17—26. Мѳ. xii, 1—8. Мр. II, 23—28. Лук. vi, 1—5. Мѳ. viii, 5—13. Лук. vii, 1—10. Мѳ. xi, 2—6. Лук. vii, 18—23.

8) Мр. i, 35—39. Лук. iv, 42—44. Мѳ. v, vi, vii. Лук. vi, 20—49. Мѳ. xii, 22—37. Мр. iii, 19—30. Мр. iv, 1—34. Лук. viii, 4—18.

9) Ср. Мат. iv, 17. Мр. i, 15. Мат. xv, 2. Мр. vi, 14. Лук. ix, 7. Мат. xvi, 26. 32. Лук. xii, 24 и др.

10) Мат. i, 23. Ис. vii, 14—16. Мат. xviii, Іерем. xlii, 15. Мат. xiii, — Ис. xi, 1. — Мат. iv, 15. 16. — Ис. viii, 23. ix, 1. Мат. viii, 17. — Ис. LIII, 4. Мат. xii, 17—21. Ис. XLII, 1—3. Мат. xiii, 35. Псал. LXXXVII, 2. Мат. xxi, 5. Зах. ix, 9. Мр. vii, 10. — Мат. xv, 4. Мр. x, 7, 8. Мат. xix, 5. Мр. iii, 29. 30. Мат. xxii, 37. Мр. xv, 34. — Мат. xxvii, 46.

дѣляется историческимъ характеромъ и соответственнымъ значеніемъ ея для библейской науки вообще: настоящій вопросъ вполне касается исторіи возникновенія евангельскихъ писаній и уже имѣетъ обширную исторію своихъ рѣшеній.

Фактъ сродства и различія синоптиковъ 11) самъ по себѣ таковъ, что невольно обращаетъ на себя вниманіе наблюдательнаго читателя Евангелій и внимательному разсужденію представляется наглядно — несомнѣннымъ доказательствомъ истинности Евангельскихъ сказаній или, при извѣстномъ направленіи мысли, не подлинности Евангелій. Эти два возможныхъ и дѣйствительно существующихъ взгляда на характеръ синоптиковъ и взаимное ихъ отношеніе лежатъ въ основаніи ортодоксальнаго церковнаго ученія съ одной стороны и отрицательной исторической критики Евангельскихъ писаній съ другой.

Два противоположныхъ взгляда на взаимное отношеніе синоптиковъ въ сущности состоятъ въ томъ, что или сходство Евангелій признается свидѣтельствомъ ихъ полной исторической достовѣрности, а разности между ними — только индивидуальными особенностями Евангеліевъ; или сходство Евангелій свидѣствуетъ о томъ, что „писатели составляли ихъ компилятивно и различія суть не преднамѣренныя, но иногда рѣшительныя противорѣчія между ними“. Первый взглядъ основывается на подлинности Евангелій, засвидѣствованной и самимъ св. Писаніемъ, съ его внутренними и внѣшними признаками, и древнимъ преданіемъ вселенской церкви; а вто-

11) Сходство и различіе синоптиковъ у Reuss'a выражается въ числахъ такъ: весь текстъ трехъ синоптическихъ Евангелій дѣлится на 124 секціи, изъ коихъ 47-мъ общи всѣмъ тремъ, 12-тъ Матѳею и Марку, 2-тъ Матѳею и Лукѣ, 6-тъ — Марку и Лукѣ, 2 принадлежатъ Марку только, 17-тъ Матѳею только, 38- Лукѣ только. См. Holtzmanns: D. Synopt. Evang. Leipzig. 1863. S. 166.

рой— на теоретическихъ соображеніяхъ, филологическихъ и вмѣстѣ историческихъ данныхъ ¹²⁾.

Для того и другаго взгляда вопросъ о взаимномъ отношеніи синоптическихъ Евангелій доселѣ остается весьма важной проблеммой.—Св. Писаніе и Преданіе не представляютъ положительныхъ данныхъ для опредѣленія собственно взаимнаго отношенія первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій. Не извѣстно съ точностію: тотъ или другой Евангелистъ, при составленіи своего Евангелія, зналъ-ли о прочихъ Евангеліяхъ, пользовался-ли ими и въ какой мѣрѣ; или каждый Евангелистъ писалъ независимо отъ другихъ, не имѣя въ виду ихъ трудовъ. Нѣкоторые христіанскіе писатели первыхъ четырехъ вѣковъ свидѣтельствуютъ, что Евангелія расположены въ каноническомъ кодексѣ хронологически,—по времени ихъ происхожденія ¹³⁾. Такимъ образомъ Евангеліе отъ Матѳея было написано прежде всѣхъ прочихъ и о немъ могли знать послѣдующіе Евангелисты и пользоваться имъ, если то было нужно. Нѣкоторые толкователи въ словахъ св. Луки: „многіе начали составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ...(I, 1)“—видятъ указаніе на Евангелистовъ Матѳея и Марка и допускаютъ, что св. Лукѣ извѣстны были ихъ два первыя Евангелія и онъ ими пользовался, какъ источниками для составленія своего труда ¹⁴⁾. Но

12) Представители в литература того и другаго направленія подробно указаны въ сочиненіи Holtzman'a: D. Synopt. Evangelien. Leipzig. 1863 S. 15—43.

13) Св. Припелі, еп. Ліонскій: Прот. ерес. III, I, I. Евсевій, еп. Кесар: Цар. Ист. VI, 14, п II, 15. а также III. 24. Еще опредѣлениѣ говорить о томъ Оригенъ, —у Евс. II. Ист. VI, 25.

14) Grotius, Wetstenius, Bengel, Townson, Seiler, Hug, Crender,—особенно Hilgenfeld: d. Markus—Evangel. Leippg. 1850. Krit. Unters. üb: d. Evangel. Justin's. Hal-

это—предположеніе, и—только. Допустивъ это предположеніе, трудно будетъ согласить разности въ повѣствованіяхъ объ одномъ и томъ же событіи у различныхъ Евангелистовъ. Если, напримѣръ, св. Лука зналъ Евангеліе отъ Матѳея и пользовался имъ; то какъ могло случиться, что онъ въ своемъ Евангеліи помѣстилъ родословіе Иисуса Христа, отступающее въ нѣкоторыхъ пунктахъ отъ родословія у св. Матѳея, и проч.? По этому вѣроятнѣе предположеніе, что Евангелисты писали независимо другъ отъ друга; тогда кажущіяся разнорѣчія между ними примирить удобнѣе и тогда уже тѣ событія, о которыхъ согласно говорятъ всѣ Евангелисты, получаютъ характеръ вполне несомнѣнной исторической дѣйствительности. Но и это—предположеніе, при которомъ остается множество недостаточно рѣшенныхъ вопросовъ: какъ же именно произошли столь сходныя между собою Евангелія? отъ чего первыя изъ нихъ не были извѣстны послѣдующему Евангелисту, если они составлялись въ одно время? а если не въ одно, то какая же между ними была послѣдовательность и преемственность во времени? отъ чего зависѣло ихъ величайшее сходство при разновременномъ написаніи и пр.?—Такъ, основной вопросъ о взаимномъ отношеніи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій доселѣ остается весьма важной проблеммой, которая рѣшалась, но неполнѣе удовлетворительно, въ различныхъ теоріяхъ, какъ въ извѣстной мѣрѣ ученыхъ изслѣдованіяхъ,—или въ прямой зависимости отъ св. Писанія и Преданія, и въ согласіи съ ними, или—независимо отъ св. Писанія и Преданія, и въ разногласіи, даже въ противорѣчій съ ними.

le. 1850. D. Evangelien nach ihrer Entstehung. 1854. Kanon und Kritik d. N. T. 1863 и въ друг. Cp. W. Meyer's: Kommentar,—üb. Evang. Mtth. Gött. 1864. Einl. St. 30 —31,—Bemerk.

Первая попытка теоретически разрѣшить вопросъ о взаимномъ отношеніи между синоптическими Евангеліями принадлежитъ западной церкви, именно бл. Августину, еп. Иппонскому. У него Евангеліе отъ Матѳея было поставлено основнымъ источникомъ, а Евангеліе отъ Марка представляется въ зависимости отъ него: по Августину, св. Маркъ въ отношеніи къ св. Матѳею былъ „послѣдователемъ и сократителемъ“ (pedissequus et breviator). Впрочемъ, уже Августинъ самъ соглашался съ тѣмъ, что хотя Евангелисты писали въ зависимости другъ отъ друга, но не всегда одинаково полно и точно воспоминали о событіяхъ Евангельскихъ и потому, отъ вліянія чисто личныхъ свойствъ писателей—Евангелистовъ, часто нарушалось параллельное теченіе ихъ повѣствованій¹⁵⁾.

Церковь среднихъ вѣковъ оставалась при этомъ, хотя и не достаточно—основанномъ предположеніи, и первыя столѣтія реформации въ существѣ дѣла не подвинулись далѣе въ рѣшеніи этаго вопроса о взаимномъ отношеніи синоптиковъ. Послѣ, съ цѣлію рѣшить этотъ вопросъ, появились во множествѣ, особенно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, между протестантскими богословами, различнаго рода и характера гипотезы и теоріи. Первоначальными и основными для послѣдующаго—до настоящаго—времени для многихъ изслѣдователей служили и служатъ теоріи а) устнаго и б) письменнаго Первоеванге-

¹⁵⁾ Matthäus durchaus zu Grunde gelegt wurde, Marcus aber war, wie jedoch lediglich aus seinem Inhalte geschlossen wurde, Matthäum subsecutus tanquam pedissequus; in Ganzem freilich befolge Jeder suum quendam narrandi ordinem;—ut quisque meminerat et ut cuique cordi erat vel brevius vel prolixius eandem tamen explicare sententiam, ita eos explicasse manifestum est. Avgust. Beat. De consensu evangelistarum. 1. 2. 4. 12.—Holtzmann's: synoptischen Evangelien. Leipzig. 1863. S. 15.

лія (Urevangelium), и—за ними, какъ видоизмѣненія ихъ, теоріи в) заимствованій и г) преданія.)

Первыя двѣ, основныя, теоріи вышли изъ „гипотезы о Евангелистахъ, какъ человѣческихъ писателей“, составленной Лессингомъ¹⁶⁾. По его соображеніямъ слѣдуетъ признать, что по смерти Иисуса Христа свѣдѣнія о Его жизни сохранялись въ памяти Его послѣдователей и переходили изъ устъ въ уста. Свѣдѣнія эти были отрывочны и при устной передачѣ необходимо должны были подвергнуться измѣненіямъ: каждый могъ пересказывать ихъ со своими собственными дополненіями и въ содержаніи, и въ выраженіи передаваемаго; а отъ этого могло и должно было произойти то, что потомъ трудно было-бы возстановить подлинную Евангельскую исторію по такимъ разрозненнымъ свѣдѣніямъ. Для предотвращенія этого стали рано собирать еще не много—различныя свѣдѣнія о Христѣ, приводить ихъ въ порядокъ и отдѣлять въ нихъ истину отъ лжи,—отъ произвольныхъ прибавокъ, чтобы такъ дать болѣе постоянный и опредѣленный видъ Евангельскому повѣствованію и чрезъ то обезопасить оное отъ измѣненій,—стали записывать. Такъ появились письменные сборники, составленные изъ устныхъ рассказовъ о жизни и дѣятельности Иисуса Христа. Первый письменный сборникъ устныхъ рассказовъ, по мнѣнію Лессинга, есть неканоническое Евангеліе къ Евреямъ: оно было первымъ по времени составленія и общимъ источникомъ для каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки.

Для развитія гипотезы Лессинга явились теоріи: съ одной стороны устнаго, а съ другой письменнаго Первоевангелія (Urevangelium).

Теорія устнаго первоевангелія была основана еще

¹⁶⁾ Neue Hypothese über d. Evangelisten, als blos menschliche Geschichtschreiber betrachtet. 1778.

Гердеромъ. ¹⁷⁾ Онъ—въ противорѣчїе съ Лессингомъ—утверждалъ, что каноническія Евангелія произошли не изъ одного какого-нибудь письменнаго источника, а составлены непосредственно на основаніи разсказовъ самихъ очевидцевъ или тѣхъ лицъ, которыя слышали отъ нихъ. Каждый Апостоль или другой проповѣдникъ христіанства сообщалъ своимъ послѣдователямъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о жизни Иисуса Христа и такимъ образомъ какъ бы составлялъ для нихъ устное Евангеліе. Затѣмъ, эти устные сказанія собирались и записывались разными, способными на то, лицами. Такъ произошли и каноническія Евангелія. Мнѣніе Гердера подвергалось многимъ критическимъ переработкамъ у его послѣдователей: Эккермана, Кайзера, особенно Гизелера, а потомъ Сарторіуса, Шварца, Тирша, Гэрике, Эбрарда ¹⁸⁾ и др. и получила слѣдующій характеристическій общій видъ.

Взаимное отношеніе синоптическихъ Евангелій изъ-

¹⁷⁾ Herder's: Regel der Zusammenstimmung unserer Evangelien. 1797. im 12 Theile seiner Werke.

¹⁸⁾ Eckermann: Theologische Beiträge, Bd. V. S. 2. und Erklärung aller dunkeln Stellen des N. T. Kiel. 1806—8. Thl. 1. Vorrede.—Kaiser: Biblische Theologie Thl. 1. S. 224. Gieseler: Über d. Entstehung und frühesten Schicksale der schrift. Evanhelien. Leipz. 1818. E. Sartorius: Drei Abhandlungen über wichtige Gegenstände der exegetischen und systematischen Theologie. Gött. 1820.—F. J. Schwarz: Neue Untersuchungen über das Verwandtschaftsverhältniss der Evangel. 1844. Tiersch Versuch zur Wiederherstellung des histor. Standpunktes für die Kritik des N. T. 1845, und Kirche in apostol. Zeit 1852.—Guericke: Neutestamentliche Isagogik, Leipzig. 1868.—Ebrard: Wissenschaftliche Kritik d. evangel. Geschichte. 1868.

ясняется предположеніемъ о возникновеніи ихъ изъ общаго устнаго источника,—твердаго типа Евангельской проповѣди. Этотъ типъ созданъ самими Апостолами. Они, по вознесеніи Господа, нѣсколько лѣтъ оставались въ Иерусалимѣ; въ это время въ собраніяхъ Апостоловъ исторія жизни Иисуса Христа и Его ученіе были общимъ и постояннымъ предметомъ ихъ одушевленныхъ разговоровъ. При этомъ каждый Апостоль сообщалъ свое воспоминаніе о дѣлахъ и рѣчахъ Господа,—одинъ помогая другому. Такъ постепенно возникло извѣстное количество разсказовъ, передающихъ въ значительной полнотѣ и порядкѣ жизнь Иисуса Христа,—устное Первоевангеліе. Эти разсказы, при частомъ повтореніи ихъ, даже и по выраженію твердо удерживали свою однажды принятую форму,—каждый въ отдѣльности и въ проповѣди Апостоловъ, когда они преподавали Евангеліе новообращеннымъ, изъ коихъ въ послѣдствіи весьма многіе сами должны были учить другихъ тому же, что говорили Апостолы. Опасность, чтобъ устное Евангеліе не было въ послѣдствіи искажено, дѣлала крайне необходимою ту потребность, чтобъ изложить оное письменно въ одномъ постоянномъ и опредѣленномъ видѣ (Лук. I, 1—4). Впрочемъ, соответственно разнымъ потребностямъ и цѣлямъ первоначальнаго христіанскаго общества, въ послѣдствіи явились нѣсколько различныя письменныя Евангелія, которыя были потомъ переведены съ разными видоизмѣненіями въ изложеніи разсказовъ и рѣчей съ языка Палестинскихъ іудеевъ, на которомъ было Первоевангеліе, т. е. съ арамейскаго или сиро-халдейскаго на греческій и другіе языки ¹⁹⁾.

¹⁹⁾ Нужно замѣтить, что ближе къ этой теоріи *устнаго Первоевангелія* стоятъ взгляды нашихъ отечественныхъ ученыхъ. Такъ въ 1861 г. архм. Феодоръ (Бухаревъ) на вопросъ: „почему въ нѣсколькихъ видахъ изображены законодательныя для Н. Зав. дѣла и ученіе Спасителя?“ отвѣчалъ: „Откровенія—словесныя и пись-

Теорія устнаго Первоевангелія противорѣчила смыслу и характеру гипотезы Лессинга, въ полномъ ей видѣ, и ближе стояла къ учению церкви о боговдохновенности Евангелистовъ, а главное къ подлинности Евангелій. Но, не смотря на свои преимущественныя совершенство, — что засвидѣтельствовала исторія рѣшеній даннаго вопроса, — она еще въ самомъ началѣ своего возникновенія и потомъ въ продолженіи своего развитія находила себѣ отрицаніе въ теоріи письменнаго Первоевангелія, основанной Лессингомъ и развитой его послѣдователями. Еще самъ основатель теоріи устнаго Первоевангелія — Гердеръ нашелъ критическій разборъ своего мнѣнія въ теоріи Эйхгорна (1804) ²⁰⁾. Впрочемъ, эти два взгляда не стоятъ въ существенномъ и радикальномъ противорѣчій другъ съ другомъ: въ исходномъ и главномъ пунктѣ они оба согласны съ Лессингомъ.

менныя — даются иначе, какъ подъ условіемъ приемлемости ихъ и потребности въ нихъ... Свойства дѣла Христова и нужды Его послѣдователей требовали именно того, чтобы не въ одномъ видѣ изображалъ служеніе Христова сами Апостолы... Потребны были случаи и поводы къ раскрытію той или другой стороны Христовой истины... Когда царство благодати предлагалось первоначально и съ такимъ усиліемъ Израилю, хотя съ доступностію и для стремящихся въ него язычниковъ: то была нужда и удобность обозрѣть и изобразить дѣло Христова главнымъ образомъ въ отношеніи къ Израилю... И вотъ — первое изъ Евангелій (отъ Маттея)“ т. и д. — „Изъ обстоятельствъ происхожденія Евангелія въ четырехъ видахъ удобно объясняются и самыя разности сихъ Евангелій, при единствѣ ихъ во всемъ существенномъ.“ Сходство обуславливается боговдохновенностію писателей. Архим. Феодоръ: о Н. Захвѣтѣ I. Хр. Слб. 1861, стр. 172—177. 184. — Въ послѣднее время въ нашей ученой литературѣ принятъ взглядъ Герике, одного изъ послѣдователей теоріи устнаго Евангелія (см. его кн. Введеніе въ новозав. кн. св. Писанія, въ р. пер. 1869, стр. 79—97), — именно Арх. Михайломъ, въ его сочиненіи: „О Евангеліяхъ и св. исторіи.“ изд. 2. Москва. 1870. Стр. 313—318.

20) Мысль объ одномъ общемъ письменномъ источникѣ синоптическихъ Евангелій и, что онъ былъ сиро-халдейскій, была прежде всѣхъ высказана Землеромъ (Anmerkung. zu Towson's Abhandl. üb. d. 4 Ev.), но несравненно большіимъ сочувствіемъ пользовалась теорія Эйхгорна — онъ и представитель ея.

По мнѣнію Эйхгорна ²¹⁾, каноническія Евангелія составлены на основаніи письменныхъ сказаній; но они явились довольно поздно, уже во второмъ вѣкѣ и даже въ концѣ его. Апостолы, посылая на проповѣдь своихъ учениковъ, кромѣ устныхъ, дали имъ въ руководство и письменныя наставленія — списки съ одного, ими составленнаго, Первоевангелія, въ которыхъ конечно излагалась не только учительная дѣятельность Христа, но и жизнь Его вообще вся; изложеніе было краткое и представляло письменный перечень самыхъ важныхъ событій. Списки съ этихъ краткихъ жизнеописаній во множествѣ расходились между христіанами и прежде, чѣмъ они дошли до составителей каноническихъ Евангелій, подверглись многимъ измѣненіямъ; иногда переписчикъ, при списываніи, прибавлялъ къ оригиналу то, что онъ зналъ изъ другихъ источниковъ, что видѣлъ въ другихъ спискахъ и что находилъ нужнымъ по собственнымъ соображеніямъ. Всѣ эти списки впоследствии послужили матеріаломъ для составленія подобныхъ, приведенныхъ въ порядокъ и расположенныхъ по плану, жизнеописаній Иисуса Христа или Евангелій. Въ первые два вѣка ихъ было много; но церковь, по тщательномъ изслѣдованіи, выбрала изъ нихъ и одобрила для общаго употребленія только четыре, которыя названы были именами учениковъ Христовыхъ. — Эта теорія особенно защищалась Бертольдомъ, а потомъ ее разработывали: Шлейермахеръ, отчасти сходно съ ними Вейссе и др. ²²⁾

21) Eichhorn: Allgem. Biblioth. der Biblisch. Literat. 1794. Bd. 5. St. 759 ff. Einleitung in das N. T. Tom. 1, St. 353 ff.

22) Bertholdt: Histor.—kritisch Einleitung in d. N. T. III. St. 1205. Schleiermacher: Kritisch—Versuch. über die Schriften des Lucas. 1817. Einleitung in's N. T. St. 217. Weisse: Die evang. Geschicht. krit. und

Теорія устнаго и письменнаго Перво-евангелія, вышедшія изъ гипотезы Лессинга, сами, въ свою очередь, являются въ исторіи вопроса какъ основныя и первоначальныя въ отношеніи къ другимъ.—Изъ гипотезы Гизелера, относящейся къ устному Первоевангелію, вышла теорія устнаго преданія, а въ связи съ мнѣніемъ Эйхгорна явилась теорія заимствованій. Эти двѣ производныя теоріи дѣйствительно уже содержались въ извѣстной мѣрѣ у Гизелера и Эйхгорна, какъ и ихъ собственныя мнѣнія основывались въ извѣстной мѣрѣ на гипотезахъ Гердера и Лессинга.

Гипотеза заимствованій разрабатывалась Шторромъ, Грисбахомъ, Фричемъ, Зиффертомъ, Гөреромъ, Блэкомъ, Гугомъ, Деличемъ, Вильке, какъ теорія²³⁾. Сущность ея состоитъ въ томъ, что одно какое-нибудь

philosoph. behandelt. 1838. Die evang. Frage in ihren gegenwärtigen Stadium. 1856.

23) Storr: Über den Zweck d. ev. Geschichte, 1788. De fonfibus evangel. Matth. e Lucae. 1794. Griesbach: Commentatio, quae Marci Evangelium totum e Matthaei et Lucae commentariis decerptum esse monstratur. 1789.—Siefert: Ursprung des ersten kanonischen Evangeliums. 1832.—Fritzsche: Introduct. ad Marcum. 1830. St. XXXV ff.—Gfrörer: Geschichte des Urchristenthums. II, 2 (heilige Sage). St. 212 ff.—Blenk: Einleitung, II, St. 243—257. Synopsis. 1, St. 4 ff. II, S. 122 ff. Delitzsch: Zeitschrift für lutherische Theologie und Kirche. 1850. S. 492. Neue Untersuchungen über Entstehung und Anlage der kanonischen Evangelien. 1853.—Hug: Einleitung in die Schriften des Neuen Testamentes. II. 1808. St. 51—164 ff. Wilke: Urevangelist oder Untersuchung üb. d. Verwandtschaftsverhältniss d. drei ersten Evangelien. 1838.

изъ трехъ синоптическихъ Евангелій или два признаются первоисточникомъ для составленія двухъ или одного изъ остальныхъ при помощи заимствованія.

Теорія преданія напротивъ признаетъ, что письменному Евангелію предшествовало устное преданіе, впоследствии, по требованію обстоятельствъ, записанное Евангелистами, отчасти въ зависимости другъ отъ друга. Эта теорія, имѣя свое основаніе въ гипотезѣ Гизелера, разрабатывалась впоследствии въ изслѣдованіяхъ Баура (1860) и Шwegлера, и др.²⁴⁾.

Но при этихъ двухъ теоріяхъ заимствованія и преданія существовала еще третья, средняя или примирительная (Vermittelungshypothese). Въ примирительно—посредствующемъ положеніи находятся воззрѣнія Де-Ветте, Креднера, Лахмана и отчасти Вейссе²⁵⁾.

24) Baur: Kritische Untersuchung über die Kanonisch. Evangelien. Tübing. 1847 f.—Schwegler: Theologische Jahrbücher. 1847. St. 235 ff. Nachapostolisches Zeitalter. 1846. B. 1.

По отношенію къ теоріямъ заимствованій и преданія должно замѣтить, что послѣдняя держится отчасти и первой, когда разсматриваетъ сходство и различія въ письменныхъ уже Евангеліяхъ: такъ, напр., у Баура и ученыхъ примирительнаго направленія (Эвальдъ). Тѣмъ не менѣе основной взглядъ на дѣло, напр. у Баура, таковъ: писатели нашихъ Евангелій не были ни просто собирателями или переписчиками, какъ ихъ считаютъ (Eichhorn), ни простыми писателями, которые отличаются другъ отъ друга только стилистическими свойствами своихъ сочиненій, но они были историки—писатели, которые съ определенной точки зрѣнія, указываемой имъ отношеніями времени, въ какое они жили, понимали и излагали Евангельское преданіе. Гарике: Введение въ Н.—3. кн. Св. Пис. стр. 96.

25) De-Wette: Einleitung in's N. T. 6. Aufl. Credner: De Evangelii Marci origine. 1831. Einleitung: in's N. T. 1836. St. 57 ff, особенно St. 196 ff. Lachmann: De ordine narrationum in Evangeliiis Synopticis: Studien und Kritiken. 1835. Weisse: Die Evangelische Geschichte, krit. und philosoph. behandelt. 1838. Die Evangel.

Къ этой же посредствующей теоріи примыкаютъ по исторической преемственности и по своему характеру и новѣйшія, особенно замѣчательныя, гипотезы или теоріи Г. Эвальда и Ю. Гольцмана. Въ этихъ теоріяхъ принимаются принципы теорій преданія и заимствованія; первый по преимуществу принадлежитъ Эвальду, второй по преимуществу же—Гольцману; но тотъ и другой вмѣстѣ примыкаютъ къ основной для нихъ теоріи устнаго Первсевангелія²⁶⁾.

Теоріи Эвальда и Гольцмана являются заключительными въ предшествующей имъ исторіи критики Еван-

Frage in ihren gegenwärtigen Stadium. 1856. И еще ранѣе: Schott: Isagoge. 1830 Neudersker: Lehrbuch der Einleitung. 1840; и др.

26) Судя по характеру теорій Эвальда и Гольцмана, некоторые изслѣдователи ставятъ ихъ въ связь и отношеніе съ теоріей Эйхгорна, какъ напр. Гэрике: Введ. въ Н. З. кн. Св. П. ч. 1. стр. 96—97. Но мнѣнія Гэрике не должно раздѣлять, потому что Эвальдъ и Гольцманъ, хотя различны отъ Баура съ его «тенденціозностію» въ Евангеліяхъ, но сходны съ нимъ по принципамъ; а Баура Гэрике не причисляетъ къ школѣ Эйхгорна (стр. 82). По словамъ самого Гэрике, характеристическая черта Эйхгорна та, что три Евангелиста пользовались однимъ письменнымъ Первевангеліемъ, которое составили сами Апостолы (стр. 87); а у Эвальда, напр., та, что письменному Евангелію предшествовало устное, какъ матерія вполнѣдствіи различныхъ и разнымъ лицамъ принадлежащихъ, письменныхъ Ев. трудовъ (Jahrb. 1848. S: 116).

Примѣч. Волѣе подробный историческій очеркъ теорій, нѣтъ группированіе, оцѣнка—съ некоторыми отячченіями находится въ сочиненіяхъ: Holtzman'a: d. Synoptischen Evangelien. 1863; съ небольшими пополненіемъ у Bunsen'a: Bibelurk. d. B. N. T. 1866.—Ebrard'a Wissenschaftl. Krit. d. Ev. Geschichte. 1868. Mayer'a,—въ Zeitschr. f. Theol. 1848. B. 20. S: 3—41. Гэрике: Введеніи въ Н.—Зав. книги Св. Писанія; р. пер. 1869 г. стр. 76—97.

A. W. Meyer's: Kritisch.—exegetisches Kommentar üb. d. Evangel. d. Matth. Gött. 1864. Einleitung St. 24 ff.

Школка: Апологетическія бесѣды о лицѣ Иисуса Христа. Р. пер. Сл.б. 1870 г. стр. 62—88.—Всѣми, здѣсь означенными, сочиненіями мы пользовались при изложеніи историческаго очерка развитія теорій, рѣшающихъ нашъ вопросъ.

гельскихъ писаній; а потому уже можно судить о ихъ сравнительномъ совершенствѣ и важности.—Но чтобъ понять все достоинство и важность этихъ, послѣднихъ въ своей исторіи и замѣчательнѣйшихъ въ ученomъ отношеніи, теорій, нужно имѣть въ виду величайшую важность самого вопроса, который можетъ и долженъ рѣшаться и разрѣшиться при научныхъ изслѣдованіяхъ съ помощію теоріи только устнаго Первевангелія, какъ сравнительно болѣе простой и прочной; потому что теорія письменнаго Первевангелія уже обнаружила въ историческомъ ея развитіи большіе и рѣшительные недостатки. Сравнительно болѣе достойна вниманія и критическаго разбора, какъ болѣе совершенная, теорія устнаго Первевангелія, въ томъ ея видѣ, какъ она наконецъ, со стороны отрицательной критики, представляется у Эвальда и Гольцмана.

Въ чемъ же состоитъ важность самаго вопроса о первоисточникахъ или взаимномъ отношеніи синоптиковъ и—соотвѣтственно тому—важность новѣйшихъ теорій?—

Вопросъ о взаимномъ отношеніи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій возбуждалъ и возбуждаетъ тщательное изслѣдованіе ученыхъ съ цѣлію основательно и вѣрно выяснитъ причины сходства и различія, указать источникъ (устный или письменный) оныхъ. Отъ такого или иного рѣшенія этого вопроса зависитъ авторитетъ Евангелій, какъ подлинно-историческихъ и непосредственно-Апостольскихъ писаній; а такой авторитетъ ихъ есть основаніе всей библейской науки и христіанской религіи; такъ какъ каноническое Четвероевангеліе есть равно-основный источникъ и для той, и для другой. Такъ понимаетъ это и церковь; такъ объ этомъ судить, съ своей точки зрѣнія, и отрицательная критика.

Но церковная древность, обращая вниманіе на взаимныя отношенія синоптиковъ, должна была находить предметное и буквальное ихъ согласіе дѣломъ понятнымъ и рѣшеннымъ въ своемъ ученіи о боговдохновен-

ности св. Писанія вообще; только разности Евангелій обращали на себя особое вниманіе Отцовъ Церкви и очень рано подали имъ поводъ писать соглашенія и примиренія, непрерывныя сопоставленія и совокупныя обзорнія всѣхъ четырехъ Евангелій²⁷⁾. А съ теченіемъ времени (у бл. Августина) и съ развитіемъ библейской науки на Западѣ потребовалось точнѣе опредѣлить взаимное сходство и различіе синоптическихъ Евангелій и открыть въ такомъ отношеніи ихъ постоянный законъ или опредѣленное правило, чтобъ такъ рѣшить вопросъ удовлетворительно въ научномъ смыслѣ, и тѣмъ болѣе тогда, когда самое ученіе о боговдохновенности св. Писанія поставлено было и съ тѣхъ поръ стало на научную почву, когда оно подвергалось аналитическому разбору критики системъ христіанскаго вѣроученія.

27) Такъ св. *Епифаній* Кипр. говоритъ: «Матѳей еврейскими письменами пишетъ и возбѣщаетъ Евангеліе, и начинаетъ не съ того, что составляетъ начало Евангелія, но излагаетъ родословіе отъ Авраама (Мат. I, 2 и д.).—Гдѣ же событие съ Захаріею? Гдѣ то, что изложено Лукою? Гдѣ видѣніе Ангела? Гдѣ пророчество объ Іоаннѣ Крестителѣ?... Посему что скажемъ? Поелику Матѳей не возбѣстилъ того, о чемъ сказалъ Лука: то ужели святой Матѳей не согласенъ съ истинною? А также ужели не истину говоритъ святой Лука, сказавъ о томъ, что было прежде изложеннаго Матѳеемъ? Не каждому ли раздѣлилъ Богъ такъ, чтобы, долженствовавшіе проповѣдать, четыре Евангелиста нашли, что каждому изъ нихъ сдѣлать, и одно проповѣдали согласно и одинаково, въ показаніе того, что черпаютъ изъ одного и того же источника, а другое, оставленное каждому въ отдѣльности, повѣствоваль одинъ, кто получилъ отъ Духа соотвѣтствующую часть?» Творенія св. Епиф. Кипр. ч. II. Ерес. 51, гл. 5—6. Рус. пер. Москва. 1864. Стр. 344—346, и вообще 337—417.—Св. Іоаннъ *Златоустый*: «Ужели одинъ Евангелистъ не могъ написать всего, что нужно? Конечно могъ: но когда писали четверо, писали не въ одно и тоже время, не въ одномъ и томъ же мѣстѣ, не сносаясь и не стовариваясь между собою, и при всемъ томъ писали такъ, что все какъ будто одними устами произнесено; то это служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ истины... Если же касательно чудесъ не всѣ все сказали, но иной то, а другой другое, то сіе не должно возмущать. Ибо если бы кто нибудь одинъ сказалъ все, то прочіе писатели были бы лишни. А если бы каждый изъ нихъ написалъ различное и новое противъ другихъ, то тогда нельзя было бы видѣть между ними согласія. Посему они хотя много говорили общаго, но каждый изъ нихъ выбиралъ для себя и особое, дабы съ одной стороны не нашлось чего либо лишняго и брошеннаго безъ цѣли, а съ другой—очевидны были точныя доказательства истины повѣствованія». Бесѣда 1 на Ев. Матѳея, гл. 2. Русск. пер. ч. 1. Москва. 1839. стр. 5—7.—Еще см. *Opera omnia Athanasii Alexandri: Synopsis evangelistarum* Tom. sec. Ed. Coloniae. 1686. Pag. 121 et c.

Стремленіе къ научному рѣшенію вопроса о сходствѣ и различіи синоптиковъ создало обширную литературу теорій отрицательной критики и строго-церковной апологетики. Предъ взоромъ отрицательныхъ критиковъ сходства синоптиковъ являлись очевиднымъ доказательствомъ того, что „писатели составляли ихъ мозаически (Гольцманъ)“, что синоптики явно расположены по известному порядку въ зависимости отъ главнаго повѣствовательнаго образца, что о самостоятельности Евангелистовъ (будто бы) нельзя болѣе и думать. Это—съ одной стороны. Съ другой—разности Евангелій представлялись видимыми, а для нѣкоторыхъ изслѣдователей и дѣйствительными противорѣчіями. Такъ, противорѣчіе видѣли и видятъ, напр. въ томъ, что ев. Лука повѣствуетъ о явленіяхъ воскреснаго Спасителя только въ Іудеѣ, а ев. Матѳей—только въ Галилеѣ; или: одно Евангеліе заключаетъ въ себѣ такія составныя части, которыхъ въ другихъ вовсе нѣтъ. Такъ, сообщаемое ев. Маркомъ изъ рѣчей Спасителя въ сравненіи съ Евангеліями отъ Матѳея и отъ Луки есть какъ бы самый скудный выборъ изъ нихъ; или: ев. Лука излагаетъ цѣлый рядъ важныхъ рѣчей, каковы притчи о блудномъ сынѣ (Лук. XV, 11—32), о сострадательномъ самарянѣ (Лук. X, 30—37), и др., изъ коихъ оба первые Евангелиста не сообщаютъ ничего такого²⁸⁾.—По-

28) Такъ, напр. *Holtzmann* право говоритъ: *Oft in denselben Stellen, die auf eine gegenseitige Berührung und Wechselwirkung der einzelnen Evangelien schlissen lassen, sich wieder auffallende Verschiebenheiten darbieten, welche häufig sich bis zu scheinbaren oder wirklichen Widersprüchen steigern. So erzählt Lucas beispielshalber von Erscheinungen des Auferstandenen bloß in Judäa, Matthäus bloß in Galiläa u. s. w.* Cf. *Die Synoptischen Evangelien*. 1863: St. 13. Cp. *Bruno Bauer: Kritik der Evangelien*.

добныя разности, какъ противорѣчія по мнѣнію отрицательной критики, логически послѣдовательно были приняты ею какъ доказательства неподлинности и основанія недостоверности Евангелій. А отсюда прямо слѣдуетъ рѣшительное слово о неосновательности христіанской богословской науки въ ея источникѣ, о мистическомъ, мистическомъ или философско-теологическомъ, а не дѣйствительно—историческомъ и боговдохновенномъ характерѣ самой религіи христіанской и письменности Евангельской; а вмѣстѣ съ тѣмъ—и рѣшительный выводъ относительно общественной религіозно-нравственной христіанской дѣятельности и жизни. И если такое слово, подобное слѣдствіе въ строгомъ смыслѣ важно во всякое время исторіи христіанства, то въ настоящее—по преимуществу и особенно для нашей русской истинно-православной богословской науки. Въ настоящее, новое время, болѣе и болѣе „стараясь подорвать въ основаніи высокое знаніе и поколебать великое зданіе христіанской религіи и нравственности“, чтобъ на ихъ мѣстѣ поставить универсальную систему эмпирическихъ знаній и „воздушный замокъ идеально-соціальной гуманности“, какъ высшія формы, а вмѣстѣ съ ними и нормы сознанія и жизни новыхъ, настоящихъ и будущихъ, поколѣній человѣчества²⁹⁾. Для достиженія цѣли такихъ стремленій съ болѣшимъ и вѣрнѣйшимъ успѣхомъ стараются разрушить главное основаніе вѣры и церкви Христовой—авторитетъ главнаго историческаго документа новозавѣтнаго откровенія—Божіе слово, вѣчное Евангеліе. Къ этой цѣли иногда прямо и открыто были направлены; болѣе или менѣе сознательно и научно, различныя теоріи отрицательной критики Ев. писаній, хотя съ ближайшимъ и

Synoptiker. Leipz. 1841. 2 B. d. Kritik. der Evangelien und Geschichte ihres Ursprung. Berlin. 1850; и т. п.

29) Ср. Шикота: о Лицѣ Иисуса Христа. С. Петерб. 1870. стр. 61—62.

непосредственнымъ намѣреніемъ изъяснить взаимное отношеніе синоптиковъ. И уже первая изъ такихъ теорій—Лессингова носила заглавіе „о Евангелистахъ, какъ человѣческихъ писателяхъ“. Но это и тому подобное служитъ только намекомъ на то, къ чему послужили впоследствии всѣ подобныя гипотезы и теоріи. Они болѣею частію послужили къ тому, что во мнѣніи многихъ, даже ученыхъ людей, ослабили авторитетъ Евангелія, подвергли сомнѣнію его подлинность, болѣе и болѣе возбуждали вопросы касательно его достоверности и боговдохновенности; такъ что послѣдняя по времени и важности теорія Гольцмана открыто объявила, что о самостоятельности первыхъ трехъ каноническихъ Евангелистовъ не можетъ быть и рѣчи...³⁰⁾. Подобнымъ результатомъ была бы рѣшительно достигнута цѣль антихристіанскихъ стремленій, если бы направленіе собственно-отрицательной критики было чуждо самоотрицанія и весьма многихъ существенныхъ недостатковъ, если бы оно не находило противодѣйствія себѣ въ апологетикѣ христіанства вообще и Евангелія въ частности, если бы первоначальнымъ же отрицательнымъ теоріямъ не противопоставлено было противоусиліе послѣдующихъ теорій строго-церковной антикритики, чѣмъ выяснились существенные недостатки оныхъ.

Развитіе отрицательной критики представляетъ процессъ смѣны однихъ гипотезъ и теорій другими; а это обуславливается характеромъ и недостаточностію предшествующихъ въ отношеніи къ послѣдующимъ. Вслѣдствіе этого и такого развитія отрицательной критики, въ настоящее время выработаны ею теоріи съ болѣе благоприятнымъ однако, для правильнаго рѣшенія вопроса, характеромъ,—въ духѣ преданія и самого Св. Писанія, хотя—отчасти. Это—теоріи съ характеромъ устнаго

30) Ср. папр. Holtzmann'a: Synopt. Evang. St. 65—67.

Первоевангелія, именно и преимущественно теории Эвальда и Гольцмана. Ихъ теории тоже недостаточны, но они явились какъ самый послѣдній результатъ всего развитія исторической отрицательной критики Евангелій и представляются сравнительно болѣе совершенными: ихъ появленіе обусловлено сознаниемъ недостаточности теории письменнаго Первоевангелія и всѣхъ ея видоизмѣненій.

Сравнительное достоинство теорій Эвальда и Гольцмана опредѣляетъ ихъ важность: оно принадлежитъ имъ въ настоящее время какъ послѣднимъ и совершеннѣйшимъ въ обширной исторіи главной ихъ задачи и какъ теоріямъ именно устнаго Первоевангелія—теоріи основной и единственно-правильной въ своемъ родѣ—по основному принципу и характеру. Теоріи Эвальда и Гольцмана суть частныя самостоятельныя формы общей для нихъ теоріи устнаго Первоевангелія, а эта теорія въ разнообразныхъ своихъ видоизмѣненіяхъ менѣе недостаточна, чѣмъ теорія письменнаго Первоевангелія.

Недостатки теории письменнаго Первоевангелія, какъ они выработаны и обнаружены въ литературѣ Евангельской исторической критики, очень значительны и при томъ многочисленны; а главные изъ нихъ таковы, что заставляютъ оставить эту теорію навсегда. Она чѣмъ болѣе развивалась и раскрывалась, тѣмъ болѣе представляла недостатковъ.—„Важнѣйшимъ слѣдствіемъ попытки этой теоріи—объяснить происхожденіе и отношеніе между собою первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій было то, что составленіе Евангелій незамѣтнымъ образомъ отнесено было къ такому времени и оказалось дѣломъ столь второстепеннымъ, что нельзя было и думать болѣе о ихъ писателяхъ, какъ Апостолахъ или даже только о сотрудиникахъ Апостольскихъ. Еще Эйхгорнъ участіе ев. Матѳея въ первомъ, а ев. Марка и Луки во второмъ и третьемъ Евангеліяхъ—что онъ еще не могъ совершенно отвергнуть—довелъ до весьма незначи-

тельной степени; а Шлейермахеръ употреблялъ названія: „Евангеліе Матѳея, Марка, Луки“ только по нѣкоторой уступчивости, какъ обычныхъ названій, не смотря на то, было-ли близкое или далекое участіе этихъ „мужей“ въ приписываемыхъ имъ Евангеліяхъ, или не было вовсе никакого ³¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ очевидно, какъ съ каждымъ новымъ видоизмѣненіемъ и съ послѣдующей инстанціей развитія Евангельской письменности,—съ каждою вновь замѣченной стороною въ столь разнообразныхъ отношеніяхъ Евангелій оказывалась необходимость въ новой и новой вспомогательной гипотезѣ ³²⁾. Вся теорія становилась болѣе и болѣе запутанною и искусственною, а вмѣстѣ съ тѣмъ приходила въ наиболѣе рѣзкое противорѣчіе съ духомъ и характеромъ того времени, когда происходили Евангелія ³³⁾. „При этой теоріи, говоритъ Шлейермахеръ, должно представлять нашихъ простыхъ Евангелистовъ обложенными четырьмя, пятью

31) Слова Штрауса, у Шиколла, стр. 70—71.

32) Вотъ генеалогія Евангелій по теории письменнаго Urevangelium' a: 1,—арамейское Urevangelium 2.—рецензія A=основоположеніе Мо. 3,—рецензія B=основоположеніе Луки; 4,—рецензія C=(A+B)=основоположеніе Мр. 5.—особенное писаніе D, коимъ пользовались Мо. и Лук.—Это и такъ было у самого Эйхгорна. Далѣе, у Marsh'a: 1,—арамейское Urevangelium 2,—греческій переводъ его; 3,—списокъ Ur-шрифта съ прибавками — X; 4.—списокъ съ иными прибавками—Z; 5,—списокъ съ присоединеніемъ: X+Z=A=основоположеніе Марка; 6,—особенно-расширенное X=B=основоположеніе Мо. 7,—особенно-расширенное Z=C=основоположеніе Луки; 8,—дополненное арамейское писаніе, употреблявшееся Мо. и Лук. Послѣ этихъ явилась еще quasi—наисовершеннѣйшая и громаднѣйшая генеалогія, помѣщенная въ Zeitschrift für Theol.—Mayer'a,—S: 11, 13—14. Вотъ она: 1,—арамейское Urevangelium; 2,—греческ. переводъ его; 3,—рецензія Urev.—A; 4,—греч. переводъ съ A=AA; 5,—B; 6,—C; 7,—D; 8,—Dd; 9,—E; 10,—F; 11,—C+AA; 12,—E+AA+Dd; 13,—F+Dd.

33) Слова Штрауса—у Шиколла. Стр. 67.

или шестью раскрытыми свитками и книгами, и притомъ на разныхъ языкахъ и попеременно смотрящими на оныя и списывающими то съ одного, то съ другаго; а это переносить насъ скорѣе въ нѣмецкую литературную фабрикацію XIX столѣтія, нежели въ первоначальное время христіанства“³⁴⁾. Еще Гердеръ былъ принужденъ оставить предположенія Эйхгорна, представляя себѣ всю неимовѣрную странность такой письменности, какая должна быть въ Апостольскій вѣкъ по теоріи Эйхгорна, и лучше рѣшился присоединиться къ соображеніямъ Лессинга. И если допустить подобный способъ развитія евангельской письменности, то онъ, очевидно, прямо унижаетъ авторитетъ и умаляетъ достовѣрность Евангельскихъ каноническихъ писаній. По мнѣнію самого Эйхгорна, только первоначальныя краткія жизнеописанія были настоящими подлинными исторіями дѣйствительно происходившихъ событій; а послѣдующія сочиненія, составленныя на основаніи ихъ, слѣдовательно и каноническія Евангелія, содержатъ много произвольныхъ прибавокъ и сказаній сомнительныхъ. „Хотя Эйхгорнъ и считалъ возможнымъ на основаніи каноническихъ Евангелій возстановить первоначальныя жизнеописанія, составленныя Апостолами и заключавшія въ себѣ несомнѣнную и подлинную исторію Иисуса Христа, но способъ, употребленный имъ для этого, былъ чрезвычайно произволенъ. Если что нибудь въ Евангельскихъ сказаніяхъ не соответствовало собственнымъ воззрѣніямъ и убѣжденіямъ Эйхгорна, то онъ говорилъ, что этого небыло въ первоначальныхъ жизнеописаніяхъ Иисуса, а прибавлено впослѣдствіи. Напримѣръ, онъ не вѣрилъ чудесамъ, по этому и утверждалъ, что сказаній о чудесахъ вовсе не было въ дѣйствительно-апостольскихъ Евангеліяхъ, что они были прибавлены къ тѣмъ послѣ,—приспособительно къ ограниченному поня-

34) У Шикопца, — стр. 67.

тіемъ людей, склонныхъ вѣрить въ чудеса.“ Если такъ думалъ самъ Эйхгорнъ, то его послѣдователи, развившіе теорію письменнаго Первоевангелія до послѣднихъ крайностей, имѣли основаніе думать о Евангеліяхъ еще несправедливѣе.—Такимъ образомъ, по мнѣнію Эйхгорна и его послѣдователей, выходитъ, что наши каноническія Евангелія неподлинны и, хотя они произошли независимо одно отъ другаго, но разности, встрѣчающіяся въ нихъ, объясняются только тѣмъ, что составители Евангелій руководствовались различными списками первоначальныхъ Евангельскихъ сказаній. Въ такомъ смыслѣ эта теорія, кромѣ противорѣчія ея общему церковному преданію о подлинности нашихъ каноническихъ Евангелій, главнымъ образомъ совершенно-произвольна и крайне искусственна: ибо безъ достаточныхъ основаній принимаетъ много разнообразныхъ первоначальныхъ (при Ur-schrift'в) Евангельскихъ писаній и много ихъ переработокъ. Тотъ же существенный недостатокъ теоріи письменнаго Первоевангелія—неограниченный произволь—видѣнъ и во всѣхъ видоизмѣненіяхъ мнѣнія Эйхгорна у его послѣдователей. Произволь теоріи письменнаго Первоевангелія опредѣленно и особенно замѣчается въ томъ, что она, рѣшая историческій вопросъ, сама, однако, не имѣетъ историческаго характера,—въ томъ смыслѣ, что необъясняетъ существующихъ историческихъ свидѣтельствъ и нѣкоторыхъ, ей противорѣчащихъ, фактовъ и за себя не выставляетъ подобныхъ.—Каноническія Евангелія должны были имѣть общимъ и основнымъ стволomъ своего построения и развитія письменное Первоевангеліе, а при этомъ они должны были-бы заключать въ себѣ все главное содержаніе Апостольской проповѣди, изложенной въ письменномъ Первоевангеліи, какъ „руководствѣ.“ А потому они должны были-бы заключать въ себѣ и такія важныя пророческія мѣста, указанныя въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, какъ напр.: Псал. XV, 8—11,—что приводитъ Ап. Петръ въ своей рѣчи въ Іерусалимѣ на праздникѣ

Пятидесятницы и относить къ воскресенію Иисуса Христа (Дѣян. II, 28), въ чемъ ему слѣдуетъ и Апостоль Павелъ (Дѣян. XIII, 35); или мѣсто изъ пророка Амоса (IX, 11), гдѣ Апостоль Іаковъ находитъ предсказаніе о мессіанской проповѣди у язычниковъ и принятіи ихъ въ мессіанское царство (Дѣян. XV, 15—17); должны были потому именно, что Первоевангеліе составлено было (какъ предполагается теорія) въ качествѣ руководства для Апостоловъ при ихъ проповѣди. Между тѣмъ въ синоптическихъ Евангеліяхъ нѣтъ такихъ важныхъ Апостольскихъ доказательствъ изъ ветхозавѣтнаго Св. Писанія, какія находятся, однако, въ Апостольской проповѣди, по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ. Этотъ фактъ прямо и сильно говорить противъ существованія письменнаго Первоевангелія въ то время,—тѣмъ болѣе, что изъ Апостольскихъ посланій свящ. канона не сдѣлано никакихъ употребленій въ каноническихъ Евангеліяхъ, хотя имъ-бы, какъ явившимся, по теоріи, ранѣе этихъ произведеній, слѣдовало быть во вниманіи Евангелистовъ, подобно многимъ другимъ спискамъ и переводамъ, конечно, менѣе авторитетныхъ авторовъ; между тѣмъ этого-то нигдѣ и не видно. Не только въ каноническихъ книгахъ, но и нигдѣ въ новозавѣтной священной письменности не встрѣчается ни одного слѣда отъ такого официальнаго писанія, какъ Первоевангеліе Эйхгорна; между тѣмъ было побужденіе, чтобъ дать о немъ знать и въ тѣхъ письменныхъ произведеніяхъ Апостольскихъ, кои дошли до насъ. Ап. Варнава, напримѣръ, посылается въ Антиохію для того, чтобъ утвердить въ вѣрѣ новообращенныхъ христіанъ и просвѣтить ихъ ученіемъ Христовымъ, но о письменномъ документѣ или Первоевангеліи въ этотъ разъ ничего не сказано (Дѣян. XI, 22—27). Даже при первомъ посланіи Ап. Павла и Варнавы къ язычникамъ (Дѣян. XIII, 1 и сл.) сказано только: „тогда они (Апостолы), совершивъ постъ и молитву, и возложивъ на нихъ, т. е. на Варнаву и Павла, руки, отпустили ихъ;“ а о письменномъ Первоеван-

геліи ничего не говорится. При путешествіи Ап. Варнавы и Марка въ Кипръ (Дѣян. XV, 39 и дал.) опять ничего не упоминается о письменномъ Первоевангеліи. Въ посланіяхъ Апостольскихъ, особенно въ пастырскихъ посланіяхъ Ап. Павла къ Титу и Тимоѳею, также ничего не говорится о письменномъ официальномъ Евангеліи и тому подобномъ ³⁵). Евангелистъ Лука, указывая въ предисловіи къ своему Евангелію на многихъ лицъ, начавшихъ составлять повѣствованія о Христѣ, ничего не говоритъ о самомъ замѣчательномъ источникѣ, для всѣхъ основнымъ, какъ Первоевангеліе (Лук. I, 1—4). Скорѣе можно указать факты, отрицающіе существованіе письменнаго Первоевангелія. Такъ Ап. Павелъ, говоря объ установленіи таинства евхаристіи (1 Кор. XI, 20 и д.), прямо исключаетъ для себя самого письменный источникъ свѣдѣній объ оной: *εγω γαρ παρελάβων απο του Κυριου, ο και παρεδωκα υμιν, οτι ο Κυριος... ελαυν αρτον* (ст. 23; ср. Гал. I и II)... и постоянно ссылается только на устное Евангеліе (какъ напр. 2 Тим. II, 2 и д.: ср. Римл. X, 14—17; 2 Тим. I, 1—2 ср.; Евр. II, 1—4. Гал. III, 2—5). Евангелистъ Лука также прямо ссылается на преданіе, говоря: *καθως παρεδωσαν ημιν οι απ αρχης αυτοπται και υπηρεται γενομενοι του λογου* (1, 2). Еще опредѣленнѣе говорить относительно этого Ап. и Ев. Іоаннъ: *ο ην απ αρχης, ο ακηχοαμεν, ο εωρακαμεν τοις οφθαλμοις ημων, ο εθεασαμεθα και αι χειρες ημων εφηλαφησαν περι του λογου της ζωης ...ο εωρακαμεν και ακηχοαμεν, απαγγελομεν υμιν...και ταυτα γραφομεν υμιν...και αυτη εστιν η αγγελια...* (1 Соб. Іоан. I, 1—5).—Итакъ, въ Апостольскихъ Посланіяхъ, Дѣяніяхъ и Евангеліяхъ не только нѣтъ упоминанія о пись-

35) Ибо въ 2 Тим. IV, 13: *φερε και τα βιβλια, μαλλιστα τας μεμβραντας*—нельзя разумѣть Евангеліе, но—только св. книги В. Зав. (*τα βιβλια*). А упоминаніе относительно «наученія» Тимоѳея Ап. Павломъ прямо устраняетъ предположеніе о письменномъ Первоевангеліи.

менномъ руководствепномъ Евангеліи, а есть, напротивъ, прямое отрицаніе существованія его и оно особенно важно въ виду до невѣроятности обширной генерации, разнообразія и разнохарактерности Евангельскихъ писаний—по теоріи письменнаго Первоевангелія. Такой обширной и разнообразной письменности, какъ она предполагалась Эйхгорномъ и его послѣдователями и въ такомъ родѣ между іудеями въ раннее время Апостольскаго періода, не могло быть³⁶).— Но если бы письменное Первоевангеліе тогда существовало и въ столь многочисленныхъ рецензіяхъ, составленныхъ разными лицами и во многихъ мѣстахъ; то не могла бы быть совершенная утрата всѣхъ его экземпляровъ: этого не могло быть съ нимъ, какъ съ документомъ официальнымъ, въ самой высшей степени авторитетнымъ и исключительно—главнымъ въ Апостольское и еще болѣе въ послѣдующее время. Но о немъ не осталось даже и воспоминанія ни въ одномъ округѣ всей вселенской церкви. О немъ ничего не говорятъ Отцы церкви: Папій, Іустинъ, Иринеи, а главное—тщательный изслѣдователь текста Св. книгъ Ори-

36) Это очень вѣроятно и независимо отъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Св. Писанія Нов. Зав.,—потому что самое важнѣйшее достояніе іудейской мысли—*преданія старцевъ* въ своей громадной массѣ оставалось въ устахъ учителей народа; ибо Талмудъ составилъ уже спустя много времени послѣ проповѣди Апостоловъ (въ 237 г.—Мишна). Изъ новѣйшихъ изслѣдователей, напр., Эвальдъ жалуется на то, что очень мало осталось литературныхъ памятниковъ о жизни Иисуса Христа: *da müssen wir allerdings zunächst bedauern dass wir von nichtchristlicher Seite fast gar keine genug frühzeitige und zuverlässige Nachrichten über Leben, Wirken und Schicksale Christus besitzen* (Gesch. Christ. S: 119). А почему же послѣ этого можно думать, что существовала громадная собственно Евангельская письменность?—Если и говорить Лука: *πολλοι επεχειρησαν αναταξασθαι διηγησιν* (1, 1); то нужно замѣтить, что эти записи могли существовать предъ разрушеніемъ Іерусалима; а потомъ—какъ много было ихъ? было-ли между ними Первоевангеліе?—неизвѣстно. Ср. объ этомъ *Jahrb.* 1850—51, S: 140—146. *Гэрике*. Введ. въ Н.З. кн. Св. Пис. ч. 1, стр. 136—137.

генъ и усерднѣйшій библиологъ и историкъ Евсевій Кесарійскій. Не только отцы церкви не упоминаютъ о письменномъ Первоевангеліи, но даже и еретики не упрекаютъ ихъ съ своей стороны въ потерѣ или искаженіи этого основнаго и священнѣйшаго писанія со стороны православныхъ. Существуютъ многочисленныя свидѣтельства въ Отческой литературѣ относительно Евангелій; но со всѣми ими, даже древнѣйшими, опредѣленнѣйшими и авторитетными нисколько не согласна теорія письменнаго Первоевангелія, потому что они свидѣлствуютъ только о происхожденіи нашихъ каноническихъ Евангелій непосредственно отъ Апостоловъ или ближайшихъ учениковъ и сотрудниковъ Апостольскихъ³⁷).— Эта историческая неизвѣстность Эйхгорнова Первоевангелія противорѣчитъ и его цѣли. Если признать его существованіе дѣйствительно историческимъ съ цѣлю, указанной Эйхгорномъ; то по самой этой цѣли оно никакъ не должно было измѣняться въ своемъ составѣ и никѣмъ даже изъ двѣнадцати Апостоловъ: оно могло только переводиться на разные языки; а вмѣстѣ съ тѣмъ, по своей цѣли, Первоевангеліе должно было бы остаться на всѣ времена основнымъ неизмѣннымъ письменнымъ документомъ и священно-авторитетнымъ руководствомъ, а въ Отческой литературѣ были бы безчисленныя указанія на него. Но ни его самага, ни упоминанія о немъ нѣтъ, какъ и не было во вселенской церкви³⁸).—Наконецъ, эта историческая неизвѣстность о существованіи письменнаго Первоевангелія переходитъ въ рѣшительное отрицаніе онаго по смыслу самой его цѣли. Теорія, основанная Эйхгорномъ и развитая его послѣдователями, принимаетъ, съ одной стороны, самое древнѣйшее письменное Евангеліе для того, чтобы ученіе и жизнь Иисуса Христа были въ немъ,

37) Напр. *Папій*, еп. Гераспольскій, у Евсевія: Ц. И. III, 39. *Иринеи*: Прот. ер. III, 11. 8. *Евсевій*: Ц. Ист. XI, 16; и мн. др.

38) Ср. отчасти *Гэрике*: Введ. въ Н.—З. кн. Св. Пис. стр. 87—89 и дал.

какъ въ скрижали завѣта, неизмѣнны, неприкосновенны; а съ другой допускаетъ какъ равно—непремѣнное и историческое явленіе, что эта, по идеѣ неизмѣнная, скрижаль должна была пройти множество переработокъ, различно-измѣненныхъ рецензій, дополненныхъ или сокращенныхъ переводовъ. Логическое противорѣчіе здѣсь очевидно. Должно признать: или Первоевангеліе существовало для того, чтобы не видоизмѣнялось Евангеліе, или существовали Евангелія въ многоразличныхъ рецензіяхъ потому, что Первоевангелія не существовало. Историческая неизвѣстность того и другаго даетъ возможность и право признать рѣшительнымъ это противорѣчіе въ теоріи Эйхгорна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самую теорію не имѣющую научнаго значенія.—Такъ, желая объяснить взаимное отношеніе синоптиковъ, теорія, основанная Эйхгорномъ, представляетъ никакъ непримиримое противорѣчіе самой цѣли Первоевангелія съ предполагаемымъ непремѣннымъ существованіемъ многоразличныхъ его видоизмѣненій; а потому она отрицаетъ сама себя. Противорѣчіе и самоотрицаніе, какъ существенный и рѣшительный недостатокъ теоріи письменнаго Первоевангелія, побуждаетъ признать ее неудовлетворительною навсегда,—тѣмъ болѣе, что такое признаніе основывается и на всей исторіи ея развитія. Чѣмъ болѣе развивалась и усовершенствовалась теорія Эйхгорна, тѣмъ болѣе и сильнѣе выяснялась, опредѣлялась и увеличивалась рѣшительная недостаточность ея³⁹⁾. И эта недостаточность такъ ясна и опредѣленна, что можетъ служить мѣрою неправильности и недостаточности другихъ теорій: большее или меньшее сходство и относительно значительная связь всякой данной теоріи съ теоріей письменнаго Первоевангелія служатъ ручательствомъ боль-

39) Недостаточность теоріи Эйхгорна мы называемъ *рѣшительною*, потому что она рѣшила участь этой теоріи въ исторіи вопроса: мысль объ одномъ первоначальномъ письменномъ источникѣ Евангелія, какъ Первоевангеліе Эйхгорна, теперь всѣми изслѣдователями вопроса о взаимномъ отношеніи Евангелій отъ Маттея, Марка и Луки уже оставлена.

шей или меньшей неправильности и недостаточности оной. Такъ—это и относительно теорій устнаго Первоевангелія, насколько и какъ они сближаются съ тою.

Теоріи устнаго Первоевангелія, по своимъ принципамъ и характеру несравненно лучшія теорій перваго рода, остаются послѣ этихъ единственными, которыя имѣютъ возможность рѣшить важный историческій вопросъ о взаимномъ отношеніи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій. Но и этого рода теоріи въ своихъ разновидностяхъ, смотря по близости, связи и сходству ихъ съ теоріей письменнаго Первоевангелія, могутъ быть и дѣйствительно неодинаково важны и въ разной мѣрѣ вѣрны. Менѣе вѣрными представляются собственно теоріи заимствованій, какъ стоящія по своему характеру ближе къ теоріи разныхъ рецензій письменнаго Первоевангелія, а болѣе вѣрными—теоріи преданія, какъ стоящія въ обратномъ отношеніи къ той; правильно развитыя въ видѣ научныхъ теорій преданія и отчасти заимствованія, эти теоріи, очевидно, должны быть вѣрнѣе, если они держатся только преданія, какъ непосредственнаго источника нашихъ каноническихъ Евангелій, и менѣе вѣрны, если принимаютъ за дѣйствительный фактъ заимствованіе.

Теоріями, совмѣщающими въ себѣ два вида втораго рода (устнаго Первоевангелія), т. е. теоріями примирительными, имѣющими въ послѣднее время наибольшее значеніе и достоинство при своемъ собственномъ совершенствѣ, могутъ и должны быть признаны теорія Эвальда и, какъ нѣкоторое видоизмѣненіе ея съ цѣлью усовершенствованія—въ смыслѣ упрощенія и пополненія,—теорія Ю. Гольдмана.

Въ настоящее время эти двѣ теоріи—самыя главныя, лучшія, относительно болѣе правильныя и обстоятельныя изъ всѣхъ другихъ теорій тогоже рода: уже къ нимъ примыкаютъ и стоятъ подъ ихъ влияніемъ другія,

какъ, на примѣръ, теорія (гипотеза—точнѣе) Бунзена ⁴⁰), гипотеза Weizsäcker'a ⁴¹). Относительное достоинство теорій Эвальда и Гольцмана состоитъ въ ихъ преимущественно научномъ характерѣ и постановкѣ: они стоятъ не только на теоретическихъ соображеніяхъ, но и на филологическихъ и историческихъ данныхъ, обнимаютъ свой предметъ, съ своей точки зрѣнія, вполне; при этомъ оба стараются держаться вдали отъ Эйхгорнова письменнаго Первоевангелія и, слѣдовательно, ближе стоятъ къ истинной цѣли и прочному научному результату критико-историческихъ изслѣдованій каноническихъ Евангелій ⁴²).

Но приближеніе имѣетъ разныя степени близости. Въ какой мѣрѣ теорія Эвальда и Гольцмана достигаютъ своей цѣли и каковъ результатъ ихъ изслѣдованій въ отношеніи къ строгой библейской наукѣ, это можетъ показывать критическій разборъ этихъ теорій. А потому, имѣя въ виду важность вопроса о первоисточникахъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій, историческое прошедшее теорій письменнаго Первоевангелія, настоящее исключительное положеніе теорій Первоевангелія устнаго въ трудахъ Эвальда и Гольцмана, — должно строго критически и подробно разобрать именно эти труды съ цѣлію опредѣлить степень ихъ важности, правильности и удо-

40) Chr. C. J. Bunsen: Bibelwerk. Zw. Abtheil.-Bibelurkunden. D. Bücher d. Neuen Bundes. Leipzig. 1866. S. 81—112.

41) C. Weizsäcker: Untersuchungen über die evangelische Geschichte, ihre Quellen und den Gang ihrer Entwicklung. Gotha. 1864. S. 10—33 und ff.

42) Ewald's: Jahrbücher der bibl. Wissenschaft: d. Ursprung und Wesen der Evangelien. Gött. 1848, —133—154; 1849, —180—224. H. J. Holtzmann: d. Synoptischen Evangelien. Leipzig. 1863.

влетворительности въ рѣшеніи ими своего и вообще весьма важнаго вопроса о взаимномъ отношеніи Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки. Для достиженія этой цѣли должно слѣдовать методу и руководствоваться принципами по преимуществу самихъ же авторовъ—Эвальда и Гольцмана, стоя по преимуществу на одной съ ними почвѣ, —на теоретическихъ, филологическихъ и историческихъ основаніяхъ,—съ сознаниемъ, что такъ лучше выяснится дѣло: откроются существенные недостатки, истинно принадлежащіе разсматриваемымъ теоріямъ, сами собой окажутся требованія и опредѣлятся указанія извѣстныхъ улучшеній; а надлежащія и дѣйствительныя улучшенія теорій, единственно пригодныхъ въ своемъ родѣ и видѣ для рѣшенія даннаго вопроса, дадутъ надлежащій научный результатъ,—прочный совѣтъ на столь важный вопросъ,—что составляетъ конечную цѣль настоящаго изслѣдованія.

II.

Если критическій разборъ теорій съ цѣлію опредѣлить степень ея правильности и удовлетворительности долженъ держаться по преимуществу ея же принциповъ, то слѣдуетъ ихъ опредѣлить напередъ и потомъ уже имѣть ихъ въ виду постоянно при самомъ разборѣ. Принципы разсматриваемыхъ далѣе теорій достаточно опредѣленно, полно и наглядно—ясно представляются въ слѣдующемъ общемъ и краткомъ очеркѣ по времени первой и относи-

тельно главнѣйшей теоріи Эвальда; такъ какъ здѣсь они представляются въ своемъ характеристическомъ развитіи и примѣненіи ⁴³⁾.

По теоріи Эвальда,—

Первоначально существовало устное Евангеліе, какъ матерія всей, впоследствии записанной, Евангельской исторіи. Оно образовалось при многихъ трудностяхъ.—Первоначально Самъ Иисусъ Христосъ запрещалъ говорить въ-слухъ всего народа о своихъ чудесныхъ испѣленіяхъ; поэтому дѣятельность Его оставалась почти закрытою. Но когда она стала и открытою, то нѣкоторые великіе факты и весьма выдающіяся стороны ея сами собою производили на очевидцевъ достаточно сильное впечатлѣніе—настолько, что воспроизведеніе, по воспоминанію, многихъ отдѣльныхъ событій Евангельской исторіи и не требовалось. Поэтому, когда явились первыя попытки собрать всѣ отдѣльныя воспоминанія разныхъ лицъ о частныхъ и отдѣльныхъ обстоятельствахъ жизни Господа; то уже прошло такъ много времени, что нельзя было легко и точно воспроизвести всѣ отдѣльныя событія и факты даже и открытой жизни и дѣятельности Его. Периодъ времени открытой дѣятельности Спасителя былъ относительно непродолжителенъ, а между тѣмъ въ теченіе его было совершено необычайно много разнообразныхъ дѣлъ, раскрыто неистощимое богатство истинъ и мыслей. Но дѣла Господа, по ихъ многочисленности и разнооб-

43) Общій очеркъ теоріи Эвальда для указанной цѣли мы излагаемъ по большій части его собственными словами, трудно поддающимися буквальному переводу, держа въ исключительномъ его статьи: d. Ursprung und Wesen der Evangelien, помѣщенной въ его же журналѣ: Jahrbücher der biblisch. Wissenschaft. Gött. 1848,—133—154; 1849,—180—224. Ибо его: d. Drei ersten Evangelien. 1850 j.—Geschichte Christus'—1857 j; или не содержать ничего новаго, пополнительнаго, или прямо ссылаются на Jahrb. — S. d. Geschichte Christus': S. 125.

разію, не могли быть поняты и обняты воспоминаніемъ; еще труднѣе было сохранить въ памяти бездонно-глубокое и недозримо-высокое содержаніе Его рѣчей,—тѣмъ еще труднѣе, что въ первое время христіанства не могло быть никакихъ нужныхъ для того пособій и приготовленій: была возможность только собирать историческій матеріалъ (устные рассказы) для будущей подлежащей его разработки.—Но при господствовавшемъ въ то время стремленіи народной письменности, требовалась твердая связь и въ Евангельскихъ отдѣльныхъ рассказахъ: для этого долженъ былъ явиться и дѣйствительно явился особый родъ новой творческой дѣятельности. Хотя собраніе и связь отдѣльныхъ рассказовъ и воспоминаній, при помощи творческой дѣятельности, производились весьма тщательно, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они были недостаточны; потому что все, происшедшее отъ духа и мысли необыкновенно возвышеннаго „Мужа“, совершено было Имъ въ соотвѣтственной высотѣ и въ свойственной Ему настроенности. Отъ историческаго воспоминанія требовалось воспроизвести этотъ высшій духъ дѣятельности Христовой, объединяющій всѣ отдѣльныя части цѣлой исторіи. Но никакой духъ не проходилъ надъ землею въ такомъ твердо-замкнутомъ единствѣ и съ такою правильною послѣдовательностію все мыслящій, говорящій и дѣлающій съ такою, свойственною ему, силою и влияніемъ, съ такою совершенною, незапятнанно-чистою возвышенностію, какъ духъ Христа. Слѣдовательно, и воспроизвести его въ исторіи, по воспоминанію, было труднѣе, нежели какой другой.—Только вѣра во Христа давала возможность первымъ Евангелистамъ преодолевать столь великія трудности въ образованіи Евангельской исторіи.

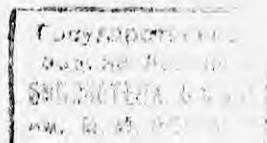
Плодомъ первыхъ трудныхъ попытокъ въ составленіи матеріала Евангельской исторіи было возможно лучшее Собраніе изреченій Христа, именно изреченій, потому что они были великимъ и главнымъ средствомъ для цѣлей Ев. ученія, а потому и въ тоже время глав-

нымъ содержаніемъ устнаго и письменнаго преданія о Христѣ. Въ это время возникло содержаніе весьма важнаго Евангельскаго произведенія—Собранія изреченій Иисуса Христа (Spruchsammlung). Образцами собранія изреченій представляются: Нагорная бесѣда,—Мѡ. V—VII,—Рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ: Мѡ. XXIII, 2—39, — Притчи, въ которыхъ говорится о созиданіи, истинномъ достоинствѣ и распространеніи царства Божія, выясняется существо этого царства, открывается его исторія до послѣдняго мыслимаго ея конца; таковы: Мѡ. XIII; Мр. IV; Лук. VIII, 4—18; XIII, 18—21. Мѡ. XXI, 28—32; 33—46. Мр. XII, 1—9; XXII, 1—4; 1—14. Мѡ. XXII, 1—14; XXI, 1—16; XXV, 14—30. Лук. XIX, 12—27. Мѡ. XXIV, 43. 44—50. XXV, 1—13. Лук. XI, 5—8. XVIII, 1—8. Мѡ. XXIV, 32. Лук. XIII, 7—9. XV, 3—7. 8—10; 11—32. X, 30—37. XVIII, 9. 14. XVII, 7—10. Мѡ. XVIII, 23—35. Лук. XII, 16—21. XVI, 1—13. 19—31. Сюда же относятся и нѣкоторыя отрывки рѣчей Спасителя: Мѡ. X, 5—42. XVIII, 1—20. 24. Все это содержаніе первыхъ опытовъ располагалось въ группахъ по круглымъ числамъ, преимущественно по числу семи.

Много труднѣе, чѣмъ собраніе по воспоминанію изреченій Христа, были опыты составленія связанныхъ разсказовъ Ев. Исторіи. И если принимать понятіе такой связи въ его строжайшемъ смыслѣ, такъ, чтобы каждое отдѣльное происшествіе и каждое особое дѣло было возстановлено совершенно точно на своемъ первоначальномъ мѣстѣ; то ясно, что это было рѣшительно не возможно по причинѣ великаго множества такихъ отдѣльныхъ происшествій. Но усиліе нѣкоторыхъ лицъ достигло великой полноты собранія отдѣльныхъ воспоминаній; при чемъ воспоминанія и разсказы, сродные по своему содержанію, соединялись въ группы и держались твердо одинъ при другомъ. Слѣды такихъ группъ, сродныхъ по матеріи разсказа, существуютъ еще и теперь въ нашихъ

Евангеліяхъ: изъ точно—такихъ группъ составились и главныя основоположенія ихъ. Въ такихъ же группахъ составлялись болѣе или менѣе отдѣльные и сравнительно большіе разсказы. Послѣднимъ результатомъ такого рода опытовъ было произведеніе, сохранившее разрозненный матеріалъ Ев. исторіи въ видѣ первоначальнаго устнаго преданія, хотя и не безъ искусственнаго порядка. Типъ такого труда представляетъ Евангеліе отъ Марка, но не въ видѣ втораго каноническаго Евангелія отъ Марка, а въ первоначальномъ его составѣ (Ur—Markus),—впрочемъ мало измѣненномъ, за что ручается его простѣйшій планъ, сохранившійся въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка.

На первыхъ же порахъ Ев. исторія требовала изображенія событій въ духѣ Христа, въ соотвѣтственно—возвышенномъ характерѣ небснаго Дѣятеля. Такое изображеніе дѣйствительно было въ самое раннее время при составленіи Ев. исторіи и теперь находится во многихъ мѣстахъ Евангелія отъ Марка. Картины возвышеннаго изображенія были сначала въ незначительномъ числѣ и помѣщены въ немногихъ пунктахъ Ев. повѣствованія, а потомъ постепенно проникали повсюду въ Евангеліи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко теряли свою первоначальную возвышенность. При изображеніи возвышеннаго въ земной исторіи Иисуса Христа шло въ параллель раскрытіе небснаго исторіи,—откровенія Божества. Чтобы отвѣчать потребности въ разсказахъ именно съ такою возвышенностію, явилась, и очень рано, новая творческая дѣятельность. Но все, что касается собственно высокаго Евангельской исторіи, что явилось подъ вліяніемъ этого творчества, не слѣдуетъ относить въ область поэтическаго, ибо оно было воспроизведеніемъ, по воспоминанію, дѣйствительнаго,—нѣкогда живой, возвышенной исторіи Христа Спасителя,—съ цѣлію представить эту исторію въ соотвѣтственномъ ей совершенствѣ,—хотя-бы иногда такое воспроизведеніе приближалось къ области поэтическаго.



А если и действительно была истинная поэзия въ изображеніи Ев. исторіи вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ожили древнія поэтическія силы народа Еврейскаго, то поэзія служила собственно той цѣли, чтобы пополнить съ особой стороны изображеніе жизни Христовой въ отдѣльныхъ отрывочныхъ разказахъ; она явилась уже въ позднѣйшій періодъ развитія Евангельской исторіи и письменности. Поэзія собственно выясняла чувства, возбужденныя историческимъ воспоминаніемъ, передавала ихъ въ непосредственной живости; а потому и выразилась въ соотвѣтственно длинныхъ или краткихъ пѣсняхъ (разумѣются напр. Лук. I, 46—55; 68—80 и под.). Истинны и мысли, выраженные въ поэзіи опредѣленнѣе, впрочемъ уже прежде были значительно распространены въ самомъ современномъ ей обществѣ.

Если образованіе Ев. разказовъ было на дѣлѣ такъ трудно, и если оно должно было выполнить свою задачу совершенно; то оно требовало многоразличныхъ способностей для своего конечнаго совершенства. Поэтому возникъ особый классъ людей, которые преимущественнымъ дѣломъ своей жизни поставляли то, чтобы образовать Ев. разказы сколько можно полнѣе и вѣрнѣе, это—Евангелисты, явившіеся въ самое раннее время Апостольскаго вѣка. Первыми впрочемъ и дѣятельнѣйшими Евангелистами были двѣнадцать Апостоловъ; и нѣкоторые изъ нихъ особенно должны были составить исторію Иисуса Христа по главнымъ источникамъ всякаго воспоминанія о Немъ, —нѣкоторые, а не каждый—по обстоятельствамъ ихъ жизни и дѣятельности. Потомъ, но очень рано, при двѣнадцати Апостолахъ явились еще другіе и многіе. Этимъ официальнымъ и специальнымъ Евангелистамъ принадлежитъ собраніе Евангельскихъ разказовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и особый родъ языка, происшедшій изъ таинственныхъ нѣдръ перваго христіанскаго общества. Первоначальные Евангелисты, соотвѣтственно своему призванію—только собирать матерію (разказы) Ев. исторіи, не ду-

мали о письменномъ ея изложеніи,—оно явилось впоследствии; въ немъ участвовали нѣкоторые изъ двѣнадцати Апостоловъ, желая увѣковѣчить свое имя. Эта письменность склонялась отчасти къ способу изложенія именно первыхъ Евангелистовъ (т. е. носила характеръ отрывочнаго изложенія), но слѣдовала также законамъ и своего собственнаго развитія, какъ нѣчто существенно-новое. Начало Ев. письменности неясно и трудно воспроизводимо при всѣхъ средствахъ тщательнаго изысканія; но—не оттого, что первые христіане не знали ни какой письменности и авторства, а потому, что эта письменность Евангельская получила весьма раннее и незамѣтное начало. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ самыхъ раннихъ произведеній Ев. письменности опредѣлить можно.

Первымъ изъ самыхъ начальныхъ письменныхъ Ев. произведеній, имѣвшихъ свою опредѣленную цѣль, было Евангеліе, составленное и написанное Апостоломъ, по всей вѣроятности, Филиппомъ. Слѣды этого Древнѣйшаго Евангелія очень многочисленны и разсыяны въ синоптикахъ: таковы разказы, изображающіе высшій пунктъ исторіи открытой дѣятельности Христа, хотя кратко, но возвышенно и опредѣленно, т. е. разказы о крещеніи, преображеніи Господа (Мѣ. III, 13—17. Мр. I, 9—11. Лук. III, 21—38. Мѣ. XVII, 1—14. Мр. IX, 2—13. Лук. IX, 28—36) и т. п.; потомъ—нѣкоторыя рѣчи Иисуса съ очень краткими историческими примѣчаніями, характеризующіяся простотою и полнотою содержанія и краткостію выраженія. Основной языкъ этого произведенія былъ иной, нежели греческій, но и не чисто—еврейскій, точнѣе, это—„греческій, стоявшій подъ вліяніемъ еврейскаго“. Время, когда было написано Древнѣйшее Евангеліе точно хронологически опредѣлить трудно, но можно съ вѣроятностію полагать, что этотъ трудъ былъ самый древнѣйшій, ибо имъ пользовался Ап. Павелъ.

Дальнѣйшій трудъ долженъ былъ не только собрать,

по возможности, известное количество изречений Христа Спасителя, но и передать каждую рѣчь Его, по возможности, въ соответственной полнотѣ и длинѣ,—именно все содержаніе, внутреннее теченіе и самое внѣшнее выраженіе сказаннаго Спасителемъ,—выразить такъ живо, какъ только было возможно. Эта задача разрѣшена въ высшей степени совершенно авторомъ Собранія изречений (Spruchsammlung), преданнымъ исключительно и усердно одной своей цѣли. Онъ собралъ изреченія Христа Спасителя въ столь богатой полнотѣ и въ такомъ совершенствѣ, что преемникамъ своимъ оставилъ только читать рѣчи Господа, и при томъ въ удивительно—величавой связи, исключаяющей всякое подозрѣніе о принужденности и натянутости въ развитіи рѣчи,—въ живомъ духѣ, обнаруживающемъ чисто—творческую силу; такъ, что острота и возвышенность самыхъ рѣчей незамѣтно возводятъ читателя какъ-бы къ слышанію Самого Небеснаго Учителя и въ самомъ писателѣ обнаруживаютъ живое отраженіе первоначальнаго яснаго свѣта. Авторъ съ увлеченіемъ стремился представить цѣлыя и связныя рѣчи и потому легко могъ соединять одно изреченіе съ другимъ такъ, чтобы никакое изъ нихъ не оставалось отдѣльно, безъ связи. Рѣчи, такъ изложенныя, имѣли своего рода введенія, но очень краткія. Особенно значительны были отдѣльныя историческія введенія болѣе длинныхъ и важныхъ рѣчей. Главными рѣчами опредѣлялись и главныя части Собранія изречений. Авторомъ этого труда былъ одинъ изъ двѣнадцати Апостоловъ—Евангелистъ Матѳей. Онъ написалъ его по-арамейски; но арамейское Собраніе изречений было, вѣроятно, весьма скоро переведено на чисто—греческій языкъ (это—*Λογια*, о которыхъ свидѣтельствуетъ Папій, еп. Иерапольскій).

Послѣ Собранія изречений явилось Каноническое Евангеліе отъ Марка, сохранившееся въ цѣломъ, весьма мало измѣненномъ, видѣ и въ своей важности нисколько не уступающее обоимъ предшествующимъ

трудамъ. Хотя оно по времени третье и пользовалось двумя предыдущими, тѣмъ не менѣе оно есть также и только начальное произведеніе Евангельской письменности. Оно представляетъ сравнительно полнѣйшую исторію всей жизни и дѣятельности Христа, чего не было въ предыдущихъ трудахъ и потому является восполненіемъ ихъ. Изложеніе Евангелія отъ Марка имѣетъ спокойный тонъ, свѣжую живость и живописную подробность, сжатость и соразмѣрное распредѣленіе матеріала. Этотъ трудъ принадлежитъ Іоанну Марку. Онъ написалъ его подъ влияніемъ проповѣднической дѣятельности Ап. Петра, но—послѣ его смерти. Древнѣйшій видъ Евангелія отъ Марка, дѣйствительно принадлежащаго своему автору,—тотъ, въ которомъ оно было въ качествѣ источника у автора Каноническаго Евангелія отъ Матѳея; въ болѣе совершенномъ видѣ и въ качествѣ также источника оно было и у Ев. Луки. Въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка, сравнительно съ древнѣйшимъ его составомъ, недостаетъ многихъ отрывковъ текста въ началѣ и въ концѣ; а нѣсколько стиховъ и отрывковъ прибавлено послѣ и неизвѣстно кѣмъ.

Когда предыдущими трудами были удовлетворены главныя потребности времени, явилось новое направленіе въ исторіи Ев. письменности: оно въ высшей степени сильно стремилось достигнуть конечнаго совершенства въ составленіи Евангелій. Богатство и разнообразіе Ев. писаній прямо вызывали собою дѣятельность богатыхъ способностей и опредѣляли задачу для нея—сопоставить вмѣстѣ многочисленныя и разсыянные письменные источники. Въ этомъ періодѣ, для выполненія такой задачи, появились и дошли до насъ Каноническія Евангелія отъ Матѳея и Луки; но, вѣроятно, было нѣсколько и другихъ произведеній того-же характера. Къ нимъ относится, хотя и ранѣе ихъ явившаяся, Книга высшей исторіи. Ея задачей было—все возвышенное въ Ев. исторіи изобразить сравнительно новымъ способомъ. Осново-

положеніемъ для себя въ соответственномъ изображеніи весьма важныхъ и высоко-воздымающихся возвышенностей Ев. исторіи она имѣла нѣкоторые предшествующіе труды. Книга высшей исторіи не была сборникомъ, а потому и не удовлетворяла вполне главной задачѣ современнаго ей періода Евангельской письменности.

Первымъ изъ дошедшихъ до насъ сборниковъ болѣе раннихъ письменныхъ источниковъ Ев. исторіи должно признать Каноническое Евангеліе отъ Матѳея; но этотъ трудъ заключаетъ въ себѣ нѣчто и самостоятельное, что принадлежитъ лично его автору, хотя въ цѣломъ самостоятельнаго здѣсь очень не много, такъ что главною цѣлію книги остается именно собраніе прежде написаннаго. При столь общей цѣли, книга эта была назначена, однако, для извѣстнаго только круга читателей,—для іудеевъ и іудейскихъ христіанъ; и содержаніе ея опредѣлялось ихъ различными потребностями. Авторъ пользовался предыдущими четырьмя писаніями, и, вѣроятно, еще нѣкоторымъ инымъ для изображенія предварительной исторіи Христа (Vorgeschichte); но главными источниками для него были: Евангеліе отъ Марка и Собраніе изреченій. Первое дало ему основоположеніе для разказа; а изъ Собранія изреченій онъ заимствовалъ очень много рѣчей. Слѣдовательно, главная и большая часть этой книги состоитъ въ нѣкоторой переработкѣ тѣхъ важнѣйшихъ письменныхъ источниковъ, но—такимъ образомъ, что Евангеліе отъ Марка образовало твердую раму, включающую отрывки Собранія изреченій и другихъ различныхъ письменныхъ источниковъ. Время составленія Каноническаго Евангелія отъ Матѳея должно полагать предъ разрушеніемъ Іерусалима.

Кромѣ слѣдовъ Евангелія отъ Матѳея находятся слѣды еще трехъ произведеній, обрабатывающихся болѣею самостоятельностью Ев. исторію; эти слѣды

не многочисленны и очень разсѣяны; они находятся въ Евангеліи отъ Луки. По нимъ можно опредѣлить а)—трудъ, имѣвшій цѣлію изложить въ прекрасной подробности многоразличныя воспоминанія, которыя до того времени не могли быть и не были обработаны письменно. Этотъ трудъ находилъ дѣйствительно новую матерію и въ воспоминаніяхъ обнималъ исторію отъ рождества Іисуса Христа до начала открытой Его дѣятельности. Въ этомъ произведеніи полнѣе развито то, что было кратко изложено въ древнѣйшихъ писаніяхъ: это—VI-я книга Евангельской исторіи. Подобнымъ способомъ опредѣляются и въ отдѣльномъ произведеніи объединяются б) еще нѣкоторые отрывки въ Евангеліи отъ Луки, которые не могутъ быть отнесены ко всемъ предыдущимъ источникамъ. Въ этихъ отрывкахъ господствуетъ удивительная, до отрывочности—краткая и съ трудомъ подвигающаяся впередъ, болѣе изъ намековъ состоящая, чѣмъ подробная, рѣчь. Авторъ любилъ всегда представлять въ рѣчахъ извѣстный кругъ въ высшей степени разнообразныхъ истинъ; а самыя рѣчи у него остры, полны обличеній и остроумны. Историческій его разказъ богатъ и полонъ разнообразнѣйшихъ отдѣльныхъ обстоятельствъ. Это—VII-я книга Ев. исторіи. Открываемый тѣмъ же способомъ в) остальной трудъ по Ев. исторіи представляетъ преимущественно отрывки великой исторіи до вступленія Іисуса Христа на общественное служеніе и нѣкоторые другіе меньшіе. Эти отрывки впервые записаны были самимъ же Ев. Лукой и потомъ внесены имъ въ его каноническое Евангеліе. Это—VIII-я книга Ев. Исторіи.

Все предыдущее развитіе Ев. письменности сводится къ одному заключенію въ Евангеліи отъ Луки. Оно обнимаетъ собою важнѣйшее содержаніе рѣшительно всѣхъ, до него существовавшихъ, Ев. произведеній. Ев. Лука собственныя свои свѣдѣнія желалъ заимствовать изъ самыхъ достовѣрныхъ и по преимуществу изъ древнѣй-

шихъ источниковъ. Онъ первый написалъ свой трудъ для язычниковъ и христіанъ изъ язычниковъ,—чѣмъ опредѣляется и все содержаніе его писанія. Какъ другъ и помощникъ Ап. Павла, Ев. Лука, для составленія своего произведенія, собиралъ всё, подъ руками находящіяся, писанія, какія могъ, такъ или иначе, приобрѣсть и пользовался ими соотвѣтственно своей цѣли, но внимательно разсматривая ихъ достоинства. Онъ пользовался всѣми, существовавшими до него, писаніями—отъ древнѣйшихъ до самыхъ позднѣйшихъ—съ единственнымъ исключеніемъ Каноническаго Евангелія отъ Матѳея. Изъ позднѣйшихъ произведеній онъ заимствовалъ весьма немного, а весьма много изъ древнѣйшихъ. Собраніемъ изреченій онъ пользовался въ томъ его видѣ, какъ оно было въ Евангеліи отъ Марка, а этимъ онъ пользовался какъ главнымъ источникомъ, удерживая его повѣствовательный порядокъ и сокращая его не такъ много, какъ Каноническое Евангеліе отъ Матѳея. Отъ себя самаго Ев. Лука приводитъ только небольшія объясненія и преимущественно только въ началѣ отрывковъ нѣкоторыхъ рѣчей; очень длинныхъ рѣчей онъ не любитъ. «Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что Ев. Лука, спутникъ Ап. Павла, есть авторъ этого писанія. Оно написано имъ по разрушеніи Иерусалима и послѣ совершеннаго окончанія іудейской войны.

Итакъ—по теоріи Эвальда—первоначально существовало устное Евангеліе, какъ матерія многочисленныхъ впоследствии записей, изъ коихъ выработались первые три каноническія Евангелія. Такой взглядъ основавъ, какъ очевидно, на двухъ принципахъ—преданія и заимствованія; по теоріи, второй предполагается и обуславливается первымъ, потому что первоначально Евангелія не могли явиться въ ихъ каноническомъ видѣ,—являлись частныя записи многихъ Евангелистовъ. Характеристики этихъ отдѣльныхъ записей въ теоріи поставлены основаніями для опредѣленія ихъ содержанія въ

каноническихъ Евангеліяхъ. А этимъ прямо опредѣляется методъ Эвальдовой теоріи. На основаніи теоретической (иногда прямо а priori) характеристики извѣстнаго труда, но безъ опредѣленнаго и постояннаго критерія, Эвальдъ отыскиваетъ отрывки, соотвѣтственно своему предположенію и, выдѣливъ ихъ подъ особымъ заглавіемъ, а иногда подъ извѣстнымъ только номеромъ (VI, VII, VIII), старается указать отличительное ихъ словоупотребленіе (Sprachgebrauch—sprachcharakter), а если возможно—и историческое свидѣтельство за ихъ самостоятельность. При помощи этого метода выдѣленія и обособленія отрывковъ изъ каноническихъ Евангелій, Эвальдъ систематически развиваетъ свою теорію по двумъ ея принципамъ и наконецъ достигаетъ (и теперь уже достаточно понятнаго) результата,—что первые три каноническія Евангелія написаны при помощи готовыхъ письменныхъ источниковъ, въ зависимости другъ отъ друга; слѣдовательно, сами суть второстепенные источники ученія и жизни Иисуса Христа; слѣдовательно, мало достовѣрны и подлинны: они сходны между собой, но—потому, что компилятивны; они различны, естественно, отъ весьма многихъ переработокъ, сдѣланныхъ многими лицами въ разное время и при особыхъ условіяхъ (ев. Лука). Такимъ образомъ вопросъ о взаимномъ отношеніи и происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій, по теоріи Эвальда, рѣшается въ духѣ отрицательной критики: первоисточникомъ синоптиковъ было устное Евангеліе, но оно не выразилось непосредственно въ видѣ именно каноническихъ Евангелій, а потому они являются компилятивными; слѣдовательно—не подлинно Апостольскими и не боговдохновенными.

Отсюда—вопросъ: въ самомъ дѣлѣ, посредственно или непосредственно изъ устнаго преданія и устнаго Евангелія произошли Синоптики?—на это отвѣчаетъ слѣдующій разборъ теоріи Эвальда.

III.

Слѣдую принципу устнаго преданія, Эвальдъ признаетъ первоначальнымъ образованіе устныхъ разсказовъ, какъ матеріи впоследствии письменнаго Евангелія ⁴⁴⁾. Это неоспоримо вѣрно, потому что Ученики Господа были сначала слушателями Его рѣчей и зрителями Его дѣлъ; а потомъ, по заповѣди Его (Мѡ. XXVIII, 19—20), проповѣдниками того, что слышали и видѣли. Ихъ проповѣдь обыкновенно и характеризуется выраженіями Св. Писанія: *εὐαγγέλιον, κηρύγμα, παραδosis, μαρτυρία, λόγος ἀκοῆς, εὐαγγελίζεσθαι, κηρυσσεῖν, μαρτυρεῖσθαι, λαλεῖν, παραδίδομαι, ἀκχεῖν, ἀκροασθαι, δεῦρεσθαι, παραλαμβάνειν, πιστис εἰσακοῆς* и т. п. У Апостола Павла всюду указывается только на устную проповѣдь (2 Тим. II, 2 и д. Рим. X, 14—17; 2 Тим. I, 1—2; Евр. II, 1—4; Гал. III, 2. 5 и под.). Устная проповѣдь Апостоловъ и стала впоследствии письменнымъ Евангеліемъ. Если же Апостолы знали и проповѣдовали о жизни и ученіи Господа, то слѣдуетъ, что они могли передать и записать свою проповѣдь безъ труда и непосредственно въ видѣ каждаго изъ трехъ первыхъ каноническихъ Евангелій. Но этого-то, по теоріи Эвальда, и не могло быть: тому препятствовали (будто бы) многія чрезвычайно великія трудности первоначальнаго образованія Евангельской матеріи въ видѣ устныхъ разсказовъ.

44) Jahrb. d. b. Wissensch. 1848. S. 116.

„Уже время, съ котораго началось образованіе матеріи Ев. разсказовъ, полагало нѣкоторыя свои трудности“. — „Не можетъ быть ничего вѣроятнѣе (*geschichtlicher*), говорить Эвальдъ, какъ много разъ повторенное въ Евангеліи увѣщаніе Христа, чтобы о Его чудесныхъ исцѣленіяхъ не разглашали исцѣленные ⁴⁵⁾. При томъ, однако, нигдѣ не указывается, чтобы Христосъ не желалъ открыто проповѣдывать Свое ученіе, или чтобы Онъ желалъ скрывать оное отъ свѣта: Онъ желалъ только, чтобы исцѣленія Его не прославлялись въ народной молвѣ и много не разсказывались (Мр. I, 34; III, 12; V, 43; VII, 36; VIII, 26. Мѡ. VIII, 4; IX, 30; XII, 16. Лк. V, 14). А то замѣчаніе Евангелиста (Мѡ. XIII, 34), что Христосъ говорилъ къ народу не иначе, какъ въ притчахъ, относится, какъ это само собою ясно, не къ такому трудному ученію, какъ оно излагается въ притчахъ, и не къ пространнымъ, предварительно составленнымъ бесѣдамъ, но—къ тому только, чтобы дать понятіе вообще о способѣ Его ученія“, — и не къ тому, разумѣется, чтобы затанить смыслъ ученія и оставить его въ безызвѣстности, какъ и чудеса. „Слѣдовательно, продолжаетъ Эвальдъ, ученіе Христово должно было распространяться своей собственной силой, какъ и сколько могло. Эта неискательность славы соединялась у Христа съ желаніемъ, чтобы Его мессіанскому дѣлу не помогала ни какая бесполезная молва, а только мудрая предусмотрительность. Такъ какъ Онъ напередъ вѣрно зналъ послѣдній исходъ Своего земнаго дѣланія, то и желалъ, въ виду Своей задачи, сдѣлать все съ возможно скорымъ успѣхомъ, устраняя вмѣшательство посторонняго произвола. Христосъ Спаситель и въ первое время своей жизни совершалъ, однако, много чудесныхъ исцѣленій, что требовалось самой задачей Его дѣятельности—учреж-

45) Марк. I, 34. 45. III, 12. V, 43. VII, 36. VIII, 26. Мѡ. VIII, 4. IX, 30. XII, 16. Лук. V, 14.

деніемъ Царства Божія. Конечно, такія запрещенія Христо-вы не могли отклонить отъ Него вниманіе народа и вла-стителей (Мр. I, 45—44; VII, 36. Мѳ, IX, 30. Лук. V, 14; VI, 14 и под.); при томъ, и для Него Самого при-шло время, когда Онъ уже не внушалъ болѣе—молчать о Своихъ дѣлахъ: однако прошло время, а съ нимъ и жизнь Спасителя мало открытою; и нѣтъ никакого слѣ-да, чтобы во время теченія ея кто-либо и гдѣ-нибудь содержалъ бы въ памяти всѣ отдѣльныя обстоятельства оной. И если говоритъ Лука, что Марія (Богородица) съ раннихъ поръ содержала въ своей памяти все, то Она могла быть источникомъ разсказовъ только о дѣтствѣ и постепенномъ совершенствованіи Иисуса Христа до от-крытой мессіанской дѣятельности Его (Лук. II, 19, 51). Самимъ же двѣнадцати Апостоламъ земная жизнь Христа стала понятною только съ того времени, какъ она стала вполне законченною (vollendet)⁴⁶⁾.—

Но запрещеніе Иисуса Христа, чтобы не разглаша-лись въ народѣ Его чудесныя исцѣленія, совершенно не могло быть и не было трудностію для памятованія о нихъ. Понятіе не разглашать не исключаетъ собою поня-тія помнить и воспоминать. Можно помнить и не разглашать. Пресвятая Дѣва Марія все, что знала объ Иисусѣ Христѣ, слагала въ своемъ сердцѣ (Лук. II, 19, 51), и не только помнила, но могла быть даже источ-никомъ разсказовъ; такъ могли помнить и воспоминать дѣла Христовы и другія лица. А ихъ хранить въ памя-ти даже необходимо было тѣмъ, кому приходилось соб-ственно на себѣ испытывать чудесныя и спасительныя дѣйствія Господа,—ихъ послѣдствія оставались со мно-гими на всю ихъ жизнь, а иногда чудесныя дѣйствія Господа давали людямъ и самую жизнь (Мр. V, 41—43). Спаситель не могъ Своимъ запрещеніемъ препятствовать

памятованію о томъ, что для многихъ было предметомъ наблюденія или ощущенія во всю ихъ жизнь: исцѣленіе, напримѣръ, прокаженнаго (Мѳ. VIII, 2 и д.) было и оста-валось очевиднымъ и для самого исцѣленнаго, и для знавшихъ его въ проказѣ. Если Спаситель и запрещалъ говорить о своихъ дѣлахъ, то тѣмъ не менѣе они могли и даже должны были оставаться въ памяти наблюдателей, существовать, какъ существовали и сами тѣ, надъ кѣмъ они совершались. А такое постоянное и долгое храненіе дѣлъ Спасителя многими въ своей памяти устраняло необ-ходимость забывать ихъ и давало возможность удобно об-разовать о нихъ разсказы.

Если вообще запрещеніе Спасителя—не разглашать о Его чудесныхъ дѣлахъ—не могло препятствовать памя-тованію о нихъ и въ послѣдствіи образованію Ев. разска-зовъ; то еще менѣе запрещеніе Его могло препятство-вать запоминанію частныхъ обстоятельствъ и дѣйствій, потому что оно было не при всѣхъ такихъ фактахъ, или выражалось неодинаково строго. При нѣкоторыхъ чуде-сахъ Господь не дѣлалъ подобнаго запрещенія; напримѣръ, при исцѣленіи расслабленнаго въ Капернаумѣ (Мр. II, 1—12), или дѣлалъ, но не для всѣхъ и не при всѣхъ наблюдателяхъ. Господь запрещалъ злымъ духамъ гово-рить о Немъ, что Онъ есть Сынъ Божій (Мр. I, 34 и III, 12.), многимъ людямъ, исцѣленнымъ отъ разныхъ болѣзней (Мр. V, 43. VII, 36, VIII, 24. Мѳ. VIII, 4. IX, 30. XII, 16. Лук. V, 14), и Апостоламъ, когда Онъ от-крывалъ имъ Себя Сыномъ Божиимъ (Мр. VIII, 30. IX, 9, Мѳ. XVI, 20. XVII, 9). Но при этомъ Онъ имѣлъ цѣль, нисколько не препятствующую запоминать всѣ дѣ-ла и слова Его. Спаситель запрещалъ злымъ духамъ, лю-дямъ исцѣленнымъ и Апостоламъ говорить о Себѣ, имен-но какъ о Мессіи—Сынѣ Божіемъ. Онъ „не позволялъ бѣсамъ говорить, что они знаютъ, что Онъ Христосъ (Мр. I, 34.), запрещалъ имъ, чтобы они не дѣлали Его извѣстнымъ, какъ Сына Божія (Мр. III, 11—12)“. Если

46) Jahrb. d. b. Wissensch. 1848, S. 117—118.

Спаситель не выражалъ этого одинаково опредѣленно въ своемъ запрещеніи въ отношеніи къ исцѣленнымъ людямъ, а только вообще запрещалъ имъ разсказывать; то смыслъ и этого запрещенія опять долженъ быть тотъ же: о чудесныхъ исцѣленіяхъ не должно было разглашать главнымъ образомъ потому, что они свидѣтельствовали о Христѣ, какъ о всемогущемъ Мессіи,—человѣкѣ Божіемъ въ смыслѣ евреевъ, великомъ пророкѣ, царѣ природы и злыхъ духовъ, посланникѣ Отца Небеснаго; а это могло послужить для евреевъ того времени поводомъ признать Спасителя и всесвѣтнымъ политическимъ царемъ. Въ отношеніи къ Апостоламъ такое запрещеніе имѣетъ опять тотъ же смыслъ—только до времени не говорить о Христѣ Иисусѣ, какъ именно о „Сынѣ Божіемъ“ (Мр. VIII, 30. IX, 9. Мѣ. XVI, 20. XVII, 9.), при несовершенномъ еще ихъ понятіи о Немъ, какъ о Богочеловѣкѣ. Но если Господь запрещалъ разглашать о своихъ дѣлахъ, а Самъ все же совершалъ ихъ; то цѣль запрещенія, по видимому, отчасти уничтожалась дѣятельностію Его же Самого. И еслибы Господь желалъ, чтобы о Его дѣлахъ не знали и не помнили, то Онъ и не совершалъ-бы ихъ. Слѣдовательно, Онъ, запрещая, имѣлъ цѣлю то, чтобы о Немъ не судили какъ о Мессіи по народной молвѣ и желалъ, чтобы именно дѣла Его, предъ очевидцами ихъ, свидѣтельствовали о Немъ, какъ о Посланникѣ Отца Небеснаго, Избавителѣ грѣшнаго рода человеческого, истинномъ Мессіи и Сынѣ Божіемъ; того и такъ требовало премудрое выполнение Имъ Своей мессіанской задачи. Иудеи не разъ хотѣли убить Его за то, что Онъ „дѣлалъ Себя Сыномъ Божіимъ, равнымъ Богу“ и умертвили Его, какъ „царя Иудейскаго“. Тоже они старались-бы сдѣлать и на самыхъ первыхъ порахъ дѣятельности истиннаго Мессіи, если-бы, по молвѣ народной, но съ увѣренностію, слышали о Немъ, какъ о Сынѣ Божіемъ. Эту-то опасность и предотвращалъ до времени

Господь Своимъ запрещеніемъ—не разглашать о Немъ⁴⁷⁾.

Запрещеніе Спасителя—не говорить о Немъ въ такомъ смыслѣ и съ такою цѣлю рѣшительно не могло быть препятствіемъ знать и помнить Евангельскія событія, а потому легко воспроизводить ихъ и образовать разказы о нихъ. Спаситель запрещалъ разглашать о Себѣ, какъ о Мессіи и Сынѣ Божіемъ, но не отрицалъ въ Себѣ этихъ достоинствъ; напротивъ, каждымъ новымъ чудомъ и чудеснымъ словомъ болѣе и болѣе утверждалъ понятіе о Себѣ, какъ объ истинномъ Мессіи—Сынѣ Божіемъ. А такое понятіе о Немъ было весьма сильнымъ, постояннымъ и непремѣннымъ основаніемъ и побужденіемъ для понимающихъ помнить о Немъ,—особенно для тѣхъ, кто видѣлъ и испыталъ Его чудесныя дѣйствія на себѣ и оставался на всю свою жизнь съ благодѣтельными и въ

47) Запрещенію Спасителя—не говорить о Его дѣлахъ—чудесахъ и о Немъ, какъ Сынѣ Божіемъ, многіе комментаторы указываютъ различныя цѣли. Если Господь запрещалъ исцѣленнымъ говорить въ народѣ о Немъ (Мѣ. VIII, 4. Мр. I, 44. Луки V, 14. Мѣ. IX, 30. XII, 16. Мр. III, 12. V, 43. VII, 36. VIII, 26. 30. Мѣ. XVI, 20. XVII, 9); то при этомъ, говорятъ, Онъ имѣлъ въ виду—избѣжать волненій народа, мечтавшаго о политическомъ Мессіи (Златоустъ). Сл.: *Klostermann*: *Marrkusevangelium* Gött. 1867. *Meyer*: *Kommentar. üb. d. n. T. Gött.* 1867. *Lang*: *Theol.-hom. Bibelwerk*,—d. *Ev. nach. Matth.* 1857. S. 109. 233 и др. Господь желалъ, говорятъ они, привести народъ къ совершенному познанію истиннаго Мессіи, а потому не желалъ, чтобы о Немъ знали, какъ о великомъ Чудотворцѣ и Цѣлителѣ тѣлесныхъ болѣзней,—это было бы слишкомъ ограниченное понятіе о Его лицѣ. *Lang* S. 233. *Klostermann*, S. 119-120. 162. Господь запрещалъ злымъ духамъ потому, что ихъ свидѣтельство соединилось всегда съ великимъ насиліемъ и мученіемъ для больнаго—бѣсноватаго. *Klostermann*,—S: 68. Господь запрещалъ и Своимъ Ученикамъ говорить о Немъ, какъ о Сынѣ Божіемъ потому, что и они тогда имѣли понятіе о Немъ еще далеко не полное и не точное, какое было не пригодно для проповѣди въ народѣ. Онъ намеренъ былъ возвести ихъ къ высшему познанію о Себѣ и это тѣмъ болѣе—такъ, что иногда сами Апостолы не понимали того, что видѣли и слышали (Мр. IX, 9). *Klostermann*, S: 176—177. 187. *Sp. Ewald*. *Jahrb.* 1848; S: 118.

тоже время чрезвычайными послѣдствіями ихъ. Если Апостолы не могли не говорить о томъ, что видѣли и слышали при жизни Господа (Дѣян. IV, 20), то тѣмъ болѣе не могли умалчивать о дѣлахъ Его тѣ, кто испыталъ на себѣ и потомъ во всю свою жизнь ощущалъ эти „дѣла Божіи“. Оттого дѣйствительно, не смотря на запрещеніе своего величайшаго Благодѣтеля, исцѣленные проповѣдывали о дѣлахъ Его всюду: „*διεστειλατο αυτοις, ινα μηδενι επιωσιυ οσον δε αυτοις διεστειλλετο, μαλλον περισσοτερον εκηρυσσον* (Мр. VII, 36; ср. 1, 35—44. Мѡ. IX, 30. Лук. V, 14).“ Напримѣръ: „приходитъ къ Нему (Иисусу Христу) прокаженный, и, умолая Его и падая предъ Нимъ на колѣна, говоритъ Ему: если хочешь, можешь меня очистить. Иисусъ, умилосердившись надъ нимъ, простеръ руку, коснулся его, и сказалъ ему: хочу; очистишься... И сказалъ ему: смотри, никому ничего не говори: но пойдѣи покажись священнику...“ Чтоже, однако, сдѣлалъ такъ облагодѣтельствованный прокаженный?... „А онъ, вышедши, началъ провозглашать и рассказывать о происшедшемъ, такъ что Иисусъ не могъ уже явно войти въ городъ, но находился внѣ, въ мѣстахъ пустынныхъ. И приходили къ Нему отсюду (Мр. I, 40—45).“ А сколько было такихъ исцѣленныхъ и очевидцевъ исцѣленій!—Слѣдовательно, было не только знаніе и твердое памятованіе дѣлъ Христа, но и постоянная молва о Немъ и Его дѣлахъ. Разказами о чудесахъ Спасителя привлекались къ Нему цѣлыя массы народа и даже вниманіе Четверовластника Ирода; ибо имя Иисуса скоро стало „гласно“ (Мр. VI, 14).

Такъ дѣятельность Христова не могла быть и не была сокрытою отъ весьма многихъ наблюдательныхъ современниковъ Его, даже и тогда, когда Онъ запрещалъ очевидцамъ ея разглашать о ней, а тѣмъ болѣе уже тогда, когда Онъ совершалъ дѣла свои при массахъ народа и открывалъ предъ всѣми всякое, даже тайное чудо, какъ только чувствовалъ, что изъ Него выходила чудо-

дѣйственная сила (Мр. V, 30. VI, 30). Но запрещеніе Иисуса Христа и вообще не должно было имѣть такого безусловнаго значенія, какое придаетъ ему Эвальдъ, „ибо нѣтъ ничего сокровеннаго, чтò—бы не открылось“. Многое изъ жизни Спасителя, по Его повелѣнію, нужно было скрывать, но—„доколѣ Онъ не воскреснетъ (Мѡ. XVII, 9.)“; а послѣ Апостолы должны были идти по всему міру и проповѣдывать Евангеліе всей твари (Мр. XVI, 15), учить всѣ народы тому, что Господь повелѣлъ (Мѡ. XXVIII, 19—20),—что говорилось въ темнотѣ, то говорить при свѣтѣ, что слышано на-ухо, проповѣдывать на кровлѣ (Мѡ. X, 27). Дѣйствительно, они пошли и проповѣдывали вездѣ (Мр. XVI, 20). Слѣдовательно, Апостольскому воспоминанію и проповѣди нисколько не препятствовало первоначальное запрещеніе Спасителя—говорить о чудесныхъ исцѣленіяхъ Его открыто, въ народѣ. Апостолы проповѣдали и то, чтò первоначально было запрещено разглашать,—не только дѣла Господа, но и самое Его „запрещеніе“ записаны въ первыхъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ. Слѣдовательно, предположеніе, что запрещеніе Спасителя было трудностію при составленіи матеріи Евангельскихъ рассказовъ, несправедливо. И если „ничто такъ не вѣроятно, какъ это запрещеніе Спасителя“; а оно прямо свидѣтельствуетъ о воспроизведеніи такихъ дѣлъ Его, о которыхъ нѣкогда не слѣдовало проповѣдывать: то рѣшительно несправедливо мнѣніе Эвальда по самому вѣрнѣйшему историческому свидѣтельству противъ него самаго Евангелія,—по тому же самому свидѣтельству, которое онъ приводитъ въ пользу своего мнѣнія, какъ исторически самое достовѣрное (*geschichtlicher*).

Но, и независимо отъ своей истинности или неистинности, данное предположеніе Эвальда рѣшаетъ вопросъ о трудности воспроизведенія матеріи синоптическихъ Евангелій только на-половину; такъ какъ, утверждаетъ теорія, нигдѣ не указано, чтобы Христосъ не желалъ от-

крыто преподавать Свое учение, или чтобы Онъ желалъ удалять оное отъ свѣта. Слѣдовательно, для воспомина- нія ученія Христова указанной трудности не существо- вало,—ученіе было открыто. Если же такъ, то дѣла, на- сколько они подлежали наблюденію, еще удобнѣе мог- ли сохраняться въ памяти очевидцевъ при самомъ уче- ній Господа. Разказы о дѣлахъ Христовыхъ и ученіе Его не могли быть въ воспоминаніи Апостоловъ и дру- гихъ Его послѣдователей совершенно отдѣльно одни отъ другаго; потому что въ жизни Иисуса Христа тѣ и дру- гое были вмѣстѣ,—ученіе при дѣлахъ и дѣла при уче- ній,—ученіе было дѣломъ, а дѣло ученіемъ,—дѣло тре- бовалось для уясненія ученія и подтвержденія Его, а уче- ніе—для разясненія дѣла. Слѣдовательно, если ученіе Христово должно было оставаться въ памяти слушателей Его, то и дѣла должны были разказываться наблюда- телями ихъ—современниками вообще и Апостолами въ особенности.

Если же возможно было, особенно для Апостоловъ, совмѣстное воспріятіе ученія и дѣлъ Иисуса Христа; то возможно было запоминаніе и воспоминаніе ихъ; а по одному этому уже нельзя утверждать, что „нѣтъ нигдѣ никакого слѣда, чтобы во время теченія земной жизни Господа кто нибудь содержалъ въ памяти всѣ отдѣль- ныя обстоятельства ея“⁴⁸⁾.—Самъ же Эвальдъ указываетъ примѣръ Пресвятой Дѣвы Маріи, но замѣчаетъ, что Она могла быть источникомъ разказовъ о жизни Господа только до вступленія Его въ открытое общественное служеніе. Но если и такъ, то она была источникомъ раз- казовъ о самыхъ раннихъ, и потому труднѣйшихъ для воспоминанія, событіяхъ. Другіе современники Иисуса Хри- ста несомнѣнно и тѣмъ болѣе могли запоминать позднѣй- шія обстоятельства и дѣла Его. На это не только наво-

дигъ „слѣдъ“ дѣйствительнаго храненія въ памяти Ев. со- бытій, но существуетъ и положительное свидѣтельство въ Св. писаніи Новаго Завѣта, что такое храненіе напи- саннаго Евангелія дѣйствительно было въ памяти Апосто- ловъ Христовыхъ. Событія Ев. исторіи были совершен- но извѣстны не только самимъ двѣнадцати Апостоламъ, но и—по преданію—ученикамъ Апостольскимъ, напри- мѣръ, Иоанну Марку и Лукѣ. Кромѣ избранныхъ Госпо- домъ двѣнадцати Апостоловъ и ближайшихъ помощни- ковъ ихъ, какъ ев. Маркъ и ев. Лука, устное Евангеліе было извѣстно и еще нѣкоторымъ современникамъ ихъ. Апостолы, желая избрать вмѣсто Иуды-предателя новаго Апостола въ число двѣнадцати свидѣтелей жизни Госпо- да во все время—отъ крещенія до вознесенія Его,—по- ставили двоихъ: Варсаву и Матѳея (Дѣян. 1, 21—23). Слѣдовательно, Варсава и Матѳея помнили о событіяхъ изъ жизни Господа въ указанный періодъ ея, какъ и Апостолы, и—не только эти двое, но и многіе другіе. Ап. Петръ въ рѣчи къ Корнилию сотнику говорилъ: „вы знаете происходившее по всей Иудеѣ, начиная отъ Гали- леи, послѣ крещенія, проповѣданнаго Иоанномъ; какъ Богъ Духомъ Святымъ и силою помазалъ Иисуса изъ На- зарета, и Онъ ходилъ, благотворя и исцѣляя всѣхъ, обла- даемыхъ діаволомъ; потому что Богъ былъ съ Нимъ. И мы свидѣтели в с е г о, что сдѣлалъ Онъ въ странѣ Іу- дейской и въ Іерусалимѣ (Дѣян. X, 37—39)“. Очевидно, если Корнилию и его согражданамъ были извѣстны раз- казы о жизни и ученіи Господа, то уже вполнѣ несо- мнѣнно—самимъ Апостоламъ, по тому же свидѣтельству (ст. 39). Несомнѣнно, Апостолы возвѣщали о томъ, что видѣли и слышали, находясь съ Господомъ, и это потомъ записали; слѣдовательно—знали и помнили дѣла и уче- ніе Его (1 Соб. Іоан. I, 3—4).

Апостолы, говоритъ теорія, потому не могли сохра- нять въ памяти жизнь Иисуса Христа, что не понимали ея,—т. е. во всемъ ея совершенствѣ.—Если это и такъ,

48). Jahrb. d. b. W. S. 118.

если всей глубины христіанскаго ученія и благодатной жизни не понять намъ и теперь, и во всю свою жизнь: то это не пріятствовало Апостоламъ, не затрудняетъ и насъ усвоить и помнить, въ полномъ объемѣ или по частямъ, какъ жизнь, такъ и ученіе Іисуса Христа въ известной мѣрѣ и относительно совершенствѣ познанія того и другаго; а для Апостоловъ, какъ свидѣтелей—очевидцевъ, это было еще болѣе возможно и удобно. Теорія говоритъ о трудности понимать, знать и помнить все дѣла и все ученіе Христа; но—вопросъ именно объ относительно совершенствѣ и относительно полномъ знаніи и запоминаніи,—о томъ, трудно ли было составить по воспоминанію рассказы о нѣкоторыхъ и немногихъ событіяхъ Ев. исторіи, именно о столькихъ и такихъ, сколько и какія представляютъ первыя три каноническія Евангелія за первое время общественной дѣятельности Спасителя. Все, что говорилъ и творилъ Іисусъ Христосъ, въ продолженіи всей своей жизни, помнить и вспоминать могло быть и трудно (Іоан. XXI, 25); но что содержитъ каждое изъ каноническихъ Евангелій (и при томъ за первый періодъ общественной дѣятельности Его)—совершенно не трудно: такъ какъ, хотя Спаситель и запрещалъ разглашать о своихъ дѣлахъ, но они тѣмъ болѣе проповѣдывались; хотя и думаетъ Эвальдъ, что жизнь Христа нѣкоторое время была прикровенна, но ее знали многіе, а главное—Апостолы, съ самаго крещенія до вознесенія Его.

Такъ, по даннымъ, какія представляетъ Эвальдова теорія и Священное писаніе Новаго Завѣта, должно признать, что предположеніе первой трудности при составленіи устныхъ рассказовъ о Спасителѣ не имѣетъ научнаго значенія.

Мнимая трудность и по теоріи теряетъ свое точное значеніе, потому, что, понимаемая въ связи съ послѣдующими соображеніями Эвальда, она легко переходитъ въ невозможность; такъ какъ, по мнѣнію Эвальда, и

объ открытой дѣятельности Господа Іисуса было весьма трудно составить рассказы; слѣдовательно, о сокровенной, каковою предполагается, по теоріи, Его дѣятельности въ ея первый періодъ, вовсе невозможно было сказать ничего достаточно справедливаго (geschichtlich).—» Когда уже окончательно завершилась исторія Спасителя, то величайшія дѣла Его и особенно выдающіяся стороны Его дѣятельности сами собою производили на очевидцевъ достаточно сильное впечатлѣніе,—на столько, что о многихъ отдѣльныхъ обстоятельствахъ исторіи Христовой и не спрашивалось. Какъ долго это созерцаніе историческаго Христа по немногимъ, но великимъ и главнымъ, отрывкамъ Его исторіи оставалось господствующимъ и удобно признавалось достаточнымъ, чтобы при новомъ ученіи твердо содержать преимущественно только эти, возвышеннѣйшія части великой исторіи и отсюда выводить все другое, это видно изъ посланій Ап. Павла и писаній св. Іустина мученика. Очень рано въ вѣкъ Апостольскій былъ обычай соединять вмѣстѣ главные факты Ев. исторіи въ краткомъ изложеніи (Дѣян. X, 37—42; и т. п.), т. е. только главные факты Ев. исторіи кратко излагать предъ слушателями. На такіе только факты могъ удобно ссылаться тотъ, кто желалъ научить христіанскому откровенію; это доказывается всей исторіей перваго столѣтія, т. е. дѣятельностію Апостоловъ, ихъ сотрудниковъ и послѣдователей. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ должно было довольно рано родиться желаніе знать столько отдѣльнаго изъ теченія этой великой исторіи, сколько было можно; посторонніе (fremde), только теперь слышавшіе о Христѣ и желавшіе вступить въ новое общество, первые поддерживали такое желаніе и потребностямъ ихъ нужно было удовлетворять. Это нельзя было отлагать надолго; поэтому къ воспоминанію отдѣльныхъ происшествій полной исторіи Христа теперь особенно должны были направляться стремленіе и дѣятельность многихъ старѣйшихъ членовъ церкви,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ важнѣй-

шихъ изреченій Христа могли быть объяснены совершенно ясно только изъ историческихъ побужденій къ ихъ произнесенію и основное (grundlegende) учение, такимъ образомъ, во многихъ отношеніяхъ тѣснѣ связывалось съ историческимъ воспоминаніемъ. Но когда такимъ образомъ производились первые опыты собиранія всѣхъ отдѣльныхъ воспоминаній и взоръ изслѣдователя съ конца великой исторіи обращался на всякій отдѣльный фактъ ея: то,—судя по давнопрошедшему времени ихъ совершенія,—уже нельзя было такъ легко и точно припомнить всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствъ открытой жизни и дѣятельности Христа ⁴⁹⁾.—Такъ, по мнѣнію Эвальда, самое время полагало свои трудности образованію Ев. рассказовъ.

Здѣсь указанная трудность, собственно при образованіи отдѣльныхъ рассказовъ, очевидно, состояла въ томъ, что Евангелисты, кто-бы они ни были, несвоевременно начали составленіе своихъ рассказовъ о прошедшей жизни Господа Иисуса,—поздно. И это произошло такъ потому, что великія дѣла и весьма выдающіяся стороны открытой дѣятельности Христа сами собою производили достаточно сильное впечатлѣніе на наблюдателей,—становились какъ-бы преградой для созерцанія всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствъ оной. Но что такое были эти великія дѣла по отношенію ко всей исторической дѣятельности и жизни Спасителя?—это были факты, какъ: крещеніе Господа, искушеніе Его отъ діавола, преображеніе и под. И если такіе факты производили достаточно сильное впечатлѣніе, то, конечно, тѣмъ лучше они должны были оставаться въ памяти ихъ наблюдателей, какъ матерія въ послѣдствіи отдѣльныхъ и связныхъ рассказовъ. А что касается особенно выдающихся сторонъ исторіи Спасителя, то онѣ составляютъ въ ней нѣчто общее и являются выдающи-

мися только при цѣлостномъ представленіи всей жизни Его,—при сознаніи общей идеи искупленія (ученіе, чудотвореніе, законодательство и страданіе, показывающія, что Иисусъ Христосъ есть обѣтованный Богомъ Мессія—царь, пророкъ и первосвященникъ,—истинный Спаситель). Но извѣстно, какъ мало, трудно и неопредѣленно Апостолы на первыхъ порахъ понимали идеи Господа и потому въ своемъ созерцаніи еще не могли стать выше непосредственнаго воспріятія отдѣльныхъ фактовъ Его жизни,—не проникали своимъ взоромъ въ прагматическую связь всѣхъ событій Евангельской исторіи. Сначала они были скорѣе непосредственными преемниками только того, что видѣли и слышали, безъ различенія особенно выдающихся событій, какъ и всѣ другіе наблюдатели чудесъ Христовыхъ: ихъ одинаково поражало и чрезвычайно изумляло все чудесное, какъ утишеніе бури на Галилейскомъ озерѣ и преображеніе на Галилейской горѣ (Мѡ. VIII, 27. Мр. IX, 6; ср. Мѡ. IX, 8. Мр. 1,27). По этому должно признать, что не только тѣ выдающіяся дѣйствія Спасителя, которыя признаются таковыми по теоріи Эвальда (какъ крещеніе и преображеніе Господа), но и всѣ другія дѣла Его Божественнаго всемогущества производили на наблюдателей впечатлѣніе, равносильное съ тѣми; слѣдовательно, должно признать возможнымъ, что созерцаніе историческаго Христа было не только въ главныхъ и великихъ, но и менѣе значительныхъ и частныхъ моментахъ Его дѣятельности; и оно также могло быть „очень долго господствующимъ“; потому что и частнымъ, не „особенно важнымъ“ фактамъ Ев. исторіи посвящалось на первыхъ же порахъ одинаково дѣятельное вниманіе учениковъ Христовыхъ. Это вполне соответствуетъ и тому мнѣнію самого Эвальда, что въ исторіи Ев. письменности обобщеніе фактовъ и связь между ними въ сознаніи Евангелистовъ должно поставить на второмъ планѣ, а на первомъ—собираніе частныхъ отрывочныхъ рассказовъ. И дѣйствительно, если дѣятельность первыхъ Евангелистовъ спа-

49). Jahrb. d. b. W. 1848. S. 118—119.

чала направилась къ собранію частныхъ фактовъ, то, конечно, слѣдуетъ, что такіе именно факты и были прежде всего въ ихъ вниманіи и воспоминаніи. А предположеніе, что они отодвигались на второй планъ соверщеніемъ болѣе важныхъ событій и при этомъ оставались предметомъ послѣдующаго воспоминанія, прямо противорѣчитъ не только уже этому мнѣнію самого Эвальда (такъ какъ оно основано на силѣ впечатлѣнія извѣстныхъ дѣйствій, которой не чужды и менѣе выдающіяся изъ нихъ), но и тѣмъ словамъ его, что „для первыхъ христіанъ все въ жизни Господа казалось высоко-цѣннымъ“, — мысль ясно и прямо указанная нѣсколько далѣе ⁵⁰⁾.

Въ доказательство того, что первые проповѣдники Евангелія и учителя церкви довольствовались только самыми главными фактами Ев. исторіи, Эвальдъ указываетъ на посланіе Ап. Павла и творенія св. Іустина мученика († 163 г.). Это доказательство, однако, строго логически не требуется тѣмъ положеніемъ, къ которому оно направлено въ теоріи, и отчасти находится даже въ противорѣчій съ ней. Здѣсь утверждается та мысль, что въ первое время открытаго служенія Іисуса Христа и въ послѣдующее—до окончанія Его земной жизни—вниманіе наблюдателей и учениковъ Его останавливалось только на выдающихся, главныхъ фактахъ. Это по теоріи объясняется тѣмъ, что значеніе всѣхъ отдѣльных, менѣе важныхъ, обстоятельствъ стало понятнымъ только послѣ окончательнаго завершенія всей Ев. исторіи.—Теперь, напротивъ, Эвальдъ приводитъ свидѣтельство, какъ доказательство (Beweiss), что и послѣ смерти Спасителя вниманіе Апостоловъ, напримѣръ—Ап. Павла, останавливалось также только на главныхъ фактахъ,—что даже и послѣ смерти самихъ Апостоловъ, напримѣръ—въ сочи-

III

50) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 121.

Ср. Jahrb. d. b. W. 1848. S. 118.

неніяхъ св. Іустина мученика встрѣчается тоже.—Отсюда, очевидно, слѣдуетъ, что Апостолы и послѣ смерти Спасителя не понимали всей важности всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствъ жизни Его, если обращали вниманіе свое только на главные факты, какъ и при жизни Господа. Это—противорѣчіе. Но—далѣе, нѣкоторые факты Апостолы представляли главными конечно въ ряду другихъ и—по окончаніи уже всеѣй жизни Господа; а какъ они смотрѣли на такіе факты во время Его жизни, этого нельзя никакъ рѣшить на основаніи Апостольской проповѣди послѣ Его смерти, когда взглядъ на дѣло Христа у самихъ Апостоловъ совершенно измѣнился. Слѣдовательно, посланія Ап. Павла (и при томъ именно этого Апостола) не говорятъ ничего въ пользу той мысли, что Апостолы при жизни Спасителя останавливали свое вниманіе только на главныхъ обстоятельствахъ ея;—и ссылаться на эти посланія въ этомъ отношеніи не должно. Посланія Ап. Павла свидѣтельствуютъ не о трудности воспоминанія или незнаніи Апостолами фактовъ Ев. исторіи, но о томъ, что Апостолы только въ нѣкоторыхъ случаяхъ предлагали самый общій очеркъ ея, именно—въ намѣренно краткомъ изображеніи особенно выдающихся сторонъ ея, какъ дѣлалъ и Ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ, написанныхъ имъ по частнымъ случаямъ и обстоятельствамъ. Ему приходилось только напоминать и по частямъ изъяснять въ своихъ посланіяхъ то, что уже было извѣстно изъ устной проповѣди его тѣмъ, кому онъ отсылалъ свои письменныя наставленія. Онъ писалъ свои посланія по поводу частныхъ обстоятельствъ къ тѣмъ церквамъ, кои были основаны устною проповѣдію; а она начиналась и состояла въ раскрытіи жизни Іисуса распятаго, какъ Сына Божія, засвидѣтельствованнаго чудесами (Дѣян. II, 14—21. 22. 24 и др. III, 26. IV, 10. 27. X, 37—40. 1 Кор. I, 6—7. 23. II, 2—4. 2 Тим. II, 2. Евр. II, 4. Гал. III, 2. 5). Слѣдовательно, краткіе намеки на отдѣльные и при томъ особенно-важ-

ные факты Ев. исторіи у Ап. Павла обусловливались предварительнымъ знакомствомъ съ Ев. исторіею тѣхъ лицъ, къ кому потомъ писаны посланія; это совершенно ясно по: 1 Кор. I, 5—6. II, 1—2; ср. Гал. III, 2. 5. Хотя Ап. Павелъ въ посланіяхъ своихъ только уже напоминалъ то, что предварительно было имъ подробно раскрыто въ устной проповѣди своимъ слушателямъ, къ коимъ онъ потомъ отправлялъ свои посланія; но и при этомъ въ его посланіяхъ есть много положительныхъ и ясныхъ указаній на не-особенно выдающіяся обстоятельства и дѣла Господа. Апостоль упоминаетъ, напримѣръ, о томъ, какъ фарисеи, искушая Господа, спрашивали Его: позволительно ли давать подать Кесарю, или нѣтъ (МѠ. XXII, 17 и сл.),—такъ какъ онъ очень опредѣленно и сходно съ отвѣтомъ Господа учить отдавать всякому должное,—подчиняться власти и давать подати (Рим. XIII, 6—7; той же главы ст. 1 и д.). На вопросъ: какое было евангеліе у Ап. Павла и зналъ ли онъ частные случаи изъ жизни Господа, отвѣтъ находится въ его первомъ посланіи къ Коринѣянамъ. „Напоминаю (γνωρίζω) вамъ, говоритъ Апостоль, Евангеліе (το εὐαγγέλιον), которое я благовѣствовалъ вамъ, которое вы и приняли (παρέλαβετε), въ которомъ и утвердились (ужѣ), которымъ и спасаетесь, если преподанное удерживаете такъ, какъ я благовѣствовалъ вамъ; если только не тщетно увѣровали. Ибо я первоначально преподавалъ (παρέδωκα γὰρ—ἐν πρώτοις) вамъ, что и самъ принялъ (ο καὶ παρέλαβον), то есть, что Христосъ умеръ за грѣхи наши, по Писанію, и что Онъ погребенъ былъ, и что воскресъ въ третій день, по Писанію, и что явился Кифѣ, потомъ двѣнадцати. Потомъ явился болѣе нежели пяти стамъ братій въ одно время, изъ которыхъ большая часть донинѣ въ живыхъ, а нѣкоторые и почилы. Потомъ явился Иакову, также всѣмъ Апостоламъ. А послѣ всѣхъ явился и мнѣ (1 Кор. XV, 1—8)“. Слѣдовательно, Ап. Павелъ прежде своего посланія къ Коринѣянамъ передалъ имъ Евангеліе, которое и самъ при-

нять; а оно заключало въ себѣ не только главные факты изъ исторіи Спасителя, но и, такъ-сказать, второстепенные,—не только воскресеніе Христа, что составляетъ основное доказательство Христіанской вѣры (1 Кор. XV, 14), но и нѣкоторыя явленія Воскресшаго пяти стамъ братіямъ, Иакову и самому Павлу. И если объ этихъ явленіяхъ говорить Апостоль въ своемъ посланіи, гдѣ онъ только отчасти напоминаетъ свое устное Евангеліе; то несомнѣнно, что его личная, устная проповѣдь передавала и другіе подобные факты. Слѣдовательно, по посланіямъ Ап. Павла еще нельзя строго судить о его устномъ Евангеліи, а если уже судить, то скорѣе и вѣрнѣе приходится заключить, что оно содержало исторію Иисуса Христа съ ея подробностями, какъ она была „передана“ Павлу очевидцами—слушателями Господа, знавшими, какъ „Иисусъ изъ Назарета ходилъ, благотворя и исцѣляя всѣхъ, обладаемыхъ діаволомъ“,—знавшими, что „сдѣлалъ Онъ въ странѣ Иудейской и въ Иерусалимѣ (Дѣян. X, 38—39)“.

Въ писаніяхъ Св. Іустина мученика еще менѣе, чѣмъ въ посланіяхъ Ап. Павла, находятъ себѣ оправданіе мнѣніе Эвальда о томъ, что первые христіанскіе проповѣдники и слушатели ихъ обращали свое вниманіе только на самые главные факты Ев. исторіи. Изъ менѣе важныхъ, по мысли Эвальда, историческихъ фактовъ въ твореніяхъ св. Іустина указываются: рождество Іоанна Крестителя (Ап. 1, гл. XXXIII; разгов. съ Триф. XLIII, XLV, С, СІ. Ап. 1, гл. XXXIII; разгов. LXVI, XLIII, LXXXIV), рождество Христово въ Виѣдемѣ (Ап. I. XXXIV. XLVI; разгов. LXXVII, LXXXVIII, СII, СIII, CVI), рассказъ о богатомъ юношѣ (Ап. I. X; разгов. СІ; Ап. I, XIX), входъ въ Иерусалимъ и очищеніе Храма (Ап. I. XXXII. XXXV; разгов. LIII, LXXXVIII, XVII),—все это передается довольно подробно⁵¹⁾. Поэтому указаніе Эваль-

51) Ср. Kritische Untersuchungen über d. Ev. Jus-

да на сочиненія Иустина мученика не оправдываетъ положеніе его теоріи. А если бы такое указаніе съ своей стороны и оправдывало мнѣніе Эвальда, то ему бы противорѣчили указанія на второстепенные (по признанію теоріи) факты въ сочиненіяхъ другихъ отцевъ церкви того же времени. Напримѣръ, у Игнатія Богоносца упоминается о явленіяхъ Господа по воскресеніи⁵²⁾, и это мѣсто изъ сочиненій св. Игнатія было извѣстно Оригену, Иерониму и Евсевию Кесарійскому. У Папія Гераспольскаго, въ его сочиненіи: *Λογιον χριστου εζηησις*, упоминается о воскрешеніи Господомъ умершаго и о женѣ, которую обвиняли предъ Нимъ за многія преступленія⁵³⁾. Всѣ такіе факты, по теоріи, должно признать второстепенными. И вообще у отцевъ церкви есть прямое указаніе на Четвероевангеліе (Иринея, Евсевій)⁵⁴⁾.—На основаніи этихъ свидѣтельствъ должно признать вполне справедливымъ, что обыкновеніе ссылаться только на главные факты изъ Ев. исторіи не было исключительнымъ не только у многихъ отцевъ церкви первыхъ II—IV вѣковъ, но и прямо у самого Иустина мученика, какъ и у Ап. Павла.

Отсюда наоборотъ слѣдуетъ, что христіане самой древней церкви и Апостольскаго вѣка не довольствова-

tinus'. A. Hilgenfeld'. Halle. 1850. S: 101—119. А потомъ: Мѡ. XXII, 15. Ап. Іуст. I. Мѡ. II, 1—2 и Разгов.—Лук. II, 7 и Разгов. Мѡ. XXVII, 46, и Разгов. Мѡ. XXVI, 39 и Разгов.—у Kirchofer'a: d. Geschichte N. T. Canons (Qvellensammlung). Zürich. 1844. S: 95. 95—98. 99. 100.

52) Посл. къ Смирн. III. ср. Лук, XXIV, 39.

53) *Евсевія*: Церк. ист. III, 39.

54) См. d. Geschichte d. N. T. Canons bis auf Hieronymus, J. Kirchofer'a. Zürich. 1844. S. 84—85 и 35—43. Подобныя цитаты находятъ даже и у еретиковъ (у Маркіона—изъ Евангелия отъ Луки. Ibid.).

лись знаніемъ только самаго главнаго содержанія каноническихъ Евангелій. А если Эвальдъ, ссылаясь на X, 37—42 ст. книги Дѣяній Апостольскихъ, полагаетъ, что „и вообще въ вѣкъ Апостольскій былъ обычай собирать только главные факты“ изъ жизни Господа, то это положеніе не находитъ себѣ здѣсь надлежащаго основанія и даже противорѣчитъ самой теоріи его.—Въ X-й гл. 37—42 ст. если и содержится краткое указаніе на всю исторію Христа, то—съ замѣчаніемъ, однако: „вы знаете происходившее по всей Іудеѣ, начиная отъ Галилеи, послѣ крещенія, проповѣданнаго Іоанномъ“—какъ Іисусъ „ходилъ, благотворя и исцѣляя всѣхъ“, и т. д. Очевидно, такое замѣчаніе отнюдь не соответствуетъ мнѣнію Эвальда о составленіи рассказовъ только о главныхъ событіяхъ изъ жизни Іисуса Христа; а напротивъ, говоритъ, что въ вѣкъ Апостоловъ и подробная исторія Спасителя была извѣстна Ею и ихъ современникамъ: „вы знаете...“, говоритъ Апостоль Петръ. Это прямо противорѣчитъ теоріи. Она разсматриваетъ собственно составленіе Ев. исторіи, а въ ст. 37—42, X книги дѣяній Апостольскихъ дѣлается общее и краткое упоминаніе о жизни Господа, что она была извѣстна, и конечно не по такимъ рассказамъ (записямъ главныхъ фактовъ), какіе предполагаетъ Эвальдъ, а по преданію.—Мысль о составленіи Ев. рассказовъ, содержащихъ въ себѣ изложеніе на первыхъ порахъ только главныхъ Ев. событій, прямо противорѣчитъ тому, по теоріи дѣйствительному, факту исторіи Ев. письменности, рѣшительно утверждаемому Эвальдомъ, что первоначально явилось такъ называемое Древнѣйшее Евангеліе. Это, по теоріи, первый, древнѣйшій памятникъ Ев. письменности, составленный Ап. Филиппомъ. Въ этомъ Древнѣйшемъ Евангеліи, по теоріи, содержались, однако, не одни только главнѣйшія событія, но и второстепенныя; напримѣръ, покушеніе Іудеевъ съ Иродіанами на Іисуса Христа (Мѡ. XXII, 15 и д.), пребываніе Ею въ Вива-

ни въ домѣ Марѣи и Маріи (Лук. X, 38—42), и под.⁵⁵⁾ И не одно только это Древнѣйшее Евангеліе было написано въ вѣкъ Апостольскій, въ тоже время явились и другія подобныя, напримѣръ, Евангеліе отъ Марка. Съ точки зрѣнія теоріи слѣдуетъ признать, что эти труды Ев. письменности явились по современнымъ потребностямъ и, какъ такіе, были желательны для современниковъ. Слѣдовательно, вниманію болѣе раннихъ современниковъ Апостольскихъ нужно было представить не главныя только факты Ев. исторіи, но и второстепенныя, каковыя содержались, по утверженію Эвальда, въ Древнѣйшемъ Евангеліи, въ Евангеліи отъ Марка, и т. д. Если же эти Евангелія такъ удовлетворяли современнымъ потребностямъ, то что же должно сказать о времени св. Іустина мученика?—конечно, въ его время тѣмъ скорѣе и болѣе требовались свѣдѣнія о всѣхъ подробностяхъ исторіи Господа, такъ какъ, по теоріи, только современники Его были поражены самыми выдающимися событіями Его исторіи, а ближайшее поколѣніе потомковъ—людей, не наблюдавшихъ собственными очами чудесъ Христовыхъ,—нуждалось въ знаніи второстепенныхъ мелкихъ обстоятельствъ оной,—чему и удовлетворяли всѣ, извѣстные Эвальду, Евангеліи до послѣдняго, по теоріи, девятаго.—Евангелія отъ Луки включительно. — Слѣдовательно, указаніе на творенія Іустина мученика, въ свою очередь, скорѣе служить историческимъ противорѣчіемъ теоріи, которая требованія и удовлетворенія касательно второстепенныхъ фактовъ Ев. исторіи относитъ не ко второму, а къ первому, Апостольскому вѣку.—Слѣдовательно, данному мнѣнію въ теоріи Эвальда находятся

55) Это изъ многихъ—напримѣръ: см. Н. Ewald' d. Drei ersten Evangelien. Gött. 1850. S. 42 и s. w. 122 и s. w.,—по соответственному шрифту.

противорѣчія, именно—въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (X, 37—42), въ твореніяхъ св. Іустина Мученика и даже въ самой теоріи.

Если въ вѣкъ Апостольскій дѣйствительно были: желаніе, возможность и дѣйствительность собранія всякихъ разказовъ изъ Ев. исторіи; то слѣдуетъ, что для образованія матеріи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій не было „трудности, полагаемой самимъ временемъ“ ихъ образованія.

Если трудность образованія Ев. разказовъ должна устраняться совсѣмъ должнымъ признаніемъ дѣйствительнаго и дѣятельнаго стремленія знать Ев. исторію; то это стремленіе должно было принадлежать прежде всѣхъ и по преимуществу близко знавшимъ Господа Двѣнадцати Апостоламъ, а не „постороннимъ, вновь поступающимъ въ Его церковь, вѣрующимъ“.—Въ самомъ дѣлѣ, если, по мнѣнію Эвальда, „стремленіе и дѣятельность многихъ старѣйшихъ членовъ церкви особенно должны были направиться къ воспоминанію отдѣльныхъ происшествій полной Исторіи Христа“⁵⁶⁾; то почему же не сами старѣйшіе члены Христовой церкви могли поддерживать такое желаніе, а непременно посторонніе?—Это не вѣроятно и тѣмъ болѣе, что Апостолы сильно желали быть и жить со Христомъ. Они должны были необходимо вспоминать и, для этаго, уже напередъ знать ученіе Іисуса Христа, а вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминать и дѣла Его, свидѣтельствующія объ истинности Его ученія. Это тѣмъ болѣе—такъ, потому что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ изреченій Его были совершенно ясно понятны только изъ историческихъ поводовъ къ ихъ произнесенію; даже самое основаніе Ев. ученія, его основоположныя истины связывались съ воспоминаніемъ историческаго прошедшаго. Поэтому, когда производились первые

56) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 119.

опыты собиранія всѣхъ отдѣльныхъ воспоминаній, то Евангелистамъ не приходилось обращать свой взоръ съ конца великой Ев. исторіи на ея начало и не лежало между тѣмъ и другимъ давнопрошедшее время; такъ какъ трехлѣтнее открытое служеніе—дѣятельность и ученіе—Господа уже было въ твердой памяти очевидцевъ—слушателей Его.—Слѣдовательно, для первыхъ Евангелистовъ—Двѣнадцати Апостоловъ не было трудности при образованіи Ев. разказовъ въ томъ самомъ времени, когда оно началось.

Не смотря на первое затрудненіе, какое, по теоріи, причиняло самое время образованія Ев. разказовъ, дѣятельность Евангелистовъ тѣмъ не менѣе стремилась къ осуществленію той своей цѣли, чтобы всѣ отдѣльныя обстоятельства цѣлой Ев. исторіи сдѣлать предметомъ воспоминанія и разказа. Но дѣятельное стремленіе ихъ находило еще новыя трудности въ разнообразныхъ широкихъ областяхъ самой этой исторіи.

„Періодъ открытой дѣятельности Христа былъ относительно очень не продолжителенъ; а между тѣмъ какая полнота и разнообразіе дѣлъ, какое неистощимое богатство мыслей и истинъ открылось въ теченіе этого короткаго времени ⁵⁷⁾! Теперь, когда вниманіе Евангелистовъ съ окончанія дѣятельности Христовой было обращено на все теченіе оной до самаго начала, то малѣйшія частицы этой полной и законченной дѣятельности должны были казаться безконечно-цѣнными. Между тѣмъ вся открытая дѣятельность и ученіе Христа раскрывались и развивались по всей странѣ,—по хижинамъ и полямъ, морскимъ берегамъ и горамъ, селеніямъ и городамъ,—въ народныхъ собраніяхъ и уединенныхъ бесѣдахъ!“ Слѣдовательно, разумѣется по теоріи, весьма трудно было воспроизвести въ историческомъ воспоминаніи все содер-

жаніе Ев. исторіи.—Но если въ подлежащей Евангелистамъ исторіи дѣятельности Христовой была такая полнота дѣлъ и мыслей; то ужели при этомъ могла быть трудность въ образованіи матеріи Ев. разказовъ?—нѣтъ: или изъ многаго они легко могли выбрать немногое, чтó равнялось-бы содержанію нашихъ трехъ каноническихъ Евангелій, или этой полноты дѣлъ и мыслей Христовыхъ предъ ними не было. Эвальдъ не намѣренъ допустить послѣднее: иначе трудность переходитъ уже въ невозможность всякаго образованія Ев. разказовъ; потому что у Евангелистовъ не было-бы и матеріи для повѣствованія. А это дѣйствительно противорѣчило бы тому несомнѣнному факту, что въ непродолжительное время совершилась вся дѣятельность Христа и потому забыть ее еще было нельзя,—тѣмъ болѣе, что она производила достаточно сильное впечатлѣніе на современниковъ и по преимуществу на Апостоловъ, призванныхъ къ подобной же дѣятельности. Они, по самой цѣли ихъ призванія, должны были помнить все, по крайней мѣрѣ со времени своего призванія, а поэтому какъ много у нихъ должно было образоваться матеріи для Ев. разказовъ!—Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что, по мнѣнію Эвальда, даже и малѣйшія частицы полной и законченной дѣятельности Христа должны были казаться драгоценнѣйшими, если вниманіе Евангелистовъ было обращено съ окончанія на все теченіе этой дѣятельности. Но почему же съ конца, а не во-время теченія оной, каждое отдѣльное обстоятельство могло казаться очевидцамъ его драгоценнѣйшимъ?—нѣтъ, тогда еще—тѣмъ болѣе!—Апостолы еще довольно рано исповѣдали Иисуса Христа Сыномъ Божиимъ (Мк. XVI, 13—28. Мр. VIII, 27—38. Лук. IX, 18—27), такъ же исповѣдали Его въ-слухъ народа и бѣсы, о Немъ также говорили всѣмъ и дѣла Его,—съ ужасомъ удивлялись Ему массы народа... Ужели при этомъ всѣ дѣйствія чудеснаго и небеснаго Равви не должны были глубоко проникать и на весьма долго оставаться въ памяти наблюдателей?—Пусть „вся открытая дѣятельность

57) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 121.

и учение Христа раскрывались и развивались по всей странѣ,—по хижинамъ и полямъ, морскимъ берегамъ и горамъ, селеніямъ и городамъ,—въ народныхъ собраніяхъ и уединенныхъ бесѣдахъ—въ этомъ также не могло быть трудности собственно при стремленіи Евангелистовъ сдѣлать предметомъ воспоминанія и разказа отдѣльные обстоятельства полной исторіи земнаго явленія Христа. Всѣ многочисленныя дѣла Его совершились сравнительно въ очень непродолжительное время, а если ихъ было много и въ короткое время; то это служитъ вѣрнымъ условіемъ для относительно лучшаго запоминанія и воспоминанія многихъ изъ нихъ, чтобы впоследствии рассказать ихъ столько, сколько содержится по крайней мѣрѣ въ нашихъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ. Но, какъ-бы напередъ сознавая такой выводъ изъ своего мнѣнія, Эвальдъ здѣсь же замѣчаетъ: „а если-бы кто пожелалъ думать, что Двѣнадцать (Апостоловъ) всегда однако сопровождали Господа и уже то, что они пережили и замѣтили, могло быть достаточною матеріей ихъ разказовъ, тогда въ этомъ весьма-бы ошибся; такъ какъ Двѣнадцать (Апостоловъ) относительно такъ рано (?) не были ближайшими учениками Христа“—⁵⁸). Едвали въ данномъ случаѣ кто пожелалъ бы такъ думать, потому что вопросъ не въ томъ, какъ рано двѣнадцать Апостоловъ стали свидѣтелями и близкими учениками Господа, а въ томъ—съ трудомъ-ли они могли воспоминать именно тѣ отдѣльные обстоятельства Ев. исторіи, которыя составляютъ содержаніе, и образовывать именно тѣ разказы, которые составляютъ объемъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій, теперь находящихся у насъ подъ руками,—эти событія Ев. исторіи, рано или поздно, но самолично, наблюдали двѣнадцать Апостоловъ (кромя событій изъ исторіи дѣтства Иисуса Христа). Сомнительно-отрицательнаго отвѣта на этотъ во-

58) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 121.

прось рѣшительно не можетъ быть при сознаніи, что Апостолы, по свидѣтельству первоверховнаго изъ нихъ Петра, „находились во все время, когда пребывалъ съ ними и обращался Господь Иисусъ, начиная отъ крещенія Иоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся (Дѣян. I, 21—22)“, и не только Апостолы, но и другіе сотрудники ихъ, какъ Матѳей, возведенный впоследствии въ апостольское достоинство, Варсава и Евангелистъ Лука (Дѣян. I, 23 ст. Лук. I, 1 и д.) и даже посторонніе (Дѣян. X, 37). Это свидѣтельство книги Дѣяній Апостольскихъ служитъ основаніемъ для рѣшительнаго утвержденія, что Апостолы могли образовать матерію немногихъ и простыхъ разказовъ по большей части о весьма важныхъ событіяхъ, содержащихся только въ первыхъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ.

Если Апостолы могли быть свидѣтелями и проповѣдниками столькихъ и такихъ дѣлъ Иисуса Христа; потому что для нихъ не было трудностей въ обстоятельствахъ ихъ воспоминанія: то не было-ли подобныхъ трудностей въ самыхъ предметахъ Апостольскаго воспоминанія?—Эвальдъ утверждаетъ, что „если смотрѣть на обѣ стороны открытой дѣятельности Христа,—Его дѣла и рѣчи; то дѣла не легко могли быть правильно поняты именно потому, что они были очень многочисленны и совершенно различны; еще труднѣе было вѣрно хранить въ памяти рѣчи Спасителя. Если жало Его рѣчей проникало глубже, чѣмъ всякихъ другихъ (рѣчей), то бездонная глубина и незримая высота ихъ стояли отъ понятій очень многихъ слушателей такъ далеко, что имъ нельзя было легко, охотно и точно запечатлѣвать ихъ въ своей памяти. Неоспоримо, конечно, то, что нѣкоторые цвѣты, какъ и нѣкоторыя остроты рѣчей Христовыхъ рано, отчасти съ злымъ умысломъ, отчасти и безъ оного, были поняты въ худую сторону (какъ примѣръ перваго случая: Мѳ. XXVI, 61 (Мр. XIV, 58) и Иоан. II, 19; какъ примѣръ втораго: Мр. VI, 8; ср. Мѳ. X, 10. Лук. IX, 3);“—

тѣмъ не менѣе, разумѣется въ теоріи, было очень трудно запомнить и воспроизвести рѣчи Христовы⁵⁹).—Но разнообразіе и многочисленность дѣлъ, глубина и высота рѣчей едва-ли могутъ въ самомъ дѣлѣ составлять трудность для образованія матеріи Ев. исторіи. Разнообразіе не имѣетъ ни какого препятствующаго отношенія къ пониманію и воспоминанію разнообразнаго: предметомъ воспоминанія и знанія почти всегда бываетъ различіе и множество представленій, мыслей и дѣлъ⁶⁰). Множественность можетъ служить препятствіемъ надлежащему воспоминанію, но только тогда, когда она чрезмѣрно велика; а въ сравнительно небольшой мѣрѣ и множественность не препятствуетъ полнотѣ сознательно-разумнаго воспоминанія, особенно когда это воспоминаніе относится къ своему предмету свободно,—изъ многаго воспроизводитъ не все, а что угодно. И всякое, по содержанію весьма полное, воспоминаніе не обнимаетъ совершенно всей полноты своего предмета. Эвальдъ не опредѣляетъ степень и мѣру этой множественности, на которую онъ такъ строго обращаетъ свое вниманіе; а если имѣть въ виду, что содержаніемъ нашихъ именно первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій имѣетъ и cadaго отдѣльно было относительно не очень много матеріи: то съ отсутствіемъ множественности не остается основанія признать данную трудность при образованіи рассказовъ, составляющихъ содержаніе собственно каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки. Если всякій обыкновенно-развитой человѣкъ можетъ хранить въ своей памяти, хотя и не вполне понимать, напримѣръ, исторію войны съ начала и до конца, процессъ судебнаго дѣла, какое либо общественное происшествіе и вообще событія весьма интересныя и важныя для него, особенно вліятельныя на его жизнь; то тѣмъ болѣе Апостолы долж-

59) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 121—122.

60) Это хорошо извѣстно было еще Аристотелю. См. Ученіе Аристотеля о думѣ. О. Зеленогорскаго. Спб. 1871. Стр. 53—58.

ны были и могли хранить въ своей памяти исторію Спасителя, признаннаго ими за Сына Божія.

Если и не вполне поняты были всѣ дѣла Христовы Его ученикамъ; то это нисколько не говоритъ въ пользу мнѣнія Эвальда: ибо съ его точки зрѣнія матерія Ев. исторіи на первый разъ должна быть въ видѣ отдѣльныхъ рассказовъ; а не понятною она могла быть только при общемъ и связаномъ обзорѣ ея, когда смыслъ cadaго отдѣльнаго историческаго обстоятельства—въ прагматической связи всей исторіи—становился болѣе глубокимъ и важнымъ. Но и такой смыслъ можетъ быть понятъ, хотя и не во всемъ его совершенствѣ. А если при этомъ отдѣльныя происшествія Ев. исторіи были ясно-очевидны, производили достаточно сильное впечатлѣніе и потому дѣлались отчетливо-понятными; то они удобно могли быть содержаніемъ историческаго воспоминанія.

По теоріи, еще труднѣе, нежели дѣла Господа, можно было сохранять въ памяти рѣчи Его—„по ихъ бездонной глубинѣ и недозримой высотѣ“. То и другое не было однако препятствіемъ къ запоминанію и воспоминанію ихъ. Глубина смысла рѣчей Иисуса Христа бездонная, но Апостолы и не должны были прозрѣть эту глубину во всей ея безконечности. Это было бы страннымъ притязаніемъ ихъ разума, ограниченнаго еще въ пониманіи предметовъ и не столь глубокихъ (Лук. XVIII, 34): только „Духъ (Божій) все проникаетъ, и глубины Божіи (I Кор. гл. II, ст. 10)“, а стремленіе понять премудрость Бога—Слова во всей ея глубинѣ и есть стремленіе къ испытанію именно глубины разума Божія. Не всю глубину, а въ извѣстной мѣрѣ глубокой смыслъ словъ и дѣлъ Спасителя, должны были и могли понимать Апостолы еще и до сошествія на нихъ Св. Духа⁶¹). Немыслимо, что-

61) Здѣсь рѣчь идетъ о пониманіи Ев. исторіи Апостолами до сошествія на нихъ Св. Духа въ день Пятидесятницы. Очевидно, Эвальдъ совершенно несправедливо опускаетъ изъ виду этотъ историческій фактъ и—воспроизведеніе

бы столь глубоко-премудрый Наставникъ говорилъ столь многія рѣчи такъ, чтобы ихъ не понимали усердные Его слушатели: иначе, какъ объяснить ихъ усердное вниманіе къ слушанію Его слова,—что несомнѣнно?—и, если Господь—Наставникъ видѣлъ въ Апостолахъ невниманіе и непониманіе, то какъ же Онъ Самъ продолжалъ учить?... Несомнѣнно, Онъ говорилъ всѣ рѣчи съ полною и не напрасною увѣренностію, что Его понимаютъ; а если случалось, что слушатели не понимали премудрыхъ, иногда намѣренно прикровенныхъ, рѣчей Бога-Слова; то Онъ объяснялъ имъ приблизительно до ихъ пониманія въ тоже время или послѣ и такъ методично, какъ свойственно было только Ему, единственно величайшему Учителю міра въ безконечныя вѣки. Несомнѣнно, Апостоламъ „дано было отъ Господа знать тайны царствія небеснаго!...“ (Мѡ. XIII, 11). Рѣчи Христа по содержанию были высоки, но Онъ принижалъ ихъ до дѣтскаго пониманія приточнымъ способомъ изъясненія ихъ; отвлеченнѣйшія идеи, глубочайшія по содержанию, Онъ излагалъ въ наглядныхъ картинахъ человѣческой жизни и дѣятельности. При такомъ способѣ наученія Апостолы едва ли не понимали— конечно относительно-глубоко— даже и всѣхъ рѣчей Господа,—едвали, можно думать въ виду того, что притчу, напримѣръ, о сострадательномъ самарянѣ (Лук. X, 30—37), понимаютъ и дѣти, хотя смыслъ и значеніе ея понятны относительно-полно только тѣмъ, кто знаетъ христіанскую любовь и состраданіе по собственному искреннему и неоднократному опыту. Смыслъ притчи весьма высокій, такъ какъ до него не додумались всѣ философы древности и законники народа іудейскаго (Лук. X, 24, 25 и 29); но въ этой притчѣ онъ

содержанія Ев. исторій объясняетъ при помощи только естественныхъ способностей Евангелистовъ. Но такое невниманіе Эвальда ни сколько не благопріятствуетъ его стремленію: несправедливость игнорирования такого событія, какъ сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, обличается сама собой при тщательномъ разборѣ его теорій.

такъ приспособленъ къ пониманію, что доступенъ и сознанію сколько-нибудь развитыхъ дѣтей.

При подобномъ, относительно-глубокомъ, пониманіи рѣчей Господа едва ли могло быть указанное Эвальдомъ затрудненіе къ памятованію и запоминанію, а потомъ и воспроизведенію ихъ,—едвали, потому что и самъ Эвальдъ признаетъ „неоспоримымъ то, что нѣкоторые цвѣты, какъ и нѣкоторыя остроты рѣчей Христовыхъ, рано, отчасти съ злымъ намѣреніемъ, отчасти и безъ онаго, были поняты въ худую сторону: Мѡ. XXVI, 61, Мр. XIV, 58. Іоан. II, 19. Мр. VI, 8. Мѡ. X, 10. Лук. IX, 3.⁶²⁾— Но эти примѣры не идутъ собственно къ дѣлу, потому что вопросъ не касается такого или инаго (злоумышленнаго) пониманія, а именно—того: могли-ли слова и дѣла Господа, какъ бы то ни понятыя, быть предметомъ дѣйствительнаго воспоминанія и потомъ матеріей разсказовъ Ев. исторій. А этого-то и не выясняютъ указанные примѣры, потому что они, представляя истинное и ложное пониманіе, утверждаютъ только то, что всячески понятія рѣчи могли долго оставаться въ памяти слышателей. Эти представленные примѣры показываютъ, что Евангелисты хранили въ памяти и потомъ воспроизводили даже и то, что и какъ было воспринято другими лицами; тѣмъ болѣе они могли сохранить въ своей памяти свои личныя впечатлѣнія и наблюденія, которыя, естественно, легче воспроизвести, чѣмъ мысли и чувства фарисеевъ и подобныхъ имъ лицъ. И если въ памяти Апостоловъ, фарисеевъ и другихъ лицъ могло сохраняться плохо понятое, то могло также сохраниться въ ней и правильно понятое, много разъ намѣренно разъясненное Господомъ и чрезъ это разъясненіе выставленное для особеннаго вниманія и болѣе отчетливаго пониманія слушателей (напримѣръ: Мѡ. XII, 46—50. XVII, 1—13. 22—23. XVIII, 1—5. VIII, 19—22;

и всё притчи). Несомненно, всё изреченія Иисуса Христа, которыя, по теории, запоминались съ различными цѣлями, становились предметомъ воспоминанія только потому, что признавались важными въ какомъ-бы то ни было отношеніи и—ради своей важности—достойными воспоминанія и твердаго памятованія. Слѣдовательно, основаніе запоминанія изреченій Спасителя есть ихъ важность. А этой-то важности не чужды были и всё изреченія Господа, по сознанию Его послѣдователей, что признаетъ и сама теорія. Слѣдовательно, довольно рано въ памяти слушателей Спасителя стали сохраняться по возможности всё Его изреченія, какъ важныя по своему содержанію,—для различныхъ лицъ въ различныхъ отношеніяхъ.

Рѣшительный фактъ противъ непониманія рѣчей Господа Его Апостолами есть положительное историческое существованіе многихъ изъ нихъ съ соотвѣтственною имъ высотой и глубиной—въ нашихъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ отъ Маттея, Марка и Луки,—положительное потому, что и самъ Эвальдъ не отрицаетъ правильно понятый смыслъ ихъ, если онъ представляетъ въ примѣръ противнаго только нѣкоторыя изреченія Христовы: Мѣ. XXVI, 61. Мр. XIV, 58 и пр., умышленно неправильно понятыя или непреднамеренно; потому что и онъ самъ судить о глубокомъ смыслѣ рѣчей Христовыхъ по Евангеліямъ, въ которыхъ они записаны Апостолами; потому, наконецъ, что самъ онъ Собраніе изреченій признаетъ подлиннымъ трудомъ Ап. Маттея, гдѣ всё рѣчи весьма точно соотвѣтствуютъ устно произнесеннымъ Самимъ Спасителемъ, какъ утверждаетъ Эвальдъ. Слѣдовательно, пониманіе и запоминаніе рѣчей Господа при ихъ глубинѣ и высотѣ было; а потому трудности для ихъ произведенія, а потомъ и образованія матеріи Ев. исторіи, не было.

Если же безъ всякихъ доказательствъ принять за вѣрное, что всё, указаннаго Эвальдомъ, трудности при образованіи Ев. исторіи дѣйствительно существовали, именно:

значительно великій періодъ закрытой дѣятельности, необычайность и поразительность фактовъ открытой, многочисленность и разнообразіе дѣлъ въ сравнительно небольшой періодъ времени, глубина и высота рѣчей Спасителя,—все это были дѣйствительныя и значительныя трудности; то прямо и необходимо слѣдуетъ, что уже рѣшительно не могло образоваться матеріи Евангелій; потому что этими трудностями ея образованія исключались всё благопріятныя тому условія. Если человѣкъ не видать и не слыхалъ того, что было, или видѣлъ, но не запомнилъ, старался запомнить, но въ тоже время непонималъ; то, конечно, такой человѣкъ ничего не могъ и рассказать о томъ, что предъ нимъ совершилось. Но Эвальдъ, желая утвердить за понятіемъ трудности собственное и точное его значеніе, дѣлаетъ чисто теоретическое предположеніе примирительнаго свойства,—то, что „между многими ближайшими или дальнѣйшими учениками Христа, конечно, легко могли находиться и такіе, въ сердцахъ которыхъ Его слова содержались вѣрнѣ (*treuer gehaftet*) и которые были способны вѣрнѣ передавать (*getreuer wiederzugeben fähig waren*) ихъ; другіе могли ближе разсматривать (*näher beachtet*) Его дѣла и соотвѣтственнѣе (*entsprechender*) передавать ихъ въ свойственномъ имъ видѣ; иные, не боясь проходить селенія и хижины, собирали полный циклъ воспоминаній о Его дѣлахъ“⁶³).

63) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 122. Дѣлаемъ намѣренно эту преимущественную ссылку потому, что такія слова Эвальда, при точномъ ихъ пониманіи, въ связи съ предыдущимъ, составляютъ прямое и неразрѣшимое противорѣчіе одному изъ самыхъ главныхъ положеній его теории, что компилятивный характеръ синоптиковъ обуславливается трудностями образованія Ев. матеріи. Здѣсь прямо говорится: *es müsten jawohl unter d. vielen engern oder weitem Schülern Christi nun auch solche sich leicht finden in deren Herzen Seine Worte treuer gehaftet und die sie getreuer wiederzugeben fähig waren u. s. w.* Эти слова въ теории слѣдуютъ непосредственно за предыдущей выдержкой, гдѣ говорится, что могли сохраниться нѣкоторые отрывки рѣчей Христовыхъ въ памяти

Могли-ли и находились-ли дѣйствительно такіе Евангелисты?—вотъ естественно возникающій вопросъ при сознаніи трудностей, предполагаемыхъ Эвальдомъ при образованіи матеріи Ев. исторіи.

Какъ могли быть такіе „близкіе и далекіе ученики“ Господа, когда „отнюдь ихъ такъ рано не было, “—по утвержденію самого же Эвальда? и какъ между учениками Его могли сохраниться желаніе и способность (Fähigkeit) содержать въ памяти то, что совершалъ Господь, если это желаніе поддерживалось „посторонними, которые вступали въ общество вѣрующихъ ⁶⁴⁾“,—если такая способность находила для своей дѣятельности многія препятствія, какъ бы парализовалась многими трудностями при своемъ проявленіи?—Если и были такіе близкіе и такъ способные ученики, то какъ же, однако, могли въ ихъ сердцахъ вѣрнѣе содержаться слова Господа, если эти слова по своей бездонной глубинѣ и недозримой высотѣ были выше пониманія многихъ слушателей?—Многіе изъ учениковъ Господа могли вѣрнѣе, нежели посторонніе, хранить въ своемъ сердцѣ слова Его; но какъ,—понимая или не-понимая?—Если—понимая, то нѣтъ нужды и говорить о непониманіи многихъ, какъ трудности для запоминанія и воспоминанія Ев. событій и словъ Господа, какъ препятствіи образованію матеріи Ев. исторіи; такъ какъ, поэтому, многіе сохраняли все это не только вѣрно (treu), но и вѣрнѣе (treuer), нежели другіе. Таковую возможность имѣли одни изъ учениковъ Христовыхъ относительно именно изре-

разныхъ лицъ и по различнымъ побужденіямъ. А нѣсколько выше Эвальдъ, въ противорѣчіе со всѣмъ этимъ, говоритъ именно такъ: „denn die Zwölf verhältnissmässig nicht einmal so früh die näheren Schüler Christi wurden, wird unten gezeigt werden (Jahrb. 1848. S. 121).—Кто же были vielen engern Schulern Christi, in deren Herzen Seine Worte treuer gehaftet waren?—

64) Jahrb. 1848. S. 119.

ченій Его; а другіе ближе рассматривали дѣла его: значить, эти или сами были свидѣтелями ихъ, или слышали о нихъ отъ очевидцевъ, и—прямо понятно—такіе Евангелисты безъ трудностей для себя могли образовать матерію Ев. рассказовъ. Для нихъ не существовало трудностей времени, непониманія высоты и глубины рѣчей, а былъ только трудъ собиранія; но трудъ—не препятствіе. Наконецъ, существованіе тѣхъ и другихъ учениковъ прямо устраняетъ предположеніе, что были еще нѣкоторые, путешествовавшіе по селеніямъ и хижинамъ и тамъ собиравшіе матерію Ев. исторіи. Само по себѣ это предположеніе ничего не говоритъ ни о трудностяхъ, ни о удобствахъ собственно первоначальнаго образованія матеріи Ев. рассказовъ и рѣчей; а въ связи съ другими удобствами оно не нужно, чтобы признать безпрепятственную возможность такого образованія; и во всякомъ случаѣ оно скорѣе говоритъ о томъ, что путешествующіе Евангелисты (Reiseevangelisten) легко могли образовать матерію Ев. исторіи.

Предположеніе такого рода Евангелистовъ вызвано предположеніемъ трудностей; но какое же, однако, изъ этихъ двухъ предположеній должно быть признано первымъ, обуславливающимъ другое логически и на самомъ дѣлѣ? Это зависитъ отъ рѣшенія вопроса: откуда и насколько извѣстно, что были трудности при первомъ образованіи матеріи Ев. рассказовъ и рѣчей? Само Четвероевангеліе и все Св. писаніе Новаго Завѣта ничего на это не говоритъ, также нисколько и преданіе вселенской церкви. Слѣдовательно, предположеніе трудностей, выше рассмотрѣнныхъ, есть чисто теоретическое. Но если примѣнить его къ фактически данному характеру синоптиковъ, то оказывается, что въ немъ нѣтъ ни одной черты, сколько нибудь говорящей за трудности его изображенія и—составленія синоптиковъ. Напримѣръ, Эвальдъ предполагаетъ трудность пониманія высоты и глубины изреченій Спасителя; но откуда ему извѣстно, что эти изре-

ченія были „бездонно-глубоки и незримо-высоки по своему смыслу“?—конечно, — изъ содержанія этихъ же изреченій, находящихся въ синоптикахъ. А если такъ, то слѣдуетъ, что изреченія Спасителя могли быть, какъ и дѣйствительно были, воспроизведены Евангелистами въ ихъ высотѣ и глубинѣ. Если такъ, то что же указываетъ на трудность ихъ такого соотвѣтственно-полнаго воспроизведенія?—ничто. Слѣдовательно, нѣтъ основанія и даже повода думать о трудностяхъ составленія Ев. исторіи, а потому и о разнаго рода Евангелистахъ. Не только одно предположеніе (трудностей) не нужно для другаго (Евангелистовъ); но и оба вмѣстѣ излишни. А если по фактически данному характеру синоптиковъ нѣтъ побужденія и основанія предполагать трудности для ихъ образованія; то это вполне соотвѣтствуетъ предварительно разсмотрѣнному признанію Эвальда, что „между многими ближайшими или дальнѣйшими учениками Христа должны быть, даже легко могли быть, и такіе, въ сердцахъ которыхъ слова Его сохранялись вѣрнѣе, нежели въ другихъ, и которые были способны передавать ихъ точнѣе. Еще вѣрнѣе и прямѣе должно сказать тоже по отношенію къ дѣламъ Христовымъ, судя по ихъ объективнымъ свойствамъ. Слѣдовательно, указанныхъ доселѣ трудностей въ образованіи матеріи Ев. рассказовъ въ дѣйствительности не было.

Это заключеніе, рѣшительное въ отношеніи къ чисто-теоретическимъ соображеніямъ Эвальда о трудностяхъ, однако, подвергается нѣкоторому ограниченію. Онъ утверждаетъ, что „существованіе разнаго рода способныхъ учениковъ Христовыхъ не мѣшаетъ ясному представленію того, какъ трудно было хотя-бы только собрать всѣ воспоминанія, потомъ тщательно просмотрѣть, провѣрить (sichten) и, наконецъ, привести ихъ въ соотвѣтствующій связный порядокъ“.—Послѣднее могло быть трудно; но дѣло идетъ не о приведеніи въ порядокъ и расположеніи въ ряды различныхъ воспоминаній; а о собираніи

и образованіи матеріи Ев. рассказовъ и рѣчей. Простое заявленіе здѣсь о трудности собиранія, какъ только простое повтореніе фразы, ничего не значитъ: „было трудно собирать...“ но въ томъ-то и дѣло—почему же именно было трудно? Если дѣйствительно были ученики Господа вѣрнѣе, нежели кто другой, сохранявшіе рѣчи Его въ своемъ сердцѣ; то для нихъ нигдѣ и ни въ чемъ не встрѣчались трудности, предполагаемыя теоріей.

Отсюда и теперь возникаетъ дилемма, рѣшающая, наконецъ, вполне вопросъ о первыхъ трудностяхъ. Или указанные Эвальдомъ трудности дѣйствительно были въ такомъ видѣ и въ такой степени, и тогда они являются полнѣйшими препятствіями, подавляющими дѣятельное образованіе матеріи Ев. рассказовъ и рѣчей: или эти трудности совершенно преодолимы противоположными имъ удобствами, и тогда они становятся недѣйствительными. Въ этой дилеммѣ то и другое положеніе равно доказаны Эвальдомъ, а потому она представляетъ въ себѣ прямое противорѣчіе и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательное опроверженіе основаннаго на ней взгляда относительно трудностей образованія и—компилятивнаго характера синоптиковъ.

Не имѣя въ виду полнѣйшаго противорѣчія въ своихъ чисто-теоретическихъ предположеніяхъ о трудностяхъ, Эвальдъ, на основаніи предполагаемой при томъ возможности—составлять Ев. исторію, развиваетъ свою теорію далѣе и, въ-частности, говоритъ о возникновеніи связныхъ рассказовъ.—По его мнѣнію, образованіе рассказовъ въ связи было дѣломъ снова труднымъ даже и для тѣхъ учениковъ Христовыхъ, которые способны были хранить въ своей памяти и передавать другимъ рѣчи Христовы. Совершенно непонятно, однако, почему же отъ редакціи такихъ способныхъ Евангелистовъ (fähig wieder zugeben), какихъ Эвальдъ предполагаетъ въ возможности, могли выходить только отрывочные рассказы и—послѣ они должны были явиться уже въ связи. Если, по взгляду Эвальда, „духъ времени и образованіе народа,

которому современно возникновение Евангелій, склонялись болѣе къ строжайшему соединенію отдѣльных обстоятельствъ и къ изложенію ихъ во внутренней связи " 65); то почему же этому направленію своего времени не удовлетворяли вполнѣ первые образователи Ев. рассказовъ?—Этому препятствовало „сильно-возбужденное стремленіе (Drang) въ первое время христіанства, недопускавшее обстоятельнаго приготовленія (Anstalt) и приспособленія (Zurüstung) къ тому, никакого простаго (bloss) накопленія историческаго матеріала для произвольнаго употребленія его, отвѣчаетъ теорія " 66). Но и безъ особаго приготовленія могла образоваться матерія рассказовъ въ связи, какъ матерія всякой, болѣе или менѣе точной и соотвѣтственно-полной исторіи,—въ мысли сосредоточеннаго автора ея. Если матерія Ев. рассказовъ, въ извѣстномъ количествѣ, могла быть собрана и безъ особыхъ приготовленій; то соотвѣтственно могла быть такъ же и связь въ ней. Если сильно-возбужденное стремленіе въ первое время христіанства не могло препятствовать воспоминанію фактически данной матеріи Ев. рассказовъ, то —и логическому обдумыванію оной и составленію связанныхъ Ев. рассказовъ при соотвѣтственномъ воспоминаніи дѣйствительныхъ событій. Отсюда—дилемма: или въ первое время христіанства стѣснено было изложеніе Ев. рассказовъ въ связи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стѣснена была этого рода умственная дѣятельность вообще и самое собраніе историческаго матеріала; или—не было такого подавляющаго стѣсненія въ то время, а потому была возможность въ извѣстной мѣрѣ связно мыслить матерію Ев. рассказовъ. Если же собраніе матеріи ихъ дѣйствительно было и при немъ необходима была даже критическая работа мысли (sichten); то вмѣстѣ съ тѣмъ должно допустить и логически связанное составленіе рассказовъ. Иначе,

65) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 123.

66) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 123.

какому требованію и какъ могло удовлетворить такое простое скучиваніе историческаго матеріала въ видѣ отдѣльныхъ, стоящихъ независимо другъ отъ друга, безсвязныхъ рассказовъ?—Оно, по мысли Эвальда, должно было удовлетворять потребностямъ тѣхъ новыхъ членовъ, кои постепенно вступали въ церковь и желали знать о Спасителѣ. Но надлежащаго о Немъ познанія по отдѣльнымъ дѣламъ и изреченіямъ Его, безъ ихъ связи и смысла, по крайней мѣрѣ безъ надлежащаго значенія ихъ, не могло быть; а если было, то—крайне одностороннее, далеко неудовлетворительное для потребностей новыхъ христіанъ.

Такую неудовлетворительность за этимъ знаніемъ признаетъ и самъ авторъ теоріи, когда говоритъ, что „въ первыхъ опытахъ отдѣльныя воспоминанія оставались безъ связи одно съ другимъ; а въ послѣдующихъ они должны были скоро явиться въ возможно большой связи, съ чѣмъ вмѣстѣ должны были окончиться и самые опыты такого рода " 67) Почему—„скоро“? причины этого Эвальдъ не указываетъ; но это могло быть единственно потому, что первые опыты собранія безсвязныхъ рассказовъ были неудовлетворительны; тѣмъ не менѣе, по теоріи, сначала явились эти неудовлетворительные опыты собранія безсвязныхъ рассказовъ.

Но почему же нужно предполагать раздѣльное появленіе сначала безсвязныхъ, а потомъ связанныхъ рассказовъ?—на это нѣтъ въ теоріи никакого прямаго отвѣта. Если и говоритъ Эвальдъ, что образованіе связанныхъ рассказовъ „не могло быть достигнуто только чрезъ возможно точное воспоминаніе о всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствахъ " 68); то этимъ „не могло“ ничего не доказывается: собраніе матеріи Ев. рассказовъ и связанное обра-

67) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 123.

68) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 123

зование ихъ могли быть одновременны. „Если бы, съ сомнѣніемъ замѣчаетъ далѣе Эвальдъ, это даже и было возможно, то какъ могло быть достигнуто тоже относительно всѣхъ отдѣльныхъ словъ (d. einzelnen Worte) Христа, какъ они могли быть переданы соотвѣтственно своимъ мѣстамъ и временамъ, гдѣ и когда они были сказаны,—переданы точно въ ихъ отдѣльности?“⁶⁹⁾—Очевидно, невозможность точнаго воспроизведенія словъ предваряется здѣсь трудностію воспроизведенія въ связи дѣлъ Христовыхъ; отсюда—возможность предварительнаго воспроизведенія фактовъ тѣмъ болѣе и скорѣе, чѣмъ болѣе и скорѣе возможность послѣдующаго воспроизведенія. Слѣдовательно, если можно было вспоминать слова, то тѣмъ скорѣе еще факты; но слова легко возможно было воспроизводить, и даже независимо отъ дѣлъ, какъ самъ же Эвальдъ говоритъ при этомъ: „отдѣльныя слова, выразительно произнесенныя кстати, легко напечатлѣваются такъ глубоко, что они въ сотни сердецъ остаются почти одинаково твердыми и незабвенными“⁷⁰⁾.—Это и есть прямой и удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, какъ могли всѣ отдѣльныя слова быть воспроизведены въ связи. Если такъ „глубоко внѣдряются отдѣльныя слова въ сердцахъ тысячи людей“, то—тѣмъ удобнѣе воспроизвести ихъ, хотя бы и не всѣ въ совершенной полнотѣ, но въ достаточной связи.

Удовлетворительность отвѣта, такъ даннаго Эвальдомъ самому себѣ, повидимому, нѣсколько уменьшается при томъ слѣдующемъ соображеніи его, что не могли быть также твердо незабвенны время и обстоятельства, а съ ними и вся великая связь рѣчей, когда и какъ они были болѣею частію произнесены первоначально Самимъ Господомъ⁷¹⁾. Здѣсь воспроизведеніе связи рѣчей постав-

69) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 123—124.

70) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 124.

71) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 124.

ляется въ прямое отношеніе съ трудностію воспроизведенія обстоятельствъ, при которыхъ они произнесены; а эта трудность удовлетворительно не доказана: почему же не могли быть твердо незабвенны обстоятельства?—Изъ возможности точнаго воспроизведенія отдѣльныхъ изреченій, внѣдрявшихся въ сердцахъ тысячи людей, прямо слѣдуетъ менѣе трудное воспроизведеніе временъ и обстоятельствъ—когда и почему они сказаны; такъ какъ удобнѣе вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ было сказано известное слово, нежели—что именно сказано; тѣмъ болѣе, что обстоятельства эти нужно было припоминать не во всей ихъ обстоятельности и подробности. Еще удобнѣе было вспоминать слова и дѣла Христовы во взаимной связи: за это говорить понятно и достаточно психологическій законъ ассоціаціи представлений.

Если же, на-оборотъ, принять, что воспроизведеніе обстоятельствъ и рѣчей Христовыхъ въ ихъ связи не объясняется психологической ассоціаціей въ самомъ процессѣ воспоминанія; то, при всѣхъ прежде указанныхъ трудностяхъ, уже ничто не могло возстановить такой связи ихъ; но для устраненія этой невозможности Эвальдъ указываетъ на особаго рода творческую дѣятельность, хотя—безъ достаточнаго основанія.

При такомъ указаніи можно разсматривать только участіе этого предполагаемаго новаго творчества въ образованіи связныхъ рассказовъ,—что и какъ оно производило. „Относительно особенныхъ свойствъ и послѣдованія нѣкоторыхъ главныхъ фактовъ Ев. исторіи, по словамъ Эвальда, никогда не господствовало сомнѣніе: вопросъ могъ быть только въ томъ, какъ могли весьма удобно и правильно составляться въ связи столь отдѣльныя воспоминанія; относительно этого могли господствовать различныя взгляды“⁷²⁾. Отсюда,—если было возможно первое, то конеч-

72) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 124.

но возможно было и второе.—Такъ, если вспоминалась одна бесѣда Спасителя, напримѣръ, о значеніи Субботняго дня, то естественно вмѣстѣ съ тѣмъ припоминалась и другая бесѣда того же содержанія; или—припоминая исцѣленіе разслабленнаго въ овчей купели, Евангелистъ легко припоминалъ и многія другія дѣла Спасителя въ Субботу. Одно изъ такихъ дѣлъ объясняло и многія другія съ нравственно-законной стороны—въ воспоминаніи о нихъ.

Если легко воспроизводились въ связи главные обстоятельства изъ жизни Господа, то съ ними удобно соединялись въ воспоминаніи и второстепенныя, а при связи дѣлъ и обстоятельствъ уже легко могли „вставляться“ въ связи съ ними и между собой рѣчи Господа. По видимому, не такъ удобно соединялись въ связи отдѣльныя слова (Worte) Христовы, потому что „слова Его, которыя еще твердо хранились въ воспоминаніи, должны были въ возможной степени соединиться съ надлежащими обстоятельствами и временами, при которыхъ они произнесены и, при изложеніи ихъ, размѣщаться въ правильномъ порядкѣ,—тогда только они могли давать самый ясный смыслъ; ибо чему училъ Христосъ намѣренно, а не по случаю, имѣло въ свое время, когда Онъ училъ, свой самый точный и ясный смыслъ“⁷³⁾.—Но если такое отношеніе словъ Христовыхъ къ соответственнымъ ихъ обстоятельствамъ дѣйствительно было, то оно само по себѣ было повтореніемъ и напоминаніемъ ихъ и служило, конечно, къ прочному усвоенію и воспроизведенію связной матеріи Ев. рассказовъ и рѣчей. А если нѣкоторыя слова Христовы должны были относиться къ будущимъ происшествіямъ и временамъ; то съ наступленіемъ въ исторіи христіанства этихъ временъ, о коихъ говорилъ Спаситель и когда должны были осуществляться Его слова, восстанавливалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, и связь ихъ, общая конечно,

73) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 124.

выяснялся точный смыслъ словъ и дѣлъ Христовыхъ (Лук. XXI, 20. Мр. XIII, 14. Мѣ. XXIV, 15 и под. ср. Апок. XI, 2—13).

При такой возможной исторической ассоціаціи словъ и дѣлъ Господа представляется сомнительнымъ отрицаніе возможной связи ихъ при воспоминаніи. Хотя теорія за вѣрное признаетъ, что „сопоставленіе и сочетаніе словъ и времени ихъ произнесенія вообще не было легкимъ“; но она не показываетъ, почему же, однако, это было такъ не легко. Было или не было въ сочетаваемыхъ словахъ указаніе времени, къ коему они относились въ сочетаніи, этого не опредѣляетъ Эвальдъ; а трудность сочетанія словъ и время конечно была бы лишь только тогда, когда въ словахъ не было-бы указанія времени, къ коему они относились; но этого нельзя допустить, потому что по теоріи предполагается связь тѣхъ и другаго, которая въ мышленіи должна основываться именно на этомъ указаніи времени, содержащемся въ самыхъ словахъ Спасителя (Мѣ. VIII, 5—13. IX, 18—26. X, 5—42 и пр. под.). И тотъ, сюда же по теоріи относимый, фактъ, что „часто еще въ теперешнихъ Евангеліяхъ нѣкоторыя основныя слова и мысли находятся то въ той, то въ другой связи (Мѣ. VII, 7—10; XVIII, 19. Мр. XI, 24. Мѣ. XVII, 20. XXI, 22. Мр. XI, 23. Лук. XVII, 6)“⁷⁴⁾, не показываетъ и совершенно не доказываетъ трудности въ воспроизведеніи связи словъ и времени, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Извѣстныя мысли и слова могли стоять въ разной и разнообразной связи съ различными обстоятельствами и временами; но трудно ли было поставить ихъ въ связи, когда очевидно, что они уже соединены и даже разнообразно?—очевидно, нѣтъ. Эвальдъ не доказалъ напередъ, чтобы такого разнообразнаго сочетанія мыслей и словъ съ временами и обстоятельствами не могло быть въ рѣ-

74) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 124.

чахъ Самого Спасителя, и—была-ли трудность въ такомъ сочетаніи для самихъ составителей—Евангелистовъ? За это, какъ и противъ того, по крайней мѣрѣ, ничего не говорить и не можетъ говорить Эвальдъ, ибо онъ не можетъ анализировать содержаніе сознанія самихъ, такъ давно бывшихъ, составителей. А желаемая связь должна быть, потому что всѣ слова должны были соединяться съ надлежащими обстоятельствами и временами, иначе не могло быть въ нихъ полнаго смысла; слѣдовательно, и быть ихъ не могло. Связь ихъ могла быть безъ сомнѣнія удобно, потому что „весьма разумную и при томъ въ высшей степени сложную матерію всякаго воспоминанія—одинаково, какъ слова, такъ и мысли—способнѣйшій ученикъ (Христа) могъ полно и глубоко воспринять и въ теченіе года (?) вложить въ свой собственный смыслъ и развивать такъ, что то и другое наконецъ появилось у него опять, какъ болѣе или менѣе цѣльное новое твореніе въ силѣ и законченномъ единствѣ, и тотъ духъ, изъ котораго возникли впервые въ дѣйствительной исторіи твердѣйшее единство и единственная возвышенность, и которыя теперь во второй разъ явились перерожденными въ творчески изъясненномъ видѣ“⁷⁵⁾.—Такъ самъ Эвальдъ отвѣчаетъ на вопросъ объ удобствѣ возникновенія въ связи составленныхъ рѣчей Христа и обстоятельствъ Его жизни и дѣятельности, съ его точки зрѣнія—удовлетворительно.

Такое рѣшеніе прямо и рѣшительно противорѣчитъ общему взгляду Эвальда въ отношеніи трудностей и потому благоприятствуетъ обратному взгляду, представляющему не труднымъ образованіе Ев. рассказовъ и рѣчей. Рѣшеніе вопроса о сравнительно-нетрудномъ образованіи Ев. рассказовъ и рѣчей зависитъ отъ предположенія „способныхъ учениковъ“—слушателей и очевидцевъ Господа.

75) Jahrb. 1848. S. 124—125.

А это предположеніе не оправдано въ теоріи Эвальда. Онъ не указалъ ни одного именно такого способнаго ученика, какъ личность исторически-дѣйствительную, не подтвердилъ историческою дѣйствительностію свою чисто-теоретическую только возможность. А указать это нужно было въ виду прежде выставленныхъ въ теоріи трудностей, препятствующихъ появленію такого способнѣйшаго человѣка, который бы могъ воспринять полно и глубоко слова и мысли Спасителя, чтобы потомъ возсоздать цѣлое, новое твореніе (!) въ законченномъ единствѣ. Какъ могла явиться такая личность, которая была бы способна къ тому во время образованія Ев. матеріи,—въ первое время христіанства,—если дѣятельность Христова и для нея, какъ и для всѣхъ, была закрытою, а открытая была весьма мало извѣстною или производила впечатлѣніе только нѣкоторой своей стороною (Hauptsache),—если и для такой личности было бездонно-глубоко и незримо-высоко содержаніе рѣчей Господа?—неизвѣстно. Отсюда—дилемма: или указанные трудности не существовали для этой способной личности, или эта личность не могла существовать при такихъ трудностяхъ. Эвальдомъ доказано болѣе въ пользу трудностей, ибо онъ для того ссылался даже и на историческія обстоятельства, когда говорилъ, что стремленіе первыхъ временъ христіанства давало возможность только скоплять историческій матеріалъ, но безъ разумной связи изреченій и дѣлъ,—въ видѣ отрывочнаго повѣствованія. Поэтому, согласно съ желаніемъ Эвальда, въ виду преимущественно доказанныхъ имъ трудностей въ образованіи Ев. рассказовъ, должно признать вѣроятнѣйшею вторую посылку дилеммы, чѣмъ исключается дѣятельность „способной личности“.

Очевидно, такъ „способная личность“, имѣющая возможность творчески возсоздать Ев. исторію, нисколько не вѣроятно измышлена Эвальдомъ по требованію систематическаго развитія его теоріи. Но предположеніе о существованіи такой личности, независимо отъ своей вѣроят-

ности или невѣроятности, оказывается неумѣстнымъ и ненужнымъ, если „всегда съ совершенно особеннымъ участіемъ были рассказываемы слова и дѣла Христа, для которыхъ въ Апостольскій вѣкъ еще имѣлось, между прочимъ, предъ глазами живое свидѣтельство (напримѣръ: Мѡ. XVI, 13—28; Мр. X, 46 и п.)“⁷⁶⁾. Слѣдовательно, не было трудностей и не требовалась личность особенно способная, которая бы устраняла ихъ, чего безъ нея будто бы не могли сдѣлать другіе. А если этого не нужно было въ вѣкъ собственно Апостольскій, то тѣмъ болѣе при жизни самого Господа, когда еще болѣе было и повторялось такихъ очевидныхъ свидѣтельствъ (*lebendigen zeugnisse*). И, наконецъ, рѣшительно нѣтъ нужды предполагать такую личность для образованія дѣйствительной связи въ содержаніи собственно нашихъ каноническихъ Евангелій, гдѣ по большей части отсутствуетъ тѣсная (органическая) связь⁷⁷⁾.

Предполагаемое теоріей существованіе лицъ съ „новымъ творчествомъ“ имѣло ближайшею цѣлію объяснить происхожденіе связанныхъ рассказовъ при многихъ трудностяхъ ихъ образованія, cadaго отдѣльно. Достиженіе цѣли было однако недостаточно; и это зависѣло не отъ средствъ, но отъ самой цѣли. Этимъ выясняется новое противорѣчіе Эвальдовой теоріи: она указываетъ цѣль, предполагаетъ средства, но въ тоже время признаетъ, что надлежащее осуществленіе поставленной цѣли не вполне удовлетворительно. „Собраніе и связь отдѣльныхъ рассказовъ, продолжаетъ Эвальдъ, однако были на послѣдокъ недостаточны, хотя совершались весьма тщательно. Ибо

76) *Jahrb. d. b. W.* 1848. S. 125. Эти слова Эвальда слѣдуютъ непосредственно за приведенными выше.

77) *Jahrb. d. b. W.* 1848. S. 124.—Это тѣмъ болѣе справедливо съ точки зрѣнія самого Эвальда, что онъ, какъ увидимъ далѣе, обширныя рѣчи Ев. Маттея: нагорную бесѣду, рѣчь противъ фарисеевъ (XXIII гл.) и п. не признаетъ органически-связными.

все, что дѣлалось и что разъ произошло отъ духа и смысла необыкновенно возвышеннаго Мужа (т. е. Спасителя), совершалось, однако, въ соотвѣтственной высотѣ и въ свойственной Ему настроенности,—въ особенномъ духовномъ вѣяніи, къ которымъ повѣствователь долженъ былъ приближать снова своего слушателя, если онъ желалъ своимъ рассказомъ исполнѣ достигнуть своей цѣли“⁷⁸⁾.—Какую именно цѣль здѣсь разумѣетъ Эвальдъ, этого онъ прямо не выражаетъ; но отъ этого, впрочемъ, не зависитъ правильное рѣшеніе вопроса—нужно-ли предполагать при изложеніи Ев. событій еще особый трудъ переставленія слушателя или читателя ихъ на высоту и живость самыхъ дѣйствій и обстоятельствъ дѣйствительной исторіи. Цѣль всякаго рассказа—сообщить вѣрныя черты явленія и правильный ходъ дѣла,—передать объективную истинность, правильность и полноту содержанія событія или предмета дѣйствія вообще. А это зависитъ отъ достаточно точнаго воспроизведенія того, что было и какъ было слышано или наблюдаемо; а это—отъ живости впечатлѣнія, ясности сознанія при воспріятіи, энергической рефлексіи и правильной ассоціаціи при воспоминаніи воспріятого. Такія психологическія условія образованія Ев. рассказовъ вообще даютъ право совмѣстить ихъ или, по крайней мѣрѣ, сопоставить, при всей высотѣ Евангельскихъ событій и отражающейся въ нихъ настроенности ихъ Виновника, съ обыкновенными и сравнить ихъ по объективно-точнымъ актамъ воспріятія и воспроизведенія событій вообще.

Какъ дѣйствовалъ возвышенный духъ Христовъ, какъ выражалось Его настроеніе въ дѣйствіи, насколько истинно, правильно и точно все это напечатлѣвалось въ наблюдателяхъ; такъ и настолько слѣдуетъ, можно и должно желать точности отъ воспроизведенія всего воспріятого. Слѣдовательно, вопросъ о воспроизведеніи высоты и

78) *Jahrb. d. b. W.* 1848. S. 125; ср. 126.

настроенности по преимуществу дѣятельнаго духа Господа, въ Его дѣлахъ и словахъ, сводится на точное, съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ отношеніяхъ, воспроизведеніе самыхъ дѣлъ и изреченій; а этимъ прямо и понятно рѣшается вопросъ о нетрудномъ переставленіи слушателя на такую высоту и подъ такую настроенность,—что необходимо для надлежащаго осуществленія цѣли Ев. рассказовъ. Слѣдуетъ признать возможнымъ только точное наблюденіе дѣлъ Господа, чтобы безъ особеннаго труда воспроизвести ихъ въ возможно вѣрныхъ чертахъ и въ относительно совершенномъ смыслѣ и характерѣ. Этимъ уже отстраняется новая трудность въ образованіи Ев. рассказовъ,—по крайней мѣрѣ, какъ особая въ отношеніи къ предыдущимъ, какою ясно выставляетъ ее теорія.

Предварительные опыты въ образованіи Ев. рассказовъ были, по теоріи Эвальда, неудовлетворительны именно потому, что не содержали въ себѣ надлежащей высоты духа Христова и Его настроенности; это было для Евангелистовъ конечно извѣстною, но непреодолимою трудностію. Но уже эта неудовлетворительность дѣлаетъ сомнительнымъ отсутствіе духа Христова въ первыхъ опытахъ. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, послужили бы такіе труды, въ коихъ не было высоты и настроенности духа Христова? Они поэтому самому не достигали бы своей цѣли; а это, по меньшей мѣрѣ, значитъ, что они не были бы совершенны, законченны. Ихъ законченности и совершенству препятствовала бы трудность воспроизведенія высоты духа Христова; а эта высота требовалась самою цѣлію рассказовъ, особенно связанныхъ; потому и эта трудность уже ощущалась при первоначальныхъ трудахъ по образованію матеріи Ев. рассказовъ и, слѣдовательно, была вмѣстѣ съ другими въ одномъ процессѣ одного и того же образованія. Въ самомъ дѣлѣ вѣрность факта равнялась точности воспоминанія его; а это есть основаніе для совмѣщенія трудности вѣрнаго воспоминанія съ трудностію соотвѣтственно-возвышеннаго воспроизведенія дѣлъ и словъ Хри-

ста Спасителя. Такъ совмѣщается трудность воспроизведенія возвышеннаго характера Ев. исторіи съ предыдущими трудностями ея образованія, но совмѣщается еще только отчасти, на основаніи только одной точности воспоминанія Ев. событій и рѣчей, и потому существованіе ея, какъ отдѣльной трудности, еще не исключается совсемъ и признаніе того, что высота духа Христова содержалась въ первыхъ трудахъ по Ев. исторіи дѣлаетъ еще не вполне логически основательнымъ.

Совмѣщеніе послѣдней трудности съ предыдущими и, чрезъ то, исключеніе ея въ такой же мѣрѣ, какъ особенной, указываетъ, однако, на существованіе ея, также отчасти, въ первыхъ трудахъ. Слѣдовательно, и преодоленіе ея совершалось вмѣстѣ съ другими—въ стремленіи Евангелистовъ—вѣрно воспроизвести дѣла и слова Христа, въ дѣятельномъ осуществленіи этого стремленія къ вѣрности, т. е. точности словъ и дѣлъ Его: гдѣ преодолевались трудности точнаго и вѣрнаго образованія Ев. рассказовъ, тамъ же необходимо вмѣстѣ преодолевалась и новая трудность относительно воспроизведенія высоты духа Христова.

Съ дальнѣйшимъ раскрытіемъ этой новой трудности, въ теоріи Эвальда, становится яснѣе не только сходство, но и тождество ея съ предыдущими.—Требовалось, чтобы „каждый отдѣльный отрывокъ разсказа содержался въ Ев. исторіи въ соотвѣтствующей ей высотѣ“. Это требованіе особенно возникало тамъ, гдѣ „матерія разсказа приводилась къ строжайшей цѣлостности,—тамъ необходимо высшій духъ долженъ былъ соединять отдѣльные члены въ одно твердо-связное тѣло и потому, если онъ былъ настолько силенъ, вѣяніе его должно было ощущаться въ каждомъ отдѣльномъ отрывкѣ разсказа“⁷⁹⁾. Такъ, возвышенный духъ, по требованію теоріи, долженъ былъ за-

79) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 126.

ключаться тамъ, гдѣ образовывалась связь рассказовъ и пропорціонально этой связи, совокупляющей рассказы. Слѣдовательно, онъ долженъ быть и въ предыдущихъ трудахъ при вышеозначенныхъ трудностяхъ, такъ какъ тѣ представляли рядъ связанныхъ рассказовъ,—долженъ быть, хотя въ меньшей степени и силѣ,—настолько именно, насколько тамъ была воспроизведена объективная сторона рассказа, въ которой такъ или иначе отражался первоначально животворящій духъ Господа съ Его собственною настроенностію. Въ отдѣльныхъ, вѣрно воспроизведенныхъ, рассказахъ должны были выражаться отдѣльные моменты душевнаго настроенія Господа, а въ связанныхъ рассказахъ—перемѣняющееся, по обстоятельствамъ, все настроеніе и высота Его духа.

Воспроизведеніе объективной связи событій дѣйствительно можетъ дѣлать рассказъ о нихъ удовлетворительнымъ для его цѣли. Иначе рассказъ никогда-бы и не достигъ вполне своей цѣли, если-бы не былъ совершенно точенъ—соотвѣтственно своему объективному содержанию. Слѣдовательно, и Ев. рассказы могли быть удовлетворительны для своей цѣли, если только Апостолы не затруднялись временемъ, множествомъ и смысломъ воспоминаемыхъ событій изъ жизни Христовой—что, по предыдущему, несомнѣнно. Слѣдовательно, трудность воспроизведенія Ев. событій, въ ихъ высотѣ, преодолевалась вмѣстѣ съ устраненіемъ предшествующихъ ей, какъ совмѣстная или—точнѣе—тождественная съ ними.

Основательно и справедливо можно сопоставлять и отождествлять послѣднюю трудность съ предыдущими, если принять, по теоріи, именно за трудность воспроизведеніе Ев. событій въ духѣ Христа—въ соотвѣтственной тому высотѣ и настроенности. Но сама по себѣ высота еще ничего не говоритъ за трудность; высоко-нравственное и высоко-религіозное можетъ быть легко доступно смыслу простаго человѣка, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ опыты христіанской науки и жизни. Воспріятіе вы-

сокихъ христіанскихъ идей весьма возможно для простаго сердца и здраваго смысла нормально, хотя и обыкновенно, развитыхъ людей. Они являются нерѣдко носителями высоко-нравственнаго духа божественно-мудрой и нравственно-святѣйшей христіанской религіи. Данная трудность можетъ зависѣть только отъ свойствъ самаго духа, которому принадлежитъ высота. Но точное опредѣленіе свойствъ духа Христова, конечно—по мѣрѣ возможности, представляетъ въ нихъ, наоборотъ, наилучшія средства преодолѣть всѣ другія трудности, представленныя теоріей.

Свойства духа Христова Эвальдъ опредѣляетъ, разумѣется, не вполне совершенно, однако относительно вѣрно. По его словамъ—„никакой духъ, когда бы то ни было, не проходилъ надъ землею съ такимъ, твердо замкнутымъ, единствомъ, правильною послѣдовательностію и всемыслящій, говорящій и дѣлающій съ такою, свойственною ему только, силою и воздѣйствіемъ, со столь совершенною, незапятнанно-чистою возвышенностію, какъ духъ Христа. Этотъ, вполне особенный, духъ, который вѣялъ въ каждой рѣчи Христа, никогда не могъ совершенно забыться въ воспоминаніи Его очевидцевъ-слушателей,—чтобы и воспоминаніе происходило въ томъ же родѣ, удерживало тотъ же духъ, сохранялось и никогда совершенно не затемнилось; и когда кто воспоминалъ о такихъ рѣчахъ (Христа) и представлялъ себѣ содержаніе ихъ въ наибольшей связи, тотъ долженъ былъ тогда чувствовать себя, что онъ поднятъ ими на свойственную имъ высоту, откуда они впервые живо вытекали и гдѣ опять могутъ быть достойно воссоединены, и, посредствомъ рассказовъ, вновь ожить. Вообще, никакой Ев. рассказъ не могъ легко оставаться въ забвеніи за высотой самаго Евангелія“⁸⁰⁾.—

80) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 126. Здѣсь мы сознатель-

Если же таковы свойства духа Христова, то, очевидно, онъ при своей возвышенности не только могъ безпрепятственно быть воспроизводителемъ, но и, при своихъ свойствахъ: единствѣ, послѣдовательности и силѣ, непременно былъ дѣйствительнымъ, постояннымъ, вѣрнымъ и самымъ сильнымъ средствомъ для точнаго воспоминанія Ев. событій—противъ всѣхъ трудностей, потому, очевидно, что высота Евангелія Христова была настолько характеристична, что ни одинъ рассказъ, составленный въ духѣ Евангелія, не могъ остаться забытымъ,—онъ объединялся и закрѣплялся въ цѣломъ Ев. повѣствованіи. Слѣдовательно, уже не могла и возникнуть никакая діаметрально-противоположная тому трудность воспроизведения отдѣльныхъ событій, въ ихъ надлежащей возвышенности. Самый духъ Христа, въ силу его свойствъ, побуждалъ и давалъ возможность постоянно и твердо помнить о Его дѣлахъ и словахъ, въ ихъ истинномъ видѣ и смыслѣ. Такое памятованіе поддерживалось постояннымъ высокимъ почтеніемъ къ Господу среди Его послѣдователей; а „безпредѣльное почтеніе и страстное желаніе, при которыхъ созерцали откровеннаго Христа и возвышенность этой полной исторической области (повѣствовательное Евангеліе) могли произвольно дѣйствовать такъ, что нѣкоторые отдѣльные небольшіе отрывки воспоминанія болѣе и болѣе присоединялись къ той же, разъ твердо поставленной, высотѣ и по ней мало по малу преобразовывались ⁸¹⁾“. Такъ, безпредѣльнымъ почтеніемъ къ Господу твердо поддерживалось воспоминаніе о Немъ, а

но не разсматриваемъ подробно и еще нѣкоторыхъ очевидныхъ противорѣчій Эвальдовой теоріи, какъ например: «воспоминающій долженъ былъ чувствовать себя поднятымъ на такую высоту, на которой стоялъ предметъ воспоминанія первоначально», тогда какъ эта высота была «недоозримо-высока»... Какъ онъ могъ подняться на такую высоту, когда она-то и была главнымъ препятствіемъ воспоминанія? ужели воспоминающій одолевалъ это препятствіе въ силу этого же самаго препятствія?!...

81) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 126—127.

воспоминаніемъ твердо поддерживалось само почтеніе.—

Очевидно, отношеніе вѣрующихъ ко Христу и чрезвычайныя свойства Его духа могли служить главными условіями надлежащаго воспроизведенія, по воспоминанію, Его дѣлъ и словъ,—въ надлежащей ихъ высотѣ. „Очень твердо должно было бы образоваться такое возвышенное изъясненіе (Uerklärung) разъединенной повѣствовательной матеріи, въ такомъ случаѣ, если-бы она и на первый разъ была дана въ болѣе твердой связи: поэтому успѣхъ такого образованія Ев. рассказовъ еще далеко не достигалъ своего конца ⁸²⁾“.

При такомъ образованіи многоразличныхъ рассказовъ Ев. исторіи Эвальдъ, очевидно, даетъ широкое мѣсто произволу въ воспроизведеніи собственно высоты духа Христова. Изъясненіе, въ смыслѣ воспроизведенія оригинальнаго характера изъясняемой матеріи, стоитъ довольно близко къ субъективному пониманію ея, при чемъ, незамѣтно для автора (предполагаемой связной Евангельской исторіи въ частности), могутъ входить многія, чуждая ей, черты и посторонній для нея смыслъ, если не основывать дѣло только на точномъ воспоминаніи нѣкогда воспринятой дѣйствительности. Иначе, что можетъ быть гарантіей противъ субъективизма въ изложеніи Ев. исторіи?—Эвальдъ, по видимому, отвѣчаетъ на это такъ: „въ теченіи долгаго времени ничего не вкралось совершенно безосновательнаго (несоотвѣтствующаго исторической дѣйствительности) и намѣренно несправедливаго, это—такъ: объ этомъ заботились уже многіе, другъ отъ друга независимые, очевидцы—свидѣтели, при этомъ охраняла Евангелистовъ и святость намѣренія, съ которымъ принимались и сохранялись всѣ отрывки этой (Евангельской) исторіи“ ⁸³⁾. Понятно, что одна забота здѣсь не могла

82) Jbidem.

83) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 127.

ничего сдѣлать; вопросъ въ томъ,—эти заботливые очевидцы—свидѣтели дѣйствительно ли были въ состояніи провѣрить всякую матерію Ев. разсказа, какъ того требовали современное имъ направленіе и задачи исторической дѣятельности ⁸⁴⁾? На это, повидимому, отвѣчаютъ самыя названія ихъ: „очевидцы“ и „свидѣтели“,—но повидимому только, такъ какъ не за всякими очевидцами—свидѣтелями можно признать способность (Fähigkeit) воспроизводить матерію Ев. разсказовъ, въ соотвѣтственной ей высотѣ и настроенности духа Христова, если эта высота была исключительною высотой единственнаго въ исторіи духа Христова, если, притомъ, воспроизвести этотъ духъ было трудно еще и по другимъ обстоятельствамъ дѣятельности Христовой. Дѣятельность Господа, по утвержденію теоріи Эвальда, была сокрыта отъ Апостоловъ—Евангелистовъ или, по запрещенію Спасителя, долго не была предметомъ ихъ разсказа. Составителямъ Ев. исторіи естественно должно было провѣрять разсказы другихъ лицъ, съ цѣлію опредѣлить, согласно-ли извѣстное сказаніе съ духомъ Христа. Но опредѣлять такъ духъ Христовъ въ разсказахъ не было возможности для составителей устнаго Евангелія: для этой цѣли они могли бы узнать все, до нихъ составленное, но только по частямъ касающееся Ев. исторіи, или свои воспоминанія съ чьими либо сличить. Но такъ какъ постороннихъ лицъ, какъ такихъ же повѣствователей, по теоріи, не было и записей отдѣльныхъ разсказовъ изъ Ев. исторіи тоже не было; то очевидцамъ—свидѣтелямъ всякій припоминаемый ими фактъ приходилось-бы сличать съ содержаніемъ только своего собственнаго сознанія,—или по своему воспоминанію воспроизводить духъ Христовъ. Такое сличеніе, если бы оно могло быть, въ этомъ и обратномъ случаяхъ доказывало бы только то, что были такіе очевидцы—свидѣ-

тели и Евангелисты, которые непосредственно сами знали и, по самой крайней мѣрѣ, сами могли узнать отъ другихъ все то, что должны были провѣрять въ разсказахъ другихъ повѣствователей, знали также, какъ эти повѣствователи или лучше ихъ,—что и съ указаніемъ ев. Луки совершенно сходно. По его свидѣтельству—„многіе начали составлять повѣствованія“, но—„о вещахъ, совершенно извѣстныхъ“ Апостоламъ—очевидцамъ Господа (Лук. I, 1—4). А также и предварительное знаніе Ев. исторіи очевидцами ея дѣйствительныхъ событій, въ полнотѣ, вѣрности и высотѣ ихъ, свидѣтельствуешь о томъ, что дѣйствительно существовали люди, для которыхъ третья трудность, предполагаемая Эвальдомъ при образованіи Ев. исторіи, была невозможна,—она необходимо исключалась въ ихъ дѣятельности сама собою, именно—при одолѣніи трудностей, препятствующихъ вѣрному воспроизведенію матеріи Ев. разсказовъ.

Если дѣйствительно были очевидцы—свидѣтели, сохранявшіе неповрежденными разсказы Ев. исторіи, и при томъ еще существовала святость намѣренія, съ которой принимались и сохранялись все отрывки оной; то слѣдуетъ, что Ев. разсказы не только безъ трудностей могли образоваться, въ ихъ надлежащемъ видѣ и совершенствѣ, но и сохраняться съ ихъ объективной вѣрностію, безъ примѣси посторонняго матеріала и толкованія.

Съ возможностью надлежащаго образованія и храненія Ев. разсказовъ вполне рѣшается вопросъ о трудностяхъ и, слѣдовательно, для дальнѣйшаго развитія теоріи остается одинъ только принципъ устнаго преданія; потому что другой принципъ—заимствованія, поставленный въ теоріи Эвальда въ существенную связь съ предположеніемъ многихъ трудностей образованія устныхъ, а потомъ письменныхъ разсказовъ Ев. исторіи, слѣдуетъ устранить: такъ какъ этихъ трудностей, по доказанному, не было для несомнѣнно существовавшихъ очевидцевъ—свидѣтелей и слушателей Спасителя, и—Ев. разсказы могли удобно

84) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 123.

образоваться даже и въ ихъ возвышенномъ совершенствѣ.

Это—такъ. „Однако, по теоріи, если Ев. матерія (отдѣльныхъ рассказовъ) и передавалась полно и связано (но не въ смыслъ цѣлой исторіи) въ такой, соответствующей характеру Ев. исторіи, возвышенности; то этимъ вся задача образованія Ев. исторіи еще не разрѣшалась. Ибо вся величина историческаго предмета никогда не исчерпывается рассказами о всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствахъ или дѣйствіяхъ его: immer ist ein wahrhaft grosser Gegenstand noch grösser als dass er so erschöpft werden könnte, говорить Эвальдъ; это тѣмъ болѣе справедливо, если воспоминаніе не бываетъ достаточнымъ для того, чтобы передать въ совершенствѣ всякое отдѣльное обстоятельство“⁸⁵⁾.

Эта истина безъ доказательствъ можетъ перейти въ убѣжденіе: повѣствованіе и на самой высотѣ литературно-историческаго совершенства не можетъ совершенно точно и полно—адекватно изложить свой предметъ, даже и тогда, когда между наблюденіемъ повѣствователя и самымъ рассказываніемъ его прошло только нѣсколько моментовъ: и всѣ наши познанія не вполне и совершенно адекватны своимъ объектамъ. Поэтому въ неадекватности историческаго рассказа своему предмету еще нельзя видѣть трудности его составленія,—она для всѣхъ рассказовъ и всякой исторіи представляется господствующею трудностію. А въ составленіи Ев. исторіи преодолѣть эту трудность было совершенно не возможно; такъ какъ предметомъ Евангелія былъ Богочеловѣкъ,—Его жизнь, Его дѣла и слова.—Но эта неадекватность представляетъ уже не трудность, а невозможность; потому о преодолѣваніи ея не должно быть и рѣчи,—въ смыслѣ Эвальда⁸⁶⁾.

85) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 127.

86) Мы разумѣемъ здѣсь «неадекватность» Ев. исторіи въ томъ смыслѣ,

Если же признать, что адекватность въ Ев. рассказахъ была неполною и съ внутренней стороны болѣе, чѣмъ въ другихъ исторіяхъ; такъ какъ все содержаніе рѣчей Христовыхъ—премудрость Божія и вся сила дѣлъ—любовь Отца Небеснаго не могли быть вполне адекватно восприняты ограниченнымъ по существу своему человекомъ: то это не могли еще ничего не говорить за трудность воспроизведенія матеріи Ев. рассказовъ. Дѣло въ томъ,—могли ли Евангелисты воспроизвести то, что они видѣли и слышали, а не въ томъ,—могли ли они исчерпать всю свою задачу,—воспроизвести всѣ слова и дѣла Богочеловѣка во всей полнотѣ и совершенствѣ ихъ значенія. Это для нихъ, какъ для простыхъ людей, каковыми они были дѣйствительно до сошествія на нихъ Св. Духа, было не только трудно, но и въ самой крайней степени невозможно: только въ извѣстной мѣрѣ и степени это было имъ возможно, если вообще они могли вспоминать прошедшее видѣнное и слышанное. Слѣдовательно, трудность въ адекватномъ воспроизведеніи матеріи Ев. рассказовъ или представляется рѣшительною невозможностію по внутренней безпредѣльности предмета, и потому не имѣетъ мѣста въ числѣ трудностей, или трудностію въ смыслѣ относительной адекватности, и тогда она исчезаетъ въ относительно-точномъ воспроизведеніи матеріи Ев. рассказовъ и потому является не отдѣльною и не самостоятельною: immer ist ein wahrhaft grosser Gegenstand noch grösser als dass er so erschöpft werden könnte“.

Если трудность адекватнаго воспроизведенія соединяется съ другими по ея характеристикѣ и основанію и

что она не могла обнять своего абсолютнаго предмета—Бога въ Его наземныхъ проявленіяхъ и вполне адекватно передать собственно въ рассказѣ: Іоан. XXI, 25.—Повторяемъ, Эвальдъ нацѣленно не обращаетъ своего вниманія на слова Ап. Павла: «мы, говоритъ Апостолъ, приняли не духа міра сего, а духа отъ Бога, дабы знать дарованное намъ отъ Бога (1 Кор. II, 12). Впрочемъ и при такомъ невниманіи къ апостольскому слову, авторъ разсматриваемой теоріи не достигаетъ своей цѣли: его мнѣніе ложно, если разсматривать его съ собственной его точки зрѣнія.—

съ ними вмѣстѣ исчезаетъ; то она рѣшительно теряетъ всякое значеніе, когда теорія указываетъ еще ея свойство самоуничтоженія и представляетъ въ ней средство для устранения ея же самой.—„Евангельская исторія, мыслимая, по теоріи, сама по себѣ, есть возвышеннѣйшая изъ всѣхъ исторій и ея вершина сама собою восходитъ на небо...“⁸⁷⁾ Дѣйствительно, Ев. исторія простирается не только до неба, но и до неба небесъ и до ада преисподнѣйшаго... Что же отсюда слѣдуетъ?—разумѣется, то, что познать ее, во всей ея высотѣ и глубинѣ, нѣтъ никакой человѣческой возможности. Эвальдъ думаетъ наоборотъ: „только такіе опыты (воспроизведенія высотъ) сообщили расскажемъ Ев. исторіи ихъ чрезвычайную возвышенность (höchste Höhe) и яснѣйшій блескъ (!)“⁸⁸⁾. Какъ же это могло быть при всѣхъ трудностяхъ такого дѣла?—„Изображеніе (Darstellung) бесконечно возвышеннаго предмета само собою побуждало (drängte) къ ясному пониманію (auffassen) этой возвышеннѣйшей высоты и только въ повторенныхъ опытахъ—изобразить (schildern) ее (высоту) совершенно соотвѣтственно—истощилось всякое (?) стремленіе Ев. исторіи“⁸⁹⁾. Такое объясненіе по самой крайней мѣрѣ неточно; такъ какъ изображеніе (Darstellung) бесконечнаго, хотя и въ историческомъ повѣствованіи, не можетъ быть; ибо нѣтъ ему соотвѣтствующаго ощущенія бесконечнаго (Ausdruck—Empfindungskraft, тогда какъ Darstellung—Vorstellungskraft), въ отношеніи къ коему можетъ быть только мысль, сознание, идея, чувство: Gedanke, Bewusstsein, Idee, Gefühl,—Gemüth⁹⁰⁾. Но

87) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 127.

88) Ibidem.

89) Jahrb. d. b. W. 1848 S. 127—128.

90) Нашему сужденію повидимому можно поставить въ возраженіе то, что все-таки могло же быть и дѣйствительно было изображеніе бесконечно-возвышенной жизни и дѣятельности Христа въ нашихъ каноническихъ Евангеліяхъ, и, потому, кажется, Эвальдъ правъ. Но въ такомъ случаѣ теорія повторяетъ одну и ту же

если сознание бесконечнаго или представленіе его, въ смыслѣ сознанія, дѣйствительно было, то оно никакъ не могло само собою побуждать къ ясному пониманію бесконечно-возвышенной высоты; потому что пониманіе есть сочетаніе признаковъ предмета въ сознаніи; а стремленіе къ сознанію признаковъ бесконечно-возвышеннаго предмета никакъ не могло побуждать самосознательный умъ къ изображенію ихъ, ибо иначе это значило бы сознавать и изображать бесконечное конечнымъ: какъ бесконечно-возвышенный предметъ въ сознаніи конечнаго субъекта могъ быть ограниченнымъ до представленія его? надъ чѣмъ онъ могъ быть бесконечно возвышенъ, кроме самаго сознанія?—Самый актъ сознанія такой бесконечной возвышенности предмета служить, какъ и должно, рѣшительнымъ побужденіемъ оставить всякое стремленіе къ ея изображенію (Darstellung), потому что такая возвышенность доступна только сознанію, но не познанію (Auffassung),—внутреннему ощущенію, но не воображенію,—вѣрѣ, а не вѣдѣнію.

Слѣдовательно, съ предположеніемъ бесконечно-совершеннаго характера Ев. исторіи, со внутренней ея стороны (полноты, точности, возвышенности), становится невозможнымъ всякое, соотвѣтственное ей, изложеніе (Darstellung). Но вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе невозможно,

трудность объективно-полнаго и точнаго (адекватнаго) воспроизведенія, т. е. вопросъ о трудности изображенія «возвышеннаго» сводится къ вопросу о трудности точнаго воспоминанія. Теорія утверждаетъ, что весьма трудно было изобразить дѣятельность и жизнь Господа съ ихъ внутренней стороны,—den Gegenstand warhaftlich erschöpfen (адекватно), а не событія только, какъ внѣшнія явленія, которыя, однако, были предметами наблюденія; слѣдовательно, теорія разумѣетъ, по ея выраженію, «исторію, мыслимую an sich» и возвышенность,—именно и истинно бесконечную высоту предмета, которой не могло быть во внѣшней сторонѣ Ев. исторіи. Ergo, если есть въ нашихъ каноническихъ Евангеліяхъ изображеніе бесконечно-возвышенной дѣятельности и жизни Иисуса Христа по духу, смыслу и значенію; то—настолько, насколько та и другая подлежала наблюденію очевидцевъ—Евангелистовъ.

чтобы когда-нибудь „истощилось всякое стремление къ образованію Ев. рассказовъ“ только потому, что истощена для нихъ вся матерія. „Immer ist ein wahrhaft grosser Gegenstand noch grösser als dass er so erschöpft werden könnte;“ тѣмъ болѣе не могло быть совершенно исчерпанъ безконечно-возвышенный предметъ, и не могло окончиться предполагаемое стремленіе къ тому.

Такъ, послѣдняя трудность ведетъ къ самоотрицанію, и, какъ всё, завершаемая ею, не имѣетъ никакого научнаго значенія.

Если же трудности, предполагаемая съ принципомъ устнаго преданія не дѣйствительны, то онъ остается господствующимъ въ его непосредственности по отношенію къ образованію Ев. исторіи,—одинъ; потому что, безъ трудностей, онъ имѣетъ полное научное значеніе. А такъ какъ другой принципъ заимствованія имѣетъ значеніе только при существованіи трудностей; то съ устраненіемъ этихъ трудностей устраняется мысль о постепенномъ развитіи Ев. письменности и зависимости одного Евангелиста отъ другаго. Слѣдовательно, принципъ преданія остается господствующимъ и единственно вѣрнымъ. Исключительное значеніе и дѣйствительность этого принципа зависятъ отъ произвольно-теоретическихъ и потому не научно-основательныхъ предположеній различныхъ трудностей первоначальнаго образованія Ев. рассказовъ по воспоминанію и устному преданію, — трудностей, неправильно опредѣляемыхъ, обособляемыхъ и безъ всякаго критерія поставляемыхъ въ относительной послѣдовательности.

Въ рѣшительной неудовлетворительности теоретически предполагаемыхъ Эвальдомъ трудностей *implicite* уже содержится неправильность возрѣній его на дальнѣйшее развитіе и образованіе Ев. исторіи, которое, понятно, будетъ совершаться, по теоріи его, при произвольно-выставленныхъ и неправильно-опредѣленныхъ и развитыхъ условіяхъ.

Всю неправильность и несправедливость предварительныхъ, вышерассмотрѣнныхъ, соображеній Эвальда можно выразить въ общемъ видѣ силлогистически такъ: если, не смотря на запрещеніе Спасителя—не разглашать о Его дѣлахъ, они тѣмъ не менѣе проповѣдывались всюду; если закрытая дѣятельность Его была извѣстна „отъ крещенія до вознесенія Его“ Двѣнадцати Апостоламъ, Матѳею, Варсавѣ и др.; если возвышеннѣйшій духъ Христа не позволялъ забывать ни одного изъ Его дѣйствій; если глубина и высота Ев. исторіи въ извѣстной мѣрѣ воспроизводились при объективно-точномъ воспоминаніи очевидцевъ—свидѣтелей и слушателей Господа: то, вопреки теоріи Эвальда, не могло быть и не было никакихъ трудностей въ образованіи матеріи Ев. рассказовъ, современномъ самымъ событіямъ Ев. исторіи, полномъ, связномъ, соотвѣтственно—возвышенномъ и вѣрномъ. Слѣдовательно, каноническія Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки могли возникнуть и безпрепятственно возникли при исключительномъ господствѣ Апостольскаго воспоминанія и устнаго преданія,—безъ всякихъ трудностей, изъ устныхъ рассказовъ, составленныхъ или Двѣнадцатью Апостолами, или—по преданію отъ нихъ—ихъ учениками и сотрудниками.

IV.

Надлежащій смыслъ, вѣрность и правильность всякой теоріи полнѣе и яснѣе выражаются въ примѣненіи ея къ объясненію фактовъ, дая чего она и составляется,—

на дѣлѣ, также и теорія Эвальда; она полнѣе и яснѣе раскрывается въ примѣрахъ первоначальнаго образованія Ев. разказовъ.

Между первыми трудами первоначальнаго образованія Ев. матеріи было, какъ надѣется Эвальдъ, возможно лучшее Собраніе изреченій Христа, хотя такого рода труды были различны. „Мы, говоритъ Эвальдъ, знаемъ особенно точно собраніе этого рода, которое потомъ стало письменнымъ“⁹¹⁾. По всѣмъ признакамъ, даже многочисленнымъ, оно было въ ряду самыхъ первыхъ произведеній по Ев. исторіи. Почему же это—такъ?—потому, что „изреченія Христа (изреченіе въ общемъ смыслѣ этого слова) великое, главное дѣло для цѣлей ученія, было и главнымъ дѣломъ всякаго преданія; это весьма ясно видно изъ всѣхъ писаній св. Іустина мученика, который ни на что такъ часто не ссылается, какъ на изреченія Христа, именно на такія, какія были собраны въ этомъ первомъ трудѣ (Spruchsammlung)“, отвѣчаетъ Эвальдъ⁹²⁾. Важность изреченій Христа для цѣлей ученія—вотъ основаніе, почему Эвальдъ во-первыхъ признаетъ, что изреченія эти были главнымъ дѣломъ преданія. Едва ли такъ: и вся жизнь Спасителя не была ли единымъ и единственнымъ примѣромъ той жизни, которой Онъ училъ,—осуществленіемъ всѣхъ идей и предписаній,—первообразомъ и живымъ закономъ для всѣхъ христіанъ?—Несомнѣнно такъ; потому что самъ Іисусъ Христосъ представляетъ Себя образцомъ вѣрующихъ въ Него, когда говоритъ: „Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня (Іоан. XIV, 6)“. А потому не одинаково ли важна была и жизнь Іисуса Христа для цѣлей наученія и назиданія вѣрующихъ въ Него и, слѣдовательно, для преданія?

91). Jahrb. d. b. W. 1848. S. 128—129.

92) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 129.

Жизнь Христа Спасителя была главнымъ предметомъ и преданія, не только потому, что она сама въ себѣ есть единая живая скрижаль Новаго Завѣта, но и потому, что все ученіе основывалось на ней, какъ на неизблемомъ основаніи: „если Христосъ не воскресъ; то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣрна ваша“, говоритъ Апостоль Павелъ, учитель языковъ, Коринѣянамъ (I Кор. XV, 14). Фактъ изъ жизни Господа—воскресеніе Его—служитъ главнымъ основаніемъ проповѣди Апостольской и вѣры христіанской. Самъ Іисусъ Христосъ есть краеугольный камень, хотя „пренебреженный вѣждущими, но сдѣлавшійся главою угла (Дѣян. IV, 11; Псл. CXVII, 22)“. Какъ же безъ понятія о лицѣ, жизни и дѣятельности Христа могла быть авторитетна проповѣдь ученія Его и прочно созиданіе Его церкви? Если Апостолы должны были крестить вѣрующихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа, то ужели они не принуждены были разказывать новообращеннымъ о томъ, кто это былъ Сынъ Божій, какъ Онъ жилъ и что дѣлалъ?—„Не плотниковъ ли Онъ сынъ? Не Его ли мать называется Марія, и братья Его Іаковъ и Іосій, и Симонъ, и Іуда?“ (Мѡ. XIII, 55; Мр. VI, 3.)—вотъ вопросы удивленія, смыслъ которыхъ долженъ былъ въ такихъ или иныхъ выраженіяхъ повторяться въ устахъ всѣхъ, кому впервые приходилось слышать проповѣдь о Христѣ, какъ объ истинномъ Мессіи или Сынѣ Божіемъ. Еще при жизни самого Господа іудеи требовали отъ Него знаменія, того же они требовали по смерти Его и отъ Апостоловъ (I Кор. I, 22 ст.). И, по мнѣнію Эвальда, новообращенные были первыми, которые поддерживали желаніе знать обстоятельства и дѣла Господа, составлять о нихъ разказы, хотя бы для того приходилось путешествовать по селеніямъ и городамъ... Почему это—такъ?—потому, что тогда былъ великій интересъ въ такого рода розыскахъ. По этому-то понятно, что и Ап. Петръ въ своей устной рѣчи къ іудеямъ, знавшимъ Іисуса, говорилъ о Немъ, какъ о Мужѣ, засвидѣтельствованномъ предъ ними

отъ Бога силами и чудесами, и знаменіями, которыя Богъ сотворилъ чрезъ Него среди нихъ, какъ сами они знали это (Дѣян. II, 22 и д.). И „вообще въ первое время было обыкновеніе составлять краткіе рассказы“, какъ то прежде доказывалъ Эвальдъ, ссылаясь на Книгу Дѣяній Апостольскихъ (гл. X, стихи: 37, 38 и 39).—Почему же одинъ изъ первыхъ трудовъ былъ совсѣмъ безъ біографическихъ свѣдѣній о Христвъ?—Несомнѣнный фактъ, что ев. Лука, имѣя цѣлю передать Теофилу твердое основаніе ученія, въ коемъ тотъ былъ наставленъ, по порядку изслѣдовалъ все, что дѣлалъ Иисусъ Христосъ (Лук. I, 1—4), не ограничиваясь нѣкоторыми фактами, „а приводя главнѣйшіе всѣ. Таково Евангеліе отъ Луки—памятникъ Апостольскихъ временъ. Подобно тому, и евангелистъ Маркъ (говоря согласно съ мнѣніемъ самого Эвальда) записалъ то, что проповѣдывалъ Ап. Петръ; а въ писаніи его столько же біографическихъ свѣдѣній, сколько и рѣчей, если не болѣе,—то и другое одинаково кратко, какъ это кажется даже и самому Эвальду⁹³⁾. Наконецъ и самъ Эвальдъ хотя и „не знаетъ, первое ли это въ самомъ дѣлѣ произведеніе изъ всѣхъ, явившихся сначала“, но въ исторіи Ев. письменности онъ ставитъ его, однако, послѣ Древнѣйшаго Евангелія, заключавшаго въ себѣ по преимуществу рассказы⁹⁴⁾. Эвальдъ полагаетъ такъ произвольно, но не въ свою пользу. Всѣмъ этимъ свидѣтельствуется прямо, ясно и положительно о томъ, что Евангелисты признавали одинаково важнымъ для цѣлей ученія и назиданія какъ рѣчи Христа, такъ и изложеніе дѣятельности Его. А отсюда, по теоріи, слѣдуетъ, что и жизнь Христа была равно важнымъ предметомъ преданія; и потому нѣтъ основанія признавать однимъ изъ первыхъ трудовъ собраніе только изреченій (Sprichsammlung). Наоборотъ, если признать, что первоначально

93) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 205—206.

94) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 129,—1849. S. 191—196.

появилась Евангельская матерія въ видѣ Собранія изреченій и только изреченій; то такому признанію противорѣчить сама же теорія Эвальда, выставяющая трудности образованія первоначально рассказовъ, а потомъ уже рѣчей, и полагающая, что рассказы явились прежде рѣчей⁹⁵⁾. Почему же должно признать, что первоначальный трудъ по образованію Ев. исторіи явился въ видѣ Собранія только изреченій?—потому, что прежде всего явилась потребность въ изреченіяхъ? но тогда для чего же составлялись Ев. рассказы прежде, чѣмъ рѣчи?!—Очевидно, было требованіе и рѣчей, и рассказовъ,—и дѣлъ, и словъ Христа. Да, когда требовалось свидѣтельство о Христвъ, то должны были говорить о Немъ и величайшія дѣла Его. Такъ, когда два ученика Іоанна Крестителя предложили Господу вопросъ: „Ты ли тотъ, который долженъ прійти, или ожидать намъ другаго? Сказалъ имъ Иисусъ въ отвѣтъ: пойдите, скажите Іоанну, что слышите и видите. Слепые прозрѣваютъ и хромые ходятъ, прокаженные очищаются и глухіе слышатъ, мертвые воскресаютъ и нищіе благовѣствуютъ. И блаженъ, кто не соблазнится о Мнѣ“, разумѣется—въ виду такихъ дѣлъ (Мѡ. XI, 3—6).

Если предположеніе, что первоначально явился сборникъ изреченій, не оправдывается свидѣтельствомъ Св. писанія и отчасти противорѣчить самой теоріи Эвальда; то, естественно, что оно не находитъ себѣ оправданія въ исторіи церкви, хотя Эвальдъ и ссылается на оную. Нѣтъ и слѣда ни одной такой рукописи, которая когда нибудь существовала бы и употреблялась бы въ церкви въ видѣ Собранія изреченій. Если же Эвальдъ, напротивъ, видитъ „весьма ясное подтвержденіе своего мнѣнія во всѣхъ писаніяхъ св. Іустина Мученика, который ни на что такъ часто не ссылается, какъ на изреченія Христа, именно на такія, какія были собраны только въ этомъ трудѣ

95) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 117—119.

(Spruchsammlung)“; то эти „ясно“ и „скоро“ ни сколько не оправдываются до насъ дошедшими творениями св. Iустина Мученика, каковы: „Первая и вторая Апологіи и Разговоръ съ Трифономъ іудеемъ“.

Для читателя Iустиновыхъ твореній очевидно, что авторъ ихъ указываетъ изреченія Господа Исуса, но также очевидно и то, что Iустинъ указываетъ на событія Ев. исторіи, и такихъ указаній весьма много. Кромѣ изреченій Христа Спасителя, въ сочиненіяхъ Iустина упоминаются: родословіе Исуса Христа (Ап. 1, гл. 32. Разг. гл. 23, 43, 45, 100, 101, 120), благовѣстіе о рождествѣ Исуса и рожденіе Іоанна Крестителя (Ап. 1, гл. 33. Разг. глав. 100. 78. Ап. 1, гл. 33 и 32. Разг. гл. 66. 43. 84), рождество Христово въ Виѳлеемѣ, поклоненіе Волхвовъ, бѣгство во Египетъ, избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ (Ап. 1, 34. 46. Разг. гл. 77. 78. 88. 102. 103. 106), исторія Исуса Христа до начала Его открытой дѣятельности—вообще (Разг. гл. 88. Ап. 1. гл. 35), крещеніе Исуса Христа отъ Іоанна (Разг. гл. 51. 88. 103. 49), искушеніе Его отъ діавола (Разг. гл. 103. 125), жизнь и дѣятельность Христа вообще (Ап. 1. гл. 46. Разг. гл. 88. ср. Ап. 1, гл. 31), разсказъ о начальникѣ въ Капернаумѣ (Разг. гл. 76. 120. 140), избраніе Апостоловъ (Ап. 1. гл. 39. 42. 106. 81), посланіе ихъ на проповѣдь (Ап. 1. гл. 19), усѣкновеніе главы Крестителя (Разг. гл. 49), исповѣданіе Ап. Петра и названіе его Кифой (Разг. гл. 100), разсказъ о богатомъ юношѣ (Ап. 1. гл. 16. Разг. гл. 101. 19), входъ во Іерусалимъ (Ап. 1. гл. 32. 35. Разг. гл. 53. 88), очищеніе храма (Разг. гл. 17.), учрежденіе таинства евхаристіи (Ап. 1. гл. 66. Разг. 41. 70. 51), ночь на горѣ Масличной и взятіе Спасителя подъ стражу (Разг. 106. 111. 99. 103. 125), обвиненіе Исуса (Разг. 104. Ап. 1, 35. Разг. 102. 103. Ап. 1, 38. Разг. 101. 99. 105), погребеніе Господа и разсѣяніе учениковъ (Разг. 97. Ап. 1, 50. Разг. 53), воскресеніе и вознесеніе Исуса Христа (Ап. 1, 67. Разг. 41. 138. 108. De re-

surrectione, гл. 9. Ап. 1, 50. Разг. 53. 106. Ап. 1, 61. 39. 45⁹⁶). Слѣдовательно, въ твореніяхъ св. Iустина содержатся не только изреченія Господа Спасителя, но и болѣе или менѣе ясныя указанія на самыя важныя и менѣе важныя событія изъ Его жизни,—особенно въ „Разговорѣ съ іудеемъ Трифономъ“. Отсюда прямо слѣдуетъ, что и событія изъ жизни Христа были одинаково важны для цѣлей ученія и назиданія (у ев. Луки—Теофила, у св. Iустина—іуд. Трифона). Даже нельзя сказать и того, чтобы Iустинъ преимущественно ссылался на изреченія Господа; потому что цитатъ изъ Ев. исторіи въ сочиненіяхъ Iустина болѣе, нежели цитатъ изъ Ев. рѣчей: всѣхъ цитатъ, касающихся Ев. исторіи, девяносто двѣ, а касающихся рѣчей Христовыхъ семьдесятъ восемь; и если къ послѣднимъ прибавить еще три цитаты, приводимыя св. Иринеємъ Лионскимъ въ своихъ трудахъ, и въ нихъ только сохранившіяся, то всѣхъ будетъ восемьдесятъ одна⁹⁷). Слѣдовательно, Iустинъ чаще ссылается не на изреченія, а на событія и чудеса Ев. исторіи, на которыя онъ указываетъ иногда, приводя даже и изреченія. Если бы и равное было число цитатъ и тѣхъ и другихъ, то историческія несравненно больше по объему и содержанию, какъ напр: Разг. съ Тр. гл. 77. 78. 88. 53 и т. д.⁹⁸). Въ такомъ или иномъ количествѣ находятся цитаты изъ Евангелій у св. Iустина, это, однако, нисколько не можетъ служить основаніемъ для заключенія, что изреченія Господа были главнымъ предметомъ преданія того времени; потому, что должно напередъ опредѣлить, откуда Iустинъ заимствовалъ ихъ,—дѣйствительно-ли, какъ говорить

96) Hilgenfeld: Kritische Untersuch. über d. Evangelien Justinus. Halle. 1850. S: 101—127; ср. 321—335. Kirchhofer: Qvellensammlung, S: 89—104. 125. 132—135.

97) Считаю по Hilgenfeld'y,—S: 101—127.

98) Hilgenfeld. S: 104—105. 107.

Эвальдъ, изъ Собранія изреченій?—Нѣтъ; такъ думать не представляется никакого основанія. Іустинъ называетъ свой источникъ словами: *Απομνημονεύματα των Αποστόλων*, а слово *τπομνημονεύματα* нельзя перевести иначе, какъ *Denkwürdigkeiten* (Semisch) и отнюдь не *Spruchsammlung* (Ewald). Иначе это *Spruch—sammlung* будетъ содержать столько же, если не болѣе, *Thaten*, сколько и *Sprüche*, такъ, что это *Spruch—sammlung* будетъ столько же и *That—sammlung*. Но предметомъ *Απομνημονεύματα των Αποστόλων* служить то и другое; слѣдовательно, источникъ Іустина не собраніе изреченій только, но скорѣе даже прямо наше каноническое Четвероевангеліе. И дѣйствительно такъ; на это указываютъ цитаты Іустина изъ всѣхъ четырехъ Евангелій нашего канона⁹⁹⁾. За это говорятъ не только самыя цитаты, но и почти совершенно точныя слова самого Іустина о своемъ источникѣ Ев. свѣдѣній. Въ первой Апологіи, главѣ 33-й, онъ прямо говоритъ: „такъ (буквально одинаково съ Лук. 1, 31. 32) повѣствуютъ тѣ, которые описали все, касающееся Спасителя нашего, Иисуса Христа, и мы вѣримъ имъ“; конечно повѣствованіе и описаніе не идутъ къ поддержанію Собранія изреченій. Но что это за повѣствованія?—Іустинъ прямо называетъ ихъ Евангеліями: „Апостолы, говоритъ онъ, въ оставшихся отъ нихъ повѣствованіяхъ (*απομνημονεύματα*) которыя называются Евангеліями (*α καλεῖται εὐαγγέλια*), передали, что имъ было заповѣдано¹⁰⁰⁾; и однако это заповѣдано не значитъ изречено, потому что Апостолы повѣствовали и описывали (Ап. 1. гл. 33), и потому, что за словомъ

99) По Hilgenfeld'y: См. отношеніе къ Мѣ: S. 275—278; къ Мр. S. 278—284; Лук. 284—291; Иоан. 292—304. Ср. Kirchhofer': S. 89—104. 125. 132—135. 146—147. Ср. р. пер. Св. Преображенскаго: Сочиненія Св. Іуст. Муч. Москва. 1864. стр. 72. 100) Ап. 1. гл. 66.

„заповѣдано“ Іустинъ прямо приводитъ мѣсто изъ Евангелія отъ Матѳея: XXVI, 27 и Луки: XXII, 19,—гдѣ говорится объ установленіи таинства евхаристіи¹⁰¹⁾. Еслиже, независимо отъ свидѣтельства самого Іустина, принять завѣрное мнѣніе Эвальда, то оно значитъ собственно, что Іустинъ болѣе приводитъ изреченій, чѣмъ событій изъ Ев. исторіи, но онъ приводитъ въ своихъ сочиненіяхъ и рассказы о событіяхъ; слѣдовательно, въ Собраніи и зреченіи, какимъ будто бы пользовался Іустинъ, были изложены и событія, и эти событія не „поводы“ только къ рѣчамъ Христовымъ, но цѣлостныя повѣствованія о главныхъ, по выраженію Эвальда, событіяхъ (*Hauptthatsachen*). Эвальдъ упоминалъ о нихъ, какъ о такихъ, когда ему нужно было доказать, что Іустинъ, какъ и Ап. Павелъ, ссылались только на самыя главныя историческія событія, а не на менѣе важныя подробности¹⁰²⁾. Если же сюда прибавить еще второстепенныя, по важности своей, событія, какъ бѣгство Христа во Египеть, очищеніе храма и пр.; то слѣдуетъ, что въ Собраніи изреченій были какъ главныя, такъ и второстепенныя Ев. рассказы. Слѣдовательно, источникъ Іустиновыхъ цитатъ нельзя назвать Собраніемъ только изреченій (*Spruchsammlung*); но нельзя признать даже и однимъ каноническимъ Евангеліемъ, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ и рассказы и изреченія не одного только каноническаго Евангелія, но, судя по цитатамъ, всѣхъ четырехъ. Что же такое въ самомъ дѣлѣ были Іустиновы *Απομνημονεύματα των Αποστόλων*?—Судя по цитатамъ изъ нихъ, находящимся въ сочиненіяхъ Іустина, это—Четвероевангеліе. Было сомнѣніе только относительно цитатъ изъ Евангелія Іоанна (Бауръ, Креднеръ и др.), но

101) Въ такой же связи рассказывается о крещеніи Иисуса Христа. Разг. гл. 88. —Hilgenfeld'a: стр. 107; Kirchhofer'a: стр. 35.

102) Ewald: Jahrb. d. b. W. 1848. S. 119.

самъ Эвальдъ въ нихъ не сомнѣвается. Это цитаты изъ Евангелія отъ Иоанна: III, 4—5; I, 40; IV, 10; XX, 27, и XIV, 2 ¹⁰³). На такое употребленіе Іустиномъ каноническихъ Евангелій, какъ на несомнѣнно-вѣрное, указываетъ и К. Тишендорфъ ¹⁰⁴), безпристрастный изслѣдователь и знаменитый представитель археографіи; и его указаніе совпадаетъ съ древнимъ еще представленіемъ Евсевія Кесарійскаго ¹⁰⁵), также извѣстнаго своими свѣдѣніями по исторіи канона Н.-Зав. Св. книгъ,—именно, что Іустинъ употреблялъ сборникъ каноническихъ Евангелій. Подтвержденіе тому и другому находится въ самыхъ сочиненіяхъ Іустина. Онъ самъ приписываетъ свои *Απομνημονεύματα* не одному автору, а нѣсколькимъ (*των Αποστόλων*), когда говоритъ: „въ памятныхъ записяхъ, которыя, я говорю, составлены Апостолами Его, т. е. Іисуса Христа, и ихъ послѣдователями, сказано...“ или: „какъ написали Апостолы этого самаго Христа нашего...“ ¹⁰⁶) Если такимъ образомъ Іустинъ, приводя цитаты изъ Евангелій отъ Матѳея, Марка, Луки и Иоанна, называетъ авторовъ своего источника (*Απομνημονεύματα*) Апостолами и послѣдователями ихъ и притомъ говоритъ, что они повѣствуютъ о всемъ, что касается Іисуса, передали что имъ было заповѣдано, записали или описали все, или составили ¹⁰⁷); то, очевидно, Іустинъ разумѣетъ только наши каноническія четыре Евангелія, принадлежащія двумъ Апостоламъ и двумъ сотрудицамъ ихъ, заключающія въ себѣ изреченія Господа и факты изъ его жизни и дѣятельности.

103) Kirchhofer: Qvell-saml. S. 146—147.

104) К. Тишендорфъ: Когда написаны наши Евангелія?—Р. п. Полтава. 1866 г.

105) Ц. исторія, 4, 18. Kirchhofer: S. 34—35. Hilgenfeld: S. 107.

106) Разг. съ Триф. 103 и 88.

107) Апол. 1. гл. 33. 66. Разг. съ Триф. 88. Ап. 1. гл. 33. Разг. съ Триф. 103.

Четвероевангеліе Іустина, по всей вѣроятности, было тоже самое, которое употреблялъ и ученикъ его Таціанъ и притомъ съ надлежащимъ именемъ *δια τεσσαρων* ¹⁰⁸). Четвероевангеліе Іустина было въ обращеніи не только у него и его ученика Таціана, но, по словамъ самого же Іустина, „эти Евангелія или *Απομνημονεύματα των Αποστόλων* читались и въ церквахъ“; но въ какихъ церквахъ ¹⁰⁹)? „Іустинъ, по словамъ Кирхгофера, посѣтилъ три главныя общества тогдашняго времени, находящіяся въ Римѣ, Александріи и Ефесѣ, и не могъ не знать, какія Евангелія тамъ употреблялись“ ¹¹⁰). Слѣдовательно, Іустинъ зналъ употреблявшіяся повсемѣстно въ тогдашней церкви четыре Евангелія и главнымъ образомъ онъ зналъ употреблявшіяся въ тѣхъ церквахъ, гдѣ были представителями ев. Іоаннъ, ев. Маркъ, ап. Петръ и Павелъ. И такъ, не Собраніе изреченій, а, по несравненно-большей достовѣрности, Четвероевангеліе, употреблявшееся въ Римѣ, Ефесѣ и Александріи, зналъ Іустинъ и обозначалъ словомъ *Απομνημονεύματα*, которое значитъ у него тоже, что *εὐαγγέλια*, если онъ говоритъ: *οι γαρ Αποστολοι εν τοις γενομενοις υπ' αυτων απομνημονευμασιν, α καλειται ευαγγελια ουτως παρεδωκαν...* ¹¹¹). „Здѣсь, говоритъ Кирхгоферъ, Іустинъ изъясняетъ необычное выраженіе *Απομνημονεύματα* словомъ *εὐαγγέλια* ¹¹²).

Такъ тщательное разсмотрѣніе сочиненій Іустина открываетъ, что мнѣніе Эвальда объ изреченіяхъ Іисуса Христа, какъ особенно-главномъ предметѣ преданія, не имѣетъ тамъ для себя основанія или подтвержденія. Наоборотъ, оно находитъ въ нихъ отрицаніе себя, если въ

108) Евсевій: Ц. исторія, IV, 29; Епифаній: Противъ ересей, 44, 1.

109) Разг. съ Триф. 100.

110) Kirchhofer: S. 34, прим. 1.

111) Апол. II р. 98. 13,—у Kirchhofer'a: S. 36.

112) Kirchhofer: S. 36, прим. 5.

нихъ св. Іустинъ на ряду съ изреченіями приводитъ и Ев. рассказы, какъ свидѣтельства или доказательства въ видѣ историческихъ свидѣтельствъ. Такъ Іустинъ, желая доказать истину христіанскаго ученія іудею Трифону, выставляетъ ему авторитетъ Спасителя, говоря: „Онъ (Христосъ) явился въ вашемъ (Еврейскомъ) народѣ и исцѣлялъ людей отъ самаго рожденія и по плоти слѣпыхъ, глухихъ, хромыхъ... Онъ и мертвыхъ воскрешалъ“¹¹³⁾.

Не только противъ этого частнаго мнѣнія Эвальда о томъ, что св. Іустинъ пользовался именно Собраніемъ изреченій, но и противъ предшествующихъ ему сужденій о трудностяхъ и вслѣдствіе того постепенномъ образованіи нашихъ каноническихъ Евангелій въ зависимости одного отъ другаго, въ сочиненіяхъ св. Іустина находятъ прямыя свидѣтельства. Источникъ своихъ свѣдѣній по Ев. исторіи Іустинъ прямо называетъ *Απομνημονευματα των Αποστολων*, при чемъ, очевидно, онъ не представляетъ никакихъ посредствующихъ трудовъ; ибо эти же *Απομνημονευματα* суть *εὐαγγέλια*; а эти *εὐαγγέλια* были записаны Апостолами же и ихъ послѣдователями, такъ что прямо *οι Αποστολοι εν τοις γενομενοις υπ αυτων απομνημονευμασιν, α καλειται ευαγγελια, ουτως παρεδωκαν*,—и факты, и рѣчи, находящіеся въ нашихъ четырехъ каноническихъ Евангеліяхъ.

Предположеніе о первоначальномъ существованіи Собранія изреченій, неоправдываемое исторически, еще менѣе оправдывается, если разсматривать типъ такого труда по оставшимся отъ него, будто-бы его, отрывкамъ.

По теоріи, первый отрывокъ изъ Собранія изреченій есть Нагорная Бесѣда Спасителя: Мѣ. V, VI и VII гл. Эвальдъ дѣлаетъ характеристику ея съ цѣлю показать въ ней всѣ особенности первоначальнаго тру-

113) Разг. съ Триф. гл. 69.

да такого рода и тѣмъ оправдать свою теорію. Онъ даетъ ей, соотвѣтственно своей теоріи, свое особое назначеніе, раздѣленіе и составъ (изложеніе).

Нагорная бесѣда, по мнѣнію Эвальда, была назначена для Двѣнадцати учениковъ (*die Einweihungsrede*)¹¹⁴⁾. Но противъ этого говоритъ 1-й же стихъ V гл. ев. Мѣ: *Ἰδων δὲ τοὺς ὄχλους ἀνεβή (Ἰησοῦς) εἰς τὸ ὄρος καὶ καθίσαντος αὐτοῦ, προσήλθον αὐτῷ οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ*. Здѣсь нѣтъ прямого указанія на то, кому именно назначена рѣчь, сказанная при многочисленномъ собраніи народа. Правда, здѣсь сказано: *καθίσαντος αὐτοῦ προσήλθον οἱ μαθηταὶ αὐτοῦ*; но изъ слова *προσήλθον* по большей мѣрѣ можно вывести лишь то, что рѣчь была обращена къ ученикамъ, а назначалась для всѣхъ слушателей и послѣдователей Господа. Общая мысль и особая важность рѣчи, какъ основоположенія (*Grundsatz*) Новаго Завѣта, прямо говорятъ за ея всеобщее назначеніе. „Блаженны нищіе духомъ, ибо ихъ есть царство небесное (Мѣ. V, 3)!“—вотъ первыя слова рѣчи. Къ однимъ ли Апостоламъ они относятся? имъ ли однимъ должно было имѣть нищету духовную? имъ ли однимъ должно было наслѣдовать царствіе небесное?—Несомнѣнно, всѣмъ вѣрующимъ чадамъ Новаго Завѣта. Слова: „не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить (V, 17)“, выражаютъ сущность рѣчи, по мнѣнію Эвальда; но къ Апостоламъ ли однимъ они относились?—Нѣтъ, Господь, полагая основаніе новому царству Божію на землѣ, этими словами предваряетъ недоумѣніе, недовѣріе и противленіе Своимъ планамъ со стороны ревностныхъ читателей ветхаго Закона и Завѣта—всѣхъ іудеевъ. Наконецъ, слова: „молитесь же такъ: Отче нашъ!... (VI, 9)“ составляютъ частное примѣненіе новаго духовнаго закона къ молитвѣ, и хотя высказаны по поводу одного вопроса,

114) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 129.

предложеннаго Господу однимъ изъ Его учениковъ (Лук. XI, 1—2), но обращены были ко всѣмъ, какъ образецъ молитвы для всѣхъ слушателей и послѣдователей Господа. И если бы молитва „Отче нашъ,“ сказанная на вопросъ одного изъ учениковъ, относилась только къ ученикамъ, то Ев. Матѳею не было нужды повторять ее въ Нагорной бесѣдѣ; а если онъ повторяетъ ее, то, наоборотъ, значить, что она назначалась для всякаго христіанина. Отсюда понятно, что Нагорная проповѣдь имѣетъ общее назначеніе не только для Апостоловъ или всѣхъ слушателей ея, но и для всѣхъ христіанъ всѣхъ временъ. Такъ, въ началѣ, продолженіи и окончаніи Нагорной проповѣди нѣтъ и слѣда той цѣли посвященія ея двѣнадцати Апостоламъ, каковую указываетъ Эвальдъ ¹¹⁵⁾.

Все содержаніе Нагорной проповѣди, по мнѣнію Эвальда, раздѣляется на четыре части. Первая—съ V, 2—16 ст. содержитъ привѣтствіе и призываніе благодати и мира на настоящихъ членовъ Новаго Завѣта, благословеніе на вѣрно послѣдовавшихъ путемъ новаго закона съ пожеланіемъ, чтобы никто изъ членовъ Новаго Завѣта не отдѣлялся отъ общества вѣрныхъ, если только онъ не пожелаетъ уклониться отъ своего назначенія. Вторая часть составляетъ переходъ къ изображенію отношенія Новаго Завѣта къ Ветхому, какъ „ядру“ всей рѣчи: Новый Завѣтъ никакъ не отиѣна Ветхаго, но истинное и необходимое исполненіе его (Мѳ. V, 17—48). Третья часть является нравственнымъ приложеніемъ: если Ветхій Завѣтъ былъ на-

115) И Мейеръ, при его буквальной точности, отчасти, согласно съ Эвальдомъ, относятъ эту рѣчь къ Двѣнадцати Апостоламъ, ссылаясь на Мѳ. V, 1 ст., гдѣ сказано: «приступили... ученики». Но по VII, 28 Мѳ. видно, что приступило слушать Господа и множество народа. Впрочемъ Мейеръ признаетъ, что цѣлю рѣчи не могло быть посвященіе (Einweihung) Апостоловъ, судя по выраженію: *ἐδίδασκειν αὐτοῖς*, V, 5,—и потому, что содержаніе рѣчи не специально. Meyer'a: Kommentar über d. Ev. Matth. 1857. S. 170—171.

значенъ къ восполненію его Новымъ, то стремленіе къ этому и поведеніе при всѣхъ отдѣльныхъ обстоятельствахъ должны быть совершенно иными, нежели то было въ современномъ господствующемъ мірѣ (VI, 1. VII, 12). Наконецъ, четвертая часть составляетъ надлежащее (richtig) заключеніе всей рѣчи: хотя и труденъ указанный путь новой религіи, но онъ единственно спасителенъ (VII, 13—27) ¹¹⁶⁾.

Слѣдовательно, въ Нагорной проповѣди, какъ въ ораторской рѣчи, указано все: введеніе, изложеніе, приложеніе и заключеніе; кажется, поэтому то Эвальдъ и называетъ ее не Bergpredigt—устная собственно проповѣдь, а Bergrede,—рѣчь въ строгомъ смыслѣ, хотя самъ онъ въ тоже время старается указать недостатки со стороны строгой послѣдовательности ея. И дѣйствительно, въ Нагорной бесѣдѣ нельзя признать сочиненія въ видѣ риторически-правильной, формальной рѣчи.

При данномъ въ теоріи раздѣленіи Нагорной проповѣди на четыре части представляется прямо несправедливымъ умаленіе смысла и значенія первой и четвертой частей съ принятіемъ ихъ за приступъ и заключеніе двухъ другихъ частей, и то, что главное значеніе признается за двумя средними частями проповѣди, изъ коихъ первая будто бы составляетъ „ядро“ ея. Напротивъ, сущность Нагорной проповѣди состоитъ именно въ первой ея части: Мѳ. V, 2—16. Ученіе о „блаженствахъ“, это—скрижаль Новаго Завѣта. Развитие этого ученія и разъясненіе его во многихъ отношеніяхъ къ ветхозавѣтной іудейской религіи и нравственности составляетъ дальнѣйшее содержаніе рѣчи: V, 17,—VI, 27. Слова—V, 17: „не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ“ ясно показываютъ, что слушатели Христовы могли думать о такомъ нарушеніи; не потому, что Господь

116) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 129—130.

напередъ выразилъ имъ „привѣтствіе, благодать, миръ, благословіе...“; а потому, что Онъ показалъ, какой долженъ быть характеръ новаго царства, новой религіи и нравственности. Этимъ Онъ дѣйствительно могъ дать поводъ думать, не намѣренъ-ли Онъ отмѣнить или нарушить законъ и пророковъ. Нѣтъ, говоритъ Онъ, „не нарушить пришелъ Я, но исполнить“, и потомъ далѣе раскрываетъ подробно отношеніе ветхаго закона къ новому, чтобы чрезъ новый, какъ совершеннѣйшій, привести чады Божіихъ къ блаженству.

Понятія о царствѣ Божіемъ и чадахъ Божіихъ суть понятія общія и основныя въ новозавѣтной религіи и нравственности: значеніе ихъ и смыслъ въ духѣ новой вѣры и благодати опредѣляются и изъясняются подробно именно въ Нагорной проповѣди. Слѣдовательно, „ядро“ этой проповѣди, основаніе ея, на коемъ она возникла и откуда развилось великое и высокое содержаніе ея, есть собственно ученіе о блаженствахъ, гдѣ сосредоточенъ весь духъ и характеръ новозавѣтныхъ чадъ Божіихъ и царства Божія. И это ученіе о блаженствахъ такъ, какъ оно развито въ Нагорной проповѣди, отнюдь не допускаетъ мысли, что вся она представляетъ формально-реторически расположенную рѣчь.

Можно сказать, что Нагорная проповѣдь представляетъ въ содержаніи своемъ двѣ части, нѣсколько различныя одна отъ другой. Первая изъясняетъ великое основоположеніе Новаго Завѣта со всѣхъ его сторонъ; а вторая представляетъ дѣйствительныя средства и путь, указанные Спасителемъ, чтобы быть вѣрнымъ Новому Завѣту и стать въ немъ блаженнымъ. Эти и только эти двѣ половины или стороны Нагорной проповѣди Господа можно различать логически, но при семъ они такъ сближены по своему смыслу одна съ другой, что къ нимъ нѣтъ возможности, не извращая ихъ прямого смысла и не переставляя стиховъ текста, приложить школьное реторическое правило расположенія; они скорѣе представ-

ляются въ прямо-психической, естественной, а не реторической, искусственной связи. И понятно: всякая устная рѣчь, а также и Нагорная бесѣда, какъ живое и устное слово, не легко укладывается въ реторическія рамки, да притомъ еще по чуждому для нея плану.

Если же Эвальдъ преднамѣренно желаетъ видѣть въ Нагорной бесѣдѣ искусственно-обработанную рѣчь, то самъ же онъ „удивляется—при болѣе глубокомъ разсмотрѣніи всего хода этой великой рѣчи—тому, что иногда нѣкоторыя изреченія на томъ мѣстѣ, гдѣ они стоятъ теперь, кажутся чуждыми, посторонними, между тѣмъ какъ они въ иномъ мѣстѣ гдѣ-либо часто и легко могутъ быть введены и поставлены правильнѣе; напримѣръ: VI, 22—за V, 16; VП, 12—лучше при V, 44—47; V, 42 на своемъ мѣстѣ не представляетъ (будто бы) никакого смысла, и пр. 117).“

117) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 130—131, ср. Jahrb. d. b. W. 1848. S. 130.

Дѣло можно представить наглядно такъ:

По тексту Евангелія отъ Матвея:
V, 16. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго.

17. Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить.

По теоріи Эвальда следовало бы:
V, 16. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго.

[VI, 22. Свѣтильникъ для тѣла есть око. И такъ, если око твое будетъ чисто; то все тѣло твое будетъ свѣтло.

23. Если же око твое будетъ худо; то все тѣло твое будетъ темно. И такъ, если свѣтъ, который въ тебѣ тьма; то какова же тьма?]

V, 17. Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить.

Послѣ такого перемѣщенія въ VI-й главѣ послѣдовательность стиховъ будетъ иная:

По Евангелію отъ Матвея:
VI, 21. Гдѣ сокровище ваше; тамъ будетъ и сердце ваше.

22. Свѣтильникъ для тѣла есть око. И такъ, если око твое будетъ чисто; то все тѣло твое будетъ свѣтло.

По Эвальду:
VI, 21. Гдѣ сокровище ваше; тамъ будетъ и сердце ваше.

[22—23].
24. Никто не можетъ служить двумъ господамъ; ибо или одного будетъ нена-

Такая переработка текста Нагорной проповѣди является вовсе неожиданно, если представить, что она, по теоріи, имѣетъ искусственную связь (*künstlichen Zusammenhang*): какъ же искусство, хотя бы въ видѣ только искусственности, могло допустить „удивительную безсвязность ст. 22, VI и ст. 12, VII гл.“ и отсутствіе смысла въ ст. 42, V гл., „—что заявляетъ Эвальдъ?!

Въ самомъ дѣлѣ, ужели справедливо, что ст. 22, VI первоначально долженъ былъ стоять за ст. 16, V? Если первоначально ст. 22, VI стоялъ за 16, V; то почему же онъ изъ V переставленъ въ VI гл.? кому и какая нужда была въ происшедшей отъ такого перемѣщенія ихъ безсвязности и особенно ст. 22, VI гл.? Если онъ долженъ стоять въ V за ст. 16 и тогда только быть въ удовлетворительной связи; то въ какой же именно?—въ искусственной, потому что связь всей Нагорной проповѣди только искусственная. А если перестановка ст. 22, VI въ V-ю не дѣлаетъ никакого существеннаго измѣненія въ связи Нагорной проповѣди и она остается какою и была; то перестановка текста безцѣльна, хотя сдѣлана даже прямо вопреки тому факту, что ст. 22-й во всѣхъ рукописяхъ, извѣстныхъ, напримѣръ, К. Тишендорфу, стоитъ именно въ VI гл. ¹¹⁸⁾. Конечно, теорію должно составлять примѣнительно къ фактамъ, а не факты сочинять для измышленной теоріи... Если фактъ существованія ст. 22 въ VI

23. Если же око твое будетъ худо; то все тѣло твое будетъ темно. И такъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма; то какова же тьма?

24. Никто не можетъ служить двумъ господамъ; ибо или одного будетъ ненавидѣть, а другаго любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ.

видѣть, а другаго любить, или одному станетъ усердствовать, а о другомъ нерадѣть. Не можете служить Богу и маммонѣ.

118) *Novum Testam. Graece*, ed. K. Tischendorf'. Leipzig, 1869. v. 1. s. 27—28.

гл. противорѣчить теоріи, то должно прямо согласиться, что теорія неправильна, а въ настоящемъ случаѣ не вѣрно мнѣніе, что Нагорная проповѣдь имѣетъ искусственную связь. А если въ послѣднемъ случаѣ признать правильность теоріи, то является *petitio principii*: ст. 22, VI гл. долженъ стоять за 16, V гл.,—того требуетъ настоящая, первоначальная, т. е. искусственная связь рѣчи, ибо вся рѣчь имѣетъ, по теоріи, искусственную связь; а связь должно признать искусственною потому, что „иногда нѣкоторыя изреченія стоятъ не на своемъ мѣстѣ... напримѣръ, ст. 22, VI гл.“ Но почему же этого не могло быть въ неискусственной связи Нагорной проповѣди?—Отсюда, очевидно, слѣдуетъ дилемма: или ст. 22-й стоитъ не на своемъ мѣстѣ и этимъ подтверждается (*quasi!*) мысль объ искусственной связи; или искусственной связи нѣтъ и ст. 22-й на своемъ мѣстѣ. Эвальдъ не рѣшаетъ вопроса, почему ст. 22-й явился не на своемъ мѣстѣ, если онъ уже былъ когда-то въ связи, хотя бы и искусственной, и не доказываетъ, что этотъ стихъ дѣйствительно находится не на своемъ мѣстѣ; слѣдовательно, нѣтъ основанія ст. 22-й переносить изъ VI-й гл. въ V-ю. Въ самомъ дѣлѣ, ст. 22, VI-й стоитъ въ достаточной связи и на своемъ мѣстѣ. Самъ Эвальдъ признаетъ, что „тамъ, гдѣ стоитъ ст. 22-й, онъ нарушаетъ первоначальную связь рѣчи“, но самъ же допускаетъ, хотя „слишкомъ тѣсное, значеніе его великаго содержанія“ и на томъ же самомъ мѣстѣ—въ VI-й гл. Отсюда—вопросъ: если есть (нарушенная, но—неуничтоженная), хотя и малая, связь тамъ, въ VI гл., то почему же думаетъ Эвальдъ, что здѣсь должно быть перемѣщеніе и въ извѣстномъ родѣ—прямо за ст. 16, V гл.?—по тѣсному значенію смысла стиха 22-го на его настоящемъ мѣстѣ? но какъ же, однако, тѣсно такое значеніе его?—этого изъ теоріи и ни откуда не видно. Остается сравнить значеніе ст. 22-го въ VI-й гл. съ значеніемъ его въ V-й гл. за ст. 16-мъ, гдѣ, по теоріи, ст. 22, VI долженъ имѣть свой болѣе полный смыслъ. Но смыслъ

ст. 22 въ VI гл. очень сходенъ съ ст. 16, V гл. и по контексту рѣчи видно, что тотъ и другой говорятъ о свѣтѣ нравственной жизни. Между тѣмъ и другимъ и при обоихъ раскрывается нравственное учение: оно какъ начинается сравненіемъ христіанской добродѣтельной жизни со свѣтомъ: V, 16, такъ и заканчивается: VI, 22,— именно въ данныхъ стихахъ. Отсюда, смыслъ ст. 16, V и 22, VI представляется одинаково широкимъ, ибо одинаково обнимаетъ все учение, находящееся между ними,— первой съ начала, второй съ конца... Именно: въ ст. 16, V гл. говорится: „такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго“. Далѣе развивается учение объ истинно-христіанскомъ, собственно-нравственномъ законѣ, какъ условіи и средствахъ для истинно-нравственныхъ и совершенно-добрыхъ дѣлъ. Въ этомъ постепенномъ развитіи идеи христіанскаго нравственнаго закона и раскрытіи его въ частномъ примѣненіи къ обязанностямъ членовъ Новаго Завѣта постепенно открывается, что нравственно-доброе въ христіанскомъ смыслѣ должно быть запечатлѣно характеромъ святости: „не собирайте себѣ сокровищъ на землѣ... но собирайте себѣ сокровища на небѣ... Ибо гдѣ сокровища ваши; тамъ будетъ и сердце ваше... (ст. 19—21, VI гл.)“; а „сердце ваше“ должно быть обращено въ своихъ стремленіяхъ и чувствованіяхъ, а потомъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ, къ небу. Слѣдовательно, тогда только будетъ истинно свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, когда ваше сердце будетъ обращено къ небу или свято въ своихъ стремленіяхъ. Что же нужно для этого?—„Свѣтильникъ для тѣла есть око. Итакъ, если око твое будетъ чисто; то все тѣло твое будетъ свѣтло. Если же око твое будетъ худо; то все тѣло твое будетъ темно. Итакъ, если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма; то какова же тьма: VI, 22—23?“ По этому должно сохранять свѣтлымъ свое нравственное око—умъ, сердце, совѣсть, душу,— чтобы свѣтъ жизни былъ истинно—нрав-

ственнымъ, святымъ; при этомъ только и будетъ „свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуѣками, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго (ст. 16, V гл.)“. А это храненіе невозможно, если челоуѣкъ будетъ стремиться не къ небесному, а къ земному: „никто не можетъ служить двумъ господамъ... (ст. 24, VI гл.)“ и не можетъ, служа земному—мамонѣ, работать Господу Богу,—прославлять Отца небеснаго. Такъ ст. 22, VI гл. по контексту стоитъ въ строгой связи съ предыдущимъ изложеніемъ Нагорной проповѣди, гдѣ раскрывается смыслъ 16 ст. V гл., и въ VI гл. нисколько не тѣснѣе смыслъ его, чѣмъ въ V гл. Стихи: 16, V и 22, VI равно содержательны. А это даетъ право и побужденіе оставить ихъ на своихъ мѣстахъ,—право, такъ какъ перемѣщеніе 22 ст. обусловливалось его будто-бы тѣснымъ значеніемъ въ VI гл.,—побужденіе, такъ какъ сопоставленіе ст. 22, VI съ 16, V не представляетъ достаточно-правильной связи между ними.—Самое сопоставленіе ст. 22 и 16, чего желаетъ Эвальдъ, уже свидѣтельствуеетъ о тождествѣ и по крайней мѣрѣ весьма значительномъ сходствѣ ихъ по своему смыслу; и если дальнѣйшіе стихи послѣ 16 въ V гл. служатъ развитіемъ его—ст. 16, а 22-й должно поставить прямо за 16 ст.; то гл. V, ст. 17 и слѣд. будутъ служить развитіемъ и ст. 22, VI гл. (уже 17 ст. V гл.). Между тѣмъ, если и такъ переходъ отъ 16 ст. къ 17 въ V гл. нѣсколько уже непослѣдователенъ, то онъ еще болѣе будетъ такимъ, если передъ 17, V поставить 22, VI. Если не представляется достаточной связи между ст. 22, VI и 17, V; то еще менѣе между ст. 16, V и 22 VI. Именно: ст. 16, V читается: „такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего небеснаго“. Далѣе будетъ слѣдовать ст. 22, VI гл.: „свѣтильникъ для тѣла есть око. И такъ, если око твое будетъ чисто; то все тѣло твое будетъ свѣтло. Если же око твое будетъ худо; то все тѣло твое будетъ темно. И такъ, если

свѣтъ, который въ тебѣ, тьма; то какова же тьма: ст. 23, VI-й? — Что выясняется въ предыдущемъ стихѣ послѣднимъ сравненіемъ—ст. 22—23?—Слова: „если же“ не имѣютъ никакой логической связи съ словами: „такъ да“ и „чтобы“—въ ст. 16, V гл. Въ первомъ стихѣ—16 говорится о томъ, что совершаніе добрыхъ дѣлъ христіанина можетъ служить къ славѣ Отца небеснаго; а во второмъ выражается мысль, что чистота и свѣтъ ока служатъ необходимымъ условіемъ чистоты и свѣта всего тѣла. Это сравненіе, очевидно, нисколько не относится, въ такомъ видѣ, къ первой мысли о свѣтѣ христіанской нравственности и славѣ Отца небеснаго ¹¹⁹).

Подобный примѣръ перестановки Эвальдъ указываетъ въ гл. VII. Здѣсь ст. 12-й онъ желаетъ поставить въ V гл. предъ ст. 44—47 или послѣ ст. 48 ¹²⁰). Стихъ

119) Это сравненіе, заключающееся въ ст. 22, VI гл., весьма удовлетворительно изложено и развито въ контекстѣ ст. 21—23, VI гл. еще ранѣе Эвальда въ почетномъ комментарий Скотта, а именно: «предыдущая истина (ст. 21), говоритъ онъ, освѣщается нѣкоторымъ приличнымъ сравненіемъ.—Дѣйствія всего тѣла направляются и согласуются при помощи свѣта, находящагося въ глазахъ: когда органъ зрѣнія простъ (Simple) или чистъ, ясенъ и предметы ощущаются такъ, какъ они подлинно суть, все тѣло имѣетъ свѣтъ и человекъ движется съ безопасностію и надлежащимъ образомъ; но если око худо (evil), и видитъ вещи смутно, нераздѣльно; то человекъ спотыкается, постоянно теритъ свой путь и движеніе его въ опасности. Такимъ образомъ свѣтлое пониманіе и ощущеніе и предметовъ согласно съ ихъ реальной природой и достоинствомъ даютъ возможность человеку составить собственное сужденіе, сдѣлать истинный выборъ предметовъ и управлять собой исправно. А потемненный умъ служитъ главнѣйшимъ условіемъ ошибочнаго сужденія о вещахъ и неправильнаго выбора: человекъ блуждаетъ, удалившись отъ истиннаго пути. И, слѣдовательно, если что такой человекъ почитаетъ почему-нибудь «наивысшимъ благоразуміемъ», то это несомнѣнно есть «безуміе» (folly): свѣтъ становится въ немъ тьмой. Это непосредственно относится къ практическому сужденію о вещахъ земныхъ и небесныхъ: «гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше, ст. 21, VI Мѣ.—См: Thom. Scott: The holy Bible containing the old and new Testaments. London. 1826. vol. V. Comment. New Test.

120) То есть:

По Евангелію отъ Матвея:
V, 46. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари?

По Эвальду:
V, 46. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари?

12-й, VII читается: „и такъ во всемъ какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ законъ и пророки“. Но слова: „такъ... и вы“—*οὕτω καὶ υμεῖς* не позволяютъ перенести этотъ стихъ къ ст. 44—47, V, потому что здѣсь поставлено *οὕτω*, а не *ταῦτα*, что значить такъ, а не это; т. е. содержаніе VII, 12-го стиха выражаетъ соотвѣтствіе и соразмѣрность воздаянія ближнимъ соотвѣтственно собственному желанію, и прямо относится къ словамъ: „какъ хотите“—*οσα αὐ θελητε*. „Существенный смыслъ этой заповѣди въ словахъ: „какъ хотите... такъ и вы...“ или въ мысли о соотвѣтственномъ дѣйствіи въ отношеніи къ себѣ и ближнимъ, *οσα αὐ...¹²¹*“. А въ такомъ смыслѣ ст. 12, VII не идетъ къ ст. 44—47, V и къ 48. Ибо здѣсь говорится не о соотвѣтственномъ воздаяніи ближнимъ, а о преимущественномъ, — „любите враговъ вашихъ, говоритъ Спаситель, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ (ст. 44, V)“; или: будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный (ст. 48, V)“, Который, разумѣется по контексту рѣчи, повелѣваетъ солнцу своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ (ст. 45, v)“, т. е. воздастъ имъ болѣе, чѣмъ отъ нихъ получаютъ. Но если поставить ст. 12, VII гл. за ст. 48, v, то онъ былъ бы не соотвѣтственнымъ заключеніемъ стиховъ 44

47. И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?

48. И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.

47. И если вы привѣтствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники?

[VII, 12. И такъ, во всемъ, какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними; ибо въ этомъ законъ и пророки].

V, 48. И такъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный.

121) Meyer'a: Komm. über d. Ev. Matth. S. 164—165.

—47 и особенно 48, v гл. сравнительно съ послѣднимъ —48-мъ, какъ заключеніемъ стиховъ: 47—46. Если ст. 48-й говорить: „и такъ, будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“; то здѣсь уже болѣе содержится, чѣмъ въ ст. 12: „какъ хотите (*οσα αυ θελητε*), чтобы съ вами поступали люди, такъ поступайте и вы съ ними“,—болше потому, что въ послѣднихъ словахъ выражается только духъ Ветхаго Завѣта: „ибо, говорить въ томъ же стихѣ 12-мъ Спаситель, въ этомъ законъ и пророки (ст. 12, vii)“, а въ словахъ: „какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“, Который, разумѣется (ст. 45), посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ“, и: „такъ будьте совершенны“—ст. 48, въ этихъ словахъ болѣе „закона и пророковъ“,—здѣсь духъ Новаго, совершеннѣйшаго Завѣта, духъ любви ко врагамъ и благотворительности за злодѣяніе. Несравненно лучшее значеніе ст. 12, vii гл. имѣеть на своемъ мѣстѣ, послѣ ст. 11, vii гл.—Здѣсь ст. 12-й служитъ заключеніемъ всего ученія объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому, христіанскаго закона къ Моисееву,—заключеніемъ развитія основной идеи любви къ ближнему, которая служила основаніемъ „закона и пророковъ“. Въ тоже время ст. 12, vii служитъ заключеніемъ и всего ученія Нагорной бесѣды, гдѣ открывается новый и совершенный путь въ истинное царство Божіе. Потому далѣе въ ст. 13 содержится уже обращеніе къ слушателямъ: „входите тѣсными вратами...“—призываніе слѣдовать предначертанному пути,—поступать по только-что раскрытой заповѣди о любви къ ближнимъ, на которой основываются весь „законъ и пророки“. Если же, по желанію Эвальда, переставить ст. 12, vii гл. въ v гл.; то между ст. 11 и 13 въ vii гл. будетъ дѣйствительно безсвязность: въ ст. 11 говорится о превоеходствѣ благосердія Отца небснаго надъ благосердіемъ людей; какъ же вдругъ приставить сюда приглашеніе: „входите тѣсными вратами“?—Изъ предыдущаго 11-го ст. непосредственно не видно никакого стѣсненія для добровольнаго

поведенія чловѣка; такъ что слова: „входите тѣсными вратами“ по смыслу не идутъ къ словамъ: „если вы, будучи злы, умѣете даванія благія давать дѣтямъ вашимъ; тѣмъ болѣе Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у него“—ст. 11, VII. А если и возможна связь между ст. 11 и 13, VII, то лишь при такомъ посредствующемъ сужденіи: таково основоположеніе нравственнаго закона, которое ограничиваетъ и стѣсняетъ произволь чловѣка, но вы „входите тѣсными вратами“. А такое сужденіе, посредствующее между ст. 13 и всей Нагорной бесѣдой до ст. 11, vii и выражаетъ ст. 12-й этой главы, въ словахъ: „ибо въ этомъ законъ и пророки“. Въ этихъ словахъ содержатся, объединяются и заключаются всѣ сужденія Господа объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому,—о всѣхъ видахъ выполненія и восполненія заповѣдей, какъ выраженной одной основной христіанской заповѣди о любви къ ближнимъ въ духѣ и совершенствѣ любви Отца небснаго.—Во всей Нагорной проповѣди небесный Учитель желалъ показать, въ чемъ состоитъ восполненіе Ветхаго Завѣта совершеннѣшимъ, новымъ. Это Онъ и показалъ, и указываетъ наконецъ: *ουτος γαρ εστιν ο νομος και οι προφηται; ουυ*,—„не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить“ (ст. 16, v).

Если не здѣсь—въ VII гл.; то въ ст. 42, V гл. по видимому оправдывается мнѣніе Эвальда объ искусственной связи въ Нагорной бесѣдѣ.—Стихъ 42, V гл. представляется ему неимѣющимъ никакой естественно-логической связи съ предыдущими и послѣдующими ст. 41—43. Какъ же это, однако?—„такъ какъ, говорить Эвальдъ, въ предыдущихъ стихахъ рѣчь идетъ о томъ, что не должно сопротивляться злему,—тому, кто ударить въ щеку, кто захочетъ судиться и кто принудить идти съ собой поприще: 39—41 ст.; а въ ст. 42 говорится: „просящему у тебя дай“—что не стоитъ въ связи съ ст. 39—41. „Но, замѣчаетъ Мейеръ, между этими стихами,

если бы они не были въ существенной связи съ предыдущими, находится связь по естественной ассоціаціи¹²²⁾. Это могло быть такъ; но для теоріи требуется логическая связь, которую впрочемъ нельзя отвергать уже и по указанной ассоціаціи. Здѣсь есть логическая связь. Въ стихѣ 39-мъ Спаситель говоритъ: „не противься злomu“—*πονηρον*,—всякому проявленію лукаваго эгоизма; слѣдовательно, кто ударить тебя, хочеть судиться съ тобою, принудить тебя идти поприще—не противься. Но это еще не все проявленіе лукаваго эгоизма: если кто просить у тебя займы, разумѣется—безъ отдачи, то „просящему у тебя дай“,—и здѣсь не противься злomu (*πονηρον*); ибо „если займы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно: какая вамъ за то благодарность?... Но вы... и займы давайте, не ожидая ничего; и будетъ вамъ награда великая, и будете сынами Всевышняго,“ говоритъ Спаситель (ср. Лук. VI, 34—35). Такую связь должно и можно мыслить по указанію Ев. Луки¹²³⁾.

122) Meyer's: *Komment. üb. d. N. T. Ev. Matth.*

Вотъ самый текстъ гл. V-й ев. Мѡ:

Ст. 38. «Вы слышали, что сказано: око за око, и зубъ за зубъ (Исх. 21, 24).

39. А Я говорю вамъ; не противься злomu. Но кто ударить тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую.

40. И кто захочетъ судиться съ тобою, и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду.

41. И кто принудитъ тебя идти съ нимъ одно поприще, иди съ нимъ два.

42. Просящему у тебя дай, и отъ хотящаго занять у тебя не отвращайся.

43. Вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего (Лев. 19, 17. 18.)».

Для опредѣленія правильнаго контекста этихъ стиховъ, особенно ст. 42-го, ср. по Евангелію отъ Луки: гл. VI, ст. 34—35.

123) Указаніе на Ев. Лук. VI, 34—35 ст. по поводу связи ст. 42, V Мѡ. у

Stier'a: *d. Reden d. Herrn Jesu. 3 Aufl. 1865. S: 175—*

176. Сопоставленіе ст. 42, V Мѡ. съ Лук. VI, 34—35 находится въ синоптическихъ

таблицахъ Bunsen'a, Sevin'a и Tischendorf'a.— Нѣко-

торые комментаторы указываютъ другую связь ст. 42 съ 41 въ V гл. Мѡ. Такъ

Th. Scott говоритъ: «Подъ различными предлогами могутъ быть нѣкоторыя

неразумныя требованія отъ учениковъ Христовыхъ, касающіяся разнообразныхъ занятій, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ; но если бывають требованіе, напри-

рѣшительно противъ теоріи Эвальда и частнаго мнѣнія ея о перестановкѣ стиховъ и безсвязности ихъ въ Нагорной проповѣди говорить тотъ фактъ, что всѣ, указанные самимъ Эвальдомъ, стихи: 12, VII; 42, V; 22, VI-й во всѣхъ извѣстныхъ кодексахъ Новаго Завѣта и рукописяхъ Евангелія стоятъ на своихъ мѣстахъ. Отчего же не было никогда и нигдѣ исправлено quasi-извращеніе текста въ Евангеліи отъ Матѡея?—только оттого, что никогда не было этого самаго мнимаго извращенія его въ дѣйствительности¹²⁴⁾.

Доказательствомъ того, что Нагорная проповѣдь имѣетъ только искусственную, а не первоначальную связь живаго устнаго преданія или ученія, для Эвальда служить не только неумѣстность и безсвязность нѣкоторыхъ стиховъ ея; но и вставки нѣсколькихъ стиховъ—въ ихъ искусственной формѣ, какъ на примѣръ молитва Господня „Отче нашъ“, которая была произнесена Іисусомъ Христомъ первоначально только при извѣстномъ случаѣ, какъ образецъ молитвы христіанской, новозавѣтной; въ такомъ (будто бы) случайномъ возникновеніи она записана еще у ев. Луки: XI, 1—4. Эта молитва въ Нагорной проповѣди, судя по контексту рѣчи, представляется, довольно ощутительно, вводною¹²⁵⁾. Мнѣніе объ искусственности

мѣртъ—продолжать путь на мило долѣе, чѣмъ то нужно; то, конечно, лучше идти, нежели ссориться изъ-за того,—лучше давать и ссужать тѣмъ, кто неприязненно требуетъ, чѣмъ отказывать съ жестокостію или видимымъ самолюбіемъ (*selfishness*), и тѣмъ болѣе давать и ссужать тамъ, гдѣ есть нужда,—въ виду добраго дѣла.—Само собою очевидно, что при болѣе широкомъ примѣненіи этой заповѣди въ отношеніи къ ближнимъ должны быть допущены многія и великія ограниченія.» *Commentary on the holy Bible. U. V: New Test. p. 22—23.*

124) См. изданія Н. Зав. В. Walton'a: *Biblia sacra Polyglotta; Stier' und Theile: Polyglotten-Bibel; Tischendorf'a: Novum Testamentum graece; u Poly: Synopsis Londinensis in Nov. Testamentum.*

125) *Jahrb. d. b. W. 1848. S. 130—131.*

Нагорной рѣчи (Bergrede), основанное только на этомъ ощущеніи, не можетъ быть признано научнымъ или провѣрено научно; такъ какъ оно не аргументировано логически и остается научно-неосновательнымъ. Между тѣмъ Эвальдъ на этомъ недостаточномъ основаніи заключаетъ, что „о первоначальной и первоначально-твердой (urfesten) связи всѣхъ этихъ (молитвенныхъ) изреченій не можетъ быть никакой рѣчи“. Пусть будетъ это такъ; но что слѣдуетъ отсюда?—то, что Нагорная проповѣдь вся имѣетъ искусственную, а не первоначальную связь устнаго ученія?—Очевидно, адѣсь въ заключеніи болѣе, чѣмъ въ основаніи,—настолько, насколько 120 стиховъ болѣе 5, т. е. все содержаніе Нагорной проповѣди (безъ „Отче нашъ“—5-ть стиховъ) болѣе „Отче нашъ“. Однако нельзя заключать и такъ, какъ Эвальдъ, т. е. отъ несравненно (собственно въ двадцать четыре раза) меньшаго къ настолько же большому. Такъ какъ „Отче нашъ“ есть собственно молитва, и пусть—искусственная, но какъ такая, она могла быть введена въ рѣчь (Bergrede) самимъ же Спасителемъ,—подобно тому, какъ слова ветхозавѣтныхъ писаній—цитаты,—могла, если она была Имъ такъ выражена прежде. Эта молитва находится у ев. Луки въ гл. XI, 1—4 ст. съ замѣчаніемъ, что она была предложена Господомъ своимъ ученикамъ именно потому, что одинъ изъ нихъ просилъ Его: „Господи, научи насъ молиться, какъ и Іоаннъ научилъ учениковъ своихъ“. На это Господь отвѣчалъ: „когда молитесь, говорите: Отче нашъ...“ Но когда это было?—„Случилось... когда Онъ въ одномъ мѣстѣ молился, и пересталъ... (XI, 1 ст.)“. Несомнѣнно, что случившееся гдѣ-нибудь разъ, могло быть повторено и въ другомъ мѣстѣ при иномъ побужденіи; также—и молитва „Отче нашъ“ могла быть неоднократно прежде произносима Самимъ Спасителемъ, могла быть сказана прежде Нагорной проповѣди одному ученику послѣ молитвы „въ одномъ мѣстѣ“, и повторена еще разъ на „горѣ блаженствъ“ предъ множествомъ народа, когда шла рѣчь

о томъ, какъ должно молиться въ духѣ Новаго Завѣта. Если ученикамъ Господа нужно было знать, какъ должно молиться (Лук. XI, 1—4), то и всѣмъ, имѣющимъ быть въ числѣ членовъ церкви Его. Поэтому-то Господь, говоря о молитвѣ въ духѣ Новаго Завѣта, заповѣдуетъ молиться втайнѣ, не говорить въ молитвѣ лишняго, какъ язычники и не уподобляться имъ (Мѡ. VI, 6—8); а отсюда слѣдовалъ прямой вопросъ со стороны слушателей—какъ же именно должно молиться? И на этотъ, логически-естественно слѣдующій, вопросъ Спаситель отвѣчаетъ: *οὕτως οὖν προσευχεσθε υμεις*: „Отче нашъ...“ Такъ однажды, когда нибудь прежде, произнесенная молитва могла быть повторена въ другомъ случаѣ,—въ Нагорной проповѣди,—подобно тому, какъ Господь и другія изреченія этой проповѣди несомнѣнно повторялъ и при другихъ поводахъ и въ другихъ Своихъ рѣчахъ ¹²⁶⁾. Повторить „Отче нашъ“ въ данномъ случаѣ особенно нужно было, потому что Господь осуждалъ и фарисейскую, примѣрную въ то время, молитву (гл. VI, 6 ст.), и языческую (ст. 7—8) при большомъ стеченіи народа (*οχλους*), при чемъ Онъ долженъ былъ непременно и немедленно предложить образецъ Своей молитвы, совершеннѣйшей, который Онъ и предлагаетъ въ ст. 9—13, VI гл. Мѡ. Спаситель высказалъ ее въ связи съ предыдущими и послѣдующими словами рѣчи; такъ какъ, на примѣръ, и дальнѣйшіе стихи: 14—15 служатъ именно разъясненіемъ ея, опредѣленіемъ ея смысла и характера, какъ молитвы въ духѣ Новаго Завѣта,—въ духѣ любви чадъ Отца Небеснаго. Слѣдовательно, молитва „Отче нашъ“ поставлена на своемъ мѣстѣ въ Нагорной проповѣди и изъяснена въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ содержаніемъ ея.

126) На примѣръ: Мѡ. v, 15. Мр. iv, 21—25. Лук. viii, 16—18. xi, 33. Мѡ. v, 25—26. Лук. xii, 58—59. Мѡ. v, 29—30.—Мѡ. xviii, 8—9. Мр. ix, 43. 47. Мѡ. vi, 9—15. Лук. xi, 1—4. Мр. xi, 24—26. Мѡ. vi, 20—30. 33. Лук. xii, 33.—34. xi, 34—35. xvi, 13. xii, 22—31. Мѡ. vii, 7—11. Лук. xi, 9—13, и пр.

А этимъ устраняется и тотъ намекъ Эвальда, что по контексту ему довольно ощутительна искусственная связь Нагорной проповѣди. Слѣдовательно, связь мыслей въ указанномъ мѣстѣ и—во всей Нагорной проповѣди должна быть признана совершенно твердою и естественною, какъ въ живой, устной рѣчи.

Наоборотъ, какъ бы ни доказывалось въ предыдущемъ искусственное построение Нагорной проповѣди, но оно было бы доказано лишь отъ меньшей части,—судя по нѣсколькимъ немногимъ стихамъ ея. Поэтому, въ доказательство искусственной связи, во всей Нагорной проповѣди Эвальдъ указываетъ въ ней „наизываніе (Anreihung) изреченій въ сильнѣйшей зависимости отъ круглыхъ чиселъ,—подобно тому, какъ это было у раввиновъ Апостольскаго времени“¹²⁷⁾.

Такъ, въ Нагорной бесѣдѣ послѣ изясненія, различающаго Ветхій и Новый завѣтъ (Мѡ. V, 17—20), существо этого различія, говоритъ теорія, объясняется въ многочисленныхъ (mehreren) примѣрахъ, совершенно однородныхъ, какъ-будто эти примѣры были заимствованы изъ обыкновеннаго въ тогдашнихъ іудейскихъ школахъ обзора (Uebersicht) обязанностей; здѣсь (V, 21—48. VII, 12 ст.) перечисляются слѣдующія предписанія, заимствованныя изъ Пятокнижія: 1, относительно убійства,—2, прелюбодѣнія,—3, развода,—4, клятвы,—5, мщенія,—6, любви къ ближнимъ и ненависти ко врагамъ“. Такъ насчитывается шесть заповѣдей, которыя обнимаютъ все содержаніе первой части Нагорной проповѣди; въ этомъ и представляется Эвальду искусственность ея¹²⁸⁾.

Эвальдъ насчитываетъ столько заповѣдей, но—на какомъ основаніи?—Очевидно, не на логическомъ, а — по числу ветхозавѣтныхъ цитатъ. Неправильность такого сче-

та обнаруживается въ томъ, что шестью цитатами не обнимается все содержаніе первой части Нагорной проповѣди. По сознанію самого Эвальда, ветхозавѣтному изреченію: „око за око и зубъ за зубъ (Мѡ. V, 38),“—что составляетъ пятый пунктъ дѣленія,—не соотвѣтствуетъ ст. 42-й и даже „не стоитъ съ предыдущими: 39, 40 и 41 ни въ какой логической связи“. Въ ст. 39 и 41 „идеть дѣло о томъ, слѣдуетъ ли противиться злему, а въ ст. 40 и 42—о владѣніи,—о „моемъ“ и „твоемъ“; а ветхозавѣтнаго предписанія, соотвѣтствующаго этимъ стихамъ, не выставлено, какъ бы слѣдовало „по обыкновенію іудейскихъ школъ“¹²⁹⁾. Слѣдовало бы при ст. 40 и 42 быть седьмому ветхозавѣтному изреченію (цитатѣ); но его нѣтъ; остается только шесть; отсюда—раввинскаго числа семи нѣтъ въ первой части Нагорной проповѣди, нѣтъ и искусственнаго ея расположенія, соотвѣтственнаго числу семи. Но, думаетъ Эвальдъ, хотя для ст. 40 и 42 не выставлено особаго седьмаго предписанія изъ книгъ ветхозавѣтныхъ, однако оно непременно должно быть.—„Мы, говоритъ Эвальдъ, имѣемъ право на такое предположеніе,—что между ст. 38, 39 и 41 опущено положеніе, которое когда-то гласило такъ: „вы слышали, что сказано было древнимъ: ты не долженъ красть, а долженъ отдавать назадъ бѣдному его верхнюю одежду до захожденія солнца (—изъ Исх. XX, 15 и Второз. XXIV, 3); а Я говорю вамъ:—даже и тому, кто пожелаетъ съ тобой судиться, дабы лишить тебя твоей нижней одежды, и т. д. 40 и 42 ст.“. Такъ восполняется число семь¹³⁰⁾. Итакъ, думая, что предписаніе, составленное изъ Исх. XX, 15 и Второз. XXIV, 3, должно быть при ст. 40 и 42 въ V гл. Мѡ., Эвальдъ полагаетъ, что оно дѣйствительно было, но опущено; а на какомъ основаніи можно думать, что оно было въ текстѣ,

127) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 131.

128) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 131—132.

129) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 132.

130) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 132.

если, по теории, оно только могло и должно быть, и если другого ничего нельзя вывести из соображения Эвальда относительно новаго седьмаго предписанія? Если онъ желаетъ признать свою вставку дѣйствительно-исторически правою, такимъ же и фактъ, что седьмое предписание именно опущено; то онъ долженъ бы подтвердить свое предположеніе какимъ-либо историческимъ свидѣтельствомъ. Однако, изъ всѣхъ, извѣстныхъ напримѣръ К. Тишендорфу, Ев. рукописей не видно ничего, доказывающаго, чтобы оно было, когда-то читалось именно такъ, и потомъ выпало. Это, неизвѣстно кѣмъ и когда опущенное, неизвѣстно кѣмъ и когда до Эвальда составленное, положеніе, по причинѣ этой самой неизвѣстности, необходимо должно признать неимѣющимъ никакого основанія или научнаго значенія. Оно имѣло бы хотя какое нибудь значеніе, если бы въ немъ была существенная нужда, если бы стихи: 39, 40, 41 и 42 не соединялись по смыслу съ ст. 38; но эти стихи имѣютъ очень твердую связь съ нимъ; сомнѣніе можетъ быть относительно только ст. 42; но самъ Эвальдъ соединяетъ его со ст. 40-мъ по смыслу; слѣдовательно, всѣ четыре стиха: 39, 40, 41 и 42 составляютъ развитіе ст. 38, т. е. шестаго положенія или ветхозавѣтнаго изреченія; и это тѣмъ вѣроятнѣе, что Эвальдъ стиху 38-му или шестому пункту дѣленія даетъ общее значеніе заповѣди о любви къ ближнимъ, съ чѣмъ легко соединяется по смыслу и 42-й ст., а предположеніе когда-то выпавшей седьмой заповѣди становится ненужнымъ. Связь ст. 42 съ 40, и слѣдовательно съ 38, необходимо должна быть, потому что если и вставить вновь открытую Эвальдомъ заповѣдь, то ст. 42-й будетъ относиться къ ней опять посредственно же, — въ связи со ст. 40; но если онъ стоитъ и долженъ стоять съ нимъ въ связи, то все равно, куда бы ни отнести ст. 40, съ нимъ туда же перейдетъ и ст. 42; а ст. 40-й прежде былъ поставленъ и долженъ быть оставленъ Эвальдомъ въ связи съ ст. 39 и 41, когда ст. 42 только одинъ былъ объявленъ (въ теории) стоящимъ безъ всякой логической связи и дол-

женъ былъ перейти на другое мѣсто. Теперь же ст. 42 соединяется съ ст. 40 и, слѣдовательно, по первому мнѣнію Эвальда, долженъ стоять въ связи съ ст. 39, 40 и 41 посредствомъ именно ст. 40. Такъ мыслимая теперь связь ст. 42 съ 39 и—38, т. е. съ шестымъ пунктомъ дѣленія, не даетъ основанія предполагать еще особой заповѣди, какъ седьмаго пункта дѣленія всей Нагорной проповѣди; потому что всѣ стихи: 39, 40, 41 и 42 относятся уже къ ст. 38, какъ къ шестому пункту дѣленія. Но эта связь ст. 42 съ 40 и 39 съ 41, которую изобрѣтаетъ собственно и только Эвальдъ, дабы допустить предположеніе новой заповѣди, представляетъ новое возраженіе его теории. Если же къ „новой заповѣди—седьмому пункту“ дѣленія должны относиться ст. 40 и 42, а не къ прежней, шестой—39 и 41; то слѣдуетъ, что ст. 39—42 должно поставить въ иномъ порядкѣ: ст. 41 должно поставить на мѣсто 40 и наоборотъ, потомъ между ними поставить текстъ новой заповѣди; а это свидѣтельствуегъ о томъ, что не только опущена цѣлая заповѣдь, но и стихи, къ ней относящіеся, переставлены, хотя кѣмъ, когда, для кого и для чего неизвѣстно. Итакъ, что же признать: то ли, что стихи: 39—42 переставлены и заповѣдь (въ отношеніи къ нимъ основная) опущена, или то, что ничего такого не было и нѣтъ? Имѣя въ виду, что существующій текстъ Нагорной проповѣди не представляетъ такого поврежденія, признавая, какъ должны быть безцѣнно-дѣроги слова Господа для первыхъ Его послѣдователей, и не видя нужды въ подобной переработкѣ текста въ ущербъ связи рѣчи, не видя при томъ никакихъ историческихъ свидѣтельствъ, должно признать болѣе справедливымъ то, прежде высказанное, соображеніе Эвальда, что ст. 40, а съ нимъ и 42 могутъ быть въ связи съ 39 и 38—шестымъ пунктомъ дѣленія, и слѣдовательно,—совершенно вѣрнымъ то положеніе, что седьмаго пункта нѣтъ и не было въ первой части Нагорной проповѣди.

Не только въ Нагорной бесѣдѣ, но и вообще въ Евангеліи, гдѣ приводятся заповѣди Вѣтхаго Завѣта, нельзя признавать число семь въ раввински—школьномъ значеніи. Самъ Эвальдъ указываетъ, что ев. Маркъ, по его мнѣнію, древнѣйшій изъ каноническихъ Евангелистовъ, не держится этого числа, перечисляя только шесть заповѣдей (Мар. X, 19), а ев. Лука только пять (Лук. XVIII, 20), и замѣчаетъ: „не трудно видѣть, какъ постепенно семь такихъ мѣстъ сокращаются до шести или даже до пяти ¹³¹⁾“. Не только нетрудно, но и совсѣмъ не возможно видѣть—какъ постепенно сокращается число семь въ шесть и пять. Ибо,—гдѣ же это сокращаемое семь? По словамъ Эвальда, можно думать, что ев. Матѳеи одинъ держится такого обыкновенія, принимая въ Нагорной проповѣди семь (извѣстныхъ только шесть) Вѣтозавѣтныхъ заповѣдей. Но противъ этого рѣшительно говоритъ то, что въ Нагорной проповѣди ев. Матѳеи перечисляетъ именно только шесть заповѣдей: объ убійствѣ, о прелюбодѣянніи, разводѣ, клятвѣ, мщеніи и любви къ ближнему. Столько же, именно шесть, заповѣдей, ев. Матѳеи перечисляетъ и въ другой разъ, въ XIX гл. ст. 18—19: „не убивай, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не лже-свидѣтельствуй, почитай отца и мать и люби ближняго твоего“. Слѣдовательно, и у ев. Матѳея нѣтъ обыкновенія раввиновъ приводить ветхозавѣтныя изреченія въ числѣ семи. Если же ни у ев. Марка, ни у ев. Луки, ни у самого ев. Матѳея не приводятся ветхозавѣтныя заповѣди въ числѣ семи; то не только нельзя произвольно приставлять къ шести седьмую, какъ то дѣлаетъ Эвальдъ въ Нагорной проповѣди, а скорѣе можно было бы заподозрить дѣйствительное тамъ существованіе седьмой,—по взгляду и методу Эвальда.

131) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 132. d. Anmerkung dritt.

Очевидно, ветхозавѣтныя заповѣди въ Евангеліи приводятся въ числѣ шести (Мѳ. XIX, 18—19; Мр. X, 19) или пяти (Лук. XVIII, 20), но не въ числѣ семи, какъ бывало у раввиновъ. Если же признать, что числа пять и шесть суть уже сокращенныя; то все же получится круглыхъ чиселъ три: пять, шесть и семь; а если такъ, то едвали какое сочиненіе, особенно нравоучительнаго содержанія, можетъ освободиться отъ типа раввинскаго построения: правило объ изложеніи изреченій по числамъ шести или семи, или пяти, и т. под. (а почему не и такъ далѣе?) можетъ имѣть почти всеобщее, хотя и не опредѣленное значеніе, а въ частномъ примѣненіи—никакого.

Наконецъ, безъ всякихъ доказательствъ пусть будетъ совершенно вѣрнымъ то мнѣніе, что первая часть Нагорной бесѣды изложена по числу семи; какъ же отсюда слѣдуетъ, что она не имѣетъ связи живаго устнаго преданія и ученія?—и Спаситель могъ говорить такъ, какъ обыкновенные раввины эту, сравнительно болѣе длинную, рѣчь и могъ высказать и объяснить именно семь ветхозавѣтныхъ заповѣдей. Иначе, откуда же взять бы ев. Матѳеи тѣ стихи, которые относятся Эвальдомъ къ седьмой заповѣди и стоятъ, по его мнѣнію, внѣ связи съ шестой, да при томъ еще и въ Евангеліи отъ Луки относятся также къ Нагорной именно проповѣди (напримѣръ, Мѳ. V, 39—42; ср. Лук. VI, 30—34)?!—Слѣдовательно, мысль, что ев. Матѳеи долженъ былъ приводить или приводить ветхозавѣтныя заповѣди по раввинскому обыкновенію въ числѣ семи и отсюда,—Нагорная проповѣдь не имѣетъ связи живаго, устнаго ученія, эта мысль не находить для себя никакого оправданія,—покрайней мѣрѣ въ первой части Нагорной проповѣди (Мѳ. V, 21—48).

Въ параллель первой части и какъ новое доказательство своего мнѣнія о построеніи Нагорной проповѣди по раввинскому числу семи, Эвальдъ группируетъ и вторую часть содержанія ея по-раввински. По мнѣнію Эвальда, содер-

жаніе VI гл.—11 ст., VII-й гл. Мѡ. расположено такъ: 1, Спаситель опредѣляетъ истинную благотворительность,—2, молитву,—3, надлежащій постъ,—4, главные средства противъ привязанности къ земнымъ благамъ,—5, воздержанность при сужденіи о другихъ,—6, предусмотрительность въ сообщеніи высшихъ истинъ,—7, неутомимую, непрерывно-стремительную энергію вѣрующаго (V, 1—4. 5—15. 16—18. 19—34. VII, 1—5. 6. 7—11 ¹³²)“.

Построеніе содержанія второй части Нагорной проповѣди, такъ предложенное Эвальдомъ, очевидно, уклоняется отъ типа собственно іудейски-раввинской структуры, потому что не имѣетъ для себя соотвѣтственныхъ ветхозавѣтныхъ цитатъ, какъ это было въ первой части. Слѣдовательно, расположеніе второй части сходно съ расположеніемъ первой не по основанію дѣленія, а по формѣ или по числу семи.

Какія же собственно основанія имѣетъ это формально-сходное дѣленіе второй части Нагорной проповѣди на семь главныхъ пунктовъ, если для него нѣтъ прежнихъ основаній—ветхозавѣтныхъ цитатъ?—разумѣется, только логическія основанія или общія понятія. А если такъ, то является уже не искусственный, обычно-раввинскій, строй, а логическій, естественный порядокъ—на основаніи общихъ понятій, хотя бы и въ числѣ семи. Сходство расположенія первой и второй части Нагорной проповѣди остается только въ формѣ и эта форма не доказываетъ внутренней искусственной связи; потому что можно насчитать семь общихъ понятій, а можно и болѣе или менѣе, смотря потому, въ какой мѣрѣ принимается самая общность понятій,—съ какой точки зрѣнія производится выборъ самыхъ понятій. Эвальдъ насчитываетъ ихъ только семь потому, что для своей цѣли останавливается въ своемъ счетѣ на ст. 11, VII гл.; а если продолжить ана-

132) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 132—133.

лизъ главы VII, то ст. 13: „входите тѣсными вратами...“, ст. 15: „берегитесь лжепророковъ...“ и под. увеличиваютъ число основныхъ или общихъ понятій. Но и тѣ изъ нихъ, кои приняты собственно Эвальдомъ, не такъ тверды и общи въ отношеніи одно къ другому, чтобы могли оставаться именно въ числѣ семи основныхъ понятій. Основные понятія, указанныя Эвальдомъ, суть: милостыня, молитва, постъ, средства противъ привязанности къ земнымъ благамъ, воздержаніе при сужденіи о другихъ, предусмотрительность въ сообщеніи высшихъ истинъ и энергія вѣрующаго. Изъ этихъ понятій четвертое легко разлагается на два другія: нестяжательность и надежду на Промысль,—такъ раздѣльно изреченія, соотвѣтствующія этимъ понятіямъ, приводятся у ев. Луки (Лук. XII, 33—34 и 22—31). Слѣдовательно, всѣхъ общихъ понятій будетъ восемь. Или: седьмое общее понятіе—энергія—никакъ не видовое, вмѣстѣ съ другими шестью, но, такъ сказать, общѣе всѣхъ ихъ; и т. д. Слѣдовательно, еще нѣтъ твердаго основанія признать, что вторая часть Нагорной проповѣди расположена по числу именно и только семи непрѣмнымъ пунктамъ, можно съ такимъ же, если не съ болѣшимъ, правомъ думать совершенно иначе: по большому числу общихъ логическихъ понятій не можетъ быть признано обыкновенно-раввинское расположеніе второй части Нагорной проповѣди. Слѣдовательно, и вся Нагорная проповѣдь, какъ въ первой своей части, такъ и во второй, не представляетъ искусственной связи.

Но какъ же объяснить то, что нѣкоторые стихи въ ней стоятъ, по видимому, не въ столь твердой связи?—Слѣдуетъ признать за ней характеръ устной рѣчи, а не формально-связной; потому что послѣдняго рода связь исключала бы видимую (для Эвальда) безсвязность.

Если допустить самое крайнее предположеніе, что Нагорная бесѣда вся, сначала до конца, дѣйствительно написана искусственно-связно; то что же отсюда слѣдуетъ?—никакъ не то, что бы она была измѣнена и теперь, по-

этому, уже не представляет связи первоначального устного преданія. Круглыми числами могли воспользоваться и каноническіе Евангелисты—первые составители рѣчей Христовыхъ и устныхъ разсказовъ—для облегченія своей и чужой памяти, какъ это можетъ признать и самъ Эвальдъ. Такъ, слѣдуя обычаю своего времени и примѣру современныхъ школъ первые Евангелисты могли то, что воспоминали, прямо передавать или записывать для другихъ—въ облегченіе ихъ памяти—по числу семи, если это нисколько не вредило смыслу рѣчи. Изъ такой формы еще нельзя выводить того, что содержаніе рѣчи сколько-нибудь неподлинно, что оно трудно припоминалось,—именно потому, что форма эта была обыкновенною; слѣдовательно, эту форму принимало и готовое содержаніе, которое раввины легко припоминали или прямо заимствовали изъ ветхозавѣтныхъ Св. книгъ. Слѣдовательно, доказательство (или, точнѣе, недоказанное мнѣніе Эвальда объ) искусственной связи въ Нагорной проповѣди ни къ чему и никакъ не ведетъ.

А если всѣ доказательства того, что Нагорная проповѣдь составлена искусственно, не достаточны для этой своей цѣли; то тѣмъ болѣе они не имѣютъ никакого научнаго значенія, если содержаніе оной вмѣсто искусственнаго состава представляетъ послѣдовательно логическое развитіе духа и характера Новаго Завѣта ¹³³).

Послѣдовательный ходъ мыслей въ Нагорной проповѣди не требуетъ и не допускаетъ предположенія объ искусственной, неестественной или непервоначальной связи ея.

Но теорія не довольствуется и сама—во всякомъ случаѣ—однимъ примѣромъ Нагорной проповѣди, признавая характеръ ея построения за недостаточное еще основаніе для заключенія о такомъ же характерѣ и всѣхъ первоначальныхъ Евангельскихъ опытовъ того же рода: такое

¹³³ См. изложеніе содержанія Нагорной бесѣды въ логической послѣдовательности, напримѣръ: у Циге. Кіевъ. 1866. Рус. пер. Ордъ. Стр. 149—165.

заключеніе—во всякомъ случаѣ—было бы отъ части къ цѣлому,—ко всему періоду первоначального составленія Ев. исторіи. Поэтому-то Эвальдъ представляетъ еще нѣсколько примѣровъ подобнаго свойства и одинаковаго типа, это—„Рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ“, нѣкоторыя „Притчи“ и, наконецъ, нѣкоторыя отрывочныя изреченія.

Эти слѣдующіе примѣры сравнительно одинаково важны для уясненія, въ болѣе обширномъ примѣненіи, чисто-теоретическихъ соображеній Эвальда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для опредѣленія конечно-точного достоинства и важности самой теоріи; а потому заслуживаютъ относительно, но соотвѣтственно подробнаго разбора.

V.

Второй примѣръ искусственной связи въ первоначальныхъ Евангельскихъ трудахъ по образованію рѣчей Христовыхъ, это по теоріи—Рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ,—„длинная рѣчь Господа, которая въ теперешнемъ первомъ Евангеліи отстоитъ отъ Нагорной бесѣды очень далеко; но по содержанію и по окраскѣ языка очень сходна съ ней“,—XXIII гл. Ев. Мѹ. Она раздѣляется на три части: сначала указываются два основныхъ недостатка въ поведеніи фарисеевъ (2--12), потомъ все то безконечно-разнообразное, превратное и печальное въ убѣжденіяхъ фарисеевъ, что выражается въ ряду восклицаній „горе вамъ“ (ст. 13—32), и въ заключеніе выводится изъ

всего поведения книжниковъ и фарисеевъ послѣдняя, конечная погибель ихъ самихъ, какъ и устроеннаго ими царства (33—39)¹³⁴⁾.

Если сходство этой Рѣчи съ Нагорной бесѣдой дѣйствительно существуетъ по содержанию и по языку и планъ ея такой именно; то почему же, однако, должно видѣть въ ней примѣръ и доказательство первоначальнаго труднаго составленія и образованія Ев. матеріи?—потому, что она, по теоріи, расположена по круглому числу семи, именно въ такомъ порядкѣ: „1, фарисеи, какъ превратно-религіозные учителя, закрывали собою входъ на небо (ст. 13); 2,—когда они по своей ложной, хотя и великой, ревности пріобрѣтали новыхъ членовъ царствія небеснаго (т. е. прозелитовъ), то дѣлали ихъ сынами геенны сугубѣйшими, нежели сами (ст. 15 [—14?]); 3,—они извращали правильный взглядъ на святость клятвы (ст. 16—22); 4,—на десятины (ст. 23); 5,— на чистоту людей (ст. 24—26); между тѣмъ, какъ 6,—сами очевидно уподоблялись раскрашеннымъ гробамъ (ст. 27); 7,—они сходны были съ убійцами древнихъ мучениковъ-пророковъ (ст. 29—32)¹³⁵⁾.—Такъ, по мнѣнію Эвальда, расположеніе мыслей этой рѣчи опредѣляется числомъ семь и едва замѣтно вполнѣ искусственное (kunstvolle) нанизываніе изреченій въ зависимости отъ этого опредѣленнаго числа“.

—Дѣйствительно, не только едва замѣтно такое изложеніе; но даже и совсѣмъ нельзя его замѣтить, если анализировать содержаніе рѣчи подробно, обстоятельно и строго-объективно.

„Нанизываніе, по Эвальду, оказывается только во второй части всей длинной рѣчи (13—32)⁴⁾. Но почему же нѣтъ того въ первой и третьей?—На это прямой отвѣтъ долженъ быть конечно тотъ, что въ первой и въ

134) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 133—134.

135) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 134.

послѣдней частяхъ нѣтъ тѣхъ основаній дѣленія логическаго, по которымъ Эвальдъ расчленяетъ и располагаетъ вторую часть. Но этого прямого и единственно-правильнаго отвѣта здѣсь, однако, нѣтъ, и быть, по теоріи, не можетъ.

Пункты дѣленія второй части Рѣчи противъ фарисеевъ отноудь не заповѣди, какъ это было въ первой части Нагорной проповѣди, а только общія нравственныя понятія. Именно: „превратное ученіе, фальшивая ревность, превратный взглядъ на клятву, на чистоту людей, на десятины и т. п.“¹³⁶⁾. А такія понятія, по коимъ Эвальдъ располагаетъ все содержаніе второй части длинной рѣчи, легко можно указать и въ первой и въ третьей частяхъ ея. Напримѣръ: фарисеи не дѣлаютъ того, что заповѣдуютъ другимъ; отсюда—лицемѣрно-безплодное ученіе ихъ (ст. 3); связываютъ тяжелыя бремена и возлагаютъ на плечи людей; отсюда—неблагоразуміе фарисейскихъ заповѣдей (ст. 4); совершаютъ добрыя дѣла на-показъ людямъ; отсюда—тщеславіе фарисеевъ (ст. 5). Или въ третьей части той же рѣчи: фарисеи не избѣгнутъ геенны; отсюда—неизбѣжность для нихъ наказанія за неправду и лицемѣріе (ст. 33); фарисеи убьютъ пророковъ, мудрыхъ и прочихъ; отсюда—ожесточенное противленіе ихъ истинной праведности (ст. 34), и т. п. И эти общія понятія въ ст. 3, 4 и 5 первой части и въ ст. 33 и 34 третьей, какъ: безплодность ученія, неблагоразуміе заповѣдей, тщеславіе и проч., одинаковы по характеру съ другими понятіями, которыя служатъ пунктами дѣленія рѣчи: превратное ученіе, фальшивая ревность, превратный взглядъ на клятву, и проч., а потому и тѣ могутъ быть такъ же пунктами дѣленія. Слѣдовательно, въ первой части всей рѣчи будетъ, напримѣръ, три пункта, въ третьей два и всѣхъ пунктовъ во всей рѣчи можно насчитать двѣнадцать и даже болѣе.

136) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 134.

Почему же въ самомъ дѣлѣ Эвальдъ не раздѣлилъ первой части всей рѣчи, напримѣръ, на три пункта и послѣдней—на два? Какое основаніе онъ имѣлъ видѣть изложеніе ея содержанія по круглому числу только во второй части, а не въ первой и третьей?—Но, еще важнѣе вопросъ: почему онъ дѣлитъ всю рѣчь только на три части, когда основанія дѣленія—логическія понятія, одинаковыя по характеру своего содержанія,—находятся и въ первой, и въ послѣдней частяхъ ея?—Именно, какую характеристическую особенность въ логическомъ отношеніи имѣютъ выраженія: „расширяютъ хранилища свои (ст. 5)... любятъ предвозлежанія на пиршествахъ (ст. 6)... у васъ одинъ Отецъ на небесахъ (ст. 9)“, содержащіяся въ первой части,—отъ выраженій: „затворяете царство небесное (ст. 13)... обходите море и сушу (ст. 15)... даете десятину съ мяты (ст. 23)“, содержащихся во второй? Почему должно тѣ относить именно къ первой, а эти ко второй части рѣчи?—на это въ теоріи Эвальда нѣтъ и не можетъ быть удовлетворительнаго отвѣта, потому что логическихъ основаній къ опредѣленію и отдѣленію только трехъ, а не болѣе, частей всей рѣчи нѣтъ. Эвальдъ говоритъ, что въ первой части (3—12) указываются два основные недостатка поведенія фарисеевъ, разумѣются—тщеславіе и лицемеріе; но эти же недостатки указываетъ Спаситель и далѣе, потому что Онъ обращается неоднократно къ фарисеямъ со словами: „горе вамъ, фарисеи—лицемеры!“ (13. 14. 15. 16. 23. 25. 27. 29 ст.). Эвальдъ думаетъ видѣть во второй части подробное изъясненіе двухъ существенныхъ недостатковъ фарисейскаго поведенія, которые указаны въ первой; но такое подробное изъясненіе ихъ содержится и въ первой части рѣчи, какъ напримѣръ въ выраженіяхъ: расширяютъ хранилища свои, любятъ предвозлежаніе и предсѣденіе, привѣтствія и титулы учителей (ст. 5. 6. 7). Слѣдовательно, раздѣленіе первой части отъ второй и произвольно, и неправильно.

Если, независимо отъ логическаго достоинства, при-

знать дѣленіе Рѣчи, сдѣланное по теоріи, правильнымъ; то собственно къ дѣлу идетъ только одна вторая часть, какъ именно примѣръ и доказательство; потому что первая и третья части ея написаны или составлены иначе. А эта безыскусственность двухъ частей длинной рѣчи составляетъ противорѣчіе съ искусственностію въ построеніи средней—третьей: она представляетъ примѣръ и доказательство первоначально труднаго образованія Ев. матеріи; но двѣ другія части той же рѣчи представляютъ примѣръ и соответственно-сильное доказательство обратнаго, ибо въ нихъ не видно признаковъ искусственности.

Сопоставленіе второй части Рѣчи съ первой и третьей не только показываетъ недоказанность искусственности, но и даетъ основаніе заподозрить искусственность въ самой второй части ея, самой по себѣ, и справедливость мнѣнія Эвальда о „нанизываніи“ изреченій по числу с е м и; такъ какъ тотъ фактъ, что въ одной и той же рѣчи одна часть составлена искусственно, а двѣ другія естественно, въ сознаніи является нѣкоторымъ противорѣчіемъ.—Первому пункту второй части соответствуетъ ст. 13-й, перифразируемый Эвальдомъ такъ: „превратные религіозные учителя закрывали входъ въ царство небесное“, и только одинъ стихъ; а слѣдующій, 14-й: „горе вамъ, книжники... что поядаете дома вдовъ и лицемерно долго молитесь“, по смыслу не подходитъ подъ одинъ пунктъ дѣленія—главное понятіе ст. 13-го. Очевидно слѣдуетъ, что стихъ 14-й вполнѣ самостоятельный и потому долженъ стоять отдѣльно, вторымъ пунктомъ; отсюда,—всѣхъ пунктовъ во второй части Рѣчи противъ фарисеевъ будетъ уже восемь, а можетъ быть и еще болѣе. Стихъ 14-й заключаетъ въ себѣ два отдѣльныхъ положенія: „поядаете дома вдовъ“ и: „лицемерно долго молитесь“, изъ которыхъ каждое, по своей общности и важности своего основнаго понятія (тунеядство и лицемерная молитва), равняется всякому, отдѣльно взятому, основному понятію каждаго изъ семи пунктовъ дѣленія (ср. 23—25 ст.). Отсюда, такой

пріемъ дѣленія Рѣчи и „нализыванія“ такихъ и настолькоъ общихъ и основныхъ понятій можетъ привести къ раздѣленію одного 14-го ст. и другихъ, тому подобныхъ, на два особыхъ пункта, чѣмъ увеличится число пунктовъ дѣленія, и можетъ быть много болѣе числа семи. Если не два, то одинъ, совершенно самостоятельный, пунктъ необходимо должно признать въ ст. 14-мъ. А потому, по теоріи, второй пунктъ—ст. 15-й будетъ уже третьимъ, слѣдовательно, седьмой—восьмымъ.

Самостоятельность втораго пункта—ст. 14-го и вмѣстѣ съ тѣмъ число восьми пунктовъ будутъ несомнѣнны, если текстъ этого ст. 14-го подлинный и именно такой, какъ онъ находится въ изданіяхъ „Новаго Завѣта“. Эвальдъ говоритъ рѣшительно противъ подлинности ст. 14-го, заявляя, что онъ есть „интерполяція изъ Евангелія отъ Марка: XII, 40 и по ошибкѣ внесенъ въ текстъ Евангелія отъ Матѳея: XXIII гл., что этотъ ст. 14-й съ правомъ опускаютъ Лахманъ и Тишендорфъ¹³⁷⁾. Но если опускаютъ ст. 14-й два издателя, то на этомъ числѣ нельзя основываться въ положительно-научномъ рѣшеніи вопроса о подлинности его. Если опускаютъ ст. 14-й Лахманъ и Тишендорфъ, то оставляютъ его Шольцъ, Маттей, Walton, Stier und Theile. Въ изданіяхъ Лахмана и Тишендорфа стиха 14-го, XXIII гл. въ Евангеліи отъ Матѳея нѣтъ, но и—только; а что онъ—интерполяція изъ Евангелія отъ Марка: XII, 40 ст., внесенъ въ текстъ когда-то и кѣмъ-то по ошибкѣ, для такого мнѣнія нѣтъ основанія даже и у Тишендорфа. Известно, напротивъ, что Эвальдъ, самъ много занимавшійся изученіемъ письменныхъ памятниковъ древней восточной литературы, въ 1858 году (чрезъ десять лѣтъ по напечатаніи своей тео-

137) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 134. А въ d. Drei ersten Evangelien—Эвальдъ признаетъ этотъ стихъ 13-й «прибавкою» нѣкоторыхъ рукописей. S. 44.

риі „о возникновеніи Евангелій“⁴⁾ въ рецензій новооткрытаго Сирскаго перевода Евангелія (отъ Матѳея), изданнаго Куртономъ, говорилъ, что этотъ переводъ сдѣланъ съ подлиннаго Евангелія отъ Матѳея, и что его (изданный Куртономъ) скорѣе, нежели Peschito, должно признать такимъ (а слѣдовательно, и древнѣйшимъ). Но въ этомъ, такъ важномъ для Эвальда, Сирскомъ переводѣ Евангелія отъ Матѳея есть въ ея XXIII-я глава, слѣдовательно и ст. 14-й¹³⁸⁾. Поэтому ст. 14, XXIII гл. остается несомнѣн-

138) Мы сознаемъ и уважаемъ авторитетъ К. Тишендорфа, признаемъ величайшія достоинства его археографическихъ трудовъ и, главное, его знаменитаго изданія: *Novum Testamentum graece. Leipzig. 1869.* Но, имѣя въ виду основанія, по коимъ онъ опускаетъ ст. 14 въ XXIII гл. Мо., и тщательное храненіе правильнаго и подлиннаго текста св. Евангелія въ церкви Православно-Восточной, мы рѣшаемся не согласиться и съ Тишендорфомъ.—Эвальдъ говоритъ о Тишендорфѣ, что онъ опускаетъ ст. 14 «съ правомъ»; но—не съ полнымъ, по нашему мнѣнію.

Тишендорфъ основывается на томъ, что „plane omm (ittunt):—Cod. Sinaiticus Petropol. Saec. IV med. (?); Cod. Vatic. Rom. S. IV (?);—Cod. Bezae Cantabr. VI Saec.“ Но въ то же время указываетъ, что въ другихъ кодексахъ ст. 14 содержится или на своемъ мѣстѣ, или на мѣстѣ 13-го ст. той же гл. XXIII Мо. — E, F, G, H, K, M, S, U, V, T, Θb и Π. Такимъ образомъ очевидно, что и на Западѣ, и на Востокѣ ст. 14, 23 гл. находился во многихъ изданіяхъ еще прежде, напримѣръ, Стефана Роберта (1624, и въ его собственномъ изданіи 1550). Но у Тишендорфа здѣсь еще не всѣ источники перечислены, т. е. существующіе кодексы и списки, въ коихъ содержится ст. 14, XXIII гл. такъ, что поэтому еще вполнѣ правильно судить о подлинности ст. 14 нельзя. Это-то и даетъ намъ основаніе не соглашаться съ Тишендорфомъ. Мы поставимъ далѣе въ хронологическомъ (восходящемъ) порядкѣ всѣ изданія «Новаго Завѣта», особенно замѣчательныя и списки Евангелія, извѣстныя намъ и по *Novum Testamentum Graece*, и кромѣ этого изданія,—съ тою цѣлію, чтобы показать на сколько важно въ данномъ случаѣ основаніе мнѣнія Тишендорфа и велико право его, почему онъ опускаетъ ст. 14, и—сколько имѣетъ основаній за себя текстъ Евангелія, принятый въ нашей Православной церкви.

Текстъ ст. 14, XXIII гл. Мо. читается въ слѣдующихъ различныхъ изданіяхъ «Новаго Завѣта» и спискахъ:

- 1.—Въ изданіи Stier'a und Theile,—1864.
- 2.—В. Walton'a: *Biblia Sacra (Poliglotta)*. 1657. T. V. p. 116—117. Здѣсь ст. 14-й находится во всѣхъ семи текстахъ: Латинскомъ, Греческомъ (70), Вульгатѣ, Сирскомъ, Арабскомъ, Эѳіопскомъ и Пер-

но подлиннымъ и—вторымъ пунктомъ второй части Рѣчи противъ книжниковъ и фарисеевъ; слѣдовательно, всѣхъ пунктовъ во второй части ея будетъ не семь,--обыкновенное раввинское число, но—восемь,—что не соответствуетъ мнѣнію Эвальда объ искусственной связи второй части, а слѣдовательно и всей Рѣчи противъ фарисеевъ и

сидскомъ. При этомъ очевидно, что ст. 14-й въ текстѣ Греческомъ и Латинскомъ стоитъ на мѣстѣ ст. 13-го (р. 116), тоже и въ Сирскомъ, въ Персидскомъ (въ послѣднемъ—что въ высшей степени замѣчательно—вторая половина стиха стоитъ на мѣстѣ первой,—р. 116), въ Вульгатѣ—на своемъ мѣстѣ (р. 117, въ Эѳіопскомъ на мѣстѣ 13-го 117). Въ вариантахъ къ этому изданію мы находимъ слѣдующее: у Hugo Grot. ст. 14 стоитъ на мѣстѣ 13-го (см. Appendix ad. Bibl. Polyglott. Lond. 1657. В. Walton'a. Собственно: annotat. ad. Mtth. D. Hugonis Grot. p. 47). Изъ этихъ примѣчаній къ изданію В. Walton'a мы узнаемъ и то, что высказалъ Тишендорфъ въ своемъ N.T. gr. (p. 150). А именно Grotius замѣчаетъ, что ст. 14 во многихъ экземплярахъ уже прежде него не читался: Graecus Evangeliorum Indiculus, который называютъ „canon“, на который обыкновенно ссылаются бл. Иеронимъ и который составленъ изъ самыхъ лучшихъ кодексовъ, ст. 14, XXIII гл. Мѡ. не имѣетъ, и Оригенъ, столь прилежный исследователь книгъ (св. Писанія) agnoscit: однако Сирскія книги имѣютъ ст. 14, но Латинскія древнѣйшія нѣтъ. Proinde, замѣчаетъ Н. Grocius, haec pars major viditur: adde quod detrahendi nulla fuit causa, addendi aliqua (!) „... (ibid. p. 47). Подобное встрѣчаемъ въ Notae ad. varios lect. edit. lat. N—Testam. Ev. Mtth.—Franc. L. Brugensis: hunc (14) versum plurimi boni latini codices omitunt, etiam tres hujus nostrae Avdomarensis Ecclesiae manuscripti: a quibus avtem legitur, variis et loco et modo legitur: D. Hieronymus et alii quidam Tractatores non agnoscunt: canones Evangeliorum solis Marco et Lucae abscribunt: prout haec latius a nobis declarata sunt in notationibus nostris prolixioribus. Quare videri possit ex Hieronymi correctione jugulandus et praetermittendus versus iste: nisi propter avctoritatem veterum tractatorum graecorum, et inter latinos Hilarii consultum haud esset illum prorsus expungere (у Walton'a, ibid. Fr. Luc. Bru-

книжниковъ; а напротивъ свидѣтельствуемъ о независимости построения ея отъ круглаго или раввинскаго числа семи.

Со ст. 14-мъ, XXIII гл. Мѡ. совершенно аналогиченъ ст. 24-й той же главы въ отношеніи логической пунктуации.—По теоріи, ст. 24-й относится къ пятому

gensis Notae ad. var. lect. p. 17). Тотъ же авторъ Notae ad. var. lect. въ примѣчаніяхъ своихъ къ Вульгатѣ оставляетъ ст. 14 на своемъ мѣстѣ; потому что этотъ стихъ, по его указанію, находится въ 10 manser: Q, N. (см. Вальтона: Variarum lectionum Vulgatae, lat. edit. L. Brugensis, p. 30). Такія же примѣчанія находятся и у Matthaei Poli: Londinensis Synopsis criticorum S. Scripturae: Lond. 1674. p. 550.

3.—Въ изданіи Библии Стефана Роберта: edit. Elev. 1624 (одинаковое съ изданіемъ 1550). Здѣсь ст. 14, по Тишендорфу, pon. ante 13,—что повторилось у Griessbach'a,—edit. Evv. 1827, и въ изданіи схолий Шольца: edit. Scholzii, 1830—1836.

4.—Въ двухъ спискахъ Евангелія, принадлежавшихъ библиотекѣ Даниловскаго монастыря (въ Переяславѣ-Залѣсскомъ), относящихся къ самому началу XVI или концу XV в.—На одномъ изъ нихъ есть надпись, что лѣта 7029 (т. е. 1521 по р. Хр.), Октября 1-го нѣкто Варсанофій продалъ Евангеліе сіе черному священнику. Въ обоихъ спискахъ ст. 13, XXIII гл. Мѡ. стоитъ на мѣстѣ 14-го ст. Но замѣчательно, что въ одномъ Евангеліи (съ рисунками) пишется ст. 14 (13-й) такъ: «горе вамъ книжники и фарисее лицемери, яко съѣдаете дома вдовиць, и виною далече молитву творяще, сего ради лишнее примете осужденіе». А потомъ: «горе вамъ лицемери и фарисее лицемери, яко затворяете царство небесное предъ людьми, вы бо не входите, ни входящихъ оставляете внити (ст. соб. 13, по списку—14-й). А потомъ въ ст. 15-мъ опять: «горе вамъ книжники и фарисее лицемери...» (Соборно свящ. Ал. Смирнѣинымъ).

5.—Въ одной изъ Сербскихъ рукописей, относящейся собств. къ 1350—1400 г., а по мнѣнію Даничича—1240—1250. См. Никольско Евангеліе, въ Биоградѣ, издан. Даничичемъ. 1864. стр. 52. Здѣсь въ Ев. Мѡ. XXIII гл. ст. 14-й стоитъ на мѣстѣ 13-го.

6.—Въ числѣ рукописей Евангелія библи. Румянцевскаго Музея (въ Москвѣ) первый древнѣйшій списокъ Евангелія—рукопись N CXVII, пергам. XIV в. Здѣсь есть главы Ев. Мѡ., начиная съ IV, 1 ст. безъ пропусковъ. Но здѣсь же значится, что «списанъ въ Римѣ». См. Описаніе русск. и славян. рукописей Рум. Муз. Ал. Востокова. Спб. 1842. стр. 181; рук. N CXVII.

пункту—25-му ст., а не къ четвертому пункту—23-му ст. Стихъ 23-й читается: „горе вамъ, книжники и фарисеи... что даете, десятину отъ мяты, аниса и тмина и оставляете важнѣйшее въ законѣ, судъ, милость и вѣру“. Эту противоположность фарисейскаго поведенія Спаситель выражаетъ далѣе въ ст. 24-мъ сравненіемъ: „оцѣжи-

7.—Въ „*Четвероевангелии*“ 1383 г. и въ „*Четвероевангелии*“ 1144 г. съ нѣкоторыми синопитическими параллелями, принадлежащемъ справщику Тимоѳею, учит. греч. языка въ Москвѣ предъ Лихудами, который въ 1672 г. былъ на соборѣ Иерусалимскомъ. См. Описание рукописей Синод. библ. Отд. 1. Москва. 1855 г. стр. 208. NN 26 и 20.—Эти два списка 1383 и 1144-го представляютъ текстъ вполне по Евангелиямъ. См. предисл. къ Опис. р. Синод. библ. стр. X.

8.—Въ *Острожскомъ изданіи* Библии Евангеліе напечатано по тексту списковъ NN 1 и 2. Въ гл. XXIII Ев. МѠ. ст. 14-й находится на своемъ мѣстѣ. См. Опис. рук. Синод. библ. Отд. 1. Москва. 1855. стр. 144.

9.—Въ *Евангелии*, писанномъ для Новгородскаго князя Мстислава Владиміровича въ началѣ XII в. «Это Евангеліе, хранящееся въ Московск. Архангельскомъ Соборѣ, есть одинъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ списковъ Евангелія и вообще памятниковъ церковно-славян. письменности. Оно написано по повелѣнію князя Мстислава для церкви, построенной имъ на могилѣ Рюрика, въ 1103 г.». Здѣсь, «въ главѣ XXIII, ст. 13-й стоитъ послѣ 14-го; но 14-й есть и читается какъ въ нашихъ теперешнихъ изданіяхъ. См. Исслѣдованіе о Евангелии, писанномъ для Новгород. кн. Мстисл. Влад. въ началѣ XII в.—рукопись М. Д. Академіи. Соч. К. И. Невоструева. Листы: 1 и 5 на обор. Ср. л. 50 обор. Здѣсь же мы находимъ замѣчаніе такого рода: «такъ и всѣ списки здѣсь (т. е. переставляютъ ст. 14-й на мѣсто 13-го и на оборотъ)... такая перестановка находится въ весьма многихъ спискахъ и переводахъ у Шольца, Маттея, тоже и у Отцовъ церкви: Теофилакта, Евф. Зигабена, Златоуста и др. и она значится въ вариантахъ К. Тишендорфа»: См. тамъ же: л. 44 на обор. Такая перестановка находится, прибавимъ, и въ «Евангелии Маттея» издан. Миклошичемъ (Evang. S. Matth. palaeoslovenice) Vindobonae. 1856. стр. 60.

10. Въ *Evangeliarium Hierosolymitanum ex cod. Vat.—Palest. ed. Franc. Miniscalchi Erizzo. 1864. Verona. Tom. sec. p. 292.* Этотъ списокъ представляетъ «Четвероевангеліе» на Сирскомъ языкѣ (съ Латинск. переводомъ): Здѣсь ст. 14-й стоитъ на своемъ мѣстѣ. Этотъ списокъ относится къ X или вѣрнѣе къ XI в., такъ какъ въ предисловіи значится: „Codicem nostrum exaravit presbyter Elias el-Abbudi in monaster. Abb. Mussa, in civit. Antiochiae Palaestinae, an. Chr. 1030.—Codex hic, замѣчается далѣе, eximius et praestantissimus inter Syriacos... ad inaestimabile hujus codicis pretium“. См. Prolegom. 1. p. V—VI.

ваете комаровъ и прогматываете верблюдовъ... (—оставляете милость, судъ и вѣру)“. Если въ такомъ отношеніи стихъ 23-й стоитъ къ 24-му; то почему же должно раздѣлять ихъ и относить ст. 24-й къ слѣдующему за нимъ пятому пункту, т. е. 25-му ст.?—почему, если слова: *οὐκ οὐκ*, по которымъ Эвальдъ обыкновенно опредѣляетъ и

Далѣе—по «вариантамъ» К. Тишендорфа въ его *Novum Testamentum Graece*:

- 11.—Въ Σ—Codex Vat-Rom. an. 949.
- 12.—Въ U—cod. Nan-Venet. saec. X.
- 13.—Въ G—cod. Seidelii saec. IX.
- 14.—Въ H.—cod. seidelii saec. X—IX.
- 15.—Въ F.—cod. Boreeli Rheno-Troject, saeculi IX.
- 16.—Въ K.—cod. Cyprius Par. s. IX.
- 17.—Въ M.—cod. des Camps Par. s. IX.
- 18.—Въ V—cod. Mosc. saec. IX.
- 19.—Въ T.—cod. Oxon. et Petropol. s. IX.
- 20.—Въ Δ.—cod. Sangol. s. IX.
- 21.—Въ Π.—cod. Petropolit. saec. IX.
- 22.—Въ E.—cod. Basil. saec. VIII.
- 23.—Въ Θb.—cod. Petropol. saec. VI.

При этомъ Тишендорфъ увѣдомляетъ, что *alii plerique f. memphitica et codices syriaca, aethiopica, arabicae, slavonica* также содержатъ ст. 14, XXIII гл. Ев. Мат.

24.—Въ толкованіи на Ев. Маттея у св. *I. Златоуста*. См. Бесѣды на Ев. Маттея. Русск. пер., изд. 5-е, часть III. Москва. 1864. Здѣсь на *одной ст. 14 (и прямо 14-й) находится цѣлая бесѣда—73-я*. Стр. 338 и далѣе. И нѣтъ никакой возможности предположить здѣсь интерполяцію.—За св. Златоустомъ слѣдуютъ Іоаннъ Дамаскинъ (см. *Iohannis Damascenis parallela sacra ex cod. Rupefuc. saeculi fere VIII*), Теофилактъ, Евф. Зигабень и др. (по указанію Невоструева и Тишендорфа).

Такъ изъ преимущественнаго употребленія Ев. Маттея съ 14-мъ ст., XXIII гл въ Восточной церкви видно, что въ ней преимущественно существовалъ оспори- ваемый Тишендорфомъ и Лахманомъ (и—Эвальдомъ) текстъ 14-го ст.; но до IV в. восходитъ длинный рядъ списковъ Евангелія, въ которыхъ имѣется этотъ стихъ; а потому еще нѣтъ полнаго права оставлять внѣ текста XXIII-й гл. стихъ 14-й. И если Тишендорфъ преимущественно основывается на Синайскомъ кодексѣ IV в.,

обособляетъ каждый новый пунктъ рѣчи, находятся въ ст. 25-мъ, а не въ 24-мъ?—только потому, что „стихъ 24-й, по его настоящему смыслу, относится къ ст. 25-му; а частица *οαι ομιυ* въ ст. 25-мъ, въ теперешнемъ Евангелии отъ Маттея нѣсколько сдвинута...“—Нѣсколько сдвинута... но сколько же именно?—вверхъ или внизъ?—

то противъ этого можно поставить авторитетъ Златоуста. Синайскій кодексъ, хотя безспорно очень древнѣй, но настолько авторитетнѣй, сколько списокъ, бывшій подъ руками у свят. I. Златоуста. Синайскій кодексъ относится Тишендорфомъ къ половинѣ IV в., но эта цифра еще не безспорна; между тѣмъ цитата Златоуста безспорно IV в. И если въ Синайскомъ кодексѣ можно допустить пропускъ ст. 14-го, то у Златоуста никакъ нельзя допустить вставки; потому что у него на ст. 14-й находится истолкованіе. Поэтому ни древность, ни важность Синайскаго кодекса еще не даютъ основанія опускать ст. 14-й. Единственно, на что можетъ еще указать Тишендорфъ, для доказательства своего предположенія объ интерполяции ст. 14-го, это—то, что ст. 14-го нѣтъ въ толкованіяхъ на Евангеліе (собственно комментарий) знаменитѣйшаго учителя Александрійской школы *Оригена*,—на тотъ фактъ, что Оригенъ въ своемъ комментарий (по Тишендорфу: 4, 352 и 3, 839) отъ 13-го стиха прямо переходитъ къ 15-му. Положимъ, это—такъ. Но какъ же могъ быть у св. Златоуста списокъ Ев. Мѣ. испорченный интерполяціей? Златоустъ былъ знаменитѣйшимъ учителемъ Антиохіи и Царьграда; а школа Антиохійская, замѣтимъ, болѣе дорожила текстомъ, придерживаясь буквы въ толкованіи Писанія по преимуществу. Необходимо предположить, что текстъ Ев. Маттея, бывшій въ IV в., въ рукахъ св. Златоуста, долженъ былъ появиться по крайней мѣрѣ въ III в. чтобы быть для него авторитетнымъ (употреблявшимся въ церкви); а если такъ, то ст. 14 въ XXIII гл. Мѣ. существовалъ еще въ II в., когда и комментарий Оригена не имѣлъ его.—Наше предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что другой величайшій учитель Восточ. церкви Греческой IV в., св. Василій Кесарійскій такъ же, какъ Златоустъ, читалъ ст. 14-й въ XXIII гл. Мат. (По Тишендорфу: *cod. Basilienis K. IV, 35. saec. med. VIII*). А извѣстно, что св. Василій вел. хорошо зналъ древніе списки Ев. и провоздвигъ по нимъ изслѣдованія относительно нѣкоторыхъ отрывковъ,—зналъ какъ было ему то сообщено по преданію. Еще болѣе: «Георгій Сивкелъ пишетъ: «въ одномъ очень исправномъ спискѣ, дошедшемъ до меня изъ библиотеки Кесарія Каппадокійской, написано, что св. Василій исправлялъ Библію, слѣдующій текстъ по спискамъ...».—И должно замѣтить, что эти «списки» были «древніе» (См. *Филарета*, архіеп. Черниг. Истор. уч. объ Отцахъ Церкви. Сп.б. 1859. Т. 2. стр. 147 и прим. 45. Ср. о «Бесѣдахъ на Ев. Маттея» св. Златоуста; *ibid.* стр. 329 и 325). Поэтому ст. 14-й долженъ былъ существовать въ XXIII гл. Мѣ. и быть въ употребленіи у знаменитѣйшихъ представителей Греческой церкви—въ IV и III-мъ вѣкахъ; такъ какъ св. Василій и св. Златоустъ не должны были пользоваться списками не авторизованными въ церкви, а—на оборотъ—должны были имѣть подъ руками и дѣйствительно имѣли древнѣйшіе списки, конечно, лучшіе, по крайней мѣрѣ III в.—И, послѣ этого, тотъ фактъ, что у Оригена ст. 14-й опущенъ, есть *argumentum e silentio*,—ничего не доказываетъ.—Но, между тѣмъ какъ Тишендорфъ не идетъ далѣе Оригена,—II вѣка въ своихъ доводахъ, и въ последнемъ случаѣ основывается на

кѣмъ?—когда?—для чего?—Это рѣшительно неизвѣстно, а потому *οαι ομιυ* должно оставить на своемъ мѣстѣ и ст. 24-й отнести къ стиху 23-му, какъ сравненіе, поясняющее смыслъ этого стиха. Но положимъ, что *οαι ομιυ* нѣсколько сдвинута; это значить, что *οαι ομιυ* первоначально было въ ст. 24-мъ. Слѣдовательно, Эвальдъ

argumentum e silentio, мы идемъ далѣе, основываясь на авторитетѣ свв. Василія и Златоуста, и находимъ еще новыя и болѣе важныя основанія для своего мнѣнія и для *textus receptus*.

Въ книгѣ «Постановленій Апостольскихъ», относящейся ко II-му вѣку, содержится слѣдующее: «Онъ же (а выше сказано: «Господь сказалъ...»), т. е. Господь, сказалъ: *горе* имѣющимъ и въ *лицемеріи* принимающимъ или могущимъ помогать себѣ и хотѣющимъ принимать отъ другихъ...» Это—слова Писанія (или преданія), приведенныя по памяти; но изъ какого Евангелиста—Маттея или Марка?—Издатель книги «Постановленій Апостольскихъ» ставитъ цитату: «23, 14 Мѣ.» И мы думаемъ, что это—не безъ основанія: у Марка II, 40 говорится: «си, подающіе дома вдовъ (т. е. фарисей)... и—только. Между тѣмъ у Маттея: «горе вамъ, подающіе дома вдовъ...», ххп, 14-й. Здѣсь удерживается характеристическое слово «горе»; а потому къ словамъ Господа, приведеннымъ въ «Постановл. Апост.» вѣрнѣе поставить цитату: «снес. ххп гл. 14 ст. Мѣ.», какъ сдѣлалъ издатель. См. *Постановленія Апостольскія*. Русск. пер. Казань. 1864. кн. 4. стр. 122; ср. 121. Если это не строго научный доводъ, то все же болѣе значащій, нежели *argumentum e silentio*—у Тишендорфа.—Наше предположеніе получаетъ для себя еще новое отнованіе въ слѣдующемъ:

Относительно Восточной церкви, и въ частности Антиохійской, должно замѣтить, что въ сосѣдней съ послѣднею, Сирской церкви существовалъ и существуетъ переводъ Евангелія весьма древнѣй, такъ называемый *Peschîto*,—II-го в., гдѣ также есть ст. 14, XXIII гл. Мѣ. Такимъ образомъ въ Сирской (и Антиохійской, а отсюда въ Константинопольской и Русской-Православной) существовалъ еще во II-мъ вѣкѣ переводъ Ев. Мѣ., гдѣ въ XXIII гл. заключался и 14-й ст. А имѣя въ виду такую древность и, въ данномъ случаѣ, неповрежденность текста Евангелія отъ Маттея въ Восточной Церкви, мы не должны опускать ст. 14-й изъ XXIII гл. Наконецъ,—

Ст. 14-й, XXIII гл. Мѣ. находится въ ново-открытомъ и весьма древнемъ Сирскомъ переводѣ Евангелія,—открытомъ именно Таттамомъ въ Египтѣ въ 1842 г. и изданномъ *Куртономъ* въ Англии въ 1852 г.—Евангеліе Маттея сохранилось все почти безъ пропусковъ,—за исключеніемъ весьма немногихъ и несущественныхъ въ логическомъ отношеніи словъ; XXIII гл.—вся. По мнѣнію Эвальда, извѣстнаго своимъ знаніемъ восточной древней литературы и занимавшагося изученіемъ памятниковъ Сирской письменности, ново-открытое Евангеліе на Сирскомъ языкѣ «переведено съ первоначальнаго текста, въ томъ его видѣ, какой онъ имѣлъ до соединенія «Четирехъ Евангелій» въ одинъ каноническій составъ», и—этотъ переводъ Евангелія скорѣе, чѣмъ *Peschito*, можетъ заступать мѣсто древнѣйшей рукописи (См. *Jahrbb. d. bibl. Wissenschaft H. Ewald's. 1857*

признаетъ, что такъ, какъ теперь существуетъ текстъ ст. 25-го, онъ не можетъ быть отнесенъ къ ст. 24-му и обратно — со ст. 24-го нельзя начинать пятого пункта, такъ какъ *ουαι ουιν* стоитъ въ 23-мъ и 25-мъ ст.; слѣдовательно, пятый пунктъ должно начинать со ст. 25-го, а 24-й ст. относить къ 23-му, — четвертому пункту. *Ουαι ουιν* дѣйствительно никогда не было въ текстѣ ст. 24-го; тамъ не находится оно и по изданіямъ Stier'a und Theile, Walton'a и главное—Tischendorf'a (стр. 152). И не можетъ быть иначе: ибо если *ουαι ουιν* переставить въ ст. 24-й, то въ ст. 25-мъ останутся слова, неимѣющія смысла: *γραμματεῖς και φαρισαιοι, υποκριται, οτι κηδαριζεται...* къ чему отнести *οτι*? — только къ *ουαι ουιν*. Не менѣе важно и то, что *ουαι ουιν*, по самой бѣльшей части, въ Рѣчи соединяются со словами: *γραμματεῖς και φαρισαιοι, υποκριται...* а со словами. *οδηγοι τυφλοι, οιδωλιζοντες* (ст. 24-й) нельзя соединять *ουαι ουιν*, судя по конструкціи этихъ словъ въ этой же Рѣчи въ стт.: 13. 14. 15. 23. 25. 27. 29. Здѣсь слова *ουαι ουιν* соединяются съ словами: *γραμματεῖς και φαρισαιοι, υποκριται...* такъ именно они соединяются и въ 23, и въ 25 ст.: для чего же признавать, что такое сочетаніе *ουαι ουιν* должно стоять не въ 23-мъ или 25-мъ, а—въ 24-мъ ст., гдѣ его нѣтъ?—Нѣтъ, ст.

—1858. Т. IX. S. 69—87). А ученый Аббатъ Legier относитъ списокъ Куртона къ I-му в., потому что со II-го в. былъ общепринятъ Peschito, См. «Правосл. Обзоріе». 1860. Т. 2. Июль. Стр. 385—397.—Положимъ, время Куртонова списка не точно опредѣлено, —уступимъ два вѣка, —отнесемъ, хотя совершенно произвольно, къ III-му; и тогда за нашимъ мнѣніемъ остается преимущество; а потому—вопреки Tischendorfu—ст. 14, XXIII гл. Мѡ.—не интерполацие и долженъ быть оставленъ на своемъ мѣстѣ, какъ—въ *textus receptus*.

Такъ, если ст. 14-й находится въ XXIII гл. Мѡ. по изданію, напримѣръ, Stier'a und Theile; то онъ и долженъ быть, ибо неподлинность или интерполацие его еще не доказана К. Tischendorфомъ. И если наше противопоставленіе Синайскому кодексу и комментарію Оригена текста св. Василия вел. и св. Іоанна Златоустаго съ Сирскимъ Peschito и изданіемъ Куртона еще не рѣшительно убѣдительно для Tischendorfa, то по крайней мѣрѣ оно необходимо должно быть такимъ для Эвальда—что намъ собственно и нужно было.

23, 24 и 25 имѣютъ свой надлежащій видъ; а потому четвертый пунктъ соотвѣтствуетъ ст. 23-му, а пятый—ст. 25-му. Куда же отнести ст. 24-й?—судя по теоріи, его нельзя отнести къ четвертому пункту—ст. 23-му; а судя по *textus receptus* и по конструкціи стт. 23 и 25-го, стихъ 24-й нельзя относить и къ пятому пункту, ст. 25-му. Слѣдовательно, ст. 24-й, не подходя ни подъ четвертый, ни подъ пятый пунктъ дѣленія рѣчи, долженъ оставаться самостоятельнымъ; а вмѣстѣ съ этимъ увеличивается число пунктовъ второй части рѣчи.

Такая неправильность дѣленія Рѣчи, принятая Эвальдомъ, еще яснѣе обнаруживается въ шестомъ пунктѣ, стт: 27—28-мъ, именно въ томъ, что шестой пунктъ, въ отношеніи къ пятому, не можетъ быть самостоятельнымъ. Основныя понятія въ пятомъ пунктѣ, —стт: 25—26-мъ, это—внѣшняя чистота и внутренняя нечистота фарисеевъ; но эти понятія обнимаютъ собою и содержаніе слѣдующаго шестаго пункта, —стт: 27—28-го; потому что Эвальдъ относитъ ст. 27-й къ общему понятію (ст. 28-го) внѣшней чистоты или внутренней нечистоты фарисеевъ, о чемъ также говорятъ стт: 25—26-й. Въ ст. 25-мъ говорится: „внутри полны хищенія и неправды“ и въ ст. 28-мъ: „внутри исполнены мщенія и беззаконія“. Въ ст. 26-мъ: „фарисей, очисти внутренность чаши...“ и въ ст. 27-мъ: „фарисей снаружи кажутся красивыми, а внутри полны... всякой нечистоты“. Слѣдовательно, стт. 25—28-й представляютъ противоположность внутреннихъ качествъ поведенія фарисейскаго съ внѣшними. Понятія внѣшней и внутренней нечистоты и правды, заключающіяся въ стт: 25—28-мъ, не позволяютъ стт. 25—26-го и 27—28-го относить къ отдѣльнымъ пунктамъ; потому что въ нихъ одинаково говорится о внутренней и внѣшней чистотѣ и правдѣ: въ ст. 26: „очисти внутренность...“; и въ ст. 27: „внутри... полны всякой нечистоты...“ и въ ст. 28-мъ: „кажетесь праведными, а внутри исполнены хищенія, лицемерія (—неправды)...“ Слѣдовательно, понятія внутренней и

внѣшней нечистоты и правды находятся въ стт. 25—28; а потому пятый и шестой пункты дѣленія рѣчи составляютъ собственно одинъ, по счету теоріи, только пятый, а седьмой будетъ поэтому шестымъ и послѣднимъ во второй части. Дѣйствительно, если примемъ за основаніе дѣленія понятіе „внѣшней чистоты“, получимъ комбинацію: ст. 26-й и соотвѣтствующій ему ст. 27-й; а если „внутренней“, то: ст. 28-й и ему соотвѣтствующій ст. 25-й. Слѣдовательно, стт: 26—27 и 28—25 дѣлится на два пункта никакъ нельзя, какъ содержащіе въ себѣ одни и тѣ же основныя понятія: чистоты и правды, или: нечистоты и неправды. И если, поэтому, будетъ всѣхъ пунктовъ во второй части рѣчи только шесть; то слѣдуетъ, что Рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ какъ въ первой, такъ и во второй, и въ третей своихъ частяхъ, расположена не по круглому, раввинскому числу семи, не искусственна.

Если такимъ образомъ „нанизываніе изреченій по числу семи“ не представляетъ ни Нагорная бесѣда, ни Рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ: то очевидно такого „нанизыванія“ въ Ев. письменности перваго періода и не было; а потому и трудностей, на которыя оно, по теоріи, указывало-бы, въ составленіи матеріи Ев. исторіи не было,—она составлялась по воспоминанію и безъ трудностей, предполагаемыхъ по теоріи Эвальда.

Эвальдъ, признавая свою теорію совершенно оправданною въ примѣрахъ будто-бы искусственнаго построения Нагорной бесѣды и Рѣчи противъ фарисеевъ, находитъ возможнымъ примѣнить ее еще къ Притчамъ и оправдать въ третьемъ примѣрѣ свой общій взглядъ на первые опыты собранія Ев. матеріи и собственно на Собраніе изреченій, въ число которыхъ входятъ и притчи (Vergleichnissen).

„При ближайшемъ разсмотрѣніи Притчей Христовыхъ, Эвальду кажется, что Евангелисты старались располагать ихъ по круглымъ числамъ и въ опредѣленныхъ

группахъ 139)“. Откуда же явилось такое стараніе и какія были побужденія у Евангелистовъ къ такой группировкѣ и расположенію притчей по числу семи?—„Въ то время была въ обыкновеніи въ іудейскихъ школахъ такая группировка“, отвѣчаетъ Эвальдъ 140). Такъ было однако въ школахъ; но Евангелисты, послѣдователи Христа, вышли не изъ тогдашнихъ школъ и не въ нихъ получили свое превосходное образованіе: почему же и Евангелисты—ученики Господа, Небеснаго Учителя, слѣдовали или должны были слѣдовать такому обыкновенію школъ своего времени, если ихъ дѣло было далеко не школьнаго характера?—Они только собирали притчи, какъ полагаютъ теорія. Отсюда,—по отношенію къ рѣчамъ Христовымъ раввинское обыкновеніе еще могло-бы какъ-нибудь имѣть значеніе; а по отношенію къ притчамъ—никакого!.. По такому обыкновенію Евангелисты должны были-бы пересочинять притчи, что значитъ изращать связь, порядокъ, характеръ и смыслъ ихъ, дополнять или сокращать ихъ содержаніе—чтобы получить построеніе ихъ по числу семи, чтобы образовать группу изъ нихъ,—если ихъ прямо не было въ такомъ видѣ и въ такихъ группахъ. Нѣтъ, должно предположить, наоборотъ, что Евангелисты, изъ величайшей любви къ Спасителю, каковую признаетъ за ними теорія, старались воспроизвести оныя, по возможности въ ихъ первоначальной связи и въ возможно-полномъ ихъ составѣ, но ни прибавляя, ни убавляя ихъ содержанія. Это было первой задачей первыхъ Евангельскихъ изысканій. И Евангелисты дѣйствительно слѣдовали этой своей задачѣ.

Примѣръ расположенія содержанія притчей по числу семи, по указанію Эвальда, можно видѣть въ XIII гл. Евангелія отъ Маттея, гдѣ предлагается въ притчахъ уче-

139) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 135.

140) Ср. Jahrb. d. b. W. 1848 S. 131.

ніе „относительно созиданія, возрастанія и истиннаго достоинства царства Божія, т. е. учрежденнаго Христомъ царства совершенной религіи“¹⁴¹⁾. Въ XIII гл. Мѣ. помѣщена притча о „сѣмени и плевелахъ“. Въ изъясненіи ея нравственнаго значенія представляется семь основныхъ понятій или пунктовъ: 1,—сѣющій доброе сѣмя—Сынъ человѣческой, ст. 37; 2,—поле, т. е. міръ; 3,—доброе сѣмя—сыны царствія; 4,—плевелы—сыны лукаваго; 5,—врагъ, посѣявшій ихъ—дѣволъ; 6,—жатва, т. е. кончина вѣка; 7,—жнецы, т. е. ангелы, стт: 38—39. Слѣдовательно, примѣромъ искусственнаго расположенія, по указанію самой же теоріи, служить только нравственное изъясненіе притчи, а не изложеніе ея самой. Въ самой притчѣ такихъ понятій болѣе, а именно: сѣятель, сѣмя, поле, люди, врагъ, плевелы, зелень, плодъ, рабы, домовладыка, жатва, жнецы и житница, стт: 24—30. Этотъ фактъ говоритъ противъ того факта, что въ этой притчѣ только семь основныхъ или главныхъ понятій; т. е.—нѣтъ седмичнаго числа. Почему же въ нравственномъ изъясненіи притчи нѣтъ нѣсколькихъ соотвѣствующихъ самой притчѣ понятій, какъ-то: плодъ, рабы, домовладыка и житница?—конечно потому, что они понятны и безъ объясненія. Но и эти понятія имѣютъ одинаковое значеніе въ логическомъ отношеніи, какъ и тѣ: рабы и жнецы, Домовладыка и Сѣятель, поле и житница... Слѣдовательно, если семь понятій нравственнаго изъясненія притчи принимать за семь пунктовъ дѣленія, то должно признать такое значеніе ихъ и для самой изъясняемой притчи: здѣсь только они и могутъ быть въ значеніи пунктовъ дѣленія, а въ изъясненіи ихъ совсѣмъ нѣтъ, потому что каждое изъ нихъ не выражаетъ собою мысли, какъ всякое понятіе не заключаетъ въ себѣ сужденія.— Въ изъясненіи притчи указываются только и прямо синонимы понятій, заключающихся въ самой притчѣ: сѣятель

—Сынъ человѣческой, поле—міръ, жнецы—ангелы,— жатва—кончина вѣка, и под. Если же семь понятій изъясненія притчи могутъ быть пунктами только въ самой притчѣ; то въ ней такихъ пунктовъ будетъ уже не семь, а тринадцать, стт. 24—30. Изъ числа понятій, составляющихъ содержаніе притчи, однако, опять ни одного нельзя назвать пунктомъ дѣленія, въ смыслѣ Эвальда; потому что и въ самой притчѣ отдѣльно ни одно изъ нихъ не выражаетъ мысли,—ни одно не есть подлежащее особаго предложенія, а только вмѣстѣ съ другими составляетъ сужденіе и полную мысль. Напримѣръ, ст. 24-й говоритъ: „царство небесное подобно человѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ...“ Здѣсь, три понятія—человѣкъ посѣявшій, сѣмя, поле—суть равно важныя въ логическомъ отношеніи части одной мысли; какая же изъ нихъ можетъ быть названа логическимъ пунктомъ?—конечно, или каждая, или какая-нибудь,—справедливо говоря, каждая, но не всѣ. Если, напримѣръ, пунктомъ дѣленія будетъ понятіе человѣкъ; то понятія: сѣмя и поле—уже не пункты въ логическомъ смыслѣ. Поэтому, въ притчѣ о сѣмени и плевелахъ нельзя видѣть примѣра седмичнаго числа пунктовъ логическаго дѣленія, и—искусственнаго построенія.

Если же Притчу о сѣмени и плевелахъ, заключающую въ себѣ (собственно въ изъясненіи своемъ) семь пунктуальныхъ понятій, какъ желаетъ теорія, признать примѣромъ искусственнаго построенія притчей, то—что такое примѣръ?—Это фактъ или предметъ изъ числа многихъ, съ нимъ одинаковыхъ. Гдѣ же эти многія притчи, одинаковыя съ данной (собственно съ ея изъясненіемъ)?—Седмичное число понятій Эвальдъ указываетъ только въ изъясненіи и только одной притчи: XIII, 37—39 Мѣ. Но,—

И это число семи понятій въ изъясненіи одной только притчи Евангелистъ Маркъ сокращаетъ до трехъ въ своемъ изъясненіи той же притчи: Мар. IV, 26—29 ст.

141) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 135.

Слѣдовательно, и указанный, единичный въ своемъ видѣ, примѣръ не можетъ имѣть значенія общаго правила; такъ какъ въ томъ же самомъ случаѣ—въ изъясненіи притчи одной и той же нѣтъ опредѣленнаго и устойчиваго числа семи понятій. А эта притча, содержащаяся въ Евангеліи отъ Марка IV, 26—29 ст., именно параллельна той, которая содержится въ Евангеліи отъ Матѳея, въ XIII, 37—39. ¹⁴²⁾

Въ пополненіе доказательности предыдущаго примѣра и въ оправданіе своей теоріи, Эвальдъ указываетъ другую притчу—„о сѣятелѣ“, Лук. VIII, 4—18. Здѣсь, правда, въ самой притчѣ можно указать семь понятій, а именно: сѣятель, сѣмя, дорога, камень, терніе, добрая земля и плодъ, ст. 4—8; но это не всѣ понятія всей притчи, это—только имена существительныя. Но въ этой притчѣ имѣютъ большое значеніе и еще другія понятія, какъ: потоптано, засохло безъ влаги, и под. т., и всѣхъ такихъ понятій одиннадцать, а не семь. Какія же изъ нихъ принять за логическіе пункты?—На это съ правомъ можно и должно отвѣчать—тѣ, которыя находятся въ изъясненіи притчи, какъ это Эвальдъ признавалъ самъ въ предыдущемъ примѣрѣ: XIII, 24—30 ст. Мѳ. А если такъ, то въ изъясненіи притчи о сѣятелѣ указано только пять понятій: сѣмя—слово Божіе,—упавшее при пути—похищенное діаволомъ,—упавшее на камень—съ радостію, но на время принятое,—упавшее въ терніе—подавленное житейскими заботами, упавшее на добрую землю—услышанное и сохраненное въ чистотѣ сердечной. Слѣдовательно, въ притчѣ о сѣятелѣ, судя и по изъясненію ея, нѣтъ круглаго числа семи пунктуальныхъ понятій. Точно тоже въ этой притчѣ и у Евангелиста Матѳея: XIII, 3—9 ст.

Здѣсь только шесть понятій: сѣятель, сѣмя,—упавшее при дорогѣ,—на мѣста каменистыя,—въ терніе,—на добрую землю. Слѣдовательно, изложеніе этой притчи, а отсюда, по заключенію, обратному теоріи, и—всѣхъ притчей, дѣлалось не по круглому, раввинскому числу семи, и, слѣдовательно, Евангелисты, составлявшіе (т. е. воспоминавшіе) притчи, были чужды обыкновенія раввинскихъ школъ своего времени.

Еще менѣе оправдывается мнѣніе Эвальда о расположеніи притчей по группамъ. Дѣйствительно, по указанію теоріи, въ XIII гл. Ев. Мѳ. помѣщены семь притчей: 1,—ст. 3—8; 2,—ст. 24—30; 3,—ст. 31—32; 4,—ст. 33; 5,—ст. 44; 6,—ст. 45—46; 7,—ст. 47—50. Именно: 1,—о сѣятелѣ и сѣмени: ст. 3—7; 2,—о сѣмени и плевелахъ: ст. 24—30; 3—о зернѣ горничномъ: ст. 31—32; 4,—о закваскѣ: ст. 33; 5,—о сокровищѣ: ст. 64; 6,—о купцѣ: ст. 45—46; 7,—о неводѣ: ст. 47—48 ¹⁴³⁾. Однако эти семь притчей нисколько не примѣръ искусственной группировки; потому что между первой притчей—о сѣятелѣ (ст. 3—8) и разъясненіемъ ея значенія (ст. 18—23) рассказывается объ ученикахъ, спросившихъ Господа—почему Онъ говоритъ притчами, и приводится отвѣтъ Его (ст. 9—17). Между четвертой и пятой (ст. 33—44) стоитъ замѣчаніе Евангелиста (ст. 34), приводится пророчество изъ Псал. LXXVII, 2 ст. о приточномъ ученіи (ст. 35-й), замѣчаніе Евангелиста о перемѣнѣ мѣста Учителя (ст. 36-й) и разъясненіе второй притчи. Такое изложеніе первыхъ четырехъ притчей весьма далеко отъ группировки ихъ. Если Евангелистъ хотѣлъ сгруппировать притчи; то почему же онъ вопросъ учениковъ о томъ, для чего Господь говоритъ притчами, не помѣстилъ послѣ седьмой притчи, что нисколько не вредило бы дѣлу? Если Господь изъяснилъ смыслъ первой притчи прежде

¹⁴²⁾ Главу IV, 26—29 ст. признаетъ параллельно XIII, 24—30 Мѳ. не только *Sevin, Tischendorf, Bunsen*, но и самъ Эвальдъ: *Jahrb. d. b. W.* 1848. S. 135.

¹⁴³⁾ *Jahrb. d. b. W.* 1848. S. 135.

второй; то почему же Евангелистъ помѣстил изъясненіе второй притчи послѣ четвертой?—Онъ самъ объясняетъ это. „Тогда, т. е. послѣ того, какъ Господь произнесъ четвертую притчу (ст. 33-й), Онъ, отпустивъ народъ, вошелъ въ домъ. И, приступивъ къ Нему, ученики Его, сказали: изъясни намъ притчу о плевелахъ на полѣ (ст. 36)“, и Господь предложилъ имъ изъясненіе оной (ст. 37—43). Слѣдовательно, Евангелистъ въ изложеніи своемъ держался не группировки, а исторической послѣдовательности. И не одинъ Ев. Матѳеей не имѣлъ въ виду такой группировки; Ев. Маркъ—тоже. Въ соотвѣствующемъ мѣстѣ въ Евангеліи отъ Марка числа семи притчей нѣтъ, —въ IV гл. Евангеліа отъ Марка содержатся только три притчи: о сѣятелѣ (ст. 3—8), о сѣмени и плевелахъ (ст. 26—29) и о зернѣ горчичномъ (ст. 31—32). А въ Евангеліи отъ Луки, въ XIII гл., 18—21 ст.—только одна притча о зернѣ горчичномъ. Слѣдовательно, старанія —располагать притчи по группамъ не было ни у Ев. Матѳея, ни у Ев. Марка, ни у Ев. Луки.—Однако у Ев. Матѳея изложены именно семь притчей, говоритъ теорія,—хотя бы и не въ группѣ, но—въ одной XIII-й главѣ.—Нѣтъ: Эвальдъ счелъ не всѣ притчи, содержащіяся въ этой главѣ: послѣ седьмой, слѣдуетъ притча о неводѣ: ст. 47—50. Господь сказалъ ученикамъ: „поняли ли вы все это? Они говорятъ ему: да, Господи (ναί, Κύριε)!—ст. 51. Онъ же сказалъ имъ: поэтому всякій книжникъ, наученный царству небесному, подобенъ (—ομοίος, gleich, какъ ομοία ἐστὶν βασιλεία) хозяину, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое“, ст.: 51—52. Это, очевидно, рядомъ съ тѣми стоящая и восьмая притча: ее относить къ числу предыдущихъ и самъ Ев. Матѳеей, когда говоритъ далѣе (ст. 53-й): „и когда окончилъ Иисусъ притчи сіи (ταύτας), пошелъ отсюда, т. е. изъ того дома, гдѣ Онъ предложилъ изъясненіе второй притчи (ст. 36-й). Слѣдовательно, Господь всѣхъ притчей, начиная съ притчи о сѣятелѣ, сказалъ восемь до входа къ нѣкоторый

домъ и до выхода изъ него: до входа четыре, а до выхода еще четыре и объясненіе притчи о сѣмени и плевелахъ (XIII, 3—35 и 36—53 ст. Мѳ.). Поэтому здѣсь, гдѣ Эвальдъ видитъ группу притчей числомъ семь, ихъ находится всѣхъ восемь. А главное не справедливо то, что онъ соединяетъ въ группу притчи, сказанныя въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время, изложенныя въ Евангеліи отъ Матѳея въ исторической послѣдовательности.

Сопоставленіе въ группы притчей, сказанныхъ Господомъ въ разное время, Эвальдъ дѣлаетъ даже намѣренно и съ сознаниемъ, что онъ такъ это дѣлаетъ, что онъ именно группируетъ.—Относительно VIII гл., 4—14 ев. Луки онъ говоритъ: „у Луки удержалась только первая притча (о сѣятелѣ), между тѣмъ какъ двѣ другія (ср. Мар. IV, 3. 32) случайно (?) удержались на другомъ мѣстѣ (Лук. XIII, 18—21)“, а слѣдовало бы имъ быть вмѣстѣ, разумѣетъ Эвальдъ ¹⁴⁴).—Но если бы они удержались даже и на своемъ мѣстѣ, то всѣхъ ихъ было-бы три, а не семь. Если Эвальдъ сближаетъ такія притчи, какъ Лук. XIII, 18—21 и VIII, 4—18, то есть, чрезъ четыре главы, то уже никакъ не можетъ оставаться самостоятельнымъ и постояннымъ число семь. И у ев. Матѳея чрезъ нѣсколько главъ послѣ XIII-й найдется еще нѣсколько притчей, тоже у ев. Марка послѣ IV-й, только непременно болѣе или менѣе семи. Если набирать группу притчей числомъ семь въ разныхъ главахъ и чрезъ нѣсколько главъ; то легко можно указать и менѣе и болѣе семи; на примѣръ—въ Евангеліи отъ Матѳея, въ XIII-й и XVIII-й гл. Исходъ отсюда можетъ быть только такой—для теоріи, что въ Евангеліи отъ Марка (и Луки?) нѣтъ первоначального порядка и полноты притчей, т. е., количественной главнымъ образомъ; а это значитъ, что на примѣръ у ев. Марка теперешній порядокъ не обычно-рав-

144) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 135.

винскій. Но какой же у него (ев. Марка) былъ первоначальный порядокъ расположенія притчей (—въ *Ug-Mark's*)?—Это неизвѣстно. Если первоначальнымъ признать порядокъ расположенія притчей въ Евангеліи отъ Матѳея, то значить, что этотъ порядокъ опять не былъ раввинскимъ; а былъ простой порядокъ историческаго воспоминанія; потому что ев. Матѳея излагалъ притчи по времени ихъ произнесенія (XIII, 36-й), не соединяя ихъ въ группы по числу семи, какъ и ев. Маркъ.

Если слѣдуетъ признать еще доказательность теоріи Эвальда въ примѣрѣ притчей, то лишь тогда, когда между ними будетъ указана хотя самая общая, но внутренняя связь, при чемъ извѣстное число (группа) ихъ объединялось бы въ одной мысли. Примѣръ группы извѣстнаго числа притчей во внутренней ихъ связи, по Эвальду, находится въ XIII гл. Мѳ. „Первая притча учить совершенно правильно съ начала, какъ совершается созидающая дѣятельность небснаго царства, т. е., Слова Божія (ст. 3—9); а какъ Слово Божіе, возникая и возрастая, можетъ оставаться въ этомъ мірѣ совершенно чистымъ, это—въ двухъ другихъ (ст. 24—30 и 47—49); какъ оно развивается въ мірѣ и распространяется въ немъ, объ этомъ учатъ притчи, стояція теперь на третьемъ и на четвертомъ мѣстахъ (ст. 31—33); наконецъ, какъ оно цѣнится каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ, объ этомъ—еще двѣ, отнесенныя на пятое и на шестое мѣста¹⁴⁵).

Очевидно, указанная Эвальдомъ связь притчей XIII-й гл. Мѳ. требуетъ инаго порядка ихъ, нежели тотъ, въ какомъ они находятся въ Евангеліи; седьмую притчу—о неводѣ (ст. 47—49) Эвальдъ ставитъ рядомъ со второй притчей—о сѣмени и плевелахъ (ст. 24—30). Почему, для чего и съ какимъ правомъ можно такъ переставлять притчи?—Вторая притча въ ряду семи стоитъ на своемъ

145) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 135—136.

мѣстѣ, а третья, по теоріи, отнесена на конецъ (ст. 47—49). Но почему же третья не на своемъ мѣстѣ? въ какихъ рукописяхъ или кодексахъ она стоитъ рядомъ со второй?—кто, когда и для чего помѣстилъ ее на конецъ?—Для рѣшенія этихъ вопросовъ неизбѣжно должно обратить вниманіе на извѣстныя рукописи или печатные кодексы Св. писанія Новаго Завета: иначе съ субъективной стороны всегда будетъ полная возможность сдѣлать и другую комбинацію притчей,—тѣмъ болѣе, что здѣсь дѣло идетъ о разстановкѣ не одного только примѣра 14-го или 25-го ст. XXIII-й гл. Мѳ., какъ это было прежде, а нѣсколькихъ притчей. Но ни въ какихъ рукописяхъ и кодексахъ извѣстныхъ, примѣръ К. Тишсдорфу, нѣтъ и признаковъ инаго размѣщенія притчей, кромѣ существующаго въ его же изданіи *Novum Testamentum graece* и въ *textus receptus*. Слѣдовательно, въ теперь существующемъ и общеизвѣстномъ текстѣ Евангелія отъ Матѳея и въ частности XIII-й гл. притчи не стоятъ въ той связи, какую даетъ имъ теорія, или—они расположены въ другой связи, т. е. не въ искусственной и не безъ порядка, хотя и не въ строго-логическомъ порядкѣ. Это—такъ,—противъ теоріи. Дѣйствительно, логическій порядокъ требуетъ поставить седьмую притчу на мѣстѣ третьей, по теоріи; а этого нельзя сдѣлать, потому что седьмая притча сказана послѣ того, какъ Господь „вошелъ въ домъ (ст. 36-й)“,—по крайней мѣрѣ она записана такъ въ Евангеліи; а третья и четвертая—до входа въ домъ; а потому перестановка седьмой притчи на мѣсто четвертой будетъ анахронизмомъ. Слѣдовательно, седьмая притча не можетъ быть на мѣстѣ третьей, потому что эта сказана раньше той. Отсюда,—притчи расположены въ XIII-й гл. Мѳ. въ исторической послѣдовательности, а не въ строго-логическомъ порядкѣ. Логическая комбинація притчей, какая предложена по теоріи, не только противорѣчитъ исторически-дѣйствительной послѣдовательности и ведетъ къ безпримѣрному превраще-

нiю св. текста, но и не достигает своей цѣли, какъ неправильно обоснованная. Основные понятiя для этой комбинацiи суть: созиданiе, возрастанiе, достоинство и цѣнность царства (— Слова) Божiя. Всѣ эти понятiя находятся вмѣстѣ въ одной, напимѣръ, первой же притчѣ—о свѣтелѣ; здѣсь—именно: созидающая дѣятельность—Слово Божiе (ст. 3—4), его возрастанiе (ст. 5—7), его плодъ (ст. 8-й); и здѣсь же не отдѣльно находится понятiе объ истинномъ достоинствѣ царства Божiя и значенiи его въ мiрѣ, какъ показываетъ это изъясненiе притчи (ст. 19. 20. 21. 22 и 23). Или—въ частности: „какъ цѣнится Слово Божiе каждымъ человѣкомъ (собственно царство небесное), это, по теорiи, показываютъ пятая и шестая притчи (ст. 44—46); но тоже самое показываетъ и первая притча—о свѣтелѣ (ст. 3—9). Подобную сбивчивость основныхъ понятiй логическаго дѣленiя представляетъ и вторая притча (ст. 24—30). Отсюда слѣдуетъ, что такихъ основныхъ понятiй для комбинацiи притчей, которыя были бы строго основательны и опредѣленны, нѣтъ; потому что они иногда всѣ находятся въ одной притчѣ. А если такiя, въ одной притчѣ совмѣстныя, понятiя признавать основанiями комбинацiи; то всѣ притчи Евангелiя отъ Матѳея могутъ быть сопоставлены въ одной и той же комбинацiи; такъ какъ смыслъ почти всякой притчи говоритъ о царствѣ Божiемъ,—или о его возрастанiи, или о его истинномъ значенiи, и т. п.; по крайней мѣрѣ вообще между притчами найдется несравненно больше, чѣмъ семь такихъ, кои можно сопоставить въ одной комбинацiи. Такъ, въ той же XIII-й гл. Мѳ., въ ст. 52-мъ, содержится еще восьмая притча (Gleichnis) о хозяинѣ, которому подобенъ (ομοιος) всякiй книжникъ, наученный царству небесному, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое. За связь этой притчи съ другими семью въ той же XIII-й гл. говоритъ самый смыслъ оной (притчи): „выносить“—т. е. распространяетъ,—потому что цѣнить... А за порядокъ восьмой притчи (ст.

52-й) говорить текстъ Евангелiя, ибо въ слѣдующемъ 53-мъ ст. сказано: „и когда окончилъ Иисусъ притчи ои, пошелъ оттуда“. Слѣдовательно, и восьмая притча была сказана въ одно время и въ одномъ домѣ, гдѣ сказаны были стоящiя съ нею въ одномъ ряду: пятая, шестая и седьмая. Такъ, восьмая притча стоитъ въ логической связи, въ историческомъ порядкѣ и, слѣдовательно, въ одной группѣ съ другими „ семью “ притчами XIII-й гл. Мѳ. Отсюда—группа притчей, содержащихся въ XIII-й гл. Мѳ. представляетъ не равнинское число ихъ—семь, а исторически-дѣйствительное число восемь.

Такъ, нѣтъ группы притчей въ числѣ только семи, объединенныхъ одною мыслию; такъ что существующiя притчи въ Евангелiи отъ Матѳея и др. нельзя въ данномъ ихъ порядкѣ строго-логически объединить въ группы по круглымъ числамъ, безъ того, чтобы не переставлять ихъ,—нѣтъ основанiй къ такой перестановкѣ. А если не переставлять ихъ, то, по сознанию самого Эвальда, нельзя дать „ни какого, соответствующаго дѣлу (т. е. его теорiи), порядка этихъ группъ по семи притчей“. Дѣйствительно, переставить притчи нельзя, при перестановкѣ ихъ будетъ болѣе (XIII, 3—52) или менѣе, чѣмъ семь; а порядокъ въ изложенiи ихъ (у Ев. Матѳея) остается,—какой?—историческiй (ст. 1-й; ср. ст. 36-й; ср. ст. 53-й), а не искусственный.

Рѣшительная недостаточность перваго примѣра группированiя притчей еще не уничтожаетъ мысли о кругломъ числѣ семи, которой придерживается теорiя; потому что Эвальдъ представляетъ еще и другiе примѣры.—„Первая группа притчей въ числѣ семи изъясняетъ царство небесное съ его внутренней стороны и исторiи, а отсюда также и его достоинство; но, говоритъ Эвальдъ, находятся еще другiя притчи, изображающiя его существованiе и исторiю во внѣ—до послѣдняго мыслимаго конца его: и эти притчи также образуютъ группы, подобныя той, хотя круглое число найдти въ нихъ еще труднѣе, чѣмъ бы-

ло тамъ“. Эта большая трудность соединяется у Эвальда на дѣлѣ съ большими недостатками.

Съ трудомъ и съ сознаниемъ этого труда Эвальдъ находитъ „очень многія притчи, стоящія теперь въ концѣ Евангелія отъ Маттея: онѣ разсыяны и весьма трудно узнаваемы“, но „по признакамъ Эвальдъ однако узнаетъ хорошей правильно-последовательный ихъ порядокъ и признаетъ его первоначальнымъ“¹⁴⁶). Именно: 1,—какъ и для чего царство небесное должно быть взято отъ древняго общества Израильскаго и передано новому, это изъясняютъ три притчи: Мѡ. XXI, ст. 28—32; XXI, 33—46 и XXII, 1—4. 2,—какъ въ день страшнаго суда нѣкоторые, живущіе вмѣстѣ съ истинными членами новаго общества, не получаютъ доступа въ царство небесное и будутъ получать награду не по собственному ихъ желанію, но награду справедливѣйшую (gerechtesten), это изображаютъ: вторая притча въ томъ же отрывкѣ Мѡ. XXII, 1—14—и слѣдующія въ XX, 1—16; XXV, 14—30. 3,—какое можетъ быть составлено послѣднее сужденіе относительно древняго общества, это—седьмая притча, у Лук. XIX, 12—27¹⁴⁷). Такъ является вторая группа притчей въ числѣ семи; но—только въ теоріи. Вторая группа состоитъ, можно сказать, изъ нѣсколькихъ притчей, но не изъ семи.

Первая притча второй группы о двухъ сынахъ, званыхъ работать въ виноградникѣ отца своего—Мѡ. XXI, 28—32, и вторая о виноградникѣ и виноградаряхъ—XXI, 33—46, дѣйствительно соотвѣтствуютъ данному имъ, по теоріи, значенію и стоять рядомъ въ *textus receptus*. „А третья притча, по мнѣнію Эвальда, хотя стоитъ и рядомъ съ предшествующею ей, но представляетъ только отрывокъ цѣлой притчи о царѣ, устроившемъ брачный

146) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 136.

147) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 136—137.

пирь для сына своего—XXII, 1—14“¹⁴⁸). На какомъ основаніи Эвальдъ для своей цѣли раздѣляетъ одну притчу: XXII, 1—14 ст. на двѣ: 1—4 и 5—14 ст.?¹⁴⁹) въ какихъ кодексахъ или спискахъ можно встрѣтить ст. 1—4-й отдѣльно отъ ст. 5—14-го въ одной главѣ XXII-й Мѡ.?—По контексту, ст. 1—14-й имѣютъ самую тѣсную и логическую, и грамматическую связь, такъ что на двѣ притчи рѣшительно не могутъ быть дѣлимы. Стихъ 4-й: „царь опять послалъ другихъ рабовъ звать званыхъ; но они...“ кто—они?—званые, конечно,—„пренебрегли то, пошли, кто на поле свое“—стихъ 5-й. Очевидно, ст. 5-й прямо указываетъ на предыдущій ему ст. 4-й: „но они (οι δε), пренебрегши то (αμελησαντες!), пошли...“—кто и что „пренебрегши“ (αμελησαντες)?—званые—призваніе,—ст. 5-й.

„Здѣсь, говоритъ Эвальдъ, въ XXII-й гл. перепутаны двѣ, первоначально очень различныя притчи“¹⁵⁰). Но какія именно?—гдѣмъ?—когда?—съ какою цѣлю?—и что, по крайней мѣрѣ, служитъ признакомъ ихъ перепутанности?—все это неизвѣстно. Напротивъ, очевидна полнѣйшая связь всей притчи: ст. 1—14, XXII-й гл. Мѡ. II если при такой связи можно эту притчу считать составленною изъ двухъ, то—и всякую другую,—вопреки грамматической и логически-последовательной связи ея; такъ что опять можно будетъ составить не семь только, а много болѣе притчей въ одну группу.

Если равно неблагоприятно для теоріи считать третью притчу второй группы, которая есть собственно часть четвертой, за особую, какъ и третью съ четвертой за одну третью, цѣлую притчу, т. е. раздѣлять или не раздѣлять третью притчу—о царѣ (XXII, 1—14) на третью

148) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 136.

149) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 136. Anmerkung zw.

150) Jahrb. d. b. W. 1848 S. 136; и Anmerkung zw.

и четвертую; то, въ силу логической и грамматической связи содержания этой притчи о царѣ, должно считать ее цѣлостной и—по счету теоріи—третьей притчей. А такъ какъ вмѣсто первыхъ, по теоріи, четырехъ, на самомъ дѣлѣ только три притчи стоятъ рядомъ въ Евангеліи отъ Матѳея: XXI,—XXII, 1—14 ст.; то слѣдуетъ, что и вторая группа состоитъ только изъ трехъ притчей рядомъ стоящихъ.

Послѣ притчи, изложенной въ XXII-й гл., 1—14 ст., въ текстѣ Евангеліи отъ Матѳея нѣтъ еще притчей, непосредственно слѣдующихъ за той; слѣдовательно, вторая группа притчей состоитъ только изъ трехъ, а не изъ семи составныхъ членовъ. Въ пополненіе недостающихъ притчей до числа семи, Эвальдъ указываетъ притчу о работникахъ въ виноградникѣ—XX, 1—16 и о талантахъ изъ XXV, 14—30 Мѳ. Такъ, съ прибавленіемъ прежнихъ притчей, получится группа; но въ текстѣ Евангеліи отъ Матѳея эти притчи поставлены далеко одна отъ другой. И если такъ далеко разстояющія притчи можно сносить въ логическія группы; то тѣмъ легче составлять такъ, на примѣръ, двѣ притчи—о талантахъ: XXV, 14—30 и рядомъ съ ней стоящую, даже соединенную съ ней въ текстѣ грамматически (*ωσπερ γαρ αὐθροπος*) и одинаковую по смыслу, притчу о десяти дѣвахъ (XXV, 1—13), а въ такомъ и подобномъ случаѣ обыкновенно-раввинское число семь будетъ увеличено нѣсколькими единицами.

Присоединяя двѣ притчи изъ XX, 1—16 ст. и XXV, 14 ст. къ предыдущимъ, Эвальдъ, впрочемъ, и по своему счету, при такомъ избраніи и комбинированіи притчей, не получаетъ числа „семи“; а въ Евангеліи отъ Матѳея подобныхъ же, по его мнѣнію, еще не находится. Это не затрудняетъ автора теоріи искусственно-раввинскаго построения матеріи (изреченій): недостающія притчи онъ находитъ въ Евангеліи отъ Луки: XIX, 12—17 ст. Однако, почему же такъ и только у ев. Луки, а не у ев. Марка еще?—, потому, замѣчаетъ (подстрочно) Эвальдъ,

что здѣсь—въ XIX гл. переплетены нѣсколько притчей“¹⁵¹⁾. Изъ этихъ-то, будто бы переплетенныхъ, притчей онъ беретъ одну, ему недостающую. Сущность дѣла въ томъ, что Эвальдъ, желая дать седьмую притчу второй группы и не находя ее въ Евангеліи отъ Матѳея, указываетъ оную въ Евангеліи отъ Луки,—именно притчу о десяти минахъ—ст. 12—27, XIX гл.,—эту, потому что она будто бы передѣлана изъ: Мѳ. XXV, 14—30, т. е. изъ притчи о талантахъ. Что та притча сходна съ этой, конечно, это вѣрно; но что послѣдняя передѣлана изъ той, это нѣсколько не вѣроятно. И—что отсюда, если бы это было и такъ?—только то, что притча о талантахъ—одна и та же притча, лишь помѣщенная въ разныхъ Евангеліяхъ и съ различными синонимами своихъ главныхъ понятій (талантъ—мина). А если такъ, то она не особая и не седьмая, какъ бы желательно Эвальду; иначе,—теорія повторяетъ одну и ту же притчу, чтобы восполнить число семь. Слѣдовательно, и здѣсь нѣтъ примѣра правильно-составленной группы изъ семи притчей.

Эвальдъ впрочемъ вынуждается и самъ признаться въ томъ, что въ существующихъ еще притчахъ—кромѣ двухъ, имъ составленныхъ группъ—искусственной группировки нельзя указать.

Дѣйствительно, еще бѣльшими недостатками страдаютъ слѣдующія комбинаціи притчей, „представляющія, по теоріи, надлежащее ожиданіе конечнаго исполненія и рѣшенія всѣхъ дѣлъ (d. Pagusie)“¹⁵²⁾. Сюда относятся притчи: Мѳ. XXIV, 43; 44—50. XXV, 1—13; Лук. IX, 5—8; XVІІІ, 1—8; Мѳ. XXIV, 32; Лук. XIII, 7—9¹⁵³⁾.

151) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 137. Anmerkung erst. Отмѣтимъ, кстати, что такіа выраженія, какъ: «перепутаны», «переплетены», странны при мысли, что притчи искусственно и искусно группированы.

152) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 137.

153) Ibidem.

Очевидно, эта группа составлена не только изъ разныхъ главъ съ большими пропусками и перестановками, но и изъ разныхъ Евангелій. А такъ составленная группа притчей, конечно, показываетъ только, что въ текстъ Евангелій нѣтъ никакой группы, что тамъ притчи стоятъ въ другомъ порядкѣ, нежели какой даетъ имъ Эвальдъ. А это заставляетъ сомнѣваться въ правильности и справедливости его теоріи. Дѣйствительно, основанія, почему Эвальдъ переставляетъ, разставляетъ и сопоставляетъ притчи, много-иначе расположенныя Евангелистами, суть общія мысли; какъ, на примѣръ: „надлежащее ожиданіе конечнаго исполненія и рѣшенія всѣхъ дѣлъ“ и др. т. п.¹⁵⁴⁾ Чѣмъ доказать, что именно такая мысль была у Евангелиста при выборѣ и размѣщеніи притчей, если, соотвѣтствующія этой, будто-бы основной, мысли, притчи расположены въ Евангеліи далеко не строго по этому плану? Чѣмъ доказать, что Евангелистъ выбиралъ притчи соотвѣтственно именно указанному въ теоріи основанію, если у него (на примѣръ, у Ев. Матѳея или у Ев. Луки) нѣтъ всѣхъ притчей, сюда относящихся и относимыхъ по теоріи, хотя Евангелистъ и могъ бы это сдѣлать, какъ дѣлаетъ Эвальдъ? Чѣмъ доказать, что основныя мысли въ планѣ Евангелія были именно тѣ, кои указываетъ теорія, если по нимъ нельзя найти непремѣнное число семь и если могутъ быть другія основанія—мысли, или болѣе общія, или болѣе частныя?—На это въ теоріи нѣтъ и не можетъ быть инаго отвѣта, какъ рѣшительное—ничѣмъ и ничѣмъ; потому что выборъ притчей совершался теоріей на произвольныхъ и безъ опредѣленнаго критерія принятыхъ, основныхъ, неизвѣстно почему столько и такихъ общихъ, понятныхъ; а такой выборъ всегда допускаетъ иныя основанія и при нихъ другую, если нужно, болѣе соотвѣтственную *textus receptus*, комбинацію.

154) Ibidem.

Если принятыя теоріей основанія не исключаютъ другихъ и при нихъ иныхъ комбинацій притчей; то указанныя теоріей комбинаціи (группы) не обязательны и не убѣдительно на столько, чтобы построеніе ихъ признать искусственно-раввинскимъ, а не соотвѣтственнымъ исторически-последовательному порядку ихъ изложенія и произнесенія,—изложенія, какое давалъ имъ Самъ Спаситель,—произнесенія, когда и какъ Онъ Самъ ихъ предлагалъ своимъ слушателямъ. И если въ *textus receptus* не заключается строго-логическаго размѣщенія притчей: то можетъ быть принято историческое, въ извѣстной мѣрѣ последовательное, изложеніе ихъ,—по воспоминанію. За это екорѣ говоритъ не только отсутствіе порядка ихъ размѣщенія, указаннаго теоріей, но и отсутствіе нѣкоторыхъ притчей, требуемыхъ порядкомъ (раввинскимъ) Эвальда.

Фактическое противорѣчіе теоріи Эвальда представляетъ слѣдующая, составленная имъ группа притчей.— „Истинный видъ вспомоствующей любви и правосудія Божія выясняется наглядно въ трехъ притчахъ, въ прекраснѣйшей ихъ последовательности: Лук. XV, 3—7; 8—10; 11—32; а лживость высокоумной человѣческой праведности, такъ же въ трехъ: Лук. X, 30—37. XVIII, 9—14. XVII, 7—10“¹⁵⁵⁾. Очевидно, при обычной, но не правой перестановкѣ притчей изъ разныхъ главъ, Эвальдъ въ настоящей группѣ набралъ только шесть притчей. Но, продолжаетъ Эвальдъ, если принимать среднюю по содержанію притчу о человѣческомъ милосердіи (*Yergeben*): Мѳ. XVIII, 23—35; то и здѣсь, въ данной группѣ, опять оказывается число семь¹⁵⁶⁾. Здѣсь, какъ видно, Эвальдъ находитъ еще возможность набрать семь притчей; потому что въ основаніе своего выбора принимаетъ весьма общія понятія, какъ любовь и правосудіе Божіе.

155) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 137.

156) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 137.

Но если Эвальдъ открываетъ себѣ такъ и такую возможность; то за это онъ самъ лишаетъ свою теорію всякаго вѣроятія и значенія; потому что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ полнѣйшую возможность совмѣстить въ одну группу вдвое болѣе, нежели семь притчей: такъ общи его основныя понятія для выбора притчей и группированія ихъ!—Если, напримѣръ, теорія на ряду съ притчей о блудномъ сынѣ ставитъ притчу о царѣ и должникѣ (Мѣ. XVIII, 23—35); то, принимая за основаніе общее понятіе правосудія Божественнаго, въ ту же группу можно и съ полнымъ правомъ должно отнести притчу о сѣмени и плелевахъ (XIII, 24—30 и 37—43), и о царѣ, устроившемъ брачный пиръ для сына своего (Мѣ. XXII, 1—14), гдѣ, по мнѣнію Эвальда, говорится также о правосудіи Божиёмъ, награждающемъ или наказывающемъ. Такъ теорія вступаетъ въ явное и фактическое противорѣчіе сама съ собой—вступаетъ и остается въ немъ потѣмъ!

Шаткость принятыхъ основаній для комбинированія притчей, затруднительное и постепенно значительно затрудняющееся примѣненіе оныхъ къ тексту Евангелій довели Эвальда до крайней невозможности составить группу притчей въ числѣ семи, и ему оставалось и пришлось сказать: „есть еще три притчи, изъясняющіе должное поведеніе христіанъ въ отношеніи къ земнымъ сокровищамъ. Эти три притчи содержатся теперь у Луки: XII, 16—21; XVI, 1—13; 19—31¹⁵⁷⁾“. „Это пришлось Эвальду сказать, такъ какъ нельзя же было игнорировать эти притчи, оставшіяся внѣ группировки. Но что же значитъ обнаруженіе самаго факта ихъ существованія?—Прежде всего, эти притчи не стоятъ въ группѣ, такъ какъ первая—въ XII гл., а вторая—въ XVI-й, даже и третья не рядомъ со второй (ст. 13-й и 19-й). „Но, говорить теорія, по крайней мѣрѣ двѣ изъ нихъ еще теперь довольно близко

157) Ср. Jahrb. d. b. W. 1848 S. 137—138.

другъ подлѣ друга¹⁵⁸⁾“. А когда же они стояли еще ближе одна къ другой?!—По крайней мѣрѣ, въ этой послѣдней группѣ только двѣ притчи стоятъ близко одна при другой,—двѣ, а не семь! Это—фактъ, по признанію самой теоріи; а онъ составляетъ прямое и никакъ не отстраняемое противорѣчіе ей: онъ прямо, но противъ мнѣнія Эвальда, говоритъ, что притчи, содержащіяся въ нашихъ Евангеліяхъ, не могутъ быть сгруппированы по семи—при возможно-произвольныхъ приемахъ и многообразномъ насильственномъ измѣненіи текста безъ всякихъ основаній на то со стороны древнихъ рукописей Евангельскаго текста.

Это фактическое противорѣчіе мнѣнію Эвальда было бы рѣшительнымъ и окончательнымъ, еслибы самый фактъ былъ указанъ въ Евангеліи отъ Матѳея; но, по теоріи, „весьма многія притчи, содержащіяся въ Евангеліи отъ Луки, заимствованы не изъ того Собранія изреченій, изъ котораго у ев. Матѳея¹⁵⁹⁾“. Но—откуда же?—Указаніе на неизвѣстный и для самого Эвальда источникъ, значитъ, есть тоже, что отрицаніе основаній собственнаго его мнѣнія: ссылатся на неизвѣстное основаніе—тоже, что сказать: нѣтъ извѣстнаго основанія. А вмѣстѣ съ этимъ открывается новый и важный логическій недостатокъ даннаго мнѣнія,—*circulus in demonstrando*. Въ Евангеліи отъ Матѳея притчи сгруппированы по числу семи; а въ Евангеліи отъ Луки нѣтъ; потому что Евангелистъ Лука заимствовалъ свои притчи изъ другаго Собранія, а не изъ того, изъ котораго бралъ ихъ Евангелистъ Матѳей; слѣдовательно, источникъ ев. Луки иной, нежели ев. Матѳея; а это вѣрно потому, что у ев. Луки нѣтъ группъ такихъ, какъ у ев. Матѳея. Здѣсь, очевидно, одно предположеніе основывается на другомъ,

158) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 138.

159) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 138.

и оба почти равно не доказаны. Оттого легко то и другое устраняются.—Въ самомъ дѣлѣ: если притчи Евангелія отъ Луки потому не въ группахъ, что они взяты были изъ другаго Собранія, а не изъ того, изъ коего бралъ ихъ ев. Матѳей; то слѣдуетъ, что Евангеліе отъ Луки или, точнѣе, его источникъ не содержалъ такихъ группированныхъ притчей; а отсюда,—было Собраніе изреченій (или притчей), изложенныхъ не по раввинскому обыкновению,—не по круглому числу семи. И это—не только въ источникѣ Евангелія отъ Луки, но также и въ источникѣ Евангелія отъ Матѳея. И здѣсь, по указанію самой теоріи, „существуютъ такіе длинные отрывки рѣчей, гдѣ отдѣльныя изреченія упорядочены только въ возможно-тѣсную связь по смыслу и въ группы, но не въ круглыхъ числахъ, какъ, напримѣръ, Рѣчь при посланіи Апостоловъ на проповѣдь: Мѳ. X, 5—42, или: XVІІІ, 1—20. 24“¹⁶⁰⁾. И это опять—фактъ, подобный представляющему.

Такъ неопровержимые и признанные самимъ Эвальдомъ факты свидѣтельствуютъ, что въ Евангеліи отъ Луки притчи, а въ Евангеліи отъ Матѳея изреченія и притчи изложены безъ искусственной связи или обычно-раввинской группировки. А это составляетъ прямое противорѣчіе мнѣнію Эвальда о характерѣ первоначальнаго Собранія изреченій.

Факты неискусственной связи изреченій представляются нагляднымъ доказательствомъ того, что изреченія составлялись просто по воспоминанію; по Эвальду, напротивъ, „открывается (и по теоріи прямо слѣдуетъ) только то, что когда гдѣ-либо сходное могло соединиться и довольно твердо въ группы по круглому числу, тогда предпочитался такой именно способъ сопоставленія (Sammel-art), а гдѣ оно было невозможно, тамъ, по крайней мѣ-

160) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 138.

рѣ, сродное по содержанію стремилось соединяться въ легчайшія группы“¹⁶¹⁾. Но такого способа сопоставленія притчей не было и, при строго-опредѣленныхъ началахъ соединенія ихъ въ группы, не могло быть, если они сопоставлялись и произносились безыскусственно, не по-раввински. А группы, составленныя на основаніяхъ, указанныхъ теоріей, неправильны, потому что притчи принимались въ ней изъ различныхъ, далеко отстоящихъ одна отъ другой главъ, изъ двухъ разныхъ Евангелій и т. п.; при всемъ томъ, однако, оставались притчи, которыхъ не возможно сгруппировать по числу семи. Такъ составляемыя группы притчей всегда даютъ возможность измѣнять свой составъ; потому что очень не опредѣлены логическія основанія, на которыхъ группируются притчи. По всему этому, притчи, содержащіяся въ нашихъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ, не представляютъ примѣровъ обычно-раввинской группировки,—искусственной связи изреченій и потому не оправдываютъ мнѣнія Эвальда о трудностяхъ первоначальнаго образованія Евангельской матеріи.

Если же, не смотря на отсутствіе прямыхъ указаній и надлежащихъ основаній для мнѣнія Эвальда, признать справедливымъ, что рѣчи и притчи Спасителя въ каноническихъ Евангеліяхъ отъ Матѳея, Марка и Луки расположены дѣйствительно по группамъ; то изъ этого факта должно будетъ прямо заключить, что содержаніе Христовой проповѣди принимало такую форму прежде, чѣмъ оно было записано, и—для болѣе удобнаго запоминанія; подобно тому, какъ это было, по словамъ Эвальда, въ ученіи іудейскихъ раввиновъ того времени. Поэтому, группированіе изреченій Иисуса Христа указываетъ на возможно тщательное храненіе ихъ въ памяти Апостоловъ. А такъ какъ въ томъ же видѣ группъ они перешли и

161) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 138.

въ писанія Апостоловъ—въ Евангелія; то слѣдуетъ, что Апостолы записали ученіе Христова по своему воспоминанію. Такимъ образомъ группированіе изреченій Иисуса Христа свидѣтельствуетъ съ своей стороны о возможно прочномъ запоминаніи, однообразномъ (въ одной определенной формѣ) воспоминаніи и непосредственномъ письменномъ изложеніи устнаго Евангелія самими Апостолами. Это слѣдствіе столько же прямо противорѣчитъ теоріи Эвальда, какъ и предыдущее.

—Общій результатъ: такъ какъ Нагорная бесѣда не представляетъ примѣра искусственной группировки изреченій, если принимать за основаніе ветхозавѣтныя цитаты (заповѣди) и общія логическія понятія; такъ какъ, потомъ, Рѣчь противъ фарисеевъ не представляетъ типа раввинской проповѣди съ виѣшной стороны (изложенія), если имѣть въ виду (при анализированіи) логическія и филологическія основанія, на которыя указываетъ Эвальдъ; такъ какъ, наконецъ, рядъ Притчей не представляетъ примѣра группировки по числу семи, если брать ихъ въ одномъ или въ двухъ Евангеліяхъ и комбинировать на основаніи общихъ (объединяющихъ) понятій: то слѣдуетъ, что ни въ одномъ изъ трехъ приведенныхъ Эвальдомъ примѣровъ не оправдывается то мнѣніе его, что собраніе (и собраніе) Ев. изреченій принимало раввинскій характеръ, искусственную связь въ видѣ группъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ ни въ одномъ изъ тѣхъ же примѣровъ не оправдывалось и главное мнѣніе Эвальда о трудностяхъ первоначальнаго образованія матеріи Евангелій. На оборотъ,—оправдалось въ разсмотрѣнныхъ трехъ примѣрахъ противоположное теоріи мнѣніе, что матерія первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій образовалась безъ трудностей, излагаясь по воспоминанію и доселѣ сохраняется въ оныхъ въ своемъ простомъ, первоначальномъ не искусственномъ видѣ.

VI.

Собраніе изреченій Иисуса Христа, это—по Эвальду—одна сторона дѣла въ образованіи матеріи Евангелій; вторая—образованіе связанныхъ разсказовъ. И если то явилось прежде и имѣло при этомъ свои многія трудности, это, какъ позднѣйшее, должно было имѣть ихъ еще болѣе; поэтому образованіе связанныхъ разсказовъ, какъ дѣло болѣе трудное, должно было бы и болѣе оправдывать теорію Эвальда, по которой предполагаются многія трудности при образованіи матеріи Евангелій. Дѣйствительно, развивая понятіе трудности образованія связанныхъ разсказовъ почти до понятія невозможности, теорія Эвальда, по видимому, находитъ въ томъ свое полнѣйшее оправданіе.

Трудности въ образованіи отрывочныхъ изреченій Спасителя, по теоріи, преодолевались обыкновеннымъ раввинскимъ способомъ комбинированія или сопоставленія извѣстныхъ отрывковъ въ группы; такъ составлялись сборники рѣчей: но такими и такъ составленными трудами не могло, однако, удовлетвориться первоначальное христіанское общество—должно было явиться собраніе связанныхъ разсказовъ о Евангельскихъ событіяхъ. „Много труднѣе, нежели собраніе, по воспоминанію, оставшихся словъ (Worte) Христа, было собраніе воспоминаній объ отдѣльныхъ обстоятельствахъ и дѣлахъ Его“¹⁶²⁾,—о всѣхъ въ связи:

162) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 138—139.

и „если принимать понятіе такой связи въ томъ строжайшемъ его смыслѣ, чтобы каждое отдѣльное малое происшествіе и каждое отдѣльное дѣло было восстановлено совершенно точно на своемъ первоначальномъ мѣстѣ: то ясно, что уже по причинѣ великаго множества подобныхъ отдѣльныхъ обстоятельствъ, строжайшая связь ихъ (при воспоминаніи) была рѣшительно невозможна“.

Такъ, по теоріи, трудность въ нестрого-связномъ и невозможность въ строжайше-связномъ образованіи Ев. рассказовъ, основываются на великомъ множествѣ рассказываемыхъ обстоятельствъ. Кажется, это—такъ; но множественность сама по себѣ не трудность и не условіе трудности, тѣмъ болѣе не причина рѣшительной невозможности. Человѣкъ способенъ весьма многое и столь же разнообразное запомнить въ связи, если для этого существуютъ свои условія, какъ, на-оборотъ, и для того, чтобы забывать все, должны быть также свои условія. Для правильнаго и соответственнаго воспоминанія служить условіемъ усиленное до извѣстной степени вниманіе при воспріятіи воспоминаемаго; для забвенія, на-оборотъ, разсѣянность въ томъ же актѣ мышленія, который обуславливаетъ воспоминаніе, и т. д.

Если множественность и можетъ быть, говоря неточно, трудностію, то при полнѣйшей безсвязности воспринимаемаго;—а ея-то и не было въ многочисленныхъ событіяхъ Ев. исторіи; такъ какъ и сама теорія условіемъ воспоминанія событій Ев. исторіи, съ своей стороны, ставитъ исключительный, необыкновенный духъ Христа, который всѣ частныя дѣла въ Его жизни объединялъ въ сознаниі наблюдателей ихъ—Евангелистовъ; слѣдовательно, каждый изъ нихъ могъ, конечно, если не всѣ, то весьма многія событія изъ жизни Господа воспроизвести, по воспоминанію, въ связи и безъ труда, подъ однимъ условіемъ всеобъединяющаго духа Христова. Но такое условіе воспоминанія еще не было единственнымъ.

Если притчи Христовы можно было соединять въ

связи внутренней или внѣшней, формальной, потому что они были составлены въ группы и проникнуты одной общемою мыслию; то отчего же не могли быть соединены въ связи и самыя событія Ев. исторіи? Притчи, какъ рассказы, содержать въ себѣ дѣйствія или состоянія извѣстныхъ предметовъ и въ то же время выражаютъ смыслъ ученія Христова: не то же ли для воспоминанія и самыя дѣйствія Господа?—Дѣйствительныя событія еще яснѣе и сильнѣе отражались въ сознаниі, отчетливѣе и сильнѣе напечатлѣвались въ соображеніи и крѣпче оставались въ памяти очевидцевъ—слушателей, нежели притчи. И этому сильнѣйшему влиянію со стороны предметовъ запоминанія вполне соответствовала необыкновенная ревность, а съ нею и внимательность, со стороны самихъ наблюдателей, глубоко-искренно интересовавшихся каждымъ дѣйствіемъ и мановеніемъ Господа—Сына Божія.

Условія Апостольскаго воспоминанія, какъ: единство духа Христова во всѣхъ его проявленіяхъ историческихъ, имъ же самимъ объединяемыхъ, живость и сильнѣйшая впечатлительность самыхъ Ев. событій на приверженно-внимательныхъ наблюдателей,—эти условія, кромѣ другихъ, тѣмъ подобныхъ, какъ: знаніе мѣстъ, дѣйствій, лицъ, при коихъ они совершались, многократное повтореніе нѣкоторыхъ фактовъ на дѣлѣ, а нѣкоторыхъ въ воспоминаніи и повѣствованіи не только Апостоловъ, но и многихъ другихъ очевидцевъ,—всѣ эти условія устраняютъ совершенно трудность воспоминанія Ев. событій, состоящую въ ихъ множественности. Напротивъ, чѣмъ болѣе совершалось разныхъ событій, тѣмъ болѣе работало надъ ними сознаніе, мышленіе и воспоминаніе наблюдателей, тѣмъ скорѣе „становилось гласнымъ имя Іисуса по всей странѣ“ (Мр. VI, 14). Поэтому о сравнительно-труднѣйшемъ воспроизведеніи и образованіи матеріи Ев. рассказовъ въ связи и по воспоминанію не должно быть и рѣчи.

Если не было трудности для воспоминанія при воспроизведеніи Ев. событій въ соответственной имъ дѣйст-

вительности и объективно данной связи; то оно могло затрудниться только при восстановлении рассказываемых событий в их исторической последовательности. Но „относительно образования (Entwicklung) отдельных происшествий не могли быть неясны представления: принадлежит ли отдельное происшествие раннему или позднему времени открытой деятельности Христа, это не могло быть много сомнительнымъ, по крайней мѣрѣ, в отношеніи къ важнѣйшимъ и особенно выдающимся. Точно также мало можно отрицать то, что в нѣкоторыхъ большихъ отдѣлахъ Ев. исторіи (исторія удаленія Христа изъ Галилеи, исторія Его страданій) первоначально была дана наибольшая связь отдельной повѣствовательной матеріи¹⁶³⁾. Это ясное представление объ образованіи в связи отдельных, особенно выдающихся, событий и еще первоначально данная связь матеріи отдельных Ев. рассказовъ служатъ новымъ, несомнѣнно важнымъ и значительнымъ условіемъ для нетруднаго воспоминанія и образованія связанной повѣствовательной матеріи собственно синоптическихъ Евангелій,—какъ в главныхъ частяхъ, такъ и в цѣломъ.

Но, по теоріи, не та была связь в первоначальныхъ Ев. трудахъ, какая существуетъ между рассказами в каноническихъ Евангеліяхъ. Какъ же образовалась предполагаемая связь и в какомъ видѣ она была?—Не смотря на многія трудности, говоритъ теорія, нѣкоторые Евангелисты, хотя и съ усиліемъ, достигали наибольшей полноты отдельныхъ воспоминаній; при этомъ сродные рассказы и воспоминанія они старались соединять в группы¹⁶⁴⁾. Такой результатъ и такого усилія, какъ фактъ дѣйствительно-историческій, необходимо сомнителенъ, потому что предположеніе усилія нѣкоторыхъ Евангелистовъ ничего не объясняетъ. Дѣло зависитъ именно отъ

условія, при которыхъ такое усиліе (Bewältigung) достигало своей цѣли,—при чемъ успѣшно дѣйствовала сила, предполагаемая понятіемъ „усиліе“. Такихъ условій теорія не представляетъ, но они должны быть ею указаны, чтобы было попятно и убѣдительно то, какъ достигалась и достигалась-ли большая полнота отдельныхъ воспоминаній. Если теорія не указываетъ надлежащихъ условій, то сомнѣніе в дѣйствительномъ, историческомъ существованіи труда, содержащаго сравнительно большую полноту Ев. воспоминаній, еще не устраняется предположеніемъ усилія нѣкоторыхъ; а неизвѣстность его в исторіи Ев. письменности, какъ фактически даннаго, представляетъ основаніе прямо и рѣшительно отрицать его.

Итакъ, гдѣ же можно видѣть признаки того, что дѣйствительно была именно такая полнота историческихъ воспоминаній, собранныхъ при усиліи нѣкоторыхъ Евангелистовъ и расположенныхъ в группы?—Для Эвальда „не такъ трудно еще и теперь найти слѣды такихъ группъ, сродныхъ по матеріи рассказа...“ потому что „при ближайшемъ взглядѣ (будто-бы) оказывается очень ясно, что только такія группы составляютъ главныя основоположенія нашихъ Евангельскихъ книгъ¹⁶⁵⁾. Примѣчательно, для Эвальда, какъ и теперь еще в различныхъ Евангеліяхъ разнообразныя краткія воспоминанія приведены в порядокъ в видѣ группъ; таковы, напримеръ, воспоминанія о призваніи послѣдователей Христа (Мр. I, 16—20 и д.); или, хотя съ нѣкоторыми вставками, двѣ исторіи о насыщеніи народа (Мр. VI, 30—44. VIII, 1—9; ср. Мѡ. XIV, 13—21. Лук. IX, 10—17 и Мѡ. XV, 32—38), двѣ очень сходныя исторіи исцѣленія,

165) « Мы, говоритъ Эвальдъ, имѣемъ теперь двѣ группы этого рода: одна излагаетъ призваніе Апостоловъ ранняго времени, другая болѣе поздняго: Мр. I, 16—20; ср. Мѡ. IV, 18—22. Мѡ. VIII, 19—22; ср. Лук. IX, 57—62, гдѣ группы нѣсколько болѣе. Jahrb. d. b. W. 1848. S. 139; Anmerkung erst.

163) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 139.

164) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 139.

впрочемъ отдѣленные одна отъ другой нѣкоторыми болѣе краткими рассказами инаго содержанія; тѣмъ не менѣе они и теперь, кажется, могутъ быть сгруппированы, если только снова удалить нѣкоторыя незначительныя вставки, втѣснившіяся при послѣдующемъ наслоеніи Ев. матеріи¹⁶⁶⁾“.

Но какъ же можно признать ихъ вставками и потому удалить, если не видно для того никакого основанія, прямо даннаго въ каноническихъ Евангеліяхъ?

Указываемые рассказы о призваніи Апостоловъ, о насыщеніи народа, и под. должны быть, по теоріи, примѣрами группъ Ев. рассказовъ; а теперь они существуютъ не въ группахъ; слѣдовательно, примѣръ только долженъ быть, но его еще нѣтъ. Однако, что же будетъ слѣдовать съ устраненіемъ будто бы вставочныхъ рассказовъ? — понятно, то, что Евангелистамъ также трудно было воспроизвести въ связи отдѣльныя событія Ев. исторіи, какъ и изреченія Иисуса Христа. Поэтому, настоящіе примѣры совершенно аналогичны съ тѣми, но сами по себѣ еще болѣе неправильны, чѣмъ тѣ; а эта неправильность ихъ, какъ и тѣхъ, убѣждаетъ въ обратномъ предположеніи и прямо, но сравнительно съ болѣею силою доказываетъ мысль, противоположную теоріи, — именно, что матерія Евангелій возникла безъ труда и приняла простую повѣствовательную форму.

При общемъ своемъ недостаткѣ произвольнаго выбора рассказовъ изъ послѣдовательно-изложенной исторіи каноническихъ Евангелій мнѣніе Эвальда на этотъ разъ не имѣетъ оправдательнаго для себя примѣра надлежащаго, связнаго группированія рассказовъ на основаніи ихъ внутренней связи, какъ подобное было указано прежде, въ опредѣленіи Собранія изреченій.

Вотъ двѣ группы (какъ будто группы), по теоріи, искусственно-связныхъ рассказовъ о призваніи первыхъ

Апостоловъ: Мр. I, 16—20; Мѡ. IV, 18—22; VШ, 19—22 и Лук. IX, 57—62. При сравненіи этихъ параллелей, оказывается, что ев. Маркъ и Матѡей говорятъ о призваніи Симона и Андрея, а потомъ Иакова Зеведеева и Иоанна брата его. Это и кажется Эвальду группой двухъ призваній по два Апостола. Однако это субъективное „кажется“ не имѣетъ соответствующаго ему объективнаго „есть“. Противъ мнѣнія, такъ не твердо выраженнаго Эвальдомъ, говоритъ рѣшительно и самый контекстъ Ев. рѣчи. „Проходя близъ моря Галилейскаго, (Иисусъ) увидѣлъ Симона и Андрея... и сказалъ имъ: идите за Мною... И прошедши оттуда немного, Онъ увидѣлъ Иакова и Иоанна... и тотчасъ призвалъ ихъ (Мрк. I, 16, 17, 19 и 20; Мѡ. IV, 18, 19, 21; здѣсь—въ соответствие: „и далѣе идя, Онъ увидѣлъ...“)“. Очевидно, рассказываются оба призванія ев. Маркомъ и Матѡеемъ такъ, какъ то и другое было послѣдовательно исторически. Въ противномъ случаѣ не было бы сказано: „идя далѣе (по греческому тексту: *πρὸς δε* и *у* ев. Матѡея, и *у* Марка)“, или: „проходя далѣе, немного“ и п.; но „идя далѣе“ и т. п. замѣнилось бы словами: „проходя послѣ, идя въ другой разъ“ и т. т. Такъ не сказано; слѣдовательно, остается очевидная послѣдовательно-историческая связь двухъ данныхъ событій, исторически-одновременныхъ, и двухъ рассказовъ одного исторически-послѣдовательнаго повѣствованія; но — это связь, а не искусственная группировка. Текстъ Евангелій ясно обозначаетъ и одно время, и одно мѣсто обоихъ призваній: „проходя близъ моря Галилейскаго“ и: „прошедши оттуда немного“. Ев. Маркъ говоритъ: „прошедши оттуда немного...“ а ев. Матѡей: „оттуда идя далѣе“; все равно—„оттуда“; т. е.—откуда?—отъ того мѣста, гдѣ были призваны Симонъ и Андрей; при томъ ев. Матѡей прямо говоритъ: „идя“, чему у Марка соответствуетъ: „немного прошедши оттуда“. Господь совершилъ небольшой переходъ отъ мѣста призванія Симона и Андрея до мѣста призванія Иакова и Иоанна, совер-

166) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 139—140.

шилъ и увидѣлъ двухъ братьевъ, и призвалъ ихъ. Слѣдовательно, рассказы о призваніи Апостоловъ должны были, какъ того требуетъ ассоціація при воспоминаніи, стоять рядомъ въ Евангеліи, потому что самое призваніе, какъ историческій фактъ, есть, собственно, одно событіе, но разлагается на два непосредственно слѣдующіе момента: первый—призваніе Симона и Андрея, второй—Іакова и Іоанна,—какъ два момента одного и того же дѣйствія Господа. Такъ, если въ Евангеліяхъ отъ Маттея и Марка замѣчаются по два рядомъ стоящихъ разсказа о призваніи Апостоловъ; то не иначе это могло и должно быть, такъ какъ эти рассказы передаютъ собственно одно дѣло, совершившееся въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ,—событіе, которое стало однимъ актомъ воспоминанія, разсказа и письменнаго изложенія.

Еще менѣе въ пользу мнѣнія объ искусственной связи Ев. повѣствовательной матеріи говоритъ слѣдующее сопоставленіе разсказовъ: Мѣ. VIII, 19—22 и Лук. IX, 57—62. Ев. Лука рассказываетъ о томъ, что сказалъ Господь одному книжнику, охотно желавшему поступить въ число учениковъ Его и что—призванному Господомъ, но отказывавшемуся,—чѣмъ хочетъ показать истинный характеръ Апостольскаго служенія въ примѣрѣ этихъ двоихъ, вѣроятно, впоследствии ставшихъ учениками Іисуса Христа. Евангелистъ беретъ этотъ примѣръ изъ призванія многихъ Апостоловъ (далѣе еще семидесяти), о чемъ довольно ясно говоритъ въ словахъ: „послѣ сего (призванія) избралъ Господь и другихъ семьдесятъ учениковъ (Лук. X, 1)“¹⁶⁷. Такъ, по указанію собственно Ев. Луки, тѣ два факта были въ началѣ одного и того же избранія семидесяти учениковъ. Историческое единство этого событія, а потомъ и разсказа, ясно утверждается ев. Лукой (IX, 57—62; X, 1), котораго Эвальдъ признаетъ болѣе точнымъ и обстоятельнымъ историкомъ¹⁶⁷). Въ Еванге-

167) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182—183.

ліи отъ Луки: IX, 57—62 и X, 1 и сл. рассказывается о призваніи и посланіи семидесяти учениковъ и еще тѣхъ двухъ, о призваніи которыхъ сказано прежде (IX, 57—62), какъ объ одномъ событіи: въ Евангеліи отъ Маттея содержится разсказъ только о началѣ этого событія, о призваніи двухъ учениковъ, а въ Евангеліи отъ Луки, хотя и кратко, оно излагается все вполнѣ. Что Ев. Лука рассказываетъ объ одномъ и томъ же призваніи и посланіи семидесяти и двухъ учениковъ, это видно прямо изъ его словъ: „послѣ сего избралъ Господь и другихъ семьдесятъ (*καὶ ἑτεροὺς ἑβδομήκοντα*) и послалъ ихъ по два предъ лицомъ Своимъ во всякій городъ (X, 1)“¹⁶⁸. На это значеніе Апостольскаго служенія Самъ Спаситель ясно указываетъ и первымъ двумъ ученикамъ, одному—просящемуся и другому—отказывающемуся поступить въ число его послѣдователей (ст. 58—62, IX). Евангелистъ Лука говоритъ, что Спаситель призывалъ, избиралъ и посылалъ своихъ учениковъ не прежде, какъ говорилъ имъ кратко о ихъ назначеніи и положеніи въ мѣрѣ: „послѣ сего Господь избралъ и другихъ семьдесятъ“, разумѣется, такимъ же или подобнымъ образомъ. Слѣдовательно, призваніе, избраніе и посланіе семидесяти учениковъ излагается у ев. Луки, какъ одно, послѣдовательно-историческое событіе съ призваніемъ прежнихъ двухъ. И если, по теоріи, только ст. 58—62, IX составляютъ группу; то не къ чему отнести слова ст. 1, X гл.: „послѣ сего, *μετα δε ταυτα*; а стихи: 58—62, очевидно, имѣютъ тѣсную грамматическую связь между собою въ гл. IX и повѣствовательную со ст. 1, X гл.¹⁶⁸). Стихи 58—62, IX гл. характеризуютъ въ самыхъ главныхъ чертахъ призваніе истинныхъ послѣдователей Христа, а стихъ 1, X гл. указываетъ число дѣйствительно избранныхъ послѣдователей

168) По синоптическимъ таблицамъ Sevin'a, Bunsen'a и Tischendorf'a.

и отправленіе ихъ на специальное служеніе въ званіи Апостоловъ. Слѣдовательно, ст. 58—62, IX гл. нельзя отдѣлять отъ ст. 1, X гл., не нарушая прямой послѣдовательности повѣствованія; а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя признать группой стиховъ 58—62, IX гл., какъ послѣдовательно соединенныхъ съ X, 1 ст. и д.

Желая сильнѣе аргументировать свои соображенія относительно образованія связанныхъ Ев. рассказовъ, въ видѣ группъ, Эвальдъ дѣлаетъ еще но. ое сближеніе нѣкоторыхъ рассказовъ о событіяхъ Ев. исторіи и выдаетъ это за примѣръ группированія; именно въ Евангеліи отъ Марка: VI, 30—44 и VIII, 1—9; ср. Мѣ. XIV, 13—21 (Лук. IX, 10—17) и XV, 32—38 ст. Здѣсь рассказаны двѣ исторіи чудеснаго насыщенія народа въ пустынѣ. Одинъ рассказъ о насыщеніи содержится у ев. Марка въ VI гл., а другой въ VIII гл.; у ев. Матѳея одинъ находится въ XIV гл., а другой, хотя и въ слѣдующей XV, но отдѣленъ отъ перваго сорока шестью стихами (XIV, 22—36 и XV, 1—31), гдѣ излагаются нѣсколько исторій, не имѣющихъ внутренней связи съ рассказами о насыщеніи. Ясно, что рассказы о двукратномъ насыщеніи не составляютъ группы, потому что находятся или не въ одной и той же главѣ Ев. текста, или не рядомъ одинъ съ другимъ, хотя и въ одной главѣ оба.—Если же такъ неблизко расположенные одинъ отъ другаго рассказы признавать за группу, то какъ же далеко слѣдовало бы ихъ разставить, чтобы они потѣмъ не казались сгруппированными?—Понятно, они кажутся такъ сгруппированными только Эвальду, и—ему-то одному потому, что сходны одинъ съ другимъ по своему содержанію,—что отнюдь не даетъ права считать ихъ когда-то записанными вмѣстѣ и поставленными рядомъ въ группу, а послѣ нѣсколько раздвинутыми посредствомъ нѣкоторыхъ вставочныхъ рассказовъ. Они могли быть воспроизведены Евангелистами вмѣстѣ, но также могли быть воспомнаны вмѣстѣ съ ними и другія событія, которыя какъ произошли между тѣми, такъ

и записаны, и поставлены между тѣми,—что и указываетъ на ихъ историческую разновременность. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ и тотъ же Евангелистъ могъ припоминать вмѣстѣ съ двумя событіями чудеснаго насыщенія и нѣсколько другихъ, какъ напримѣръ утишеніе бури и проч., и поставить ихъ въ исторической связи и послѣдовательности одно за другимъ: послѣ рассказа о первомъ чудесномъ насыщеніи—рассказъ объ утишеніи бури на морѣ и т. д., а потомъ рассказъ о второмъ чудесномъ насыщеніи; такъ что настоящее изложеніе и мѣсто этихъ рассказовъ въ каноническихъ Евангеліяхъ соответствуютъ исторической дѣйствительности самыхъ событій, не представляя, наоборотъ, искусственной группировки.

Подобно тому и въ группѣ: Мр. VII, 31—37. VIII, 22—26 ст. „двѣ сходныя исторіи исцѣленія хотя нѣкоторыми краткими рассказами инаго содержанія и раздѣлены одна отъ другой, но и теперь еще, по мнѣнію Эвальда, могутъ быть сгруппированы“¹⁶⁹⁾. Конечно, если для взгляда Эвальда разсматриваемые рассказы не представляютъ дѣйствительныхъ признаковъ того, что они когда-то существовали въ одной группѣ; то его настоящее предположеніе не имѣетъ научнаго значенія. Непосредственно и посредственно въ текстѣ Евангелія очевидны только нѣкоторые краткіе рассказы различнаго содержанія, которыми раздѣляются двѣ исторіи чудеснаго исцѣленія: глухаго косоязычнаго—въ предѣлахъ Десятиградія, и слѣпнаго—въ Вивсаидѣ. А если они раздѣлены, какъ очевидно, то—не представляютъ группы; если же между ними есть только сходство, но нѣтъ связи, то нѣтъ основаній и думать, чтобы они были и когда-нибудь въ одной группѣ.

Изъ всѣхъ, по теоріи указанныхъ, примѣровъ связаннаго расположенія Ев. рассказовъ въ видѣ группъ, какъ и изъ каждаго отдѣльно, не слѣдуетъ, что какъ отрывки

169) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 139—140.

рѣчей, оставшіеся въ воспоминаніи Евангелистовъ, такъ и въ извѣстной мѣрѣ малые или большіе отрывки разсказовъ, гдѣ только это было возможно, соединялись по внутреннему сходству въ искусственныя группы,—для того, чтобы только чрезъ это можно было еще тверже удерживать ихъ въ памяти,—этого не слѣдуетъ, потому что такихъ искусственно-сгруппированныхъ разсказовъ нѣтъ въ каноническихъ Евангеліяхъ. Что это за группы разсказовъ, если они состоятъ изъ двухъ, размѣщенныхъ врозь и далеко одно отъ другаго Ев. повѣствованій, не представляющихъ никакой непосредственной связи?!—Слѣдовательно, и въ такихъ, какъ и въ предшествовавшихъ, примѣрахъ, теорія Эвальда и въ частности это его мнѣніе объ образованіи связанныхъ Ев. разсказовъ, не находятъ себѣ оправданія; а потому слѣдуетъ признать, что не было искусственной связи и трудностей при первоначальномъ образованіи (Entwickelung) Ев. разсказовъ, какъ и всей матеріи синоптическихъ Евангелій.

Болѣе соотвѣтственно своей цѣли теорія представляетъ примѣръ послѣдующаго опыта связанныхъ разсказовъ о всѣхъ событіяхъ изъ жизни Иисуса Христа (Евангеліяхъ).

Такіе опыты несомнѣнно требовались первымъ обществомъ христіанъ; но ясно само собою, что такому требованію „возможно было удовлетворить только посредствомъ искусной (geschickte) связи двухъ родовъ Ев. матеріи: рѣчей и разсказовъ“¹⁷⁰⁾; въ такой связи и составлялась вся Ев. исторія. Но—какъ?

—„Главные отдѣленія цѣлой Ев. исторіи опредѣлялись важнѣйшими событіями изъ жизни и дѣятельности Христа, а между ними, соотвѣтственно, размѣщены были группы отдѣльныхъ разсказовъ; такимъ же образомъ вставлены были туда и группы отрывковъ рѣчей,—на соотвѣтственныя (однако!) имъ мѣста. Такое составленіе Ев. ис-

170) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 140.

торіи должно было сохранять свой видъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока оно первоначально оставалось еще сравнительно болѣе простымъ, несложнымъ. Въ такъ составленной цѣлостной Ев. исторіи отдѣльныя части матеріи еще мало могли располагаться (въ связи) и приводиться къ своему высшему единству: они должны были еще оставаться болѣе или менѣе отдѣльными или легко отдѣлимыми одна отъ другой. Это ясно открывается изъ того, что въ Евангеліяхъ отъ Марка и Маттея часто встрѣчаются слова (Wörtchen): *καὶ εὐθὺς* и *τότε* (тогда, потомъ, тогда), какъ переходныя и вставленныя для связи; или замѣчанія, находящіяся въ началѣ отдѣльныхъ отрывковъ, какъ: „Иисусъ пришелъ въ городъ, Онъ пришелъ на берегъ, Онъ перешелъ на другой берегъ“,—особенно повторяющіяся въ Евангеліи отъ Марка. Отсюда—тѣмъ вѣрнѣе то, что такой трудъ сохранялъ отдѣльныя части Ев. матеріи существенно еще совершенно въ первоначальномъ видѣ устнаго преданія и тѣмъ прозрачнѣе (durchsichtiger) оставалось въ немъ простое основаніе весьма многихъ разсказовъ, по которому эти были расположены. Однако и при такой простой связи матеріи многихъ Ев. разсказовъ могъ сохраниться искусственный порядокъ ея изложенія. И трудъ въ такомъ простѣйшемъ видѣ, хотя и нечуждомъ искусственности, могъ очень достаточно соотвѣтствовать своей цѣли и отвѣчать потребности перваго времени и перваго общества христіанъ болѣе, нежели какой другой“¹⁷¹⁾.

Понятно, что указанное расположеніе повѣствовательнаго матеріала по главнымъ отдѣленіямъ Ев. исторіи ни мало не представляетъ группировки его въ чисто формальной связи и не препятствуетъ представлять изложеніе Ев. разсказовъ безыскусственнымъ. Противъ этого ничего не говорятъ и слова *καὶ εὐθὺς* и *τότε* (тогда,

171) Jahrb. d. b. W. 1848 S. 140—141.

вскорѣ); они указываютъ скорѣе на безыскусственную связь рассказовъ по воспоминанію и на простое, но послѣдовательное расположеніе ихъ по времени,—рассказовъ хотя отрывочныхъ, но вѣрныхъ исторической дѣйствительности.—Иначе, въ Евангеліяхъ нѣтъ и не можетъ быть правильно-послѣдовательной исторіи, если рассказы, составляющіе ея содержаніе, представляютъ событія не въ дѣйствительной и соотвѣтственно-исторической связи, а въ предполагаемой искусственной послѣдовательности; такъ что по нимъ нельзя знать о постепенномъ ходѣ исторіи Спасителя. А этому прямо противорѣчитъ мнѣніе самого Эвальда о расположеніи Ев. матеріи по главнымъ событіямъ Ев. исторіи и—соотвѣтственно.

Расположеніе событій въ исторіи по главнымъ, особенно выдающимся, ея періодамъ Эвальдъ выясняетъ, и тѣмъ старается оправдать свое мнѣніе, въ примѣрѣ. „Мы, говоритъ онъ, въ состояніи теперь показать все существо опыта такого ранняго изслѣдованія (т. е. собранія воспоминаній о Ев. событіяхъ) въ трудѣ, сохранившемся еще въ своемъ почти первоначальномъ состояніи. Это—Евангеліе отъ Марка: впрочемъ, не теперешнее второе Евангеліе, будто бы такъ въ своемъ первоначальномъ видѣ принятое въ канонъ, но и не много измѣненное,—такъ, что съ достаточною точностію еще можетъ быть принято какъ бы въ его первоначальномъ состояніи (Urstande),—такъ что мы съ правомъ можемъ здѣсь разсматривать его, какъ образецъ (Muster) начальныхъ Ев. произведеній“; слѣдовательно, это—такъ называемое Urmarcus ¹⁷²⁾. Очевидно, этотъ первоначальный трудъ есть историческое X: это Евангеліе отъ Марка, но не каноническое; оно сохранилось въ каноническомъ Евангеліи, но измѣнено; оно измѣнено, но можетъ быть разсматриваемо, какъ образецъ первоначальныхъ Ев. произведеній!... Ясно, что Эвальдъ

172) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 141.

представлять себѣ это дѣло неясно: что въ Евангеліи отъ Марка отнести къ каноническому его составу, что—къ доканоническому (Urmarcus),—это ни по чему не известно. На это, конечно, должна бы отвѣчать только сама же теорія; но здѣсь она сама настолько вѣрна, насколько оправдывается примѣромъ доканоническаго Евангелія отъ Марка (Urmarcus): здѣсь примѣръ основывается на теоріи, а теорія оправдывается тѣмъ же, на ней самой основаннымъ примѣромъ; а это—circulus in demonstrando. Отсюда,—остается подлиннымъ произведеніемъ перваго времени Евангеліе отъ Марка въ его каноническомъ видѣ, такъ какъ о другомъ, доканоническомъ, никто, кромѣ самого Эвальда, никогда и ничего основательно не зналъ. Слѣдовательно, примѣръ образованія цѣлостной Ев. исторіи остается далеко не соотвѣтствующимъ въ этомъ своемъ видѣ теоріи Эвальда, по его собственному сознанію,—хотя этотъ примѣръ представляетъ дѣйствительно тотъ планъ изложенія Евангеліи отъ Марка, который указанъ Эвальдомъ. Отсюда слѣдуетъ, что первоначальные труды по составленію Ев. исторіи имѣли планъ и составъ такіе, примѣръ коихъ представляетъ именно каноническое Евангеліе отъ Марка. А это Евангеліе показываетъ, что рассказы о Ев. событіяхъ излагались въ порядкѣ исторической послѣдовательности самыхъ событій,—по тремъ главнымъ моментамъ (періодамъ) жизни и дѣятельности Господа, а не въ искусственной группировкѣ.

Общій характеръ и подробный планъ каноническаго Евангелія отъ Марка обнаруживаетъ ясно всю безыскусственность изложенія рассказовъ и рѣчей въ такихъ же Ев. трудахъ, какъ оно само.

„Евангеліе отъ Марка ограничиваетъ область своего рассказа еще только открытымъ явленіемъ и общественною дѣятельностію Христа, какъ это показываетъ и надписаніе книги: Αρχη του Ευαγγελιου Ιησου Χριστου, υιου του Θεου (I, 1 ст.). Это надписаніе хотя относится только къ пер-

вому отдѣленію книги и находить для себя ближайшее примѣненіе къ разсказу о томъ, между какими обстоятельствами Христосъ впервые возвѣстилъ Евангеліе (I, 14 ст. и д.), однако оно стоитъ и вмѣсто надписанія всей книги, которая сначала, конечно (sicher), не имѣла довольно долго никакого; оно показываетъ также, что авторъ этой книги принялъ слово *Ευαγγελίου* въ его ближайшемъ значеніи разсказа только объ открытой проповѣднической дѣятельности Христа¹⁷³).

Что же это?—надписаніе показываетъ, что содержаніе книги ограничивалось открытымъ явленіемъ Христа,—надписаніе, которое то относится только къ первому отдѣленію книги, то можетъ быть принято за надписаніе и всей книги, то сначала довольно долго совсѣмъ несуществовало въ книгѣ и т. д. Все это показываетъ, что Евангеліе отъ Марка повѣствуетъ объ открытой жизни и дѣятельности Господа; но какое Евангеліе?—конечно, то, надъ которымъ стоитъ надписаніе: *αρχη του Ευαγγελίου*, а не доканоническое (Urmarcus). Надписаніе: *αρχη του Ευαγγελίου*... о доканоническомъ Евангеліи (Urmarcus) ничего не говоритъ и не можетъ ничего говорить, потому что оно само, по теоріи, неподлинное; такъ какъ его долгое время не было. Отсюда,—если надписаніе Евангелія свидѣтельствуетъ, что оно имѣетъ видъ первоначальнаго труда; то само Евангеліе отъ Марка, имѣющее это надписаніе, и есть первоначальное произведеніе и прямо или непосредственно въ его каноническомъ видѣ, гдѣ нѣтъ искусственной связи разсказовъ; такъ какъ они расположены очевидно по тремъ періодамъ всей Ев. исторіи и опредѣленно—по главнымъ событіямъ оной, но не по группамъ.

Какъ внѣшній видъ и характеръ Евангелія отъ Марка не противорѣчатъ тому, что оно составлено непосред-

173) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 141.

ственно по воспоминанію, хотя оно, по мнѣнію Эвальда, изображаетъ только внѣшнюю сторону жизни и дѣятельности Господа, т. е. Его открытое служеніе въ мірѣ (das öffentliche Erscheinen und Leben Christi); такъ и подробный планъ этого Евангелія почти вполнѣ соотвѣтствуетъ исторической послѣдовательности дѣйствительныхъ событій Ев. исторіи.

„Открытая жизнь Христа, какъ предметъ, которымъ ограничивается это раннее произведеніе (Евангеліе отъ Марка), раздѣляется на три, очень различныя, главныя части. Какъ главную и средоточную часть всей Ев. исторіи оно опредѣляетъ время, когда Христосъ избралъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ и образовалъ Двѣнадцать Апостоловъ, какъ первыхъ, коренныхъ и постоянныхъ членовъ своего собственнаго общества. И дѣйствительно, время, когда Христосъ обращался въ этомъ, твердо замкнутомъ числѣ ближайшихъ учениковъ, только такъ ограничивая Свою открытую дѣятельность, съ цѣлю потомъ усилить и утвердить ее (bekräftigen und befestigen), это время образовало большой періодъ въ Ев. исторіи¹⁷⁴). Третій главный и послѣдній отдѣлъ Ев. исторіи начинается съ путешествія Господа изъ Галилеи въ Іерусалимъ къ послѣднему празднику пасхи. Этимъ опредѣляются начало и конецъ каждой изъ трехъ главныхъ частей, такъ что теченіе всей Ев. исторіи, въ трехъ величайшихъ ея пе-

174) Этотъ отдѣлъ открытой дѣятельности Господа, начинающійся избраніемъ Апостоловъ, по теоріи Эвальда, есть средній (Mitteltheil), такъ признаваемый второй періодъ изъ жизни Спасителя, а первый періодъ—время до выступленія Его на открытое общественное служеніе и первое время Его дѣятельности до избранія Двѣнадцати Апостоловъ. Denn ganz verkehrt zu denken wäre, Herr hätte seine thätigkeit sogleich mit der Aüswahl und Bildung der Zwölf angefangen. Jahrb. d. b. W. 1848. S. 142.

риодахъ, не легко можетъ быть развито (entwickelt) правильно и наглядно ¹⁷⁵⁾.

Этотъ очеркъ общаго расположенія и плана Евангелія отъ Марка нисколько не выдѣляетъ его изъ числа самыхъ первоначальныхъ опытовъ образованія Евангельской матеріи, потому что оно представляетъ собою образецъ именно первоначальнаго труда, гдѣ матерія расположена соотвѣтственно по главнымъ періодамъ Евангельской матеріи. Но и Нагорная проповѣдь, и Рѣчь противъ книжниковъ и фарисеевъ, и Притчи расположены подобнымъ же образомъ,—по извѣстнымъ главнымъ пунктамъ или нѣсколькимъ основнымъ мыслямъ. А потому, изложеніе связныхъ рассказовъ, имѣющее сходство съ изложеніемъ изреченій, должно быть признано одновременнымъ по своему происхожденію, одинаково первоначальнымъ.

При этой аналогичности построенія Евангелія отъ Марка съ первоначальными произведеніями по изложенію Ев. исторіи, при его отрывочности и, по мнѣнію Эвальда, искусственной связи, съ точки зрѣнія самой же теоріи, становится яснымъ, что Евангеліе отъ Марка было также, если не менѣе, трудно составить, какъ и первые опыты, если то и другіе, судя по аналогіи ихъ построенія, должны были явиться весьма приблизительно въ одно время. Но если они одновременны, какъ и одинаково изложены; то слѣдуетъ, что Нагорная проповѣдь, Рѣчь противъ фарисеевъ и Притчи должны были явиться не прежде и отдѣльно, а именно въ одно время съ Евангеліемъ отъ Марка, вмѣстѣ съ нимъ и въ немъ или подобномъ ему трудѣ, напримѣръ, Евангеліи отъ Маттея. На-оборотъ, Евангеліе отъ Марка должно было содержать въ себѣ вмѣстѣ и рассказы и собраніе изрече-

ній. Это основывается на аналогіи самаго типа Евангелія отъ Марка съ предшествующими ему трудами и утверждается на дальнѣйшей аналогичности и даже сродствѣ ихъ съ онымъ.

Аналогичность Евангелія отъ Марка съ предшествующими ему трудами открывается и въ тѣхъ недостаткахъ изложенія, какіе Эвальдъ указываетъ въ первой доканонической редакціи этого Евангелія, какъ именно признаки его первоначальнаго происхожденія и вида. „При ясномъ и твердомъ опредѣленіи трехъ великихъ періодовъ исторіи Спасителя въ Евангеліи отъ Марка оказываются два преимущественные недостатка, которые весьма ясно обозначаютъ этотъ трудъ, какъ произведеніе только начальнаго опыта. Первый изъ недостатковъ Евангелія отъ Марка тотъ, что въ немъ почти совсѣмъ недостааетъ опредѣленія времени историческихъ событій; только разъ оно сдѣлано и то скорѣе какъ бы случайно: указана собственно связь открытой дѣятельности Христа съ ученіемъ и судьбою І. Крестителя (I, 4—14 и VI, 14—29). Второй недостатокъ тотъ, что при ограниченности свѣдѣній о времени и обстоятельствахъ рассказываемой жизни Иисуса, представляется вся Ев. исторія на одномъ, тѣсно ограниченномъ горизонтѣ—въ Галилеѣ; такъ что Евангеліе отъ Марка справедливо можно назвать собственно Галилейскимъ Евангеліемъ. Эти два недостатка различны по характеру: первый—чисто книжный, а второй конечно мѣстный. Судя по второму, понятно, что Евангеліе отъ Марка составлено изъ такой обширной повѣствовательной матеріи, которая имѣла свое происхожденіе и была собрана преимущественно въ Галилеѣ“ ¹⁷⁶⁾.

Если все это такъ, то что же отсюда?—конечно, если книжный недостатокъ существовалъ и въ первыхъ опытахъ образованія Ев. исторіи,—ибо счисленія време-

175) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 142. Первая главная часть Евангелія отъ Марка, по раздѣленію, предложенному Эвальдомъ, это: I, 1—III, 6; вторая: III, 7—IX; третья: X—XVI.

176) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 142—143.

ни не доставало и въ нихъ; то слѣдуетъ, что рассказы и рѣчи расположены одинаково хронологически, хотя и по главнымъ основаціямъ,—одинаково совершенны и недостаточны по своему изложенію; слѣдовательно, они, по всей вѣроятности, явились одновременно и должны быть, какъ и дѣйствительно находятся, совмѣстными въ Евангеліи отъ Марка. А съ точки зрѣнія Эвальда за эту одновременность и совмѣстность Ев. рассказовъ и рѣчей, на примѣръ, въ Евангеліи отъ Марка, говоритъ еще и то, что тѣ и другія располагались по группамъ. Послѣ этого, различія между обоими въ отношеніи ко времени ихъ появленія не остается никакого,—они безразличны въ отношеніи воспоминанія и образованія ихъ.

Отсюда прямо слѣдовало бы, что Евангеліе отъ Марка, въ его каноническомъ видѣ, и два другія синоптическія Евангелія, съ тѣмъ совершенно аналогичныя по характеру и расположенію содержанія, имѣютъ видъ первоначальныхъ трудовъ по Ев. письменности, или—произошли непосредственно изъ устнаго преданія,—слѣдовало, если бы теорія не признавала еще за расположеніемъ Евангелія отъ Марка характеръ группированія; такой характеръ расположенія въ немъ, по теоріи, есть.

Но характера искусственной группировки дѣйствительно не должно признавать за расположеніемъ исторической матеріи въ Евангеліи отъ Марка (конечно каноническомъ, ибо *Urt Marcus*—историческое X); потому что рассказы о частныхъ событіяхъ размѣщались (и въ Евангеліи отъ Марка, что безспорно-вѣрно) по тремъ періодамъ исторіи Спасителя и соответственно распредѣлялись при изложеніи главнѣйшихъ событій; а вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же и также удобно размѣщались и отрывки рѣчей. Такъ это очевидно и вообще въ Евангеліи отъ Марка. Но это не можетъ быть въ тоже время совмѣстно съ понятіемъ группировки—на основаніи сходства рассказовъ по ихъ содержанію. Сходные рассказы пришлось бы соединять вмѣстѣ, тогда какъ самыя событія сходныя совер-

шались въ разные періоды Ев. исторіи; одно, на примѣръ, въ первомъ, а другое въ третьемъ. Такое сближеніе сходныхъ рассказовъ о далеко разновременныхъ событіяхъ (т. е. группированіе ихъ, по теоріи) противорѣчило бы общему плану каждаго Евангелія, гдѣ размѣщались частные рассказы при болѣе общихъ,—построеніе не соответствовало бы плану, указываемому даже теоріей Эвальда.

„Если, говоритъ Эвальдъ, пограничные столбы (*grenzfähle*) и основоположенія для сооруженія зданія утверждены; то соответственно устраиваются и его отдѣльныя части—отъ величайшихъ до малѣйшихъ“¹⁷⁷⁾. Но если эти столбы суть дѣйствительно главные пункты (моменты) дѣятельности и жизни Господа, то и всѣ подробности, примыкающія къ нимъ, должны соответствовать историческому ходу Ев. событій, должны быть естественнымъ воспроизведеніемъ обстоятельствъ изъ жизни Господа, а не искусственнымъ группированіемъ ихъ. Если же такъ, то общая связь рассказовъ въ Евангеліи отъ Марка есть истинно историческая.

Такова эта связь и въ каждой отдѣльной части Евангелія отъ Марка.—Вотъ полный планъ Евангелія отъ Марка, какъ онъ излагается въ теоріи Эвальда. Въ первой части этого Евангелія (I, 1—3, VI) излагается начало открытой дѣятельности Христа и ея продолженіе до того момента, когда Онъ рѣшился основать небольшое общество (избрать учениковъ). Отсюда, эта первая часть распадается далѣе на три меньшія части. Во-первыхъ, излагается то, какъ выступленіе Иисуса Христа на открытое служеніе тройко обусловливалось исторіей I. Крестителя, —всѣмъ его ученіемъ и крещеніемъ и особеннымъ крещеніемъ, которое принялъ Самъ Христосъ (на Иорданѣ), наконецъ взятіемъ Крестителя подъ стражу, что было для Христа послѣднимъ и рѣшительнымъ побужденіемъ, что-

177) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 143.

бы съ этого времени начать Самому дѣйствовать открыто (I, 1—20). Послѣ этого указано, какъ Онъ дѣйствительно является въ Галилеѣ съ евангелиемъ и призываетъ первыхъ учениковъ. Во-вторыхъ, показывается, какой былъ родъ открытой дѣятельности Спасителя въ Капернаумѣ и въ окрестностяхъ его (21—39), какъ предотвращалось постороннее вниманіе къ чудотвореніямъ Его, хотя, наконецъ, и напрасно (40—45). Въ-третьихъ сообщается, какое впечатлѣніе необычайный родъ дѣятельности Христа производилъ на тѣхъ людей, на которыхъ онъ даже и не желалъ производить его, но которые, однако, очень скоро стали внимательными къ Нему и преимущественно къ Его земному дѣланію; это были властители и книжники того времени ¹⁷⁸).

Теченіемъ событій, изложенныхъ въ первой части

178) Эвальдъ говоритъ при этомъ: Also wird hier gruppenweise geschildert wie die vollmacht die er (Herr) sich in reinen religionsdingen nahm die schriftgelehrten 2, 1—12, seine speisesitten die Pharisäer 2, 13—22 (zwei ähnliche stücke). Seine ansicht über den sabbat endlich die Pharisäer zugleich mit den saddukäisch gesinnten Herodianern 2, 23—3, 6 (wieder zwei ähnliche stücke) gegen ihn aufgebracht habe, sodass schon jetzt nachdem alle arten der damaligen machthaber mit ihm unzufrieden geworden waren sein ende nicht zweifelhaft seyn konnte. „Sie fassten den rath ihn zu vernichtet“; damit schlieszt bedeutungsvolle dieser erste haupttheile der geschichte: und schon können wir (Ewald) ahnen, wie auch der letzte schlieszen und wie diesem anfang der thätigkeit Christi ihr letztes ende entsprechen werde.—Jahrb. d. b. W. 1848 S. 144. Но, обращая вниманіе собственно на планъ Евангелія отъ Марка, мы не будемъ разбирать указанныхъ здѣсь группъ Ев. разсказовъ. Важно въ данномъ случаѣ только общее расположеніе содержанія въ первоначальномъ трудѣ, какъ Евангеліе отъ Марка: говорить о предлагаемомъ группированіи Ев. разсказовъ, послѣ выше сказаннаго, считаемъ излишнимъ.

Евангелія отъ Марка, естественно подготовлялся слѣдующій второй періодъ дѣятельности Господа и—вторая часть Его исторіи. Здѣсь изображаются середина и высшій пунктъ напряженія открытой дѣятельности Христа,—описывается особенное дѣло Христа (избраніе Апостоловъ), слѣдствіемъ чего наконецъ было то, что временный исходъ Его исторіи былъ не такимъ только, какимъ его желали видѣть враги Христа (III, 7—IX). Если обнаружилось, что міръ готовъ былъ уничтожить Христа или лучше—Его дѣло на землѣ, то Онъ долженъ былъ напротивъ прямо теперь избраніемъ и образованіемъ Двѣнадцати (Апостоловъ) положить основу своей дальнѣйшей дѣятельности—учредить малое, соединенное закономъ и нераздѣльное общество, если бѣльшаго, каковое Онъ желалъ, въ то время еще не могло существовать. Съ этого времени исторія Христа становится также и исторіей Двѣнадцати (Апостоловъ); и если Онъ прежде являлся какъ Учитель и Спаситель (чудотворецъ), то теперь Онъ является какъ Воспитатель и Образователь (Bildner). Онъ образовалъ Двѣнадцать (Апостоловъ), довелъ ихъ постепенно до самостоятельнаго пониманія глубочайшихъ истинъ, такъ что они стали надлежаще-свѣдущими. Въ-частности говорится: 1, что Двѣнадцать (Апостоловъ) становились совершеннѣе въ своихъ взглядахъ и въ пониманіи ученія Іисуса Христа (III, 7—19 ст. и д.); 2, что они уже не были со Христомъ при Его трудахъ и отдыхѣ, при прославленіи и почитаніи Его въ народѣ, что Двѣнадцать (Апостоловъ) были вполне уже самостоятельными (VI, 1—6). 3, Евангелистъ показываетъ, какъ между тѣмъ оканчивается служеніе Крестителя (VI, 14—29) и Христосъ поэтому не остается далѣе въ землѣ Ирода. Онъ долженъ былъ еще многому учить Двѣнадцать (Апостоловъ), преимущественно всей высотѣ и непоколебимости правой вѣры при всѣхъ различныхъ и величайшихъ жизненныхъ нуждахъ,—въ голодѣ, непогодѣ (sturmesnoth) и проч. (VI, 30—56). Онъ долженъ былъ выяснитъ дѣйствительное существо

Фарисеевъ, какъ самыхъ сильныхъ враговъ царства Божія, которые все чаще и враждебнѣе старались уничтожить оное въ самомъ его основаніи (VII, 1—VIII, 20). Между тѣмъ Спаситель спокойно продолжалъ свою дѣятельность какъ въ отношеніи къ Двѣнадцати (Апостоламъ), такъ и къ остальному міру; при этомъ оказывалось, что въ кругу Двѣнадцати (Апостоловъ) уже начало зарождаться знаніе глубочайшаго существа христіанства и взоръ особенно успѣвшихъ въ этомъ между ними былъ пораженъ яснымъ блескомъ всего откровенія Христова, — внутренней и совершенной дѣятельности Его; а Онъ тѣмъ усерднѣе продолжалъ свою дѣятельность, сознавая необходимость близкой смерти своей и заботясь о надлежащемъ управленіи (Herrschaft) только-что основанной имъ церкви (VIII, 27—IX).

Такимъ естественнымъ теченіемъ событій подготовлялся послѣдній періодъ дѣятельности Христовой, чему соответствуетъ изложеніе третьей части Евангелія отъ Марка (X—XVI). Здѣсь Евангелистъ повѣствуетъ, что Иисусъ Христосъ, имѣя въ виду скорый конецъ своей дѣятельности, учить Апостоловъ Своихъ еще многому, въ высшей степени удивительному и тому, что имѣетъ важное и вѣчное значеніе, — рассказываетъ далѣе о томъ, что было при самомъ путешествіи Христа въ Иерусалимъ на страданія и что совершилось въ послѣднія недѣли и дни Ев. исторіи. Въ-частности: 1, при повѣствованіи собственно о путешествіи — то, что совершилъ Христосъ въ послѣднія минуты своего пребыванія въ Галилеѣ (X, 1—31), что совершено при самомъ путешествіи (X, 32—52), — при торжественномъ входѣ Его въ Иерусалимъ (XI, 1—26). 2, — Такъ какъ Христосъ при торжественномъ входѣ въ Иерусалимъ сталъ еще ближе извѣстенъ властямъ народа, то должна была скоро рѣшиться и земная судьба Его: всѣ главныя партіи (народа) желали уловить Его лукавыми словами, но при такомъ средствѣ они не достигли никакого успѣха и только обнаружили неиздѣльную внутрен-

нюю порчу своего времени (XI, 27—XII, 44). Между тѣмъ Христосъ предсказываетъ необходимую гибель господства (Reiches) фарисеевъ и выражаетъ твердую увѣренность относительно скорого наступленія (Vollendung) и вѣчнаго продолженія истиннаго царства Божія (XIII). Вслѣдствіе этого, фарисеи рѣшились употребить противъ Христа еще остающееся у нихъ единственное средство — насильственное умерщвленіе Его, чего они могли достигнуть неожиданно быстро, по благопріятному для того случаю (XIV). 3, — Но прямо съ этого момента начинается неожиданное (для фарисеевъ) оживленіе (Neubelebung) и вѣчное прославленіе (Verklärung) умерщвленного Христа, что запечатлѣвается послѣднимъ великимъ порученіемъ Его Двѣнадцати Апостоламъ въ Галилеѣ (XVI)¹⁷⁹.

Если, какъ видно, по этому очерку плана каждая изъ трехъ предыдущихъ частей Евангелія отъ Марка стоитъ въ исторически-последовательной связи и преемственности, такъ что содержаніе одной изъ нихъ исторически взаимно обусловлено содержаніемъ другой: то порядокъ изложенія доканоническаго Евангелія отъ Марка (Urmarcus) былъ именно историческій, — прагматическій въ общемъ смыслѣ. Потому, дѣйствительно „не требуется еще многихъ словъ для того, чтобы признать внутреннее существо, достоинство и довольно чистую первоначальность (Ursprünglichkeit) этого, столь же простаго, какъ и удовлетворительнаго порядка и его правильную последовательность во всѣхъ большихъ и малыхъ частяхъ“ (въ Евангеліи отъ Марка)¹⁸⁰. И если такой видъ и порядокъ принимали самые ранніе опыты связнаго цѣлостнаго изложенія всѣхъ Ев. событій, т. е., порядокъ насколько не искусственный, а самый естественный, потому что всѣ они располагались по исторически-преемственной

179) Jahrb. d. b. W. 1848 S. 143—147.

180) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 147.

последовательности и по главнымъ отдѣламъ Ев. исторіи, независимо отъ круглаго числа семи: то слѣдуетъ, что первоначальные опыты образованія Ев. рассказовъ были не только современны образованію рѣчей изъ отдѣльныхъ изреченій, но и одинаково, какъ тѣ, такъ и другіе были чужды искусственной связи—въ видѣ группъ. Рассказы были расположены по главнымъ тремъ періодамъ исторіи Спасителя: съ ними расположены были въ томъ же порядкѣ и рѣчи, какъ одновременные и по изложенію одинаково совершенные съ тѣми опыты по составленію Ев. исторіи. А если это такъ, то первоначальные опыты образованія Ев. исторіи были именно въ томъ видѣ, какой имѣетъ наше каноническое Евангеліе отъ Марка.

Однако, первоначальнымъ трудамъ такимъ, какъ Евангеліе отъ Марка, по теоріи Эвальда, недоставало (сравнительно съ послѣдующими) высшаго характера, какъ именно Божественной исторіи,—чѣмъ, по теоріи, запечатлѣнъ характеръ Евангелій отъ Матѳея и Луки¹⁸¹⁾. Но этотъ мнимый недостатокъ, съ точки зрѣнія самой же теоріи, скорѣе свидѣтельствовалъ бы не о первоначальности каноническаго Евангелія отъ Марка, а о появленіи его послѣ двухъ другихъ синоптическихъ Евангелій, и—наоборотъ—о томъ, что Евангеліе отъ Матѳея, судя по его характеру, должно было явиться прежде Евангелія отъ Марка, какъ и Евангелія отъ Луки.

Если труды по первоначальному образованію Ев. рассказовъ не имѣли, съ своей внутренней стороны, характера собственно Евангельскаго,—лицо Спасителя не имѣло на себѣ чертъ божественности и вся жизнь Его не представляла въ Немъ особенностей Небеснаго Посланника, Сына Божія въ мірѣ; то для какой цѣли составлялись подобные труды?—что они значили для слушателей или читателей, если имъ не доводилось слышать или читать

181) Cp. Jahrb. d. b. W. 1848. S. 147.

въ этихъ рассказахъ о Богочеловѣкѣ?—Богочеловѣчество Христа Спасителя было существеннымъ предметомъ въ дѣлѣ новой вѣры, а преимущественно—чудесныя событія изъ Его жизни были основаніями и авторитетными свидѣтельствами ея истинности. Вся проповѣдь Апостольская, имѣя въ виду царство Божіе, должна была представлять всегда предъ собою и другими Царя-Основателя такого царства, лице Господа Іисуса, какъ именно Сына Божія; а потому не могла быть и не должна была прежде появиться никакая исторія, какъ прямо и только исторія лица Спасителя—Бога: только такая исторія имѣла для себя цѣль и была нужна, а иной, какую наприимѣръ представляеть Эвальдъ въ древнѣйшемъ, впрочемъ исторически-неизвѣстномъ, Евангеліи отъ Марка (Urmarcus), не было нужды являться. Появленіе Ев. исторіи безъ ея небеснаго характера слѣдуетъ признать явленіемъ, несоответствующимъ своей цѣли. Если она должна была изобразить Христа, то она, чтобы быть соответственной своему предмету, —въ чемъ ея и цѣль,—должна была явиться хотя краткою, отрывочною, но именно исторіею Мессіи и Богочеловѣка, а не Учителя только (равви), какъ основателя новой религіи. Этого Основателя новой религіи Апостолы, еще задолго прежде Его смерти, исповѣдали Сыномъ Божіимъ (Мѳ. XVI, 16). Почему же они должны были изображать жизнь Его не какъ Богочеловѣка, если не только они, но и другіе изъ общества христіанъ знали, что Господь открылъ Себя Сыномъ Божіимъ?—А потому, если современники Апостоловъ желали имѣть исторію Спасителя, то она должна была изображать Его, какъ Богочеловѣка. Исторія, иначе изданная Апостолами, унижала бы достоинство ихъ собственнаго служенія, умаляла бы авторитетъ Спасителя и не служила бы основаніемъ для вѣры въ Него, какъ Богомъ посланнаго Спасителя міру (Іоан. XX, 31),—что противорѣчило бы призванію Апостоловъ, ихъ служенію, и что дѣйствительно противорѣчитъ неотразимымъ историческимъ свидѣтель-

ствамъ объ основаніи, распространеніи и утвержденіи христіанства въ міръ. Апостолы проповѣдывали то, чему училъ Господь, а вмѣстѣ съ этимъ они должны были говорить и о томъ, что Онъ творилъ. Они проповѣдывали о царствѣ Божіемъ, основанномъ Спасителемъ, а вмѣстѣ съ этимъ имъ непремѣнно нужно было говорить и о Самомъ Основателѣ,—такъ, какъ Онъ Самъ открывалъ Себя предъ Апостолами и народомъ,—такъ, какъ исповѣдывали Его сами же Апостолы, разбойникъ, распятый на крестѣ, сотникъ и др.,—такъ, какъ свидѣтельствовалъ о Немъ Самъ Отецъ Его небесный на Иорданѣ и на горѣ преображенія. А потому не только самая цѣль Евангелія, но и слушатели устной, и читатели записанной проповѣди о Христѣ, требовали, чтобы Его исторія на первыхъ же порахъ заключала въ себѣ Его божественныя дѣла и, вслѣдствіе того, необходимо отличалась характеромъ божественности.

Но, по теоріи Эвальда, дѣло представляется въ обратномъ смыслѣ: Евангеліе, съ его возвышеннымъ характеромъ, должно было явиться результатомъ постепеннаго развитія и совершенствованія Ев. письменности. Вслѣдствіе прогрессивнаго совершенствованія оной изображеніе высшаго въ Евангеліи является уже послѣ написанія доканоническаго Евангелія отъ Марка (Urmarcus), какъ именно дальнѣйшее развитіе воспоминанія о Евангельскихъ событіяхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что изображеніе возвышеннаго, какъ и всего другаго въ Ев. исторіи, было результатомъ Апостольскаго воспоминанія; но не естественнѣ ли прежде вспомнить самыя важныя и самыя возвышенныя событія изъ жизни Господа и о нихъ именно проповѣдывать и рассказывать въ первоначальной исторіи Его?—

Правда, и по мнѣнію Эвальда, общей возвышенности изображенія, соответствующей внутреннему превосходству (Herrlichkeit) исторіи Христа, и сначала не могло недоставать,—она находится, напримѣръ, во всемъ Еван-

геліи отъ Марка (каноническомъ); но для того, чтобы выдающіяся высоты (hervorragenden Hohen) всей исторіи изложить въ соответствующихъ имъ мѣстахъ и обозначить надлежащими картинами, для этого требовалось счастливое воображеніе и вымысль (уже не воспоминаніе только!),—что свойственно не всякому рассказчику и сочинителю. Такіе опыты въ изображеніи возвышеннаго сначала были въ незначительномъ числѣ и въ немногихъ мѣстахъ Евангелія: только постепенно такія необыкновенныя изображенія проникали далѣе, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, легко теряли свою возвышенность¹⁸²⁾.—Такъ, изображеніе высшаго является уже не какъ дѣйствительное воспоминаніе, а какъ вымысль талантливыхъ рассказчиковъ! Значитъ и все возвышенное, что повсюду находится въ Евангеліи отъ Марка, принадлежитъ также, если не болѣе, талантливымъ Евангелистамъ,—фантазирующимъ историкамъ?... Почему же, однако, такіе талантливые Евангелисты, создавшіе возвышеннѣйшій характеръ Ев. исторіи, примѣръ котораго представляется въ Евангеліи отъ Марка (каноническомъ), не произвели сами всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ, изображеній возвышеннаго, но предоставили окончаніе своего дѣла—именно окончаніе—другимъ? Что было для первыхъ художественныхъ талантовъ препятствіемъ къ самоличному продолженію дѣла и, съ другой стороны, побужденіемъ для другихъ продолжить и окончить дѣло, начатое предшественниками, если это продолженіе состояло только въ полнѣйшемъ раскрытіи уже данныхъ, хотя и краткихъ, изображеній?—Что было побужденіемъ вымышлять картины для Ев. исторіи? Гдѣ окончили свое дѣло одни Евангелисты и начали другіе? когда одни замѣнили другихъ? почему вмѣсто этихъ другихъ нельзя признать самихъ же первыхъ Евангелистовъ, докончившихъ свои работы послѣ нѣкотораго времени? и проч. Всѣхъ этихъ

182) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 147—148.

и подобныхъ неизбежныхъ вопросовъ не рѣшаетъ и не можетъ разрѣшить Эвальдъ; а они устраняютъ предположеніе его объ особенномъ и отдѣльномъ появленіи изображеній выдающихся высотъ,—если такое предположеніе остается чисто теоретическимъ. Вообще, если другіе Евангелисты продолжали дѣло первыхъ, то значить у тѣхъ оно было неудовлетворительно; а это не гармонируетъ съ признаемъ ихъ за талантливыхъ Евангелистовъ. Почему же нельзя, на-оборотъ, представить, что именно краткое изображеніе возвышеннаго явилось послѣ, какъ сокращеніе прежде обширнаго и подробнаго изображенія?—и на это нѣтъ отвѣта въ теоріи. Но уже самая неудовлетворительность краткихъ изображеній возвышеннаго свидѣтельствуешь противъ того предположенія, что они явились прежде болѣе обширныхъ и подробныхъ. Краткость повѣствованія вполне понятна, какъ во всякомъ краткомъ руководствѣ, при существованіи полной исторіи; а полнота изображенія возвышеннаго возможна и при первомъ началѣ воспоминанія Ев. событій, подъ условіемъ свѣжаго и сильнаго впечатлѣнія ихъ. Слѣдовательно, изображеніе возвышеннаго—и въ краткомъ, и въ полномъ его видѣ—слѣдуетъ относить къ первому началу образованія Ев. исторіи.

Единственно чѣмъ сколько нибудь можетъ объясняться по теоріи предполагаемая постепенность въ образованіи возвышеннаго въ Ев. исторіи, это—съ точки зрѣнія самой же теоріи—различная степень трудностей въ изображеніи событій Ев. исторіи вообще и особенно возвышеннѣйшихъ изъ нихъ въ-частности. Въ данномъ отношеніи трудность должна состоять въ томъ, что событія изъ жизни Господа, въ коихъ открывается участіе Неба, труднѣе было изображать, чѣмъ тѣ событія, при которыхъ этого участія не было; такъ какъ небесное вообще недоступнѣе земнаго. Поэтому, изображеніе до неба возвышенныхъ Ев. событій является послѣ изложенія наземныхъ, особенно возвышенныхъ картины небснаго ха-

рактера—послѣ краткихъ эскизовъ. Однако такое разсужденіе есть (а оно непремѣнно выходитъ въ теоріи) въ собственномъ смыслѣ предразсудокъ; потому что теорія предполагаетъ это, не разсматривая самаго дѣла. Въ самомъ дѣлѣ: если Божество (у Эвальда—Небо) проявлялось съ неба, то оно, конечно, было замѣтно, ибо проявлялось,—такъ и настолько было замѣтно, какъ и насколько проявлялось или подлежало наблюденію; слѣдовательно, участіе Неба въ жизни Господа открывалось такъ, какъ оно было замѣтно на землѣ для наблюдателей,—какъ явленіе, наблюдаемое на землѣ, или какъ наземное явленіе. А если въ первое время могли быть воспроизводимы по воспоминанію факты, совершившіеся и наблюдавшіеся на землѣ, то такъ и настолько могли быть воспоминаемы и изображаемы всѣ Ев. событія, въ которыхъ участвовало Небо,—настолько, насколько его участіе было наблюдаемо на землѣ. Если, напримѣръ, ев. Маркъ припомнилъ крещеніе Господа и при этомъ голосъ Отца Небснаго, то и ев. Матѣей могъ припомнить тоже, также или полнѣе,—обширнѣе и подробнѣе или, по крайней мѣрѣ, ев. Маркъ и ев. Матѣей могли одинаково полно припомнить событіе крещенія Господа, но ев. Матѣей могъ изобразить это подробнѣе, нежели Маркъ, какъ и многое другое въ Ев. исторіи; разность могла быть отъ различія дарованій (талантовъ, по Эвальду) самихъ Евангелистовъ, отъ разности въ цѣли, назначенія Евангелий и т. п.

Съ субъективной стороны въ этомъ дѣлѣ еще менѣе могло быть трудностей.—„Мы, говоритъ Эвальдъ, должны при этомъ припомнить, что отдѣльное изображеніе такого рода (т. е. частное изображеніе возвышеннаго) само собою могло быть дано при отдѣльномъ, но необыкновенномъ происшествіи. Въ Евангеліи отъ Марка моментъ смерти Христа обозначается не многими различными картинами, какъ въ соответствующемъ мѣстѣ Евангелія отъ Матѣея (Мр. XV, 37; ср. Мѣ. XXVII, 51—53), но одной краткой, сильной и довольно мѣткой картиной: „тогда

завѣса храма вдругъ раздралась съ верхняго края до нижняго⁴. Это возвышенное, но отдѣльное и краткое изображение обуславливается только особенностію происшествія и могло сохраняться очень долго съ разказами о смерти Христовой^{4 183}). Очевидно, условіе отдѣльнаго изображения особенно возвышеннаго есть необычайность изображаемаго событія. По такой необычайности, событія изъ жизни Господа оставались долго въ памяти наблюдателей и разсказывались при данныхъ для того поводахъ и побужденіяхъ. Но такихъ поводовъ и побужденій было много для запоминанія и воспоминанія всѣхъ другихъ, столь же необычайныхъ, обстоятельствъ, и составленія соотвѣтственныхъ имъ разказовъ. Напримѣръ: еще болѣе чудесно, чѣмъ раздраніе завѣсы храма, было воскресеніе мертвыхъ въ часъ смерти Господа. А эта еще ббольшая чрезвычайность подобныхъ другихъ событій была лучшимъ условіемъ точныхъ разказовъ о нихъ и основаніемъ для изображенія возвышеннаго въ Ев. исторіи—лучшимъ, нежели такихъ событій, какъ раздраніе завѣсы храма. Такъ и даже много лучше обусловленные для воспоминанія обстоятельства изъ жизни Господа и важнѣйшія въ исторіи Его, какъ Богочеловѣка, должны и могли быть изображены прежде, нежели менѣе важныя событія, какъ раздраніе завѣсы храма. Какъ всѣ наблюдатели болѣе чудесныхъ событій, такъ и Апостолы (они даже попреимуществу), должны были скорѣе проповѣдывать и писать о томъ, что Иисусъ Христосъ есть Сынъ Бога Отца, возлюбленный и едиnorodный,—подтверждать это ученіе не вымышленными, а дѣйствительными, самыми важнѣйшими, сверхъ-естественными дѣлами Его жизни. Исполненіе этой первой, прямой, непремѣнной и существенной ихъ обязанности слѣдуетъ признать дѣйствительнымъ на самыхъ первыхъ же порахъ. А потому

183) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 148.

изображеніе особенно выдающихся высотъ должно было находиться въ самыхъ первыхъ опытахъ составленія Ев. исторіи,—скорѣе даже этихъ однихъ, самыхъ возвышенныхъ событій, какъ особенно поразительныхъ, удобнѣе и скорѣе воспоминаемыхъ и существеннѣйшихъ въ дѣлѣ Апостольской проповѣди.

Если изображеніе возвышеннаго въ Ев. исторіи должно быть первою цѣлю исторіи, проповѣди, преданія и воспоминанія Апостоловъ; если воспроизводить возвышенныя событія было легче, потому что они долѣе хранились въ памяти и передавались съ другими разказами,—по необычайности самыхъ событій; то слѣдуетъ, что первые труды по составленію Ев. исторіи должны были содержать такихъ возвышенныхъ событій много и по крайней мѣрѣ столько, сколько ихъ находится въ первыхъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ.

Не указывая цѣли, Эвальдъ представляетъ причину, почему изображенія возвышеннаго явились въ концѣ развитія Ев. письменности.—„Изображеніе особенно возвышеннаго изъ жизни Христовой, по теоріи, возникло только послѣ обзора менѣе выдающихся высотъ всей совокупной Ев. исторіи; подобныя изображенія, по-видимому, не мимоходомъ и не кратко набросаны, но представлены очень опредѣленно, какъ выдающіяся возвышенности цѣлой исторіи“¹⁸⁴). Но если они являлись послѣ обзора всей совокупной Ев. исторіи; то, значить, Ев. исторія явилась прежде безъ нихъ, безъ самыхъ возвышеннѣйшихъ событій или, по крайней мѣрѣ, съ несоотвѣтствующимъ изображеніемъ ихъ. Почему же такъ?—Возвышенное изложено очень опредѣленно; но почему въ данной опредѣленности оно не могло быть въ исторіи при ея первоначальномъ и простомъ составѣ?—неизвѣстно... Если признать, что очень опредѣленное изложеніе возвышеннаго послѣ

184) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 148.

обзора цѣлой Ев. исторіи не заключалось въ самой исторіи при завершеніи перваго процесса ея образованія, а явилось послѣ и въ другихъ трудахъ; то слѣдуетъ, что Ев. исторія, безъ ея особенно выдающихся высотъ, была, во мнѣніи читавшихъ ее, недостаточно до неудовлетворительности съ этой стороны. Почему же, однако, этотъ недостатокъ, потребовавшій скорого удовлетворенія, не ощущался и не устранялся историкомъ-составителемъ цѣлаго Евангелія, заключавашаго въ себѣ возвышенное, но не особенно выдающееся, по выраженію Эвальда, — на примѣръ, ев. Маркомъ? — Этого нельзя объяснить неспособностію автора; потому что и въ Евангеліи отъ Марка встрѣчаются изображенія даже особенно выдающихся высотъ, притомъ вѣрно поставленныя и соотвѣтственно опредѣленныя на своихъ мѣстахъ: такова, на примѣръ, въ Евангеліи отъ Марка картина раздранія завѣсы храма и др. ¹⁸⁵⁾ Нельзя того объяснить неизвѣстностію для автора многихъ событій или ихъ подробностей, потому что рассказы о такихъ событіяхъ долго сохранялись въ памяти наблюдателей ихъ и передавались изъ устъ въ уста новымъ поколѣніямъ долѣе, нежели другіе. Если Ев. событія, которымъ соотвѣтствовали изображенія возвышеннѣйшаго, были по преимуществу чудесны; то слѣдуетъ, что они тѣмъ болѣе могли и должны быть записаны прежде всего въ первой же полной исторіи, обнимающей жизнь Христа съ начала и до конца Его земнаго бытія. Иначе, какъ же Евангелистъ-историкъ могъ не замѣтить, что онъ въ своемъ трудѣ опустилъ самыя выдающіяся событія, — ему, какъ и другимъ, обще-извѣстные факты изъ жизни Господа? — Онъ могъ и долженъ былъ знать то, что долго помнили и разсказывали всѣ, какъ на примѣръ раздраніе завѣсы храма. — Изображеніе возвышеннаго должно было явиться, по мнѣнію Эвальда, послѣ обзора всей Ев. ис-

185) Jahrb d. b. W. 1848. S. 148.

торіи въ ея совокупности. Но такое обзорніе могъ и непременно долженъ былъ сдѣлать самъ же авторъ впервые составленной цѣлой Ев. исторіи и каждый Евангелистъ-историкъ, прямо по написаніи своего труда, при первомъ его пересмотрѣ, какъ и всякій авторъ подобнаго произведенія. Обзоръ всей исторіи, способность замѣтить ея недостатки и восполнить ихъ, — это можно признать за однимъ и тѣмъ же авторомъ цѣлостнаго Ев. труда, за каждымъ Евангелистомъ-историкомъ. Это оправдывается и фактически Евангелиемъ отъ Марка. Въ этомъ Евангеліи есть изображеніе особенно выдающихся высотъ; и хотя въ немъ отдѣльныхъ возвышенныхъ картинъ менѣе, чѣмъ, на примѣръ, въ Евангеліи отъ Матѳея, но существующія равно возвышенны и одинаково распределены на своихъ мѣстахъ. Если же ев. Маркъ помѣстилъ не всѣ или не столько, сколько ев. Матѳей; то это объясняется не тѣмъ, что Евангеліе отъ Матѳея явилось послѣ Евангелія отъ Марка, а тѣмъ, что ев. Маркъ вообще болѣе, нежели ев. Матѳей, сокращаетъ и число, и изложеніе событій, но не умаляя ихъ объективной возвышенности. Если же онъ иногда неполно передаетъ извѣстныя возвышенныя Ев. событія, то это опять объясняется его относительно краткимъ изложеніемъ: онъ и не особенно возвышенныя событія передаетъ столь же кратко, какъ возвышенныя: таковъ общій характеръ его Евангелія.

Если въ Евангеліи, вообще краткомъ, какъ въ Евангеліи отъ Марка, нѣтъ изображенія нѣкоторыхъ возвышенностей, или нѣкоторыя сравнительно менѣе полно изображены, а съ другой стороны — существующія одинаково возвышенны, то естественно, на-оборотъ, что въ болѣе полномъ Евангеліи, какъ Евангеліе отъ Матѳея, такія картины, какъ и все остальное содержаніе, могутъ и должны имѣть относительно большую подробность и обстоятельность. Именно въ такомъ отношеніи Евангеліе отъ Марка находится къ Евангеліямъ отъ Матѳея и Луки. Евангеліе отъ Марка, сравнительно, кратко; но по изоб-

раженію особенно выдающихся высотъ оно одинаково съ Евангеліями отъ Матѳея и Луки: такія изображенія возвышеннаго въ этихъ трехъ каноническихъ Евангеліяхъ совершенно параллельны и распредѣлены соотвѣтственно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ.—Отсюда, Евангеліе отъ Марка есть трудъ самаго перваго времени, но въ немъ есть изображеніе особенно выдающихся высотъ; значитъ, такое изображеніе высотъ было современно появленію Евангелія отъ Марка; иначе,—изображеніе возвышеннаго явилось не послѣ составленія цѣлостныхъ Ев. исторій, но съ ними и въ нихъ. Если же такъ, то и Евангелія отъ Матѳея и Луки, не смотря на ихъ болѣе подробное изображеніе особенно выдающихся высотъ, должны относиться, поэтому, также къ первоначальнымъ трудамъ, какъ и Евангеліе отъ Марка, съ которымъ они различны только по краткости изложения, а не по возвышенности самыхъ высотъ. Но такъ какъ возвышеннѣйшія изображенія въ Евангеліяхъ соотвѣтствовали особенно чудеснымъ событіямъ изъ жизни Господа, которыя по этому своему свойству должны были на-долго остаться въ памяти современниковъ и Евангелистовъ; то слѣдуетъ, что возвышеннѣйшія событія записаны историками—Евангелистами или по ихъ собственному личному воспоминанію, или по преданію отъ очевидцевъ такихъ поразительныхъ возвышеннѣйшихъ событій.

По теоріи, изображеніе возвышеннѣйшихъ событій изъ жизни Господа, въ которыхъ проявлялось участіе Неба, еще не давало полнѣйшаго совершенства Ев. исторіи. При изображеніи возвышенныхъ событій, въ которыхъ проявлялось присутствіе Божества, должно было параллельно слѣдовать изображеніе чрезвычайныхъ дѣйствій темныхъ силъ.—„Вмѣстѣ съ земнымъ теченіемъ исторіи Спасителя всегда одновременно съ ней шло и небесное откровеніе съ его чистыхъ возвышенныхъ сторонъ; но оно можетъ быть представлено и съ его обратной стороны: въ исторіи Христа по необходимости было то, что

съ высшимъ и божественнымъ вступали въ борьбу темныя силы,—злое съ добрымъ, нечистое съ чистымъ; изъ борьбы этихъ противоположностей произошла конечная и полная побѣда божественнаго надъ земнымъ. Сюда относится изображеніе такихъ выдающихся событій изъ Ев. исторіи, главнымъ виновникомъ (Hauptspieler) которыхъ является Сатана. Эти изображенія возвышеннаго съ его обратной стороны должны были находиться при изложеніи трехъ главныхъ моментовъ откровенія Божества (Мр. 1, 10 и д. IX, 2—9. XIV, 28. XVI, 7)⁴ 186). Разумѣется, по теоріи, что и такія изображенія должны были явиться послѣ обзора всей Ев. исторіи, такъ какъ они суть изображенія обратной стороны небесно-возвышеннаго. Но если такъ, то слѣдуетъ, что и эти изображенія обратно-возвышеннаго, какъ и первыя, съ которыми они, по чрезвычайности, однохарактерны и параллельны, должны были существовать при первомъ же составленіи цѣлостной Ев. исторіи. Въ самомъ дѣлѣ,—изображеніе возвышеннаго даже съ его обратной стороны требовалось, конечно, для того, чтобы представить всему міру Христа Спасителя побѣдителемъ всего злаго, Небеснымъ Посланикомъ и Сыномъ Божіимъ. Эта цѣль единственно важная и непремѣнная для всякой Ев. исторіи; а потому и стремленіе къ осуществленію этой цѣли слѣдуетъ относить къ самому первому времени составленія полной Ев. исторіи.

Такъ, изображеніе возвышеннаго въ Ев. исторіи, съ обоихъ его сторонъ, должно было непремѣнно находиться при первоначальномъ составленіи Ев. исторіи по воспоминанію или преданію; а потому и не слѣдуетъ предполагать особую для того творческую дѣятельность, чтобы она удовлетворяла мнимо-особой потребности—изображать возвышеннѣйшее въ Ев. исторіи.

186) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 149.

Предположеніе новой творческой дѣятельности, однако, еще не рѣшительно устраняется тѣмъ, что изображеніе возвышеннѣйшаго въ Ев. исторіи было при самомъ первомъ началѣ ея составленія и по преданію или воспоминанію; потому что къ такому изображенію теорія относитъ еще своего рода поэтической элементъ въ Ев. исторіи,—что предполагаетъ именно новую творческую дѣятельность (художественный талантъ) ¹⁸⁷⁾.

Что же такое это поэтическое въ Ев. исторіи?—это—, большею частію суть опыты, съ цѣлію—дѣйствительныя возвышенности Ев. исторіи, какъ они должны казаться при взглядѣ на нее всю, въ цѣломъ ея составѣ, представить надлежащими,—въ истинно соответствующей возвышенности ея. Гдѣ рѣчь, по особенной высотѣ своего предмета, сильно возвышалась и подходила къ такту стиха, какъ напримѣръ при описаніи момента втораго славнаго пришествія Христова (Мѣ. XXIV, 30): тамъ такое пареніе ненамѣренно принимало поэтической видъ; но по этому оно еще не должно быть относимо къ области собственно поэтическаго, подѣ чѣмъ въ-древности разумѣлось то, что создано дѣйствительно поэтическимъ искусствомъ (т. е. безъ прямаго и точнаго отношенія къ дѣйствительному міру ¹⁸⁸⁾). Если и принять слова Мѣ. XXIV, 30: „тогда явится знаменіе Сына человѣческаго на небѣ: и тогда восплачутся всѣ племена земныя, и увидятъ Сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою“—въ смыслѣ дѣйствительно возвышеннаго изображенія и—только въ этомъ смыслѣ—поэтическими; то еще нѣтъ основанія относить образованіе въ такомъ смыслѣ поэтическихъ Ев. изображеній ко времени послѣ составленія Ев. исторіи въ ея полномъ видѣ; потому что указанныя, по теоріи, слова Мѣ. XXIV, 30 ст.

187) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 151.

188) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 151—152.

суть изреченія Господа; а изреченія Его, по теоріи же, собирались прежде всего другаго. И возможно ли, чтобы слова Самого Спасителя, заключающія изображеніе втораго, славнаго пришествія Его, какъ Судіи живыхъ и мертвыхъ, какъ Господа Иисуса,—эти слова явились послѣ составленія всей исторіи?—Нѣтъ; ихъ нельзя было не помнить—по ихъ возвышеннѣйшему содержанію и поразительной картинности выраженія; ихъ нельзя было не передавать послѣдующимъ членамъ церкви Христовой—по существенности содержанія этихъ словъ въ отношеніи къ ученію вѣры и по конечной важности ихъ въ христіанской нравственной жизни. Запомнить, чтобы послѣ воспроизвести и передать такіа слова, было сравнительно скорѣе, сильнѣе и полнѣе можно, чѣмъ что либо другое, потому что они составляютъ величественную картину, что для воспоминанія вообще легче, нежели отвлеченныя понятія, какія содержатся, напримѣръ, въ Нагорной бесѣдѣ. Не только по содержанію, но и по самой формѣ своей такъ называемыя поэтическія изображенія въ Ев. исторіи должны были относиться къ первымъ Ев. опытамъ: они написаны простою, прозаическою рѣчью, какъ и тѣ; они не требовали особой дѣятельности, творческой, будучи результатомъ простаго воспоминанія изреченій. А для такой только дѣятельности много было способныхъ людей. „Если и дѣйствительная поэзія находится въ Евангеліяхъ, то мы, говоритъ Эвальдъ, должны напередъ признать, что это не иначе могло быть, какъ потому, что въ обществѣ Новаго Завѣта поэзія ожила вновь вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ ожили вновь всѣ лучшія силы и искусство древнихъ, а также—и поэзія“ ¹⁸⁹⁾. Но при такомъ возникновеніи поэзіи въ народѣ еврейскомъ собраніе такъ называемыхъ поэтическихъ изображеній въ Ев. исторіи не должно представлять труднымъ; Ев. рассказы съ поэтическимъ оттѣн-

189) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 152.

комъ, судя по теоріи, могли быть даже самымъ нерѣдкимъ явленіемъ въ то время. Но какъ рано они могли явиться въ исторіи развитія собственно Ев. письменности? — конечно, въ самый ранній періодъ ея. Такъ можно заключать не только по ихъ содержанію, формѣ и по соотвѣтственнымъ тому удобствамъ, но и по тому свидѣтельству, что „для непрославленнаго еще Христа, въ день Его торжественнаго входа въ Иерусалимъ, воспѣвалась радостная пѣснь побѣды, составленная въ народѣ такъ, какъ она соотвѣтствовала тому моменту, именно: „осанна сыну Давидову! Благословенъ грядущій во имя Господне! Осанна въ вышнихъ (Мѣ. XXI, 9 ст.)!“ И эта древняя пѣснь (Urtied) могла быть пѣта съ того дня и позднѣе въ христіанской церкви“¹⁹⁰). Понятно, такая пѣснь, составленная въ народѣ, употреблявшаяся позднѣе въ христіанской церкви, могла быть записана историкомъ-Евангелистомъ въ самое первое время образованія Ев. исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ ее зналъ или могъ легко запомнить, потому что ее знали и пѣли даже дѣти (Мѣ. XXI, 15). А потому, такія, хотя бы и поэтическія, украшенія еще не предполагаютъ для себя особой творческой дѣятельности особыхъ Евангелистовъ въ позднѣйшее время образованія Ев. исторіи; именно такія украшенія и составляютъ то, что, по теоріи, называется изображеніемъ „особенно выдающихся высотъ съ поэтическимъ оттѣнкомъ“. Таковы и всѣ другія подобныя изображенія (Мѣ. XXIV, 30; Мр. IX, 9 и слѣд.; срав. Мѣ. XXI, 9 и Лук. XIX, 38; Лук. I, 46—55; I, 68—79; II, 29—32; II, 14). Всѣ они суть изреченія разныхъ лицъ. Но самое понятіе изреченія даетъ полное право относить ихъ къ одному и тому же первоначальному времени собранія всѣхъ изреченій Христовыхъ. Поэтическія ли были эти изреченія или чисто прозаическія, по этому

190) Ibidem.

нельзя выдѣлять ихъ изъ Собранія изреченій; и самъ Эвальдъ эти, такъ называемые, поэтическіе отрывки неизбѣжно относить къ Собранію изреченій, явившемуся въ раннее время¹⁹¹). Слѣдовательно, дѣятельность занимающаяся, по теоріи, изображеніемъ высотъ Ев. исторіи, отождествляется съ дѣятельностію, не только вообще занимающеюся составленіемъ полной исторіи Спасителя, но и прямо—собраніемъ изреченій. Послѣ этого, дѣйствительно „можно не удивляться, что поэзія принималась для пополненія отрывочныхъ Ев. рассказовъ съ особенной стороны“¹⁹²): только это могло быть въ одномъ процессѣ составленія тѣхъ же рассказовъ о возвышенныхъ событіяхъ, которые составляли содержаніе полной или цѣлостной Ев. исторіи, и при нихъ, а не послѣ; потому что поэзія Евангельская, это—„простое, но весьма достаточное для своей цѣли искусство—такое, какимъ оно могло возродиться въ обществѣ Новаго Завѣта“¹⁹³). И эта возможность даетъ полное право признать не доказаннымъ то положеніе, что „поэзія явилась на послѣдокъ“, хотя такому появленію ея теорія Эвальда указываетъ и надлежащую цѣль.—„На послѣдокъ, говоритъ Эвальдъ, поэзія пришла на помощь—для выраженія тѣхъ возвышенныхъ чувствъ, которыя должны были являться при историческомъ воспоминаніи,—чтобы эти чувства выразить и передать въ ихъ непосредственной живости и при томъ въ соотвѣтственно-краткихъ или длинныхъ пѣсняхъ“¹⁹⁴). Здѣсь обѣ мысли несправедливы, и та, что поэзія явилась на послѣдокъ, и та, что она явилась на помощь возвышеннымъ чувствамъ при историческомъ воспоминаніи, или, какъ разумѣется по теоріи, при обзорѣ

191) D. drei ersten Evangelien. S. 46, 47, 48 u. a.

192) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 153.

193) Ibidem.

194) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 153.

всей совокупной Ев. истории. Къ дѣлу идетъ собственно та мысль, что поэзія явилась напоследокъ: Эвальдъ это и старался доказать. Но эта, недоказанная имъ, мысль становится вполне несправедливою въ связи съ другою мыслию, что поэзія явилась на помощь—для выраженія чувствъ; потому что если она требовалась для выраженія чувствъ, то эти чувства были въ самое первое время воспоминанія и также, если не болѣе, требовали для себя удовлетворительнаго выраженія; слѣдовательно, поэзія, какъ она проявилась напоследокъ, собственно и правильно говоря, должна была, по той же своей цѣли, существовать въ начальныхъ опытахъ образованія Ев. истории. Мысль о раннемъ возникновеніи въ Ев. истории такъ называемыхъ поэтическихъ изображеній противорѣчитъ тому мнѣнію Эвальда, что „все силы и дѣятельности, направленные къ собиранію какъ и изложенію истинъ Евангельской истории, подъ-конецъ должны были возбуждаться и совмѣстно дѣйствовать съ тою цѣлію, чтобы полнѣе удовлетворить здѣсь подлежащей имъ задачѣ“¹⁹⁵⁾. Почему же именно—подъ-конецъ?—Теорія, допуская съ одной стороны, что силы должны были дѣйствовать отдѣльно, заставляя, съ другой, дѣйствовать ихъ еще вмѣстѣ, и это—для поэтическихъ изображеній въ Ев. истории. Но если эти силы дѣйствовали прежде отдѣльно, то нѣтъ нужды предполагать совмѣстной дѣятельности ихъ, чтобы объяснить появленіе поэзіи въ Евангеліяхъ даже и на первыхъ порахъ. А если они дѣйствовали потѣмъ совмѣстно, то какое было участіе каждой силы въ поэтическомъ изображеніи Ев. истории? почему отдѣльная сила не могла дѣйствовать самостоятельно и удовлетворительно для цѣли общей дѣятельности? Почему же и совмѣстная дѣятельность такихъ силъ не могла явиться и развиваться на первыхъ порахъ составленія Евангелій?—неизвѣстно...

195) Jahrb. d. b. W. 1848. S. 153.

Если мыслимо участіе каждой такой силы въ изображеніи поэтическаго; то, конечно, всегда можно и должно признать за каждой содѣйствующей или взаимодѣйствующей силой возможность дѣйствовать и отдѣльно, индивидуально. А когда собственно и отдѣльно могла дѣйствовать и дѣйствовала извѣстная индивидуальная сила (талантъ), это, говоря по теоріи, должно было опредѣляться потребностями времени или настроеніемъ общества. Но религиозное одушевленіе новозавѣтнаго общества было сильно при жизни еще и непрославленнаго Господа, — и тогда народъ воспѣвалъ Ему побѣдную пѣснь: „осанна“!.. Слѣдовательно, еще при жизни Господа такъ называемая поэзія являлась выраженіемъ чувствъ Еврейскаго народа; тѣмъ болѣе она могла быть въ первыхъ же опытахъ историческаго Апостольскаго воспоминанія о Христѣ послѣ Его смерти. Сомнѣніе касательно этого можетъ опираться только еще на томъ, что самый предметъ поэтическаго изображенія могъ быть труденъ и потому такое изображеніе его требовало приготовительныхъ занятій и особой дѣятельности,—чѣмъ отдалялось появленіе такъ называемой поэзіи въ Ев. истории. Но такъ можно разсуждать только относительно оригинальнаго творчества, а дѣломъ Евангелистовъ было—вспомнить или по преданію записать то, что сказано и какъ выражено было Иисусомъ Христомъ и другими. Вообще, Ев. история безъ поэзіи или могла быть или не могла—въ раннее время ея образованія: она не могла быть, если не было поэтически-талантливыхъ Евангелистовъ, и могла быть, если были такіе люди. Такіе талантливые люди дѣйствительно были при оживленіи древняго поэтическаго творчества въ томъ же обществѣ Новаго Завѣта. Поэзія не могла бы явиться рано въ Ев. истории только при томъ условіи, если бы предметъ самой истории былъ менѣе труденъ, чѣмъ предметъ поэзіи; но этого не было. „Поэзія, по сознанію Эвальда, выражала только такія истины и мысли, которыя довольно сильно еще прежде вращались въ новоза-

вѣтномъ христіанскомъ обществѣ, получивъ въ самой Ев. исторіи свое конечное поощреніе (Anregung) ¹⁹⁶⁾. Такая общедоступность поэтическаго содержанія Ев. исторіи не побуждаетъ предполагать особой способности—чтобы внести поэзію въ исторію, если эта требовала той; а исторія требовала при собраніи изреченій вносить и такъ называемые поэтическіе отрывки. То же дѣлаетъ и самъ Эвальдъ, внося ихъ въ составленное имъ Собраніе изреченій—произведеніе историческое и, по его мнѣнію, первоначальное по времени составленія ¹⁹⁷⁾.

Слѣдовательно, такъ называемыя поэтическія изображенія въ Ев. исторіи не должно относить къ позднѣйшему времени, какъ и изображенія особенно выдающихся высотъ оной: то и другое должно было находиться въ самыхъ первыхъ устныхъ и письменныхъ произведеніяхъ по Ев. исторіи.

Отсюда изображеніе высотъ въ Ев. исторіи, съ ихъ поэтическимъ оттѣнкомъ, составленіе полной исторіи въ видѣ, напримѣръ, каноническаго Евангелія отъ Марка, собраніе рассказовъ и изреченій—все это могло быть въ одно и то же первоначальное время, или хотя и въ разное время, но не преемственно и послѣдовательно,—появленіе одного не обусловливалось непременно предварительнымъ существованіемъ другаго. А съ отсутствіемъ такой преемственной послѣдовательности образованія сначала изреченій, потомъ отдѣльныхъ рассказовъ и т. д., оно остается простымъ изложеніемъ исторіи—по воспоминанію или преданію. Поэтому вполне несправедливо мнѣніе Эвальда, основанное на невозможности одновременнаго появленія рассказовъ и рѣчей Спасителя въ видѣ одного полнаго Евангелія, какъ, напримѣръ, канониче-

196) Jahrb. d. b. W. 1848 S. 154.

197) D. drei ersten Evangelien: Mitth. XXIV, 30 u. s. w.

скаго Евангелія отъ Марка или Матѳея, или Луки. Наоборотъ, вполне справедливо то положеніе, что каждое изъ трехъ первыхъ каноническихъ Евангелій могло явиться прямо, въ его настоящемъ видѣ, непосредственно изъ устнаго преданія, не слагаясь постепенно изъ послѣдовательно-образующихся составныхъ частей его: изреченій, отдѣльныхъ рассказовъ и п. т., но прямо и непосредственно совмѣщая въ себѣ рассказы и рѣчи,—по воспоминанію или преданію.

Такъ, для объясненія происхожденія синоптическихъ Евангелій остается справедливо указанный, но неправильно развиваемый Эвальдомъ, только одинъ принципъ устнаго Апостольскаго преданія или воспоминанія.

Настоящій результатъ предшествующаго разбора теоріи Эвальда можно теперь силлогистически выразить въ общемъ видѣ такъ:

Если такъ называемая поэтическая сторона въ Евангеліяхъ есть тоже, что изображеніе особенно выдающихся въ нихъ высотъ—для составителей-Евангелистовъ; если изображеніе высотъ современно простому повѣствовательному изложенію Ев. исторіи въ полномъ ея объемѣ; если образованіе полной исторіи Христа (Евангеліе отъ Марка и под.) современно образованію отдѣльныхъ и связанныхъ Ев. рассказовъ; если составленіе рассказовъ современно собранію изреченій Христа; если образованіе рассказовъ и собраніе изреченій чужды искусственной группировки и естественны по своему непосредственному возникновенію или изъ воспоминанія, или изъ устнаго преданія Апостоловъ: то слѣдуетъ заключить, что образованіе всѣхъ Евангельскихъ рѣчей и рассказовъ или, что-тоже, цѣлостной Евангельской исторіи, въ настоящемъ ея видѣ, какъ каждое изъ трехъ синоптическихъ Евангелій,—вопреки теоріи Эвальда—могло возникнуть, развиваться и завершиться при одномъ источникѣ устнаго Апостольскаго преданія и предшествующаго ему или съ нимъ со-

вмѣстнаго воспоминанія. Вообще, теорія Эвальда не представляетъ строго-научныхъ основаній того своего положенія, что до появленія письменныхъ каноническихъ Евангелій существовала еще письменная Евангельская литература въ разнообразномъ ея видѣ,—что эта литература, въ количествѣ нѣсколькихъ книгъ, послужила источникомъ и для синоптическихъ Евангелій. Напротивъ, теорія Эвальда скорее убѣждаетъ въ томъ, что Ев. исторія, въ такомъ видѣ, какъ каждое изъ каноническихъ Евангелій, представляетъ собою письменное изложеніе только устнаго преданія, безъ посредствующихъ письменныхъ источниковъ.

Такъ дознанная и такая возможность образованія и составленія первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій непосредственно изъ устнаго преданія и воспоминанія прямо устраняетъ всѣ предположенія на счетъ преодоленія трудностей, представленныхъ въ теоріи, и главное—то, что существовали, для устранения ихъ, особыя, кромѣ Двѣнадцати, дѣятели—Евангелисты, усердными трудами которыхъ преодолевались всѣ трудности образованія и составленія устной и письменной Ев. исторіи.

VII.

Предполагаемое по теоріи Эвальда, постепенное и многостороннее развитіе Ев. письменности обуславливалось трудностями воспоминанія событій Ев. исторіи. Но всякая объективная трудность ограничивается въ значительной мѣрѣ свойствами трудящагося лица. А потому,

соотвѣтственно предполагаемымъ трудностямъ, Эвальдъ представляетъ и лицъ трудящихся, такъ называемыхъ первоначальныхъ Евангелистовъ. Кто же они были и какъ для нихъ было возможно и удобно составленіе Ев. исторіи?—

„Если образованіе Евангельскихъ рассказовъ на дѣлѣ было столь трудно и если оно должно было всю свою задачу выполнить совершенно, если оно требовало столь различныхъ способностей, и до своего конечнаго завершенія должно было пройти столько различныхъ степеней (Stufen), какъ все это выше указано и представлено наглядно (?) въ нѣкоторыхъ большихъ примѣрахъ; то мы, говорить Эвальдъ, не должны удивляться, что скоро возникъ (sich erhob) особый родъ людей, которые преимущественнымъ дѣломъ (Geschäft) своей жизни поставляли то, чтобы по возможности вѣрно и обильно собирать, образовывать, сохранять и распространять Ев. рассказы. Мы можемъ еще и теперь довольно опредѣленно показать существованіе и дѣятельность такого рода людей въ первенствующемъ христіанствѣ. Это первоначальные Евангелисты, безъ предварительнаго появленія которыхъ не могли бы явиться и существовать позднѣйшіе, собственно такъ называемые, т. е. каноническіе, Евангелисты¹⁹⁸⁾. Это предположеніе даетъ основаніе и право разсматривать существованіе такихъ Евангелистовъ, какъ историческій фактъ. Но дѣйствительно ли были такіе именно Евангелисты, какъ лица историческія?—По теоріи, они занимались образованіемъ, сохраненіемъ и распространеніемъ Ев. рассказовъ; такъ ли это по свидѣтельству исторіи первенствующаго христіанства?—

„Двѣнадцать (Апостоловъ), говорить Эвальдъ, были первыми и дѣятельнѣйшими Евангелистами въ самомъ началѣ Апостольскаго вѣка; такъ какъ они заключали

198) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 180.

(*zusammenschlossen*) въ себѣ всѣ силы и дѣятельности общества; и нѣкоторые изъ нихъ особенно должны были составить свое изложеніе жизни Іисуса по всегда главнымъ источникамъ воспоминанія о Немъ. Впрочемъ, скоро должно было оказаться, что желаніе и искусство собрать историческія воспоминанія и передать ихъ въ полнотѣ—дѣло не всякаго; и къ тому же еще Двѣнадцать (Апостоловъ) стали скоро самыми высшими руководителями (*Leiter*) великаго, постоянно возрастающаго и далѣе распространяющагося, движенія¹⁹⁹⁾. Очевидно, если Эвальдъ признаетъ, что Двѣнадцать Апостоловъ были самыми авторитетными Евангелистами, какъ первоисточники для всѣхъ, то этимъ, по крайней мѣрѣ, устраняется авторитетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограничивается и дѣятельность другихъ Евангелистовъ.—„Двѣнадцать (Апостоловъ) и особенно нѣкоторые изъ нихъ понимали всю полноту свѣдѣній о жизни Господа настолько, насколько могли ее понимать люди; но, говоритъ Эвальдъ, собираніе и пересказываніе Ев. воспоминаній менѣе всего было обыкновеннымъ ихъ дѣломъ. Отсюда, какъ все въ первенствующей церкви въ теченіи немногихъ лѣтъ столь дивно развивалось, раздѣлялось на части, членилось и снова вмѣстѣ объединялось,—какъ въ весьма раннее время въ Матери-церкви обособились семь діаконовъ (*Gemeinderpfleger*) (Дѣян. VI, 1—6), а потомъ старѣйшіе изъ нихъ, какъ предстоятели этого отдѣльнаго общества, оставались при Двѣнадцати (Дѣян. XI, 30. XV, 2. 4. 6. 22...): такъ же (?) возникли скоро и особые Евангелисты“²⁰⁰⁾.

Возникновеніе Евангелистовъ представляется дѣйствительнымъ историческимъ фактомъ; но въ исторіи Апостольскаго вѣка ничего неизвѣстно о такихъ Евангелистахъ, какіе предполагаетъ Эвальдъ. Дѣйствительно было

члененіе и разнаго рода назначеніе въ первенствующей церкви, но никто изъ ея членовъ не назначался прямо именно въ Евангелисты,—путешествовать по разнымъ мѣстамъ Палестины съ цѣлю собирать рассказы о жизни Іисуса Христа. Въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ такъ передается рассказъ объ избраніи семи діаконовъ: „тогда двѣнадцать Апостоловъ, созвавъ множество учениковъ, сказали: не хорошо намъ, оставивъ слово Божіе, пещись о столахъ. И такъ, братія, выберите изъ среды себя семь человѣкъ извѣданныхъ, исполненныхъ Святаго Духа и мудрости; ихъ поставимъ на сію службу. А мы постоянно пребудемъ въ молитвѣ и служеніи слова (VI, 2—4)“²⁰¹⁾. Только такъ и только семь діаконовъ были избраны для служенія трапезамъ,—съ тѣмъ, чтобы только Двѣнадцать Апостоловъ оставались именно служителями слова; а другихъ еще Евангелистовъ,—„служителей слова“ не было избрано.

Принимая во вниманіе авторитетъ Двѣнадцати Апостоловъ, не слѣдуетъ даже и предполагать особаго назначенія Евангелистовъ—„собирателей, хранителей и распространителей Ев. рассказовъ“. И кто бы на первыхъ порахъ могъ быть настоящимъ Евангелистомъ, кромѣ кого-либо изъ Двѣнадцати Апостоловъ? По Эвальду—кто „свое главное призваніе (*Hauptberuf*) находилъ въ томъ, чтобы прилежно собирать матерію исторіи Іисуса и Его времени, а преимущественно слова Христа, и сообщать другимъ, тотъ назывался Евангелистомъ“²⁰²⁾. Но что за призваніе собирать матерію Евангельской исторіи? что за призваніе передавать ее другимъ? въ комъ еще должно предполагать такое призваніе, если только Двѣнадцать Апостоловъ, по мнѣнію Эвальда, были первыми и дѣятельнѣйшими Евангелистами въ самомъ началѣ Апо-

199) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 181.

200) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 181.

201) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 181.

202) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 181.

стольскаго вѣка?—какъ могъ кто-либо иной выполнить такую задачу, если и Двѣнадцать Апостоловъ встрѣчали въ этомъ дѣлѣ великія и многія трудности?— „Легко понять, что такой Евангелистъ (т. е. обыкновенный членъ первенствующей христіанской церкви,—не Апостолъ изъ числа Двѣнадцати), по словамъ Эвальда, долженъ былъ предпринимать очень много путешествій, чтобы собрать матерію Ев. исторіи на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она впервые явилась, и чтобы о всемъ, что отъ него спрашивалось, давать надлежащія свѣдѣнія: его дѣломъ (Geschäft) или, такъ сказать, его призваніемъ, было первоначально такое же занятіе, какое и вообще было дѣломъ посланнаго отъ Двѣнадцати (Апостоловъ),—дѣломъ уполномоченнаго благовѣстника или же какъ нѣкоего пророка (Дѣян. XI, 27 и сл. XXI, 10 и др. ср. Евр. II, 1. 3. XIII, 7)“.²⁰³⁾

„Если былъ Евангелистъ, то онъ совершалъ очень много путешествій“... но—для чего, когда Двѣнадцать Апостоловъ были первыми и дѣятельнѣйшими Евангелистами?—когда они заключали въ себѣ всѣ дѣятельности и силы общества?—когда они были главнымъ источникомъ воспоминаній о Спасителѣ?—Если бы составленіе исторіи и не было ихъ обыкновеннымъ дѣломъ, то они могли быть источниками для другихъ Евангелистовъ, которымъ уже не нужно и не должно было бы путешествовать. Предполагаемые Евангелисты „путешествовали“; но—для чего?—чтобы на мѣстѣ событія получить рассказъ о немъ. А чрезъ это сообщался ли болѣйшій авторитетъ ихъ рассказу?—Нѣтъ,—и на мѣстѣ событія, о немъ можно было знать отъ очевидцевъ—слышателей такъ же, если не менѣе, вѣрно, какъ и отъ Апостоловъ.—Ужели предполагаемые Евангелисты должны были путешествовать для того, чтобы собирать какъ можно болѣе свѣдѣній о жизни и дѣятельности Иисуса Христа?—нѣтъ,—неавторизованное множе-

203) Jahrb. d. W. 1849. S. 181—182.

ство свѣдѣній ничтожно по своему значенію; а конечно не могло быть авторизовано то, чего не знали сами Двѣнадцать Апостоловъ, какъ ближайшіе Ученики и всегдашніе, постоянные спутники Господа.

Если предположеніе первоначальныхъ Евангелистовъ теоретически становится излишнимъ; то исторически оно представляется неосновательнымъ.—Откуда видно, что дѣйствительно было желаніе путешествовать и собирать Ев. рассказы не только у Двѣнадцати Апостоловъ, но и у другихъ лицъ, и—что эти лица были именно служителями слова въ первое время Апостольскаго вѣка?—Если въ Св. писаніи Новаго Завѣта говорится, напримѣръ, о пророкахъ Апостольскаго времени, къ которымъ Эвальдъ приравниваетъ предполагаемыхъ имъ Евангелистовъ, то тамъ прямо говорится и о дѣятельности ихъ. Напримѣръ, Книга Дѣяній Апостольскихъ повѣствуетъ: „въ тѣ дни пришли изъ Іерусалима въ Антиохію пророки. И одинъ изъ нихъ, по имени Агавъ, вставъ, предвозвѣстилъ Духомъ, что по всей вселенной будетъ великій голодъ, который и былъ при Кесарѣ Клавдіи (XI, 27—28)“.

Или еще: „пришелъ изъ Іудеи нѣкто пророкъ, именемъ Агавъ; и вошедши къ намъ, взявъ поясъ Павловъ, и связавъ себѣ руки и ноги, сказалъ: такъ говоритъ Духъ Святой: мужа, чей этотъ поясъ, такъ свяжутъ во Іерусалимѣ Іудеи, и предадутъ въ руки язычниковъ (XXI, 10—11)“.

Много менѣе, нежели это свидѣтельство, говорить въ пользу теоріи то наставленіе Апостола Павла, на которое ссылается Эвальдъ: „поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе... (Евр. XIII, 7)“²⁰⁴⁾. Здѣсь весьма трудно видѣть прямое свидѣтельство о существованіи Евангелистовъ, путешествовавшихъ по Палестинѣ и собиравшихъ воспоминанія о Христѣ. Въ этомъ Апостольскомъ наставленіи дѣйстви-

204) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182. Anmerkung erst.

тельно говорится о проповѣдывавшихъ слово Божіе, но такихъ лицахъ, которыя въ то же время были наставниками или руководителями (*ηγουμενον*), а не собирателями рассказовъ о Христѣ. Эти наставники были такими же Апостолами, какъ св. Павелъ (ср. Евр. XIII, 7 и 17. 18). Слѣдовательно, существованіе предполагаемыхъ Эвальдомъ Евангелистовъ остается еще только въ возможности: между тѣмъ въ теоріи существованіе такихъ Евангелистовъ представляется историческимъ фактомъ. Гдѣ же фактъ?—его нѣтъ, а потому, если Эвальдъ и говоритъ категорически: возникли Евангелисты, совершали много путешествій, и т. д.; то все это недостаточно основанныя предположенія, неимѣющія значенія научныхъ положеній. Отсюда понятно и то, что такія предположенія легко опровергаются сами собой.—„Мы, говоритъ Эвальдъ, не очень много знаемъ опредѣленное время, когда впервые появились такіе Евангелисты; но въ тѣ времена, когда Матерь-церковь, послѣ побіенія камнями Стефана, впервые распространилась столь сильно въ разныхъ странахъ, когда Ап. Павелъ и многіе другіе новые посланники-вѣстники возвысились и скоро достигли столь великихъ послѣдствій своей дѣятельности, тогда могли возникнуть и Евангелисты“²⁰⁵). Однако,—только могли, а не дѣйствительно были. Эвальдъ представляя эту возможность, замѣняетъ ее потомъ дѣйствительностію.—„Первымъ примѣромъ такихъ Евангелистовъ, говоритъ онъ, былъ Ап. Филиппъ, сначала одинъ изъ семи діаконовъ въ Иерусалимѣ, а потомъ ставшій Евангелистомъ (Дѣян. XXI, 8; VІІІ, 4—40; Лук. X, 1—17; Дѣян. I, 21“²⁰⁶).

Евангелисты дѣйствительно были; но ихъ служеніе состояло не въ томъ, въ чемъ предполагаетъ Эвальдъ. Ап. Филиппъ былъ благовѣстникомъ, но былъ ли онъ Еванге-

листомъ въ смыслѣ Эвальда и при томъ первымъ въ своемъ родѣ?—нѣтъ и нѣтъ. Гдѣ же оправданіе предположеній о дѣйствительно-историческомъ существованіи первоначальныхъ Евангелистовъ?—Рѣшительно произвольно Эвальдъ признаетъ Ап. Филиппа первымъ Евангелистомъ,---только потому, что онъ упоминается впервые, какъ благовѣстникъ: это первое упоминаніе не указываетъ на него, какъ перваго Евангелиста, ничего не говоритъ о путешествіяхъ его для собиранія матеріи Ев. исторіи и составленія рассказовъ о Христѣ; здѣсь не видно, что Ап. Филиппъ первый началъ составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ Апостоламъ вещахъ, и пр. Еще болѣе остается сомнѣнія въ томъ, что Ап. Филиппъ составлялъ (*επιχειρησας αναταξασθαι*) Ев. повѣствованія. Въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (XXI гл. ст. 8 и д.) сказано: „Павелъ и мы, бывшіе съ нимъ, вышедши, пришли въ Кесарію и, вшедши въ домъ Филиппа, благовѣстника, одного изъ семи діаконовъ, остались у него“. Все основаніе для мнѣнія Эвальда содержится въ словѣ „благовѣстникъ“; но прямой и точный смыслъ этого слова простъ и понятенъ. Филиппъ благовѣствовалъ или проповѣдывалъ Евангеліе и только; а по теоріи Эвальда, Евангелистъ долженъ быть путешествующимъ собирателемъ, хранителемъ и распространителемъ исторіи Спасителя. Очевидно, въ этомъ смыслѣ Ап. Филиппъ не можетъ быть признанъ Евангелистомъ. Онъ долженъ быть признанъ примѣромъ Евангелиста, но только въ смыслѣ провозвѣстника Евангелія. Думать такъ, что если Ап. Филиппъ названъ „благовѣстникомъ“, то онъ есть Евангелистъ—собиратель и составитель Ев. повѣствованій,—нельзя: это—*circulus in demonstrando*. Именно, въ первенствующей христіанской церкви были Евангелисты путешественники, собиратели, хранители, провозвѣстники и распространители Ев. повѣствованій: это подтверждается примѣромъ Ап. Филиппа; а что онъ былъ такимъ Евангелистомъ, это видно изъ самаго названія его благовѣст-

205) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182.

206) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182.

никомъ (Ευαγγελιστος). Здѣсь теорія подтверждаетъ значеніе примѣра, а примѣръ подтверждаетъ положеніе теоріи... Это не доказательство!—

Вообще, Евангелистами въ обширномъ смыслѣ могли называться всѣ тѣ лица, которыя возвѣщали о жизни и ученіи Спасителя, а по преимуществу тѣ, кому повелѣвалось возвѣщать о Немъ, но только и непосредственно возвѣщать, а не путешествовать для предварительнаго собиранія Ев. повѣствованій о Немъ, и пр. Такъ было повелѣно возвѣщать Евангеліе о Христѣ и Ап. Филиппу. Слѣдовательно, историческій фактъ, какъ такой, точно содержитъ только то, что Ап. Филиппъ благовѣствовалъ по порученію и назначенію отъ Двѣнадцати Апостоловъ или отъ Духа Святаго; но не путешествовалъ въ качествѣ собирателя сказаній о Христѣ. Такъ же и въ VIII-й главѣ, 4—40 ст. Книга Дѣяній Апостольскихъ только и прямо повѣствуетъ: „разсѣявшіеся ходили и благовѣствовали слово. Такъ Филиппъ пришелъ въ городъ Самарійскій, и проповѣдывалъ имъ Христа. Народъ единодушно внималъ тому, что говорилъ Филиппъ, (ст. 4, 5, 6)... Но, когда повѣрили Филиппу, благовѣствующему о царствіи Божіемъ и о имени Иисуса Христа: то крестились и мужчины и женщины (ст. 12)... Филиппъ отверзъ уста свои и, начавъ отъ сего Писанія (т. е. книги пророка Исаи), благовѣствовалъ ему (каженнику) объ Иисусѣ (ст. 35)... Филиппъ оказался въ Азотъ: и, проходя, благовѣствовалъ всѣмъ городамъ, пока пришелъ въ Кесарію (40 ст.)“. Изъ этихъ свидѣтельствъ видно, что Ап. Филиппъ благовѣствовалъ о Христѣ съ цѣлію крестить потѣмъ вѣрующіхъ во имя Его, при своей проповѣди онъ толковалъ пророчества, относящіяся ко Христу, и—только. По этому и только въ такомъ смыслѣ онъ названъ „благовѣстникомъ“.

Ап. Филиппъ былъ, по мнѣнію Эвальда, первымъ Евангелистомъ, значить,—изъ числа многихъ или нѣсколькихъ. Кто же были эти нѣсколькіе и были ли?—

„Многіе, говоритъ онъ, которыхъ Ев. Лука причисляетъ къ ученикамъ Христа, избраннымъ послѣ Двѣнадцати Апостоловъ (Лук. X, 1—17; Дѣян. I, 21 и сл.); они и могли быть Евангелистами“²⁰⁷). Слѣдовательно, Ап. Филиппъ опять былъ первымъ изъ могущихъ быть многихъ Евангелистовъ. Но были ли эти многіе на самомъ дѣлѣ такими, какъ Ап. Филиппъ,—Евангелистами въ смыслѣ Эвальда?—Ев. Лука говоритъ: „избралъ Господь и другихъ семьдесятъ учениковъ; и послалъ ихъ по два предъ лицемъ своимъ во всякій городъ и мѣсто, куда Самъ хотѣлъ идти (Лук. X, 1—17)“.—Для чего избралъ?—говоритъ, какъ заповѣдалъ Спаситель: „миръ дому сему“... исцѣлять больныхъ... говоритъ: „приблизилось царствіе Божіе“... и т. п. Слѣдовательно и семьдесятъ учениковъ отнюдь не были собирателями рассказовъ, а только, по заповѣди Спасителя, должны быть (ст. 1—17) и дѣйствительно были (ст. 18 и сл.) проповѣдниками царствія Божія. Они могли быть, но неизвѣстно, дѣйствительно ли были такими Евангелистами, какихъ старается указать Эвальдъ. Они могли быть, но не всѣ, а кто именно и почему—неизвѣстно.—Еще менѣе, чѣмъ свидѣтельствомъ Ев. Луки: X, 1—17, оправдывается мнѣніе Эвальда словами Книги Дѣяній Апостольскихъ: I, 21 ст. Здѣсь Апостольскій Петръ говоритъ: „и такъ надобно, чтобы одинъ изъ тѣхъ, которые находились съ нами во все время, когда пребывалъ и обращался съ нами Господь Иисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ насъ, былъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелемъ воскресенія Его... И выпалъ жребій, повѣствуетъ далѣе дѣписатель, Матѣю, и онъ сопричисленъ къ одиннадцати Апостоламъ (ст. 21—26)“. Ясно, что избранъ только одинъ изъ многихъ—Матѣей,—изъ числа находившихся съ Апостолами мужей-свидѣтелей жизни Иисуса

207) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182. Ammerkung zw.

отъ крещенія до вознесенія Его. Онъ былъ избранъ во свидѣтели воскресенія и въ число Двѣнадцати Апостоловъ. Отсюда очевидно, что Ап. Матѳеѣй до своего избранія не былъ собирателемъ, составителемъ, хранителемъ и распространителемъ Ев. исторіи, потому что онъ еще не былъ служителемъ слова. Онъ теперь сталъ Евангелистомъ по избранію его въ число Двѣнадцати Апостоловъ, но такимъ служителемъ слова, какими были сами Апостолы, а не такимъ, какимъ представляетъ его Эвальдъ (ср. Дѣян. VI, 1—6). Апостолы избрали во свидѣтели о Христѣ только одного Матѳея, который былъ, какъ и они сами, очевидцемъ всей жизни Господа; это было сдѣлано такъ по важности самаго Апостольскаго назначенія. Двѣнадцать Апостоловъ только за собою, какъ за очевидцами всей жизни Господа, оставили служеніе слову (т. е. Евангелію), а не за многими (Дѣян. VI, 1—6), сознавая, что не всѣ такъ точно знаютъ и могутъ проповѣдывать слово спасенія о Христѣ: другіе, многіе ученики Христовы были ихъ сотрудниками, но подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ. А потому нѣтъ основанія предполагать, что въ послѣдствіи явились и многіе Евангелисты кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ. „Чѣмъ далѣе распространялось христіанство, говоритъ Эвальдъ, и чѣмъ тверже полагалось его основаніе сильною рукою великаго Апостола (Павла) на многихъ главныхъ мѣстахъ, тѣмъ необходимѣе была вспомошествовавшая дѣятельность этихъ Евангелистовъ: мы, продолжаетъ Эвальдъ, видимъ къ концу Апостольскаго времени особо стоящихъ между Апостолами и пророками нѣкоторыхъ учителей отдѣльныхъ обществъ (христіанскихъ) съ очень опредѣленнымъ названіемъ: Евр. IV, 11; 2 Тимое. IV, 5“²⁰⁸). Правда, здѣсь указываются Евангелисты, какъ лица особыя, но здѣсь не видно, чтобы эти Евангелисты были собирате-

208) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182.

лями, хранителями и распространителями Евангелія—въ томъ смыслѣ, какъ полагаетъ Эвальдъ: не видно, чтобы эти Евангелисты специально трудились надъ постепеннымъ образованіемъ Ев. исторіи, преодолевая всѣ, неизбежныя для нихъ, трудности—не зависимо отъ Двѣнадцати Апостоловъ. Здѣсь указывается только, что Иисусъ Христосъ „поставилъ однихъ Апостолами, другихъ пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова“.—Для этой именно цѣли между прочими Спаситель поставилъ нѣкоторыхъ и Евангелистами,—благовѣстниками и только²⁰⁹). Это были не писатели, а проповѣдники Евангелія,—имъ принадлежитъ устная проповѣдь уже извѣстной имъ Ев. исторіи,—конечно отъ Апостоловъ, какъ служителей Слова. Для чего, кромѣ проповѣдниковъ Евангелія, должны были существовать путешествующіе Евангелисты,—только собирать свѣдѣнія о Христѣ? или—для помощи распространителямъ христіанства?—но и безъ ихъ помощи основаніе уже было твердо положено на многихъ главныхъ мѣстахъ сильною рукою такихъ Апостоловъ, какъ, напримѣръ, св. Павелъ. Что вспомошательнаго можно и должно было ожидать отъ повсемѣстнаго собранія, многочисленнаго и многообраз-

209) Eph. IV, 11. Die *Εραγγελισται* sind solche Lehrer, die umherreisend zur weitem Verbreitung des Evangeliums wirkten, wie schon Theodoret richtig erklärt *οι περιουτες εκηρυττων* (Vergl. Evseb. H. E. III. 37. V, 10). Dagegen sind die *ποιμενες* und *διδασκαλοι* solche Lehrer, die an einer Gemeinde fest angestellt sind. Vergl. I. Kor. XII, 28. Dr. Olshausens: *Bibl. Commentar*. 4 Band. S. 237. Königsb. 1840.—*Εραγγελιστας*, welche *περιουτες εκηρυττων*, Theodoret. Gehülfs—Missionär der Apostel. S. Act. 21, 8.—W. Meyers: *Kommentar*. Acht. Abtheil. S. 177. Gött. 1859.

личнаго составленія Ев. исторіи, если эта исторія была извѣстна Апостоламъ и чрезъ нихъ стала уже извѣстною въ основанныхъ ими церквахъ? При Апостольской проповѣди скорѣе необходимо не должны быть такіе Евангелисты—путешественники и собиратели; потому что и безъ нихъ вѣра Христова распространялась и утверждалась; потому что чрезъ нихъ, безъ воли Апостоловъ, не могло быть ни того, ни другаго; потому что только при авторитетѣ самихъ Апостоловъ имѣла свое значеніе и проповѣдь ихъ посланниковъ или сотрудинокъ. Какая же была бы цѣль собирать рассказы о Христѣ, независимо отъ Апостольской проповѣди и передавать ихъ другимъ независимо отъ Апостольскаго авторитета,—какъ предполагаетъ теорія Эвальда?—никакая. Это тѣмъ болѣе справедливо, что „между самими Апостолами всегда могли и должны были находиться такіе, которымъ слѣдовало оставить послѣ себя изложеніе Ев. исторіи, которые могли это исполнить; такъ какъ въ кругу Двѣнадцати Апостоловъ первоначально и заключались всѣ силы и дѣятельности первенствующей церкви христіанской; такъ какъ они были всегда главными руководителями всякаго движенія въ развитіи христіанства“²¹⁰).

Столь же мало мнѣніе Эвальда находитъ подтвержденіе для себя въ словахъ Ап. Павла: 2 Тимое. IV, 5. Здѣсь Апостоль говоритъ своему ученику Тимоѳею: „ты будь бдителенъ во всемъ, переноси скорби, совершай дѣло благовѣстника“,—благовѣстника, но не собирателя и составителя Ев. рассказовъ,—совершай дѣло благовѣствователя Ев. проповѣди въ виду того, что „меня, говоритъ здѣсь же Апостоль, уже приносятъ въ жертву, и время моего отшествія настало (2 Тимое. IV, 5)“.—Изъ этого мѣста (IV, 5 ст.) ясно видно, говоритъ Эвальдъ, что служеніе Евангелистовъ признавалось въ высшей степени

210) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 181.

близкимъ къ Апостольскому и пророческому, при томъ какъ совершенно свободное (freiwilliges)²¹¹). Каково бы ни было дѣло благовѣстника въ отношеніи его къ дѣлу Апостоловъ и пророковъ—зависимое или независимое отъ того, но оно было дѣломъ благовѣствованія только, а не собиранія Ев. рассказовъ для постепеннаго составленія Ев. исторіи.

Иисусъ Христосъ „поставилъ однихъ Апостолами, другихъ пророками, иныхъ Евангелистами, иныхъ пастырями и учителями“, но всѣхъ сихъ—„къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова (т. е. церкви)“, а не для путешествія и собиранія Ев. рассказовъ. Апостоль далѣе прямо говоритъ: „Онъ поставилъ.... дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству чловѣковъ.... Вы не такъ познали Христа; потому что вы слышали о Немъ и въ Немъ научились (такъ какъ истина во Иисусѣ).... Я Павелъ сдѣлался узникомъ Иисуса Христа за васъ язычниковъ. Какъ вы слышали о домостроительствѣ благодати Божіей, данной мнѣ для васъ, потому что мнѣ чрезъ откровеніе возвѣщена тайна... которая не была возвѣщена прежнимъ поколѣніямъ сыновъ чловѣческихъ, какъ нынѣ открыта Святымъ Апостоламъ... и пророкамъ Духомъ Святымъ, чтобы и язычникамъ быть сонаслѣдниками, составляющими одно тѣло и сопричастниками обѣтованія Его во Христѣ Иисусѣ посредствомъ благовѣствованія, котораго служителемъ сдѣлался и я подару благодати Божіей, данной мнѣ дѣйствіемъ силы Его (Ефес. IV, 11—12. 14. 20—21. III, 1—3. 5—7)“.—Ясно, какой авторитетъ и какого благовѣстія указываетъ здѣсь Ап. Павелъ Ефесянамъ; очевидно,—непутешествующихъ Евангелистовъ, въ смыслѣ Эвальда, а истинныхъ Апостоловъ—Наставниковъ, вдохновенныхъ благодатію

211) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182. Anmerkung drit.

Св. Духа. Тотъ же Апостоль Павелъ почти то же разумѣть подь „дѣломъ благовѣстія“ и въ завѣщаніи своему ученику Тимоѳею,—то именно благовѣстіе, надъ которымъ самъ трудился, на которое поставилъ его своею благодатію Иисусъ Христосъ. Приготовляясь перейти въ жизнь вѣчную, Апостоль говоритъ Тимоѳею: „подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ (2 Тим. IV, 7)“. Какимъ же подвигомъ подвизался Апостоль?—разумѣется, подвигомъ апостольства, которое состояло собственно въ служеніи слову (Дѣян. VI, 1—6). То же дѣло онъ завѣщаетъ и Тимоѳею: „ты будь бдителенъ во всемъ, переноси скорби (слѣдовательно, подвизайся), совершай дѣло благовѣстника (2 Тим. IV, 5)“. Это—подвигъ Апостола какъ благовѣстника, а не собирателя Ев. рассказовъ, какимъ не были ни Ап. Павелъ, ни ученикъ его св. Тимоѳей.

Если, такимъ образомъ, въ указанныхъ Эвальдомъ мѣстахъ Евангелія отъ Луки: X, 1—17,—Дѣяній Апостольскихъ: I, 21 и сл., посланія къ Ефесянамъ: IV, 11 и 2-го посланія къ Тимоѳею: IV, 5—нѣтъ прямого и яснаго свидѣтельства о существованіи въ вѣкъ Апостольскій Евангелистовъ—путешественниковъ и собирателей Ев. рассказовъ, какъ предполагаетъ Эвальдъ, то слѣдуетъ, что его предположеніе недостаточно основательно и, какъ такое, ненаучно. А если такъ, то рѣшительно нельзя признать, что „въ теченіе того же времени, Апостольскаго вѣка, слѣдоваль одинъ рядъ Евангелистовъ за другимъ ²¹²⁾“. Апостольская исторія не указываетъ не только нѣсколькихъ рядовъ, но и ни одного ряда и даже ни одного такого Евангелиста, который бы собиралъ Ев. рассказы, путешествуя для этой цѣли по разнымъ мѣстамъ Палестины. А потому, конечно, не можетъ быть ни характеристики, ни сравненія однихъ Евангелистовъ съ другими,

212) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 182.

какъ это сильно желаетъ сдѣлать и опредѣленно признать Эвальдъ. Онъ говоритъ: „изъ того же времени мы получаемъ Евангелистовъ уже втораго рода—дѣятельнаго. Это основывается на свидѣтельствѣ предисловія къ Евангелію отъ Луки, которое читается такъ: „уже многіе начали составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ, какъ предали намъ то бывшіе съ самага начала очевидцами и служителями слова... (I, 1.)“. Изъ первой половины этого предисловія ясно, что тогда уже были такіе люди, которые почитались первыми, живыми источниками Евангельскихъ воспоминаній. Они были очевидцами и слугами слова, именно Евангелія, которое здѣсь еще по обороту рѣчи, употреблявшемуся въ вѣкъ Апостольскій, было названо словомъ Божіимъ, или короче словомъ ²¹³⁾. Выраженіе „слово“ (λογος), которое, конечно, само собою могло означать также и Слово Божіе Вѣтхаго Завѣта, но которое тогда, когда сила Слова Божія въ устахъ Христа была еще совершенно свѣжа, могло довольно ясно, хотя и не строго точно, означать то же, что и Евангеліе. Здѣсь подразумѣваемые очевидцы-свидѣтели были таковыми въ отношеніи именно къ этому слову: оно стало первымъ условіемъ достовѣрности ихъ свидѣтельства. Но эти мужи служили этому слову съ болѣе опредѣленнымъ участіемъ, именно при его распространеніи, хотя бы то были Апостолы или только Евангелисты“ ²¹⁴⁾. Изъ словъ Ев. Луки, на которыя указываетъ Эвальдъ, очевидно только, что главнымъ условіемъ достовѣрности Евангельскаго повѣствованія признавалось устное преданіе Апостоловъ, какъ служителей слова, т. е. Евангелія. Отсюда прямо слѣдуетъ, что Апостолы сами знали Ев. исторію и другихъ учили оной; а при этомъ для нихъ не требовались

213) Ср: Лук. Ев. V, I. VIII, 11—21. XI, 28; Дѣян. IV, 4. 31. VI, 2. 4. 7. VIII, (4) 14. 25. X, 44. XI, 1. 19. XII, 24. XIII, 5. 7. Апок. X, 7. XIV, 6 и под.

214) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 183.

еще Евангелисты, которые бы путешествовали по разным мѣстамъ Палестины съ цѣлію собирать Ев. рассказы и составлять Ев. исторію. Такая цѣль ихъ могла быть достигнута и безъ путешествій, при болѣе удобномъ и вѣрномъ средствѣ. Ев. исторія твердо хранилась въ памяти Апостоловъ, и—только Апостольское преданіе было достовѣрно, потому что Апостолы, какъ служители слова, знали исторію Христа съ самаго ея начала.—Но, можетъ быть, подъ очевидцами и служителями слова Ев. Лука разумѣетъ не Апостоловъ только. По Эвальду—„общее выраженіе „служители слова“—показываетъ, что Евангелистовъ было болѣе, нежели только двѣнадцать; оно указываетъ и на позднѣйшихъ дѣятелей по составленію Ев. исторіи, которыхъ Ев. Лука въ другихъ мѣстахъ своихъ писаній довольно ясно различаетъ (Лук. X, 1—17. Дѣян. I, 21 и сл.). За первымъ рядомъ Евангелистовъ слѣдовалъ другой, въ которомъ были многіе Евангелисты-писатели, какъ и самъ Ев. Лука“²¹⁵). Напрасно Эвальдъ указываетъ на общность выраженія „очевидцы-свидѣтели и служители слова“. Это выраженіе точно и понятно замѣняетъ собою выраженіе „Двѣнадцать Апостоловъ“, потому что въ первенствующей христіанской церкви только Двѣнадцать признавались „съ самаго начала очевидцами и служителями слова“, какъ это видно изъ Книги Дѣяній Апостольскихъ (I, 21—22). Ап. Петръ, при избраніи Матѳея въ число Двѣнадцати Апостоловъ, говорилъ: „надобно, чтобы одинъ изъ тѣхъ, которые находились съ нами во все время, когда пребывалъ и обращался съ нами Господь Иисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ насъ, былъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелемъ воскресенія Его (Дѣян. I, 21—22)“. Только такіе свидѣтели и были впослѣдствіи служителями слова. Евангелистъ и Дѣеписатель Лука по-

215) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 183—184.

вѣствуетъ, что Двѣнадцать Апостоловъ, при избраніи семи діаконовъ, обратились къ множеству своихъ учениковъ съ такими словами: „братія, выберите изъ среды себя семь человѣкъ извѣданныхъ, исполненныхъ Св. Духа и мудрости; ихъ поставимъ на сію службу (т. е. пещись о столахъ). А мы постоянно будемъ въ молитвѣ и служеніи слова (Дѣян. VI, 3—4; ср. 2)“. Какъ эти семь человѣкъ, избранные на служеніе при столахъ, назывались діаконами и съ этимъ названіемъ были определенно извѣстны въ первенствующей церкви; такъ и Апостолы по своему спеціальному „служенію слова“ были извѣстны какъ именно „служители слова“; это ихъ определенное и собственное, а не общее съ другими, названіе.

Если же служителями слова, какъ и очевидцами всей жизни Господа отъ самаго ея начала были собственно и только Двѣнадцать Апостоловъ (Дѣян. I, 21—22. VI, 4), а другіе Евангелисты проповѣдывали и письменно излагали Евангеліе только по преданію этихъ очевидцевъ и служителей, какъ ихъ сотрудники и ученики (Дѣян. VI, 2 и Лук. I, 1—2): то предположеніе Эвальда о путешествующихъ Евангелистахъ, собирающихъ Ев. рассказы независимо отъ Апостольскаго преданія и постепенно составляющихъ Ев. исторію, слѣдуетъ признать рѣшительно неосновательнымъ и неоправданнымъ историческими свидѣтельствами.—Наоборотъ, историческое свидѣтельство, заключающееся въ предисловіи къ Евангелію отъ Луки, даетъ полное основаніе отрицать предположеніе теоріи объ особеннаго рода Евангелистахъ.—

Въ самомъ дѣлѣ, если Двѣнадцать Апостоловъ, независимо отъ другихъ еще Евангелистовъ, дѣйствительно могли быть и были „источниками“ всякаго воспоминанія объ Иисусѣ, даже главными „источниками“; то образованіе и составленіе трехъ первыхъ каноническихъ Евангелій не предполагаетъ еще многихъ другихъ особыхъ источниковъ, которые должны были бы явиться результа-

томъ многихъ путешествій и розысковъ, совершенныхъ другими различными Евангелистами. Даже и такое, сравнительно позднее и болѣе полное изложеніе Ев. исторіи, какое находится въ Евангеліи стъ Луки, составлено на основаніи преданія служителей слова, т. е. Двѣнадцати Апостоловъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется самое предисловіе этого Евангелія,—свидѣтельство самое вѣроятное и по мнѣнію Эвальда (*geschichtlicher Zeugniß*).

Если же происхожденіе и образованіе матеріи Ев. исторіи не требовало для себя особыхъ Евангелистовъ, кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ; то, по теоріи Эвальда, сохраненіе до времени и распространеніе Евангелія необходимо требовало особыхъ Евангелистовъ, кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ. Это требованіе имѣетъ значеніе только по отношенію къ условіямъ распространенія Евангелія внѣ Палестины; а сохраненіе Евангелія, какъ устнаго и какъ письменнаго слова, рѣшительно не требуетъ спеціальныхъ для того Евангелистовъ, потому что вся матерія Ев. исторіи твердо сохранялась въ памяти или самихъ же Двѣнадцати Апостоловъ или даже весьма многихъ другихъ членовъ церкви, учениковъ Апостольскихъ, но не Евангелистовъ въ смыслѣ теоріи Эвальда.

Почему же требовались особыя, кромѣ Двѣнадцати, Евангелисты при распространеніи Евангелія?—Потому, отвѣчаетъ теорія, что для распространенія Евангелія и религіи Христовой нужны были такія необходимыя средства, которыми (будто-бы) не обладали Апостолы, а именно: искусство рѣчи и знаніе иностранныхъ языковъ,—чѣмъ въ совершенствѣ владѣли Евангелисты—сотрудники Апостоловъ.—„Способность и искусство (*Geschicklichkeit*) рѣчи были, конечно, всегда главными потребностями Евангелиста, былъ ли онъ дѣятельнымъ самъ по себѣ, или сопровождалъ особенно уважаемыхъ благовѣстниковъ. Когда Ап. Павелъ, при своемъ самомъ раннемъ путешествіи, какъ спутникъ старѣйшаго Апостола Варнавы, былъ почтенъ язычниками за бога Меркурія (Дѣян. XIV, 12);

то онъ былъ тогда въ качествѣ Евангелиста самаго ранняго времени, не имѣя первенствующаго значенія, но соединяя высшую любовь къ Евангелію съ высшимъ искусствомъ рѣчи (*Redefertigkeit*) и неутомимую дѣятельность. Какъ чистый первообразъ самыхъ раннихъ Евангелистовъ, является въ Апостольской исторіи еще Иоаннъ Маркъ, сынъ нѣкоторой набожной вдовы въ Иерусалимѣ, жившій тамъ около времени распятія Христова еще какъ дитя; а впоследствии онъ является въ качествѣ спутника Апостоловъ Варнавы и Павла, за тѣмъ—только одного Варнавы и, наконецъ, толкователемъ (*Dolmetscher*) Ап. Петра, въ его далекихъ путешествіяхъ, и былъ любимъ послѣднимъ, какъ сынъ (по свидѣтельству 1 Петр. V, 13 и Отцевъ церкви)“²¹⁶). Однако, въ этихъ примѣрахъ Евангелистовъ—проповѣдниковъ и толкователей совсѣмъ не видно, чтобы „искусство рѣчи было для нихъ всегда главною потребностію“. Былъ ли Ап. Павелъ Евангелистомъ ранняго времени потому, что имѣлъ хорошій даръ слова, или этотъ даръ слова былъ для него, всегда главною потребностію“, это не находитъ себѣ объясненія въ указанномъ примѣрѣ. Ни изъ того, ни изъ другаго примѣра не видно—почему безъ особеннаго дара, съ обыкновенною рѣчью, не могъ, на примѣръ, Ап. Павелъ быть Евангелистомъ—проповѣдникомъ или распространителемъ христіанства?—Самъ Ап. Павелъ говорилъ, что когда онъ приходилъ къ Коринѳянамъ, то приходилъ возвѣщать (*καταγγελλων*) имъ свидѣтельство Божіе не въ превосходствѣ слова или мудрости... Слово и проповѣдь его были не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіи духа и силы (1 Кор. II, 1 и 4 ст.). Онъ благовѣствовалъ (*ευαγγελιζομαι*) не въ премудрости слова (*ουκ εν σοφια λογου*), чтобы не упразднить креста Христова (1 Кор. I, 17 ст.). Достаточно-важное основаніе для простоты слова

216) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 184.

и столько же важное свидѣтельство высказываетъ здѣсь самъ Ап. Павелъ противъ того мнѣнія, будто бы ему, какъ Евангелисту перваго времени, всегда и главнымъ образомъ требовалось искусство рѣчи (*σοφία λόγου*?). И понятно слово Апостольское: не внѣшнее краснорѣчіе, *σοφία λόγου*, а искреннее чувство вѣры и любви христіанской требовались для распространенія ученія Христова и утвержденія церкви Его; вѣра и любовь святыхъ Апостоловъ, при всей простотѣ ихъ сердца, покорили міръ, — въ простотѣ слова, а не въ мудрости слова (*οὐκ ἐν σοφίᾳ λόγου*) возвѣщалось Евангеліе Апостолами, слугителями слова (*τοὺς Εὐαγγελιστὰς*).

Даже и тамъ, гдѣ обыкновенно употребляется искусство рѣчи, — при письменномъ изложеніи устнаго слова, — Евангелисты отличаются необыкновенной простотой повѣствованія. Это очевидно для прямого взгляда на каждое изъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій. Самое сходство ихъ въ общемъ планѣ повѣствованія и въ изложеніи отдѣльныхъ рассказовъ ясно свидѣтельствуется только о намѣреніи Евангелистовъ передать Евангельскую исторію по возможности точно и въ порядкѣ самой исторической послѣдовательности Ев. событій: здѣсь нѣтъ признаковъ сравнительно большаго или меньшаго искусства исторіографіи. Такой характеръ изложенія Евангельской исторіи вполне согласуется съ историческими свидѣтельствами о происхожденіи синоптиковъ. Напримѣръ, одно изъ нихъ говоритъ: Евангелистъ „Маркъ, истолкователь Ап. Петра, съ точностію записалъ, сколько запомнилъ, то, чему училъ и что творилъ Христосъ, хотя и не по порядку (*ὅς μνηστοὶ ταῦτα*)... Впослѣдствіи, правда, онъ былъ съ Петромъ, но Петръ излагалъ ученіе съ цѣлію удовлетворить нуждамъ слушателей, а не съ тѣмъ, чтобы бесѣды Господни передавать по порядку. Посему Маркъ нисколько не погрѣшилъ, описывая нѣкоторыя событія такъ, какъ припоминалъ ихъ; онъ заботился только о томъ, какъ бы не пропустить чего нибудь слышаннаго, или не

переиначить“²¹⁷). Такъ поступалъ Евангелистъ и толкователь (Dolmetscher) Маркъ, на котораго Эвальдъ указываетъ, какъ на „чистый первообразъ Евангелистовъ ранняго времени“. Очевидно, — по самому древнему свидѣтельству пресвитера Іоанна, со словъ котораго такъ говорить о Ев. Маркѣ св. Папій, еп. Іерапольскій, — что Евангелисты — толкователи (Dolmetscher) или сотрудники Апостоловъ въ дѣлѣ распространенія христіанскаго ученія, не употребляли никакого искусства рѣчи, какъ ораторскаго средства — словеснаго витійства: они толковали то, что было проповѣдано въ томъ или другомъ мѣстѣ тѣмъ или другимъ Апостоломъ, или сами проповѣдывали въ качествѣ Апостольскихъ учениковъ и сотрудниковъ. Если же они иногда обращали особенное вниманіе слушателей къ своему слову, то отнюдь не витіеватостію рѣчи, а ея глубочайшимъ содержаніемъ, — святостію истинъ и божественнымъ авторитетомъ Ев. проповѣди. Такъ, напримѣръ, Ап. Павелъ и Варнава въ городѣ Листръ обратили своей проповѣдію особенное вниманіе слушателей, которые признали ихъ за боговъ, но — тогда, когда Ап. Павелъ исцѣлилъ хромага отъ рожденія (Дѣян. XIV, 7—12). Ни откуда не видно, чтобы подобный успѣхъ проповѣди зависѣлъ именно отъ искусства рѣчи.

Кромѣ искусства рѣчи, для Евангелиста-распространителя христіанскаго ученія, по Эвальду, необходимо требовалось еще знаніе иностранныхъ языковъ. „Мало, говоритъ Эвальдъ, можно сомнѣваться въ томъ, что Евангелистъ, какъ скоро онъ желалъ дѣйствовать въ Священной Землѣ, долженъ былъ по возможности скоро усвоить себѣ чужеземный языкъ: иначе онъ не могъ бы достигнуть своего назначенія (Beruf). Примѣрами этого служатъ Евангелисты Маркъ и Лука, оба знавшіе европейскій языкъ (т. е. греческій) такъ совершенно, какъ зна-

217) У *Евсевія* Кесар. Церк. Исторія. III, 39.

ли въ ихъ время немногіе изъ христіанъ. Это, можно сказать, прежде всего были Евангелисты, благодаря заслугамъ которыхъ, столь рано и столь основательно повсюду было распространено христіанство. Самъ Ап. Павелъ сначала былъ такимъ же Евангелистомъ, хотя имъ прежде овладѣло еще высшее стремленіе, которое потомъ находило въ немъ только наивысшую помощь (Oberhand), такъ что и ему самому опять служили толкователи (Dolmetscher) и Евангелисты " 218).—Заслуги спутниковъ и сотрудниковъ Апостольскихъ не были такъ велики, какъ представляетъ это Эвальдъ; иначе дѣло Апостоловъ слѣдовало бы признать дѣломъ ихъ помощниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и то, что сами Апостолы не были служителями слова: такъ какъ, по теоріи, они не могли распространять Евангеліе внѣ Священной Земли, потому что не знали чужеземныхъ языковъ 219). Но какъ при этомъ смотрѣть на Ап. Павла, потрудившагося болѣе другихъ Апостоловъ для распространенія Евангелія? Эвальдъ и Ап. Павла ставить въ рядъ Евангелистовъ-толкователей, не замѣчая того, что такъ онъ становится въ прямое противорѣчіе съ своимъ мнѣніемъ. Евангелисты по своему языкознанію нужны были Апостоламъ при распространеніи христіанства; но Апостолы сами были распространителями христіанства, какъ, на примѣръ, Ап. Павелъ и другіе.—

По теоріи Эвальда, Евангелисты-толкователи необходимо были нужны для Апостоловъ; безъ нихъ Апостолы не могли (будто-бы) распространять христіанства; потому что для этого требовалось знаніе иностранныхъ языковъ, которыми Апостолы не владѣли.—Но Апостолы,

218) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 185.

219) Насколько были самостоятельны спутники Апостоловъ въ своей дѣятельности, это можно видѣть въ изслѣдованіи о дѣятельности св. Тимоѳея, спутника Ап. Павла.—Образованіе канона св. книгъ А. В. Горскаго. Прибавл. къ твор. Св. О. Москва. 1871.

которые распространяли христіанство внѣ Священной земли, сами знали чужеземные языки. Ап. Павелъ, во время своихъ путешествій, не имѣлъ при себѣ спутниковъ, но онъ также, если не лучше, зналъ греческій языкъ, какъ и тѣ. На примѣръ, св. Тимоѳей, спутникъ Ап. Павла, былъ сынъ Еллина, зналъ, конечно, греческій языкъ; но, судя по дѣятельности самого Тимоѳея и Апостола Павла, слѣдуетъ признать, что и самъ Апостолъ, и его сотрудникъ были вмѣстѣ отнюдь не потому, что не одинаково хорошо знали греческій языкъ (Дѣян. XVI, 1—6 и дал.).

Но могли ли всѣ Двѣнадцать Апостоловъ обойтись безъ особыхъ спутниковъ-евангелистовъ при распространеніи христіанства внѣ Священной Земли и насколько велики были заслуги этихъ спутниковъ Апостольскихъ? Это опредѣляется свѣдѣніемъ о томъ, на какомъ изъ иностранныхъ языковъ должны были и какъ могли говорить сами Апостолы—Палестинскіе Евреи; этимъ же опредѣляется и мѣра трудностей самостоятельнаго Апостольскаго распространенія вѣры Христовой внѣ Священной Земли.

— Совершенно напрасно принимаютъ, говоритъ Эвальдъ, что Христосъ возвыщалъ свое Евангеліе по частямъ и по собственному выбору на греческомъ языкѣ: само собою ясно, что только общепонятный языкъ страны могъ послужить Его цѣли; и Ему не было никакого побужденія употреблять при томъ еще какой либо другой " 220). Очевидно, Эвальдъ игнорируетъ нѣкоторые факты изъ жизни Христа, свидѣтельствующіе о томъ, что Онъ долженъ былъ иногда употреблять и греческій языкъ,—на примѣръ, когда Господь разговаривалъ съ Сирофиникянкою, которая называется ελληνης (Мр. VII, 26), съ языческимъ сотникомъ (Мѡ. VIII, 5), съ Пилатомъ, съ Елли-

220) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 185.

нами (Иоан. XII, 20—22) и пр. Много случаев представлялось Спасителю говорить по-гречески и в Галилеѣ, которая в тотъ вѣкъ была населена большею частью язычниками Еллинами. „Если же, продолжаетъ Эвальдъ, иногда и употреблялъ Господь иной, именно греческій языкъ, то слѣды этого употребленія очень незначительны. Въ доказательство того, что во время земной жизни Христа греческій и латинскій языки были очень обыкновенными в Палестинѣ, обыкновенно ссылаются на Пилатову трехъязычную надпись на крестѣ Христа (Иоан. XIX, 29 и сл.) и двухъязычную Пальмирскую, но эти надписи показываютъ только, что тогда языкъ страны не былъ языкомъ ея правителей (Herrscher). Всѣ слѣды скорѣе показываютъ то, что Иисусъ со Своими (Апостолами) употреблялъ языкъ страны, выражаясь приблизительно такъ, какъ в то время говорили в Галилеѣ, причемъ онъ могъ быть довольно понятенъ также и в Иерусалимѣ²²¹⁾“. Но в томъ и дѣло—какой же былъ этотъ отечественный и въ-частности Галилейскій языкъ во время Спасителя?—Эвальдъ рѣшительно опредѣляетъ, что это былъ „еврейскій или точнѣе арамейскій; потому что прямо в тѣхъ же первенствующихъ христіанскихъ писаніяхъ, которыя мы, говоритъ Эвальдъ, находимъ в древнѣйшія времена, оставались еврейскія слова какъ священныя, по особенному обаянію ихъ, и противостояли чуждому вліянію“²²²⁾. Но можно сказать, что это—такіе же незначительные слѣды еврейскаго языка, какими прежде самъ Эвальдъ признавалъ слѣды греческаго. Если же слѣды греческаго и еврейскаго языковъ, оставшіеся в Священныхъ Новозавѣтныхъ книгахъ, одинаковы, то по

221) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 185.

222) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 186. Слѣды Еврейскаго языка находятся напримѣръ в Ев. отъ Мат. V, 22; XXIII, 7 и сл. Мр. V, 41; VII, 34; XV, 34; III, 17; IX, 5; XI, 21; XIV, 45. (X, 51); 1 Кор. XVI, 21; Гал. IV, 6; Рим. VIII, 15; Мр. XIV, 36 ст.—

нимъ нельзя опредѣлить и того, какой именно былъ языкъ, на которомъ говорили Христосъ и Его Апостолы в Палестинѣ,—нельзя утверждать и того, что Христосъ не имѣлъ никакихъ побужденій говорить по-гречески, если еще неизвѣстно—какой языкъ былъ в то время болѣе распространенъ в Палестинѣ; нельзя, по крайней мѣрѣ, на этихъ основаніяхъ, и—тѣмъ болѣе, если самъ же Эвальдъ признаетъ, что еврейскія слова „остались в каноническихъ Евангеліяхъ только какъ священныя, по особому ихъ обаянію“.—

По Эвальду,—„весьма пространное и столь же неопровержимое доказательство того мнѣнія, что во время Иисуса Христа (в Палестинѣ) разговорный языкъ былъ арамейскій, лежитъ в греческомъ языкѣ нашихъ настоящихъ Евангелій (каноническихъ). Этотъ греческій языкъ имѣетъ болѣе или менѣе еврейскую окраску и, какъ кажется, такая окраска его признавалась существенно принадлежащею рассказамъ Ев. исторіи, и не только в числѣ нѣсколькихъ прибавочныхъ (eingestreuten) словъ, но должна была проникать все содержаніе и поддерживать тонъ рѣчи; она давалась, такъ сказать, вмѣстѣ съ біеніемъ сердца и обуславливалась внутреннею жизнію Евангелистовъ. Напрасно думаютъ, продолжаетъ Эвальдъ, что эта окраска явилась отъ того, что первые христіанскіе писатели (Евангелисты) недостаточно понимали греческій языкъ: скорѣе и такіе авторы, которые даже хорошо могли писать по-гречески, должны были удерживать болѣе или менѣе такую окраску языка; такъ какъ Ев. Лука, по яеному свидѣтельству его предисловія (къ Евангелію) и по другимъ признакамъ, дѣйствительно могъ правильно и хорошо писать по-гречески и в послѣднихъ частяхъ своей Книги Дѣяній Апостольскихъ дѣйствительно употребляетъ настоящій (безъ гебраизмовъ) греческій языкъ; но гдѣ онъ излагаетъ собственно Евангельскую исторію или самыя раннія дѣянія Апостоловъ,

тамъ подчиняется священной еврейской окраскѣ языка“²²³). Однако еврейская окраска греческаго языка каноническихъ Евангелій не показываетъ того, что первые христіанскіе писатели и Евангелисты-разскащики недостаточно понимали греческій языкъ; такъ какъ еврейскія слова принимались въ греческій текстъ какъ священныя. Если же еврейская окраска греческаго языка Евангелій имѣетъ только такое значеніе, то она рѣшительно не доказываетъ, что Христосъ и Его Апостолы пользовались еврейскимъ или арамейскимъ языкомъ.— Напротивъ, греческій языкъ былъ въ употребленіи, но съ примѣсю еврейскаго, или арамейскаго, какъ священнаго,—подобно тому, какъ это бываетъ, напримѣръ, и во всякой проповѣди, составленной на извѣстномъ господствующемъ языкѣ съ намѣреннымъ или ненамѣреннымъ употребленіемъ священныхъ словъ и фразъ, напримѣръ, въ русскомъ языкѣ—славянскихъ. Слѣдовательно, въ употребленіи еврейскихъ словъ въ Евангеліяхъ нѣтъ доказательства, что Христосъ и Апостолы говорили или только на греческомъ, или только на еврейскомъ; а есть только свидѣтельство, что Они говорили и на томъ, и на другомъ, или на смѣшанномъ греческо-арамейскомъ,—то болѣе на арамейскомъ, то на греческомъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ и мѣстамъ, гдѣ и когда были и говорили.

Такъ, языкъ Христа и Апостоловъ былъ особеннымъ по отношенію и къ арамейскому и греческому въ чистомъ ихъ видѣ. Особенность этого языка признаетъ и самъ Эвальдъ.—„Мы, говоритъ авторъ теоріи, должны сказать, что вмѣстѣ съ Ев. исторіей произошелъ совершенно особенный родъ языка ея разсказовъ; онъ произошелъ изъ полно-тайнственныхъ нѣдръ самаго перваго и тѣснаго христіанскаго общества (Апостоловъ и сотрудниковъ ихъ), и въ послѣдующее время тверже и тверже опредѣ-

223) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 186—187.

лялся“²²⁴).—Какая же особенность языка Ев. исторіи и почему онъ не могъ послужить средствомъ при распространеніи христіанства внѣ Палестины?—„потому что новый языкъ, по мнѣнію Эвальда, составилъ изъ дотолѣ господствовавшаго Галилейскаго языка страны, соединеннаго съ особой окраской словъ Христа и видоизмѣненнаго подѣ влияніемъ Его мысли и чтенія Св. книгъ Ветхаго Заветъ“²²⁵). Слѣдовательно, это былъ особый языкъ, но неизвѣстно какой именно: онъ былъ Галилейскій; но неизвѣстно въ чемъ состояла особенность этого Галилейскаго языка. Онъ былъ видоизмѣненъ подѣ влияніемъ чтенія Ветхозавѣтнаго Св. Писанія и собственной мысли Іисуса Христа; но неизвѣстно, въ чемъ состояла особенность этого видоизмѣненнаго Галилейскаго языка въ сравненіи его съ священнымъ арамейскимъ и эллинистическимъ. Однако, этотъ новый языкъ или языкъ Новозавѣтнаго Св. Писанія, по мнѣнію Эвальда, не могъ быть эллинистическимъ, и вслѣдствіе этого, Апостолы, какъ Галилеяне, не могли распространять христіанства внѣ Палестины,—не зная греческаго языка, распространеннаго въ то время во всей Римской Имперіи и въ Малой Азіи. Понятно, такая неправильность вывода Эвальда изъ его соображеній состоитъ въ сущности въ томъ, что онъ, не опредѣляя точно особенности Галилейскаго языка, несправедливо заключаетъ, что Апостолы, какъ Галилеяне, не могли говорить по-гречески, и потому (будто-бы) необходимо должны были имѣть при себѣ помощниковъ—особыхъ Евангелистовъ при распространеніи христіанства внѣ Священной земли.

Если же, по мнѣнію Эвальда, всякій Евангелистъ, желавшій дѣйствовать внѣ Священной земли, долженъ былъ по возможности скорѣе усвоить себѣ иностранный языкъ,

224) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 187.

225) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 187.

именно греческій, какъ самый распространенный, а для незнающаго и неусвоившаго этотъ языкъ требовался необходимо переводчикъ; то такой переводчикъ могъ явиться конечно только въ самой же Палестинѣ. Отсюда естественно возникаетъ вопросъ,—былъ ли во время Иисуса Христа въ Палестинѣ распространенъ греческій языкъ такъ, что Апостолы могли говорить по-гречески?—Несомнѣнно вѣрнымъ признается многими изслѣдователями, что въ Палестинѣ, какъ и въ другихъ провинціяхъ Римской Имперіи, въ вѣкъ Октавіана Августа, кромѣ языка страны (Landsprache), былъ распространенъ языкъ греческій ²²⁶).

Еще за-долго до Рождества Христова, Греки посѣщали Востокъ и распространяли здѣсь свой языкъ. По свидѣтельству Полигистора и Абидена, Греки при Сенахиримѣ вторглись въ Киликію и были имъ разбиты ²²⁷). По свидѣтельству Страбона, братъ поэта Алкея, современника Навуходносора, приходилъ въ Вавилонъ ²²⁸). Клеархъ, ученикъ Аристотеля, свидѣтельствуешь объ одномъ Евреѣ, жившемъ въ Нижней Сиріи, который, по его словамъ, былъ не только по языку, но и въ душѣ су-

226) Известно, говоритъ Э. Ренанъ, что всѣ первоначальные памятники христіанства, которые дошли до насъ, даже Евангеліе Св. Маттея, не смотря на общераспространенное прежде мнѣніе, были написаны на греческомъ языкѣ. Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ видно, что Галилея имѣла языкъ весьма отличный отъ языка жителей Иерусалима... Первые ученики Христа были уроженцы Галилеи и Самаріи, двухъ странъ, по преимуществу населенныхъ иностранцами,—странъ, которыя по отношенію къ языку такъ же, какъ и ортодоксы пользовались плохой репутацией въ Иерусалимѣ, который отличался отъ тѣхъ и по языку, и по ортодоксальной чистотѣ. E. Renan: L' Histoire generale et systeme compare des langues semitiques. Paris. 1858. p. 223—225.

227) Apud Ev s e b. Chronic. I. I. c. V, I et IX, I.

228) L. XIII, p. 917. Ed. Iansonii. 1707.—у В. Потанова: О книгѣ св. пр. Давіила. Москва. 1868. Стр. 71.

щій грекъ ²²⁹). К. Курцій рассказываетъ, что въ Персидскомъ войскѣ, вышедшемъ противъ Александра Македонскаго, находилось одно изъ греческихъ по происхожденію племенъ, переселившееся некогда къ Мидянамъ, но уже выродившееся ²³⁰). Со времени похода Александра Македонскаго въ Азію, Греки и ихъ языкъ проникли далеко на Востокъ, и особенно распространились въ Малой Азіи, Сиріи и Египтѣ.—Съ этими данными вполне согласно и свидѣтельство Св. писанія Ветхаго и Новаго Заветъ. Еще со временъ пр. Исаи Галилея называлась языческою, Γαλιλαία των εθνων, galil haggoim (Ис. VIII, 23); потомъ во времена Маккавеевъ она называлась „Галилея иноплеменниковъ“, Γαλιλαία αλλοφυλων (I Мак. V, 15), и во времена Христа „Галилея языческая“, Γαλιλαία των εθνων (Мѣ. IV, 15). Кромѣ того, Иудейскій историкъ Иосифъ Флавій по крайней мѣрѣ два города Десятоградія—Гадару и Гипсось называетъ греческими, Ελληνιδες πολεις ²³¹).

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ распространеніи Грековъ въ Сиріи и въ Палестинѣ, а въ частности въ Галилеѣ, какъ до Рождества Христова, такъ и послѣ, былъ распространенъ и греческій языкъ. Ко времени жизни Спасителя Ветхозаветное Св. писаніе въ Палестинѣ читалось на греческомъ языкѣ, иногда даже только на одномъ греческомъ. Передаютъ фактъ, что нѣкто „Равви Левій“ пошелъ въ Кесарію и услышавъ, что Еврей шестую главу изъ книги Второзаконія читаютъ на-изусть по-гречески, хотѣлъ имъ запретить; но Равви Іосія, замѣтивъ это, ска-

229) С. Смирнова: Филологическія замѣчанія о языкѣ Новозаветномъ въ сличеніи съ классическимъ при чтеніи посланія Ап. Павла къ Ефесскимъ. М. 1873. Предисл. стр. VIII—IX.

230) В. Потанова: О книгѣ пр. Давіила, стр. 71.

231) Antiquit. XVII, 11, 4. См. у Böhler's: Forschungen nach einer Volksbibel zur Zeit Iesu. Wien. 1873. S. 9—10.

заль съ гнѣвомъ: кто не можетъ усвоить себѣ чтенія по еврейски (въ Кесаріи Палестинской!), ужели онъ совсѣмъ не долженъ читать на-изусть изъ Писанія? Пусть онъ твердить Писаніе на томъ языкѣ, который понимаетъ; онъ такимъ образомъ исполнитъ свой долгъ“. Иосифъ Флавій, родомъ Іерусалимлянинъ, былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ греческаго языка и, какъ самъ свидѣтельству-етъ, изучилъ его грамматически; сочиненіе свое „о войнѣ Іудейской“ онъ написалъ на арамейскомъ языкѣ, а по-томъ самъ перевелъ его на греческій ²³²). Подобно то-му, Ев. Матѳей написалъ свое Евангеліе первоначально по-еврейски или арамейски, а потомъ, вѣроятно, самъ же пере-велъ его на греческій языкъ, хотя первоначально оно назначалось для Евреевъ ²³³). Всѣ другія каноническія писанія Новаго Завѣта написаны тоже по-гречески ²³⁴). Это все показываетъ, что греческій языкъ въ вѣкъ Хри-ста и Его Апостоловъ былъ очень распространеннымъ въ Палестинѣ. А потому, вѣроятно, и Апостолы могли и должны были знать и говорить по-гречески. Этому мож-но указать и фактическое подтвержденіе. Книга Дѣяній Апостольскихъ повѣствуетъ, что Ап. Павелъ, по случаю возмущенія противъ него жителей Іерусалима, былъ ско-ванъ по повелѣнію тысяченачальника, какъ возмутитель народа. Тысяченачальникъ спрашивалъ его, кто онъ и что сдѣлалъ? Павелъ, желая оправдаться, сказалъ тысяче-начальнику: „можно ли мнѣ сказать тебѣ нѣчто? А тотъ сказалъ: ты знаешь по-гречески? Такъ не ты ли тотъ Египтянинъ, который предъ семи днями произвелъ воз-

²³²) С. Смирнова: Филологическія замѣчанія. Стр. VIII—IX.

²³³) Объ этомъ свидѣлствуютъ древнѣйшіе Отцы церкви: напримѣръ, Ирине-ей, еп. Лионскій: Adv. haer. III, 1; у Евсевія: Hist. eccl. V, 8.

²³⁴) Ср. Renan: L'Histoire des langues semiti-ques. Paris. 1858. p. 223—225.

мущеніе?... Павелъ же сказалъ: я іудеянинъ, Тарсянинъ... позволь мнѣ говорить къ народу“, т. е., оправдательную рѣчь. Когда же тотъ позволилъ, Павелъ... началъ гово-рить на еврейскомъ языкѣ“, очевидно, —такъ потому, что изъ его греческой рѣчи тысяченачальникъ и народъ заключили, что онъ Египтянинъ, —Египетскій іудей или Эллинистъ-возмутитель. Павелъ, оправдываясь предъ іуде-ями въ томъ, что онъ не возмутитель-Эллинистъ, началъ говорить по-еврейски. Когда они услышали оправданіе его на еврейскомъ языкѣ, еще болѣе утихли. Еврейская рѣчь Апостола въ данномъ случаѣ много значила особен-но потому, что въ то время былъ очень сильно распро-страненъ въ Іудеѣ языкъ греческій. Павелъ, говоря такъ, дѣйствительно могъ доказать іудеямъ, что онъ не элли-нистъ, а такой же іудей, ревностный въ законѣ, какъ и они, —могъ, ибо говорилъ какъ іудей, на священномъ языкѣ, какъ обыкновенно мало употреблявшемся въ Іудеѣ (Дѣян. XXI, 31—40. XXII, 1—3). Въ томъ, что Ап. Павелъ говорилъ эту рѣчь къ іудеямъ въ Іерусалимѣ на еврейскомъ языкѣ, содержится прямое указаніе, что обык-новенная рѣчь произносилась не по-еврейски, а, раз-умѣется, по-эллиниски, или на еврейскомъ, который былъ перемѣшанъ съ греческимъ въ видѣ разныхъ діалектовъ, такъ сильно, что діалектъ, напримѣръ, галилейскій не-легко понимали собственно іудеи ²³⁵). Эллинизованный еврейскій языкъ въ разныхъ мѣстахъ Палестины скло-нялся то болѣе къ арамейскому, то болѣе къ греческому, впрочемъ, такъ, что жители разныхъ мѣстъ Палестины могли понимать другъ друга и даже говорить какъ на арамейскомъ, такъ и на греческомъ-Палестинскомъ. Если

²³⁵) Въ самой Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ этотъ фактъ представляется исключительнымъ и потому сопровождается замѣчаніемъ, что „эту рѣчь, т. е. къ іудеямъ, Ап. Павелъ сказалъ на Еврейскомъ языкѣ; а другія, разумѣется, онъ го-ворилъ по-гречески: для чего было бы замѣчать это, если Ап. Павелъ и другія рѣчи говорилъ по-еврейски?...

жители Иерусалима, Кесарии, Вифсаиды, Капернаума и других подобных городов знали греческий языкъ,—понимали и говорили по-гречески; то и Апостолы, какъ жители именно Вифсаиды, Капернаума, Иерусалима и других городов Палестины, конечно, говорили по-гречески. Правда, они были изъ людей простыхъ, неученыхъ, *αγραμματοι και ιδιωται*, промысломъ большею частью рыбаки; но кому же и знать практически греческий языкъ въ Галилеѣ, какъ не промышленникамъ Капернаума и Вифсаиды, рыбакамъ Галилейскаго озера—Апостоламъ? Они были людьми не книжными, *αγραμματοι*, но они знали греческий языкъ не грамматически или литературно, какъ знали его, напримѣръ, Ап. Павелъ, Иосифъ Флавій и др.: имъ знакомъ былъ непосредственно общепотребительный въ ихъ странѣ, прямо разговорный, греческий языкъ. Судя по промыслу, коимъ занимались Апостолы до своего призванія, должно предположить скорѣе, что имъ непременно нуженъ былъ именно разговорный языкъ греческий болѣе, нежели кому другому изъ ихъ соотечественниковъ²³⁶).

236) Въ ту эпоху, говоритъ Диксонъ, когда Христосъ жилъ въ Назаретѣ, въ одномъ изъ срединныхъ галилейскихъ городовъ, лежащихъ на склонахъ холма около четырехъ миль отъ столицы,—Галилея обладала смѣшаннымъ населеніемъ, состоявшимъ изъ Грековъ, Евреевъ, Египтянъ, Киприотовъ, Итальянцевъ, Арабовъ,—людей, говорившихъ различными языками.... Въ такихъ большихъ городахъ, какъ Штолемаида, Сефарисъ и Гадара, общественная жизнь была такая же, какъ въ азіатскихъ Афинахъ, а языкъ, въ торговыхъ, ученыхъ и общественныхъ дѣлахъ, былъ греческій. Впрочемъ, въ собственномъ домѣ, среди своего семейства, іудей могъ говорить на арамейскомъ языкѣ, древнемъ нарѣчій его племени, материнскомъ языкѣ.... Единственный языкъ, который могъ бы быть общимъ проводникомъ взаимныхъ сношеній для всѣхъ племенъ (въ Палестинѣ), былъ языкъ греческій. Каждый человекъ, который по своему общественному положенію былъ выше дровосѣка и водоноса,—которому, приходилось дѣлать передвиженіе по всей области, который имѣлъ дѣла съ иностранцами, долженъ былъ являться въ судилища, совѣтоваться съ медиками, исполнять какую нибудь общественную обязанность,—короче, купецъ, горожанинъ, священникъ и солдатъ, должны были употреблять греческій языкъ.—Во время малолѣтства Христа этотъ прекрасный языкъ получилъ то преобладаніе, какимъ англійскій языкъ пользуется въ Калькуттѣ, французскій—въ Алжирѣ, турецкій—въ Стамбултѣ и, прибавимъ, русскій въ Тифлисѣ. В. Диксонъ: Святая земля. Пер. съ англ. С.—Петерб. 1869. Стр. 12—14 и 15.

Рѣшительнымъ доказательствомъ того, что Апостолы понимали и говорили по-гречески до сошествія на нихъ Св. Духа въ день Пятидесятницы, служатъ свидѣтельства Евангелистовъ Иоанна и Матѳея.—„Изъ пришедшихъ (въ Иерусалимѣ) на поклоненіе въ праздникъ были, говорить Ев. Иоаннъ, нѣкоторые Еллины. Они подошли къ Филиппу, который, замѣчаетъ Евангелистъ, былъ изъ Вифсаиды Галилейской, и просили его, говоря: господинь! намъ хочется видѣть Иисуса. Филиппъ идетъ и говоритъ о томъ Андрею; и потомъ Андрей и Филиппъ сказываютъ о томъ Иисусу (Иоан. XII, 20—22)“. Такъ, Еллины обращались къ Апостоламъ-Галилеянамъ Филиппу и Андрею; а Филиппъ, по указанію того же Евангелиста Иоанна, былъ „изъ Вифсаиды, изъ одного города съ Андреемъ и Петромъ (Иоан. I, 44)“; а потому, если эти Апостолы и не выставляются прямо знавшими греческий языкъ, то, по аналогіи съ Филиппомъ, какъ ихъ согражданиномъ, должно признать, что и они знали по-гречески. Ап. Андрей носилъ греческое имя, а былъ братомъ Петра, также и Филиппъ²³⁷). Относительно же собственно писателей каноническихъ Евангелій—Матѳея, Марка и Луки, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что они могли говорить по-гречески. Ев. Матѳея, до своего призванія къ апостольскому служенію, былъ мытаремъ и, какъ такое должностное лицо, долженъ былъ знать греческий языкъ. Ев. Маркъ, родомъ Иерусалимлянинъ, по утверженію Эвальда, тоже зналъ греческий языкъ. Ев. Лука признается всѣми и Эвальдомъ за эллиниста, и—справедливо.

Итакъ, Апостолы и Евангелисты знали разговорный языкъ греческій,—только разговорный и только греческій,—какъ могли знать его жители, напримѣръ, Вифсаиды Галилейской. А если такъ, то не должно предполагать осо-

237) Ср. Böhl's: Forschungen nach einer Volksbibel zur Zeit Iesu. Wien. 1873. S. 9—10.

быхъ Евангелистовъ-переводчиковъ (Dolmetscher) при составленіи, по крайней мѣрѣ, трехъ каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки. Эти Евангелисты несомнѣнно знали греческій языкъ и потому не затруднялись передавать Ев. исторію по-гречески.

Положимъ, что Апостоламъ, при распространеніи христіанства, требовались помощники-Евангелисты. Но эти Евангелисты уже извѣстны, какъ сотрудники Апостоловъ въ дѣлѣ Евангельской проповѣди. Такими Евангелистами были Маркъ и Лука. Извѣстна и самая дѣятельность этихъ Евангелистовъ. Они оба были спутниками Апостола Павла. Дѣйствительно, они помогали ему проповѣдывать Евангельское ученіе, но отнюдь не служили ему въ качествѣ переводчиковъ, потому что онъ самъ, родившійся и жившій въ Тарсѣ Киликійскомъ, зналъ хорошо языкъ греческій. Эти Евангелисты не были переводчиками при Ап. Павлѣ; не были они для него и источниками Евангельской исторіи; потому что онъ, сопутствуемый ими, зналъ Евангеліе Христово по преданію отъ очевидцевъ-свидѣтелей и служителей слова—Двѣнадцати Апостоловъ. Наоборотъ, сопровождающіе его Евангелисты, можетъ быть, сами отъ него узнали и поняли Ев. исторію. А Ев. Маркъ, какъ извѣстно изъ Отческаго преданія, былъ спутникомъ, толкователемъ и ученикомъ еще и Ап. Петра. Слѣдовательно, Ев. Маркъ и Лука узнали Ев. исторію отъ самихъ Апостоловъ, а не отъ путешествующихъ Евангелистовъ—собираателей Ев. рассказовъ, и сами не были такими путешествующими собираателями ихъ. Но эти именно Евангелисты—Маркъ и Лука были писателями и каноническихъ Евангелій, извѣстныхъ подъ ихъ именами. Каноническое Евангеліе отъ Марка имѣло источникомъ своимъ устную проповѣдь Апостоловъ Павла и Петра, которыхъ Ев. Маркъ былъ спутникомъ; а каноническое Евангеліе отъ Луки имѣло своимъ источникомъ устную проповѣдь Ап. Павла, котораго Ев. Лука былъ спутникомъ. Такимъ образомъ, каноническія Еван-

гелія отъ Марка и Луки слѣдуетъ признать письменнымъ изложеніемъ непосредственной устной Апостольской проповѣди а потому рѣшительно не должно предполагать въ нихъ Евангелистовъ, путешествовавшихъ по Палестинѣ для собиранія Ев. рассказовъ. А каноническое Евангеліе отъ Матѳея, принадлежащее самому Ап. Матѳею, какъ одному изъ очевидцевъ Господа и служителей Его Евангелія, также не предполагаетъ для себя сборника Ев. рассказовъ, составленнаго путешествовавшими Евангелистами,—уже потому только, что всѣ рассказы, содержащіеся въ Евангеліи отъ Матѳея, весьма сходны съ рассказами, находящимися въ другихъ синоптическихъ Евангеліяхъ, содержаніе которыхъ несомнѣнно Апостольскаго происхожденія. И относительно рѣчей Иисуса Христа, содержащихся въ Евангеліи отъ Матѳея, Эвальдъ самъ убѣжденъ, что они воспроизведены самимъ Ап. Матѳеемъ, очевидцемъ-слушателемъ Иисуса Христа и служителемъ Его слова²³⁸). Слѣдовательно, первыя три каноническія Евангелія произошли изъ устнаго Апостольскаго преданія и для своего составленія не требовали особыхъ специальныхъ Евангелистовъ, путешествовавшихъ и собиравшихъ Ев. рассказы.—Иначе говоря: предположеніе особыхъ Евангелистовъ для постепеннаго образованія Ев. исторіи дѣлается излишнимъ съ точки зрѣнія самой же теоріи Эвальда, признающей дѣйствительность того историческаго факта, что Ев. Маркъ и Лука были спутниками Апостоловъ Петра и Павла и что Ап. Матѳеи былъ однимъ изъ числа Двѣнадцати очевидцевъ-свидѣтелей Господа и служителей Его слова²³⁹).

Впрочемъ, устраненіе дѣятельности особыхъ Евангелистовъ, какъ толкователей и переводчиковъ, еще не устраняетъ собственно авторскую дѣятельность ихъ или пись-

238) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 201—202.

239) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 184 и 221.

менность. По теории—, первоначальные Евангелисты, конечно, не много заботились о письменном изложении и литературной обработкѣ матеріи Евангелій; однако, если потребность въ письменном изложении ея появлялась, то они скоро удовлетворяли ей. Таковы: Ев. Маркъ, спутникъ и толкователь Ап. Петра, и Ев. Лука, другъ и спутникъ Ап. Павла. Однако, предостерегаетъ Эвальдъ, это неоспоримо-вѣрное и въ высшей степени важное положеніе не слѣдуетъ распространять такъ далеко, чтобы уже не оставалось возможности тому или другому изъ Двѣнадцати Апостоловъ письменно излагать Ев. исторію. Двѣнадцать Апостоловъ были большею частію главными проводниками всего христіанскаго движенія и нашли при этомъ много дѣла для себя: но Христосъ избралъ ихъ не для того только, чтобы имѣть въ нихъ хорошихъ (geschickte) руководителей многочисленными массами народа, а для того, чтобы они образовали собою существенную, основную часть общества и въ своемъ поведеніи подавали примѣръ жизни истинно-вѣрующихъ людей. Но при всемъ томъ Двѣнадцать Апостоловъ имѣли время и желаніе или особенную потребность увѣковѣчить свои воспоминанія о Христѣ въ писаніяхъ; и само собою не представляется никакого основанія, чтобы сомнѣваться въ томъ, составилъ ли Матѳей или Іоаннъ Ев. исторію, какъ равно нѣтъ основанія удивляться и тому, что, напримѣръ, Ап. Петръ не написалъ Евангелія²⁴⁰⁾. Если это такъ, то мнѣніе Эвальда относительно авторской дѣятельности особыхъ Евангелистовъ нисколько не дѣлаетъ ихъ самостоятельными и непремѣнными помощниками Апостоламъ въ дѣлѣ благовѣствованія. Отсюда видно только, что первыя три каноническія Евангелія несомнѣнно могли быть написаны и самими Двѣнадцатью Апостолами, какъ первое изъ нихъ и дѣйствительно написано Апостоломъ Мат-

ѳеемъ. А если второе и третье написаны Маркомъ и Лукою, сотрудиниками Апостоловъ, то—подъ непосредственнымъ вліяніемъ и по преданію Апостоловъ Петра и Павла, не зависимо ни отъ какихъ спеціальныхъ Евангелистовъ-писателей.

Слѣдовательно, ни для письменнаго изложенія Ев. исторіи, ни для устнаго распространенія ея, ни для собиранія ея матеріи не требовались первоначальныя спеціальныя Евангелисты, кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ, служителей слова, избранныхъ и посвященныхъ на такое спеціальное служеніе. Такихъ „особыхъ Евангелистовъ“ дѣйствительно и не было: были только помощники Апостоловъ въ устномъ благовѣстіи слова Божія, и тѣ были не какъ необходимые толкователи или источники Ев. исторіи, а какъ Апостольскіе ученики и сотрудиники, благовѣствовавшіе съ дозволенія и по порученію кого либо изъ Двѣнадцати Апостоловъ или Ап. Павла.

Итакъ, не было „особаго рода людей, которые бы преимущественнымъ дѣломъ своей жизни поставляли то, чтобы собирать, сохранять и распространять Ев. исторію“, не было такихъ особыхъ Евангелистовъ, кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ; потому что они сами или ихъ ближайшіе помощники, подъ ихъ вліяніемъ, безъ труда и непосредственно изъ устнаго преданія или воспоминанія могли составить каждое изъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій.—Предполагать будто бы необходимую дѣятельность особыхъ Евангелистовъ для составленія именно первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій совершенно излишне.

Дѣятельность предполагаемыхъ Эвальдомъ особыхъ Евангелистовъ, кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ, по его мнѣнію, имѣла результатомъ своимъ обширную Евангельскую литературу, о чемъ можно судить по составу первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій.—„Мы, говоритъ авторъ теории, по всѣмъ извѣстнымъ слѣдамъ въ каноническихъ Евангеліяхъ можемъ достовѣрно указать древ-

240) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 188—189.

нѣйшіе труды, которые въ видѣ отрывковъ содержатся уже въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Ев. литературы²⁴¹⁾, именно—въ каноническихъ Евангеліяхъ. Раскрытіе того, какъ составлялись первыя три каноническія Евангелія (Composition) изъ разныхъ письменныхъ, предварительно составленныхъ, источниковъ, есть приложеніе втораго принципа теоріи Эвальда,—принципа заимствованія, и въ то же время—содержаніе дальнѣйшаго развитія теоріи. Для того, чтобы правильнѣе разобрать составъ (Composition) синоптическихъ Евангелій, который предлагаетъ теорія, должно внимательно критически разсмотрѣть признаки, по коимъ открываются „слѣды“ древнѣйшихъ и вообще болѣе раннихъ Ев. трудовъ, нежели каноническія Евангелія, и провѣрить самый составъ ихъ на основаніи указываемыхъ Эвальдомъ „слѣдовъ“, при всѣхъ другихъ средствахъ, предлагаемыхъ самой же теоріей для своего оправданія, какъ-то: филологическихъ и историческихъ доказательствахъ и свидѣтельствахъ. Отсюда—первый по важности и при изслѣдованіи вѣрно руководящій вопросъ долженъ быть такой: почему слѣдуетъ признать самостоятельнымъ извѣстное воспроизведенное по теоріи сочиненіе (Composition), какъ отдѣльное произведеніе по Ев. исторіи, которое было источникомъ, основаніемъ и частію другихъ Ев. трудовъ при постепенномъ и преемственномъ развитіи Ев. письменности?—Для рѣшенія этого вопроса всегда должно имѣть въ виду критерій, при которомъ теорія открываетъ, выдѣляетъ и соблюдаетъ извѣстныя части Ев. исторіи и сопоставляетъ ихъ потѣмъ въ видѣ особыхъ Ев. произведеній, въ качествѣ источниковъ для первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій.

241) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 191.

VIII.

Первый древнѣйшій письменный трудъ по Евангельской исторіи, открытый Эвальдомъ по „извѣстнымъ и достовѣрно (будто-бы) дознаннымъ слѣдамъ“, есть такъ называемое имъ Древнѣйшее Евангеліе²⁴²⁾.

Вотъ содержаніе этого Евангелія. По Евангелію отъ Маттея: III, 16—17; VIII, 19—22; XVII, 1—13; 22—23; XIX, 1—30; XXI, 1—3, 6—16 (ср. Мр. XI, 1—21); XXII, 15—46; XXIII, 36—38, XXVII, 28—31. По Ев. отъ Мр: I, 9—20; IX, 2—13; 30—32; X, 1—31; XI, 1—21; XII, 13—37. По Ев. отъ Лук. IX, 28—36; 51—62; X, 38—42; XI, 1—4; XII, 13—15; XIII, 1—5; 31—35; XVII, 5—6; 20—21; XIX, 41—44; XX, 21—44; XXI, 37—38; XXII, 1—2, 4—15, 19—20²⁴³⁾.—Здѣсь Эвальдъ указываетъ рядъ рассказовъ, которые, по его выраженію, описываютъ высшіе пункты исторіи явленія Христа. Это рассказы о крещеніи (Мр. I, 9—11), сорокадневномъ пребываніи въ пустынѣ (I, 12) и преображеніи Христа (IX, 1—13),—„рассказы, образующіе какъ бы твердые столбы, на которыхъ зиждется множество

242) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 191. u. a.

243) См. D. drei ersten Evangelien,—по соответствующему штрифту. Ср. Jahrb. d. b. W. 1849. S. 193.

другихъ разсказовъ въ Евангеліи отъ Марка, которые въ немъ выступаютъ какъ высокія крутизны (Steile Höhen), какъ первообразованные хребты (urgebirgsbildungen), высоко-восходящія надъ остальною, наносною повѣствовательною матеріей. Нѣтъ недостатка въ особыхъ признакахъ того, что хотя они находятся въ тѣсной взаимной связи въ процессѣ разсказа Евангелія отъ Марка; но по содержанію и изложенію стояли первоначально въ иной связи, чѣмъ теперь. Легко понять, что хотя разсказы о крещеніи и искушеніи Господа могли образовать начало труда, однако между ними и исторією преображенія Спасителя вѣроятно было изложено еще какое либо событіе; на это ясно указываетъ опредѣленіе времени самаго преображенія: „послѣ шести дней (Мр. IX, 1)“..., что повторяетъ Ев. Матѳей (XVII, 1) и съ легкимъ измѣненіемъ Ев. Лука (IX, 28). Между тѣмъ это опредѣленіе въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка теперь находится совершенно отрывочнымъ и—вопреки обыкновенію самого Ев. Марка,—какъ остатокъ другаго труда“²⁴⁴).

Очевидно, первое основаніе, по чему теорія относитъ указанные разсказы къ Древнѣйшему Евангелію—то, что они представляются въ Ев. повѣствованіи о всей жизни Господа „высокими крутизнами, первообразованными хребтами“. Пусть такъ это кажется воображенію Эвальда, склоннаго къ пластическому представленію историческихъ событій; но это дѣло только его воображенія, а не критико-аналитическаго и собственно историческаго или научнаго сужденія. Критическое сравненіе указанныхъ разсказовъ съ другими въ Евангеліи отъ Марка показываетъ, что они ничего не имѣютъ въ себѣ такого, по чему бы они должны были выставляться изъ среды многихъ остальныхъ, какъ особенно возвышенные, какъ основы всего Ев. повѣствованія. Характеристическія стороны этихъ

244) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 192.

разсказовъ—откровеніе съ неба и явленіе злаго духа въ чувственномъ видѣ, т. е. необычайность событій. Но въ какихъ же разсказахъ Ев. исторіи нѣтъ своего рода необычайности, если вся она есть откровеніе Бога-Слова,—изображеніе высокыхъ дѣлъ, произведенныхъ необычайнымъ духомъ Христовымъ?—Какое же преимущество имѣетъ необычайность этихъ разсказовъ предъ другими?—Она, очевидно, состоитъ въ обнаруженіи „небеснаго участія“,—откровенія съ неба. Но явленіе необыкновеннаго въ небѣ, конечно, также необыкновенно, какъ то же явленіе и на землѣ, и въ водѣ; потому что производится такое явленіе божественною силою (вмѣсто небеснаго знаменія—знаменіе Іоны пророка,—воскресеніе Іисуса Христа). И почему исторію искушенія Іисуса Христа въ пустынѣ слѣдуетъ признавать выше, нежели исторію Его смерти, воскресенія и вознесенія на небо? Или: что такое, въ самомъ дѣлѣ, голось съ неба? какъ онъ былъ слышенъ при крещеніи Іисуса Христа? Какъ разверзлись надъ Нимъ небеса?—Все это опредѣлить точно нельзя, а потому и судить объ этомъ, какъ въ извѣстной степени особенномъ и преимущественно необыкновенномъ, нѣтъ основанія ни логическаго, ни историческаго. Собственно небеснаго въ исторіи искушенія Іисуса Христа нѣтъ, кромѣ Его же Самого, какъ Сына человѣческаго, сущаго въ то же время на небеси, какъ Бога; а явленіе Сатаны въ воображеніи скорѣе представляется не съ неба, а изъ преисподней. Однажды Господь видѣлъ Сатану спадшимъ съ неба; но это явленіе не указывается въ теоріи въ числѣ такихъ же возвышенныхъ событій, какъ преображеніе Господа, и т. п., хотя то явленіе было съ неба. Поэтому признакъ чрезвычайности событій, какъ явленій съ неба, не имѣетъ опредѣленности и постояннаго значенія, настолько, чтобы по немъ можно было вѣрно составлять содержаніе перваго или Древнѣйшаго Евангелія. Этотъ признакъ и въ болѣе общемъ его значеніи, въ смыслѣ возвышенности Ев. событій, не можетъ быть при-

нять за основаніе для выдѣленія указанныхъ разсказовъ изъ Евангелія отъ Марка въ составъ содержанія особаго, Древнѣйшаго Евангелія. Кажущаяся высота событій, кажется такою только самому Эвальду; по ней только онъ можетъ указывать порядокъ и составъ Древнѣйшаго Евангелія; но ни что не ручается за объективность его взгляда, представляющаго такой порядокъ и составъ. Чистою субъективною мнѣнію Эвальда о высотѣ указанныхъ событій устраняется его предположеніе о заимствованіи Ев. Маркомъ своихъ основныхъ разсказовъ изъ Древнѣйшаго Евангелія. И еслибы Ев. Маркъ дѣйствительно заимствовалъ свои разсказы, то почему же именно изъ Древнѣйшаго Евангелія, а не изъ другаго какого?—неизвѣстно. Между тѣмъ, другое подобное по своему содержанію, съ точки зрѣнія теоріи Эвальда, дѣйствительно могло быть. А если такъ, то еще нѣтъ основанія изъ данныхъ главныхъ Ев. разсказовъ составлять именно Древнѣйшее Евангеліе: источникъ Евангелія отъ Марка могъ быть такимъ же по объему, какъ и само каноническое Евангеліе отъ Марка, или—каноническое Евангаліе отъ Марка могло быть именно такимъ Древнѣйшимъ Евангеліемъ, какое открываетъ теорія.

Заимствовано ли содержаніе каноническаго Евангелія отъ Марка изъ другихъ трудовъ, предшествовавшихъ ему въ исторіи развитія Ев. письменности, и должно ли выдѣлять изъ каноническаго Евангелія отъ Марка нѣкоторые отрывки, будто бы заимствованные его писателемъ изъ древнѣйшаго Евангелія, какъ его источника?—нѣтъ. Въ доказательство компилятивнаго состава каноническаго Евангелія отъ Марка и въ тоже время самостоятельности отрывковъ, выдѣляемыхъ изъ его содержанія, Эвальдъ указываетъ на многократное употребленіе въ Евангеліи отъ Марка частицы εὐδως или εὐδωος (I, 10. 12 и под.). Эта „частица (будто бы) указываетъ не на иное что, какъ только на то, что авторъ составлялъ свой трудъ изъ весьма многихъ отрывковъ, заим-

ствованныхъ изъ разныхъ, предшествовавшихъ ему, Ев. трудовъ“²⁴⁵). Частица εὐδως значитъ: тотчасъ, немедленно, за-разъ, тогда-же, сперва, сначала, едва, немного послѣ, лишь только²⁴⁶). Такое значеніе, конечно, ничего не говоритъ въ пользу того положенія, что Евангеліе отъ Марка, по мнѣнію Эвальда, составлено изъ разнаго и разрозненно-отрывочнаго матеріала; потому что безъ такихъ частицъ, какъ: тогда же, немного послѣ и др. под., нѣтъ почти ни одного историческаго сочиненія. Слово εὐδως указываетъ только на отсутствіе точной хронологіи въ Евангеліи повѣствованіи, которое идетъ безъ ней, просто, но послѣдовательно. Отсутствіе хронологіи еще не ручается за компилятивную обработку даннаго историческаго матеріала каноническихъ Евангелій; потому что и въ другихъ Св. книгахъ Поваго Завѣта есть та же частица εὐδως (εως); между тѣмъ эти книги, по теоріи, признаются первоначальными, не компилятивными. Она встрѣчается, напримѣръ, въ Евангеліи отъ Матѳея: XIII, 20—21 (ср. Мр. IV, 16—εὐδωος); Іоанна: XIX, 34; XXI, 3; Марка: I, 12—28; Іоанна XIII, 32; Матѳея: III, 16; Марка I, 29 и IX, 2 ст.²⁴⁷). При этомъ очевидно, что Эвальдъ неустойчивъ въ своемъ взглядѣ. Слова Евангелія отъ Матѳея: XIII, 20—21 и Марка: IV, 16 ст. хотя и заключаютъ въ себѣ εὐδως; но относятся не къ Древнѣйшему Евангелію, а къ Собранію изреченій; слова Марка: I, 28 и 29 ст. хотя и заключаютъ въ себѣ εὐδως, но относятся не къ Древнѣйшему Евангелію, а къ Собственно-

245) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 192. Anmerk. erst.

246) Schleisner'a: Novum Lexicon gr.—lat. B. I.

247) Текстъ Древнѣйшаго Евангелія и другихъ произведеній Евангельской письменности, указываемыхъ теоріей Эвальда, можно видѣть въ D. drei ersten Evangelien,—по соответственному шрифту.—Въ указанныхъ выше мѣстахъ частица εὐδως встрѣчается, но они относятся по теоріи не къ Древнѣйшему Евангелію, а къ другимъ Ев. трудамъ.

му Евангелію Марка (Ur-marcus); слова Мр.: I, 12; IX, 2 и Мѳ. III, 16—къ Древнѣйшему Евангелію. Отсюда ясно прежде всего, что частица εὐθὺς не можетъ быть основаніемъ къ выдѣленію IX-й главы изъ каноническаго Евангелія отъ Марка въ составъ содержанія Древнѣйшаго Евангелія, потому что она встрѣчается и въ другихъ произведеніяхъ Ев. письменности, какъ Собраніе изреченій, которое не компилятивно, и въ Собственномъ Евангеліи Марка, которое также не компилятивно въ отношеніи къ другимъ рассказамъ, составляющимъ остальное его содержаніе. Для чего же изъ Собственного Евангелія Марка выдѣляютъ нѣкоторые его отрывки съ частицею εὐθὺς, признавая ихъ частями содержанія собственно Древнѣйшаго Евангелія, а остальные отрывки его содержанія, также съ частицею εὐθὺς, признавать отрывками Собственного Евангелія Марка (какъ это очевидно изъ I, 10 и 12; и I-же, 28 и 29)? Для чего одно относить именно къ Древнѣйшему Евангелію, а другое, одинаковое съ тѣмъ, къ Собственному Евангелію Марка, если древности, а тѣмъ болѣе степени ея, нельзя различить по частицѣ εὐθὺς? Чѣмъ разнится эта частица по своему смыслу въ Древнѣйшемъ Евангеліи и въ Собственномъ Евангеліи Марка?—Сравненіе, на примѣръ, I гл. 10 и 12 ст. Евангелія отъ Марка съ 28 и 29 ст. той же главы не показываетъ рѣшительно никакого различія въ смыслѣ εὐθὺς. Вотъ самыя слова: „когда (εὐθὺς) выходилъ Иисусъ изъ воды (ст. 10)... вышедши вскорѣ (εὐθὺς) изъ синагоги (ст. 29)... немедленно (εὐθὺς) послѣ того Духъ ведетъ Его (ст. 12)... скоро (εὐθὺς) разошлась о Немъ (Иисусъ) молва (ст. 28)“... Эти стихи одной и той же I-й главы, одного и того же Евангелія отъ Марка, имѣютъ εὐθὺς съ одинаковымъ значеніемъ: послѣ того, немедленно, скоро, вскорѣ и проч.,—значеніемъ, съ которымъ это слово одинаково употребляется при разныхъ Ев. событіяхъ—выходѣ изъ воды Иордана, шестви въ пустыню, выходѣ изъ синагоги и под. Однако, стихи 10

и 12, I-й гл., гдѣ εὐθὺς значить: когда, какъ только, тотчасъ, немедленно,—относятся къ Собственному Евангелію Марка; а стихи: 28 и 29, гдѣ εὐθὺς также значить: скоро, вскорѣ и под., относятся къ Древнѣйшему Евангелію. При этомъ слово εὐθὺς какъ въ ст. 10 и 12, такъ въ 28 и 29-мъ, употребляется одинаково съ окончаніемъ ος, а не εως²⁴⁸). Слѣдовательно, нѣтъ ни логическаго, ни филологическаго, ни экзегетико-историческаго основанія, чтобы по слову εὐθὺς (εως) выдѣлять имѣющие его отрывки (на примѣръ, 28 и 29 ст., I гл. Мр.) изъ одного Евангелія въ содержаніе другаго, когда-то будто-бы отдѣльно существовавшаго, Древнѣйшаго.

Вторымъ признакомъ компилятивнаго составленія и свидѣтельствомъ за самостоятельность Древнѣйшаго Евангелія, находящагося будто-бы въ видѣ отрывковъ въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка, Эвальдъ указываетъ хронологическую замѣтку въ гл. IX, 1 ст. этого Евангелія: „послѣ шести дней“. Касательно этихъ словъ онъ говоритъ, что „это остатокъ труда, который располагалъ главные событія изъ жизни Иисуса по обще-принятымъ показаніямъ времени“²⁴⁹). Но почему же это—„послѣ шести дней“—должно признать именно остаткомъ и соб-

248) Такъ это по Novum Testamentum, ed. Tischendorf's; но у Walton'a: Biblia Sacra Poliglotta—это нѣсколько разнится: ст. 10—εὐθὺς, а 12—εὐθὺς, въ вариантахъ—εὐθὺς; ст. 28—εὐθὺς, а 29—εὐθὺς; за тѣмъ, по Walton'у—въ Вульгатѣ: 10 ст.—statim; 12 ст.—statim; 28 ст.—statim; 29 ст.—protinus (это собственно означаетъ тоже, что и statim: тотчасъ, за-разъ, немедленно); слѣдовательно, и по разностямъ ος и εως у Walton'a въ стихахъ: 12 и 10-мъ ихъ нельзя выдѣлять изъ текста, оставляя тамъ ст. 28-й и 29-й,—нельзя, если принять за основаніе выдѣленія частицу εὐθὺς.

249) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 192.

ственно инаго труда?—потому, что оно стоитъ единично, не по обыкновению Ев. Марка?—нѣтъ; въ Евангеліи отъ Марка и еще встрѣчается хронологическое указаніе, именно въ XIV гл., 1 ст. Между тѣмъ это мѣсто почему-то относится Эвальдомъ не къ Древнѣйшему Евангелію, а къ Собранію изреченій. Почему же не къ Собранію изреченій относится IX, 2 ст., а къ Древнѣйшему Евангелію?—потому, что въ IX-й гл. содержится разсказъ, а не рѣчь; слѣдовательно, основаніе выдѣленія IX-й главы заключается собственно въ ея содержаніи, а не въ хронологической замѣткѣ: иначе и XIV, 1 ст. и д. должно было бы отнести къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія. Если же XIV, 1 ст. нельзя относить къ Древнѣйшему Евангелію, а IX, 2—къ Собранію изреченій; то они должны оставаться на своихъ мѣстахъ въ составѣ каноническаго Евангелія отъ Марка. И почему не такъ?—Если положить, что это (IX, 2) хронологическое замѣчаніе есть остатокъ, то нужно показать, для чего или почему оно оставлено именно въ томъ мѣстѣ. Если трудъ, отъ котораго оно оставлено, содержалъ въ себѣ хронологическія показанія, какъ IX, 2 ст., то почему же не оставлено еще никакихъ указаній по хронологіи Ев. событій въ другихъ отрывкахъ отъ того же Древнѣйшаго Евангелія?... Тотъ трудъ, по мнѣнію Эвальда, содержалъ хронологическія опредѣленія главныхъ Ев. событій; но если такъ, то и въ Евангеліи отъ Марка хронологическія указанія находятся при такихъ главныхъ событіяхъ, какъ преображеніе Господа и послѣдній праздникъ Пасхи. Слѣдовательно, нѣтъ нужды предполагать Древнѣйшаго Евангелія, если такимъ можетъ быть признано собственно каноническое Евангеліе отъ Марка, какъ заключающее въ себѣ всѣ признаки онаго; или, наоборотъ, IX, 2 ст. и весь отрывокъ не должно относить къ Древнѣйшему Евангелію, какъ самостоятельному труду. Указаніе—„послѣ шести дней“—и въ Евангеліи отъ Марка имѣетъ ту же цѣль, что и въ Древнѣйшемъ Еван-

геліи: на-оборотъ, если это указаніе признать отрывкомъ или остаткомъ, или „слѣдомъ“; то всѣ эти понятія прямо возбуждаютъ вопросъ: какая же цѣль такого, напримѣръ, остатка и въ какой связи можно и должно разсматривать это, случайно оставшееся, замѣчаніе съ предыдущимъ разсказомъ?—„Послѣ шести дней...“ съ чего же слѣдуетъ начинать счисленіе „шести“?—Съ понятіемъ о ст. 2, IX гл., какъ объ остаткѣ, нельзя ничего сказать на подобный вопросъ; между тѣмъ, принявъ цѣль даннаго замѣчанія, можно указать и настоящую связь IX-й главы съ предыдущимъ повѣствованіемъ, разумѣется—историческую и хронологическую. „Послѣ шести дней“—начиная со дня воскресенія Господомъ дочери Іаира (гл. V, 37 ст.)²⁵⁰). Понятно, если есть цѣль даннаго замѣчанія (IX, 2) и если это замѣчаніе указываетъ связь двухъ чудесныхъ событій; то его нельзя считать случайнымъ остаткомъ какого либо древнѣйшаго Ев. труда. Если же данное замѣчаніе должно признать именно намѣреннымъ; то оно по этому самому уже не будетъ признакомъ компилятивнаго состава каноническаго Евангелія отъ Марка.

Если при связи, которая опредѣляется хронологическимъ указаніемъ IX, 2 ст., устраняется компилятивный характеръ Евангелія отъ Марка, насколько, по теоріи, можно судить о томъ, принимая во вниманіе будтобы остатокъ Древнѣйшаго Евангелія—IX, 2 и д.; то тѣмъ болѣе оказывается несправедливою та мысль, что этотъ мнимый отрывокъ, а съ нимъ, разумѣется, и всѣ другіе, въ теоріи отмѣченные, отрывки, заимствованы изъ Древнѣйшаго Евангелія. Главное въ этомъ отношеніи то, что невозможно выводить изъ такихъ хронологическихъ данныхъ извѣстнаго труда древность его составленія; между тѣмъ только по этому Эвальдъ и признаетъ источникъ Еван-

250) Avg. Klostermann: D. Markusevangelium. Göttingen. 1867. S. 183.

гелія отъ Марка древнѣйшимъ трудомъ, а не современнымъ, и данный отрывокъ не принадлежащимъ прямо Евангелію отъ Марка. Если это хронологическое замѣчаніе—остатокъ; то почему же именно древнѣйшаго труда?—Самъ Эвальдъ указываетъ тотъ фактъ, что „то же самое замѣчаніе (Мр. IX, 2) повторяютъ Ев. Матѳей въ XVII, I ст. и, съ небольшимъ измѣненіемъ, Ев. Лука въ IX, 28“. Если оно осталось у Ев. Марка, то почему же оно осталось и у Ев. Матѳея?—если по уваженію автора къ древности замѣчанія, то оно должно быть оставлено со смысломъ, въ связи, чего, по мнѣнію Эвальда, нѣтъ; и почему Ев. Лука нѣсколько измѣняетъ хронологическое замѣчаніе Ев. Марка, если предположить, что оно взято и Ев. Лукою изъ того же столь важнаго, Древнѣйшаго Евангелія. На-оборотъ, если хронологическое замѣчаніе IX, 2 ст. Евангелія отъ Марка есть остатокъ—въ смыслѣ Эвальда; то почему же такъ безотчетно Ев. Матѳей и Лука слѣдовали Ев. Марку? Почему же Ев. Лука такъ мало измѣнилъ замѣчаніе Ев. Марка, какъ-бы не имѣя въ своемъ сознаніи настоящаго значенія 2 ст. IX-й гл.? Евангеліе отъ Луки, по Эвальду, есть самое позднѣйшее изъ числа предполагаемыхъ имъ девяти произведеній Ев. письменности; а потому писатель его не имѣлъ права или основанія измѣнять хронологическое указаніе самаго Древнѣйшаго Евангелія; такъ какъ это не соответствовало цѣли Евангелиста—обстоятельно изложить всю Евангельскую исторію (Лук. I, 1—4). Если же, на-оборотъ, онъ имѣетъ не точно такое же хронологическое замѣчаніе, какъ IX, 2 ст. Мр., то слѣдуетъ, что онъ не имѣлъ въ виду никакого авторитетнаго произведенія и былъ въ своемъ опредѣленіи хронологіи независимъ отъ Древнѣйшаго Евангелія. Но если такое позднѣйшее писаніе, какъ Евангеліе отъ Луки, могло опредѣлять событіе преображенія Господа хронологически независимо отъ Древнѣйшаго Евангелія, то тѣмъ болѣе могъ это сдѣлать Ев. Маркъ, спутникъ Ап. Петра, бывшаго очевидцемъ

славнаго преображенія Господа. И самое понятіе о Древнѣйшемъ Евангеліи, какъ трудѣ хронологическомъ, ничѣмъ не оправдывается. Если предположить, что ст. 1, IX-й гл. Евангелія отъ Марка есть остатокъ Древнѣйшаго Евангелія—труда, излагавшаго главныя событія изъ Ев. исторіи по общепринятому счисленію времени; то откуда слѣдуетъ, что онъ остатокъ именно отъ такого труда, какъ Древнѣйшее Евангеліе?—ни откуда. Заключение, что отрывокъ хронологическаго изложенія принадлежитъ труду N; слѣдовательно, этотъ N былъ расположенъ хронологически,—неправильно, въ виду того, что это хронологическое замѣчаніе есть и въ другихъ Евангеліяхъ, которыя не расположены точно-хронологически, въ полномъ смыслѣ этого слова. Сколько такихъ хронологическихъ замѣчаній, какъ IX, 2 ст. Евангелія отъ Марка, есть, на-примѣръ, въ Евангеліи отъ Луки, хотя оно имѣетъ и соответственное тому хронологическое замѣчаніе—въ IX, 28 ст. Разумѣется нельзя заключать такъ: хронологическое замѣчаніе Ев. Матѳея: XVII, 1 ст. или Ев. Луки: IX, 28 ст. заимствовано изъ труда N; слѣдовательно, этотъ трудъ N былъ расположенъ хронологически; потому что въ этомъ случаѣ N есть Евангеліе отъ Марка, изъ коего, по мнѣнію Эвальда, заимствовалъ свое замѣчаніе (XVII, 1) Ев. Матѳей²⁵¹). А Евангеліе отъ Марка расположено не хронологически; даже и оно само, по мнѣнію Эвальда, заимствовало данное замѣчаніе изъ Древнѣйшаго Евангелія. Но заключеніе, что замѣчаніе IX, 2 ст. Ев. Марка принадлежитъ труду N; слѣдовательно, этотъ трудъ N былъ расположенъ хронологически, есть собственно *circulus in demonstrando*. Почему N есть трудъ, расположенный хронологически?—потому, что ему принадлежитъ хронологическое замѣчаніе IX, 2 ст. Ев. Марка; а почему IX, 2 ст. принадлежитъ

251) См. D. drei ersten Evangelien,—по соответственному шрифту.

труду N?—потому, что N былъ расположенъ хронологически. Такъ, по хронологическому замѣчанію IX, 2 ст. Ев. Марка, нельзя заключать о томъ, что IX-я глава заимствована имъ изъ другаго древнѣйшаго Ев. труда; а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ уже основанія въ Евангеліи отъ Марка, чтобы тотъ или другой отрывокъ его выдѣлять и относить къ новому, дотолѣ еще неизвѣстному труду, напримѣръ, Древнѣйшему Евангелію. Поэтому, предполагаемое Эвальдомъ, Древнѣйшее Евангеліе не можетъ быть признано отдѣльнымъ самостоятельнымъ произведеніемъ: оно составляетъ собственное содержаніе первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій.

Но Эвальдъ не только въ Евангеліи отъ Марка, но и въ Евангеліи отъ Луки старается указать слѣды самостоятельнаго существованія Древнѣйшаго Евангелія. Эти слѣды онъ находитъ у Евангелиста Луки за вторымъ большимъ отдѣленіемъ всей Ев. исторіи его, начиная съ IX, 51 ст.,—въ „очень длинной вставкѣ“, въ которой изложены только рѣчи Иисуса съ очень краткими историческими введеніями (объясненіями). Между здѣсь поставленными отрывками находятся нѣкоторые, частію по ихъ краткости и при томъ полнотѣ, частію по ихъ простоту, но въ тоже время важному, содержанію историческому, въ высшей степени отличные отъ всего остальнаго содержанія Евангелія. Они суть: IX, 51—56, 57—62; X, 38—42; XI, 1—4; XII, 13—15; XIII, 1—5, 31—33, 34 и сл.; XVII, 5—6, 20—22. Всѣ эти отрывки, по мнѣнію Эвальда, имѣютъ одну, сильно выступающую, особенность и каждый изъ нихъ, при всей своей великой краткости, есть одинъ изъ драгоценныхъ перловъ историческаго воспоминанія. Ихъ можно назвать древнѣйшимъ Собраніемъ изреченій Христа. Каждое изреченіе стоитъ здѣсь еще совершенно отдѣльно (*für sich*), такъ что едва только нѣкоторыя, сродныя по содержанію, составлены въ группы, и каждое всегда имѣетъ при томъ свое краткое историческое изъясненіе (кромѣ XII, 34 ст.).

А что эти изреченія записаны очень рано, это доказывается словами только Ев. Луки: XIII, 1—5²⁵²). Такъ ли это?—

Прежде всего, сравненіе текста отрывковъ Древнѣйшаго Евангелія, указанныхъ въ изложеніи самой теоріи съ одной стороны и въ „Трехъ первыхъ Евангеліяхъ“ съ другой, представляетъ нѣкоторыя разности²⁵³). Въ самомъ изложеніи теоріи опущены: IX, 28—36; XVII, 7—10; XIX, 41—44; XX, 21—44; XXI, 37—38; XX, 1—2, 4—15, 19—20. При такомъ различіи въ указаніи цитатъ примѣчательно, напримѣръ, то, что изъ XVII-й гл. указаны въ теоріи, какъ относящіяся къ дѣлу, только ст. 5 и 6-й, а рядомъ съ ними стоящія и слѣдующія далѣе 7, 8, 9 и 10-й ст. опущены. Поэтому становится подозрительнымъ то сужденіе, какое въ теоріи основывается только на 5 и 6 ст. XVII гл. Дѣйствительно ли указанные Эвальдомъ отрывки изъ Евангелія отъ Луки имѣютъ одну, сильно выступающую, особенность?—нѣтъ.

Общій основной характеръ данныхъ отрывковъ состоитъ въ ихъ краткости и при томъ полнотѣ, въ простотѣ, но въ то же время и важномъ, историческомъ содержаніи ихъ. Очевидно, эти характеристическія понятія не могутъ быть мѣрой для точнаго опредѣленія отрывковъ Древнѣйшаго Евангелія,—особенно по отношенію къ изреченіямъ Господа, которыя всегда были кратки при ихъ неизмѣримо-полномъ содержаніи. Поэтому, руководствуясь понятіями краткости и притомъ полноты изреченій, можно, независимо отъ указаній Эвальда, набрать въ каноническихъ Евангеліяхъ такихъ же по характеру отрывковъ много болѣе, нежели онъ указалъ. А это зна-

252) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 192—193.

253) Т. е.,—въ статьѣ Эвальда *Die Ursprung und Wesen der Evangelien*. Jahrb. d. b. W. 1849; и въ *Die drei ersten Evangelien*. 1850.

читать, что понятія, опредѣляющія характеръ даннаго Ев. труда, сами неопредѣленны; при нихъ возможенъ и произвольный выборъ содержанія его изъ каноническихъ Евангелій. Это можно видѣть и на самомъ дѣлѣ, при тщательномъ сравненіи избранныхъ Эвальдомъ отрывковъ. Въ „Трехъ первыхъ Евангеліяхъ“ онъ начинаетъ свой выборъ съ IX, 28—36 ст. Мр. Здѣсь съ 28—36 ст. рассказывается о преображеніи Господа; а далѣе повѣствуется объ исцѣленіи бѣсноватаго: ст. 37—42. Эвальдъ первое отдѣляетъ отъ втораго потому, что то по своему содержанию выше, нежели это; но одной высоты содержанія для этого выдѣленія 28—36, IX гл. еще недостаточно: высокое событіе, естественно, потому высоко, что при немъ находятся или разумѣются еще другія, менѣе важныя. Почему же не представлять, что въ Евангеліи дѣло излагается въ естественномъ, послѣдовательномъ и историческомъ порядкѣ?—Эвальдъ выдѣляетъ стихи 28—36 изъ IX-й, какъ существовавшіе когда-то отдѣльно; но ничто не ручается за подлинность такого существованія ихъ: нельзя доказать, что высоко-содержательное въ Ев. исторіи было записано прежде и отдѣльно отъ всего другаго, что появилось послѣ. Если Эвальдъ обращаетъ свое вниманіе на высоту содержанія известнаго Ев. разсказа, то почему же онъ въ Евангеліи отъ Луки начинаетъ свой выборъ съ отрывка, въ которомъ содержится разсказъ о преображеніи Господа, а не съ того, въ коемъ рассказывается о крещеніи Его? Конечно, съ точки зрѣнія Эвальда, это можетъ быть объяснимо тѣмъ, что Ев. Лука разсказъ о крещеніи (III, 21—22) заимствовалъ изъ Евангелія отъ Марка; но это еще вопросъ, было ли это дѣйствительно такъ. Если же оно было такъ, то почему не предположить, что и 28—36 стихи IX-й гл. также заимствованы изъ другаго какого-либо Евангелія, а не изъ Древнѣйшаго? Заимствовалъ же Ев. Лука свой высоко-содержательный разсказъ о крещеніи Господа изъ Собственнаго Евангелія Марка, какъ полагаетъ Эвальдъ; слѣ-

довательно, высота разсказа о преображеніи Христовомъ еще не даетъ основанія относить его къ Древнѣйшему Евангелію.—Высота разсказа о крещеніи Спасителя не препятствовала Ев. Лукѣ этотъ разсказъ нѣсколько измѣнить и, сравнительно съ изложеніемъ его у Ев. Маттея, сократить; а это значитъ, что такіе высоко-содержательные разсказы обращали на себя вниманіе Евангелистовъ не по высотѣ своего содержанія, а по историческому и догматическому ихъ значенію, какое должно признать и за многими другими, кромѣ указанныхъ Эвальдомъ, разсказами съ небеснымъ характеромъ. Здѣсь же, именно въ Евангеліи отъ Луки, не видно, почему Эвальдъ и разсказъ о преображеніи Господа признаетъ слѣдомъ или остаткомъ Древнѣйшаго Евангелія. Но если и считать его остаткомъ, то онъ, какъ таковой, долженъ стоять отдѣльно; между тѣмъ этотъ разсказъ у Ев. Луки стоитъ въ строгой хронологической связи съ послѣдующимъ его разсказомъ объ исцѣленіи бѣсноватаго.—Именно, ст. 36-й: „когда былъ гласъ... остался Иисусъ одинъ. И они (Ученики Его) умолчали, и ни кому не говорили въ тѣ дни о томъ, что видѣли“. Далѣе, ст. 37-й: „въ слѣдующій же день, когда они (Апостолы) сошли съ горы, встрѣтило Его (Спасителя) много народа, *εἰσετο δὲ τῆ ἑξῆς ἡμέρα, κατελθόντων αὐτῶν ἀπο τοῦ ὄρους*“... Слова: „въ слѣдующій же день, когда они сошли съ горы“... служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что исцѣленіе бѣсноватаго (ст. 37—42) было именно на другой день послѣ преображенія Господа на горѣ (ст. 28—36); такъ что преображеніе Господа было „*черезъ восемь дней, ὡς εἰ ἡμέραι οχτώ*“ на девятый; а исцѣленіе бѣсноватаго — на слѣдующій, *τῆ ἑξῆς*, по счету Ев. Луки, десятый ²⁵⁴⁾. Если же два данныя сказанія въ Евангеліи отъ Луки со-

254) Только въ А стоитъ *εἰ τῆ... ἡμέρα*. См. *Novum Testamentum graece. Edit. Tischendorf's a.*

поставлены такъ хронологически, то слѣдуетъ, что они были такъ и исторически; поэтому нѣтъ основанія ихъ и отдѣлять другъ отъ друга. А если ихъ отдѣлить, то нельзя будетъ объяснить того, на какой „слѣдующій“ день было исцѣленіе бѣсноватаго,—указать то, за чѣмъ онъ „слѣдующій“. Слово „слѣдующій“ вообще предполагаетъ счетъ дней; а этотъ счетъ и есть въ предыдущемъ 28-мъ ст. и въ послѣдующемъ 51-мъ. Почему же Ев. Лука, взявъ ст. 28—36 изъ Древнѣйшаго Евангелія, соединилъ ихъ съ 37 ст. и слѣдующими, взятыми изъ Евангелія отъ Марка, словомъ „слѣдующій“?—неизвѣстно. Но если это и такъ, то слово „слѣдующій“ принадлежитъ собственно Ев. Лукѣ; а слова Евангелія отъ Луки: „въ слѣдующій же день, когда они сошли съ горы“... Эвальдъ относитъ къ Собственному Евангелію Марка, тогда какъ у Ев. Марка такихъ словъ нѣтъ, а говорится только: „пришедши къ ученикамъ, увидѣлъ (Иисусъ) много народа (IX, 14)“.. ²⁵⁵). Если же ст. 14, IX гл. Марка передѣланъ Ев. Лукою въ ст. 37, IX гл.; то слово „слѣдующій“, прямо очевидно, вставлено имъ, а этого не замѣчаетъ и не отмѣчаетъ Эвальдъ ²⁵⁶). Однако странно на самомъ дѣлѣ считать вставкой собственно слово „слѣдующій“ въ Евангеліи отъ Луки, сдѣланной независимо отъ двухъ его источниковъ—Древнѣйшаго Евангелія и Собственного Евангелія Марка, въ коихъ этого слова „слѣдующій“ нѣтъ,—странно, такъ какъ для Ев. Луки не было побужденія сказать, что исцѣленіе бѣсноватаго было именно на „слѣдующій“ день послѣ преображенія Господа; потому что это исцѣленіе—

255) Такъ читаетъ эти мѣста и самъ Эвальдъ, мѣста, очевидно, различныя: Луки ст. 37: und es geschah am nachherigen Tage..., а ст. 14, IX гл. Марка: und zu den Jungern gekommen sah Er viel Volk... Очевидно, одно различно отъ другаго, а потому—одно заимствовано изъ другаго; а если и заимствовано, то, значить, передѣлано Ев. Лукою, чего, однако, не указываетъ Эвальдъ. D. drei ersten Evangelien.

256) См. D. drei ersten Evangelien.

дѣло, по сознанию Эвальда, неважное, какъ и всѣ подобныя исцѣленія, или, по крайней мѣрѣ, исцѣленіе бѣсноватаго менѣе важно, чѣмъ преображеніе Господа и, какъ такое, оно не требовало хронологическаго опредѣленія. А если въ данномъ мѣстѣ есть хронологическое замѣчаніе, то нѣтъ нужды считать его безцѣльнымъ „остаткомъ“ чужаго труда. Если же данное хронологическое указаніе у Ев. Луки есть „остатокъ“ бѣзцѣльный, то онъ долженъ былъ первоначально принадлежать именно древнѣйшему Ев. труду, потому что такой же хронологическій отрывокъ въ Евангеліи отъ Марка: IX, 2 ст. Эвальдъ самъ призналъ точнымъ „слѣдомъ“ древнѣйшаго труда, изложеннаго хронологически—Древнѣйшаго Евангелія. Итакъ, стихи: 37—50, IX гл. должно признать собственнымъ содержаніемъ Евангелія отъ Луки, а съ ними также и предыдущіе стихи: 28—36-й, или—тѣ и другіе относитъ къ Древнѣйшему Евангелію; но раздѣлять ихъ рѣшительно нельзя: хронологическое основаніе ихъ единенія важнѣе, нежели разность въ характерѣ ихъ содержанія, что у Эвальда принимается основаніемъ ихъ раздѣленія. Событіе исцѣленія бѣсноватаго у всѣхъ трехъ синоптическихъ Евангелистовъ излагается прямо послѣ разсказа о преображеніи Господа (Мѣ. XVII, 14, 23; Мр. IX, 14—29; Лук. IX, 37 и д.), какъ это признаетъ и самъ Эвальдъ. Такъ какъ Эвальдъ, далѣе, ст. 51—62-й IX-й гл. Луки считаетъ исторически вмѣстѣ данными со ст. 28—38-мъ ²⁵⁷); то слѣдуетъ, что и всѣ стихи съ 28 по 62-й въ IX-й гл. Евангелія отъ Луки не должно признавать также вмѣстѣ данными, нераздѣльными,—тѣмъ болѣе, что стихи: 43, IX Лук., 22, XVII Мѣ. 30—32, IX Мр. Лук. 46, IX и 33—37, IX Мр. 1—15, XVIII Мѣ. Лук. IX, 49—50.

257) См. D. drei ersten Evangelien.

Мр. IX, 38—40 ст., синоптически параллельны, какъ это представляется и у самого Эвальда ²⁵⁵).

Стихи 51—62, IX-й гл. Евангелія отъ Луки относятся Эвальдомъ также къ Древнѣйшему Евангелію; но почему же эти стихи?—Здѣсь говорится о непринятіи Иисуса Христа Самарянами, когда Онъ путешествовалъ въ Иерусалимъ, и о предложеніи Ему со стороны Апостоловъ—низвести огонь съ неба на Самарянъ, о воспрещеніи Апостоламъ этого дѣйствія со стороны Спасителя (ст. 51—62). Затѣмъ повѣствуется о желаніи нѣкотораго человѣка быть въ числѣ Апостоловъ и о призваніи еще нѣкоторыхъ Самимъ Иисусомъ Христомъ, при чемъ излагаются ихъ отказы и замѣчанія Господа (ст. 57—58 и 59—62). Очевидно, здѣсь нѣтъ содержанія, сходнаго по высотѣ своей съ тѣми первыми примѣрами (Мр. I, 9—11, 12; IX, 1—13, и Луки: IX, 28—36); здѣсь нѣтъ ни слова о Богѣ Отцѣ, о Святомъ Духѣ, о зломъ духѣ и о голосѣ съ неба, какъ въ I, 9—11 и 12 Мр. и т. п. За-то здѣсь есть много обыкновеннаго, не столь возвышеннаго, —что прямо противорѣчитъ намѣренію Эвальда выдѣлить этотъ рассказъ и обособить его, какъ первоначально составную часть другаго самостоятельнаго Ев. труда. Желаніе Господа идти въ Иерусалимъ, дѣйствительность этого путешествія, непринятіе Его Самарянами, какъ іудея и пр., все это по своей важности можетъ быть сходно не только со многимъ другимъ, по мнѣнію Эвальда, неважнымъ, но и рѣшительно со всѣмъ содержаніемъ Евангелія отъ Луки и другихъ каноническихъ Евангелій: сюда относится все содержаніе Евангелій, гдѣ излагаются различныя оскорбленія Господа, различныя намѣренія Его учениковъ, запрещенія имъ со стороны Учителя и подобное. Особенно примѣчательно, что съ этимъ, содержащимся въ ст. 50-мъ, запрещеніемъ совершенно сходно то,

258) См. Die drei ersten Evangelien.

которое содержится въ ст. 55-мъ. Запрещеніе въ ст. 50-мъ: „не запрещайте“ относится къ тѣмъ же ученикамъ, къ коимъ относится и запрещеніе въ ст. 55-мъ: „не знаете какого вы духа“ и проч. Въ первомъ случаѣ Иисусъ сказалъ: „не запрещайте“..., а во второмъ: „обратившись (Иисусъ) къ нимъ (ученикамъ, съ которыми шелъ), запретилъ имъ...“. Оба эти запрещенія носятъ одинъ характеръ терпимости и кротости Господа, но Эвальдомъ относятся къ разнымъ источникамъ ²⁵⁹). И— что особенно странно—сказанныя въ одно время (при путешествіи въ Иерусалимъ), эти запрещенія раздѣляются и представляются, по Эвальду, отрывками разныхъ Ев. трудовъ,—вопреки смыслу ст. 51 и 52-го. Одно запрещеніе Господь дѣлаетъ до своего отправленія—въ Галилею; а потомъ отправляется въ Самарію, чтобы пройти въ Иерусалимъ, и въ Самарійскомъ городѣ дѣлаетъ еще другое запрещеніе. Значитъ, то и другое запрещеніе были именно послѣ преображенія Господа и послѣ исцѣленія Имъ бѣсноватаго; слѣдовательно, послѣ сказанія о ясно выраженномъ намѣреніи Иисуса Христа идти въ Иерусалимъ на страданія; ибо это намѣреніе Его ясно указано въ ст. 9 и 12, IX гл. Евангелія отъ Марка,—что, по теоріи, признается первоисточникомъ для Евангелія Луки въ настоящемъ отдѣленіи его; слѣдовательно, стихи: 43—50 и 51—56 должно оставить такъ, какъ они находятся теперь въ текстѣ каноническихъ Евангелій. А если ст. 43—50 относить къ Собственному Евангелію Марка, то и ст. 51—56 слѣдуетъ отнести къ нему же.—Еще болѣе сходства съ повѣствованіемъ, будто-бы, съ „неважнымъ по содержанію“, находится въ ст. 57—62. Здѣсь рѣчь идетъ о произвольномъ поступленіи нѣкоторыхъ лицъ въ число учениковъ

259) По D. drei ersten Evangelien, ст. 51—62, IX гл. Лук. относятся къ Древнѣйшему Евангелію, а ст. 43—50 той же IX-й гл. Лук. относятся къ Собственному Евангелію Марка (Ur-marcus).

Господа,—чему, конечно, прямо параллельно по характеру и смыслу, напимѣрь, призваніе Левія или Матѳея (въ V, 27—32 ст. Лук. и Мр. II, 13—17; ср. Мѳ. IX, 9—13). Однако это призваніе Эвальдъ относитъ къ Собственному Евангелію отъ Марка. Съ подобными призываніями сходна по своему содержанію притча о званнѣхъ на вечерю (Лук. XIV гл.). Въ аналогіи со ст. 57—62 стоятъ ст. 1—2 и сл., X гл. Евангелія отъ Луки, ибо и здѣсь говорится также объ избраніи Семидесяти учениковъ и излагается рѣчь Господа къ нимъ (до ст. 16, X). —Кромѣ возможной аналогіи, есть прямая связь ст. 1. X гл. съ предыдущими 61—62 и выше въ IX-й гл., а именно въ словахъ: „послѣ сего избралъ Господь и другихъ семьдесятъ учениковъ“; это—слова 1 ст. X гл.: но — „послѣ чего“?—на это отвѣчаютъ ст. 57—62, IX гл., —послѣ здѣсь рассказаннаго избранія учениковъ. А такая связь ст. 1, X и 57—62, IX-й гл. заставляетъ оставить эти стихи такъ, какъ они находятся въ Евангеліи отъ Луки, тогда какъ, по мнѣнію Эвальда, Ев. Лукѣ приписывается собственно только одинъ 1-й ст. X-й главы. Но почему этотъ 1-й ст. приписывается только одному Ев. Лукѣ и только изъ всѣхъ одинъ стихъ 1-й? Можетъ быть Лука заимствовалъ весь рассказъ, начиная со ст. 1, X гл. изъ другаго источника, какъ сдѣлалъ, по предположенію Эвальда, Ев. Матѳеи относительно рассказа объ избраніи Двѣнадцати Апостоловъ? не могутъ ли и не должны ли быть приписаны самому же Ев. Лукѣ и 2—16 ст. X гл., какъ 1-й стихъ ея?—могутъ, и тѣмъ болѣе, что рассказъ объ избраніи Двѣнадцати Апостоловъ (Мѳ. X, 1—5) Эвальдъ усвоитъ собственно и именно Ев. Марку; значитъ, онъ признаетъ, что Матѳеи заимствовалъ свой рассказъ изъ другаго источника; почему же этого не могъ сдѣлать и Ев. Лука? относитъ же Эвальдъ рассказъ объ избраніи Двѣнадцати Апостоловъ къ Евангелію отъ Марка (и Луки)? а этотъ фактъ (Мр. III, 16—19; Мѳ. X, 2—4; Лук. VI, 14—16) совершенно противорѣчитъ съ

тѣмъ мнѣніемъ Эвальда, что рассказъ объ избраніи нѣкоторыхъ другихъ учениковъ: Луки 57—62, IX гл. относится къ Древнѣйшему Евангелію: почему онъ относится къ Евангелію отъ Марка избраніе Двѣнадцати Апостоловъ, если оно важнѣе избранія нѣкоторыхъ двухъ учениковъ (57—62, IX Луки)? Отнесеніе ст. 57—62, IX гл. Луки къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія противорѣчитъ характеру этого труда и собственно важности его содержанія; оно противорѣчитъ понятію Эвальда о краткости отрывковъ этого произведенія. Въ Евангеліи отъ Марка: III, 16—19 избраніе Апостоловъ рассказано болѣе кратко, нежели избраніе двухъ учениковъ у Ев. Луки: IX, 57—62 ст.; между тѣмъ послѣднее входитъ въ составъ Древнѣйшаго Евангелія, а то нѣтъ. Кромѣ тако-го двоякаго противорѣчія указанныхъ отрывковъ характеру Древнѣйшаго Евангелія, собственно высотѣ и краткости его содержанія (въ III, 16—19 Мр., VI, 13—16 и наконецъ X, 1 и сл. Луки), здѣсь является полнѣйшее недоумѣніе относительно того, откуда Ев. Маркъ (ст. 16—19, III гл. и Ев. Лука 1, X гл.) заимствовалъ свои отрывочные рассказы. Если принять, что Ев. Лука и Матѳеи объ избраніи Двѣнадцати Апостоловъ говорятъ со словъ Ев. Марка (хотя этого рѣшительно нельзя доказать); то откуда же самъ Ев. Маркъ заимствовалъ свой рассказъ объ избраніи Двѣнадцати (а Лука—семидесяти) Апостоловъ? Очевидно, для него не было письменнаго источника. Впрочемъ, принимая во вниманіе методъ Эвальдовой теоріи, можно думать, что призваніе Двѣнадцати Апостоловъ Ев. Маркъ заимствовалъ изъ Древнѣйшаго Евангелія. Призваніе Апостоловъ: Петра, Андрея и прочихъ въ Галилеѣ (Мѳ. IV, 18—28), по своей краткости, также сходно съ тѣмъ, а заимствовано Ев. Маркомъ изъ Древнѣйшаго Евангелія (у Марка—Матѳеемъ). А потому, если рассказы объ избраніи Спасителемъ нѣкоторыхъ учениковъ на пути въ Іерусалимъ—(ст. 57—62, IX гл. Луки) и Апостоловъ въ Галилеѣ (Мѳ. IV, 18—28; ср. Мр. I гл.)

относятся, по теории, къ Древнѣйшему Евангелію, то слѣдуетъ предположить, что свѣдѣнія и о другомъ избраніи, именно—Двѣнадцати Апостоловъ, Ев. Маркъ заимствовали изъ того же источника; такъ какъ это событіе разсказывается сходно съ тѣми. Съ точки зрѣнія Эвальда должно предположить это и скорѣе—это; потому что Ев. Маркъ, по его мнѣнію, имѣлъ у себя подъ руками Древнѣйшее Евангеліе и пользовался имъ, какъ источникомъ; потому что Ев. Марку, по теории, усвоится незначительное добавленіе отъ себя, изъ своихъ личныхъ воспоминаній; потому что ему приписывается заимствованіе своего матеріала изъ того же Древнѣйшаго Евангелія; потому, наконецъ, что съ непринятіемъ Луки: X, 1 ст. и д. въ составъ Древнѣйшаго Евангелія, съ Эвальдовой точки зрѣнія, является противорѣчіе въ характеръ этого труда (если содержаніе X, 1 ст. и дал. въ Евангеліи отъ Луки сходно съ разсказомъ объ избраніи Двѣнадцати Апостоловъ: Мр. III, 16—19). По всему этому, руководствуясь основаніемъ выдѣленія извѣстныхъ частей содержанія Древнѣйшаго Евангелія изъ другихъ Ев. трудовъ, принятымъ теоріей, должно какъ Мр. III, 16—19; Лук. VI, 13—16, такъ и Лук. X, 1 и д. отнести къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія, потому что всѣ эти отдѣлы сходны по своему содержанію. Это такъ, если слѣдовать пріемамъ Эвальда, принявъ его же основаніе выдѣленія и опредѣленія относящихся сюда разсказовъ. Но этого не должно быть, потому что Эвальдово основаніе весьма неопредѣленно, что очевидно въ настоящемъ примѣненіи его: при немъ можно много болѣе указать такихъ разсказовъ, которые слѣдовало бы отнести къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія, а можно и весьма немного: строго разграничить характеръ извѣстныхъ разсказовъ по краткости и высотѣ ихъ содержанія въ каноническихъ Евангеліяхъ невозможно. При всемъ этомъ, и самъ Эвальдъ отступаетъ отъ принятаго имъ основанія выдѣленія разсказовъ, напримѣръ, въ X, 38—48 ст. Евангелія отъ Луки.

Стихи: 38—48, X гл. Ев. Луки Эвальдъ также относить къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія. Здѣсь разсказывается о принятіи Господа сестрами Лазаря Марою и Маріей во время путешествія Его во Іерусалимъ. Этотъ простой историческій разсказъ Эвальдъ относить также къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія. вмѣстѣ съ этимъ, очевидно, исчезаетъ всякое значеніе прежде принятыхъ имъ основаній выдѣленія, каковыми были понятія высоты и краткости содержанія извѣстныхъ Ев. разсказовъ: разсказу въ ст. 38—48, X гл. Луки можно, конечно, представить еще нѣсколько аналогичныхъ разсказовъ. Если этотъ разсказъ подходит подъ критерій теоріи Эвальда, то, конечно, по небольшому предисловію, историческаго содержанія, прибавленному къ краткимъ (афористическимъ) словамъ Спасителя: „Марѳа! Марѳа! ты заботишься и суетишься о многомъ; а одно только нужно (ст. 41—42)“... слѣдовательно, историческій разсказъ является только введеніемъ или объясненіемъ къ изреченію (афоризму) Спасителя, и въ этомъ видѣ и значеніи онъ, по теоріи, относится къ краткому труду—Древнѣйшему Евангелію.

Такъ это или иначе, но стихамъ 38—48 гл. X-й Лук. можно представить совершенно аналогичную цитату по краткому же (афористическому) характеру содержанія. Такъ, однажды Спасителю сказали, что Мать Его и братья стоятъ внѣ дома, въ которомъ Онъ училъ, и желаютъ Его видѣть. Господь сказалъ, что Мать Его и братья Его суть слушающіе слово Божіе и исполняющіе его (Луки VIII, 19—21; и—многіе подобныя сему разсказы). Между тѣмъ Эвальдъ то, что говорится о Марѳѣ и Маріи, относить къ Древнѣйшему Евангелію; а то, что о Матери и братьяхъ Спасителя (Лук. VIII, 19—21; ср. Мѳ. XII, 46—50; Мр. III, 31—35), относить къ Собственному Евангелію Марка.—Почему же именно къ этому Евангелію? Оно, по теоріи, древнѣе Евангелій отъ Матѳея и Луки; но, можетъ быть, VIII, 19—21 ст. Ев. Луки древнѣе и самаго

Евангелія отъ Марка,—можетъ быть, гл. VIII, 19—21 стихи принадлежатъ Древнѣйшему Евангелію, какъ и X, 38—48 ст.?—И почему нѣтъ?—неизвѣстно. На-оборотъ, въ виду извѣстнаго сходства VIII, 19—21 ст. съ X, 38—48 ст. у Ев. Луки, должно признать, что содержаніе Древнѣйшаго Евангелія можетъ и очень удобно можетъ быть произвольно пополняемо и распространяемо: если выдѣлять X, 38—48 ст. изъ Евангелія отъ Луки въ Древнѣйшее Евангеліе, то за тѣмъ должно выдѣлять изъ того же Евангелія въ это и VIII, 19—21 ст. и т. д.; а потому ст. 38—48 гл. X-й должно оставить на своемъ мѣстѣ въ Евангеліи отъ Луки. За это ясно говорить и контекстъ рѣчи. Евангелистъ повѣствуетъ: „въ продолженіи пути (въ Иерусалимъ) ихъ (Иисуса Христа съ Апостолами послѣ Преображенія) пришелъ Онъ (Иисусъ) въ одно селеніе, здѣсь женщина, именемъ Марѳа, приняла Его... (ст. 38, X)“. Здѣсь очевидна историческая связь въ словахъ: „въ продолженіи пути ихъ“...; такъ что только стиховъ 38—48, X-й гл. Ев. Луки выдѣлять въ составъ Древнѣйшаго Евангелія нельзя,—тѣмъ болѣе, что краткіе рассказы, какъ X, 38—48 ст., по теоріи, относятся къ такимъ же краткимъ; а такіе краткіе отрывочные рассказы далѣе прямо и слѣдуютъ въ XI-й гл. Евангелія отъ Луки.

Стихи 1—4, XI-й гл. Ев. Луки, гдѣ держится молитва Господня „Отче нашъ“, Эвальдъ относитъ также къ Древнѣйшему Евангелію.—Эта молитва можетъ быть отнесена туда только по ея краткости; но по краткости аналогичныхъ изреченій можно указать еще нѣсколько, напримѣръ: Луки III, 16—17; IX, 44—45, 46—47, 48, 49—50. Сюда же, по краткости, могутъ быть отнесены и всѣ краткія притчи Спасителя, какъ Мѳ. гл. XIII, 31—32, 33, 44, 45—46, 47—53 ст. и многія другія изреченія Его. Кажется, Эвальдъ самъ не знаетъ, куда отнести „Отче нашъ“: онъ то относитъ эту молитву къ Древнѣйшему Евангелію,—собственно по Евангелію отъ Луки: XI, 1—4 ст., то къ Собранію изреченій—

именно по Евангелію отъ Матѳея: VI, 9—13 ст. ²⁶⁰). Такое взаимно противорѣчащее распредѣленіе одного и того же отрывка не можетъ быть никакъ оправдано: у того и другаго Евангелиста изложеніе молитвы Господней собственно одно и то же, какъ по содержанію, такъ и по выраженію, по своему характеру вообщемъ. Кромѣ того, у Ев. Луки и у Ев. Матѳея „Отче нашъ“ поставлено рядомъ съ другими изреченіями Господа (Мѳ. VI, 9—13 и д.; ср. Лук. XI, 1—4 и д.). Не смотря на все это „Отче нашъ“, изложенное Евангелистомъ Матѳеемъ, по теоріи Эвальда, относится къ Собранію изреченій, а „Отче нашъ“, изложенное Ев. Лукою—къ Древнѣйшему Евангелію. Очевидно, здѣсь—произволь. Противъ него говорить какъ то, что обличаетъ его, такъ и обыкновеніе самого Эвальда относить къ одному источнику тѣ Ев. изреченія, которыя отрывочны, но стоять въ связи съ другими такими же. Такого правила онъ держится когда, напримѣръ, молитву Господню, изложенную Ев. Матѳеемъ, ставитъ въ Собраніи изреченій вмѣстѣ со всею Нагорною проповѣдію; между тѣмъ онъ не дѣлаетъ этого относительно XI, 1—4 стиховъ Ев. Луки, которые стоятъ рядомъ съ другими изреченіями, относящимися, по теоріи, къ Собранію изреченій, какъ и должно, ибо они суть одни и тѣ же съ изреченіями Нагорной проповѣди. Поэтому и молитва Господня, изложенная въ Евангеліи отъ Луки, стоя рядомъ съ изреченіями, относящимися къ Собранію изреченій, должна относиться съ ними именно къ этому произведенію, какъ она относится дѣйствительно въ Евангеліи отъ Матѳея. Впрочемъ, молитва Господня, находящаяся у Ев. Луки: XI, 1—4 ст., носитъ характеръ отрывочности и хотя этимъ даетъ поводъ выдѣлять и относить ее въ составъ Древнѣйшаго Евангелія; совсѣмъ иное дѣло въ отношеніи къ слѣдующему отрывку: Лук. XII, 13—15.

260) См. Die drei ersten Evangelien.

Слѣдующій примѣръ или „слѣдъ“ компилятивной зависимости Ев. Луки отъ Древнѣйшаго Евангелія, по теоріи, есть гл. XII, 13—15 ст. Здѣсь разсказывается обращеніе со стороны нѣкотораго человѣка къ Господу за тѣмъ, чтобы Онъ позволилъ ему раздѣлиться съ своимъ братомъ, на что Господь отвѣчалъ: „кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?“... Эвальду этотъ отвѣтъ кажется настолько краткимъ, что его слѣдуетъ отнести къ Древнѣйшему Евангелію. Но стихи 13—15, XII-й гл. вовсе не афоризмъ, если взять ихъ въ контекстѣ. Нѣкто изъ народа сказалъ Христу: „Учитель! скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство“. Спаситель сказалъ: „кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ?“ При семъ сказалъ: „смотрите, берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія (ст. 13—14)“. Вопросительный отвѣтъ и замѣчаніе Спасителя по поводу вопроса показываютъ, что „нѣкто“ выражалъ своею просьбою о раздѣленіи имущества стремленіе къ любостыжанію. Предостереженіе его отъ любостыжанія, сдѣланное Спасителемъ, даетъ смыслъ стиху 15-му. Этотъ смыслъ выражаетъ ту мысль, что не должно довѣряться любостыжанію, потому что прямое слѣдствіе его—великое приобрѣтеніе не обусловливаетъ бытія человѣка,—ст. 15-й. Доказательствомъ, раскрытіемъ и уясненіемъ этой мысли служить прямо и непосредственно слѣдующая за тѣми словами притча: ст. 16—20. Здѣсь разсказывается, какъ одинъ злосчастный богачъ намѣренъ былъ расширить свои житницы для того, чтобы помѣстить въ нихъ болѣе прежняго своего имѣнія и при большемъ стяжаніи болѣе благоденствовать. Но Богъ сказалъ богачу, что въ слѣдующую же ночь душа его разстанется съ его тѣломъ; слѣдовательно, жизнь и богача не зависитъ отъ его невмѣстимаго богатства. Такъ, притча о богачѣ есть прямое и совершенно правильное раскрытіе мысли о несущественности любостыжанія въ самомъ приложеніи его къ обезпеченію жизни человѣка.

Между тѣмъ Эвальдъ отдѣляетъ здѣсь раскрываемую мысль или тему (ст. 15) отъ ея полного раскрытія (ст. 16—20),—какъ части двухъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ Ев. трудовъ—источниковъ. Такая неправильность метода теоріи тѣсно соединяется здѣсь еще со слѣдующею. Притча о богачѣ заключается собственно въ 16—20 ст., а заключеніемъ ея служитъ ст. 21-й, именно: „такъ бываетъ, т. е. какъ съ приточнымъ богачемъ, съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣеть“; слѣдовательно, такъ бываетъ съ любостыжательнымъ, подобнымъ приточному богачу,—бываетъ, что у него Богъ отнимаетъ душу, лишаетъ его жизни при всемъ изобиліи его средствъ къ жизни; слѣдовательно, жизнь человѣка не зависитъ отъ приобрѣтенныхъ имъ средствъ къ жизни (ст. 15-й). Ясно, самъ Ев. Лука въ ст. 21-мъ представляетъ заключеніе равное по содержанію своему со ст. 15-мъ, раскрываемымъ положеніемъ (темой). Отсюда,—если отдѣлять главную мысль—ст. 15-й отъ ея изложенія—ст. 16—20-го и относить къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія, то, послѣдовательно, должно отдѣлять отъ изложенія заключеніе его (ст. 21-й), совершенно одинаковое съ главнымъ положеніемъ—ст. 15-мъ. Но Эвальдъ заключеніе притчи оставляетъ вмѣстѣ съ ней въ Евангеліи отъ Луки; а главную мысль и историческій поводъ къ ея раскрытію отдѣляетъ и относить къ Древнѣйшему Евангелію.... Если, далѣе, ст. 15-й оставить вмѣстѣ со ст. 16—21-мъ, то онъ посредствомъ этихъ стиховъ соединяется съ 22-мъ; по крайней мѣрѣ, эту связь заставляеть необходимо признать контекстъ рѣчи въ ст. 21-мъ. Здѣсь говорится: „такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣеть“. Далѣе—ст. 22-й: „и сказалъ (Спаситель) ученикамъ Своимъ: посему говорю вамъ: не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть, ни для тѣла, во что вамъ одѣться“. Этотъ стихъ очевидно прямо соединяется съ притчей о богачѣ словомъ „посему“—*διὰ*

τοῦτο οὐ μὴ λέγω, — почему? — потому, что „жизнь человека не зависит отъ избытка его благъ, — ст. 15-й. Этотъ контекстъ прямой и необходимо заставляющій признать связь ст. 15-го (а съ нимъ 13 и 14-го) съ остальными, не только 16—21, но и 22-мъ. Слѣдовательно, ст. 13—15-й отнюдь не „отрывокъ“ или „слѣдъ“ другаго Ев. письменнаго произведенія. И если Эвальдъ желаетъ отнести ст. 13—15-й къ Древнѣйшему Евангелію, то съ тѣми вмѣстѣ должно отнести туда же и слѣдующіе въ связи съ ними стихи: 16—22-й и д.; а этого Эвальдъ не желаетъ, да и не можетъ сдѣлать, — иначе пришлось бы признать, что въ содержаніе афористическаго труда, какъ Древнѣйшее Евангеліе, входилъ длинный отрывокъ, состоящій изъ ст. 13—22-го и сл., что прямо противорѣчитъ понятію Эвальда о Древнѣйшемъ Евангеліи, содержаніе котораго опредѣляется краткостію. Если бы это былъ и отрывокъ (ст. 13—15); то должно отнести его именно къ Древнѣйшему Евангелію только по указанной Эвальдомъ краткости этого отрывка, а не по важности его содержанія. Но такая краткость не имѣетъ здѣсь значенія въ виду того замѣчательнаго обстоятельства, что ст. 13—15-й находятся только въ Евангеліи отъ Луки ²⁶¹⁾, т. е. не имѣютъ для себя синоптической параллели ²⁶²⁾. А это обстоятельство служитъ основаніемъ признать ст. 13—15-й принадлежащими собственно Ев. Лукѣ, а не Древнѣйшему Евангелію: иначе, почему же изъ числа всѣхъ семи, признанныхъ Эвальдомъ, Ев. книгъ (кромѣ Древнѣйшаго Евангелія и собственнаго Евангелія Луки), никакая не приняла въ свой составъ ст. 13—15-го, — этого „перла историческаго воспоминанія“, хотя другіе подобные были приняты (напримѣръ: XI, 1—4 и пр.)? —

261) такъ и по D. drei ersten Evangelien.

262) Такъ это и по синоптическимъ таблицамъ Sevin'a, Bunsen'a и Tischendorf'a.

неизвѣстно... Но въ томъ-то и дѣло, что стихи 13—15-й принадлежать собственно Евангелію отъ Луки ²⁶³⁾. Итакъ, стихи 13—21-й и сл. должно оставить въ Евангеліи отъ Луки, какъ ему одному принадлежащіе. Нельзя выдѣлять ихъ и по краткости содержанія, ибо эта краткость у Эвальда не имѣетъ опредѣленной, хотя сколько-нибудь однообразной, мѣры, что очевидно изъ предшествующихъ примѣровъ и еще болѣе изъ слѣдующихъ: XIII, 1—5, 31—33, 34 и сл., XVII, 5—6 и 20—22 ст. Лук., представляемыхъ Эвальдомъ также въ качествѣ „слѣдовъ“ Древнѣйшаго Евангелія.

Однако здѣсь указанныя цитаты рѣшительно не подходятъ подъ характеръ Древнѣйшаго Евангелія. — Въ гл. XIII, 1—5 ст. говорится объ избіеніи нѣкоторыхъ Галилеянъ, кровь которыхъ Пилатъ смѣшалъ съ жертвами ихъ, а затѣмъ приводятся слова Иисуса Христа, произнесенныя по этому поводу: „если не покаетесь, всѣ также погибнете (ст. 3—5)“. Потомъ, въ другомъ отрывкѣ: 31—33, 34 и сл. 35 ст. XIII-й гл. содержится предложеніе Господу со стороны фарисеевъ — избѣжать намѣренныхъ козней Ирода, желавшаго убить Иисуса; при чемъ приводятся слова Господа: „не бываетъ, чтобы пророкъ погибъ внѣ Іерусалима...“ и: „се, оставляется вамъ домъ вашъ пусть“ (ст. 33 и 35). Въ этихъ словахъ нѣтъ особенной, въ смыслѣ Эвальда, чрезвычайной возвышенности, ни афористической краткости, нѣсколькихъ примѣровъ которой нельзя было бы указать въ каноническихъ Евангеліяхъ: даннымъ стихамъ по краткости соотвѣтствуютъ, напримѣръ: 14—18, XVI-й гл. и 41—44 ст. XIX-й гл. въ томъ же Евангеліи отъ Луки. При этомъ должно замѣтить, что XIII, 1—5 ст. находятся только у Ев. Луки

263) По Sevin'y, Tischendorf'y и Bunsen'y. Замѣчательно, что они даже не раздѣляютъ ст. 13—21, а прямо ставятъ рядомъ, какъ одинъ отрывокъ.

и въ строгомъ контекстѣ.— Далѣе, стихи 5—6 и 20—22-й, XVII-й гл. выдѣляются Эвальдомъ несправедливо и неправильно, потому что стихи 5 и 6, XVII гл. сходны по характеру своего содержанія со ст. 1—5-мъ той же главы ²⁶⁴). Особенно страннымъ представляется выдѣленіе ст. 20—22. Въ 22-мъ говорится: „придутъ дни, когда пожелаете видѣть хотя одинъ изъ дней Сына Человѣческаго, и не увидите“. Далѣе, ст. 23-й: „и скажутъ вамъ: вотъ, здѣсь, или: вотъ, тамъ; не ходите...“ Связь этихъ стиховъ очевидна; между тѣмъ, Эвальдъ вполнѣ произвольно относитъ ст. 20—22 къ Древнѣйшему Евангелію, а ст. 23-й: „и скажутъ вамъ: вотъ, здѣсь...“ къ Собранію изреченій. Если такая связь достаточна для того, чтобы не отдѣлять ст. 22-го отъ 23-го; то они непременно должны оставаться вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что ст. 23-й совершенно параллеленъ ст. 21-му. Въ ст. 21-мъ говорится: „не скажутъ: вотъ, оно (царствіе Божіе) здѣсь, или: вотъ, тамъ. Ибо царствіе Божіе внутри васъ“. Далѣе, ст. 23-й: „скажутъ вамъ: вотъ, здѣсь (Сынъ Человѣчскій), или: вотъ, тамъ...“ Параллелизмъ по одинаковой формѣ выраженія очевиденъ; а ст. 21-й, параллельный 23-му, имѣетъ свой смыслъ только при ст. 20-мъ; слѣдовательно, стихи 20—23-й должно признать однимъ отрывкомъ, при томъ не афоризмомъ и не частію или „слѣдомъ“ Древнѣйшаго Евангелія.

Такъ оказывается, что Эвальдъ вполнѣ произвольно и неправильно выдѣляетъ изъ каноническихъ Евангелій отъ Марка и Луки нѣкоторыя части ихъ содержанія, чтобы получить содержаніе отдѣльнаго труда—Древнѣйшаго Евангелія. Неправильность здѣсь зависитъ, очевидно, отъ неопредѣленности критерія. Основаніемъ „выдѣленія“ въ теоріи принимается высота содержанія и краткость

²⁶⁴) Цитата Эвальда отчасти неточная; въ изложеніи его теоріи указаны 20—22 ст., а въ D. drei erst. Ev.: 20 и 21-й ст. только.

изложенія (афористичность) извѣстныхъ разсказовъ или изреченій, содержащихся въ каноническихъ Евангеліяхъ; но это такія свойства, по которымъ нельзя отчетливо распредѣлить и строго разграничить содержаніе Евангелій,—какъ высшее отъ нисшаго, краткое отъ пространнаго,—что достаточно видно изъ представленныхъ примѣровъ—отрывковъ Древнѣйшаго Евангелія. Краткость и высота понятія очень относительныя: въ области Божественнаго Откровенія, даннаго Самимъ Богомъ-Словомъ, нѣтъ ничего маловажнаго; здѣсь все недозримо высоко и чрезвычайно важно.

Независимо отъ неопредѣленности принятыхъ Эвальдомъ началъ „выдѣленія“, на самомъ дѣлѣ такого рода пріемъ всегда будетъ заключать въ себѣ логическій *circulus*. Древнѣйшее Евангеліе имѣло характеръ труда, кратко изложеннаго, но важнаго по содержанію; это извѣстно изъ его отрывковъ: а эти отрывки собственно принадлежатъ ему; это видно изъ ихъ характеристическихъ свойствъ—краткости и высоты... При всемъ томъ, Эвальду недостаётъ свѣдѣній объ остальномъ содержаніи Древнѣйшаго Евангелія, которое не дошло до настоящаго времени ни въ каноническихъ Евангеліяхъ, ни въ видѣ самостоятельныхъ отрывочныхъ записей Ев. событій (такъ называемыхъ Дигезъ).

И чисто теоретически составленная характеристика Древнѣйшаго Евангелія, независимо отъ предполагаемыхъ его отрывковъ, невѣроятна. Древнѣйшее Евангеліе, по теоріи, должно быть кратко и высоко-содержательно. Но не наоборотъ ли?—не краткость, а полноту содержанія должно было бы предполагать въ самомъ древнѣйшемъ Евангеліи трудъ,—именно это, какъ результатъ первоначальнаго Апостольскаго воспоминанія, которое было ближе къ дѣйствительнымъ Ев. событіямъ. По мнѣнію Эвальда—не такъ: „каждое Ев. изреченіе стояло въ Древнѣйшемъ Евангеліи совершенно отдѣльно (*für sich*), такъ что едва только нѣкоторыя, сродныя по содержанію, снесены

были въ группы, изъ коихъ каждая имѣетъ свое историческое введеніе или изъясненіе, какъ поводъ къ произнесенію, кромѣ: XIII, 34 ст. Луки²⁶⁵). Но кѣмъ и когда они были такъ сгруппированы?—конечно, только Эвальдомъ въ его теоріи: ибо только онъ группируетъ Ев. изреченія, предполагая, что они въ видѣ группъ относятся къ Древнѣйшему Евангелію; а въ самомъ дѣлѣ эти группы не должно относить къ этому, будто бы, самостоятельному Ев. труду. Каждое изъ такихъ изреченій имѣетъ свое краткое историческое введеніе; но почему же краткое? и почему изреченія только съ краткими введеніями, а не съ болѣе полными, нужно признавать содержаніемъ Древнѣйшаго Евангелія?... Эвальдъ, хотя и произвольно, признаетъ, что изреченія только съ краткими введеніями относятся къ Древнѣйшему Евангелію, однако допускаетъ нѣкоторое ограниченіе, выдѣляя для примѣра изреченіе, изложенное въ XIII, 34 ст. Луки, которое будто бы не имѣетъ для себя историческаго введенія.—Нѣтъ, въ ст. 33-мъ Спаситель говоритъ: „небываетъ, чтобы пророкъ погибъ внѣ Иерусалима“... Далѣе, въ ст. 34: „Иерусалимъ! избивающій пророковъ“... Связь этихъ двухъ стиховъ очевидна. Мысль въ ст. 33-мъ, что пророки погибаютъ въ Иерусалимѣ, и въ ст. 34-мъ:—что Иерусалимъ избиваетъ пророковъ,—одинакова,—о пророко-убійствѣ Иерусалима. Однако въ томъ и другомъ стихѣ эта одинаковая мысль не тождественна; потому что вторая половина ст. 34-го представляетъ иное содержаніе, хотя въ связи съ содержаніемъ ст. 33-го. А для этихъ, находящихся въ такой связи, стиховъ 33—34-го историческимъ введеніемъ служить ст. 31-й и сл., гдѣ изложено извѣстіе, что Иродъ намѣренъ убить Иисуса и предложеніе Господу со стороны фарисеевъ удалиться отъ Иерусалима, въ которомъ погибаютъ всѣ пророки, какъ въ городѣ пророко-убійцѣ

265) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 193.

(ст. 31—34). Слѣдовательно, ст. 34, XIII-й гл. Луки нельзя представлять примѣромъ изреченій, не имѣющихъ для себя историческаго введенія и при этомъ относить этотъ ст. 34-й къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія, какъ то дѣлается Эвальдомъ²⁶⁶). Такъ за древность Древнѣйшаго Евангелія въ его отрывкахъ не говоритъ характеръ ихъ содержанія, выраженія и изложенія,—тѣмъ менѣе все это говорить за ихъ самостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, отчего же не могли быть высокіе по содержанію, краткіе по выраженію, и съ различными предварительными замѣчаніями въ изложеніи Ев. отрывки въ одномъ и томъ же трудѣ, одного автора, и того же времени?—всегда могли и могутъ быть: всякій историческій повѣствовательный трудъ, особенно если онъ писанъ человекомъ неученымъ (*αγραμματος*), по воспоминанію или преданію, можетъ быть дѣлимъ на отрывочныя части,—что, однако, не препятствуетъ такому труду быть оригинальнымъ и цѣлостнымъ.

Если за самостоятельность и древность, по теоріи, перваго Евангельскаго труда не говоритъ его содержаніе въ отрывкахъ, будто бы ему принадлежащихъ; то понятно, что трудно доказать его самостоятельность и древность при помощи историческихъ свидѣтельствъ,—что, однако, настоятельно нужно. Въ качествѣ историческаго свидѣтельства за самостоятельное существованіе Древнѣйшаго Евангелія Эвальдъ выставляетъ тотъ, будто-бы, фактъ, что этимъ Евангеліемъ пользовался Ап. Павелъ²⁶⁷). Несправедливость указанія видна въ немъ же самомъ: рассуждая о недоказанной самостоятельности Древнѣйшаго Евангелія, въ доказательство этой мнимой самостоятельности его, Эвальдъ ссылается на нѣкоторые Ев. отрыв-

266) За древность остальнаго отрывка: гл. XIII, 1—5 ст. говорить, будто бы, его краткость; но не все то древнее, что кратко, какъ и наоборотъ. Притомъ и самое содержаніе его не говоритъ за древность его записи.

267) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 194.

ки; между тѣмъ эти отрывки, въ доказательство существеннаго своего свойства—отрывочности, еще не имѣютъ никакого историческаго свидѣтельства. Если дѣйствительно Ап. Павелъ пользовался такъ называемымъ Древнѣйшимъ Евангеліемъ, то стоитъ только обратить вниманіе на тѣ мѣста въ Посланіяхъ этого Апостола, которыя параллельны Евангельскому тексту, и прямо будетъ видно, что Древнѣйшее Евангеліе не было источникомъ для Ап. Павла, т. е. въ Посланіяхъ Ап. Павла теорія Эвальда не находитъ историческаго свидѣтельства о такъ-называемомъ Древнѣйшемъ Евангеліи. Изъ всѣхъ мѣстъ Ап. Посланій, параллельныхъ Евангеліямъ, видно, что Ап. Павлу были извѣстны догматическія и нравственныя Ев. истины, даже въ такомъ подробномъ изложеніи ихъ, какъ Нагорная проповѣдь; кромѣ того, были извѣстны пророческія слова, приводимыя въ Евангеліи, историческія событія тамъ изложенныя,—всякаго рода содержаніе Евангелій, изложенное какъ въ первыхъ трехъ, такъ и въ четвертомъ каноническихъ Евангеліяхъ ²⁶⁸).

Всякое мнѣніе о самостоятельности какого-либо письменнаго библейскаго памятника, или извѣстной книги Священнаго писанія, должно въ достаточной мѣрѣ подтверждаться исагогическими данными. Поэтому и Эвальдъ предлагаетъ свои свѣдѣнія въ пользу самостоятельности

268) Именно, число параллельныхъ мѣстъ въ Посланіяхъ Ап. Павла, на примѣръ, съ Евангеліемъ отъ Маттея находится въ слѣдующемъ отношеніи къ числу таковыхъ же параллелей въ Евангеліяхъ отъ Марка и Луки: въ Посланіи къ Римл. изъ Ев. Маттея 33,—изъ Ев. Лук.—9, изъ Ев. Мр.—2; въ 1 посл. къ Коринто. Мр.—36, Лук.—8, Мр.—2; во 2 посл. къ Коринто. Мр.—9, Лук.—5, Мр.—1. Это численное отношеніе цитатъ показываетъ, что въ посланіяхъ Ап. Павла, хотя только въ трехъ, матеріи Евангельской много болѣе, чѣмъ въ «Древнѣйшемъ Евангеліи»; слѣдовательно, Ап. Павелъ пользовался не однимъ этимъ Евангеліемъ: иначе содержаніе его будетъ инохарактерно и почти столь же широко изложено и полно почти такъ, какъ, на примѣръ, въ Евангеліи отъ Маттея,—что противорѣчитъ понятію о Древнѣйшемъ Евангеліи. Слѣдовательно, цитаты изъ посланій Ап. Павла не только не подтверждаютъ мнѣнія Эвальда о самостоятельности Древнѣйшаго Евангелія, но даже противорѣчатъ понятію о немъ и отрицаютъ его, какъ самостоятельное Евангеліе.

древнѣйшаго библейскаго памятника, какъ новой, имъ открытой,—будто-бы по многимъ „слѣдамъ“,—священной и самой драгоценнѣйшей Евангельской книги: онъ положительно говоритъ о языкѣ, времени составленія или появленія Древнѣйшаго Евангелія и даже объ авторѣ его.

„Что основной языкъ Древнѣйшаго Евангелія былъ не греческій, этого, говоритъ Эвальдъ, не видно. Христіанство очень рано было тѣсно горячимъ противодѣйствіемъ Синедріона и само стремилось къ эллинизму: вся Евангельская письменность приняла преимущественно эллинскій языкъ, такъ что употребленіе въ ней еврейскаго остается только предположеніемъ. Такой эллино-еврейскій оборотъ, какъ *αυτος το προσωπου αυτου εστηριξε του πορευεσθαι εις Ιερουσαλημ* (ст. 51, IX Лук.), хорошо показываетъ, что это произведеніе, т. е. Древнѣйшее Евангеліе, которое также и по всѣмъ другимъ признакамъ было истинно-начальнымъ произведеніемъ, составлено въ то время, когда греческій языкъ еще весьма сильно подвергался еврейской окраскѣ“ ²⁶⁹). Однако, изъ того, что христіанство склонялось къ эллинизму, по теоріи же, ничего не можетъ слѣдовать относительно языка предполагаемаго Древнѣйшаго Евангелія. Если это Евангеліе потому древнее, что сохраняетъ слѣды еврейскаго языка, при основномъ языкѣ греческомъ; то нельзя думать, чтобы послѣ него могло явиться такое же греко-еврейское произведеніе, и—уже вовсе не могло явиться прямо еврейское, потому что дальнѣйшее движеніе христіанства къ эллинизму постепенно должно было бы устранять еврейскій языкъ. Между тѣмъ сама теорія именно признаетъ, что слѣдующій же за Древнѣйшимъ Евангеліемъ трудъ—Собраніе изреченій—написанъ по-еврейски, собственно по-арамейски. А если бы и не было такого труда, то отчего не предположить, что Древнѣйшее Еван-

269) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 194.

геліе написано не въ древнѣйшее время, когда „звуки и обороты еврейской рѣчи выливались изъ души Апостоловъ—Евреевъ вмѣстѣ съ движеніями ихъ чувства, съ біеніемъ пульса новой жизни обновленнаго сердца“,—когда нѣкоторые изъ нихъ не забывали еще своего роднаго, священнаго языка, напримѣръ, Ап. Петръ: МѠ. XXVI, 73 ст.? ²⁷⁰).—„Выраженіе *αυτος το προσωπον αυτου εστηριξε του πορευεσθαι εις Ιερουσαλημ* можетъ принадлежать и самому Ев. Лукѣ; а если не можетъ, если Ев. Лука не могъ употребить такого выраженія, какъ эллинизмъ, то почему же онъ не замѣнилъ этого ненужнаго, но удобно-замѣнимаго, гебраизма?—Если признать, что Ев. Лука взялъ это выраженіе такъ, какъ оно есть, изъ Древнѣйшаго Евангелія, то значитъ, что оно не было для него гебраизмомъ и было всякому понятно; значитъ, потому, что такихъ гебраизмовъ (если это тогда былъ уже гебраизмъ въ отношеніи къ другимъ Евангеліямъ) не было въ эллинской рѣчи Евангелистовъ послѣдующаго времени. А если это—такъ, то, что же значитъ все разсужденіе Эвальда о еврейской окраскѣ во всей эллинистической Евангельской письменности?—разумѣется, противорѣчіе его понятію о выраженіи *αυτος το προσωπον αυτου εστηριξε του πορευεσθαι εις Ιερουσαλημ*, какъ о гебраизмѣ, и понятію его о Древнѣйшемъ Евангеліи, какъ такомъ. Еще въ большее противорѣчіе мнѣнію Эвальда о греко-еврейскомъ языкѣ Древнѣйшаго Евангелія, можно указать на еврейскіе слова и обороты, находящіяся во всѣхъ послѣдующихъ восьми Ев. произведеніяхъ, предполагаемыхъ Эвальдомъ; напримѣръ: *Ταλιθα, κουμι*, Мр. V, 41 ст.; *Βοανεργας*, Мр. III, 17; *Ερφαδα*, Мр. VII, 34; *Ηλι*, МѠ. XXVII, 46; *Ελωϊ*, Мр. XV, 34 и проч.—И не только въ каноническихъ Евангеліяхъ, но и въ посланіяхъ Ап. Павла есть такія слова. Такъ въ первомъ посланіи къ Коринѣянамъ, которое,

270) Ср. Jahrb. d. b. W. 1849. S. 186—187 u. a.

конечно, явилось послѣ Древнѣйшаго Евангелія, находится выраженіе *Μαραθα* (1 Кор. XVI, 22) и т. п. ²⁷¹). Въ виду этого должно признать совершенно несправедливымъ такія заключенія Эвальда, что если въ Евангеліи отъ Луки одинъ извѣстный отрывокъ заключаетъ въ себѣ еврейскій оборотъ рѣчи (напримѣръ, Луки IX, 51), то этотъ отрывокъ принадлежитъ Древнѣйшему Евангелію, то это Евангеліе было писано на греческомъ языкѣ съ еврейскою окраскою его,—то вся Ев. письменность носила эллинистическій характеръ рѣчи... Скорѣе слѣдуетъ думать на-оборотъ. Подобнымъ заключеніямъ отъ единичнаго факта къ общему языку всей Ев. письменности,—такъ какъ Эвальдъ судить о ней въ этомъ отношеніи по языку Древнѣйшаго Евангелія,—рѣшительно противорѣчитъ положеніе теоріи касательно времени составленія Древнѣйшаго Евангелія.

„Время, когда было составлено Древнѣйшее Евангеліе, вполне точно опредѣлить, конечно, трудно; однако у насъ, говоритъ Эвальдъ, нѣтъ недостатка въ замѣчательныхъ данныхъ для того. Можно именно съ высшею вѣроятностію или еще болѣе съ точностію принять, что самое Древнѣйшее Евангеліе есть то, которое употреблялъ Ап. Павелъ. Что онъ употреблялъ вообще писанное Евангеліе, этого не должно оспаривать; а если онъ пользовался такимъ когда-либо, то мы, говоритъ Эвальдъ, можемъ думать ни о какомъ иномъ, какъ только объ этомъ самомъ древнѣйшемъ. Великое сродство между словами, сказанными на послѣдней вечери,—у Ев. Луки: XXII, 19 и сл. и у Ап. Павла: I Кор. XI, 23—25 ст., можетъ привести къ признанію этого труда каждаго внимательнаго читателя, какъ скоро онъ пойметъ, что Ев. Лука

271) Примѣры гебраизмовъ, разсѣянныхъ во всемъ Нов.—Зав. Св. Писаніи, можно видѣть въ *Grammatik* въ *Wien*en'a, —Стр. 28—36.

долженъ быть въ данномъ случаѣ имѣть предъ собой этотъ трудъ, т. е. Древнѣйшее Евангеліе²⁷²⁾. Такое соображеніе отнюдь не доказательство. Совсѣмъ неизвѣстно, употреблялъ ли Ап. Павелъ именно писанное Евангеліе; а если и употреблялъ, то еще нѣтъ основанія думать, что это было именно такое Древнѣйшее Евангеліе. Оно, по мнѣнію Эвальда, было по своему содержанію кратко и возвышенно; но Ап. Павелъ въ тѣхъ мѣстахъ, какія указываетъ самъ же Эвальдъ, именно: I Кор. VII, 6. 10. 11. 25. 40; IX, 14; XI, 23; XV, 3. 1 Сол. II, 6; IV, 15 и конечно ст. 18-й²⁷³⁾, выражаетъ нѣкоторыя, обыкновенныя въ Св. Писаніи, нравственныя положенія, именно: „женѣ не должно разводиться съ мужемъ (I Кор. VII, 10 и Мѡ. XIX, 9 ст.).... проповѣдующимъ Евангеліе Господь повелѣлъ жить отъ благовѣстія (IX, 14 и—Луки X, 7).... Господь Іисусъ въ ту ночь, въ которую преданъ былъ, взялъ хлѣбъ (ст. 23, и Луки XXII, 19; Мѡ. XXVI, 16 и Мр. XIV, 22).... Христосъ умеръ за грѣхи наши.... (XV, 3 и Луки XXIV, 26).... не ищемъ славы человѣческой ни отъ васъ, ни отъ другихъ (I Сол. XI, 6 и Иоан. V, 41. 44).... мы живущіе, оставшіеся до пришествія Господня, не предупредимъ умершихъ (IV, 15; I Кор. XV, 23; I Сол. IV, 16 и Мѡ. XXV, 31)...“ Эти тексты не содержатъ въ себѣ ничего особенно важнаго сравнительно со всѣми прочими въ Евангеліи и не настолько характеристичны, чтобы только ихъ относить къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія. Только такую неопредѣленную характеристикой и можно объяснить слѣдующую путаницу въ теоріи Эвальда. Онъ, напримѣръ, I Кор. IX, 14 ст. относитъ къ Древнѣйшему Евангелію, а параллельный ему въ Евангеліи отъ Маттея ст. 7, X-й гл. относитъ къ Собранію изреченій; или: стихъ

272) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 194—195.

273) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 195 Anmerk. erst.

23-й, XI-й гл. I Кор. параллеленъ стиху 19-му, XXII-й Луки, но этотъ ст. 19-й стоитъ въ строгой связи со ст. 18 и 17-мъ, которые Эвальдъ почему-то относитъ къ Собранію изреченій, хотя эти стихи одинаково важны со ст. 19-мъ; и т. д.²⁷⁴⁾. Слѣдовательно, указанныя мѣста посланій Ап. Павла не должны относиться къ Древнѣйшему Евангелію и не могутъ, судя по ихъ параллельности одного другому.—Еще менѣе, чѣмъ за самостоятельность Древнѣйшаго Евангелія, говорятъ указанныя цитаты за то, что Ап. Павелъ пользовался письменнымъ Евангеліемъ; потому что такія изреченія Апостола, какъ: „это сказано мною, какъ позволеніе, а не какъ повелѣніе (VII, 6).... не я повелѣваю, а Господь (—ст. 10).... я не имѣю повелѣнія Господня, а даю совѣтъ (—ст. 25).... по моему совѣту (ст. 40).... Господь такъ повелѣлъ (ст. 14, IX).... я отъ самого Господа принялъ то, что и вамъ передалъ (ст. 23, XI гл.).... я преподалъ вамъ, что самъ принялъ (ст. 3, XV гл.).... говорилъ вамъ словомъ Господа (ст. 15, IV I Сол.)“... эти и подобныя изреченія ясно указываютъ на то, что Ап. Павелъ не пользовался письменнымъ Древнѣйшимъ Евангеліемъ для составленія перваго посланія къ Коринтянамъ и перваго же къ Солунянамъ. Такое мнѣніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что Ап. Павелъ и самъ непосредственно очень близко стоялъ къ устному Апостольскому преданію и воспоминанію (*απομνημονεύματα*). Поэтому-то самъ Апостоль говоритъ о себѣ, что онъ передавалъ то, что самъ принялъ (ст. 3, IV гл. I Сол. и 23, IX гл. I Кор.). По преданію онъ могъ хорошо знать, что—Господнее повелѣніе и что—нѣтъ; поэтому не слѣдуетъ предполагать, что онъ пользовался еще письменнымъ Евангеліемъ.—Если бы онъ и пользо-

274) Или—по D. drei ersten Evangelien—къ Собственному Евангелію отъ Марка (III).

вался письменнымъ Евангелиемъ, то оно было бы несравненно полнѣе по своему содержанію и не таково по характеру своему, какъ предполагаемое Древнѣйшее Евангеліе. При всемъ томъ остается страннымъ, что Ап. Павелъ пользовался именно такимъ Евангелиемъ, авторомъ котораго не былъ никто изъ Двѣнадцати Апостоловъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ быть для Ап. Павла, верховнаго изъ Апостоловъ, столь авторитетнымъ лицомъ—писателемъ, которому бы онъ довѣрился настолько, чтобы заимствовать у него свое благовѣстіе?—конечно, только кто-либо изъ Двѣнадцати Апостоловъ; а если еще кто-нибудь былъ для него столь обязательно-важнымъ лицомъ, то почему же Ап. Павелъ, говоря много разъ о своихъ спутникахъ и сотrudникахъ, ничего ни разу не упоминаетъ о своемъ руководителѣ—Евангелистѣ?—конечно потому, что онъ не имѣлъ для себя такого исключительно-авторитетнаго руководителя. Въ самомъ дѣлѣ, кто же былъ Евангелистомъ-руководителемъ Ап. Павла, или—что тоже—авторомъ Древнѣйшаго Евангелія, которое было основнымъ источникомъ для этого Апостола, какъ и для другихъ?

—„Еще труднѣе догадаться, говоритъ Эвальдъ, кто былъ дѣйствительнымъ авторомъ Древнѣйшаго Евангелія (разумѣется—труднѣе, нежели опредѣлить время его составленія и под.)“...²⁷⁵). И—тѣмъ труднѣе, должно прибавить, что Эвальдъ самого Ап. Павла напередъ призналъ Евангелистомъ (въ своемъ смыслѣ)—спутникомъ старѣйшаго Ап. Варнавы. Но, если Ап. Павелъ самъ былъ Евангелистомъ для другихъ (напримѣръ, для Варнавы,—при первомъ путешествіи его съ Павломъ), то для чего же еще предполагать для самого Ап. Павла другаго Евангелиста?—Предполагаемый Евангелистъ могъ знать болѣе Ап. Павла, но—изъ преданія отъ очевидцевъ—

275) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 195.

слушателей, которое было доступно и самому верховному Апостолу, который видѣлся неоднократно съ Ап. Петромъ и былъ нѣсколько времени вмѣстѣ съ нимъ. Итакъ, кто же былъ авторомъ самаго важнаго Древнѣйшаго Евангелія?—„признать такимъ кого-либо изъ Двѣнадцати (Апостоловъ) мы, говоритъ Эвальдъ, не имѣемъ ни какого основанія“²⁷⁶). Это, съ точки зрѣнія Эвальда, несправедливо: противъ этого говоритъ авторитетъ Двѣнадцати Апостоловъ и то положеніе теоріи, что „Двѣнадцать (Апостоловъ) были всегда главными источниками преданія и самаго воспоминанія о Христѣ Исусѣ“, или—что „кто-либо изъ Двѣнадцати долженъ былъ увѣковѣчить свое имя такимъ дѣломъ“. Кроме того, Двѣнадцать Апостоловъ были служителями слова (т. е. Евангелія) и само Древнѣйшее Евангеліе это было первоначальнымъ, основнымъ, содержащимъ въ себѣ „перлы“ историческаго воспоминанія объ Исусѣ Христѣ, и, какъ такое, было принято въ составъ каноническихъ Евангелій. Кто же, однако, кромѣ Двѣнадцати Апостоловъ, могъ быть авторомъ Древнѣйшаго Евангелія?—„Можетъ быть, это былъ тотъ Филиппъ, который названъ опредѣленнымъ именемъ Евангелиста...“²⁷⁷) замѣчаетъ, но, очевидно, не отвѣчаетъ на вопросъ Эвальда. Почему же именно Ап. Филиппъ?—ужели только потому, что онъ названъ Евангелистомъ?—потому, думаетъ Эвальдъ, что „въ столь раннее время никто не имѣлъ бы ни внутренняго, ни внѣшняго (?) призванія къ составленію Евангелія, не имѣлъ бы именно такого призванія, какъ Филиппъ—самый ближайшій въ ряду первыхъ семи попечителей общества (діаконовъ) послѣ Стефана; Филиппъ, къ тому же, былъ эллинистъ, совершенно такой, какимъ слѣдуетъ представлять себѣ автора такъ-называемаго Первоевангелія (Ur-

276) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 195.

277) Ibidem.

Evangelium). Такой взгляд, замѣчаетъ Эвальдъ, и въ настоящее время долженъ оставаться догадкой; однако, онъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, представляется не безосновательнымъ²⁷⁸⁾. Конечно, этотъ взглядъ таковъ по тому, что сказано Эвальдомъ въ его пользу; но это далеко не основаніе. Авторъ Первоевангелія долженъ быть эллинистомъ; а св. Филиппъ былъ эллинистъ; слѣдовательно, онъ авторъ Первоевангелія... Здѣсь не доказано ни то, ни другое. Если предположить, что Ап. Филиппъ могъ быть авторомъ Первоевангелія; то, что же отсюда?—былъ ли Филиппъ дѣйствительно тѣмъ, кѣмъ онъ только могъ быть?—это неизвѣстно; слѣдовательно, какъ ни примѣчательно кажущееся Эвальду основаніе, но оно еще не доказано имъ и при всей придаваемой ему вѣроятности ведетъ собственно только къ тому, что Ап. Филиппъ могъ быть Евангелистомъ, ибо онъ былъ эллинистомъ, т. е., авторомъ Древнѣйшаго Евангелія. Однако, возможность тогда равняется дѣйствительности, когда эта возможность исключительно одна. Ап. Филиппа должно было бы признать дѣйствительнымъ авторомъ предполагаемаго Первоевангелія, если бы онъ одинъ былъ извѣстенъ, какъ Евангелистъ-эллинистъ; но самъ же Эвальдъ признаетъ, что и Ап. Павелъ былъ тоже эллинистомъ и Евангелистомъ, что въ извѣстномъ смыслѣ совершенно справедливо (1 Кор. XV, 1 ст. и др.; Дѣян. XXI, 37 и др.); слѣдовательно, и Ап. Павелъ могъ быть авторомъ предполагаемаго Первоевангелія. И это тѣмъ вѣроятнѣе, что самъ Эвальдъ въ Посланіяхъ Ап. Павла находитъ слѣды Древнѣйшаго Евангелія, хотя и объясняетъ это тѣмъ, что Апостоль только пользовался Древнѣйшимъ Евангеліемъ. Но теперь очевидно, что Ап. Павелъ могъ быть даже и авторомъ этого труда, съ коимъ во многомъ сходны его Посланія,—настолько, что Эвальдъ ихъ ставитъ прямо въ

278) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 195.

отношеніе зависимости отъ Древнѣйшаго Евангелія. А если съ точки зрѣнія Эвальда вѣроятно, что и Ап. Павелъ могъ быть авторомъ Первоевангелія, то этимъ явно отстраняется предположеніе, что такимъ авторомъ былъ только Филиппъ благовѣстникъ. Впрочемъ, это такъ съ точки зрѣнія Эвальда; а въ самомъ дѣлѣ ни благовѣстникъ Филиппъ, ни Ап. Павелъ не были составителями предполагаемаго Первоевангелія. Первое предположеніе, что Ап. Филиппъ былъ Евангелистомъ-эллинистомъ и авторомъ Первоевангелія, несправедливо потому, что Филиппъ хотя и былъ первымъ, послѣ Стефана, діакономъ (Дѣян. VI, 5), но именно діакономъ, а не „служителемъ слова“ (Дѣян. VI, 4), т. е. не былъ Евангелистомъ въ собственномъ и полномъ смыслѣ этого слова, по теоріи; онъ не былъ даже и въ числѣ избираемыхъ въ это званіе. При избраніи Апостола въ число Двѣнадцати на мѣсто Иуды искаріотскаго были „поставлены двое: Іосифъ, называемый иначе Варсавою и прозванный еще Іустомъ, и Матѣй (Дѣян. I, 23)“,—именно эти, потому что „они находились съ Апостолами во все время, когда пребывалъ и обращался съ ними Господь Іисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ нихъ (Дѣян. I, 21—22)“. Матѣей, избранный въ число Двѣнадцати Апостоловъ (Дѣян. I, 26), вмѣстѣ съ ними сталъ служителемъ слова“ (Дѣян. VI, 4), а Филиппъ былъ служителемъ при трапезахъ или „попечителемъ о столахъ“ въ числѣ семи діаконовъ (Дѣян. VI, 3 и 5), и потому, по крайней мѣрѣ, авторомъ самаго перваго, древнѣйшаго и важнѣйшаго первоевангелія онъ не былъ, такъ какъ въ первое время своего служенія онъ былъ только діакономъ, т. е. въ то время, когда Древнѣйшее Евангеліе должно было находиться уже въ употребленіи.—Съ точки зрѣнія Эвальда, даже вѣроятнѣе второе предположеніе, что Ап. Павелъ былъ авторомъ Древнѣйшаго Евангелія. Но это значило бы, что авторомъ былъ Апостоль, даже первоверховный, избранный на

„служенію слову“ или Евангелію. Однако, авторитетъ Ап. Павла и даже его воспитаніе іудейско-эллинистическое (Дѣян. XXI и XXII гл.) еще ничего не говорятъ за то, что онъ былъ авторомъ Первоевангелія: онъ всюду указываетъ на свое только устное проповѣдываніе Евангелія (ср. 2 Тим. II, 2 и д.; 1 Кор. XV, 1 ст. и др.),—онъ „передавалъ то, что самъ принялъ (1 Кор. XV, 3)“. Поэтому и Ап. Павла нельзя назвать и признать авторомъ Древнѣйшаго Евангелія. А если никто не можетъ быть признанъ авторомъ Первоевангелія,—ни изъ Двѣнадцати Апостоловъ—по теоріи, ни изъ ихъ помощниковъ, только благовѣстниковъ или проповѣдниковъ,—по свидѣтельству исторіи Апостольской; то авторъ его остается неизвѣстнымъ. Итакъ, предполагаемое Эвальдомъ, Древнѣйшее Евангеліе есть историческое X, ибо оно не имѣетъ ни самостоятельнаго существованія, ни особаго языка, ни опредѣленнаго времени, ни извѣстнаго автора, прямо говоря—его никогда не было въ дѣйствительности.

IX.

Слѣдующій за Древнѣйшимъ Евангеліемъ трудъ долженъ былъ не только собрать, по возможности, извѣстное количество изреченій Іисуса Христа, но и передать каждую рѣчь Его въ возможной полнотѣ и законченности. Эта задача разрѣшена въ высшей степени совершенно авторомъ Собранія изреченій. Содержаніе этого

труда Эвальдъ опредѣляетъ подобно предшествующему— по „слѣдамъ“, находящимся въ каноническихъ Евангеліяхъ.—За Собраніемъ изреченій, по теоріи, слѣдовало каноническое Евангеліе отъ Марка, дошедшее въ цѣломъ, весьма мало измѣненномъ видѣ.—Когда этими предшествовавшими трудами были удовлетворены главныя потребности времени, явилось новое направленіе въ исторіи Евангелійской письменности, опредѣляемое стремленіемъ— сопоставить вмѣстѣ многочисленныя и разбѣянные письменные источники. Въ этотъ періодъ появились и дошли до насъ Евангеліе отъ Матѳея и Евангеліе отъ Луки; но, вѣроятно, было нѣсколько и другихъ Ев. произведеній. Къ нимъ относится Книга вышей исторіи ²⁷⁹). Кромѣ поименованныхъ здѣсь Ев. трудовъ, Эвальдъ указываетъ еще „слѣды“ нѣкоторыхъ, именно VI, VII и VIII-й книгъ Евангелійской исторіи.

Опредѣленіе содержанія и всѣ доказательства самостоятельности VI, VII и VIII-й книгъ Евангелійской исторіи представляютъ весьма характеристическіе моменты развитія Эвальдовой теоріи, лучшее выраженіе ея принциповъ, яснѣйшее обнаруженіе ихъ недостаточности и рѣшительныя крайности общаго мнѣнія Эвальда о происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій. На нихъ и слѣдуетъ обратить преимущественное вниманіе съ цѣлію—опредѣлить научное значеніе всего, что говоритъ теорія въ пользу самостоятельности такихъ источниковъ синоптическихъ Евангелій, какъ VI, VII и VIII-я книги Евангелійской исторіи.

Принимая во вниманіе задачу труда, предшествовавшего VI-й книгѣ Ев. исторіи, именно каноническаго Евангелія отъ Матѳея,—въ смыслѣ теоріи Эвальда,—а именно, что это Евангеліе имѣло главной задачей

²⁷⁹) Объ этихъ трудахъ см. Jahrb. d. b. W. 1849. S. 196—216 и 219—224.

своей—, искусно обработать уже письменные источники²⁸⁰⁾—, слѣдуетъ думать, что послѣ этого труда не могло быть еще труда съ иной какой-либо задачей. Но Эвальдъ „усматриваетъ весьма точно слѣды трехъ произведеній, которыя опять обрабатываютъ Ев. исторію большею частію самостоятельно. Эти слѣды, по его словамъ, конечно, довольно разсѣяны и немногочисленны; они преимущественно находятся въ Евангеліи отъ Луки, однако, замѣчаетъ Эвальдъ, несправедливо было бы не признавать и не желать собрать ихъ въ одинъ понятный видъ (*verständliches Bild*) столько, сколько можно²⁸¹⁾. Общая задача всѣхъ этихъ трудовъ (VI, VII и VIII-й кн.) хотя здѣсь не опредѣляется точно и вполнѣ, но уже мысль о самостоятельности ихъ возбуждаетъ вопросъ, почему же Эвальдъ эти самостоятельныя произведенія ставить послѣ, по его мнѣнію, не самостоятельнаго каноническаго Евангелія отъ Матѳея? Если они всѣ (VI, VII и VIII-я кн.) самостоятельны, то почему же хотя нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, VI и VIII-я или VII и VIII-я книги, не стоятъ прежде каноническаго Евангелія отъ Матѳея?—На это нѣтъ и не можетъ быть удовлетворительнаго отвѣта въ общемъ понятіи Эвальда объ этихъ трудахъ. И если остается возможность рѣшать этотъ вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣлять самостоятельность VI, VII и VIII Ев. книгъ, то—при частномъ опредѣленіи вида и характера каждой изъ нихъ. А это опредѣленіе стоитъ въ существенно-тѣсной связи съ указаніемъ и опредѣленіемъ самыхъ „слѣдовъ“ въ каноническихъ Евангеліяхъ,—по чему находится ихъ содержаніе.

„Мы, говоритъ Эвальдъ, находимъ весьма точно слѣды произведенія, которое явилось съ цѣлію—изложить въ прекрасно-подробномъ изображеніи много-различныя вос-

280) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 209—210.

281) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 216.

помятія (о Христѣ), что до того времени еще не много было или даже совсѣмъ не было обработано письменнo (*noch wenig oder noch garnicht schriftlich behandelt war*). Это—VI-я книга Ев. исторіи²⁸²⁾. Въ настоящемъ случаѣ важно не только то, что оставались еще нѣкоторыя воспоминанія, но еще болѣе то, что они не были записаны. Въ самомъ дѣлѣ, весьма важно, какъ—, „не много были“ или—, „даже совсѣмъ не были“ записаны оставшіяся воспоминанія о Христѣ?—Рѣшить это весьма трудно, а рѣшить весьма нужно; потому что если не могли быть записаны, то, по теоріи, VI-ю Ев. книгу можно помѣстить послѣ каноническаго Евангелія отъ Матѳея; а если „не много были записаны“, то, по теоріи, эта книга должна быть поставлена прежде каноническаго Евангелія отъ Матѳея, какъ его источникъ въ ряду другихъ подобныхъ, или совсѣмъ не быть. Между тѣмъ, по теоріи Эвальда, скорѣе можно рѣшить вопросъ такъ, что „не много были записаны“, ибо Ев. Матѳеей нашель нужнымъ собирать только письменные источники; а эта задача его времени и писанія предполагаетъ, что самостоятельныя работы уже были окончены. Слѣдовательно, всякія самостоятельныя по Ев. исторіи сочиненія, какъ VI-я книга и другія, ей подобныя, предшествовали каноническому Евангелію отъ Матѳея. Это—такъ, но при рѣшительно произвольномъ предположеніи Эвальда относительно свойствъ и содержанія VI-й книги Ев. исторіи. Это предположеніе предлагается въ такомъ видѣ: „сколько можно видѣть въ настоящее время, авторъ этой VI-й Ев. книги дѣйствительно и весьма удобно находилъ новую матерію, восходя къ самому началу открытой жизни Иисуса Христа и обнимая дотолѣ мало разсмотрѣнное воспоминаніе о Его дѣтствѣ, повторяя при томъ еще нѣкоторыя изображенія событій изъ открытой жизни Его, въ-особенности, если

282) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 216—217.

что содержало учение Христа, и преимущественно приводилъ нѣкоторыя изъ единократно высказанныхъ Имъ притчей²⁸³). Такое разъясненіе Эвальдомъ своего предположенія, конечно, нисколько не дѣлаетъ его доказательствомъ, что требуется для отвѣта. Остается не рѣшеннымъ вопросъ, находилъ ли дѣйствительно предполагаемый авторъ новую матерію, и не была ли она изложена еще прежде въ каноническомъ Евангеліи отъ Матѳея? Въ данномъ объясненіи скорѣе предрѣшается этотъ вопросъ отрицательно; потому что, по объясненію Эвальда, эта VI-я книга Ев. исторіи содержала воспоминаніе о дѣтствѣ Христа, которое уже излагалъ и Ев. Матѳеи въ своемъ Евангеліи, пользуясь, по мнѣнію Эвальда, въ этомъ случаѣ источникомъ писаннымъ. Слѣдовательно, еще и до каноническаго Евангелія отъ Матѳея былъ писанный источникъ свѣдѣній о дѣтствѣ Іисуса Христа; а потому и то воспоминаніе, какое содержитъ VI-я книга Ев. исторіи, изложенное въ Евангеліи отъ Луки, могло быть Ев. Лукою заимствовано изъ того же источника, изъ котораго заимствовалъ его Ев. Матѳеи. А что оно было дѣйствительно въ томъ источникѣ, это, съ точки зрѣнія Эвальда, положительно вѣроятно, потому что Ев. Матѳеи изложилъ исторію дѣтства Христова въ своемъ Евангеліи неполно и не такъ, какъ Ев. Лука. Поэтому, замѣчаніе Эвальда, характеризующее VI-ю книгу Ев. исторіи, не отдѣляетъ ее отъ предшествующихъ Ев. трудовъ и собственно прямо относитъ къ числу писаній, существовавшихъ еще до каноническаго Евангелія отъ Матѳея.

Ничего нельзя вывести существенно основательнаго въ доказательство самостоятельности VI-й книги Ев. исторіи и изъ частной ея характеристики. „Въ отрывкахъ этой книги, въ-частности замѣчаетъ Эвальдъ, представляются высшая любезность (*Lieblichkeit*) и нѣжность

(*Zartheit*), которыя въ связи съ спокойнымъ, прекраснымъ и подробнымъ изображеніемъ достаточно отчетливо представляетъ матерію VI-й книги Ев. исторіи и дѣлаютъ ее замѣтною между сотнею другихъ отрывковъ²⁸⁴). Конечно, эта матерія по указаннымъ свойствамъ можетъ быть примѣтною, но нельзя еще признавать ее самостоятельной, такъ какъ эти свойства не могутъ быть постоянными и единственными во всякомъ историческомъ сочиненіи. Высшая нѣжность предполагаетъ и менѣе высшую: почему же та и другая не могли принадлежать одному и тому же автору?—Ужели каждый долженъ излагать одинаково высоко и нѣжно свою матерію во всѣхъ частяхъ своего труда?—это несправедливо въ виду того факта, что на примѣръ Ев. Матѳеи въ своемъ изложеніи Ев. исторіи неодинаково изображаетъ различныя обстоятельства изъ жизни Господа, какъ дѣлаютъ то и другіе Евангелисты. Почему же этого не могъ сдѣлать и Евангелистъ Лука, притомъ—только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего Евангелія и, между прочимъ, когда онъ излагаетъ исторію дѣтства Іисуса Христа?—Ев. Лука самъ могъ передать эту „высшую нѣжность“, тѣмъ болѣе, что она заключается собственно въ словахъ тѣхъ лицъ, о коихъ рассказываетъ Евангелистъ, и есть не болѣе, какъ точное воспроизведеніе словъ Св. Дѣвы Маріи, Іосифа и самого Іисуса Христа—Отрока.... А точное воспроизведеніе данныхъ словъ, принадлежащихъ извѣстнымъ лицамъ, и у историка-писателя не измѣняетъ ихъ нѣжности. Поэтому, слѣдовало бы напередъ доказать, что этихъ нѣжныхъ словъ изъ дѣтской исторіи Христа въ дѣйствительности не было никогда сказано, что они принадлежатъ самому Евангелисту Лукѣ; но этого еще нисколько не доказалъ Эвальдъ. Такъ, VI-я книга Ев. исторіи можетъ быть помѣщена и прежде каноническаго Евангелія

283) Jahrb. d. b. W. 1849. S.217.

284) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 217.

отъ Матѳея, и послѣ, и потому не можетъ быть призна- на самостоятельнымъ произведеніемъ. Тѣ части содержа- нія каноническихъ Евангелій, которыя Эвальдомъ отно- сятся къ VI-й книгѣ Ев. исторіи, съ одной стороны могли принадлежать источнику исторіи дѣтства Иисуса Хри- ста и быть записанными прежде каноническаго Еванге- лія отъ Матѳея; а съ другой стороны они могли принад- лежать самому Ев. Лукѣ, у котораго находятся въ на- стоящее время, и потому не могутъ быть признаны само- стоятельными. Въ самомъ дѣлѣ, если Ев. Лука счелъ нуж- нымъ помѣстить ихъ въ своемъ трудѣ, то почему же онъ не былъ тѣмъ авторомъ, который впервые ихъ записалъ? — Дѣйствительно, въ изложеніи указанныхъ Эвальдомъ частей Евангелія отъ Луки замѣтны „высшая любезность и нѣжность“; но почему же до той и другой не могъ воз- выситься такой историкъ, какъ Ев. Лука? — VI-ю книгу Ев. исторіи и по теоріи слѣдуетъ отнести къ содержа- нію каноническаго Евангелія отъ Луки; это тѣмъ болѣе справедливо, что она содержитъ еще много такого, что составляетъ уже повтореніе изложеннаго въ предшествую- щихъ ей Ев. произведеніяхъ. Если такъ, то почему же эту книгу нельзя усвоить Евангелисту Лукѣ, какъ часть его Евангелія? Если качество и свойства принадлежащихъ ей отрывковъ ничего не говорятъ противъ этого; если, наконецъ, не говоритъ противъ этого же контекстъ и грамматическая связь ихъ въ Евангеліи отъ Луки: то само- стоятельное существованіе этихъ отрывковъ, отдѣльное отъ всего содержанія Евангелія Луки, остается мнимымъ, пря- мо говоря—они принадлежатъ Ев. Лукѣ.

Такъ это оказывается и при разсмотрѣніи каждой части VI-й книги Ев. исторіи отдѣльно.—Первый по порядку „слѣдъ“ ея—Луки гл. II, 41—52 ст.—содержитъ рассказъ о путешествіи Иосифа и Маріи съ Отрокомъ- Иисусомъ въ Иерусалимъ, ихъ розыскъ тамъ Иисуса, о бѣ- сѣдѣ Мессіи-Отрока съ учителями народа во храмѣ. Въ этомъ рассказѣ дѣйствительно содержится выраженіе

нѣжной родительской любви, и, конечно, это—подробная черта въ изложеніи Ев. исторіи; но почему же, при этомъ, нельзя данный отрывокъ приписать самому Ев. Лукѣ? Еслибы у него не находилось еще ничего подоб- наго и при томъ неизвѣстны были его источники, то и тогда нельзя было-бы заключить, что онъ не могъ самъ изложить данныя событія такъ, какъ (неизвѣстно почему) могъ тотъ, кто признается писателемъ его по Эвальду. А въ Евангеліи отъ Луки содержится и еще подобный раз- сказъ, именно о встрѣчѣ Христа Спасителя во храмѣ Си- меономъ и Анною пророчицей,—рассказъ, исполненный выраженіемъ любви ко Христу: но и этотъ рассказъ пере- даетъ все то прекрасное, что содержали въ себѣ слова и дѣйствія лицъ, о коихъ повѣствуетъ Евангелистъ. И совершенно нѣтъ нужды предполагать самостоятельный письменный источникъ для такихъ рассказовъ, какъ: гл. II, 41—52, тѣмъ болѣе, когда Ев. Лука при изложеніи раз- сказовъ изъ исторіи дѣтства Иисуса Христа, не намѣка- етъ ни на что въ родѣ VI-й книги Ев. исторіи и—во- обще ни на какой писанный источникъ, но прямо указы- ваетъ источникъ неписанный—устное преданіе: „Матерь Его (Иисуса), говоритъ Евангелистъ, сохраняла все сло- ва сіи въ сердцѣ своемъ (ст. 51, ср. XI, 19)“. Именно Пресв. Дѣва Марія сохраняла (συντηρει) все слова сіи, слагая (συβαλλυσα) въ сердцѣ своемъ (εν τη καρδια αυτης)“. И это указаніе Ев. Лука даже повторяетъ, давая тѣмъ замѣтить, откуда онъ заимствуетъ свои свѣдѣнія. „Пресвятая Дѣва Марія, по бывшему Ей откровенію о зачатіи Гос- пода, была глубоко вдохновлена и все глубоко-внима- тельно наблюдала... Она сохраняла все эти изреченія (ρηματα); Она сохраняла, συντηρει, глубоко запечатлѣн- ное въ памяти и глубококомъ умѣ, и при этомъ слагала въ сердцѣ своемъ,—συβαλλυσα,—составляла или сопостав- ляла, т. е. въ смиренномъ сердечномъ размышленіи со-

ображала ихъ и объясняла²⁸⁵). Вотъ источникъ свѣдѣній Ев. Луки. Поэтому нѣтъ нужды предполагать еще отдѣльную, кромѣ Евангелія отъ Луки, VI-ю книгу Ев. исторіи, когда данный разсказъ Луки гл. II, 41—52 по всей вѣроятности заимствованъ отсюда же, откуда, напримѣръ, и разсказъ о пастыряхъ Виолеемскихъ, т. е. изъ устнаго источника исторіи дѣтства Христова,—откуда и всѣ другіе того же рода Ев. разсказы, какъ и вся исторія жизни Иисуса Христа до выступленія Его на общественное служеніе, помѣщенная у Ев. Матѳея и, по Эвальду, именно этому Евангелисту принадлежащая. Эту исторію дѣтства Христова можно и должно было заимствовать изъ преданія только отъ самой Пресв. Дѣвы Маріи, которая все сохраняла и слагала въ своемъ сердцѣ, и отъ самого Господа. А такъ какъ у Ев. Матѳея нѣтъ словъ Ев. Луки: гл. II, 19 и 51 ст., то слѣдуетъ, что Ев. Лука и не могъ заимствовать ихъ у Матѳея; слѣдовательно, заимствовалъ ихъ прямо и непосредственно изъ первоисточника—отъ Пресв. Дѣвы Маріи: на Нее, какъ на источникъ своихъ свѣдѣній, онъ указываетъ здѣсь же самъ,—на Нее, а не на какой бы то ни было письменный источникъ, въ родѣ VI-й книги Ев. исторіи. Такъ, эта книга самостоятельна и въ отношеніи къ Евангелію отъ Матѳея, и въ отношеніи къ Евангелію отъ Луки.

Еще менѣе говорить за самостоятельность доселѣ еще самостоятельной VI-й книги Ев. исторіи второй „слѣдъ“ ея—Луки гл. IV, 16—23 и 28 ст. Здѣсь содержится проповѣдь Иисуса Христа въ Назаретской синагогѣ. Желаніе Эвальда отнести этотъ отрывокъ къ VI-й книгѣ Ев. исторіи является страннымъ, потому что эта проповѣдь находится уже въ Евангеліяхъ отъ Марка и Матѳея, только въ нѣсколько сокращенномъ ея видѣ. Этотъ фактъ дока-

285) Meyer's: *Kommertar üb. d. Evangelium Lucas*: II, 41—52 ст.

зываетъ, что VI-я Ев. книга, судя по этому отрывку, не могла явиться послѣ Евангелія отъ Матѳея, ибо слѣды ея существовали прежде. Было ли содержаніе ея прежде записано—на это въ томъ же отрывкѣ нѣтъ никакого указанія. Если же судить съ Эвальдомъ, кому принадлежало составленіе Проповѣди въ Назаретской синагогѣ, то онъ, не сомнѣваясь, усвоитъ оное Ев. Марку; а Ев. Матѳея, по его мнѣнію, уже сократилъ содержаніе этой проповѣди, записанное Ев. Маркомъ; Ев. Лука, слѣдовательно, дополнилъ... Если такъ, то VI-я книга Ев. исторіи—произведеніе самостоятельное, потому что часть ея находится въ Евангеліи отъ Марка (гл. VI, 1 и сл. ст.) и ему принадлежитъ, какъ собственности. Однако, замѣчательно, что находится повтореніе содержанія VI-й книги Ев. исторіи даже въ большемъ ея объемѣ и въ Евангеліи отъ Луки. Это показываетъ, конечно, то, что Ев. Лука писалъ свое Евангеліе независимо отъ Марка и Матѳея. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что если бы Ев. Лука заимствовалъ содержаніе своего Евангелія у Марка, то онъ долженъ былъ бы помѣстить, напримѣръ, весь вопросъ и вмѣстѣ мнѣніе народа, слушавшаго Спасителя въ Назаретской синагогѣ,—такъ, какъ это изложено у Ев. Марка: „откуда у Него это? что за премудрость дана Ему? и и какъ такія чудеса совершаются руками Его?—Не плотникъ ли Онъ, сынъ Маріи, братъ Іакова, Іосіи, Іуды и Симона? Не здѣсь ли между нами Его сестры?“ Напротивъ,—у Ев. Луки только: „и всѣ... дивились словамъ благодати, исходившимъ изъ устъ Его, и говорили: не Іосифовъ ли это сынъ?“ Понятно, Ев. Лукѣ, который замѣчаетъ даже, что Спаситель, при этомъ закрывъ книгу, и отдавъ слугѣ, сѣль, и очи всѣхъ въ синагогѣ были устремлены на Него (IV, 20 ст.), естественно слѣдовало бы полно изложить вопросъ удивленія и мнѣніе народа о происхожденіи Господа. Между тѣмъ, Ев. Лука, заимствуя свой разсказъ изъ одного источника съ Маркомъ, опускаетъ то, что болѣе важно и что Ев. Маркъ излагаетъ

подробнѣе его; какъ же, принимая одну подробную черту, хотя менѣе важную, и опускаая другую, болѣе важную, Ев. Лука является одинаково подробнымъ съ Ев. Маркомъ? Это, съ точки зрѣнія Эвальда, непонятно. А потому и сравнительное сопоставленіе и отличіе будто бы подробнѣйшаго разсказа Ев. Луки съ разсказомъ Ев. Марка не доказываютъ самостоятельности VI-й книги Ев. исторіи. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Ев. Лука сокращеннѣе приводитъ слова Господа, именно такъ: „истинно говорю вамъ: никакой пророкъ не принимается въ своемъ отечествѣ“—и только; а Ев. Маркъ полнѣе: „и сказалъ (Господь) не бываетъ пророкъ безъ чести, развѣ только въ отечествѣ своемъ и у сродниковъ, и въ домѣ своемъ...“ Ев. Лука опускаетъ также замѣчаніе Ев. Марка и о томъ фактѣ, что Господь „не могъ совершить тамъ (въ Назаретѣ) послѣ никакого чуда; только на многихъ возложивъ руки, исцѣлилъ ихъ. И дивился невѣрію ихъ“. Такое различіе разсказа Ев. Луки отъ разсказа Ев. Марка устраняетъ предположеніе о зависимости перваго отъ VI-й книги Ев. исторіи; такъ какъ эта книга, по предположенію теоріи Эвальда, должна была содержать все, что собственно принадлежитъ Ев. Марку; такъ какъ Ев. Лука является въ данномъ разсказѣ историкомъ сравнительно подробнѣйшимъ, даже въ малозначительномъ; такъ какъ у нихъ есть только различіе въ изображеніи подробностей.—При всемъ этомъ, не имѣетъ значенія и другое, здѣсь признаваемое Эвальдомъ, свойство даннаго разсказа—нѣжность: она заключается въ изреченіяхъ Спасителя, а Его проповѣдь, какъ и всякая другая, должна, по теоріи, принадлежать спеціальному по этой части Ев. труду—Собранію изреченій. Однако, эту именно проповѣдь Спасителя нельзя отнести къ Евангелію отъ Матѳея, гдѣ содержится большинство такихъ рѣчей, и нельзя считать ее заимствованною изъ Евангелія отъ Марка, ибо тамъ помѣщенная во многомъ различна отъ этой; слѣдовательно, эта проповѣдь Спасителя при-

надлежитъ Евангелію отъ Луки, имъ воспроизведена и такъ изложена. Содержащаяся въ ней „нѣжность“, переданная однимъ Евангелистомъ, объективно-точно воспроизведена Евангелистомъ другимъ, какъ историкомъ. Онъ могъ передать ее во всей ея свѣжести и точности, какъ и всѣ рѣчи, заключающіяся въ Собраніи изреченій, изложенныя Ев. Матѳеемъ. Ев. Лука, по несомнѣнно подлиннымъ его словамъ (по Эвальду—I, 1—4 ст.), писалъ при тщательномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку, какъ то передали ему бывшіе съ самаго начала очевидцами и служителями Евангелія. Если же онъ передаетъ эту рѣчь Спасителя по объему различно отъ Ев. Марка, то лишь потому, что Ев. Маркъ имѣлъ для себя другой источникъ Ев. свѣдѣній—проповѣдь Ап. Петра. Слѣдовательно, разсказъ, изложенный въ IV, 16—23 и 28 ст. Ев. Луки, принадлежитъ самому Ев. Луку и не составляетъ части особой, самостоятельной VI-й книги Ев. исторіи.

Точно также мало говорить за самостоятельность VI-й книги Ев. исторіи и третій ея „слѣдъ“—Луки гл. V, 1—11 ст., гдѣ содержится разсказъ о чудесной ловитвѣ рыбы на Геннисаретскомъ озерѣ и о призваніи старѣйшихъ Апостоловъ изъ числа рыбаей. Этотъ разсказъ у Ев. Луки служитъ уже повтореніемъ того, что сказано у Марка и Матѳея. Почему же одинъ Лука, говорящій тоже, что Маркъ и Матѳей, не зависѣлъ отъ того источника, изъ коего, будто-бы, заимствовали этотъ разсказъ Евангелисты Маркъ и Матѳей?—То, что говоритъ Маркъ, Эвальдъ усвоитъ ему вполне; а слѣдовательно, VI-я книга Ев. исторіи—трудъ, по отношенію къ Евангелію отъ Марка, несамостоятельный; иначе,—VI-я книга Ев. исторіи существовала въ первомъ періодѣ Ев. письменности до Евангелія отъ Марка. Такъ и въ самомъ дѣлѣ; ибо, по Эвальду, въ данномъ разсказѣ собственно и Ев. Маркъ несамостоятеленъ. Призваніе Апостоловъ, Симона и Андрея, Эвальдъ относитъ къ Древнѣйшему Евангелію. Но, при сравненіи разсказа Ев. Марка съ разсказомъ Ев.

Матѳея, по Эвальду, выходить, что Матѳеи заимствовали его у Марка и, очевидно, изложили заимствованное съ собственнымъ добавленіемъ. Ев. Матѳеи, напримѣръ, говоритъ о Спасителѣ: „проходя же близъ моря Галилейскаго, Онъ увидѣлъ двухъ братьевъ, Симона, называемаго Петромъ и Андрея, брата его“... Ев. Маркъ—только: „проходя же близъ моря Галилейскаго, увидѣлъ Симона и Андрея, брата его“... Или—Матѳеи: „оттуда идя далѣе, увидѣлъ онъ другихъ двухъ братьевъ, Иакова Зеведеева и Иоанна въ лодкѣ съ Зеведеемъ, отцомъ ихъ“.— Ев. Маркъ: „и прошедши оттуда немного, Онъ увидѣлъ Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, также въ лодкѣ“. Эти незначительныя прибавки у Ев. Матѳея показываютъ, по крайней мѣрѣ, что вообще прибавки могли быть, независимо отъ существованія особаго источника для такихъ прибавокъ—VI-й книги Ев. исторіи. А потому, если въ Евангеліи отъ Луки данный рассказъ изложенъ полнѣе, нежели у другихъ, то еще нельзя думать, чтобы въ своей полнотѣ онъ былъ заимствованъ изъ особаго источника: иначе такихъ источниковъ логически послѣдовательно должно будетъ предположить множество.

Предположеніе особыхъ источниковъ на основаніи сравнительно большей полноты содержанія послѣдующихъ Ев. писаній приводитъ къ предположенію несоизмѣримо великаго множества посредствующихъ трудовъ, или къ тому, что каждый изъ послѣдующихъ писателей послѣдовательно и непремѣнно пользовался предыдущимъ. Въ результатъ перваго предположенія отрицается мнѣніе объ одной только VI-й книгѣ Ев. исторіи, а въ результатъ втораго признаются источниками необходимо всѣ подобныя многочисленныя книги или опять отрицается одна только. Поэтому, для каждаго подобнаго цикла отрывковъ или недолжно предполагать ни одного особаго письменнаго источника, или приходится предполагать несоизмѣримо великое число ихъ. Удобнѣе и научнѣе принять первое. А если такъ, то VI-я книга Ев. исторіи не-

самостоятельна. Ея предполагаемая самостоятельность опредѣлялась особыми, сравнительно подробнѣйшими, отрывками. Но эта, сравнительно большая подробность, у Ев. Луки не заключаетъ никакой сравнительно большей „любезности и нѣжности“. Въ этомъ рассказѣ, запечатлѣнномъ у Ев. Луки благотворительностію, любезность и нѣжность усиливаются развѣ только самою благотворительностію, а слова призванія Апостоловъ и обѣтованія, данныя имъ, находятся и въ тѣхъ отрывкахъ повѣствованія, которые относятся Эвальдомъ къ содержанію Древнѣйшаго Евангелія. Но благотворительность Господа—дѣло постоянное въ Его исторіи. Отсюда—если брать за основаніе понятіе благотворительности для обособленія отрывковъ изъ каноническихъ Евангелій въ составъ ихъ письменныхъ источниковъ, то придется раздѣлить три каноническія Евангелія по числу рассказовъ, содержащихъ въ себѣ дѣло благотворительности Господа, и признать для такихъ рассказовъ отдѣльный писанный источникъ; въ этомъ, конечно, будетъ выражаться важное противорѣчіе теоріи ея принципамъ и методу. Такимъ образомъ,—VI-я книга Евангеліи исторіи, судя по ея третьему отрывку—Луки гл. V, 1—11 ст., неумѣстна въ теоріи Эвальда и несамостоятельна.

Желая усилить значеніе своихъ теоретическихъ соображеній, Эвальдъ представляетъ еще и филологическія данныя въ доказательство самостоятельности VI-й книги Евангеліи исторіи. Онъ говоритъ: „словоупотребленіе представляетъ въ этихъ книгахъ нѣкоторое особенное значеніе, особую окраску, какъ—*οφρως*, Луки IV, 29 ст.; *εις το παντελες*, Луки XIII, 11 ст.; *ανακωπτω*, Иоан. VIII, 7. 10. Луки XIII, 11 (нѣсколько иначе—XXI, 28); *υπολαμβανω* въ значеніи—отвѣчать на что, возражать, *erwiedern*, Луки X, 30 ст. Это употребленіе, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ, что данныя отрывки имѣли особенную окраску языка. Также и слово *επιστατης*, Луки V, 5. 17. 13 ст. Евангелистъ Лука могъ усвоить

себѣ только изъ этого труда и повторилъ въ гл. VIII, 24. 45 и IX, 33. 49 ст. Иногда является здѣсь нѣкоторое слово, принятое какъ бы съ особенною любовью Ев. Лукой и употребляющееся въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, какъ: *παυως*—IV, 23,—*επιδιδομι* въ значеніи—подавать, протягивать, *reichen*—IV, 17 и XXIV, 30. 42. Дѣян. Ап. XV, 30 ²⁸⁶). Это употребленіе словъ, по Эвальду, свидѣтельствуеетъ объ особой окраскѣ рѣчи въ отрывкахъ VI-й книги Евангельской исторіи. Мнѣніе это въ умозаключеніи слагается такъ: отрывки NN имѣютъ нѣкоторыя слова, коихъ нѣтъ въ другихъ отрывкахъ; слѣдовательно, они взяты изъ другихъ источниковъ, которые имѣли особую окраску языка. Такое умозаключеніе—*circulus in demonstrando*. Чѣмъ доказать, что эти слова составляютъ именно особую окраску языка? почему данные отрывки съ этой окраской не принадлежатъ самому каноническому Евангелію отъ Луки?—Отвѣтъ—могутъ принадлежать—долженъ быть единственнымъ исходомъ изъ логическаго круга. Но данное умозаключеніе неправильно по принципу. Если отрывки NN содержать особыя слова и потому признаются частями особыхъ источниковъ, то каждое особое слово должно служить признакомъ особенности отрывка и основаніемъ его выдѣленія въ составъ особаго источника. На-оборотъ,—всѣ отрывки, содержащіе особыя, только Ев. Лукѣ принадлежащія, слова, должно относить къ одной VI-й книгѣ Ев. исторіи. Отсюда, всѣ отрывки съ особыми словами не должно выдѣлять изъ Евангелія отъ Луки. Противорѣчіе перваго слѣдствія съ теоріей Эвальда заставляетъ признать справедливымъ послѣднее положеніе, за что ручается, по крайней мѣрѣ, фактъ единства Евангелія отъ Луки въ настоящемъ его видѣ и существованіе у него многихъ, безспорно только ему принадлежащихъ,

286) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 217.

словъ ²⁸⁷). А неисключительная принадлежность указанныхъ Эвальдомъ словъ Евангелію отъ Луки, въ виду другихъ, только ему принадлежащихъ, обнаруживаетъ рѣшительную неправильность умозаключенія Эвальда, наконецъ, и по содержанію; такъ какъ въ понятіи „особенныхъ“ словъ взять не весь объемъ и число ихъ, и потому не строго опредѣлены самыя особенности ихъ. А это, далѣе, требуетъ точнѣйшаго разсмотрѣнія самыхъ особенностей въ употребленіи данныхъ словъ.

Первое по порядку „особенное“ слово есть *οφρως*, Луки гл. IV, 29 ст. Данный стихъ не имѣетъ отношенія къ VI-й книгѣ Ев. исторіи по характеру его содержанія, ибо здѣсь повѣствуется о покушеніи Иудеевъ свергнуть Иисуса со скалы, что, конечно, не выражаетъ ни любезности, ни нѣжности—понятій, характеризующихъ содержаніе отрывковъ VI-й книги Ев. исторіи. Потомъ, стихъ 29-й примыкаетъ къ 28-му по связи рѣчи; а 28-й ст. примыкаетъ къ ст. 27-му. Въ 27-мъ ст. Спаситель говоритъ, что „много было прокаженныхъ во Израиль—при пророкѣ Елисеѣ; и ни одинъ изъ нихъ не очистился, кромѣ Немеана Сиріянина“. Ст. 28-й: „услышавъ сіе, всѣ въ синагогѣ исполнились ярости“... Ст. 29-й: „И вставъ... поведи на вершину горы,—*ως οφρως*“. Слѣдовательно, всѣ три стиха: 27, 28 и 29-й въ контекстѣ неразрывны. Между тѣмъ ст. 27-й относится Эвальдомъ къ Собранію изреченій, а не къ VI-й книгѣ Ев. исторіи ²⁸⁸). Поэтому, конечно, и 29-й ст. принадлежитъ не ей, хотя и содержитъ слово *οφρως*: это слово между многими другими, собственно только Лукѣ принадлежащими, можно считать особеннымъ, но не относящимся къ VI-й книгѣ Ев. исторіи. Чѣмъ же, однако, объяснить особенность слова *οφρως*?—Слово *οφρως* значитъ собственно: бровь, выдав-

287) См. напримѣръ у *Гэррике*: Введеніе въ Н. Зав. книги Св. писанія. 1869. Перв. пол. Стр: 145—147.

288) См. D. drei ersten Evangelien.

шееся мѣсто на лбу, крутизна,—то, что вообще выдается; въ такомъ значеніи оно употребляется у Ксенофонта, Демосфена, Страбона, Полибія и Гомера²⁸⁹). Въ такомъ значеніи данное слово принадлежит, очевидно, не одному Ев. Лукѣ, но и греческимъ классикамъ: а потому еще—вопросъ, оригинально ли Лука, какъ писатель-Евангелистъ, употребляетъ данное слово или онъ употребляетъ это слово какъ обычное, какъ употребилъ бы его и другой новозавѣтный священный писатель?—Нужно замѣтить, что это слово однажды только употребляется во всѣхъ Св. книгахъ Новаго Завѣта въ значеніи „выдавшаяся часть горы, крутизна“²⁹⁰). А если такъ, то *οφρος* слѣдуетъ назвать не особеннымъ, а только единственнымъ словомъ у Ев. Луки. Онъ долженъ былъ употребить это, а не другое слово—для точнаго обозначенія мѣста: при этомъ Ев. рассказъ о намѣреніи Іудеевъ свергнуть Спасителя съ такой вершины горы, какъ *οφρος*, будетъ вполне понятенъ и имѣетъ историко-географическое значеніе; потому что, по преданію, сохранившемуся до настоящаго времени, это мѣсто въ Назаретѣ представляетъ крутизну, именно какъ *οφρος*²⁹¹). Поэтому слово *οφρος* есть самое точное, можетъ быть, даже мѣстное названіе данной крутизны и потому не служить знакомъ

289) Schleisner'a: Nov.-Lex. gr.-lat. В. II.

290) Ibidem.

291) *Εως της οφρους του ορους*, собственно—до верхняго края горн... Мѣстоположеніе Назарета при горѣ, т. е. возлѣ самой горы, при ея подошвѣ, согласно вполне съ теперешнимъ его положеніемъ: дома стоятъ на нижней части уступа (*Abfalls*) западной стороны горы, которая возвышается *круто* и высоко надъ ними; утесъ горы 40—50 ф. высоты отвѣсно. Отсюда и намѣрены были сбросить Іисуса Христа раздраженные жители Назарета. Robinson: Palest. III р. 419. 1. р. 423. у Meyer'a: Kommentar. S. 325. Срав. Сказаніе о земной жизни Богородицы. Изд. 2. 1870. Слб., гл. VII, стр. 114—119.

особой окраски языка Ев. Луки, а только точнымъ обозначеніемъ извѣстной стремнины, о которой другіе Евангелисты не упоминаютъ, по чему и слова такого не употребляютъ. Итакъ, данная особенность не отличаетъ Евангеліе отъ Луки, такъ какъ только здѣсь и говорится объ этой горѣ, и потому отрывокъ, содержащій слово *οφρος*, ни отъ чего и никакъ не отличается. Самъ Ев. Лука не говорить еще ни о какой крутизнѣ или вершинѣ, которую бы онъ называлъ иначе. Слѣдовательно, слово *οφρος*, принадлежащее Евангелію отъ Луки, одному изъ всѣхъ св. книгъ Новаго Завѣта, не составляетъ особой окраски его языка и не служитъ основаніемъ къ выдѣленію отрывка гл. VI, 29 ст. и внесенію его въ составъ особой VI-й книги Ев. исторіи, отличающейся, будто-бы, по своему языку отъ другихъ Евангельскихъ источниковъ.

Вторая отличительная особенность въ языкѣ VI-й книги Ев. исторіи—*εις το παντελες*, что собственно значить: до конца, во всемъ совершенствѣ, совершенно, всеконечно (*εις—πας—τελεω*). Въ Св. писаніи Новаго Завѣта данное слово въ такой формѣ употребляется только два раза и въ одинаковомъ значеніи—у Ев. Луки: XIII, 11 ст. и у Ап. Павла: Евр. VII, 25 ст.²⁹²). Ев. Лука говорить: „женщина... не могла выпрямиться я, *μη δυναμενη ανακυφαι εις το παντελες*; у Ап. Павла: можетъ (Сынъ Божій) всегда спасать,—*οθεν και σοζειν εις το παντελες δυναται...*“ Замѣчательно, что это *εις το παντελες* употребляется только въ двухъ книгахъ и при томъ только у Ев. Луки и у Ап. Павла, котораго Ев. Лука былъ спутникомъ. Отсюда у Ев. Луки и языкъ Ап. Павла,—судя по слову *εις το παντελες*. Но, и независимо отъ того, что слѣдуетъ изъ единократаго употребленія этого слова Ев. Лукою?—никакъ не особенность его языка: такъ выразились бы и другіе Евангелисты, если бы стали раз-

292) По Schleisner'у, S. 393—394.

сказывать о томъ же; по крайней мѣрѣ, нѣтъ основанія отрицать такую возможность, ибо инаго употребленія въ подобномъ случаѣ нѣтъ у другихъ Евангелистовъ. И почему даже самому Ев. Лукѣ иногда не сказать иначе, нежели говорятъ Ев. Матѳей и Маркъ?—онъ, по мнѣнiю самого Эвальда, былъ лучшимъ знатокомъ греческаго языка, какъ эллинистъ.

Третье „особенное“ слово—*ανακυπτω*—въ значенiи „выпрямиться“,—Лук. XIII, 11 (ср. Иоан. VIII, 7. 10). Это слово встрѣчается не у одного Ев. Луки, но и у Ев. Иоанна, въ одномъ и томъ же коренномъ своемъ значенiи. Слѣдовательно, это слово могло принадлежать не только VI-й книгѣ Ев. исторiи, но и Евангелiю отъ Луки, какъ оно принадлежитъ Евангелiю отъ Иоанна,—тѣмъ болѣе, что Ев. Лука употребляетъ это слово и въ другомъ мѣстѣ своего Евангелiя (XXI, 28-й ст.), и не „съ нѣкоторымъ отличiемъ“, какъ думаетъ Эвальдъ, а въ такомъ же смыслѣ, какъ и въ первомъ мѣстѣ, именно—въ смыслѣ „восклоняться“; но употребляетъ въ такомъ отрывкѣ, который, по теорiи, относится къ Собранiю изреченiй²⁹³).

293) Въ самомъ дѣлѣ, Эвальдъ въ двухъ данныхъ случаяхъ даетъ различное значенiе слову *ανακυπτω*, но совершенно несправедливо. Главы XX-й ст. 28-й читается: *αρχομενων δε τουτων γενεσθαι ανακυψατε*. Эвальдъ переводитъ: *wenn aber dies anfängt zu geschehen, so reckt euch..* А въ ст. 11, XIII-й гл. греческiй текстъ: *και μη δυναμενη ανακυψαι εις το παντελες...* онъ переводитъ: *und den Kopf niederhielt durchaus unfähig ihn aufzuheben*—переводъ совершенно несоотвѣтствующiй тексту; ибо у женщины не голова только одна была согбена, но весь организмъ—*γυνη συνκυπτουσα*; а потому должно быть и *γυνη ανακυπτουσα*: откуда же:—*den Kopf niederhielt* и за тѣмъ—*ihn aufzuheben*?—Текстъ одинъ и тотъ же; а потому и переводъ слова долженъ быть одинъ и тотъ же. Слово *ανακυπτω* употреблено Ев. Лукою въ одномъ и томъ же смыслѣ и въ томъ отрывкѣ, который будто-бы относится къ Собранiю изреченiй и въ томъ, который относится къ VI-й книгѣ Ев. исторiи. Ср. *D. drei ersten Evangelien*: *Luc. XIII, 11 und XX, 28.*

Куда же именно отнести отрывокъ со стихомъ 11-мъ, XIII-й гл., если онъ содержитъ слово *ανακυπτω*, употребляемое писателемъ Собранiя изреченiй и даже Евангелистомъ Иоанномъ?... По слову *ανακυπτω* отрывокъ XII-гл. 11 ст. Евангелiя отъ Луки отличается отъ другихъ частей этого Евангелiя; но по этому же слову онъ соединяется и съ содержанiемъ Собранiя изреченiй; а такъ какъ теорiя не вноситъ рассказовъ въ Собранiе изреченiй: то отрывокъ XIII гл. 11 ст. остается внѣ этого предполагаемаго труда и внѣ VI-й книги Ев. исторiи, т. е. долженъ быть оставленъ на его настоящемъ и надлежащемъ мѣстѣ въ Евангелiи отъ Луки.—Слово *ανακυπτω* было общеупотребительнымъ и прямо въ значенiи „восклоняться, разгибаться“: поэтому Ев. Лука и не могъ употребить въ данномъ случаѣ инаго слова, съ значенiемъ, на примѣръ, „возвышаться“, *aufheben*, какъ думаетъ Эвальдъ.

Четвертое „особенное“ слово—*υπολαμβανω*, въ значенiи „отвѣчать на что, возражать“, *erwiedern*, Луки X, 30 ст.²⁹⁴). Но слово *υπολαμβανω* не составляетъ особой окраски языка VI-й книги Ев. исторiи; потому что въ той же главѣ (ст. 25-й), по теорiи, заимствованной изъ одного и того же источника, то же самое слово встрѣчается въ значенiи „отвѣчать“ (слово *αποκριθεις*—*erwiedern*!). А потому, если на основанiи слова *υπολαμβανω* отрывокъ: Луки X, 25—37 ст. слѣдуетъ относить къ VI-й книгѣ Ев. исторiи, то на основанiи слова *αποκριθεις*, находящагося въ томъ же отрывкѣ, должно относить его, на примѣръ, къ Собранiю изреченiй. Слѣдовательно, слово

294) Замѣчательно, что Эвальдъ самъ неточно понимаетъ это слово. При изложенiи своей теорiи онъ переводитъ *υπολαμβανω* словомъ *erwiedern*, а въ *Drei ersten Evangelien* тоже слово переводитъ словомъ *antworten*—значенiе далеко не одно и то же; такъ какъ Эвальдъ словомъ *erwiedern* въ иныхъ случаяхъ переводитъ слово *αποκριθεις*. Здѣсь (VII, 22) очевидная неточность.

υπολαμβανω не составляет отличительной окраски языка, по чему можно было бы опредѣлить „слѣдъ“ VI-й Ев. книги.—Слово υπολαμβανω употреблено въ смыслѣ—поднимать рѣчь другаго лица возраженіемъ ²⁹⁵⁾. Но такое значеніе слова υπολαμβανω было извѣстно и греческимъ писателямъ: Эхилу, Сократу, Ксенофону и др. ²⁹⁶⁾ Поэтому можно думать, что слово υπολαμβανω могло принадлежать самому Ев. Лукѣ, какъ и другія древне-классическія слова. Впрочемъ, важнѣе всего здѣсь то, что вся рѣчь, которую Ιησους υπολαβων ειπεν, есть собственно притча о милосердіи Самарянѣ и, какъ именно притча, она должна относиться не къ VI-й книгѣ Ев. исторіи, а къ Собранію изреченій куда, по теоріи, относятся всѣ притчи, сказанныя Господомъ. Итакъ, слово υπολαμβανω ни по употребленію его здѣсь, ни по употребленію вообще, ни по своему значенію не можетъ составлять особой окраски языка въ отрывкѣ: Луки X, 25—37 ст.

Пятое „особенное“ слово—επιστατης, Луки V, 5 и XVII, 13 ст. Это слово дѣйствительно находится изъ всѣхъ Св. писаній Новаго Завѣта только въ одномъ Евангеліи отъ Луки, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ другіе Евангелисты употребляютъ слово ραββι. Судя по этому, слово επιστατης должно было бы признать особенностію отрывковъ: гл. V, 5 и XVII, 13 ст. Но Ев. Лука употребляетъ это слово не исключительно только здѣсь, въ этихъ отрывкахъ, а и въ VIII, 24. 45 и IX, 33. 49 ст. по указанію самого же Эвальда. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ употребляется слово επιστατης въ значеніи—„наставникъ“,—вмѣсто слова ραββι, котораго въ Евангеліи отъ Луки нѣтъ. Ев. Лука принимаетъ одно слово вмѣсто другаго, какъ греческое вмѣсто

295) Meyer's, Kommentar. S. 405. У LXX υπολαβων, евр.:—anah; то же у классиковъ—Геродота, Демосфена и др.: υπολαβων εφη.

296) Schleisner'a: Nov. Lex. gr.-lat. p. 1224.

еврейскаго, болѣе точное вмѣсто менѣе точнаго, какъ, на примѣръ, διδασκαλος и под., потому что Господь не былъ въ точномъ смыслѣ ραββι. А этотъ приѣмъ Евангелиста показываетъ только, что онъ былъ эллинистомъ и зналъ греческій языкъ лучше, нежели еврейскій, греческимъ же и лучше пользовался въ своемъ историческомъ Евангеліи, болѣе литературномъ эллинистически. Ев. Лука долженъ былъ употреблять слово επιστατης вмѣсто ραββι и дѣйствительно такъ употребляетъ его всюду. На примѣръ, оно находится въ гл. VIII, 24. 45 ст., что по теоріи, взято изъ Евангелія отъ Марка; въ гл. IX, 33. 49 ст., что взято изъ Древнѣйшаго Евангелія (ст. 33) или изъ Евангелія отъ Марка (ст. 49). Эвальдъ, впрочемъ, объясняетъ такое употребленіе тѣмъ, что Ев. Лука могъ слово επιστατης усвоить себѣ изъ VI-й же книги Ев. исторіи и потомъ повторить его въ отрывкахъ, заимствованныхъ имъ изъ Евангелія отъ Марка и Древнѣйшаго Евангелія ²⁹⁷⁾. Но это соображеніе съ равнымъ правомъ можетъ быть выставлено и на-оборотъ: слово επιστατης принадлежитъ Ев. Лукѣ въ отрывкахъ, будто бы, заимствованныхъ имъ изъ Евангелія отъ Марка и Древнѣйшаго Евангелія, а потомъ оно могло быть усвоено и повторено въ отрывкахъ, заимствованныхъ имъ изъ VI-й книги Ев. исторіи; а потому оно не принадлежитъ автору этой книги и не служитъ особой окраской ея языка. Если Ев. Лука переноситъ окраску языка изъ одного отрывка въ другой, то нужно еще доказать, что и въ данномъ отрывкѣ эта окраска не перенесенная,—тѣмъ болѣе, если Ев. Лука въ одной и той же IX-й главѣ, въ ст. 33-мъ, по Эвальду, относящемся къ Древнѣйшему Евангелію, употребляетъ слово επιστατης, Meister и въ ст. 49-мъ, относящемся къ Евангелію отъ Марка—тоже επιστατης, Meister; а въ ст. 38-мъ, относящемся тоже къ Евангелію отъ Марка, онъ упо-

297) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 217.

требляетъ иное слово—*διδασκαλε(ος)*, *Lehrer*. Слѣдовательно, замѣна словъ у Ев. Луки происходила на извѣстномъ основаніи, и, вѣроятно, по желанію Евангелиста точно передать еврейское слово *rabbi* по-гречески, или точнѣе передать самую мысль изреченія, къ которому относится слово *ἐπιστατης* (ср. напр. Луки IX, 49 ст. и Мр. IX, 38 ст.). И вообще Ев. Лука, по мнѣнію самого Эвальда, былъ опредѣленнѣе въ употребленіи нѣкоторыхъ словъ, нежели другіе Евангелисты; на примѣръ, Иродъ у Маттея и Марка называется царемъ, а у Луки—четверовластникомъ. А если Лука слово *ἐπιστατης* ставитъ тамъ, гдѣ оно должно быть, какъ слово точнѣйшее, то оно уже не свидѣтельствуетъ объ особенной окраскѣ языка нѣкоторыхъ, имѣющихъ его, отрывковъ,—когда есть отрывки другіе, также имѣющіе его тамъ, гдѣ оно должно быть. Слѣдовательно, слово *ἐπιστατης* есть болѣе точное, нежели его синонимы; оно однимъ Лукою гдѣ должно употребляется, что доказываетъ единство его труда, свидѣтельствуя о единствѣ языка и самостоятельномъ словоупотребленіи его во всѣхъ отрывкахъ ²⁹⁸).

298) Два остальныхъ «особенныхъ» слова: *παντως* и *ἐπιδίδωμι* уже ровно ни о чемъ не свидѣлствуютъ. Слово *παντως* будто бы съ особенною любовью употребляется Лукою и находится въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ,—слово вообще Лукѣ принадлежащее; а что оно особенно «облюблено» Лукою, противъ такого бездоказательнаго соображенія Эвальда можно выставить то, что въ Евангелии отъ Луки это слово встрѣчается только однажды: IV, 23 ст., а въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ—трижды: XVI, 21; XXI, 22 и XXVII, 4,—при томъ въ нѣсколько иномъ значеніи. Слѣдовательно, это слово собственно принадлежитъ Ев. Лукѣ, такъ что онъ употребляетъ его независимо отъ какого бы то ни было письменнаго источника,—по своему усмотрѣнію; а если предположить, что онъ заимствовалъ это слово, то скорѣе—у Ап. Павла, котораго Ев. Лука былъ спутникомъ. У Ап. Павла данное слово дѣйствительно употребляется и неоднократно: Рим. III, 9; I Кор. V, 10. XVI, 12. IX, 10. 22 ст. Если же, наоборотъ—это слово изъ Евангелия отъ Луки перешло въ Книгу Дѣяній Апостольскихъ, то непонятно, какъ оно перешло въ посланія Ап. Павла: болѣе возможнымъ должно признать, что оно отъ Ап. Павла перешло къ Ев. Лукѣ, которымъ, при томъ, обимъ было хорошо извѣстно и Св. Писаніе Вѣтхаго Завета, въ греческомъ переводѣ 70-ти, гдѣ находится это слово: Тов. XIV, 11; 2 Мак. III, 13 ст.—О словѣ *ἐπιδίδωμι*, *reichen* должно замѣтить, что Эвальдъ самъ неодинаково переводитъ его: въ ст.

Если же предположеніе особой окраски языка для особой будто бы VI-й книги Ев. исторіи не доказано и даже еще имѣетъ много соображеній противъ себя, то признать самостоятельность VI-й книги Ев. исторіи нѣтъ основаній; а потому отрывки, по теоріи, къ ней отно-

17, гл. IV-й *ἐπεδωθη* онъ переводитъ—*überreicht*; въ ст. 30, XXIV-й *ἐπιδίδου*—*vertheilte*; въ ст. 42-мъ: *ἐπεδωκαν*—*reichten*. Понятно, что самъ Эвальдъ относится къ этому слову безразлично: такъ могъ относиться и Ев. Лука. О Ев. Лукѣ можно сказать такъ потому, что онъ употребляетъ это слово и въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ: XV, 30 ст. Но что такое *ἐπιδίδωμι*?—оно значитъ собственно—*insuper do*, по Гомеру, Ксенофону, Полибію (въ Св. писаніи Новаго Завета оно такъ не употребляется),—*loco alicujus rei alteri aliquid porrigo, trado, do, exhibeo*: у Мѣ. VII, 9, 10. Лук. XI, 11, 12; потомъ—*trado, porrigo*: у Лук. IV, 17 и XXIV, 30, 42; Иоан. XIII, 26 и Дѣян. XV, 30 (у *Schleisner'a*: *Nov.—lex. gr.—lat.* Т. 1.). На томъ основаніи, что *ἐπιδίδωμι* имѣетъ столько различныхъ значеній, Эвальдъ переводитъ его весьма разнообразно. Но здѣсь, въ самомъ разнообразіи перевода очевидно, что Эвальдъ не имѣетъ основанія опредѣленно перевести это слово такъ или иначе. Въ самомъ дѣлѣ, Мѣ. VII, 9: *μη λιθον επιδωσει αυτω?* онъ переводитъ: *ihm doch nicht einen Stein reichen*, ст. 10: *μη οφιv επιδωσει αυτω?*—переводъ: *ihm doch nicht eine Schlange reichen*. Луки XI, 11: *μη λιθον επιδωσει*; переводъ: *ihm doch nicht einen Stein reichen*; ст. 12: *μη επιδωσει αυτω σχωρπιων...* переводъ: *ihm doch nicht reichen*. Стихъ 13-й той же гл. XI-й: *διδωναι*, переводъ—*zu geben*. Затѣмъ, Луки IV, 17: *και επιδωθη αυτω*,—*das Buch überreicht*; Луки XXIV, 30: *επεδιδου αυτοις*,—*und vertheilte es ihnen*; ст. 42: *οι δεi επεδωκαν αυτω*,—*Sie aber reichen ihm*. У Иоанна: XIII, 26: *και επιδωσω αυτω*,—*geben*. Если такимъ образомъ и по Эвальду слово *ἐπιδίδωμι* можно переводить различно: *reichen, überreichen, vertheilen* и даже *geben* (какъ у *Luther'a*); то почему же онъ придаетъ ему именно значеніе *überreichen* только въ ст. 17, IV гл. Евангелия отъ Луки и на этомъ основаніи выдѣляетъ этотъ отрывокъ, какъ чужой, будто бы заимствованный Лукою изъ VI-й книги Ев. исторіи?—Можно перевести это слово и въ 17-мъ ст. IV-й гл. Луки словомъ *reichen*, какъ переводитъ здѣсь Лютеръ

симые, должно признать собственнымъ произведеніемъ Ев. Луки.

Еще менѣе доказательно, хотя столь же притязательно, Эвальдъ опредѣляетъ слѣдующій письменный источникъ для синоптическихъ Евангелій—VII-ю книгу Ев. исторіи. Придерживаясь тѣхъ же пріемовъ, онъ выдѣляетъ нѣкоторые отрывки изъ Евангелія отъ Луки, какъ

(См. по Polyglotten—Bibel zum praktischen Handgebrauch. D. N. Test. edit. Stier's und Theile. Bielefeld. 1864). А если такъ, то не остается «особеннаго» значенія за словомъ *ἐπιδιδῶμι* въ ст. 17, IV гл. Луки и—основанія выдѣлять этотъ отрывокъ, какъ «слѣдъ» чужаго труда. При такомъ переводѣ у Эвальда и употребленіи слова *ἐπιδιδῶμι* у Ев. Луки нельзя сказать, конечно, что Евангелистъ употребляетъ это слово какъ «чужое», но съ любовью усвоенное, потому что тогда нужно будетъ отказать ему во всякомъ, собственно ему принадлежащемъ словѣ: ибо и о всякомъ другомъ его собственномъ словѣ можно было также сказать, что оно «чужое», но съ любовью усвоенное Евангелистомъ; а это значило-бы признать, что—въ отрывокъ, относимый къ VI-й книгѣ Ев. исторіи, не могло войти ни одного слова, собственно Луки принадлежащаго, хотя, по Эвальду, можно признать, на-оборотъ, что слово *ἐπιδιδῶμι* изъ даннаго труда могло перейти въ другіе отрывки Евангелія отъ Луки, будто бы заимствованные имъ изъ другихъ письменныхъ источниковъ, конечно, съ своею особою лингвистическою окраскою.—Но какъ признать это слово съ любовью усвоеннымъ Лукою и въ тоже время «особеннымъ», когда оно находится у Ев. Матвея VII, 9 и прямо въ томъ же значеніи—*reichen*, какъ и у Луки, по переводу Эвальда, въ томъ именно отрывкѣ Евангелія отъ Матвея, который, по теоріи, относится къ Собранію изреченій, или—когда тоже слово, по переводу Эвальда, въ значеніи *reichen*, находится и у самого Луки въ отрывкѣ, принадлежащемъ Собранію изреченій,—когда тоже слово и въ значеніи *reichen*, по переводу Лютера, находится и у Ев. Иоанна. Почему же оно именно у Ев. Луки является несобственно ему принадлежащимъ, а только съ любовью имъ принятымъ?—слово *ἐπιδιδῶμι*, очевидно, не должно признавать заимствованнымъ изъ VI-й книги Ев. исторіи, такъ какъ оно находится у Ев. Матвея и, по Эвальду, въ Собраніи изреченій. Могло быть, на-примѣръ, и такъ, что Ев. Лука заимствовалъ это слово изъ Собранія изреченій, а потомъ внесъ его въ отрывокъ, по теоріи, относимый къ VI-й книгѣ Ев. исторіи. Если же и это было возможно, то *ἐπιδιδῶμι* въ ст. 17, IV гл. Луки нельзя признать особенностью VI-й книги Ев. исторіи и основаніемъ—относить самый отрывокъ къ содержанію этой книги. Слѣдовательно, въ данномъ отрывкѣ нѣтъ лингвистическаго основанія—признать самостоятельность VI-й книги Ев. исторіи. Это рѣшительно справедливо, наконецъ, потому, что Ев. Лука имѣетъ и свои собственные слова, которыя приносятъ во всѣ отрывки своего труда, тѣмъ налагая на него печать единства по языку (см. Гариж: Введеніе. Ч. I. Стр. 145—147).

части содержанія второй, будто бы, самостоятельной, но неизвѣстной по названію и неизвѣстнаго автора, VII-й книги Ев. исторіи. Сюда относятся именно тѣ отрывки, которые „не могутъ быть выведены изъ всѣхъ предыдущихъ письменныхъ источниковъ“, собственно: Луки III, 10—14. VII, 36. VIII, 3. XII, 16—21. XV, 1—24. XVI, 1—13. XVIII, 1—8. 9—14 и отрывокъ: Марка XVI, 9—20 ст. ²⁹⁹).

Если эти отрывки „не могутъ быть выведены изъ предыдущихъ синоптическихъ источниковъ“, то они должны быть по характеру своему существенно отличны отъ нихъ. Но—вотъ ихъ отличіе: „въ нихъ господствуетъ удивительная краткость рѣчи; эта рѣчь, болѣе изъ намековъ состоящая, нежели подробная. Здѣсь замѣчается столь различный отъ всѣхъ прочихъ частей Евангелія духъ изображенія. Все это, при нѣкоторой внимательности, нельзя не примѣтить. Авторъ этой книги любить въ рѣчахъ своихъ излагать извѣстный кругъ въ высшей степени разнообразныхъ истинъ. И рѣчи самыя здѣсь, рѣшительно какъ у греческихъ философовъ, колкія и остроумныя (*Spitz-schlagend und witzig*): Луки III, 10—14. VII, 36—50. XIV, 1—24. Притчи здѣсь совершенно иначе изложены, чѣмъ у предыдущихъ Евангелистовъ или въ Собраніи изреченій, они набросаны только въ немногихъ основныхъ чертахъ и немного приведены—въ легкой, прозрачной и быстрой рѣчи,—въ нихъ выставлено болѣе разсужденіе, нежели дѣйствіе; впрочемъ они очень сходны между собой въ кругу своихъ картинъ и мыслей: XII, 16—21. XVI, 1—13. XVIII, 1—8. 9—14. Историческій рассказъ богатъ и полонъ, разнообразнѣйшихъ отдѣльныхъ обстоятельствъ, изложенъ сжато, хотя обнимаетъ богатую матерію: Луки VIII,

1—3. Мр. XVI, 9—20 ст. ³⁰⁰⁾. Это опредѣленіе новаго труда, очевидно, очень неопредѣленно, судя только по фразамъ: „столь различный отъ прочихъ духъ изображенія... притчи совершенно иначе, чѣмъ у предыдущихъ Евангелистовъ... впрочемъ очень сходны между собой“... Такія понятія, какъ—неизвѣстно въ чемъ „различный духъ изображенія“ и „совершенно иныя“, а въ то же время и „очень сходныя“ притчи,—такія понятія, конечно, не могутъ быть основаніемъ для выдѣленія извѣстныхъ отрывковъ Евангелія отъ Луки въ составъ содержанія, будто-бы, самостоятельной, VII-й книги Ев. исторіи; такъ какъ это основаніе весьма неустойчиво; на немъ можно построить съ равнымъ правомъ и много другихъ, столь же самостоятельныхъ источниковъ, какъ эта мнимая VII-я книга Ев. исторіи,—но, разумѣется, не имѣющихъ научнаго значенія.

Если признать это основаніе опредѣленнымъ въ логическомъ отношеніи; то отсюда можетъ послѣдовать такое заключеніе: отрывки NN въ содержаніи своемъ представляютъ краткость, отрывочность, особенность духа изображенія, колкость и остроуміе,—свойства, по которымъ эти отрывки не могутъ быть выведены изъ предыдущихъ трудовъ; слѣдовательно, они относятся къ особой, по принятому порядку—VII-й книги Ев. исторіи. Это умозаключеніе—*circulus in demonstrando*. Извѣстные отрывки выдѣляются изъ Евангелій потому, что не могутъ быть выведены изъ ихъ источниковъ; но почему же они должны быть выводимы изъ другихъ источниковъ?—потому, что они содержатъ свои особенности; а почему извѣстные свойства суть ихъ исключительныя особенности?... Эти отрывки, представляя сходство другъ съ другомъ, представляютъ и многія разности въ своихъ свойствахъ. Отчего же нельзя, на основаніи этихъ нѣкоторыхъ разностей, при-

300) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 217—218.

знать ихъ только посящими на себѣ нѣкоторое отличіе, но принадлежащими къ прежде указаннымъ источникамъ, на примѣръ, къ VI-й книгѣ Ев. исторіи?—Почему они со своими особенностями не могутъ быть признаны отрывками, такими въ предыдущихъ Ев. трудахъ, какъ теперь находится каждый со своими, отчасти различными, свойствами въ VII-й книгѣ Ев. исторіи?—просто потому, что не могутъ...

Нѣтъ, теорія не выставляетъ никакихъ препятствій признать эти, указанные ею, отрывки принадлежащими предшествующимъ Ев. трудамъ. Если они имѣютъ нѣкоторое отличіе, на примѣръ, по краткости и т. п.; то, конечно, можетъ быть въ одномъ, и томъ же трудѣ и краткое изреченіе, и обширное; если они отрывочны, то у одного и того же автора можетъ быть отрывочность и полнота; въ нихъ есть колкость и остроуміе, но почему же этихъ свойствъ не могло быть въ рѣчахъ самого Господа, которыя потомъ точно были воспроизведены?—одно свойство въ сочиненіи не исключаетъ другаго, особенно когда оно несущественно противоположно тому, какъ здѣсь: отрывочность есть своего рода краткость, а краткость составляетъ душу остроумія; слѣдовательно, всѣ эти свойства въ сущности одно—краткость, то—по изложенію, то—по объему, то—по содержанію мысли. А краткость съ полнотой, которая предполагается въ другихъ Ев. отрывкахъ, будто-бы, относящихся къ инымъ источникамъ, суть два понятія относительно, а не существенно и на самомъ дѣлѣ, различныя, не исключаютъ другъ друга,—въ томъ конкретномъ смыслѣ, что при полнотѣ въ историческомъ сочиненіи всегда возможна краткость, особенно когда для того есть поводъ, побужденіе и причина,—на примѣръ, личное чувство, интересъ предмета, источникъ свѣдѣній, припоминаніе авторомъ содержанія по обстоятельствамъ и потребностямъ времени, слушателей и читателей, и т. д. Иное дѣло—на примѣръ, Нагорная проповѣдь, иное дѣло—Рѣчь противъ фарисеевъ; ужели ихъ слогъ въ устахъ Самого Господа долженъ быть одинъ и

тотъ же?—ужели ученіе положительное и обличеніе заблужденій должны быть излагаемы одинаково живо и плавно? Отсюда,—ужели Ев. трудъ, какъ, напримѣръ, Собраніе изреченій, долженъ былъ содержать только положительное ученіе, а не обличеніе и т. п.?—нѣтъ и нѣтъ: иное дѣло—обличеніе невѣрія и упорства, иное—проповѣдь блаженства, любви, смиренія,—воспроизведеніе видѣннаго и слышаннаго и—только слышаннаго. Что же послѣ этого значить особенность отрывковъ VII-й книги Ев. исторіи—относительная краткость ихъ содержанія, и т. п.?—Конечно, она не можетъ быть основаніемъ для выдѣленія отрывковъ,—что дѣлаетъ Эвальдъ. Въ противномъ случаѣ—и для этихъ отрывковъ, для каждаго, должно будетъ предположить особый источникъ—NN книги Ев. исторіи и т. д., соотвѣтственно индивидуальному свойству каждаго отрывка; потому что одни отрывки по краткости и отрывочности относятся къ VII-й Ев. книгѣ, а другіе по легкости и прозрачности живой рѣчи—къ другой, N-й, и т. п. Такъ это должно быть именно потому, и можетъ быть тѣмъ болѣе, что нѣкоторые отрывки изъ данныхъ совершенно или до противоположности отличны другъ отъ друга. Именно: въ однихъ господствуетъ удивительно краткая, часто отрывочная, но—тяжело развивающаяся рѣчь и под., а въ другихъ, относящихся къ той же VII-й книгѣ Ев. исторіи, историческій разсказъ богатъ и полонъ разнообразнѣйшихъ, отдѣльныхъ обстоятельствъ и обнимаетъ богатую матерію и п., какъ: Луки VIII, 1—3. Мр. XVI, 9—20. Здѣсь очевидно совмѣщены не только краткость съ богатствомъ, но и рѣчь съ разсказомъ, тогда какъ Эвальдъ, ранѣе, разсказы относилъ къ одному труду—Древнѣйшему Евангелію, и къ VI-й книгѣ Ев. исторіи, а рѣчи—къ Собранію изреченій. Если же въ VII-й книгѣ Ев. исторіи Эвальдъ совмѣщаетъ матерію разнородную—разсказъ и рѣчь; то почему онъ не можетъ совмѣстить отрывки съ различными свойствами также въ одномъ трудѣ, оставивъ ихъ въ Еван-

геліи отъ Луки?—Конечно, и такъ было бы можно и должно, потому что возможность такого совмѣщенія доказана Эвальдомъ въ его же собственной теоріи: а это и есть основаніе признать дѣйствительнымъ тотъ фактъ, что отрывки VII-й книги Ев. исторіи принадлежать именно Евангелію отъ Луки.—Ев. Лука дѣйствительно совмѣстилъ въ своемъ Евангеліи разнохарактерное изложеніе рѣчей и разсказовъ, и тѣмъ засвидѣтельствовалъ, что разнохарактерныя части его труда въ нѣкоторомъ отношеніи могутъ быть вмѣстѣ одна при и съ другой. Это и служить полнѣйшимъ доказательствомъ несправедливости того предположенія Эвальда, что различные по своимъ свойствамъ отрывки Евангелія отъ Луки предполагаютъ различные письменные источники для него. Такой писатель, какъ Ев. Лука, не счелъ неудобнымъ объективно различное оставить различно изложеннымъ въ своемъ трудѣ. И это различіе тѣмъ болѣе и рѣшительнѣе говорить въ пользу единства его Евангелія, если предположить, что Ев. разсказы и рѣчи записаны имъ со словъ одного или двухъ Апостоловъ: тогда рѣчь о письменныхъ источникахъ, на основаніи разныхъ свойствъ данныхъ отрывковъ мнимой VII-й книги Ев. исторіи, уже рѣшительно не будетъ имѣть научнаго значенія.

Самъ Эвальдъ, желая нѣкоторыя части Евангелій, на основаніи краткости ихъ содержанія, отдѣлить отъ болѣе полныхъ по содержанію, совмѣщаетъ въ тоже время и краткость и полноту въ предполагаемой своей VII-й книгѣ Ев. исторіи; а это—противорѣчіе, и оно тѣмъ важнѣе для опредѣленія значенія всего его мнѣнія объ этомъ предполагаемомъ источникѣ Евангелій, что оно, какъ и естественно, не оправдывается на самомъ дѣлѣ, въ текстѣ Евангелія отъ Луки. Эвальдъ относитъ къ VII-й книгѣ Ев. исторіи собственно притчи, какъ напримѣръ: Луки XII, 16—21 ст.—о гордомъ богачѣ; Луки XIV, 16—24,—о званыхъ на вечерю; XVI, 1—13,—объ упра-

витель; XVIII, 1—8, — о мытарѣ и фарисеѣ ³⁰¹⁾, и т. п. Всѣ эти притчи разнятся между собою по изложенію, объему и содержанію. Понятно, что иное дѣло — напримѣръ, притча о сѣятелѣ, иное — о сострадательномъ Самарянинѣ: они различны по характеру, содержанію и объему, потому что и предметы ихъ различны. Это, конечно, не препятствуетъ имъ быть вмѣстѣ, напримѣръ, въ Собраніи изреченій: здѣсь есть краткость и относительная полнота; таковы здѣсь изложенныя притчи о сѣятелѣ, о сѣмени и плевелахъ, о закваскѣ, о зернѣ горчичномъ и под. Признавая это возможнымъ относительно Собранія изреченій, Эвальдъ отвергаетъ, однако, тоже совмѣщеніе въ Евангеліи отъ Луки. — Но, по крайней мѣрѣ, притчи, предполагаемыя въ VII-й книгѣ Ев. исторіи, могутъ быть несомнѣнно отнесены къ Собранію изреченій; потому что авторъ VII-й книги Ев. исторіи, по мнѣнію Эвальда, пользовался Собраніемъ изреченій, въ такихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ: Луки XVI, 10—13. То же, съ его точки зрѣнія, еще скорѣе должно признать относительно притчи о званыхъ на вечерю: Луки XIV, 16—24 ст.; потому что ей совершенно параллельна та же притча въ Евангеліи отъ Матѳея: XXII, 1—14 ст., которую Эвальдъ относитъ къ Собранію изреченій. — Такъ Эвальдъ отчасти своимъ указаніемъ, отчасти самымъ дѣломъ прямо и рѣшительно уничтожаетъ особенность въ характерѣ предполагаемой VII-й книги Ев. исторіи, какъ самостоятельной, — будто-бы настолько, что „отрывки ея нельзя вывести изъ всѣхъ предыдущихъ Ев. письменныхъ трудовъ — источниковъ“. Между тѣмъ, по теоріи же, выходитъ, что извѣстные отрывки VII-й книги Ев. исторіи, какъ: Луки XVI, 10—13 и XIV, 16—21 ст., или параллельны отрывкамъ Собранія изреченій: Мѳ. VI, 24 и XXII, 1—14 ст., или заимствованы оттуда; слѣдователь-

301) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 218.

но, по самой меньшей мѣрѣ, сходны съ ними по своимъ свойствамъ, и потому относятся къ одному источнику, а не къ особой VII-й книгѣ Ев. исторіи.

Качественная недостаточность основаній мнѣнія Эвальда соединяется на этотъ разъ и съ количественною. Эвальдъ не указываетъ здѣсь, какъ при опредѣленіи VI-й книги Ев. исторіи, основаній собственно лингвистическихъ, — особаго словоупотребленія. А въ виду этой двойкой недостаточности въ доказательствахъ за самостоятельность предполагаемой VII-й книги Ев. исторіи слѣдуетъ тѣмъ рѣшительнѣе признать ее несамостоятельною и отрывки, относимые къ ней въ теоріи, слѣдуетъ признать собственнымъ содержаніемъ Евангелія отъ Луки, гдѣ они и находятся исторически дѣйствительно. —

Наконецъ, еще менѣе самостоятельна въ отношеніи къ Евангелію отъ Луки предполагаемая VIII-я книга Ев. исторіи, — и прежде всего по словамъ самого же Эвальда. — „Остальные отрывки Евангелія отъ Луки, говоритъ онъ, содержатъ исторію до вступленія Христа на общественное служеніе (гл. 1 и сл.) и при томъ еще нѣкоторыя нравственныя наставленія: Луки V, 11—17. XIX, 1—10. XXIII, 6—16, 27—31, которыя по языку и изложенію обнаруживаютъ большое взаимное сродство“ ³⁰²⁾. Пусть — такъ; но почему и отъ чего именно ихъ слѣдуетъ признать „остальными“? — Судя по связи рѣчи, отъ тѣхъ же остатковъ, которые были относимы къ VI и VII-й книгамъ Ев. исторіи, къ тѣмъ книгамъ, „содержаніе которыхъ не можетъ быть выведено изъ предыдущихъ Ев. трудовъ“. Если такъ, то они должны быть признаны или самостоятельными, или относиться къ Евангелію отъ Луки. На вопросъ, почему они должны быть самостоятельны — нѣтъ отвѣта; между тѣмъ, на вопросъ, могутъ ли они относиться къ Евангелію отъ Луки — прямой и положитель-

302) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 218.

ный отвѣтъ даетъ самъ Эвальдъ, говоря: „эти отрывки, какъ удобно можно думать, могли быть въ первый разъ записаны самимъ же Ев. Лукою“³⁰³). И это—не просто мнѣніе Эвальда; нѣтъ, онъ старается доказать это слѣдующимъ соображеніемъ: „дѣйствительно, окраска ихъ языка уже носить, по крайней мѣрѣ, въ изложеніи многихъ отдѣльныхъ обстоятельствъ, не-замѣтное сходство съ такими греческими выраженіями, которыя мы, говоритъ Эвальдъ, имѣемъ право признать собственностію именно этого же Евангелиста,“ т. е. Луки³⁰⁴). Эти слова доказываютъ только то, что данные отрывки, „впервые были записаны самимъ Ев. Лукою“, т. е. записаны были имъ прежде, нежели имъ же написано все его Евангеліе. Если оставить въ сторонѣ вопросъ, когда они записаны, то получится только, что они записаны самимъ Ев. Лукою, и потому въ отношеніи къ его Евангелію не самостоятельны,—собственно ему принадлежатъ.

Эта несамостоятельность VIII-й книги Ев. исторіи въ отношеніи къ Евангелію отъ Луки еще тѣмъ важнѣе, что простирается и на предыдущія книги Ев. исторіи—VI и VII-ю, такъ какъ отрывки VIII-й Ев. книги суть отрывки изъ исторіи до вступленія Христа на общественное служеніе (Vorgeschichte); а часть этой исторіи, именно изложеніе родословія Иисуса Христа, самъ Эвальдъ относитъ къ VII-й книгѣ Ев. исторіи, чѣмъ явно сливаетъ ихъ по характеру и по предмету. Этимъ, впрочемъ, еще не вполне исключается самостоятельность VIII-й книги Ев. исторіи; потому что хотя Ев. Лука, по мнѣнію Эвальда, самъ составилъ первоначально VIII-ю книгу Ев. исторіи, но не въ одно время съ своимъ Евангеліемъ: она вошла въ это Евангеліе какъ посторонній источникъ³⁰⁵). Такъ-ли это?—

303) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 218.

304) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 218—219.

305) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 218—219.

Если VIII-я книга Ев. исторіи не имѣетъ для себя особаго автора, то не можетъ быть признана самостоятельною въ отношеніи къ Евангелію отъ Луки, потому что нѣтъ основаній предполагать ея самостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, почему можно думать, что Ев. отрывки, относимые къ VIII-й книгѣ Ев. исторіи, были записаны Ев. Лукою прежде самаго его Евангелія? Онъ, какъ писатель настоящихъ отрывковъ, могъ записать ихъ предварительно, ибо онъ ставитъ ихъ и въ своемъ Евангеліи предварительно (Vorgeschichte); но это предварительное записываніе могло быть только первымъ и предварительнымъ моментомъ въ цѣломъ процессѣ написанія всего Евангелія, и—только, а не законченнымъ произведеніемъ, какъ бы постороннимъ трудомъ или источникомъ въ отношеніи къ каноническому Евангелію отъ Луки. Поэтому предполагаемая VIII-я книга Ев. исторіи была предварительнымъ, но несамостоятельнымъ произведеніемъ въ отношеніи къ Евангелію отъ Луки.

—„Ев. Лука оказывается, по Эвальду, только собирателемъ и переработчикомъ; но въ существѣ дѣла лежитъ и въ исторіи Евангельской письменности оправдывается то положеніе, что одинъ авторъ, поставивъ своей главной задачей собраніе и переработку раннихъ писаній, не легко могъ быть творчески-дѣятельнымъ. Та и другая дѣятельность еще и теперь у разныхъ авторовъ не вмѣстѣ: исторія до вступленія Христа на общественное служеніе, помѣщенная въ Евангеліи отъ Луки: гл. 1 и сл., съ ея, такъ называемымъ, поэтическимъ приложеніемъ, съ ея въ высшей степени живописнымъ изображеніемъ, а также съ ея пѣснопѣніями, требовала по-истинѣ лучшей творческой способности“—³⁰⁶). Въ сущности этого соображенія Эвальда—*circulus in demonstrando*. Ев. Лука, думаетъ онъ, не могъ быть творчески-дѣятельнымъ; потому что онъ

306) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 219.

является въ своемъ Евангеліи только собирателемъ и переработчикомъ. Но почему же извѣстно, что онъ только переработчикъ?—потому что онъ не могъ быть творчески—дѣятельнымъ; а это потому, что онъ былъ только собирателемъ. Конечно, Ев. Лука занимался не собираніемъ и переработкою только готовыхъ источниковъ, но дѣлалъ и оригинальныя добавленія, къ которымъ, вѣроятно, относятся, на примѣръ, отрывки Эвальдовой VIII-й книги Ев. исторіи, записанныя оригинально, хотя и до написанія Евангелія. Такъ очевидно, Ев. Лука является то собирателемъ и компиляторомъ, то писателемъ оригинальнымъ, но оригинальнымъ прежде составленія своего Евангелія. Не особенно важно, конечно, это „прежде“, а важно именно то, что онъ могъ быть оригинальнымъ писателемъ-Евангелистомъ. А если это такъ, то соображеніе Эвальда, что „авторъ, поставивъ своимъ главнымъ дѣломъ собираніе и переработку предшествовавшихъ писаній, не легко можетъ быть творчески-дѣятельнымъ“,—не имѣетъ научнаго значенія, потому что, на примѣръ, Ев. Лука имѣлъ способность къ такому оригинальному труду, какъ предполагаемая VIII-я книга Ев. исторіи. А если и это—такъ, то Ев. Лука могъ совмѣстить въ своемъ трудѣ, хотя въ разные моменты процесса его образованія, какъ собирательную, такъ и творческую дѣятельность. Слѣдовательно, VIII-я книга Ев. исторіи могла быть частью и одновременной работы Ев. Луки, а не отдѣльнымъ отъ его Евангелія самостоятельнымъ письменнымъ произведеніемъ. Такъ, въ отношеніи къ Евангелію отъ Луки, VIII-я книга Ев. исторіи несамостоятельна.

Несамостоятельность предполагаемой Эвальдомъ VIII-й книги Ев. исторіи тѣмъ болѣе вѣроятна, что, по заявленію его самого, Лука былъ Евангелистомъ-собирателемъ. Почему же ему не могли быть извѣстны эти отрывки VIII-й книги Ев. исторіи изъ устнаго Апостольскаго преданія?—Относительно отрывковъ VIII-й книги это, положительно говоря, было вполне возможно, если

Ев. Лука писалъ по преданію (гл. I, 1 ст.),—если онъ собственно пѣснопѣнія, будто-бы, входящія въ составъ VIII-й книги Ев. исторіи, усвоитъ прямо извѣстнымъ лицамъ,—если самъ Эвальдъ предполагаетъ, что такія пѣснопѣнія пѣлись во всей первенствующей христіанской церкви и, слѣдовательно, были на памяти и въ устахъ самого Луки, какъ и всѣхъ, и т. д.,—если, наконецъ, Лука лично и долго находился при Апостолахъ-проповѣдникахъ Евангелія. Имѣя въ виду все это, должно утверждать, что Ев. Лука, будучи составителемъ Ев. исторіи, могъ быть даже составителемъ и пѣснопѣній. Исторія не исключаетъ возвышенной поэзіи и ораторства; поэзія и ораторство даже требуются отъ художественной исторіографіи и фактически существуютъ въ классическихъ произведеніяхъ этого рода. Тоже слѣдуетъ предположить и относительно Евангелія отъ Луки, которое по теоріи признается заключительнымъ и совершеннѣйшимъ произведеніемъ въ развитіи Ев. письменности.

Это справедливо въ частности и потому, что въ Ев. письменности, по указанію теоріи, встрѣчается такая возвышенная поэзія; на примѣръ,—въ Древнѣйшемъ Евангеліи и въ Книгѣ высшей Ев. исторіи. Слѣдовательно, положеніе, что Ев. Лука, будучи главнымъ образомъ собирателемъ Ев. матеріи, не легко могъ быть творчески-дѣятельнымъ, неосновательно. Впрочемъ, легко ли, трудно ли, но онъ могъ быть, хотя неизвѣстно какъ трудно и легко.

Всего важнѣе здѣсь то, что въ самомъ доказываемомъ положеніи находится полнѣйшая возможность принять совсѣмъ обратное; а потому, и при самыхъ серьезныхъ доказательствахъ въ пользу самостоятельности VIII-й книги Ев. исторіи, она остается несамостоятельною.—„Ев. Лука былъ собирателемъ...“; но откуда видно, что онъ былъ собирателемъ только и прямо письменныхъ Ев. произведеній?—Если для всѣхъ его предшественниковъ была возможность заимствовать свои свѣдѣнія изъ устныхъ ис-

точниковъ, даже для ближайшихъ къ нему по времени (Матѳей, Маркъ, Филиппъ), и даже для него самого (VIII-я книга Евангельской исторіи); то и самъ онъ могъ быть въ непосредственномъ отношеніи къ устному Апостольскому преданію, какъ къ своему источнику. Въ настоящемъ случаѣ безразлично—былъ онъ въ такомъ отношеніи до или послѣ составленія своего Евангелія, или не былъ: нѣтъ нужды предполагать, что преданіе отчасти было записано имъ немного ранѣ написанія его Евангелія и потомъ внесено въ него; для этого нѣтъ и не видится цѣли. А потому можно положить, что отрывки VIII-й книги Ев. исторіи записаны на основаніи устнаго Апостольскаго преданія самимъ Ев. Лукою и не составляютъ части особой VIII-й книги Ев. исторіи, какъ самостоятельнаго письменнаго источника для Евангелія отъ Луки.

Несамостоятельность VIII-й книги Ев. исторіи доказывается и самою недостаточностію въ приѣмъ доказыванія. Здѣсь Эвальдъ уже не представляетъ ни историческихъ, ни лингвистическихъ доказательствъ своего мнѣнія, какъ это онъ дѣлалъ, напримѣръ, въ отношеніи къ Древнѣйшему Евангелію,—VI и VII-й книгамъ Евангельской исторіи³⁰⁷).

Такъ предполагаемые самостоятельными источниками—VI, VII и VIII-я книги Ев. исторіи не могутъ быть признаны таковыми, какъ теоретически несостоятельные, лингвистически не обоснованные и, наконецъ, исторически не засвидѣтельствованные, вообще—неизвѣстные.

Если самостоятельность предполагаемыхъ письменныхъ источниковъ, какъ VI, VII и VIII-я книги Евангельской исторіи, Древнѣйшее Евангеліе и под., не доказана въ изслѣдованіи Эвальда; то принципъ заимствованія, принимаемый, въ его теоріи, слѣдуетъ признать ложнымъ

и не научнымъ, а истиннымъ и научнымъ—единственный принципъ устнаго Апостольскаго преданія, изъ котораго непосредственно произошли первыя три каноническія Евангелія.

Общій выводъ изъ разбора теоріи Эвальда о происхожденіи синоптическихъ Евангелій слѣдующій.

Текстъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій не представляетъ твердыхъ научныхъ основаній предполагать, что они составлены на основаніи какихъ-бы то ни было письменныхъ источниковъ: нѣтъ для этого основаній историческихъ и лингвистическихъ. Нѣтъ основаній признать, что каноническая Евангельская письменность для своего развитія предполагаетъ особаго рода путешествующихъ Евангелистовъ—собирателей историческихъ свѣдѣній о чудесахъ и ученіи Иисуса Христа,—свѣдѣній, на основаніи которыхъ, будто-бы, составились всѣ предполагаемые письменные источники синоптическихъ Евангелій. Нѣтъ основаній и побужденій предполагать особыя условія для постепеннаго и разносторонняго развитія Евангельской письменности, изъ которой, какъ изъ своего, будто-бы, непремѣннаго источника произошли синоптическія Евангелія въ преемственно-слѣдовательномъ порядкѣ и во взаимной зависимости (*Verwandtschaftsverhältniss*). Слѣдовательно, должно признать, что первыя три каноническія Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки произошли непосредственно изъ воспоминанія и устнаго Апостольскаго преданія,—что подтверждается теоретически, лингвистически и исторически.

307) Здѣсь должно обратить вниманіе еще на то положеніе теоріи, что VIII-я книга Ев. исторіи отличается отъ другихъ источниковъ также и по языку. Но это положеніе вовсе никакъ не доказывается.

Х.

Мысль, что первыя три каноническія Евангелія составлены на основаніи письменныхъ источниковъ,—тѣмъ объясняется и взаимное ихъ отношеніе,—послѣ Эвальда нашла себѣ новое и значительно важное развитіе въ теоріи Ю. Гольцмана, которая изложена въ его сочиненіи: „Синоптическія Евангелія“ (Die Synoptischen Evangelien)³⁰⁸).

Онъ начинаетъ свое изслѣдованіе общимъ историческимъ обзоромъ и вмѣстѣ краткимъ разборомъ трудовъ по этому вопросу, и послѣдній результатъ этого обзора и разбора принимаетъ своей исходной точкой, развивая потомъ послѣдовательно и подробно свою теорію, которая излагается далѣе въ общемъ видѣ и, по возможности, собственными словами автора.

По мнѣнію Гольцмана,—

Единственнымъ положительнымъ результатомъ краткаго разбора теорій, предшествующихъ въ исторіи вопроса относительно происхожденія первыхъ трехъ канони-

³⁰⁸) Оно издано въ Лейпцигѣ, въ 1863 г., когда Ю. Гольцманъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Гейдельбергѣ.

ческихъ Евангелій, слѣдуетъ признать то, что „отношеніе сродства синоптиковъ указываетъ на общее и основное для нихъ писаніе (Urschrift), “—что признаютъ почти всѣ новѣйшіе изслѣдователи. Это писаніе есть такъ называемое А. Основное писаніе ближе всѣхъ стоитъ къ Евангелію отъ Марка (Ur-marcus): два другія каноническія Евангелія Матѳея и Луки суть комбинаціи этого первоисточника и нѣкоторыхъ другихъ. При предположеніи такого первоисточника—А, отношеніе сродства, т. е. компилятивное отношеніе, въ которомъ (будто-бы) стоятъ три синоптика другъ къ другу, можно доказать, по мнѣнію Гольцмана, съ никогда несокрушимую доказательностію. Но что это за первоисточникъ,—какой его видъ?—въ этомъ Гольцманъ полагаетъ свою ближайшую задачу.

Построеніе первоисточника А, по Гольцману, нельзя опредѣлить съ буквальною точностію; но опредѣленное содержаніе этого основнаго писанія всюду въ Евангеліяхъ выступаетъ ясно, какъ день. Можно постоянно и основательно убѣждаться въ томъ, что извѣстный рядъ отрывковъ слѣдуетъ разсматривать какъ особенный источникъ, но принятый всѣми синоптическими Евангеліями. Существуютъ уклоненія въ Евангеліи отъ Матѳея и Луки отъ плана первоисточника, но они имѣютъ и свои основанія въ немъ же, т. е. въ А. Прибавленія Ев. Матѳея и Луки сравнительно съ Ев. Маркомъ совершенно понятны именно при предположеніи А.

Предисловіе „предварительную исторію“, т. е. исторію до вступленія Спасителя на общественное служеніе, Синоптики Матѳея и Лука, также какъ и Маркъ, начинаютъ свое повѣствованіе съ рассказовъ объ Іоаннѣ Крестителѣ и слѣдуютъ порядку А до описанія обстоятельствъ открытой дѣятельности Христа въ Галилеѣ,—порядку, который впервые нарушается Ев. Матѳеемъ. Между тѣмъ Маркъ и Лука рассказываютъ по нити основнаго писанія, а Ев. Матѳея, непосредственно послѣ рассказа о призваніи старѣйшихъ Апостоловъ, излагаетъ (anticipirt)

Нагорную проповѣдь, какъ программу открытой учительной дѣятельности Господа и приводитъ еще отрывокъ изъ А только прибавочно (*nachträglich*). Скоро потомъ, Ев. Матѳеѣ опять болѣе и болѣе склоняется слѣдовать за А, между тѣмъ какъ Лука, излагая рассказъ о входѣ Спасителя въ Назаретъ, впадаетъ въ беспорядочность относительно послѣдовательнаго размѣщенія фактовъ. Здѣсь ясно, что первоначальный порядокъ изложенія принадлежитъ скорѣе Марку. Потомъ, при рассказѣ о насыщеніи 5000 человѣкъ, опять встѣчаются всѣ три Синоптика; а затѣмъ только Матѳеѣ и Маркъ идутъ гармонически другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ Лука отстываетъ отъ принятаго ими порядка—доколѣ опять, при повѣствованіи объ исповѣданіи Ап. Петра, не входитъ въ связь съ А, держась его порядка твердо до конца Галилейской дѣятельности Господа: а потомъ, начиная съ большой вставки (—IX, 51 и д. ст.), онъ вполне опускаетъ связь А. Только съ рассказа о благословеніи дѣтей Лука является опять параллельнымъ въ отношеніи къ двумъ Синоптикамъ—за исключеніемъ не многихъ вставокъ и пропусковъ. Изъ всѣхъ такихъ, находящихся въ Евангеліи отъ Матѳея и Луки, будто-бы, очевидныхъ нарушеній исторической связи въ изложеніи Ев. событій, Маркъ не имѣетъ никакого. Поэтому, у него смѣло можно предположить вѣрную первоначальную послѣдовательность сказаній, которая была въ А, и въ такой послѣдовательности изложить не только отрывки, общіе всѣмъ тремъ синоптическимъ Евангеліямъ, но и тѣ, которые имѣетъ только Маркъ; это возможно еще болѣе, если очевидна причина опущенія ихъ у другихъ Евангелистовъ. Сюда же относятся и тѣ немногіе отрывки, которые находятся только у Матѳея и Луки,—въ томъ видѣ, въ какомъ Маркъ не принялъ и долженъ былъ опустить или сокращать ихъ. Именно, гдѣ Лука и Матѳеѣ въ проведеніи связи Ев. событій буквально согласны другъ съ другомъ, тамъ есть настоящее основаніе предположить опущеніе у Марка. Наконецъ, существуютъ еще немногія

замѣтки (*Notition*), сохранившіяся только въ совершенномъ разъединеніи. Но въ первомъ письменномъ изложеніи устнаго преданія были не только согласующіяся, но и различающіяся извѣстія, если это позволяли содержаніе и преемственное послѣдованіе ихъ (*акολουеія*). Оттого первоевангеліе—А было длиннѣе, нежели каноническое Евангеліе отъ Марка, но въ томъ же порядкѣ, какъ это. Самыя различія синоптиковъ между собою въ частностяхъ (*in detail*) изъясняются при этомъ изъ писательскихъ особенностей и тенденцій самихъ Евангелистовъ. При этомъ является дальнѣйшая задача—найти принципъ варіацій отдѣльно для каждаго Евангелиста.

Такъ, существовало письменное первоевангеліе—А, какъ первоисточникъ; а видоизмѣненія (*Modification*) его суть три синоптическихъ Евангелія. Но если этотъ первоисточникъ сообщилъ всей послѣдующей Евангельской литературѣ постоянный ея типъ; то, очевидно, онъ долженъ былъ получить большое распространеніе (въ церкви). Написанъ онъ былъ по-гречески.

Что первыя три каноническія Евангелія суть видоизмѣненія одного А, это подтверждается сравненіемъ ихъ текста.—Несмотря на всѣ уклоненія и взаимныя противорѣчія (?) одна нить рассказа проходитъ чрезъ всѣ три Евангелія; и такая нить могла быть только въ А. При всякомъ запутываніи и прикрываніи этой нити обнаруживается, однако, и сопротивленіе этому запутыванію, такъ что рядъ рассказовъ изъ А, какъ одна, замкнутая въ себѣ, масса, противопоставляется здѣсь вполне беспорядочному изложенію остальныхъ составныхъ частей этихъ Евангелій.

Ни который изъ Синоптиковъ не представляетъ собою А вполне. Маркъ по крайней мѣрѣ нѣчто опускаетъ изъ А, Матѳеѣ и Лука видоизмѣняютъ его, прибавляютъ, убавляютъ и привносятъ другіе источники,—что имѣло своимъ необходимымъ послѣдствіемъ нарушеніе общей связи въ повѣствованіи. Правда, эти видоизмѣненія

не проникали въ существенный корень дѣла, но они были, однако же, столь значительны, что безъ Евангелія отъ Марка, которое только одно держится вполнѣ вѣрно основной нити Ев. повѣствованія, нельзя легко составить представленія о дѣйствительномъ ходѣ Евангельской исторіи.

Вотъ въ какомъ отношеніи Матѳей и Лука находятся къ А. Матѳей слѣдуетъ порядку А въ изображеніи открытой дѣятельности Иисуса Христа до Нагорной проповѣди. Далѣе слѣдуетъ въ немъ отступленіе отъ исторической нити А. Такое отступленіе простирается почти исключительно съ IV, 22 до XIV, 14 ст., гдѣ связь совершенно иная, нежели въ Евангеліяхъ отъ Марка и Луки. Но вмѣсто того, что при такомъ составѣ было опущено изъ первой части А, принято содержаніе главъ: X, 1,—XIV, 14 ст.; однако при этомъ остаются общими по крайней мѣрѣ отрывки, гдѣ рассказывается о срываніи колосевъ и о сухорукомъ (XII, 1—14), рассказы объ исцѣленіи разслабленнаго и призваніи мытаря (IX, 1—17); а это уже указываетъ на зависимость Матѳея отъ А. Съ XIV, 15 ст. Матѳей опять обращается къ общему порядку и еще опускаетъ изъ А только рассказы о двухъ чудесныхъ исцѣленіяхъ. Такимъ отношеніемъ Евангелія отъ Матѳея къ А объясняются всѣ различныя уклоненія его отъ А и нарушеніе его порядка, что замѣчается въ текстѣ этого Евангелія.

Въ Евангеліи отъ Луки подобныхъ отступленій отъ А—относительно рѣчей и рассказовъ—еще болѣе, нежели въ Евангеліи отъ Матѳея. Въ числѣ рѣчей здѣсь встрѣчаются особенными нѣкоторыя неважныя притчи, а также и нѣкоторыя добавленія—собственно въ параллельныхъ рѣчахъ. Съ повѣствовательной стороны здѣсь представляются совершенно особенныя побужденія къ произнесенію рѣчей, коотрыя Матѳей въ своемъ Евангеліи переработалъ въ наибольшей связи. Здѣсь, однако, ясно какъ день выступаетъ и то, что Лука долго держитъ

ся А, видоизмѣняя этотъ источникъ сперва малыми, а потомъ большими вставками. Сперва онъ вставляетъ только генеалогическія и хронологическія замѣчанія, а потомъ обогащаетъ исторію—особенно исторію страданій—изложеніемъ нѣкоторыхъ извѣстій, заимствованныхъ имъ изъ устнаго преданія,—такъ что только отдѣльныя мѣста, какъ XXII, 10—13 ст. и XXIII, 3. 14. 52 ст., написаны имъ въ полной зависимости отъ А.—Когда Ев. Лука видоизмѣняетъ А вставками, то онъ принимаетъ потомъ опять первоначальную нить рассказа, хотя и непосредственно тамъ, гдѣ онъ ее оставлялъ: онъ опускаетъ изъ А нѣчто, но нѣсколько послѣ снова привноситъ существенное изъ опущеннаго. При самой большой вставкѣ онъ, непосредственно предъ нею, опускаетъ „предостереженіе отъ соблазна“, а непосредственно послѣ—изреченіе Господа о разводѣ. Наконецъ къ особенностямъ Евангелія Луки относится то, что онъ всѣ отрывки, заимствованныя имъ изъ А и содержащія живыя и богатые изображенія, перемѣшиваетъ съ другими или замѣняетъ ихъ; такіе отрывки особенно сформированы, иначе поставлены и помѣщаются обыкновенно между такими отрывками, которые у Матѳея и Марка стоятъ рядомъ одинъ при другомъ.

Особенность каждаго Евангелиста (für sich) въ отношеніи къ первоисточнику А состоитъ, такимъ образомъ, частью въ особенной словесной или фактической обработкѣ данной исторіи (—варіація А), частью въ самостоятельно изложенныхъ рѣчахъ, притчахъ и рассказахъ. Подобной, т. е. самостоятельно изложенной, матеріи весьма немного находится въ Евангеліи отъ Марка, текстъ котораго почти вполнѣ принятъ въ Евангеліяхъ отъ Матѳея и Луки. Евангелію отъ Марка собственно принадлежатъ только слѣдующіе отрывки: гл. I, 1—3 ст. IV, 26—29. XIII, 33—37. VII, 32—37. VIII, 22—26. XI, 18—19. XIV, 51. 52. XV, 44. 45. XVI, 9—11. Но изъ этихъ отрывковъ собственно только 30-ть стиховъ при-

надлежать именно Евангелію отъ Марка и у другихъ синоптиковъ не находятъ себѣ параллели. Притомъ и эти стихи прибавлены не самимъ Ев. Маркомъ, и,—то какъ очень незначительные, то—какъ представляющіе возможность замѣны,—опущены другими Евангелистами. Поэтому для Евангелія отъ Марка нѣтъ необходимости представлять и выставлять какой-нибудь иной письменный источникъ, кромѣ А. Но—вопросъ, какое же различіе между А и каноническимъ Евангеліемъ отъ Марка, если оно есть видоизмѣненіе А?—они различаются чисто авторскими особенностями. Здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду сокращеніе рѣчей, особенно примѣтное тамъ, гдѣ Матѳеи и Лука согласны. А въ рассказахъ, напротивъ того, у Марка находятся только незначительныя разности. Кромѣ этого у него находится значительное сокращеніе съ самаго начала и большой пробѣлъ въ срединѣ, образовавшійся отъ опущенія Нагорной проповѣди, вмѣстѣ съ которой опущены и рассказы о двухъ чудесахъ. Наконецъ, въ Евангеліи отъ Марка содержится нѣкоторое число вполне краткихъ, но вполне объяснимымъ, прибавокъ и вставокъ. При этомъ находятся нѣкоторыя весьма малыя прибавки, относительно которыхъ еще можно сомнѣваться—Маркъ-ли прибавилъ ихъ, или Лука и Матѳеи ихъ опустили. Таковы, между прочимъ (кромѣ гл. XV, 28 ст.—что можно признать интерполяціей): I, 7. I, 13. I, 20. I, 33. II, 14. II, 16. II, 18 и пр. Различіе въ немногихъ частяхъ, принадлежащихъ Евангелію отъ Марка, основывается совершенно только на специализированіи общихъ, добавленіи (Amplification) краткихъ извѣстій и на указаніи нѣкоторыхъ конкретныхъ чертъ,—чѣмъ Ев. Маркъ намѣренъ былъ „прикрыть сравнительную бѣдность своего историческаго матеріала“³⁰⁹⁾.

309) Holtzmann: D. S. Ev. S. 66—67. 99—102. 103—107. 107—113.

Такъ, первый основной источникъ синоптическихъ Евангелій есть писаніе А, почти безъ измѣненія представляющееся въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка и лежащее въ основѣ всѣхъ трехъ Евангелій. Кромѣ этого перваго источника А, по мнѣнію Гольцмана, существовалъ еще второй.

Евангелисты Матѳеи и Лука, помимо общей зависимости ихъ отъ А, не могутъ быть разсматриваемы, какъ два самостоятельные автора. Они заимствовали нѣкоторые отрывки и полныя рѣчи изъ А, но нѣкоторые отрывки хотя и общи имъ обоимъ, однако не заимствованы изъ А. Такіе отрывки у Матѳея не носятъ характера вставокъ, а скорѣе—характеръ послѣдовательной рѣчи. Матѳеи, впрочемъ, довольно значительно измѣнилъ первоисточникъ вставкою цѣлаго ряда дидактическихъ мѣстъ, которыя, при первомъ взглядѣ на Евангеліе отъ Луки, являются особеннымъ свойствомъ именно Евангелія отъ Матѳея, основаніемъ всѣхъ уклоненій его отъ строя (Baurisse) источника А и выставляютъ архитектурское отношеніе Матѳея къ А. Происхожденіе и отношеніе этихъ частей, именно отрывковъ Евангелія отъ Матѳея, ненаходящихся въ А, къ подобнымъ же, но совершенно иначе мотивированнымъ и расположеннымъ въ Евангеліи отъ Луки, можно объяснить слѣдующимъ способомъ. Ясно какъ день, что здѣсь является одна, объединенная въ себѣ, но много различающаяся отъ А, матерія Ев. исторіи. Главныя части этой матеріи въ первомъ каноническомъ Евангеліи расположились вполне между пятью-шестью пунктами, тогда какъ таже самая матерія у Ев. Луки расположена при отрывкахъ, между которыми она собственно вставлена такъ, что не образуетъ никакого хронологическаго порядка. А второе, столь неоспоримое, наблюденіе заставляетъ признать полнѣйшее различіе при взаимныхъ отношеніяхъ (Mischungsverhältnissen) этихъ отрывковъ, общихъ Матѳею и Лукѣ, но незаимствованныхъ ими изъ А. Есть немногіе, являющіеся самосто-

ятельными у Матѳея, отрывки, большею частію притчи; но существуютъ и еще отрывки рѣчей, стоящіе внѣ А и не ему принадлежащіе; у Луки они поставлены изолированно, хотя и рядомъ другъ за другомъ, а у Матѳея они стоятъ такъ, какъ будто они внесены въ связи А. Матѳеи большую часть этихъ изреченій помѣстилъ въ своемъ Евангеліи безъ тѣхъ историческихъ поводовъ, которые предпосылаетъ имъ Лука, не допуская чрезъ то особыхъ отдѣленій (Perikopen); такъ какъ они не столько уменьшаютъ и сокращаютъ отдѣленія А, сколько пополняютъ и расширяютъ. Матѳеи менѣе обращалъ вниманія на то, чтобы сообщить Ев.изреченія съ присоединеніемъ къ нимъ историческихъ поводовъ и въ хронологической послѣдовательности, нежели на то, чтобы сопоставить однородное и сходное. При такомъ отношеніи данныхъ отрывковъ слѣдуетъ предположить второй источникъ, общій Матѳею и Лукѣ, но обработанный обоими въ совершенно различномъ видѣ. Это предположеніе оправдывается всѣмъ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ и тѣмъ фактомъ, что весьма многіе новѣйшіе критики признаютъ въ первоевангеліи Марка (Urmarcus) или первоевангеліи Матѳея (Ur-matthäus), того же рода источникъ подъ именемъ Собранія изреченій или Собранія рѣчей. Особенно же оно оправдывается фактомъ дословнаго сходства Евангелія отъ Матѳея съ Евангеліемъ отъ Луки въ отрывкахъ, общихъ имъ, исключая Евангелія отъ Марка. Это былъ общій для Матѳея и Луки греческій источникъ, который по его характеру можно обозначить литерой А, т. е. *λογια*, изреченія.

Какое же содержаніе этого источника?—Сюда относятся большія рѣчи, какъ, напримѣръ, Нагорная проповѣдь, рѣчь при посланіи Апостоловъ на проповѣдь, рѣчь противъ фарисеевъ и п. под. Такимъ образомъ въ составъ втораго источника входятъ вообще изреченія Господа. Эти изреченія въ самомъ источникѣ были не въ видѣ рѣчей, а въ видѣ ихъ отрывковъ,—въ видѣ не-

обработанной матеріи, которую автору перваго Евангелія отъ Матѳея приходилось организовать и представить въ связи въ своемъ трудѣ. Онъ всю матерію раздѣлил на части и каждую поставилъ на соответствующее ея содержанію мѣсто, придерживаясь историческаго порядка А,—соответственно извѣстному моменту жизни и дѣятельности Господа. Между тѣмъ самъ авторъ источника А сопоставлялъ только отдѣльныя группы, не имѣя намѣренія указать ихъ главныя части или хронологическую послѣдовательность,—какъ фрагменты Ев. исторіи. Поэтому въ А не доставало специальной исторической связи: только Матѳеи однообразныя и сходныя по содержанію изреченія излагалъ въ связи, но безъ историческихъ мотивовъ; при этомъ отрывки изъ А онъ вставлялъ въ срединѣ исторіи и фактическую связь проводилъ насчетъ исторической,—не придерживаясь порядка А. Это—такъ; въ противномъ случаѣ не возможно доказать, что рѣчи у Матѳея суть оригиналы, что они въ этой именно формѣ и объемѣ дѣйствительно были произнесены Иисусомъ. Вѣроятно же то, что краткія изреченія были написаны ранѣе, нежели длинныя рѣчи, письменная передача которыхъ требовала многихъ размышленій. „Вѣроятно же то, что не Лука самовольно разбилъ великое зданіе и развалины разсыпалъ по всѣмъ четыремъ вѣтрамъ, а Матѳеи выстроилъ тѣ стѣны (цѣльныя рѣчи) изъ груды камней, разсыпанныхъ у Луки. Матѳеи, какъ искусный сборщикъ, разсудительно сопоставилъ въ ряды тѣ отрывки, хотя онъ и не всегда могъ передать первоначальную связь ихъ“. Великое множество изреченій, которыя Матѳеи записалъ въ своемъ сочиненіи,—разумѣется, въ связи,—у Луки встрѣчается въ видѣ отрывковъ, такъ что ихъ можно сравнить съ безпорядочнымъ сырымъ матеріаломъ, а не съ органически цѣлымъ и по времени опять раздѣлившимся. Въ противоположность Матѳею, Лука всегда при извѣстномъ изреченіи указываетъ опредѣленный историческій

поводъ. Ясно само по себѣ, что отрывки рѣчей въ А слѣдовали одинъ за другимъ такъ именно отрывочно, что Лука видѣлъ себя вынужденнымъ дать имъ нѣкоторый порядокъ (arrangieren) и какъ либо мотивировать, хотя данная при этомъ связь является искусственною и натянутою. Цѣль ея была та, чтобы цѣлое сдѣлать ровнымъ (безъ перикопъ),—соединить одинъ отрывокъ съ другимъ, не оставляя въ изложеніи пробѣловъ и шероховатостей. Въ историческомъ отношеніи такая связь и указаніе поводовъ извѣстныхъ рѣчей мало имѣютъ значенія, ибо во всемъ этомъ мало содержится собственно-исторической основы. Такъ въ первое время и въ первоисточникѣ было собрано большое число изреченій Спасителя безъ присоединенія поводовъ къ ихъ произнесенію; только впоследствии возрастающая—по мѣрѣ временнаго отдѣленія отъ дѣйствительно историческихъ побужденій—трудность пониманія извѣстныхъ изреченій побудила отчасти къ составленію комментарія на А, а отчасти къ самостоятельнымъ трудамъ, которые своей задачей поставили обработку исторической стороны дѣятельности Иисуса Христа. Правда, и въ самомъ источникѣ А были нѣкоторыя историческія замѣчанія, но ихъ первоначальный видъ (Ur-gestalt) былъ иной, нежели теперешнихъ „введеній“ въ Евангеліи отъ Луки: подробнѣйшія „введенія“ Луки первоначально—въ источникѣ А—были въ гораздо ограниченномъ видѣ. И съ такими совершенно краткими и общесодержательными историческими объясненіями были только немногіе отрывки, въ которыхъ вообще безъ хронологическихъ замѣчаній и только въ широкомъ смыслѣ слова дается фактической порядокъ Ев. изреченіямъ. Такимъ образомъ „введенія“ Луки изясняются въ смыслѣ опытовъ въ возможной мѣрѣ распространить немногія, въ А только кратко приведенныя, объясненія, и—совершенно правильно сдѣлать ихъ указаніями опредѣленныхъ моментовъ въ жизни Иисуса, къ которымъ относятся самыя изреченія Его.

Итакъ, второй источникъ—А слѣдуетъ поставить рядомъ съ А совершенно самостоятельнымъ и независимымъ отъ него. Между тѣмъ, какъ отъ А находятся въ зависимости всѣ три Синоптика, отъ А—только Матѳеи и Луки.

Но въ какой зависимости находятся Матѳеи и Лука отъ А? была ли матерія А вполне принята однимъ изъ двухъ этихъ Евангелистовъ такъ, чтобы можно было все, что въ одномъ или другомъ не находится сходнаго съ А, искать въ А?—Свобода ихъ выбора въ отношеніи къ А даетъ право ожидать отрицательнаго отвѣта. И дѣйствительно, какъ показываютъ примѣры, Матѳеи и Лука многое опустили изъ источника А. Лука принялъ изъ втораго источника въ содержаніе своего Евангелія также мало, какъ и изъ перваго. Съ другой стороны очень многое, что находится только въ Евангеліи отъ Матѳея и что при поверхностномъ сужденіи признается заимствованнымъ изъ А, разсмотрѣнное точнѣе, оказывается авторскою собственностію самого Матѳея. Лука почти вполне, а Матѳеи столько, сколько онъ могъ себѣ усвоить, приняли второй источникъ; поэтому Евангеліе отъ Матѳея относится къ Евангелію отъ Луки какъ соразмѣрное (ebenmässig) искусственное произведеніе къ произвольно (belibig) слишкомъ распространенному трудусборнику. Источникъ А употребляемъ былъ Лукою въ его первоначальномъ видѣ,—въ его Евангеліи остались отрывки (многочисленные) въ ихъ первоначальномъ видѣ. Но если бы поставить своей задачей—воспроизвести этотъ второй источникъ на основаніи данныхъ отрывковъ, то здѣсь самая природа дѣла такова, что поставленная задача не можетъ быть выполнена, какъ и—въ отношеніи первоисточника А. Если нельзя было—не переступая границъ достижимаго въ отношеніи къ научной комбинаціи—обѣщать достаточной точности въ нѣкоторыхъ случаяхъ при опредѣленіи отношеній синоптиковъ къ А; то при воспроизведеніи втораго источника это повторяется

еще въ бѣльшей мѣрѣ: первоначальный составъ А можетъ быть данъ только въ приблизительно надлежащемъ видѣ. Между прочимъ начало источника А опредѣляется изреченіями Христа относительно достоинства и значенія Іоанна (Крестителя): Луки VII, 18—35. Мѣ. XI, 2—11. 16—19; а конецъ—Мѣ. XIII, 52 ст.—

Но послѣ того, какъ содержаніе, общее всѣмъ тремъ Синоптикамъ, отнесено къ А и обще къ двумъ, Матѣею и Лукѣ—къ А, остальное, что принадлежитъ тому или другому изъ нихъ только одному, это, очевидно, предполагаетъ еще нѣкоторые источники. Сюда относятся отдѣлы, напримѣръ, въ Евангеліи отъ Матѣея: а) исторія рождества Іисуса Христа: гл. I и II; б) бесѣда Іоанна Крестителя съ Іисусомъ: III, 14—15; в) ветхозавѣтная цитата при извѣстии (изъ А—Мр. I, 21) о мѣстѣ жительства Іисуса: IV, 14—16; г)—изъ Нагорной проповѣди изреченія, для которыхъ нѣтъ параллельныхъ мѣстъ: V, 14. 16. 17. 19—24. 27. 28 (31). 33—38. VI, 1—8. 16—18. 34. VII, 6. 15. 21—и пр. Въ Евангеліи отъ Луки: а) родословная таблица: III, 23—38; б) рассказъ о юношѣ Наинскомъ: VII, 11—17; в)—о грѣшницѣ: VIII, 36—50, и пр. Такіе и многіе подобныя примѣры совсѣмъ не принадлежатъ ни А, ни Л. Откуда они?—это собственное произведеніе обоихъ Евангелистовъ, которое ими впервые было записано. Тѣмъ не менѣе и здѣсь оказываются слѣды нѣкотораго письменнаго источника, а можетъ быть и нѣсколькихъ....

Слѣдовательно, результатъ теоріи Гольцмана въ отношеніи къ синоптическимъ первоисточникамъ слѣдующій:

Во-первыхъ, существовали письменные источники:

а) Въ основаніи всѣхъ трехъ синоптическихъ Евангелій лежитъ общій источникъ—А; онъ даетъ главную матерію. Весьма много имъ пользовался Ев. Маркъ и весьма мало Ев. Лука.

б)—Собраніе изреченій—Л, которое въ одной и той-

же греческой формѣ изложенія было употребляемо Матѣею и Лукою, и—болѣе Лукою, нежели Матѣею.

в)—Неопредѣленное, однако, во всякомъ случаѣ, не очень значительное число небольшихъ письменныхъ замѣтокъ.

Во вторыхъ, существовалъ устный источникъ Евангелистской исторіи—преданіе, которое встрѣчалось въ первенствующей Христіанской церкви въ различномъ видѣ и прежде, чѣмъ на него обратили свое наблюдательное вниманіе синоптики-Евангелисты. Они заимствовали изъ него различные рассказы, изложивъ ихъ въ связи перваго источника А, и даже—не только малыя изреченія (dicta) Іисуса, но и цѣлыя исторіи, какъ о статурѣ—у Матѣея, и о посланіи къ Ироду—у Луки.

Эти источники передаются въ синоптическихъ Евангеліяхъ слѣдующимъ образомъ: а) Евангеліе отъ Марка изясняется вполне при предположеніи только одного источника, именно А.—б) Въ основаніи Евангелія отъ Матѣея лежитъ А, но Ев. Матѣей вставляетъ въ свое Евангеліе изъ устнаго преданія, собственно церковнаго, то отдѣльныя замѣчанія, то части рѣчей и рассказы; но онъ преимущественно нарушаетъ связь А, какъ большими, такъ и небольшими вставками изъ Л.—в) Ев. Лука въ цѣломъ полагаетъ въ основаніе своего Евангелія источникъ А; но такъ какъ этотъ источникъ имѣлъ определенную связь, то Лука долженъ былъ видоизмѣнить его типъ своими вставками и выпусками. Что касается вставокъ, то небольшія части ихъ заимствованы изъ А, а наибольшая масса, организованная въ двухъ отдѣлахъ, сообщена преимущественно изъ Л и іудейскаго преданія ³¹⁰).

Теорія съ такими выводами, по мнѣнію Гольцмана, вполне оправдывается и внѣшними историческими

310) Holtzmann, —S. 126—157. 157—168.

свидѣтельствами, каковы суть: главнымъ образомъ „введение“ (Prolog) Евангелія отъ Луки: I, 1—4; и—свидѣтельство Папія, епископа Иеропольскаго († 120 г.).—Во „введеніи“ къ своему Евангелію Ев. Лука а) ясно различаетъ Евангельскую исторію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и потомъ исторію, возникшую по потребности, которой слѣдовалъ самъ Ев. Лука, по потребности—начинать изложеніе Ев. исторіи съ самаго начала, именно съ рождества Іоанна Крестителя.—б) „Введение“ даетъ право заключать о томъ, что писатель, именно Лука, пользуется источниками двоякаго рода—письменными и устными. Но тщательный анализъ словъ этого „введенія“ показываетъ, что его источники различаются другъ отъ друга не по категоріямъ устнаго и письменнаго, но по категоріямъ первой и второй важности. У Луки были какъ письменные памятники Апостоловъ, такъ и устное ихъ преданіе.—в) „Введение“ показываетъ, что источники Луки были, однако, не вполне совершенны, такъ что, желая передать жизнь Іисуса Христа христіанамъ, жившимъ внѣ Палестины, Лука долженъ былъ признать всѣ эти предварительные труды по Ев. исторіи неудовлетворительными и, между прочимъ, Евангелія, основывающіяся на Апостольскомъ авторитетѣ, онъ могъ признать недостаточными, по крайней мѣрѣ, въ общемъ изображеніи жизни Христа, а равно и въ отношеніи полноты, точности и порядка повѣствованія.—г) Въ числѣ многихъ, πολλοι, о которыхъ говорится во „введеніи“, Лука имѣлъ въ виду и каноническое Евангеліе отъ Марка, которое въ первоначальномъ своемъ видѣ (Ur-marcus) было для Луки однимъ изъ главныхъ источниковъ.—д) Ев. Лука въ своемъ „введеніи“ намѣренъ былъ сказать не то, что существовали многіе, πολλοι, а то, что онъ самъ сталъ заниматься побуждаемый ихъ примѣромъ,—что и онъ переработалъ первоисточники Евангелій также, какъ и эти многіе его предшественники. Кромѣ „введенія“ Евангелія отъ Луки, въ пользу теоріи говоритъ второе

внѣшнее свидѣтельство, именно еп. Папія, который передаетъ, что Ев. Матѳей написалъ изреченія Господа (λογια). Смыслъ этого свидѣтельства, будто-бы, говоритъ именно въ пользу существованія Собранія изреченій—второго главнаго источника синоптиковъ—Λ³¹¹).

Отношеніе Синоптиковъ одного къ другому, независимо отъ экзегетическихъ и историческихъ данныхъ, по Гольцману, можно ясно показать при изслѣдованіи ихъ исключительныхъ стилистическихъ особенностей. Оно подтверждаетъ результаты предшествующихъ изслѣдованій (Гольцмана). Изслѣдованіе относительно характера рѣчи и словоупотребленія (Sprachcharakter oder Sprachgebrauch) именно показываетъ, что: а) въ основаніе всѣхъ трехъ синоптиковъ положенъ первоисточникъ А, а у Матѳея и Луки сверхъ того еще источникъ Λ. Эти источники оба представляютъ особую область языка.—б) Сверхъ того, каждый отдѣльный Евангелистъ имѣетъ свой собственный стиль, который равномерно проходитъ чрезъ рассказы, какъ и чрезъ рѣчи.—в) Этимъ устраняется то старинное мнѣніе, что Синоптики только копировали Первоевангеліе; скорѣе,—они переработывали А съ самостоятельнымъ словоупотребленіемъ.—г) О „чистой передачѣ только записей“ отъ одного Евангелиста другому не можетъ быть и рѣчи. Филологическое изслѣдованіе показываетъ, что источники Синоптиковъ не оставались непереработанными, но самостоятельно редактировались (—противъ Шлейермахера и Эвальда).—д) Если существуютъ писательскія особенности въ подробностяхъ Ев. изображенія, то справедливо слѣдуетъ признать, что они относятся преимущественно къ распорядку матеріала, а не къ самому содержанію.—Наконецъ, самое сравненіе параллельнаго текста—языка и выраженій—показываетъ,

что наши синоптики суть вариации однихъ и тѣхъ же источниковъ ³¹²⁾.

Слѣдовательно, со стороны экзегетической, исторической и лингвистической, по теоріи Гольцмана, выходитъ, что первыя три каноническія Евангелія—результатъ переработки однихъ и тѣхъ же письменныхъ источниковъ, впрочемъ достигнутый съ помощію устнаго преданія. Главный характеръ ихъ—компиляція.

Очевидно, результатъ изслѣдованія Гольцмана, въ общемъ и существенномъ, тотъ же, что и у Эвальда, именно синоптическія Евангелія—ничто иное, какъ компилятивная обработка готовыхъ источниковъ—А, Л и другихъ. Этотъ одинаковый результатъ и достигнутъ былъ съ помощію однихъ и тѣхъ же способовъ изслѣдованія, а главное—при однихъ и тѣхъ же принципахъ изслѣдованія—писанія и устнаго преданія.

Насколько же правильно, научно и важно приложеніе и оправданіе на дѣлѣ перваго принципа теоріи—принятіе письменныхъ источниковъ,—вотъ существенный и главный вопросъ при разборѣ данной теоріи. Опредѣленіе основательности и научнаго значенія теоріи Гольцмана требуетъ разсмотрѣнія его изслѣдованія, съ его же точки зрѣнія, при помощи главнымъ образомъ и въ возможной мѣрѣ его же собственныхъ приемовъ. При разсмотрѣніи приложенія извѣстныхъ приемовъ и выведенія, при помощи ихъ, точныхъ результатовъ необходимо обращаться къ критеріямъ,—къ тому, по чему именно должно принять то, а не другое положеніе; это необходимо для того, чтобы отчетливо дознать, основательна ли данная теорія.

Имѣя въ виду эти условія изслѣдованія, должно поставить слѣдующіе вопросы при разборѣ теоріи Гольцмана: а) Слѣдуетъ ли признать существованіе

Первоевангелія—А, какъ письменнаго общаго первоисточника для всѣхъ Синоптиковъ? б) Слѣдуетъ ли признать существованіе Собранія изреченій, какъ письменнаго втораго источника для двухъ Синоптиковъ—Маттея и Луки? в) Находить ли теорія Гольцмана подтвержденіе для себя въ изслѣдованіи стилистическихъ особенностей каждаго Евангелиста—Синоптика? г) Оправдывается ли теорія Гольцмана тѣми историческими свидѣтельствами, на которыя она указываетъ въ свою пользу?

Но во всемъ этимъ главнымъ вопросамъ долженъ предшествовать общій въ отношеніи къ нимъ и такъ же главный вопросъ: д) Слѣдуетъ ли признать существованіе письменныхъ источниковъ вообще,—что теорія принимаетъ своимъ исходныхъ положеніемъ?

Эти вопросы главные, съ рѣшеніемъ которыхъ рѣшается существенно главный и общій вопросъ нашего изслѣдованія съ отрицательной стороны.—Если, по справедливости, наиболѣе удачное приложеніе принципа заимствованія въ изслѣдованіи о составѣ синоптическихъ Евангелій, сдѣланное Гольцманомъ, окажется неимѣющимъ истинно научнаго значенія; то останется признать господствующимъ и единственно правильнымъ приложеніе втораго принципа—преданія, что слѣдовало изъ разбора и предшествующей теоріи Эвальда. А это и будетъ отвѣтомъ на нашъ главный и существенный вопросъ, какіе были источники каноническихъ Евангелій отъ Маттея, Марка и Луки, письменные или устные?

312) Holtzmann,—S. 264—280.

XI.

На вопросъ о первоисточникахъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій теорія Гольцмана рѣшительно отвѣчаетъ такъ: источники Синоптиковъ были письменные и устные, и письменные по преимуществу. Этотъ отвѣтъ, въ виду теоріи Эвальда и цѣлаго ряда ей предшествовавшихъ теорій, конечно, не новый. Имѣя въ виду судьбу подобныхъ рѣшеній, самъ Гольцманъ, послѣ историческаго обзора литературы этого вопроса, счелъ нужнымъ высказать и свое собственное мнѣніе, именно потому, что его предшественники рѣшали интересующій его вопросъ неудовлетворительно. Разборъ ихъ мнѣній, сдѣланный Гольцманомъ, показалъ ему, что въ силу неудовлетворительности ихъ слѣдуетъ отвергнуть каждую изъ такихъ теорій, развивающихъ подобное мнѣніе, почти совершенно. Гольцманъ такъ и поступаетъ, признавая во всѣхъ теоріяхъ заимствованія справедливымъ лишь одинъ самый общій, по его выраженію, результатъ.

„Единственный положительный (positiv) результатъ, полученный нами, говоритъ Гольцманъ въ заключеніе своего историко-критическаго очерка литературы вопроса, — тотъ, что отношеніе сродства синоптическихъ Евангелій указываетъ на общее и основное для нихъ писаніе 313).

313) Holtzmann, — S. 66.

Но слѣдствіемъ чего является этотъ результатъ? по ходу рѣчи и дѣла оказывается, что онъ есть слѣдствіе историко-критическаго разбора предшествовавшихъ теорій, такихъ, изъ которыхъ ни одну нельзя признать за правильную и удовлетворительную. „Положительный результатъ“ явился такимъ образомъ слѣдствіемъ обнаруженія несостоятельности всѣхъ теорій, предшествовавшихъ Гольцмановой. Но—какъ именно?—Имѣя въ виду отношеніе сродства синоптиковъ, многіе изслѣдователи предполагали, что это сродство явилось при однихъ и тѣхъ же источникахъ, коими они пользовались, и—что эти источники были устные и письменные, но письменные употреблялись по преимуществу всѣми тремя синоптиками. Каждый изслѣдователь такъ или иначе старался доказать свое такого рода предположеніе, оправдать свои принципы, рѣшить вопросъ въ этомъ духѣ подробно и обстоятельно, —научно. Съ этою цѣлію создавались разнообразныя и многочисленныя теоріи, при помощи оригинальныхъ приемовъ объяснялись всевозможныя—при такой постановкѣ общаго дѣла—трудности, и каждая теорія выставила свой результатъ за болѣе или мѣнѣе вѣроятный, и научный. Разматривая труды многочисленныхъ такихъ изслѣдователей, Гольцманъ приходитъ къ убѣжденію, что между ними нѣтъ ни одного прочно, правильно, научно рѣшающаго свою задачу. Итакъ, по Гольцману же, выходитъ, что предположеніе, при которомъ отношеніе сродства синоптиковъ объясняется съ помощію письменныхъ, тремъ или двумъ Евангелистамъ общихъ, источниковъ, не оправдано и остается только предположеніемъ. Но самъ Гольцманъ, въ заключеніе своего критико-историческаго обзора, говоритъ: „единственный положительный результатъ, полученный нами доселѣ,—тотъ, что отношеніе сродства синоптиковъ указываетъ на общее и основное для нихъ писаніе“. Очевидно, этотъ „положительный результатъ“ есть собственно проблема тѣхъ многочисленныхъ теорій, несостоятельность которыхъ показана въ

историко-критическомъ обзорѣ Гольцмана; слѣдовательно, этотъ результатъ—недоказанное предположеніе, не строго научный, положительный выводъ. А потому досель остается не „положительный результатъ“, а недоказанное предположеніе, хотя доказать его старались весьма многіе изслѣдователи. Съ этого-то многократно и многоразлично недоказаннаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже и ненадежнаго, предположенія начинается Гольцманъ свою теорію, какъ съ „положительнаго результата“ многочисленныхъ работъ своихъ предшественниковъ.—Отдѣленный отъ прочихъ изслѣдователей собственной своей критикой, Гольцманъ можетъ быть разсматриваемъ одинъ, самъ по себѣ, или безотносительно.

Какая же исходная точка собственнаго изслѣдованія Гольцмана?—Имѣя общимъ съ другими изслѣдователями только главное предположеніе, что сродство синоптиковъ указываетъ на ихъ общее основное писаніе, Гольцманъ отступаетъ, однако, отъ обыкновеннаго, принятаго почти всѣми его предшественниками, пути „тривіальнаго“. Вмѣсто того, чтобы, по ихъ примѣру, прикрѣпить свою теорію къ какой-нибудь опредѣленной, болѣе или менѣе постоянной и прочной, точкѣ опоры, напримѣръ, къ историческому или экзегетическому основанію, Гольцманъ начинаетъ свою теорію съ мнимо „положительнаго результата“: это и есть исходный пунктъ его теоріи.

Такъ, исходный пунктъ теоріи Гольцмана есть предположеніе, которое, по указанію самого же автора, не оправдано въ многочисленныхъ трудахъ его предшественниковъ. Поэтому, естественно требовалось бы оправдать это предположеніе напередъ какими-либо соображеніями, какъ это сдѣлано, напримѣръ, Эвальдомъ въ отношеніи къ своей теоріи; слѣдовало бы выяснитъ, по крайней мѣрѣ, возможность основнаго предположенія и показать сообразность его съ дѣломъ, чтобы видно было, насколько оно основательно и что даетъ Гольцману поводъ думать такъ, какъ другіе, а не иначе. Это слѣдовало бы сдѣлать въ

виду того, что иногда возможно объяснять и дѣйствительно объясняютъ факты до извѣстной степени удовлетворительно съ помощію недостаточно ясныхъ свѣдѣній, ошибочно составленныхъ понятій и любимыхъ, намѣренно предвзятыхъ, но въ сущности ложныхъ, предположеній и тенденцій. Таковы въ этомъ отношеніи многочисленные ошибки философскихъ системъ, таковы ложные выводы естествознанія, таковы результаты тенденціозной критики Евангельской исторіи и под. ³¹⁴). Тѣмъ не менѣе иногда такіа неправильныя толкованія, ложные выводы и одностороннія заключенія долго жили въ качествѣ научныхъ истинъ, много значили въ общественномъ мнѣніи и находили большое число пріемниковъ и приверженцевъ. Въ виду этого еще скорѣе требовалось бы Гольцману исходнымъ пунктомъ своего изслѣдованія поставить какое-либо безспорное положеніе или по крайней мѣрѣ слѣдовало бы показатъ, что лежитъ въ основаніи принятаго положенія. Иначе, его предположеніе, общее съ другими изслѣдователями, но неоправданное ими, съ перваго же раза представляется научно несостоятельнымъ; а такъ какъ оно есть именно исходное въ отношеніи ко всему изслѣдованію, то и все изслѣдованіе, въ самомъ его началѣ, лишается довѣрія, потому что начинается съ подозрительной, предвзятой, достаточно не обоснованной мысли,—съ проблемы, выдаваемой за результатъ многочисленныхъ изслѣдованій.

Такъ и необходимо являющееся недоувѣріе къ данной теоріи беспокоитъ читателя всего изслѣдованія, если онъ помнитъ, что исходный пунктъ теоріи—предвзятая мысль, уже неудавшаяся во многихъ теоріяхъ въ качествѣ основ-

314) Припомнимъ, напримѣръ, странную гипотезу знаменитаго Келлера «о душѣ земли и ея фибрахъ», которую онъ старался подтвердить фактами: подземной теплотой, рожденіемъ металловъ, выпотѣніемъ тумановъ и т. д. *Любимова*: Духъ естествознанія, — въ *Университетскомъ Отчетѣ*, за 1867 г. Москва. Стр. 118.

наго положенія. Въ-замѣнъ всякихъ желаемыхъ соображеній, въ пользу исходнаго своего предположенія, Гольцманъ успокоиваетъ читателя тѣмъ, что это предположеніе „общепринятое“.—„Отношеніе сродства синоптиковъ, по его словамъ, указываетъ на общее, основное для нихъ, писаніе; а должно ли это принять, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ позднѣе, т. е. всѣмъ изслѣдованіемъ. Но, прибавляетъ Гольцманъ, такое положеніе усиливается уже тѣмъ соображеніемъ (*Wahrnehmung*), что приблизительно всѣ новѣйшіе изслѣдователи здѣсь согласны“³¹⁵). Это, конечно, не успокоительно; потому что если они и всѣ согласны, то всѣ же они опять, по ясному указанію самого Гольцмана, въ томъ же предположеніи и несостоятельны; всѣ изслѣдователи здѣсь одинаково думаютъ, но у нихъ это предположеніе является одинаково неосновательно обдуманнѣе и неудовлетворительно развитѣе; оно общепринято, но и вообще недоказано, а потому еще болѣе сомнительно, и—настолько, насколько велико число трудившихся надъ нимъ безъ успѣха; но таковы именно почти всѣ новѣйшіе изслѣдователи, какихъ здѣсь разумѣеть Гольцманъ.

Справедливо ли, однако, и основательно ли указаніе Гольцмана на новѣйшихъ изслѣдователей, если разсматривать большинство ихъ независимо отъ неудачныхъ, хотя многократныхъ и многоразличныхъ, опытовъ этого большинства?—Нѣтъ. Гольцманъ говоритъ: „приблизительно почти всѣ новѣйшіе изслѣдователи здѣсь согласны“... почти или приблизительно, но—не всѣ. Что важнаго въ томъ, если большинство изслѣдователей здѣсь согласны?—Гольцманъ не указываетъ, чѣмъ мнѣніе большинства лучше, нежели меньшинства; а развѣ истина всегда бываетъ на сторонѣ большинства?—нѣтъ³¹⁶). Гольц-

315) *Holtzmann*,—S. 66.

316)—*Omnes sic putant, ergo—veritas?*—нѣтъ. Припомнимъ,

манъ не указываетъ даже, что предположеніе большинства имѣетъ достоинство само по себѣ. А если такъ, то предположеніе, неоправданное само по себѣ, хотя бы и принятое большинствомъ, не получаетъ особеннаго достоинства отъ количества лицъ, принявшихъ его, и не имѣетъ значенія въ наукѣ. Неправда, принятая почти или вполне всѣми, будетъ и всегда останется неправдой, только почти или прямо всеобщей. Но недостаточность соображенія Гольцмана относительно большинства ученыхъ, принимавшихъ его начальное предположеніе, еще очевиднѣе обнаруживается имъ же самимъ въ томъ, что такое предположеніе потребовало новаго съ его собственной стороны приложенія въ новомъ изслѣдованіи. Гольцманъ только въ своей теоріи видитъ совершенное и прочное оправданіе этого общепринятаго предположенія,—у себя, а не у большинства, и—одинъ идетъ противъ всѣхъ. Что же значить большинство?—ничего противъ одного Гольцмана или сравнительно съ нимъ однимъ... Слѣдовательно, большинство, если и говоритъ, то—противъ Гольцмана, такъ какъ оно даже предъ нимъ однимъ неавторитетно.

Такъ всѣ новѣйшіе изслѣдователи, на которыхъ ссылается въ данномъ случаѣ Гольцманъ, не говорятъ за него; потому что одни изслѣдователи совсѣмъ не принимаютъ его начальнаго предположенія (письменныхъ источниковъ), а другіе многіе или большинство, хотя и принимаютъ, но недостаточностію своихъ теорій, а вмѣстѣ и самымъ качествомъ своихъ изслѣдованій говорятъ скорѣе въ пользу первыхъ и противъ Гольцмана, который ставитъ себя съ ними на одну точку опоры,—на ту же, которая оказалась непрочнымъ основаніемъ всего большинства изслѣдованій.

Большинство ученыхъ, о коихъ говоритъ Гольцманъ,

какъ еще незапамятный дотолѣ Галилей, предъ избранною мудростію университетовъ, представителями ученыхъ обществъ и толпами народа, побѣдоносно опровергъ теорію Аристотеля о паденіи тѣлъ. *Митчелли*: «Небесныя свѣтила». Изд. 3-е. Москва. 1868. Стр. 77—78.

важно не однимъ только своимъ количествомъ; оно имѣетъ значеніе въ отношеніи къ разсматриваемому предположенію по своему авторитету: такъ можно думать, и— по справедливости. Уже одно то, что каждая изъ предшествовавшихъ теорій „начинала, по словамъ Гольцмана, съ извѣстной внѣшней точки опоры“, какъ, напримѣръ, свидѣтельства преданія и п.,—уже это одно сравнительно много говоритъ какъ въ пользу значенія большинства изслѣдователей, такъ и противъ теоріи Гольцмана. Но нѣкоторыя теоріи не только начинали съ внѣшней точки опоры—свидѣтельства преданія или самыхъ Евангелій, но и предпосылали общія историческія соображенія въ пользу своего извѣстнаго принципа, какъ это очевидно, напримѣръ, въ теоріи Эвальда. Такія теоріи, въ этомъ отношеніи, по праву могутъ быть признаны совершеннѣйшими, нежели теорія самого Гольцмана. А если предшествовавшія, среннительно въ этомъ отношеніи лучшія, теоріи обнаружили свою несостоятельность и общее предположеніе, принятое ими, осталось неоправданнымъ, то такое обстоятельство съ своей стороны еще болѣе лишаетъ научнаго значенія теорію Гольцмана, которая начинается прямо и только съ того неоправданнаго предположенія. И если эта теорія, указывая на большинство изслѣдователей, коими ея исходное предположеніе было принято, но не оправдано, тѣмъ самымъ ставитъ это свидѣтельство большинства противъ самой себя; то это, противорѣчащее ей, свидѣтельство получаетъ теперь еще большее значеніе, когда самое большинство изслѣдователей въ данномъ случаѣ авторитетнѣе, нежели Гольцманъ.

Можетъ быть для мнѣнія Гольцмана имѣетъ значеніе то обстоятельство, что большинство изслѣдователей очень велико,—„приблизительно всѣ?“... Не правда, не только не „приблизительно всѣ“, но и неизвѣстно даже сколько, неизвѣстно съ точностію—болѣе-ли число такихъ изслѣдователей, которые принимаютъ письменные

источники синоптиковъ, или меньшее. Гольцманъ не даетъ такого точнаго свѣдѣнія объ этомъ и не можетъ дать; потому что едвали можно прослѣдить всю литературу вопроса на разныхъ языкахъ и статистически-точно знать, какого мнѣнія объ этомъ предметѣ, напримѣръ, всѣ французскіе и англійскіе ученые; трудно съ точностію опредѣлить и самую близость, о которой говоритъ Гольцманъ, даже въ средѣ собственно нѣмецкихъ ученыхъ³¹⁷⁾.

Если, такимъ образомъ, нельзя сказать съ точностію—большинство или меньшинство принимаетъ основное предположеніе Гольцмановой теоріи, то значеніе успокоительнаго завѣренія, какое предлагаетъ авторъ, теряетъ свою важность.—Какъ будто въ пользу того же исходнаго предположенія говоритъ еще то, что это большинство составляютъ изслѣдователи „новаго времени“. Но почему теорія даетъ значеніе согласію въ этомъ пунктѣ изслѣдователей именно новѣйшихъ?—Напередъ слѣдовало бы показать, что труды этихъ новѣйшихъ изслѣдователей совершеннѣе предшествовавшихъ имъ. Извѣстно, напротивъ, что многіе новѣйшіе изслѣдователи во взглядахъ

317) Вотъ, напримѣръ, изслѣдователи, не признающіе такого предположенія и утверждающіе происхожденіе Евангелій на основаніи устнаго преданія: Herder, — *Regel der Zusammenstimmung unserer Evangelien*, 1797. Ecker mann, — *Theologische Beiträge*. Bd. V; und *Erklärung aller dunkeln Stellen d. N. T.* 1806—8. Kaiser, — *Biblische Theologie*.—Въ-особенности Gieseler, — *Über die Entstehung und frühesten schicksale der Schrift Evangelien*. 1818. Sartorius, — *Drei Abhandlungen über wichtige Gegenstände der exegetischen und systematischen Theologie*. 1820. F. J. Schwarz, — *Neue Untersuchungen über das verwandtschaftsverhältniss d. Evangelien*. 1844. Tiersch, — *Versuch. und d. Kirche im Apost. Zeitalter*. 1852. Meyer, — *Zeitschrift für die Protestantische Theologie*, — и многіе другіе.

своихъ на данный предметъ имѣютъ сходство со своими предшественниками и обнаруживаютъ въ своемъ дѣлѣ такіе же недостатки, какіе имѣютъ изслѣдователи старѣйшіе, такъ что о новѣйшихъ произносится тотъ же приговоръ, что и объ ихъ предшественникахъ. Такъ „Эйхгорнова гипотеза Первоевангелія, говорить, на примѣръ, Бауръ (Тюбингенскій), происхожденіе нашихъ Евангелій основывается на бездушномъ механизмѣ, заставляя составителей ихъ сидѣть надъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ писанныхъ свитковъ, чтобы изъ существовавшихъ уже писаній составить новыя. Она полагаетъ, что сдѣлала все, чего только можно желать, если о каждомъ отдѣленіи нашихъ Евангелій умѣетъ сказать, что оно заимствовано или изъ Древнѣйшаго Евангелія, или изъ Собранія притчей, первоначальнаго или измѣненнаго, или изъ книги „Вышей исторіи“, или даже изъ 6, 7, 8-й неизвѣстныхъ книгъ. Положимъ, что со всѣми этими книгами случилось то, что полагаютъ; что же узнано чрезъ это?... Получается въ итогѣ только агрегатъ матеріаловъ, который накопляется механическимъ способомъ атомистическихъ соединеній, и форма обработки котораго является только случайностію; но гдѣ же творческій духъ, который проникалъ данную матерію, одушевлялъ и давалъ единство цѣлому?—Этотъ вопросъ на этомъ пути всегда останется безъ отвѣта“³¹⁸⁾. Таково мнѣніе Баура объ Эйхгорновой гипотезѣ.—„Эвальдъ, говоритъ потомъ Гэрике, конечно, проще и естественнѣе воспроизводитъ Эйхгорнову гипотезу, когда онъ отъ такъ-называемыхъ имъ древнѣйшихъ Евангелистовъ чрезъ Марка и Матѳея до Луки проводитъ 9-ть Евангельскихъ переработокъ, между которыми Маркъ занимаетъ третье, Матѳея—пятое, наконецъ, Лука—девятое мѣсто. Еще болѣе

318) Гэрике, — Введеніе въ II. — Заб. кн. Св. II. Т. I. Стр. 96.

упрощаютъ Эвальдово предположеніе Гольцманъ, Вайцсеккеръ и др. Но всѣ эти гипотезы страдаютъ обоими главными недостатками гипотезы Эйхгорновой. Вымыпляютъ Первоевангеліе, Собраніе рѣчей, 6-ю, 7-ю, 8-ю книгу, изъ которыхъ должны были произойти первыя три Евангелія, и принимаютъ это за аксіому, а между тѣмъ для всѣхъ постороннихъ людей остается рѣшительно непостижимымъ, почему они пренебрегаютъ всѣми историческими свидѣтельствами. И эти гипотезы, какъ и Эйхгорнова, видятъ въ Евангеліяхъ только историческій матеріалъ, который отъ критика получаетъ форму и видъ, а самъ по себѣ лишенъ смысла. За что Бауръ упрекаетъ вообще цѣлое направленіе, то относится столько же и къ дочерямъ, сколько и къ матери“³¹⁹⁾. Подобные отзывы можно находить не только у людей противной стороны, какъ Бауръ, Гэрике и др., но и у самого Гольцмана. Говоря въ пользу своего первоисточника—А, онъ выражается такъ: „если нашъ первоисточникъ по своему объему менѣе, нежели представленный Блэгомъ (также новѣйшій изслѣдователь!); то съ другой стороны онъ представляетъ и не такое краткое писаніе, какъ нищенская схема Эйхгорна (т. е. Urevangelium) или еще болѣе (!) недостаточное Евангеліе Филиппа, предполагаемое Эвальдомъ“³²⁰⁾.—Или, предлагая читателямъ результатъ своей теоріи, Гольцманъ говоритъ: „считаемъ нужнымъ замѣтить, что этотъ результатъ рекомендуется по своей простотѣ предъ безконечными цѣпями, которыя ковали приверженцы старой теоріи Первоевангелія, такъ же какъ и недавніе, иногда чисто количественно относящіеся къ труду, какъ, на примѣръ, Эвальдъ и другіе, которые стараются указать, сколько было письменныхъ источниковъ“³²¹⁾. Всѣ они недостаточны, потому что въ

319). Гэрике, — Введеніе. Стр. 96—97.

320) Holtzmann, — S. 102.

321) Holtzmann, — S. 168.

ихъ изслѣдованіяхъ обнаруживается тотъ же способъ и характеръ, какой, на примѣръ, у Эвальда,—они также признаютъ много источниковъ.... По этому очевидно, что новѣйшіе изслѣдователи въ сравненіи съ своими предшественниками еще не отличаются много и существенно въ своихъ общихъ взглядахъ на дѣло, не представляютъ сравнительно большихъ достоинствъ; по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія и по словамъ самого Гольцмана, это—такъ. Новѣйшіе изслѣдователи новы только по времени появленія ихъ трудовъ, а не по характеру ихъ мнѣній: въ этомъ отношеніи они также стары, какъ ихъ предшественники. По Гольцману слѣдуетъ, что Эвальдъ и Эйхгорнъ одинаковы въ данномъ отношеніи. И если эти новѣйшіе изслѣдователи ушли впередъ во многихъ частностяхъ своихъ теорій, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ общемъ, въ признаніи того, что въ основаніи синоптиковъ лежитъ одно писаніе (*Urevangelium*, или *Ur-marcus*, или Евангеліе Филиппа, или А)—въ этомъ согласны новѣйшіе изслѣдователи со своими предшественниками. Поэтому Гольцманъ всего менѣе могъ въ данномъ случаѣ сослаться на новѣйшихъ изслѣдователей, говоря: „въ этомъ (общемъ и основномъ предположеніи) насъ усиливаетъ то соображеніе, что приблизительно всѣ новѣйшіе изслѣдователи здѣсь согласны...“ Они дѣйствительно согласны, но—не новы!—Если же Гольцманъ сослался на новѣйшихъ изслѣдователей, не желая вспомнить о прежнихъ, то этимъ онъ свидѣтельствуетъ, что авторитетъ прежнихъ палъ и не имѣетъ значенія. А если теперь новѣйшіе въ данномъ положеніи согласны со старѣйшими; то, значитъ, Гольцманъ самъ даетъ приговоръ и новѣйшимъ, которые согласны со старѣйшими, къ каковымъ относится его приговоръ, конечно—*implicite*. Такъ, Гольцманъ самъ осуждаетъ собственное свое указаніе на новѣйшихъ изслѣдователей данного вопроса.—Такъ какъ, потомъ самъ Гольцманъ въ своемъ мнѣніи согласенъ съ новѣйшими изслѣдователями, а эти согласны со старѣй-

шими; то, осуждая послѣднихъ *implicite*, а первыхъ прямо и открыто, онъ осуждаетъ вмѣстѣ съ ними и самого себя, именно свое исходное предположеніе и въ этомъ пунктѣ—всю свою теорію.

Остается еще предположить, что подъ новѣйшими разумѣются изслѣдователи самаго послѣдняго времени; но и тогда трудно представить, кого именно разумѣетъ Гольцманъ. Болѣе извѣстные изслѣдователи данного вопроса о происхожденіи Евангелій въ самое послѣднее время суть самъ Гольцманъ, Вейцсеккеръ и Клостерманъ,—съ 1863—1867 г. Но, не говоря уже объ ихъ предшественникахъ, какъ Гривбахъ и другіе, сами они, будучи самыми послѣдними изслѣдователями данного вопроса, обнаруживаютъ тѣ же недостатки, въ коихъ упрекаютъ другихъ. Такъ Гольцманъ относитъ Эвальда къ числу послѣдователей Эйхорнова мнѣнія и даже съ преувеличеніемъ упрекаетъ своихъ предшественниковъ въ „кованіи безконечныхъ цѣпей“ источниковъ, но не замѣчаетъ, что самъ онъ страдаетъ тѣми же недостатками,—ведетъ дѣло изслѣдованія въ томъ же духѣ и въ томъ же общемъ видѣ. И дѣйствительно: онъ принимаетъ положеніе, общее всѣмъ его предшественникамъ,—что сродство Евангелій указываетъ на ихъ основное писаніе; а потомъ онъ развиваетъ это положеніе подобно своимъ предшественникамъ и, на примѣръ, Эвальду. Именно, Гольцманъ упрекаетъ Эвальда въ томъ, что онъ предполагалъ такіе мелкіе источники, какъ Евангеліе Филиппа (хотя этотъ упрекъ Гольцмана рѣшительно несправедливъ) или Книга высшей Ев. исторіи, которую онъ согласенъ признать явленіемъ чисто субъективнымъ, результатомъ какого-то загадочнаго исканія чего-то въ потемкахъ, и со словъ Кастлина прямо относитъ её къ области басенъ³²²). Между тѣмъ самъ находится „вынужденнымъ“ признать

322) Holtzmann, —S. 168.

кроме двух главных источников—А и Λ еще „неопределенное, хотя во всякомъ случаѣ не значительное число (2-хъ или 3-хъ) весьма небольшихъ записокъ“³²³). Какъ именно велико число этихъ записокъ, Гольцманъ не опредѣляетъ, потому что самъ этого не знаетъ. Если положить, что эти „нѣсколько“ отрывки были въ числѣ, напримѣръ, трехъ, то данное число небольшихъ писаній будетъ равно VI, VII и VIII-й Ев. книгамъ Эвальда.—Слѣдовательно, не только новые, но и новѣйшіе изслѣдователи, даже самъ Гольцманъ, не ушли отъ своихъ предшественниковъ, и—не только въ самомъ общемъ предположеніи письменныхъ источниковъ, но и въ общемъ характерѣ,—въ духѣ и формѣ дѣла, даже въ частномъ примѣненіи своихъ общихъ принциповъ. И если, напримѣръ, Эвальдъ относится Гольцманомъ къ послѣдователямъ Эйхгорновой теоріи, потому что онъ предполагаетъ „цѣль источниковъ“—Евангеліе Филиппа,—VI, VII и VIII-ю книги Ев. исторіи, Книгу высшей Ев. исторіи, и пр., то потому же должно отнести къ числу оныхъ и самого Гольцмана, который принимаетъ источники А, Λ и нѣкоторое даже неопределенное число небольшихъ писаній, конечно, подобныхъ VI, VII и VIII-й книгамъ, принятымъ въ теоріи Эвальда. Такъ Гольцманъ самъ себя ставитъ на-равнѣ съ Эвальдомъ и вмѣстѣ съ нимъ становится на одну линію съ послѣдователями Эйхгорновскаго взгляда, т. е. является устарѣлымъ во взглядѣ и характерѣ, а тѣмъ болѣе въ общемъ положеніи изслѣдованія и въ признаніи компилятивности за характеромъ синоптическихъ Евангелій. А такъ такъ Гольцманъ указываетъ только на новѣйшихъ изслѣдователей и тѣмъ самымъ *implicite* осуждаетъ ихъ предшественниковъ; то, при рѣшеніи даннаго вопроса, будучи согласенъ, какъ съ тѣ-

323) Holtzmann,—S. 168.

ми, такъ и съ другими во многомъ существенномъ и несущественномъ, онъ осуждаетъ самъ себя.

Если указаніе на новѣйшихъ изслѣдователей съ той стороны, что они принимаютъ письменные источники, не оправдываетъ исходнаго положенія Гольцмана, именно потому, что это положеніе, собственно говоря, принадлежитъ старѣйшимъ изслѣдователямъ и, какъ такое, *implicite* осуждается самимъ же Гольцманомъ: то разсматриваемое указаніе теряетъ всякое свое значеніе для исходнаго пункта теоріи Гольцмана, наконецъ, еще болѣе потому, что самые новѣйшіе изслѣдователи даннаго вопроса, явившіеся послѣ Гольцмана и Вэйцсеккера, вполне отрицаютъ это положеніе,—косвенно или прямо. Таковы Герике и Эбрардъ³²⁴). Вотъ что говоритъ первый изъ нихъ: „не согласна съ характеромъ первыхъ временъ распространенія христіанства мысль, будто исторія Иисуса Христа съ самаго же начала должна была явиться въ письменномъ видѣ, хотя эта исторія несомнѣнно была главнымъ предметомъ устной Евангельской проповѣди и хотя она непремѣнно должна была сдѣлаться со временемъ главнымъ предметомъ и будущей христіанской письменности. Совершенно вѣроятно, по крайней мѣрѣ, что доколѣ живы были ближайшіе очевидцы, которые большею частію были сами свидѣтелями событій со времени крещенія Иоаннова, не было никакого основанія предпочитать письменное свидѣтельство, хотя бы начертанное самими Апостолами, ихъ живому устному слову.—Проповѣдь очевидцевъ въ собраніи вѣрующихъ образовала такимъ образомъ первоначальное устное Евангеліе,—*λογος, κηρυγμα, λογος ακοης* и пр.“³²⁴). Вотъ такому-то изслѣ-

324) Мы разумѣемъ собственно *dritte Auflage der wissenschaftliche Kritik der evangel. Geschichte*,—Ebrad's. 1868. S. 964—1060.

324) Герике,—Введеніе. Стр. 79 и 97.

дователю и подобнымъ ему другимъ „остается рѣшительно непостижимымъ, почему «другаго рода изсѣдователи» пренебрегаютъ всѣми историческими свидѣтельствами“³²⁵). Нельзя думать, чтобы такой упрекъ, какой содержится въ этомъ сужденіи Гэрике,—что нѣкоторые неосновательно начинаютъ прямо съ предположенія письменныхъ источниковъ,—не былъ извѣстенъ и Гольцману, нельзя, потому что высказанное Гэрике въ сущности есть тоже, что говорили Бауръ, Шлейермахеръ и Штраусъ. Бауръ, разсматривая характеръ теорій заимствованія справедливо возражалъ: „положимъ, что со всѣми этими книгами VI, VII, VIII-й и под., случилось то, что полагаютъ; что же узвано чрезъ это?... получается въ итогъ только агрегатъ матеріаловъ, который накопляется механическимъ путемъ атомистическихъ соединеній и форма обработки котораго является только случайностію; но гдѣ же творческій духъ, который проникалъ данную матерію, одушевлялъ и давалъ единство цѣлому? Этотъ вопросъ на этомъ пути всегда (и у Гольцмана) остается безъ отвѣта. Потому новѣйшая критика всѣмъ этимъ попыткамъ, въ которыхъ, какъ въ вѣчномъ кругѣ, такъ долго кружились безъ особеннаго успѣха, ведущаго къ цѣли, положила конецъ тѣмъ, что поставила главный вопросъ не въ матеріалахъ, которыхъ писатели Евангелій искали тутъ или тамъ, но въ духѣ и характерѣ писателей Ев. исторіи“³²⁶). Въ виду этого, Гольцману скорѣе слѣдовало бы въ характерѣ самыхъ новѣйшихъ изсѣдованій найти побужденіе для себя представить объясненіе въ пользу своего исходнаго положенія,—скорѣе это, нежели ссылаться на нихъ, какъ на большинство.

Такъ Гольцманъ предварительнымъ историко-критическимъ обзоромъ и разборомъ предшествующихъ теорій

³²⁵) Тамъ же.

³²⁶) Гэрике,—Введеніе. Стр. 96.

дастъ приговоръ ихъ общему и своему основному предположенію. Онъ не указываетъ въ пользу этого исходнаго положенія своей теоріи никакого достаточнаго основанія, хотя и чувствуетъ, что оно должно быть здѣсь, потому что самъ указываетъ на большинство новѣйшихъ изсѣдователей, принимающихъ и тѣмъ, какъ будто, утверждающихъ предположеніе о письменныхъ источникахъ синоптиковъ. Въ-замѣнъ достаточнаго основанія и при немъ оправданія общаго своего положенія Гольцманъ *implicite* даже осуждаетъ и другихъ, и себя за подобное положеніе, осуждая косвенно характеръ и методъ новѣйшихъ изсѣдователей³²⁷).

³²⁷) Здѣсь мы должны замѣтить, что Гольцманъ рѣшается слѣдовать принципамъ и методу теоріи *письменнаго* Первеевангелія только потому, что синоптики *поразительно* сходны между собою, какъ въ общемъ, такъ и въ частномъ содержаніи и его изложеніи, и уже только это одно служить для Гольцмана достаточнымъ основаніемъ признавать компилятивный характеръ синоптиковъ. Онъ разсуждаетъ объ этомъ именно такъ: «Если учительная дѣятельность Иисуса Христа, безъ всякаго сомнѣнія, дѣлилась мѣстно (*ortlich*) и временно (*zeitlich*), то откуда же произошло, что синоптики излагаютъ ее въ однихъ и тѣхъ же рамкахъ? Если Онъ, безъ сомнѣнія, держалъ неисчислимыя рѣчи, то почему всѣ Синоптики ограничиваются *почти* однимъ и тѣмъ же выборомъ ихъ? Если Иисусъ исцѣплялъ такъ много больныхъ, то почему всѣ три Синоптика сообщаютъ допиковые примѣры? Если Онъ призывалъ «горе» на Хоразинъ и Вивсаиду, то почему Матѣей: гл. XI, 21—24 ст. и Лука: гл. X, 13—15 ст. оба приводятъ только слова Христа, но ни тотъ, ни другой не указываютъ никакихъ дѣлъ, которыя заслуживали это «горе»?—Ясно, заключаетъ Гольцманъ, что эти факты основываются на литературномъ подражаніи (*Anordnung*), на зависимости синоптиковъ отъ одного, уже оформленнаго повѣствовательнаго типа (*Erzählungstypus*)... Изъ этого (величайшаго сходства синоптиковъ), по Гольцману, выходитъ, что о такомъ происхожденіи синоптиковъ, при которомъ каждый изъ ихъ составителей писалъ-бы независимо отъ другихъ, не можетъ быть болѣе и рѣчи. Скорѣе критика должна показать, какія именно были умѣстны отношенія между ними, дабы ихъ поразительное взаимное сходство было понятно (стр. 11—13-я).—Однако, ничего такого не слѣдуетъ изъ указанныхъ фактовъ. Можно принять, что всѣ эти факты зависятъ отъ *одного* типа Ев. повѣствованій; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что этотъ типъ разсказа былъ именно *письменнымъ*. Нѣтъ, несправедливо думаетъ Гольцманъ, что синоптики излагаютъ ученіе Иисуса Христа въ однихъ и тѣхъ же «рамкахъ»; только о весьма немногихъ можно выразиться приблизительно, а неточно такъ, и о весьма многотъ нельзя. Для большей части содержанія синоптическихъ Евангелій Гольцманъ самъ признаетъ недостаточнымъ предположить существованіе только одного источника,—для удобнѣйшаго объясненія различій въ содержаніи Евангелій Матѣея и Луки отъ Евангелій Марка онъ предполагаетъ еще другой источникъ, котораго, впро-

Слѣдовательно, исходная мысль теоріи Гольцмана, мнимый результатъ его предварительной критики, что „отношеніе сродства синоптиковъ указываетъ на общее и основное для нихъ писаніе“, эта мысль—предвзятая, ни на чемъ достаточно не основанная, самимъ Гольцманомъ *implicite* осужденная и рѣшительно отрицаемая нѣкоторыми новѣйшими и самыми позднѣйшими изслѣдователями вопроса о происхожденіи Евангелій.

чемъ, не требуется, такъ какъ изреченія, содержащіяся въ этихъ Евангеліяхъ и относившіяся ко второму источнику, изложены весьма разнообразно, а не въ однихъ и тѣхъ же «рамкахъ». Гольцманъ говоритъ въ-частности: а) что «рѣчи изложены почти одни и тѣ же»... Но это «почти» рѣшительно говоритъ противъ него; потому что общихъ рѣчей у синоптиковъ очень мало, далеко не столько, сколько принадлежитъ отдѣльно тому или другому изъ нихъ, что очевидно въ синоптическихъ таблицахъ. Тоже должно сказать б) относительно разсказовъ о чудесахъ. Наконецъ, в) Гольцманъ обращаетъ свое вниманіе еще на то обстоятельство, что Матвей и Лука, помѣстивъ въ своихъ Евангеліяхъ призваніе «горя» на Хоразина и Висаиду, оба не указываютъ, самыхъ дѣлъ, заслуживающихъ это «горе». Почему же, однако, они должны были указывать эти дѣла? Евангелисты воспроизводятъ точно только слова самого Христа и при томъ относящіяся къ будущей судьбѣ Хоразина и Висаиды. Евангелисты желали только воспроизвести точно то, что говорилъ Спаситель; и если Онъ Самъ не указывалъ никакого дѣла въ-частности, то не указывали и они.—Впрочемъ, и при этомъ Спаситель Самъ указываетъ то дѣло, которымъ вызывалось «горе», это—нераскаянность городовъ Хоразина и Висаиды. Если же это сходство Евангелій такъ поразительно для Гольцмана, то существуетъ такое же и различіе между ними. Гольцманъ самъ говоритъ: «но согласіе въ изложеніи дѣла (содержанія Евангелій), какъ и въ отдѣльныхъ извѣстіяхъ, трудно выяснитъ, и эта трудность увеличивается еще отъ того обстоятельства, что часто въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, по которымъ можно заключать о взаимномъ отношеніи отдѣльныхъ Евангелій, представляются *поразительныя* различія, которыя часто доходятъ до видимыхъ или дѣйствительныхъ (?) противорѣчій (стр. 13-я)».—Слѣдовательно, если величайшее сходство Евангелій, по мнѣнію Гольцмана, говоритъ о компилятивномъ отношеніи ихъ писателей; то величайшее же различіе ихъ, по нашему мнѣнію, говоритъ, на-оборотъ, о независимости ихъ одного отъ другаго при письменномъ изложеніи Ев. исторіи. Иначе говоря, сходство Евангелій, какъ такое, еще не говоритъ о компиляціи именно письменнаго источника.

XI.

Положеніе, что теорія Гольцмана начинается съ предвзятой мысли, можетъ быть оправдано и становится вполне вѣрнымъ при разсмотрѣніи его дальнѣйшаго изслѣдованія.—Можно ли на самомъ дѣлѣ указать первоисточники Евангелій въ ихъ настоящемъ каноническомъ текстѣ и тѣмъ оправдать предвзятую мысль, что когда-то были записи А и Л?

Если нѣтъ историческаго или другаго какого-либо внѣшняго свидѣтельства о томъ, что было когда-то важное писаніе, „основное для всей послѣдующей Евангельской письменности“; то слѣдуетъ найти ясное указаніе на то въ самомъ текстѣ синоптическихъ, въ отношеніи къ предполагаемому основному писанію компилятивныхъ, Евангелій, чтобы съ достовѣрностію сказать, что относится къ основному писанію и что нѣтъ. Въстѣ съ тѣмъ требуется выразить отчетливо тотъ критерій, на основаніи котораго можно и нужно группировать извѣстные отрывки синоптиковъ для составленія того или другаго источника ихъ. Это требованіе должно быть дѣйствительнымъ и важнымъ въ виду аналогичныхъ изслѣдованій, напримѣръ, о составѣ такъ называемыхъ „лѣтописныхъ сводовъ“ въ сферѣ исторической литературы вообще и нашей отечественной въ частности. Здѣсь только по не-

сомнительным признакамъ опредѣляютъ компилятивность „свода“³²⁸). Но есть ли у Гольцмана такіе несомнительные признаки, которые уполномочивали бы его опредѣлять компилятивный составъ синоптиковъ? Можетъ ли онъ указать хотя одинъ литературный памятникъ, существовавшій отдѣльно отъ синоптиковъ, содержавшій извѣстныя

328) Выяснимъ этотъ весьма важный пунктъ подробнѣе въ слѣдующемъ примѣрѣ. Такъ, нашъ отечественный ученый историкъ *Бестужевъ-Рюминъ*, разсматривая составъ русскихъ лѣтописей и между прочимъ «Повѣсти Времянныхъ лѣтъ», говоритъ:

«Внимательное изученіе текста „Повѣсти“ давно уже указало на многія литературныя произведенія, вошедшія въ ея составъ. Къ счастью для изслѣдователей, нѣкоторыя изъ нихъ сохранились въ отдѣльности; есть несомнительныя признаки, что существовали и другія...» Исно, что г. Б.-Рюминъ сначала указываетъ дѣйствительное существованіе отдѣльныхъ записей, кои вошли въ составъ лѣтописей; потомъ уже приступаетъ къ анализу прочихъ частей „состава“ лѣтописи. «Такъ, продолжаетъ историкъ, въ рассказѣ о Васильѣ читаемъ: мнѣ ту суцу Володимери, въ одну ночь присла по мя князь Давыдъ... и рече ми... да се, Васплю, шлю ти, иди къ Василькови, тезу своему...» Въ томъ, что этотъ рассказъ вставленъ, нѣтъ, говоритъ Б.-Рюминъ, никакого сомнѣнія: нѣтъ изъ событій, въ немъ повѣствуемыхъ, передаются далѣе, подъ другими годами, въ отдѣльныхъ лѣтописныхъ замѣткахъ и т. п. — Доказывать, говоритъ критикъ, что этотъ рассказъ вставленъ позднѣе, мы пока не имѣемъ никакихъ основаній: онъ существуетъ во всѣхъ главныхъ спискахъ „Повѣсти“, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, и т. д.» Признавая по несомнительнымъ признакамъ компилятивный характеръ лѣтописи, Б.-Рюминъ имѣетъ основанія опредѣлить и нѣкоторые источники ея. «Очерчивая характеръ первоначальной лѣтописи, мы, говорятъ критикъ, уже имѣли случай коснуться отдѣльныхъ сказаній, служившихъ ея источниками, и даже отчасти видѣли источники и лѣтописныхъ замѣтокъ,—указывая на тѣ отдѣльныя сказанія, которыя или до сихъ поръ сохранились въ отдѣльности, или носятъ несомнительныя слѣды этой отдѣльности... По лѣтописнымъ записямъ „повѣсти“, какъ и по подробнымъ сказаніямъ можно, говоритъ изслѣдователь, заключить, что она составлена изъ различныхъ источниковъ, даже въ разныхъ мѣстахъ писанныхъ. Такъ рассказъ о проповѣди св. Апостола Андрея противорѣчитъ названію Ап. Павла учителемъ славянъ и заявленію, что Апостолы не учили на Руси; упоминаніе о Переяславлѣ при Олегѣ противорѣчитъ извѣстію о построеніи его при Владимірѣ; не одинъ лѣтописецъ два раза упоминаетъ о первомъ набѣгѣ Печенеговъ; въ „Повѣсти“ мы читаемъ: Родимичи... платятъ дань Русѣи, повозъ везутъ до сего дне». М. П. Погодинъ основательно замѣчаетъ по этому случаю, что этого «не могло быть написано Несторомъ, ибо Родимичи, принадлежавшіе это писано до Ярослава; о первомъ приходѣ Половцовъ говорится также два раза, какъ и о первомъ приходѣ Печенеговъ; конечно не одинъ и тотъ же лѣтописецъ записалъ, что Всеславъ носить „язвено“—до сего дне» и упомянулъ о его смерти.—Какъ разсмотрѣніе этихъ противорѣчій, заканчиваетъ изслѣдователь, такъ и простое соображеніе, что нельзя одному человѣку на пространствѣ столькихъ лѣтъ записать всѣ событія—такъ долго жить человѣкъ не можетъ—давно уже повело къ заключенію о существованіи какихъ-либо записокъ, которыми пользовался лѣтописецъ». *Б.-Рюмина*: О составѣ русскихъ лѣтописей. Сл.б. 1868. Стр. 2—3.

событія Ев. исторіи и вошедшій въ составъ Евангелій въ качествѣ источника? Есть ли въ самыхъ Евангеліяхъ указанія или даже намеки на то, что они составлены на основаніи записей? Есть ли въ нихъ явныя и непримиримыя противорѣчія, свидѣтельствующія (будто-бы) о разныхъ записяхъ противорѣчащихъ извѣстій? Есть ли, наконецъ, хотя какой либо намекъ на предполагаемый компилятивный составъ синоптическихъ Евангелій въ церковномъ преданіи?—Нѣтъ и нѣтъ. Ни одному изъ подобныхъ требованій не отвѣчаетъ теорія.

Гольцманъ утверждаетъ, что „сходство всѣхъ трехъ синоптическихъ Евангелій указываетъ на общее и основное для нихъ писаніе“. Этимъ предполагается, что если есть сходство и въ двухъ письменныхъ извѣстіяхъ, то они суть также компиляціи; а это предполагаетъ для нихъ одинъ и тотъ же, именно письменный, источникъ. А этимъ, далѣе, предполагается, что одно и то же не можетъ быть сходно записано разными лицами независимо другъ отъ друга или отъ общаго имъ источника и непосредственно. Несправедливость такого предположенія доказывается тѣмъ, что какъ логически, такъ и психически всегда возможно двумъ, тремъ и многимъ лицамъ запомнить то, настолько и такъ, что, насколько и какъ запоминать одно извѣстное лицо. А если многое могутъ запомнить многіе и одинаково, то и записать то, что одинаково помнится, могутъ многіе, а потому и записи могутъ быть сходны многія. Одинъ наставникъ, рассказывая нѣсколькимъ ученикамъ объ одномъ и томъ же историческомъ событіи, при внимательномъ слушаніи съ ихъ стороны, естественно встрѣчаетъ однообразный раз-

31—32. 33—35. Такъ существованіе отдѣльныхъ записей, внесенныхъ въ лѣтописи, повтореніе въ ней однихъ и тѣхъ же рассказовъ, явныя и непримиримыя противорѣчія, длинный періодъ времени повѣствуемыхъ событій—вотъ признаки и основанія компиляціи „сводовъ“. Приложимо-ли все это къ Синоптикамъ?—Ничто и никакъ!—

сказъ, много или совершенно сходный даже въ выраженiяхъ, а тѣмъ болѣе въ мысляхъ и порядкѣ ихъ расположенiя съ тѣмъ, что и какъ говорилъ самъ. Необходимо сходныя по этому и записи слушателей еще не будутъ свидѣтельствовать о компиляци и общемъ непремѣнно письменномъ источникѣ ихъ. Поэтому-то заключать такъ: Матеей, Маркъ и Лука одинаково передаютъ известное событiе; слѣдовательно, они переписали его съ одной и той же готовой записи,—нельзя. Они могли записать одинаково известное событiе на основанiи общаго устнаго источника, который между прочими признаетъ и самъ Гольцманъ. Почему же Гольцманъ отъ схода заключаетъ именно къ компилятивности въ собственномъ смыслѣ, когда идетъ дѣло о происхожденiи синоптиковъ?—это неизвѣстно. Поэтому предположенiе письменнаго источника синоптиковъ на основанiи ихъ схода не имѣетъ научнаго значенiя.

Если же предположить общiй письменный источникъ, то, по теорiи, можно ли доказать, что онъ общiй именно для трехъ, а не для двухъ, и основной не для одного изъ нихъ, а для всѣхъ?—Нѣтъ, хотя теорiя признаетъ его общимъ для всѣхъ трехъ. Почему нельзя предположить, что если и существовалъ письменный источникъ, то имъ воспользовался только одинъ изъ Евангелистовъ, а этимъ другой, а послѣднимъ третiй,—или: первоисточникомъ непосредственно пользовались два Евангелиста, а этими—третiй; или: не написалъ-ли два синоптическихъ Евангелiя одинъ авторъ для разныхъ цѣлей нѣсколько различно, но какъ одинъ—во многомъ сходно?—Можно полагать такъ или иначе, этому не можетъ препятствовать сходство трехъ синоптиковъ и теорiя Гольцмана, основанная прежде всего и главнымъ образомъ на сходствѣ ихъ. Если, поэтому, нельзя признать предполагаемый источникъ общимъ для всѣхъ трехъ синоптиковъ; то еще менѣе можно утверждать, что онъ долженъ быть для всѣхъ трехъ основнымъ. Общiй порядокъ синопти-

ковъ обусловливается общею у нихъ историческою послѣдовательностию, которая въ частности у каждаго различна, отчего и порядокъ отчасти видоизмѣненъ. Слѣдовательно, по общему сходству синоптиковъ, нельзя заключать ни объ одномъ общемъ, ни объ одномъ основномъ для нихъ письменномъ источникѣ. Напротивъ, понятiе взаимнаго схода синоптиковъ можетъ быть равно твердымъ основанiемъ, напримѣръ, и для такого предположенiя, что всѣ они написаны однимъ авторомъ, но для разныхъ цѣлей, для разныхъ обществъ и лицъ.

Такому предположенiю, съ точки зрѣнiя Гольцмана, могло бы препятствовать только одно обстоятельство,—если бы можно было указать съ буквальною точностию, гдѣ начинается и оканчивается основное писанiе въ каждомъ изъ синоптиковъ. Но, по теорiи, нельзя опредѣлить точно, гдѣ именно должно видѣть самый текстъ источника А, и особенно если имѣются въ виду общiя сказанiя, но, по предположенiю, изложенныя иначе въ каждомъ изъ списковъ съ А, т. е. въ каноническомъ Евангелiи.—„Основное писанiе или А, говоритъ Гольцманъ, какъ подробное или обстоятельное, нельзя получить только чрезъ комбинацию тройственнаго общаго содержанiя синоптическихъ Евангелiй... Что принадлежитъ собственно А, этого нельзя указать съ буквальною точностию...“ Если же такъ, то почему не допустить, что предполагаемое основное писанiе было таковымъ только для двухъ Евангелистовъ, напримѣръ, Матеея и Марка? Съ точки зрѣнiя Гольцмана, это невозможно было бы только тогда, когда бы у нихъ былъ одинъ письменный источникъ, а не два, при которыхъ возможно допустить, что, напримѣръ, Лука пользовался не А, но другимъ, а именно А, который могъ быть сходенъ съ А, и чрезъ А Евангелiе отъ Луки могло быть сходно съ Евангелiями Марка и Матеея, которые пользовались только А. Это возможно тѣмъ болѣе, что Гольцманъ самъ признаетъ еще другаго рода источникъ—устное преданiе, изъ коего Евангелисты могли

займствованы если не буквально сходные по изложению, то хотя по содержанию общие Ев. рассказы. В виду этого, можно думать, что синоптики составлены и таким образом. Один Евангелист, например, Матеей, записал, что мог, на основании устного предания и по собственному воспоминанию. Имъ воспользовался Маркъ именно въ тѣхъ частяхъ исторіи, которыя ему лично были мало извѣстны; при этомъ онъ нѣчто, по разнымъ побужденіямъ, опустил, а нѣчто добавил по собственному воспоминанию или по преданию. Подобнымъ образомъ съ Евангелиемъ отъ Марка могъ поступить Лука: одно опустить, какъ излишнее, или недостаточное для его цѣли, а другое добавить или пояснить. Съ точки зрѣнія Гольцмана, это могло быть и такъ: сходство синоптиковъ этому не противорѣчитъ. Что же принять?—одно несомнѣнно вѣрно, что на основаніи сходства еще нельзя достаточно правильно и научно предполагать одинъ общій письменный источникъ для всѣхъ трехъ синоптиковъ, какъ то дѣлалъ Гольцманъ.

Если нетвердо предположеніе Гольцмана о существованіи письменнаго общаго и основнаго для синоптиковъ первоисточника А; то естественно, что неудовлетворительно его объясненіе и того, какъ составились они на основаніи этого источника,—какъ опредѣлить значеніе его въ отношеніи къ тому или другому Евангелію.—„Мы, говоритъ Гольцманъ, постоянно и основательно убѣждаемся въ томъ, что извѣстный рядъ синоптическихъ отрывковъ слѣдуетъ разсматривать, какъ особенный, общій письменный источникъ.—Уже косвенный сравнительный взглядъ на каноническія Евангелія научаетъ, что почти всѣ отклоненія въ Евангеліяхъ Матеея и Луки отъ установленнаго плана, т. е. порядка, принятаго Маркомъ, имѣютъ свое основаніе въ извѣстныхъ прибавкахъ, которыми надѣлено было дотогѣ краткое Евангеліе—А, т. е. уже со стороны Матеея и Лу-

ки“.—Понятно, это заявленіе Гольцмана можетъ имѣть значеніе только тогда, когда онъ докажетъ напередъ существованіе особаго основнаго писанія А. Иначе, слово „прибавки“—безъ значенія: чьи и къ чему эти прибавки?—Къ первоисточнику А? но еще ни одного слѣда его не открыто. Гольцманъ видитъ въ этихъ „прибавкахъ“ основаніе къ отклоненію синоптиковъ отъ общаго плана. Но откуда видно, что предварительно существовать уже именно общій планъ для всѣхъ синоптиковъ?—по чему можно замѣтить, что они держались этого предварительно даннаго плана, хотя и уклонялись отъ него?—Вмѣсто того, чтобы доказать, что синоптики имѣли предъ собой планъ опредѣленный, основанный на первоисточникѣ, и признавали его обязательнымъ для себя, Гольцманъ прямо во имя его предварительнаго существованія—въ предположеніи—рѣшается объяснять самыя отклоненія отъ него. По его словамъ, прибавки синоптиковъ совершенно понятны при предположеніи А.—Нѣтъ, при этомъ предположеніи еще только можно находить прибавки... такъ какъ доселѣ еще не было основанія извѣстныя особенности того или другаго Евангелія признать именно прибавленіями. Они могутъ быть прибавками къ А, но самый А еще не существуетъ, а только предполагается. Гольцманъ еще только рѣшается опредѣлить А, и для опредѣленія, между прочимъ, намѣренъ указать общій планъ, которому, какъ основному, слѣдуютъ три синоптическія Евангелія. Откуда же явились „прибавки“, когда еще не опредѣленъ общій источникъ, такъ какъ не указано еще даже общаго порядка или плана? Можно признать прибавкой и то, что относится къ основному писанію и займствовано изъ него, напримеръ, Матееемъ, но опущено другими; можно признать отступленіе отъ общаго плана и въ томъ случаѣ, когда, напримеръ, Матеей ему слѣдуетъ, а другіе опускаютъ, изъ-за прибавокъ или по опущенію нѣкоторыхъ рассказовъ; нельзя, наконецъ, указать, кто изъ Евангелистовъ слѣдуетъ общему

плану, когда всё они переставляют рассказы, и т. д. Итакъ, есть ли общій планъ синоптиковъ, какъ его опредѣлить, и принять ли онъ ими изъ А?

— „Примѣчательно, говоритъ Гольцманъ, что, не смотря на всё уклоненія и противорѣчія (?), одна нить разсказа проходитъ чрезъ всё три Евангелія и, по правдѣ, это можетъ быть только нить А...“ Но откуда же слѣдуетъ, что эта нить основная для всѣхъ трехъ Евангелій и какъ нить именно А?— На это отвѣчаетъ общій анализъ Евангельскихъ разсказовъ при слѣдованіи ихъ одного за другимъ,—при чемъ обнаруживается, будто бы, первенство Евангелія отъ Марка—по времени его появленія. Предпославъ „предварительную исторію“, Евангелія Матѳея и Луки начинаютъ, какъ и Евангеліе отъ Марка, съ разсказа о служеніи Иоанна Крестителя и слѣдуютъ потомъ порядку А до обстоятельствъ открытой дѣятельности Христа въ Галилеѣ,—порядку, который впервые нарушается Матѳеемъ, такъ что только Маркъ и Лука разсказываютъ далѣе по нити основнаго писанія. Матѳея непосредственно послѣ разсказа о призваніи старѣйшихъ Апостоловъ излагаетъ (anticipirt) Нагорную проповѣдь, какъ программу открытой учительной дѣятельности Господа, и приводитъ отрывокъ изъ А только прибавочно, безъ порядка и обстоятельности. Но скоро потомъ Матѳея опять склоняется болѣе и болѣе къ порядку А, между тѣмъ какъ Лука, побуждаемый вставкою повѣствованія о входѣ Христа въ Назаретъ, на короткое время впадаетъ въ беспорядочное расположеніе Ев. фактовъ одного за другимъ. Такъ, заключаетъ Гольцманъ, здѣсь ясно оказывается сравнительная первоначальность А, суля по порядку Евангелія Марка, т. е. Евангеліе отъ Марка сравнительно ближе всѣхъ стоять къ А ³²⁹⁾.

329) Holtzmann,—S. 99—100.

„Наибольшая первоначальность этого Евангелія...“ является, очевидно, при сравненіи его съ другими Евангеліями. Но какое же, однако, основаніе полагать, что у нихъ общій порядокъ?—Что синоптики держатся одного общаго порядка А, это требуется доказать предварительно, а потомъ уже—что онъ въ известномъ Евангеліи первоначальнѣе. Между тѣмъ въ теоріи Гольцмана это не такъ. Первоначальность Евангелія Марка основывается на томъ, что Матѳея и Лука уклонились отъ его порядка въ нѣкоторыхъ пунктахъ. Такъ полагаетъ Гольцманъ; но можно думать иначе, и, на примѣръ, такъ: не Матѳея и Лука уклонились отъ Марка, а Матѳея и Маркъ отъ Луки, при чемъ Матѳея многое прибавилъ и опустилъ, а Маркъ немногое измѣнилъ и многое опустилъ, и т. п. Поэтому порядокъ предполагаемаго А не будетъ общимъ для синоптиковъ, такъ какъ онъ можетъ быть усвоенъ кому либо изъ трехъ Евангелистовъ-синоптиковъ, а не прямо А, съ которымъ, по Гольцману, почти отождествляется Евангеліе отъ Марка. Это мнѣніе не противорѣчитъ общему характеру теоріи и принципу заимствованія. А если это возможно, то, наоборотъ, невозможно признать строго научнымъ предыдущее, противорѣчащее этому, соображеніе, и—тѣмъ болѣе, что Гольцманъ самъ выставилъ на видъ всю независимость Евангелій Матѳея и Луки отъ плана Евангелія Марка въ данномъ отдѣлѣ Евангельской исторіи. Матѳея и Лука разсказываютъ исторію Спасителя до вступленія Его на открытое служеніе не такъ, какъ Маркъ. Они говорятъ о Крестителѣ, но много подробнѣе, нежели Маркъ. Испытаніе Иисуса Христа Матѳея и Лука также подробнѣе разсказываютъ, нежели Маркъ. О проповѣднической дѣятельности Иисуса Христа и о призваніи старѣйшихъ Апостоловъ всё три Синоптика разсказываютъ опять неодинаково. Здѣсь различіе у нихъ заключается въ полнотѣ и порядкѣ разсказа, въ изложеніи и размѣщеніи фактовъ. Если есть что общаго всѣмъ тремъ, такъ это—одинако-

вая послѣдовательность разсказа объ искушеніи Спасителя, что изложено прямо за разсказомъ о крещеніи Его, и—только. Но ужели только на томъ основаніи, что три Евангелиста однажды сходятся въ порядкѣ повѣствованія о Ев. событіяхъ, слѣдуетъ думать, что они стоятъ въ компилятивной зависимости отъ одного, общаго и основнаго для нихъ порядка особаго письменнаго первоисточника А?—Нѣтъ; это всегда можно объяснить и безъ предположенія общаго письменнаго источника, строго-точнымъ соотвѣтствіемъ историческаго разсказа самому ходу дѣйствительныхъ событій. Евангелисты Матѳеи, Маркъ и Лука послѣ разсказа о крещеніи Иисуса Христа одинаково непосредственно разсказываютъ объ искушеніи Его въ пустынь: но почему же не различно?—На это прямой отвѣтъ находится въ самомъ текстѣ Евангелій. „Немедленно послѣ того, т. е. послѣ крещенія Господа во Иорданѣ, Духъ ведетъ Его въ пустыню,“—для искушенія отъ діавола... Мр. гл. I. ст. 12; ср. Мѳ. IV, 1.—Если же искушеніе Христа послѣдовало за крещеніемъ Его дѣйствительно немедленно, т. е. между крещеніемъ Господа и восхищеніемъ Его въ пустыню еще ничего особенно примѣчательнаго не произошло; то Евангелисты, держась въ изложеніи Ев. событій общаго историческаго порядка, должны были всѣ за крещеніемъ непосредственно говорить объ искушеніи Иисуса Христа. Опустить такое событіе, какъ искушеніе Христа, нельзя было по его чрезвычайности и догматической величайшей важности. А если, поэтому, слѣдовало говорить о немъ, то непременно и непосредственно послѣ разсказа о крещеніи; такъ какъ между тѣмъ и другимъ ничего инаго не слѣдовало и не должно было разсказывать: искушеніе Иисуса Христа послѣ Его крещенія послѣдовало немедленно, *εὐθὺς* ³³⁰). Такимъ образомъ изъ то-

330)—*εὐθὺς* и по изданію Tischendorf'a: *Novum Testamentum graece*, Mar. 1, 12.

го, что Евангелисты въ первомъ отдѣлѣ своей исторіи въ одномъ пунктѣ изложенія разсказовъ сходны, еще никакъ не слѣдуетъ, что они во всемъ этомъ отдѣлѣ стоятъ въ компилятивной зависимости отъ основнаго, внѣшняго для нихъ, письменнаго источника—А.

Независимость синоптиковъ отъ повѣствовательнаго порядка А несомнѣнна далѣе еще болѣе, потому что послѣ повѣствованія объ искушеніи Христа они расходятся въ порядкѣ изложенія Ев. разсказовъ. Матѳеи говоритъ о поселеніи Иисуса Христа въ Капернаумъ; Маркъ прямо о призваніи Апостоловъ при морѣ Галилейскомъ; Лука передаетъ проповѣдь и событіе въ синагогѣ Назаретской: Потомъ: Матѳеи передаетъ Нагорную бесѣду; Маркъ говоритъ о проповѣди въ Капернаумѣ и объ исцѣленіи бѣсноватаго; Лука—о прибытіи Спасителя въ Капернаумъ и о томъ же исцѣленіи. Далѣе: Матѳеи, послѣ Нагорной бесѣды, разсказываетъ объ исцѣленіи прокаженнаго; Маркъ—объ исцѣленіи тещи Симоновой; Лука—о томъ же исцѣленіи. Наконецъ: Матѳеи—объ исцѣленіи слуги сотника Капернаумскаго; Маркъ—о прокаженномъ; Лука передаетъ чудесный ловъ рыбы. Гдѣ же общность плана и главное—его первоначальность?—Повидимому и самъ Гольцманъ сознаетъ, что здѣсь нѣтъ общности, когда говоритъ: „порядокъ Марка нарушается Матѳеемъ, который вставляетъ Нагорную проповѣдь, какъ программу открытой учительной дѣятельности Господа, и приводитъ отрывокъ изъ А только прибавочно, безъ порядка и обстоятельности“ ³³¹). Нарушеніе порядка Евангелія Марка у Матѳея дѣйствительно есть, если представлять его общимъ. Но нельзя признать его въ собственномъ смыслѣ нарушеніемъ, ибо еще не доказано существованіе общаго, нарушаемаго порядка; не такъ должно представлять происхожденіе этого, собственно говоря, не-

331) Holtzmann,—S. 99.

сходства въ порядкѣ, какъ представляетъ Гольцманъ. Онъ думаетъ, что Матѳеѣй держится того же повѣствовательнаго порядка, какъ и Маркъ, — что порядокъ Марка *implicite* остается и въ Евангеліи отъ Матѳея, но только повидимому нарушается вставкой Нагорной проповѣди, какъ учительской программы. Непонятно, однако, что здѣсь чѣмъ доказывается: нарушение плана вставкой, или — вставка общимъ планомъ? — Принять, что планъ въ Евангеліяхъ Матѳея и Марка общій, по Гольцману, можно, такъ какъ Нагорная проповѣдь и исцѣленіе прокаженнаго — у Матѳея вставка; а представляется это вставкой потому, что вообще предполагается одинъ планъ у всѣхъ синоптиковъ... Нѣтъ, это несправедливо, и — потому, что Нагорная бесѣда не программа учительской дѣятельности Иисуса Христа, а дѣйствительное историческое событіе въ Его жизни ³³²). Такъ объ этомъ рассказываетъ самъ Ев. Матѳеѣй: „слѣдовало за Нимъ, т. е. Иисусомъ, множество народа изъ Галилеи и Десятиградія, и Иерусалима, и Иудеи, и изъ-за Иордана. Увидѣвъ народъ, Онъ взошелъ на гору; и когда сѣлъ, приступили къ Нему ученики Его. И Онъ, отверзши уста Свои, училъ ихъ“: Мѳ. IV, 25—V, 1—2. Такъ Нагорная бесѣда, очевидно, есть событіе историческое, какъ въ Евангеліи отъ Луки — Проповѣдь въ синагогѣ Назаретской (у Іоанна — бесѣды съ Никодимомъ и самарянякой), — событіе, о которомъ не рассказываетъ Ев. Маркъ. Ев. Матѳеѣй, однако, не этой только „программой“ различается отъ Марка, а именно порядкомъ историческаго разсказа, какъ указываетъ на то самъ Гольцманъ. Матѳеѣй послѣ Нагорной проповѣди рассказываетъ объ исцѣленіи прокаженнаго, потомъ — о слугѣ сотника Капернаумскаго. А Маркъ — иначе, — о бѣсновла-

332) — Въ противномъ случаѣ трудно доказать, говорить Гольцманъ, что Христосъ говорилъ такія длинныя рѣчи. — А съ точки зрѣнія Гольцмана трудно представить — что же слушалъ народъ отъ Господа, оставаясь съ Нимъ по цѣлымъ днямъ въ пустынь?

томъ, о тещѣ Симона и потомъ уже о прокаженномъ, — тогда какъ Матѳеѣй рассказываетъ о тещѣ Сионовои уже послѣ того, какъ разсказалъ объ исцѣленіи слуги сотника Капернаумскаго. Маркъ, далѣе, рассказываетъ о разслабленномъ въ Капернаумѣ и т. д. И такъ, держится ли Матѳеѣй порядка, принятаго Маркомъ, или — что одно и то же — А? — Очевидно, нѣтъ; и это такъ ясно, что даже самъ Гольцманъ невольно говоритъ: „Матѳеѣй... приводитъ отрывки изъ А безъ порядка и обстоятельности, *nachträglich und ohne Ordnung und Vollständigkeit*“... По крайней мѣрѣ, у Матѳея не тотъ порядокъ, что у Марка или въ А.

Понятно, здѣсь Гольцманъ самъ отрицаетъ свое мнѣніе: если Матѳеѣй не держится порядка Марка, т. е. А, а поэтому только и слѣдовало бы заключать о существованіи А, то значить, что А не существуетъ, — судя по независимости отъ него Матѳея въ данномъ отношеніи. — Для Матѳея не было первоисточника А, такъ какъ онъ не имѣетъ даже и одного порядка съ тѣмъ, какой находится въ Евангеліи отъ Марка и тождественъ съ А.

Такъ, общій послѣдовательный обзоръ перваго отдѣла Евангельской исторіи у Синоптиковъ не открываетъ существовавшаго когда-то общаго и основнаго для нихъ порядка, а вмѣстѣ съ тѣмъ письменнаго источника, которому принадлежитъ этотъ порядокъ А ³³³).

Еще менѣе оправдывается теорія Гольцмана въ данномъ отношеніи анализомъ разсказовъ слѣдующаго отдѣла Евангельской исторіи у синоптиковъ. — „Наконецъ,

333) Относительно Евангелія Луки въ этомъ отдѣлѣ должно сказать тоже, что и о Евангеліи отъ Матѳея, если самъ Гольцманъ выражается о немъ такъ: „Лука, побуждаемый вставкою повѣствованія о входѣ Христа въ Назаретъ, на короткое время впадаетъ въ столь же беспорядочное размѣненіе фактовъ... — Что же дѣйствительно и какъ именно побуждаетъ обоихъ Матѳея и Луку отступать отъ такого авторитетнаго источника какъ А? — Если Луку — вставка разсказа о входѣ въ Назаретъ, то Матѳея — что? — то же «вставка»? — Впрочемъ, та или эта, но несомнѣнно, что Матѳеѣй и Лука *отступаютъ* отъ плана А...

говоритъ Гольцманъ, при разсказѣ о насыщени 5000 человекъ, опять сходятся вмѣстѣ всѣ три Синоптика; но потомъ только Матеей и Маркъ совершенно гармонируютъ другъ съ другомъ, между тѣмъ какъ Лука оставляетъ общій съ ними порядокъ, до тѣхъ поръ, пока при изложеніи исповѣданія Ап. Петра опять не входитъ въ связь первоисточника А: онъ твердо держится связи А до конца Галилейской дѣятельности Господа, а потомъ съ началомъ большой вставки: гл. IX, 51 ст. и сл. опять опускаетъ эту связь. Только съ разсказа о благословеніи дѣтей Лука снова становится параллельнымъ А, за исключеніемъ немногихъ вставокъ и пропусковъ³³⁴). Такъ излагаетъ исторію Лука; а Матеей?—о немъ умалчиваетъ Гольцманъ. Онъ не говоритъ о Матееѣ, какой у него порядокъ, поставивъ это дѣло на второй планъ фразой: „Матеей и Маркъ совершенно гармонируютъ другъ съ другомъ“—послѣ повѣствованія о насыщени 5000 человекъ. Нѣтъ, такой гармоніи между ними не находится. Матеей говоритъ о насыщени 5000 человекъ; Маркъ—о томъ, какъ Иисусъ училъ народъ притчами. За тѣмъ Матеей говоритъ о чудесномъ хожденіи Господа по водамъ; Маркъ—о томъ же. Потомъ, Матеей передаетъ бесѣду Иисуса Христа съ Иерусалискими книжниками о преданіи старцевъ; Маркъ—объ исцѣленіи бѣсноватаго, вышедшаго изъ гробовъ. Далѣе, Матеей разсказываетъ о женщинѣ хананеянкѣ; Маркъ—объ исцѣленіи дочери начальника синагоги Іаира, и т. п. Такое отношеніе Евангелія Матеея къ Евангелію Марка говоритъ прямо противъ компилятивной зависимости одного Евангелія отъ другаго, и— Матеея отъ А,—въ порядкѣ размѣщенія Ев. событій. Впрочемъ, говоря строго, тоже оказывается и въ отношеніи Луки къ Марку. По выраженію Гольцмана, Лука то вполне нарушаетъ связь А, то держится оной,

334) Holtzmann, —S. 99—100.

то снова вполне опускаетъ ее, то опять остается параллельнымъ Евангелію Марка, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вставокъ и пропусковъ... Конечно, изъ того, что Лука такъ сильно и много нарушаетъ порядокъ Марка, а Матеей совершенно отстываетъ отъ него, слѣдуетъ, что нѣтъ для нихъ общей или основной нити разсказа, или связи А.—Однако, по Гольцману, это—не такъ. „Изъ всѣхъ такихъ явныхъ нарушеній порядка въ повѣствованіи у Марка нѣтъ никакого. Слѣдовательно, у него мы, заключаемъ Гольцманъ, смѣло можемъ предположить вѣрную послѣдовательность первоначальнаго контекста и потомъ изложить въ этомъ контекстѣ не только эти три общія части въ данномъ отдѣлѣ, но и всѣ, кои имѣетъ только Маркъ,—тѣмъ болѣе, что причина опущенія ихъ у другихъ Евангелистовъ ясно очевидна; сюда же должно отнести и тѣ немногіе отрывки, которые находятся только у Матеея или только у Луки...“ Неправильность этого умозаключенія Гольцмана очевидна: нѣкоторыхъ частей Евангелія отъ Марка не находится въ Евангеліяхъ отъ Матеея и Луки, а нѣкоторыя расположены у нихъ не такъ, какъ у Марка; это, думаетъ Гольцманъ, произошло оттого, что въ размѣщеніи сходныхъ разсказовъ Матеей и Лука отступаютъ отъ Марка по яснымъ, будто бы, причинамъ, а порядокъ Марка остается первоначальнымъ, такъ какъ онъ измѣняется Матееемъ, напримѣръ, по причинѣ вставки Нагорной проповѣди, и т. п., чего нѣтъ въ Евангеліи Марка. Но у Марка есть также такіе отдѣлы повѣствованія, которыхъ нѣтъ у Матеея?—Эти отдѣлы не препятствуютъ Гольцману признать за Евангеліемъ Марка первенство по времени составленія его, такъ какъ они, будто бы, опущены другими, а въ его Евангеліи остаются въ твердой преемственной связи. Ясно, что можно съ равнымъ правомъ сказать тоже и относительно Евангелія Матеея; именно: Матеей имѣетъ первоначальный порядокъ, который измѣняется Маркомъ, такъ какъ Маркъ опустилъ, напримѣръ, Нагорную бесѣду, на-

ходящуюся у Матѳея и т. д., и вставилъ нѣкоторыя отрывки, только ему принадлежащія, и т. д. Гдѣ же первоначальный порядокъ у Марка или Матѳея? Очевидно, нѣтъ твердаго основанія сказать—у котораго именно. У Марка нѣтъ такихъ нарушеній порядка А, какія находятся у Матѳея,—Евангеліе Марка первоначальное; но и у Матѳея нѣтъ такихъ нарушеній порядка А, какъ у Марка,—Евангеліе Матѳея первоначальное: почему же можно узнать, гдѣ порядокъ А, и кто изъ Евангелистовъ отъ него отклоняется: Матѳея и Лука—отъ Марка, или Матѳея и Маркъ—отъ Луки, или Маркъ и Лука—отъ Матѳея?—

Какая бы не была связь разсказовъ въ Евангеліи Марка—первоначальная или не-первоначальная,—одно только остается несомнѣнно вѣрнымъ, что эта связь у него не общая съ другими Синоптиками, которые независимы отъ нея. А изъ того, что она не общая, конечно, слѣдуетъ, что Синоптики въ размѣщеніи своихъ разсказовъ не отклоняются отъ А и его основной нити, и не зависятъ отъ него въ порядкѣ изложенія своего содержанія. И это вѣрно—тѣмъ болѣе, что нить разсказа въ Евангеліи отъ Марка никакъ нельзя признать первоначальною даже и по тѣмъ соображеніямъ, какія предлагаетъ теорія. „Во всѣхъ, видимыхъ у Матѳея и Луки, явныхъ нарушеніяхъ исторической связи Евангелія Марка, самъ Маркъ не имѣетъ никакого“... Однако, при этомъ не доказано, что тѣ разности, какія имѣетъ въ виду Гольцманъ, суть дѣйствительно отклоненія именно отъ первоначальнаго контекста Евангелія Марка или А, такъ какъ не доказано еще, что Маркъ представляетъ первоначальную связь А въ отношеніи къ Матѳею и Лукѣ. Иначе говоря, здѣсь *circulus in demonstrando*. Первоначальность связи въ Евангеліи Марка слѣдуетъ изъ того, что оно не имѣетъ ни одного изъ всѣхъ, видимыхъ у Матѳея и Луки, уклоненій отъ порядка А; между тѣмъ самое понятіе отступленій или нарушеній оправдывается перво-

начальностію Евангелія Марка; слѣдовательно, одно положеніе основывается на другомъ, но ни то, ни другое отдѣльно Гольцманомъ не доказаны.—Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ признать предположеніе первоначальности въ размѣщеніи разсказовъ у Марка недоказаннымъ. Наконецъ, самое желаніе Гольцмана—изложить въ связи Евангелія Марка нѣкоторыя отрывки, общія всѣмъ Синоптикамъ или двумъ изъ нихъ—Матѳею и Лукѣ, свидѣтельствуетъ только о томъ, что они изложены не въ общей съ нимъ связи, независимо отъ него; связь въ повѣствованіи Марка для нихъ не первоначальная, они ее не измѣняютъ, потому что отъ нея не зависятъ. Слѣдуетъ вообще замѣтить, что на основаніи двухъ или трехъ извѣстныхъ отрывковъ, хотя бы они въ каждомъ Евангеліи стояли одинаково, одинъ за другимъ,—чего, однако, нѣтъ на самомъ дѣлѣ,—нельзя заключать, что порядокъ Евангелій, содержащихъ данныя отрывки между многими другими, собственно имъ принадлежащими, одинъ и тотъ же,—что собственно нить разсказа одна, а все остальное уклоненія отъ нея,—что эта нить принадлежитъ А. Заключать такъ нельзя тѣмъ болѣе, что и сходные разсказы размѣщены не въ одинаковой послѣдовательности одинъ за другимъ въ каждомъ изъ синоптиковъ.—Такъ изъ разсмотрѣнія и втораго отдѣла синоптическихъ разсказовъ слѣдуетъ, что Матѳея и Лука въ порядкѣ изложенія ихъ не зависятъ отъ предполагаемаго А или Марка. А если Гольцманъ изъ зависимости Синоптиковъ отъ основной нити разсказа Евангелія Марка или А заключаетъ къ зависимости ихъ отъ этого именно источника и по содержанію: то, наоборотъ, отъ независимости ихъ въ своемъ повѣствовательномъ порядкѣ отъ Марка или А должно заключать къ ихъ самостоятельности по содержанію.

Зависимость Синоптиковъ отъ А по содержанію—что предполагаетъ Гольцманъ—скорѣе, полнѣе и яснѣе должна бы обнаружиться въ томъ изъ нихъ, который ближе стоитъ къ А и по порядку, и по содержанію своему: въ

которомъ же изъ синоптиковъ и какъ опредѣляется содержаніе А?—По Гольцману, „ни который изъ синоптиковъ не представляетъ собою А. Маркъ по крайней мѣрѣ нѣчто опускаетъ, Матѳеи и Лука видоизмѣняютъ его и привносятъ разсказы изъ другихъ источниковъ. Это должно было имѣть своимъ необходимымъ послѣдствіемъ нарушеніе общей связи. Правда, такія видоизмѣненія не проникали въ существенный корень дѣла, однако они были такъ значительны, что безъ Евангелія Марка, которое только одно вполне вѣрно держится основной нити разсказа, нельзя довольно легко составить представленія о дѣйствительномъ ходѣ Евангельской исторіи.“—Но если съ одной стороны Маркъ не представляетъ собою первоисточника А и, какъ другіе, видоизмѣняетъ его, хотя это видоизмѣненіе состоитъ только въ сокращеніяхъ; а съ другой стороны и видоизмѣненія, сдѣланныя Матѳеемъ и Лукой проникаютъ „до самаго корня“: то слѣдуетъ, что основное писаніе—А измѣнено въ синоптикахъ именно въ самомъ корнѣ. Какъ же, имѣя въ виду такую коренную перемѣну А въ синоптикахъ, судить о томъ, что Маркъ, Матѳеи и Лука стоятъ въ зависимости отъ А,—въ той или другой степени?—Если, по Гольцману, вставки, какія находятся у Матѳея и Луки, должны были весьма значительно измѣнять порядокъ повѣствованія А; то, конечно, подобное слѣдствіе должно быть и отъ пропусковъ. А такъ какъ Маркъ, по теоріи, долженъ былъ многое опускать, то слѣдуетъ, что и онъ многое долженъ былъ измѣнять въ порядкѣ А. Если же такъ, то у котораго изъ Синоптиковъ находится планъ, точнѣе соответствующій порядку А—не доказано, и не можетъ быть извѣстно, потому что при этомъ вмѣстѣ съ точностію соответствія исчезаетъ и самое А. Въ самомъ дѣлѣ еще неизвѣстно, въ какомъ видѣ и порядкѣ оно предлежало Синоптикамъ; а чрезъ это является невозможность опредѣлить—въ какомъ отношеніи (близости и пр.) каждый изъ

нихъ стоялъ къ А,—такому первоисточнику, который и въ порядкѣ, и по виду почти въ корнѣ измѣненъ.

Если нельзя точно опредѣлить порядка А и отношеній къ нему Синоптиковъ, то, конечно, нельзя сказать, въ какой мѣрѣ далеко Евангелія Матѳея, Марка и Луки уклонились отъ А. Если же это такъ, то остается дѣйствительно и единственно вѣрнымъ только одно положеніе Гольцмана, что „ни который изъ синоптиковъ не представляетъ собою А“. Если Гольцманъ и старается опредѣлить ихъ отношеніе, то въ результатъ получается однако опять неопредѣленность: „Маркъ нѣчто опускаетъ... Матѳеи и Лука прибавляютъ...“ Но какъ и сколько?—опредѣленно неизвѣстно. Или, такъ еще соображаетъ Гольцманъ: „особенность каждаго Евангелиста состоитъ частію въ особенной фактической или словесной обработкѣ (варіаціи А), частію въ самостоятельно составленныхъ рѣчахъ, притчахъ и разсказахъ...“ но въ какой именно мѣрѣ велико было личное участіе каждаго Евангелиста въ обработкѣ первоисточника?—опять неизвѣстно. Слѣдовательно, поэтому еще нельзя отрицать самостоятельность „каждаго“ изъ Синоптиковъ.

Но если неизвѣстны мѣра и степень зависимости Евангелій Матѳея, Луки и даже Марка отъ А; то можно ли, однако, предполагать самую зависимость ихъ, хотя и не въ опредѣленной мѣрѣ для каждаго Синоптика?—Гольцманъ предполагаетъ, что Маркъ немного измѣнилъ А (Ur-marcus) и, слѣдовательно, по его Евангелію можно судить о зависимости другихъ синоптиковъ отъ основнаго источника. Въ самомъ дѣлѣ представляется, если Матѳеи и Лука „богаты особенностями словесной и фактической обработки Ев. исторіи и самостоятельно составленными рѣчами, притчами, разсказами“, а вслѣдствіе этого и порядкомъ изложенія отличаются отъ А; то, конечно, Евангеліе Марка, имѣющее всего такого весьма немного и почти вполне все принятое Матѳеемъ, стоитъ ближе къ А (Ur-marc'у). Однако, само по себѣ

мнѣніе Гольцмана о близости Евангелія Марка къ А требуетъ основаній. Должно опредѣлить, насколько именно оно близко, если извѣстно, что въ немъ многое опущено?—Насколько въ немъ точнѣе прочихъ сохранился порядокъ А, если извѣстно, что оно само также не представляетъ собою А, какъ и другія Евангелія, имѣющія содержаніе А въ большей мѣрѣ?—Если Евангелія Матѳея и Луки, содержащія полнѣе матерію А, хотя въ иномъ порядкѣ, не представляютъ собою А, то Евангеліе Марка не уклоняется ли еще болѣе, нежели они отъ А (Ur-mark'a), такъ какъ оно содержитъ А въ меньшей мѣрѣ, нежели прочіе синоптики?—Подобныя соображенія побуждаютъ признать вполне неопредѣленнымъ отношеніе каноническаго Евангелія отъ Марка къ предполагаемому его источнику—А (или Ur-mark'у). При неопредѣленности же отношенія ихъ, нельзя опредѣлить и самую зависимость (Verwandtschaftsverhältniss); а при этомъ, наконецъ, нельзя опредѣлить, въ какой мѣрѣ самостоятельно то или другое синоптическое Евангеліе въ отношеніи къ А (Ur-mark'у).

Что же, послѣ этого, говорить за самостоятельность или компилятивную зависимость синоптиковъ отъ Евангелія Марка или А?—только одно сходство нѣкоторыхъ разсказовъ, общихъ тремъ Евангелистамъ. Но сходство можетъ служить основаніемъ къ предположенію и нѣсколькихъ письменныхъ источниковъ, существовавшихъ, напримѣръ, даже въ числѣ всѣхъ сходныхъ Ев. разсказовъ: можно думать, что сходные разсказы заимствованы изъ многихъ, отдѣльно существовавшихъ, частныхъ записей (*διηγησις πολλων*), коими пользовались Матѳей, Маркъ и Лука, а не изъ одного только А. Слѣдовательно, предположеніе Гольцмана о зависимости синоптиковъ отъ А не имѣетъ научнаго основанія, такъ какъ предположеніе самаго А легко устраняется другимъ предположеніемъ многихъ источниковъ, подобныхъ предполагаемому А.

Этотъ выводъ еще болѣе представляется справедливымъ, если имѣть въ виду, что и самое сходство далеко отъ тождества, по чему между прочимъ можно было бы думать о рѣшительной независимости синоптиковъ отъ общаго источника, и даже самого Марка отъ А (Ur-mark'a).—Измѣненіе А въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка должно предполагать весьма значительнымъ, если извѣстно, что Ев. Маркъ, вслѣдствіе опущенія нѣкоторыхъ разсказовъ, долженъ былъ измѣнять порядокъ и даже содержаніе другихъ разсказовъ, оставшихся послѣ опущенныхъ имъ,—сохраняя свой общій характеръ — краткость ³³⁵).

Если каноническое Евангеліе отъ Марка стоитъ ближе другихъ къ первоисточнику А, какъ полагаетъ Гольцманъ; то эта близость А къ Евангелію Марка, а съ нею и зависимость его отъ А, должны быть болѣе всего видны въ тѣхъ разсказахъ, которые находятся у трехъ синоптиковъ и при томъ расположены синоптически въ одномъ порядкѣ,—что свидѣтельствуетъ, по Гольцману, именно о первоначальномъ видѣ такихъ разсказовъ и въ чемъ, будто-бы, очевидно предварительное и самостоятельное существованіе А. Это тѣмъ болѣе должно быть справедливымъ, что Маркъ, по Гольцману, только опускаетъ нѣкоторые разсказы, сравнительно съ другими синоптиками. Конечно, близость и тождество синоптиковъ необходимо должны быть въ пунктахъ преимущественно

335) Здѣсь мы имѣемъ въ виду Евангеліе Марка, ибо Матѳей и Лука, по словамъ Гольцмана, слишкомъ далеки отъ А, почему и судить объ А по нимъ достаточно основательно нельзя. Если же и Маркъ, самый ближайшій къ А, можетъ оказаться очень далеко уклонившимся отъ общаго источника, то и вся теорія, основанная, въ данномъ пунктѣ, на близости Марка къ А, будетъ уже необязательна въ своихъ выводахъ. Теперь видно, что Маркъ измѣняетъ порядокъ А (Ur-mark'a), но по содержанію онъ остается въ зависимости отъ него; если же онъ и здѣсь окажется независимымъ, то А—не источникъ для синоптиковъ.—О сравнительно большемъ или меньшемъ уклоненіи синоптиковъ отъ А см. Holtzmann'a, S. 104—105.

важныхъ, если ихъ сравнивать съ другими во всей послѣдующей Ев. исторіи, изложенной синоптиками и будто бы заимствованной ими изъ А. Но вотъ такой важный пунктъ, именно исторія искушенія Иисуса Христа. Здѣсь сходятся все три Евангелиста и взаимно параллельны, — при изложеніи событія держатся одного порядка, т. е. помѣщаютъ рассказъ объ искушеніи послѣ рассказа о крещеніи. Однако, не смотря на чрезвычайность и великую догматическую важность событія искушенія, Маркъ рассказываетъ далеко неодинаково съ Матѳеемъ и Лукою. Тѣ подробно и обстоятельно передаютъ это событіе, а Маркъ въ высшей степени кратко. Если предположить для синоптиковъ общій источникъ А и въ этомъ пунктѣ, то какъ опредѣлить отношеніе каждаго изъ нихъ къ этому источнику?—Если предположить, что искушеніе было рассказано такъ кратко, какъ у Марка, въ самомъ А; то трудно объяснить большую полноту и большое сходство въ рассказахъ о томъ же Матѳея и Луки. Если принять, что полнота рассказа имѣетъ источникомъ преданіе церковное, то значить А восполнялся такимъ преданіемъ; такъ что нельзя отдѣлить его содержанія отъ элементовъ церковнаго устнаго преданія и—опредѣлить его составъ и видъ. Если принять, что сходство рассказовъ объясняется заимствованіемъ, напримѣръ, Матѳея у Луки или на-оборотъ; то это уничтожаетъ всю теорію въ ея принципѣ, такъ какъ тогда о самомъ А (Urmars'ѣ) не можетъ быть и рѣчи, — уже рѣшительно нельзя будетъ опредѣлить кто и что, какъ и у кого заимствовалъ. Скорѣе, по Гольцману, слѣдуетъ думать, что въ основаніи Евангелій Матѳея и Луки лежитъ А; и слѣдовательно Маркъ въ этомъ пунктѣ сокращаетъ А (Urmars'a). При этомъ однако, является еще большее затрудненіе. Почему Маркъ сократилъ столь важную исторію, если онъ и менѣе важные событія излагалъ также полно, какъ и другіе Евангелисты, напримѣръ, испѣленіе разслабленнаго въ Капернаумѣ и под.? Почему Маркъ, сокративъ весь рассказъ

объ искушеніи Спасителя въ высшей степени кратко, — такъ что не говорить о троекратности онаго, — оставляетъ менѣе важное замѣчаніе: Иисусъ „былъ тамъ (въ пустынь) со звѣрями“, — такое замѣчаніе, которое даже опущено другими Евангелистами?— Но главное затрудненіе здѣсь состоитъ въ томъ, что Маркъ, сокращая до такой степени А, измѣняетъ его въ данномъ рассказѣ болѣе, нежели Матѳей и Лука. Евангеліе отъ Марка является сравнительно большимъ видоизмѣненіемъ А, нежели Евангелія другихъ Синоптиковъ, — чего, по теоріи, быть не должно ³³⁶). Если же, такимъ образомъ, Маркъ въ тѣхъ рассказахъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ бы въ своемъ Евангеліи представлять А, отклоняется отъ него болѣе, нежели Матѳей и Лука; то, слѣдуетъ, что нѣтъ основанія судить о зависимости отъ А и Марка, и другихъ Синоптиковъ, какъ отъ общаго первоисточника. Каноническія Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки различаются одинъ отъ другаго и въ порядкѣ расположенія, и въ самомъ изложеніи рассказовъ Ев. исторіи. Слѣдовательно, Синоптики самостоятельны и А, какъ письменнаго первоисточника, для нихъ не было.

Въ-частности, самостоятельность главнымъ образомъ Марка тѣмъ несомнѣннѣе, что и самъ Гольцманъ признаетъ за нимъ нѣкоторую особенность, которая говоритъ въ пользу его независимости отъ А.—Если нельзя опредѣлить содержанія А въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка и доказать его зависимость отъ А, съ одной стороны, потому, что Маркъ нѣкоторыя событія, о коихъ говорятъ другіе Синоптики, излагаетъ неодинаково подробно; то, съ другой стороны, нельзя этого сдѣлать потому, что въ Евангеліи отъ Марка находятся нѣкоторые рассказы, только ему принадлежащіе. Откуда они заимствованы?—находились ли—они въ Первоевангеліи?

336) Holtzmann, —S. 104—105.

—если они тамъ были, то почему ихъ опустили другіе Синоптики?—Были, думаетъ Гольцманъ и отчасти указываетъ причины опущенія ихъ другими.

„Марку собственно принадлежатъ только слѣдующіе отрывки его Евангелія: а) вступленіе: I, 1—3;—б) двѣ притчи: IV, 26—29, XIII, 33—37;—в) двѣ исторіи исцѣленія: VII, 32—37. VIII, 22—26;—г) замѣчанія, относящіяся къ исторіи страданія Христа: XI, 18. 19;—д) исторія о нѣкоторомъ юношѣ: XIV, 51. 52;—е) ходатайство Іосифа предъ Пилатомъ: XV, 44. 45;—ж) заключеніе: XVI, 9—11“.—Эти исторіи и замѣчанія были въ А, но ихъ удержалъ только Маркъ; почему же не другіе? На этотъ вопросъ, относительно перваго пункта—вступленія: I, 1—3 ст., Гольцманъ не даетъ никакого отвѣта, говоря только: „это есть именно начало А...“ Относительно двухъ притчей, именно—о сѣмени: IV, 26—29 ст. и о домовладыкѣ, отходящемъ въ путь: XIII, 33—37, Гольцманъ говоритъ: „вмѣсто первой притчи Матѳеей предпочелъ совершеннѣйшую форму той же самой притчи: Мѳ. XIII, 24—30 ст.“—именно притчу о сѣмени и плевелахъ.—Такъ сдѣлалъ Матѳеей; но какъ отнесся къ этой притчѣ Ев. Лука?—Это Гольцману неизвѣстно. Однако, и то, что, по его мнѣнію, Матѳеей сдѣлалъ съ данной притчей, странно.—Если Матѳеей предпочелъ болѣе совершенную форму той же притчи, то слѣдуетъ, что она въ двоякомъ видѣ существовала въ самомъ А. Если же такъ, то для чего въ основномъ источникѣ было двѣ одинаковыхъ притчи и—при совершенной несовершенная по формѣ? Если тамъ были такія двѣ притчи, то почему не поступилъ и Маркъ подобно Матѳею? Если были двѣ притчи, то почему же Лука не воспользовался ни одной изъ нихъ, ни болѣе, ни менѣе совершенной?—Нѣтъ двухъ такихъ притчей въ А не слѣдуетъ предполагать, такъ какъ несовершенная по формѣ при совершенной—лишняя. Нѣтъ, указанныя притчи суть двѣ различныя притчи, а не двѣ формы одной и той же притчи. Въ одной говорится: „царство

небесное подобно человѣку, посѣявшему доброе сѣмя на полѣ своемъ...“ Въ другой: „царство Божіе подобно тому, какъ если человѣкъ броситъ сѣмя въ землю...“ Первая: „когда же люди спали, пришелъ врагъ его, и посѣялъ между пшеницею плевелы и ушелъ...“ Вторая: „и спать, и встаетъ ночью и днемъ; и какъ сѣмя всходитъ и расстѣть, не знаетъ онъ. Ибо земля сама собою производитъ сперва зелень, потомъ колосъ, потомъ полное зерно въ колосѣ... (Мѳ. XIII, 33—37 и Мр. IV, 26—29)“, и т. д. Въ каждомъ такомъ пунктѣ содержанія притчей—совершенной и несовершенной, общими остаются только два понятія „сѣяніе“ и „сѣмя“; но ихъ отношеніе, смыслъ и значеніе въ каждой притчѣ различны, какъ и весь общій характеръ каждой изъ нихъ. Это прямо очевидно въ томъ особенно, что изъясненіе одной притчи: Мѳ. XIII, 24—30 совершенно не соответствуетъ содержанію другой: Мр. IV, 26—29. А если—что весьма неудобно предположить—изъясненіе, содержащееся у Матѳея, относится и къ этой притчѣ; то почему же ни Маркъ, ни Лука не воспользовались такимъ изъясненіемъ?—Нѣтъ, въ изложеніи данныхъ притчей Синоптики совершенно независимы одинъ отъ другаго и всѣ вмѣстѣ отъ А³³⁷). „Другую притчу—о домовладыкѣ, по мнѣнію Гольцмана, Матѳеей, XXIV, 42—51 и Лука, XII, 39—46 ст., равнымъ образомъ имѣють въ совершеннѣйшемъ видѣ“,—совершеннѣйшемъ, нежели Маркъ. Но при этомъ становится еще бо-

337) Правда, Гольцманъ указываетъ причину, почему Лука опустилъ первую притчу (IV, 26—29),—будто бы именно потому, что она «слишкомъ незначительна». Но какое же основаніе такъ говорить, когда извѣстно, что есть болѣе совершенная форма этой же притчи?—Значитъ, и совершенная притча тоже незначительна?—Почему же для Луки казалась значительнѣе притча, напримѣръ, о пропадшей овцѣ, нежели притча о сѣмени и плевелахъ? А эту болѣе совершенную притчу Лука имѣлъ предъ глазами, какъ и Матѳеей въ источникѣ А. Но самъ Лука и сравнительно неважныя притчи записалъ въ своемъ Евангеліи, какъ, напримѣръ, объ овцѣ пропадшей и—что особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи—рядомъ съ ней записалъ еще такую же по смыслу притчу о потерянной драхмѣ. Слѣдовательно, для Евангелистовъ не представлялись подобныя притчи незначительными и не опускались по этой ихъ, будто бы, незначительности.

лѣе непостижимымъ, почему Маркъ, имѣя въ виду—въ источникѣ А—притчу болѣе совершенную, оставилъ ее и взялъ менѣе совершенную. Онъ, конечно, не могъ этого сдѣлать, если зналъ о существованіи болѣе совершенной притчи; по крайней мѣрѣ, такъ должно думать, имѣя въ виду примѣръ Матѳея и Луки въ этомъ отношеніи. Почему только Маркъ, и уже второй разъ, выбираетъ несовершенныя притчи, а совершенныя опускаетъ? Причина этого выбора неизвѣстна, даже и не могло ея быть. Конечно, всякому автору желательно, а Евангелисту необходимо нужно было писать болѣе совершенно и въ лучшемъ видѣ, если это было возможно. Нѣтъ, предположеніе Гольцмана и здѣсь неосновательно и не имѣетъ обязательнаго значенія: ясно, что Синоптики независятъ отъ А въ изложеніи данной притчи.

Различіе синоптиковъ отъ А, по указанію Гольцмана, находится не только въ притчахъ, но и въ рассказахъ.—„Двѣ исторіи, гл. VП, 32—37,—о глухо-нѣмомъ, и гл. VIII, 22—26,—о слѣпомъ, опущены Матѳеемъ и Лукою, потому что они уже много подобнаго рассказали“. Это заявленіе, говоря точно, не менѣе странно, какъ и предыдущее. Прежде всего, если эти исторіи Матѳеемъ и Лукою опущены, то какое же основаніе относить ихъ къ А и не признавать ихъ собственно принадлежащими Марку?—это неизвѣстно. Потомъ, если они были въ А, то зачѣмъ же ихъ опустили Матѳей и Лука?—если потому, что они „подобныхъ исторій рассказали уже нѣсколько“, то этой причинѣ Гольцманъ непосредственно здѣсь же противопоставляетъ еще другую. Онъ говоритъ: „Матѳей, въ XII, 22 и Лука въ XI, 14 ст. воспоминаютъ хотя и нетождественно первую исторію; а второй исторіи не достаетъ у Луки потому, что онъ опустилъ все путешествіе Христа въ Кесарію...“ Очевидно, Матѳей то опустилъ, то воспоминаетъ... и Лука—то опустилъ потому, что многое подобное уже рассказалъ, то потому, что опустилъ все путешествіе въ Кесарію... Такія соображенія, конечно,

весьма нетверды. Въ самомъ дѣлѣ, ужели цѣлый отдѣлъ изъ Ев. исторіи, какъ путешествіе Христа въ Кесарію, Лука долженъ былъ опустить? почему это такъ?—Ужели этотъ отдѣлъ казался ему незначительнымъ (пусть здѣсь таже причина у Гольцмана)?—Нѣтъ, не только всего отдѣла, но даже и указанныхъ исторій, какъ Матѳеей, такъ и Лука не признавали такими. Первая исторія—о глухомъ -косноязычномъ: VII, 32—37 ст. заканчивается словами: „и чрезвычайно дивились (очевидцы чуда) и говорили: все хорошо дѣлаетъ (Иисусъ); и глухихъ дѣлаетъ слышащими и нѣмыхъ говорящими“, —ст. 37-й. То, что всѣмъ очевидцамъ чуда казалось чрезвычайно дивнымъ, ужели только для Евангелистовъ представлялось незначительнымъ?—Нѣтъ!.. Вторая исторія—объ исцѣленіи слѣпаго въ Виѳсаидѣ—именно тѣмъ и замѣчательна, что „подобнаго“ ей ничего нѣтъ у синоптиковъ. Иисусъ, какъ повѣствуетъ Маркъ, плюнувъ на глаза слѣпаго, возложилъ на него руки и спросилъ его, видитъ ли онъ что-либо. Слепой, по дѣйствию Господа, взглянувъ, сказалъ: вижу проходящихъ людей, какъ деревья. Потомъ Иисусъ, опять возложивъ руки на слѣпаго, велѣлъ ему взглянуть. Тотъ исцѣлился и сталъ видѣть ясно,—VIII, 23—25 ст. Это—чудо; а Господь творилъ безчисленное множество чудесъ; но изъ рассказанныхъ у Матѳея и Луки „подобнаго“ нѣтъ. Это не то, что—„хочу, очистишься...“ или „встань, возьми постелю твою и иди въ домъ свой...“ Здѣсь представляется обстоятельно все дѣйствию исцѣленія, которое раздѣляется на два главные момента. Подобнаго описанія чудесныхъ исцѣленій у Матѳея и Луки нѣтъ. И если такое исцѣленіе опустили, на примѣръ, Лука потому, что онъ уже много столь же чудеснаго рассказалъ, то что же особеннаго въ сравненіи съ этимъ исцѣленіемъ слѣпаго въ Виѳсаидѣ представляетъ рассказъ о скорченной: XIII, 10—13, если Лука предпочелъ сказать объ этомъ исцѣленіи, а не о томъ?—На „скорченную“ Иисусъ Христосъ только воз-

ложилъ руки, и она стала пряма. Между тѣмъ исторія „скорченной“ имѣетъ болѣе сходства съ другими Ев. рассказами, сравнительно важнѣйшими, какъ, на примѣръ, съ рассказомъ объ исцѣленіи разслабленнаго въ Капернаумѣ. Рассказъ о скорченной скорѣ могъ казаться излишнимъ, нежели рассказъ объ исцѣленіи слѣпаго въ Висаидѣ. Однако этотъ рассказъ опущенъ Лукою, а объ исцѣленіи скорченной у него повѣствуется³³⁸). Самостоятельность Марка въ изложеніи даннаго разказа очевидна, а при ней и независимость Матѳея и Луки отъ первоисточника А.

При объясненіи слѣдующей особенности Евангелія отъ Марка мысль Гольцмана о „незначительности нѣкоторыхъ исторій“, какъ причинѣ ихъ опущенія тѣмъ или другимъ Евангелистомъ, является еще болѣе смѣлою.— „Замѣчаніе: XI, 18. 19, относящееся къ исторіи страданія Христа, удобно оставлено другими“,—говоритъ Гольцманъ. Судя по названію замѣчаніе (Notition), объясненіе дѣла, по Гольцману, кажется достаточнымъ. Однако, каково это замѣчаніе? Ев. Маркъ передаетъ то, какъ книжники и первосвященники отнеслись къ Иисусу Христу, когда услышали Его свидѣтельство о самомъ Себѣ въ словахъ: „домъ Мой домомъ молитвы нарѣчется... Они, услышавъ это, искали какъ-бы погубить Его: ибо боялись Его, потому что весь народъ удивлялся ученію Его...“ Свидѣтельство это, очевидно, весьма важно, потому что въ немъ выражено мнѣніе всего народа объ Иисусѣ Христѣ—съ одной стороны, а книжниковъ и первосвященниковъ, какъ вождей и представителей всего народа—съ другой; при томъ выражено и отношеніе

338) Можно указать и еще подобный же рассказъ въ Евангеліи отъ Луки, на примѣръ, объ исцѣленіи кровоточивой. Подобныя исцѣленія совершались Господомъ сравнительно скорѣе, и, на примѣръ, потому уже не столь примѣчательны, какъ исцѣленіе слѣпаго въ Висаидѣ.

этихъ сторонъ одной къ другой. Кромѣ того, это „замѣчаніе“ важно потому, что указываетъ на рѣшительный поводъ для народныхъ властей и водителей искать смерти Иисуса. Стѣдовательно, это „замѣчаніе“ въ высшей степени важно; оно было бы необходимо записано Матѳеємъ и особенно Лукою, если бы они нашли его въ первоисточникѣ А, которымъ они будто бы такъ много пользовались. Маркъ, при всей своей краткости, счелъ нужнымъ внести это замѣчательное обстоятельство изъ жизни Господа въ свое Евангеліе; что же препятствовало Матѳею и Лукѣ внести или благопріятствовало имъ опустить такое замѣчаніе?—неизвѣстно.

Но если объясненіе замѣчанія: XI, 18. 19 ст. не совсемъ достаточно въ теоріи; то, съ другой стороны, и не настолько безосновательно, какъ слѣдующее соображеніе. „Ходатайство Іосифа предъ Пилатомъ опущено другими Евангелистами: XV, 44—45,“—говоритъ Гольцманъ. Почему же опущено?—на это въ теоріи Гольцмана нѣтъ никакого отвѣта: оставлены... и—только!—Здѣсь Гольцманъ не указываетъ и на обыкновенно предполагаемый имъ мотивъ опущенія, на незначительность опускаемаго; впрочемъ, здѣсь и нельзя указывать на это: извѣстный поступокъ Іосифа Аримаѳейскаго весьма замѣчательнъ. Это—фактъ, открывающій глубокую и великую вѣру Іосифа въ Господа Иисуса.

Разсматривая послѣднюю особенность Евангелія отъ Марка—его заключеніе, Гольцманъ обращается уже къ новому и какъ-бы болѣе сильному основанію своего мнѣнія.—„Заключеніе—XVI, 12—20 ст. болѣе, нежели сомнительно въ отношеніи подлинности; это—явная комбинація словъ Матѳея и Луки“. Однако, не эти только стихи 12—20, XVI-й гл. составляютъ особенность Евангелія Марка, но и 9—11, XVI-й же гл. Какъ же объяснить эту особенность въ ст. 9—11, XVI-й гл.? Гольцманъ указываетъ только на неподлинность стиховъ 12—20, XVI-й гл. Его заявленіе здѣсь очень важно, но, какъ основаніе

его мнѣнія, оно незначительно.— Отдѣла этого, какъ извѣстно, говоритъ Гольцманъ, нѣтъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, особенно въ такъ называемыхъ Codex Sinaiticus и Codex Vaticanus. Это заявленіе, впрочемъ, не новое и основано на авторитетной критикѣ текста каноническихъ Евангелій. Указанныя рукописи были отлично извѣстны К. Тишендорфу; тѣмъ не менѣе этотъ знаменитый археографъ стихи 9—20, XVI-й гл. внесъ въ свое изданіе Новаго Завѣта на греческомъ языкѣ³³⁹). Слѣдовательно, и самая основательная критика, особенно авторитетная для Гольцмана, не признаетъ вполне возможнымъ совсемъ опустить эти стихи. Но не въ этихъ стихахъ 9—20-мъ, XVI-й гл. вся важность дѣла. Въ XVI-й гл. Маркъ имѣетъ такую особенность, которую Гольцманъ игнорируетъ и, какъ кажется, только потому, что она говоритъ противъ всей его теоріи, особенно противъ предположенія первоисточника А. Эта особенность—ст. 1—8-й, XVI-й же главы; здѣсь повѣствуется о воскресеніи Иисуса Христа. Эти стихи несомнѣнно принадлежатъ Евангелію отъ Марка, даже и по убѣжденію самого Гольцмана; но содѣжаніе ихъ много разнится отъ того, что

339) См. *Novum Testamentum graece*. Этого здѣсь и довольно. Въ оправданіе этого можно сказать слѣдующее. Самъ Тишендорфъ не опускаетъ совсемъ этихъ стиховъ 9—20, XVI-й гл. въ своемъ изданіи по слѣдующимъ общеизвѣстнымъ уже основаніямъ. *Евсевій*, еп. Кесарійскій, свидѣлствуетъ, что стиховъ 9—20, XVI-й гл. Мрк. не было почти во всѣхъ, ему извѣстныхъ, рукописяхъ, но не прямо—во *всѣхъ*; слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ они были. Нѣкоторые изъ этихъ стиховъ вполне или съ небольшимъ измѣненіемъ встрѣчаются въ твореніяхъ Иринея, еп. Лионскаго, Иустина Мученика, Григорія Нисскаго, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ такъ называемыхъ Византійскаго и Египетскаго семейства, въ G, L, потомъ въ D, въ *Peschito*, въ переводѣ *Itala*, у Ипполита, Августина, Льва Великаго и пр. См. объ этомъ у *Ebrard'a*, въ его *d. Wissenschaftliche Kritik der evangelischen Geschichte*. 3—te Auflage. 1868. S. 1022. Въ нашей отечественной литературѣ см. у *Архим. Михаила*, въ его брошюрѣ «О текстѣ Синайской рукописи Библии». Москва. 1863. Стр. 14—18.—Ср. *М. Соболева*,—«Дѣйствительность воскресенія Иисуса Христа». Москва. 1874. Стр. 54.

разсказывается въ параллельныхъ имъ мѣстахъ у Маттея и Луки. Различіе здѣсь такъ велико, что это мѣсто отрицательная критика считаетъ „классическимъ примѣромъ (будто-бы) противорѣчій въ Евангеліяхъ“. Матѳей говоритъ: „Марія Магдалина и другая Марія пришли посмотреть гробъ...“ Маркъ повѣствуетъ: „Марія Магдалина, Марія Иаковлева и Саломія купили ароматы, чтобы идти, помазать Его, т. е. Иисуса“. Матѳей продолжаетъ: „они со страхомъ и радостію побѣжали возвѣстить ученикамъ Его (о воскресеніи)...“ Маркъ свидѣлствуетъ: „и вышедши, побѣжали отъ гроба; ихъ объялъ трепетъ и ужасъ, и никому ничего не сказали, потому что боялись“³⁴⁰). Если это Матѳеемъ и Маркомъ заимствовано изъ одного источника—А, то какъ объяснить самое различіе въ ихъ повѣствованіяхъ?—Какъ произошло то, что Матѳей и Маркъ, имѣя подъ руками одинъ предполагаемый письменный источник—А, говорятъ столь различно объ одномъ и томъ же, весьма важномъ, если не самомъ важномъ, событіи? Если они болѣе сходны другъ съ другомъ въ повѣствованіи объ исцѣленіи расслабленнаго въ Капернаумѣ, то почему же здѣсь они расходятся такъ далеко? Это различіе и въ такой степени не могло быть, если бы Синоптики пользовались только однимъ и

340 Вотъ текстъ Евангелія подробнѣе:

По Матѳею:

«Пришла Марія Магдалина и другая Марія посмотреть гробъ. И вотъ сдѣлалось великое землетрясеніе: ибо Ангелъ Господень, сошедшій съ небесъ, приступивъ, отвалилъ камень отъ двери гроба, и сидѣлъ на немъ. Видъ его былъ, какъ молнія, и одежда его бѣла, какъ снѣгъ. Устрашившись его, стregущіе пришли въ трепетъ и стали какъ мертвые. Ангелъ же, обративъ рѣчь къ женщинамъ, сказалъ: не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса Распятаго. Его нѣтъ здѣсь: Онъ воскресъ, какъ сказали». Мѳ. XXVIII гл. 1—6.

По Марку:

«Марія Магдалина и Марія Иаковлева и Саломія купили ароматы, чтобы идти помазать Его... Приходить ко гробу, при восхождѣ солнца. И говорятъ между собою: кто отвалитъ намъ камень отъ двери гроба? И взглянувъ, увидѣли, что камень отваленъ; а онъ былъ весьма великъ. И вошедши во гробъ, увидѣли юношу, сидящаго на правой сторонѣ, облеченнаго въ бѣлую одежду; и ужаснулись. Онъ же говорилъ имъ: не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина Распятаго: Онъ воскресъ; Его нѣтъ здѣсь. Мр. XVI, 1—6.

прямо письменнымъ источникомъ А: оно объясняется только тѣмъ предположеніемъ, что у нихъ не было подъ руками одного основнаго письменнаго источника.—Такъ въ объясненіи послѣдней особенности Евангелія отъ Марка, какъ и въ предыдущихъ, оказывается и доказывается только независимость Синоптиковъ одного отъ другаго и тамъ, гдѣ они повѣствуютъ объ однихъ и тѣхъ же, хотя бы и самыхъ важныхъ, Ев. событіяхъ. Слѣдовательно, нѣтъ основанія признать общей ихъ компилятивной зависимости отъ А, иначе говоря—они самостоятельны.

Если, не смотря на всю несостоятельность мнѣнія Гольцмана о существованіи первоисточника А, предположить, вмѣстѣ съ нимъ, что каноническое Евангеліе отъ Марка есть именно только видоизмѣненіе (варіація) этого А; то какого рода это видоизмѣненіе, въ какой мѣрѣ, какая цѣль и въ чемъ его значеніе?—„Литературная обработка, которой подвергся А отъ каноническаго Евангелиста Марка, состоитъ именно въ томъ, что Маркъ сократилъ нѣкоторыя рѣчи Христовы и оставилъ незначительно малыя частности въ рассказахъ, допустилъ значительный пробѣлъ, опустивъ Нагорную проповѣдь, и сверхъ того сдѣлалъ нѣкоторыя прибавки ³⁴¹⁾.

Что за цѣль и какое могло быть значеніе такого труда, какъ каноническое Евангеліе отъ Марка?—кому нуженъ былъ такой компилятивный трудъ, если уже суще-

341) Эти, по видимому незначительныя, прибавки суть: гл. I, ст. 7. 13. 20. 33. II, 14. 16. 18. 25. 26. 27. III, 17. 26. IV, 3. 7. 8. 11. 19. V, 13. 19. 23. 34. VI, 3. 13. 37. 48. 50. 52. VIII, 32. 35 (ср. X, 29). 38. IX, 12. у НоItzmann'a. S. 110.—Что же думать о такихъ и подобныхъ весьма многихъ прибавкахъ?—Относительно ихъ можно, говорить Гольцманъ, сомнѣваться. Маркъ ли ихъ прибавилъ или Матоей и Лука ихъ опустили... Между ними есть изъясненія, сдѣланные въ интересѣ опредѣленнаго круга читателей, какъ: VII, 2—4 ст. и под. —То или—другое; но Маркъ, приводя подобныя замѣчанія, долженъ былъ ихъ напередъ знать, независимо отъ А. Въ противномъ случаѣ Ев. Лука, тщательно изслѣдовавшій Ев. исторію, долженъ былъ удержать эти опредѣленные замѣчанія. Или, наоборотъ, Маркъ самъ зналъ точно все, что писалъ въ своемъ Евангеліи.

ствовалъ еще прежде него гораздо подробнѣйшій и лучшій оригиналъ его, каковымъ въ теоріи представляется первоисточникъ А?—Такіе вопросы, естественно, приходили на мысль и самому Гольцману.—„Загадка, говоритъ онъ, какъ возникъ и существовалъ при А столь тождественный съ нимъ, почти только сокращеніемъ отъ него отличающійся, трудъ—Евангеліе отъ Марка, разрѣшается только предположеніемъ опредѣленнаго круга читателей, употреблявшаго А только въ переработанномъ видѣ“. Нѣтъ, загадка этимъ не разрѣшается, а только осложняется; на загадку Гольцманъ отвѣчаетъ опять загадкой. Вопросъ, какъ могло возникнуть и распространиться Евангеліе отъ Марка, разрѣшается у Гольцмана тѣмъ, что оно распространилось въ кругу опредѣленныхъ читателей. Но въ томъ-то и дѣло, какъ оно могло найти себѣ читателей, когда было такою незначительной компиляціей первоисточника А?—Какъ могла возникнуть такая компиляція, которая состояла почти только въ сокращеніи А, которая даже существенно измѣняла этотъ основной источникъ, опуская, на примѣръ, Нагорную бесѣду, и пр.?—Какъ нашлись читатели, которымъ больше нравилась такая компиляція, когда существовали еще лучшіе труды этого рода, какъ Евангелія Матоея и Луки и самый первоисточникъ А?—ужели этимъ предполагаемымъ читателямъ ненужны были тѣ части содержанія первоисточника А, которыя опущены Маркомъ, какъ, на примѣръ, исторія искушенія, Нагорная бесѣда Спасителя и пр.?—потомъ, какъ могло случиться, что Евангеліе отъ Марка, будучи несовершенной компиляціей и книгой опредѣленнаго круга читателей, распространилось во всеобщей церкви, вошло въ составъ св. канона и осталось въ немъ до настоящаго времени, а его оригиналъ, основной и въ высшей степени важный источникъ, замѣчательнѣйшій изъ всѣхъ произведеній того времени и того же рода, сообщившій всей послѣдующей Евангельской литературѣ опредѣленный типъ и содержаніе первымъ тремъ

каноническимъ Евангеліямъ, который былъ поэтому весьма распространеннымъ не въ кругу только опредѣленныхъ читателей, а во всемъ обществѣ первенствующихъ христіанъ,—какъ такой трудъ могъ потеряться?—это, поистинѣ, величайшая „загадка“ и исторически никакъ неразрѣшимая!—Какъ сами Евангелисты Матѳей, Маркъ и Лука довѣрялись вполне авторитету первоисточника А; такъ, слѣдовательно, должны были довѣряться ему и всѣ тѣ, кто собственные труды Евангелистовъ (варианціи А) принималъ за А или за равные съ нимъ по вѣрности сообщаемыхъ свѣдѣній, именно—вся первенствующая христіанская церковь. Всѣ читатели Евангелій, безъ всякаго исключенія, должны были признавать величайшій авторитетъ А, какъ Первоевангелія, если они признавали важное значеніе вообще за какимъ-либо изъ Евангелій, потому что каждое синоптическое Евангеліе, по предположенію, имѣло А своимъ основнымъ источникомъ. Какъ же могло случиться, что такое Евангеліе, какъ А, при такомъ необходимомъ, всеобщемъ и весьма великомъ уваженіи и значеніи, могло потеряться безъ всякаго слѣда и свидѣтельства о томъ? Почему и Ев. Лука, указывая на многихъ лицъ, начавшихъ въ его время слагать Ев. рассказы,—съ цѣлію, какъ полагаетъ Гольцманъ, сказать о своихъ источникахъ,—почему онъ не упомянулъ о единственно важномъ и главномъ источникѣ вообще всей Евангельской литературы и каноническихъ Евангелій въ частности?—Почему и въ писаніяхъ Отцовъ церкви всюду встрѣчаются цитаты только въ томъ видѣ, въ какомъ они содержатся въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка и рѣшительно нѣтъ ничего такого, что свидѣтельствовало бы о когда-то существовавшемъ первоисточникѣ Евангелій—А.

Такъ, существованіе источника А совершенно недоказано Гольцманомъ; а потому и мнѣніе его о томъ нужно признать научно несостоятельнымъ. Слѣдовательно, синоптики остаются некомпильтивными, а самостоятельными.—Это было бы рѣшительнымъ выводомъ, по отно-

шенію къ мнѣнію Гольцмана и общему вопросу о происхожденіи синоптиковъ, если бы его теорія ограничивалась признаніемъ только одного источника ихъ—А; но она указываетъ еще другой, не менѣе важный, письменный же источникъ хотя только для двухъ Евангелій Матѳея и Луки.

Что такое этотъ второй источникъ, какъ онъ относится къ предыдущему труду А, имѣетъ ли онъ свое самостоятельное содержаніе и пр. под.?—На все это теорія предлагаетъ отвѣты въ положительно рѣшительномъ тонѣ. Однако, самая мысль о существованіи втораго источника не находитъ для себя опредѣленной точки опоры въ текстѣ Евангелій, а скорѣе вытекаетъ изъ главнаго предположенія Гольцмана, что сходство синоптиковъ указываетъ на ихъ сродство и компильтивную зависимость отъ общаго и основнаго писанія, т. е. изъ того предположенія, которое не оправдалось въ многочисленныхъ теоріяхъ прежде Гольцмановой и въ этой послѣдней относительно первоисточника А.—И теперь, какъ прежде, Гольцманъ дѣлаетъ предположеніе, выходя изъ предвзятой мысли относительно компильтивности синоптическихъ Евангелій; а потому и далѣе можно и должно ожидать той же неуспѣшности въ примѣненіи теоріи къ дѣлу.

XIII.

Гольцманъ говоритъ рѣшительно, что и „кромя общей своей зависимости отъ А, Евангелія Матѳея и Луки не могутъ быть разсматриваемы какъ два самостоятельныя произведенія“.—Почему же?—Потому, что если „они, съ одной стороны, имѣютъ нѣкоторые рассказы и рѣчи общіе, заимствованные ими изъ А; то, съ другой стороны, у нихъ находятся нѣкоторые отрывки рассказовъ и рѣчей также общіе, но незаимствованные изъ А“, слѣдовательно, заимствованные изъ другаго источника.—

Прежде всего, весьма важно знать, съ точки зрѣнія Гольцмана, какой есть поводъ думать, что отрывки рассказовъ и рѣчей, общіе у Матѳея съ Лукою, не заимствованы ими изъ А, и—почему для всѣхъ подобныхъ отрывковъ должно еще предполагать другой самостоятельный письменный источникъ, именно—А? На это въ теоріи Гольцмана отвѣчается такъ: „отрывки, общіе Матѳею и Лукѣ, именно у Матѳея не носятъ характера вставокъ, т. е. имѣютъ характеръ послѣдовательной связной рѣчи. Но Матѳей довольно значительно видоизмѣнилъ первый источникъ рядомъ дидактическихъ мѣстъ, которыя, при первомъ взглядѣ на Евангеліе отъ Марка, тотчасъ являются особенною принадлежностію Евангелія отъ Матѳея и основаніемъ всѣхъ его уклоненій отъ главнаго строя (Baurisse) источника А и особенныхъ автор-

скихъ отношеній его къ этому источнику“. Однако, это соображеніе нельзя признать удовлетворительнымъ отвѣтомъ на вопросъ, по чему должно предположить для этихъ, неодинаково изложенныхъ у Матѳея и Луки, но общихъ имъ, отрывковъ, еще новый, самостоятельный, именно письменный источникъ А. Если, съ одной стороны, такіе общіе отрывки у Матѳея не носятъ вставочнаго характера и представляютъ собою связныя рѣчи, то съ другой стороны они въ иномъ видѣ находятся въ Евангеліи отъ Луки,—безъ связи, именно отрывочно, и, какъ такіе, могутъ быть отнесены къ А. Могло быть, что отсюда ихъ взялъ Матѳей и сгруппировалъ такъ, какъ ему представилось должнымъ. Эта возможность получаетъ еще большее вѣроятіе, потому что Матѳей и съ тѣмъ, что, по теоріи, несомнѣнно онъ заимствовалъ изъ А, поступалъ также „архитекторски“. Поэтому, еще нѣтъ основанія извѣстные общіе двумъ Евангелистамъ отрывки признавать содержаніемъ другаго самостоятельнаго письменнаго источника А.

По Гольцману, напротивъ, именно эта разнохарактерность въ изложеніи общихъ Матѳею и Лукѣ отрывковъ и служить основаніемъ предполагать источникъ А.— „Мы, говоритъ Гольцманъ, теперь имѣемъ дѣло съ одной, объединенной въ себѣ и отличающейся отъ А, матеріей; это ясно какъ день“.—Это именно такъ „ясно“ въ виду выше указаннаго литературнаго свойства Матѳея, отличающаго его въ разсматриваемыхъ отрывкахъ отъ А. Однако, это различіе отрывковъ отъ содержанія А еще только предполагается въ теоріи, потому что содержаніе А еще не опредѣлено строго. Здѣсь можетъ быть прямой вопросъ, таковъ ли А, какъ о немъ думаетъ Гольцманъ?—отрывочно ли его содержаніе и отлично ли оно отъ Евангелія Матѳея?—Оно можетъ быть признано отрывочнымъ, если предположить въ тоже время, что Матѳей отрывки, общіе у него съ Лукою, не заимствовалъ изъ А. Но то предположеніе, что онъ ихъ оттуда не заимство-

валь, подтверждается только тѣмъ, что они у него изложены въ связи. Здѣсь, очевидно—*circulus in demonstrando*. Каковъ самъ А, это еще неизвѣстно; такъ какъ еще недоказано, что Матѳеей не заимствовалъ своихъ рѣчей изъ этого источника; потому что это основывается на отрывочномъ характерѣ этого А, что опять основывается на независимости Матѳея отъ А, и т. д.—Если бы эта отрывочность въ содержаніи А была доказана какъ либо иначе, то и тогда самостоятельность А не была бы защищена; потому что части рѣчей, принадлежащія Матѳею, по мнѣнію Гольцмана, первоначально состояли именно изъ отрывковъ въ такомъ видѣ, какъ они теперь находятся, на примѣръ, въ Евангеліи отъ Луки. И если особенное свойство Матѳея обнаруживается въ „построеніи“ цѣлыхъ рѣчей изъ отрывочныхъ изреченій; то при этомъ открывается и вмѣстѣ доказывается опять несамостоятельность источника А. Отрывки, относимые специально къ его содержанію, находящіяся, однако, въ своемъ первоначальномъ видѣ въ Евангеліи отъ Луки, скорѣе могутъ быть отнесены къ А, которое отличается отрывочностію изложенія, сравнительно, на примѣръ, съ Евангеліемъ Матѳея, нежели къ особому еще письменному источнику А.

Это заключеніе о несамостоятельности А нисколько не ослабляется и слѣдующими, будто бы „ясными какъ день и непрерываемыми свидѣтельствами (соображеніями)“. — „Существованіе матеріи, отдѣльной отъ А, т. е. существованіе источника А ясно, какъ день, какъ скоро, по выдѣленіи содержанія, общаго тремъ синоптикамъ, получается остатокъ (*Rest*), главныя массы коего въ Евангеліи отъ Матѳея расположены почти вполне въ пятинадцати пунктахъ, если, потомъ, та же самая матерія въ Евангеліи Луки не представляетъ никакой хронологической связи съ тѣми отрывками, между которыми она тамъ вставлена,—и если скорѣе слѣдуетъ думать, что она здѣсь почти цѣликомъ восполняетъ собою пробѣлъ (паузу) и явно приставлена къ А между IX, 51 ст. и

XVIII, 14“. Это умозаключеніе Гольцмана, составляющее сущность его соображенія о самостоятельности А, можетъ быть выражено такъ: нѣкоторые отрывки у Луки стоятъ не въ хронологическомъ порядкѣ; слѣдовательно, они образуютъ вставку именно въ содержаніе источника А и не принадлежатъ ему, какъ матерія, по отношенію къ нему, внѣшняя, и тѣмъ самымъ предполагающая другой письменный источник.—Это заключеніе могло бы имѣть, хотя и не очень великую, силу, если бы напередъ было доказано, что въ источникѣ А содержалась матерія въ хронологическомъ порядкѣ или въ связи. Но этого еще не доказано въ теоріи; такъ какъ строго не разграничено содержаніе А отъ А.—По мнѣнію Гольцмана слѣдуетъ, что А не содержалъ въ себѣ отрывочной матеріи (не въ порядкѣ), какъ она расположена, на примѣръ, въ Евангеліи Луки; но почему?—потому что А излагалъ свою матерію не такъ, какъ Лука,—именно въ порядкѣ. Здѣсь очевиденъ логическій недостатокъ—*petitio principii*. Чтобы вывести теорію изъ этого логическаго круга, должно предположить, что матерія, относимая къ А, должна быть расположена въ А въ связи, а не отрывочно, не такъ, какъ она находится у Луки. Но какъ возможно такое предположеніе, когда, по теоріи, извѣстно, что матерія А у Луки изложена не въ порядкѣ и въ самомъ А она содержалась также не въ порядкѣ? почему же она должна была находиться въ связи только въ источникѣ А?—Очевидно, и тамъ она могла быть изложена такъ же, какъ находится у Луки и какъ, по предположенію, находилась въ самомъ А; иначе говоря, она могла быть въ А не въ порядкѣ и оттуда могла быть заимствована Лукой и Матѳеемъ. Въ самомъ дѣлѣ, откуда Гольцманъ могъ знать, что матерія А должна была находиться въ порядкѣ вообще гдѣ-бы то ни было?—на это единственное указаніе для него находится только въ Евангеліи отъ Матѳея,—если его сравнивать въ этомъ отношеніи съ Евангеліемъ отъ Луки:

у Матѳея матерія А изложена въ порядкѣ. Но судить объ А и вообще о первоисточникѣ по Евангелію отъ Матѳея Гольцманъ не имѣетъ права; потому что, говоря его же словами, порядокъ изложенія отрывочныхъ изреченій, какой находится у Матѳея, есть его отдѣльное свойство, личная особенность его, а не источника А или А, или т. п. Отсюда, напротивъ, слѣдуетъ, что такой порядокъ этой матеріи, какой находится въ Евангеліи отъ Матѳея, въ первоисточникѣ его—А или А, или др. п., не существовалъ: только Матѳеи самъ привелъ въ порядокъ отрывочную матерію А или А, или какого-либо инаго источника. Въ А или въ А она могла находиться точно въ такомъ же видѣ, въ какомъ содержится въ Евангеліи отъ Луки.

Почему же, послѣ этого, матерію, относимую къ А, не признать частію А?—потому ли, что рассказы изъ А въ Евангеліяхъ Матѳея и Луки представляютъ нѣкоторый порядокъ, сравнительно съ которымъ матерія А у Луки представляется не въ порядкѣ?—Нѣтъ, если этотъ порядокъ и представляетъ правильное размѣщеніе рассказовъ, то—лишь рассказовъ; а относительно рѣчей ничего изъ этого выводить нельзя, потому что рѣчи не всегда излагаются въ порядкѣ даже и въ каноническихъ Евангеліяхъ, какъ, напримѣръ, у Луки. Они изложены здѣсь не въ видѣ цѣльныхъ рѣчей, а въ видѣ отрывковъ, и не въ стройной послѣдовательности. А если думать, что и рѣчи должны были находиться въ хронологическомъ порядкѣ, въ связи, какъ, напримѣръ, у Матѳея, такъ и въ самомъ источникѣ; то почему же Лука, принявшій Собраніе изреченій своимъ вторымъ источникомъ, изложилъ содержаніе его не въ порядкѣ?—Нѣтъ, матерія предполагаемаго А какъ находится у Луки, такъ могла быть и въ А, не въ порядкѣ, такъ же, какъ и въ самомъ предполагаемомъ А. Если же матерія А могла быть въ А въ такомъ же видѣ, какъ у Луки, то предположеніе А будетъ излишнимъ.

Теперь можно прямо поставить такой вопросъ: что же это былъ за сборникъ изреченій, къ которому теорія относить отрывки рѣчей Христа, общіе у Матѳея съ Лукою, какъ особому, самостоятельному источнику ихъ?—Здѣсь, въ данномъ отношеніи, возможно предположить или то, что этотъ сборникъ изреченій содержалъ свой матеріалъ не въ порядкѣ и безъ связи, или въ связи и хронологическомъ порядкѣ. Если принять первое, то будетъ непонятно, почему Лука излагаетъ заимствованные отрывки такъ, какъ они были въ этомъ сборникѣ, когда извѣстно изъ его же Евангелія (I, 1—4), что онъ рѣшился тщательно все изслѣдовать и написать именно въ порядкѣ. Если признать вѣрнымъ второе, то почему можно будетъ отнести общіе отрывки къ источнику А, вмѣсто А, и нельзя будетъ доказать, что А не могъ имѣть ихъ въ томъ же, не строго упорядоченномъ, изложеніи, въ какомъ они предполагаются въ А?—То и другое предположенія непременно уничтожаютъ самостоятельность втораго источника А въ отношеніи его матеріи къ содержанію А.

Столь же мало защищаетъ самостоятельность А и слѣдующее соображеніе Гольцмана.—„Второе, столь же неоспоримое, наблюденіе (Beobachtung) побуждаетъ признать различіе нѣкоторыхъ отрывковъ отъ А. Кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ отрывковъ, представляющихся у Матѳея самостоятельными, каковы большею частію притчи Христовы, есть и еще отрывки, не входящіе въ содержаніе А, которые Лука принялъ въ отдѣльномъ изолированномъ видѣ и поставилъ рядомъ одинъ за другимъ, а Матѳеи по большей части поставилъ ихъ въ своемъ Евангеліи такъ, что они явно лишены связи А.“—Это новое „наблюденіе“ очевидно открываетъ новую часть матеріи А, какъ самостоятельнаго источника. Сущность этого соображенія въ умозаключеніи излагается такъ: нѣкоторые отрывки Евангелій Матѳея и Луки нельзя отнести къ А,—они нарушаютъ связь этого источника; слѣдовательно, они

вставлены, принадлежать другому источнику—А, и пр. Вмѣстѣ съ этимъ ясно и непремѣнно предполагается, что А имѣлъ связь именно такую, которая не допускала никакихъ слѣдовъ подобныхъ вставокъ,—что всѣ отрывки рѣчей помѣщены были въ немъ со своими историческими введеніями,—поставлены были при тѣхъ обстоятельствахъ, къ которымъ исторически относились,—размѣщались въ хронологическомъ порядкѣ и т. п. Но такъ ли все это было въ А?—что такое самое А?—Прежде всего о немъ ничего точно не извѣстно,—нельзя вполнѣ точно опредѣлить его плана, вида и содержанія; такъ какъ матерія А, и даже не вполнѣ, расположена въ трехъ синоптикахъ разнообразно: писатель каждаго изъ нихъ измѣнялъ планъ, содержаніе и форму рассказовъ А, потому что приводилъ ихъ не вполнѣ точно,—то сокращая, то добавляя ихъ, соотвѣтственно своимъ индивидуальнымъ особенностямъ. Вмѣстѣ съ этимъ нельзя точно опредѣлить характера А и строго разграничить его отъ Л. Теорія дѣлаетъ это разграниченіе, но съ очевиднымъ и существеннымъ недостаткомъ.—„По словамъ Гольцмана, нѣкоторые небольшіе отрывки являются въ видѣ вставокъ и не стоятъ въ связи съ рассказами А...“ Но откуда слѣдуетъ, что они должны бы удовлетворять этому требованію?—откуда слѣдуетъ, что такъ не должно быть въ самомъ А?—или, почему можно думать, что они въ А находились въ такомъ же видѣ, какъ у Матѳея, т. е. не были измѣнены уже самими Евангелистами и лишены связи, какую они имѣли въ А?—Если думать, что эти отрывки не относятся къ А потому, что въ А они должны быть въ связи, такъ какъ у Матѳея они носятъ вставочный характеръ; то этимъ предполагается, что Матѳея уже не могъ видоизмѣнять А, напримѣръ, опустить нѣкоторые рассказы и чрезъ то въ своемъ Евангеліи нарушить связь. Но это несправедливо, какъ въ отношеніи къ Матѳею, который имѣлъ „свойство перерабатывать свои источники“, такъ и въ отношеніи къ Луку, который также весь-

ма значительно видоизмѣнять А. Несомнѣнно, что предполагаемый А долженъ былъ имѣть нѣкоторое сравнительное несовершенство въ изложеніи, именно какъ первоисточникъ и какъ сборникъ матеріала въ видѣ отрывковъ. Иначе, если бы А былъ обработанъ такъ, что въ немъ не оставлено было и слѣда вставокъ; то что значили бы обработки (Modification) его у Матѳея, Марка и Луки и при томъ такія, при которыхъ явилась весьма замѣтная безсвязность?—Нѣтъ, если предположить А, въ смыслѣ теоріи Гольцмана, то оно не исключаетъ такой необработанно изложенной матеріи, какою она въ видѣ отрывковъ находится въ Евангеліи отъ Луки. Пусть въ Евангеліи отъ Луки она помѣщена нѣсколько иначе; дѣло не въ размѣщеніи: каждый писатель долженъ отличаться особымъ свойствомъ изложенія; но это не исключаетъ возможности инаго изложенія. Иной порядокъ изложенія той же матеріи могъ быть и въ А. Слѣдовательно, отрывки изреченій могли быть и въ А; этимъ исключается самостоятельность А.

Положеніе, что данные отрывки рѣчей въ какомъ бы ни было источникѣ могли стоять безъ опредѣленнаго порядка, доказывается и самымъ отношеніемъ къ нимъ Евангелистовъ Матѳея и Луки, которое указываетъ Гольцманъ. Оно, по меньшей мѣрѣ, нисколько не препятствуетъ отнести эти отрывки къ А.—„Матѳея, по словамъ Гольцмана, большею частію лишилъ эти изреченія тѣхъ историческихъ „введеній“ или поводовъ, которые предпосылаетъ имъ Лука, чтобы не дѣлать тѣмъ особыхъ нарушеній связи рассказовъ, такъ что изреченія, принятые Матѳеемъ изъ А, даже сокращаютъ и уменьшаютъ число мѣстъ нарушенной связи А въ Евангеліи Луки“. Очевидно, по мысли Гольцмана, что къ изреченіямъ изложеннымъ въ А, Матѳея и Лука относились свободно: одинъ оставлялъ историческіе „поводы“, другой опускалъ. Конечно, этого не слѣдовало бы имъ дѣлать, если бы отрывки стояли въ твердой связи въ самомъ источникѣ

ихъ. Если же они не стояли такъ твердо въ источникѣ А, сравнительно позднѣйшемъ; то могли также не стоять и въ А, источникѣ первоначальномъ. Но указанное отношеніе Евангелистовъ къ даннымъ отрывкамъ служить основаніемъ предполагать, что они существовали въ самомъ А въ нѣкоторой связи, по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ. Это оправдывается именно тѣмъ, что данные отрывки содержатся безъ связи только у Маттея, а Лука даетъ имъ нѣкоторые историческіе „поводы“ и чрезъ то излагаетъ ихъ въ нѣкоторой связи. Это въ свою очередь предполагаетъ, что Лука заимствовалъ ихъ изъ труда историческаго, имѣвшаго повѣствовательный характеръ. Поэтому можетъ быть вѣроятнѣе, что Лука заимствовалъ ихъ изъ предполагаемаго А, гдѣ они находились въ связи, на что указываютъ историческіе „поводы“; по крайней мѣрѣ они тамъ могли имѣть болѣе тѣсную связь, нежели имѣютъ теперь у Маттея. Если же теперь у Луки они не представляютъ строгой послѣдовательной связи, то это объясняется или самымъ понятіемъ первоисточника, откуда ихъ заимствовалъ Лука, или тѣмъ, что онъ многое опускалъ, вслѣдствіе чего также значительно нарушалась связь источника. Последнее можетъ быть вѣроятнѣе въ виду того, что Маркъ, по теоріи, вслѣдствіе только сокращенія сдѣлалъ изъ А отрывочный повѣствовательный трудъ; такъ что, судя по Евангелію Марка, нельзя и предполагать строгой послѣдовательной связи въ А. Если же имѣть въ виду отрывочность А въ разсказахъ, подобную отрывочности каноническаго Евангелія отъ Марка, то она не только не исключаетъ, но прямо допускаетъ возможность, что Лука заимствовалъ отрывки рѣчей съ ихъ историческими введеніями именно изъ А (Ur-marc'a), чѣмъ устраняется предположеніе особаго сборника изреченій—А.

За самостоятельность А еще менѣе говоритъ самый характеръ его, на который указываетъ теорія.—Въ какомъ видѣ была матерія А, если признать её отдѣльно

существовавшею и потомъ принятою Маттеемъ и Лукой? —и можно ли признать, что матерія ими принятая есть одна и таже только въ разныхъ мѣстахъ, въ разное время и въ разномъ видѣ сгруппированная? Гольцманъ отвѣчаетъ на это рѣшительно и положительно. „При опредѣленіи содержанія втораго источника обыкновенно, говоритъ Гольцманъ, начинаютъ, какъ напримѣръ Тоблеръ, съ большихъ отрывковъ Евангелія Маттея, которые одинъ за другимъ нарушаютъ связь А, таковы: Нагорная бесѣда, V—VII,—рѣчь при посланіи Апостоловъ на проповѣдь, X,—ученіе объ отношеніи Евангелія къ современникамъ Христа, гл. XI,—собраніе притчей, XIII,—ученіе относительно общественныхъ обязанностей, XVIII,—рѣчь противъ фарисеевъ, XXIII,—эсхатологическая рѣчь, XXIV—XXV. Какъ самъ Маттей всегда сознательно дѣлаетъ такія вставки, это онъ показываетъ въ заключеніи известной рѣчи при окончаніи вставки,—именно въ такой формулѣ: *καὶ εὐερετο οτε ετελεσεν ο Ιησους τους λογους τουτους*, которая встрѣчается только въ VII, 28. XI, 1. XIII, 53. XIX, 1 (?). XXVI, 1 (?). За тѣмъ, онъ, безъ всякаго другаго оборота рѣчи прямо слѣдуетъ опять порядку А, начиная тамъ, гдѣ его оставилъ, т. е. съ того пункта, на которомъ онъ остановился предъ вставкой“. Очевидно, здѣсь для новой цѣли употребляется прежнее средство. Чтобы опредѣлить самое содержаніе источника, для этого напередъ доказывается вставочный характеръ нѣкоторыхъ отрывковъ, которые по мысли Гольцмана должны составить содержаніе А.—Если отрывки: V—VII, X, XI, XIII, XVIII, XXIII, XXIV, XXV-й гл. оказываются вставленными; то слѣдуетъ, заключаетъ Гольцманъ, что они принадлежатъ А.—Нѣтъ; если они—вставлены, то еще только требуется доказать, откуда и какъ вставлены?—можетъ быть изъ А?... И въ самомъ дѣлѣ, если предположить, что данные отрывки находились въ А въ иномъ видѣ, нежели въ Евангеліи Маттея, а потомъ только иначе изложены имъ въ содержаніи самаго этого А, съ

цѣлю привести ихъ въ группы въ видѣ цѣльныхъ рѣчей; то естественно, что они теперь кажутся у него вставками. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что и по самой теоріи эти рѣчи, какъ Нагорная бесѣда и пр., составлены именно изъ краткихъ отрывковъ. „Каждая изъ этихъ группированныхъ рѣчей была образована такъ, что дѣйствительная, т. е. произнесенная самимъ Спасителемъ, рѣчь представляла только основной стволъ той, которая теперь находится у Матѳея. Такъ, въ Нагорную проповѣдь вставлены ряды изреченій Иисуса общаго нравоучительнаго содержанія. Въ рѣчи къ Апостоламъ находятся отрывки изъ другихъ завѣщаній Спасителя Апостоламъ. Такъ различныя сѣтованія на фарисеевъ сводятся въ большую цѣльную рѣчь (*Angreifsrede*) и пророчественные отрывки, сказанные при различныхъ обстоятельствахъ—въ большую эсхатологическую рѣчь.“ Если такъ настойчиво и открыто указывается составной и вставочный характеръ рѣчей Христовыхъ даже и у самого Матѳея; то какъ можно, послѣ этого, опредѣлить, откуда взяты составныя части этихъ рѣчей—изъ А или изъ Λ?— „Не изъ А“—остается думать только потому, что они представляются вставочными, а такими они представляются потому, что сгруппированны въ длинныя рѣчи, неудобно и, по видимому, безъ порядка размѣщены въ содержаніи А, изложенномъ у Матѳея. Но такъ какъ эти рѣчи въ своемъ первоначальномъ, отрывочномъ видѣ находятся у Луки, то и нельзя еще думать о томъ, что они вставлены у Матѳея; нѣтъ, они только составлены, сгруппированы у него; а это не препятствуетъ отнести ихъ къ содержанію А. Ясно, что если и опредѣляется матерія Λ по составному характеру длинныхъ рѣчей Христовыхъ: V—VII, X, XI, XIII, XVIII, XXIII, XXIV—XXV; то еще не слѣдуетъ, что матерія этихъ рѣчей вставлена и при томъ изъ другаго письменнаго источника А.

Но въ самомъ дѣлѣ, можно ли признать, что рѣчи у Матѳея: V—VII, X, XI, XIII, XVIII, XXIII, XXIV, XXV гл.

составлены изъ отрывковъ Λ и вставлены въ Евангеліе отъ Матѳея?—Доказательствомъ того, что они вставлены, служить то, что они составлены; а доказательствомъ того, что они составлены служить повтореніе въ томъ же Евангеліи нѣкоторыхъ составныхъ частей этихъ рѣчей. Такъ смотритъ на это Гольцманъ. Слѣдовательно, въ пользу своего мнѣнія о составѣ, на примѣръ, Нагорной бесѣды, онъ заключаетъ такъ: нѣкоторыя извѣстныя части этой рѣчи,—V—VII гл. и др. повторяются въ другихъ мѣстахъ того же Евангелія; слѣдовательно эта рѣчь,—V—VII и др. составлена изъ этихъ частей. Это заключеніе рѣшительно несправедливо, потому что нѣкоторыя части длинныхъ рѣчей Христовыхъ могли быть повторены самимъ Спасителемъ, по требованію обстоятельствъ проповѣднической дѣятельности его, на примѣръ—въ отвѣтъ на одинаковые вопросы, при одинаковыхъ обстоятельствахъ испѣленій, и т. д. Именно Нагорная проповѣдь представляется Гольцманомъ какъ программа учительной дѣятельности Спасителя; а программы, при выполненіи ихъ по частямъ, постоянно должны повторяться, если всѣхъ слушателей не могло быть въ одно время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ,—если эти слушатели составляли цѣлый народъ, населяющій извѣстную территорію, каковы и были слушатели Иисуса Христа³⁴²). Если, наконецъ, признать неповторимость изреченій Иисуса Христа, то при этомъ какъ объяснить составъ рѣчей, изложенныхъ въ V—VII, X, XI и пр. гл., если, какъ допускаетъ теорія, повторялись только нѣкоторыя „несущественныя“ ихъ части?—Признать эти „несущественныя“ ихъ части прибавками къ „дѣйствительнымъ“ рѣчамъ?—но тогда нельзя доказать той мысли,

342) Гольцману пришлось бы зачеркнуть цѣлую главу своего труда—*Die Doubletten*,—§ 16-й, гдѣ онъ рассматриваетъ подобныя повторенія, если бы онъ призналъ, вопреки ясному свидѣтельству Евангелій и Ап. посланій, что Господь и Апостолы не повторяли нѣкоторыхъ своихъ изреченій.—

что требовалось къ дѣйствительнымъ рѣчамъ прибавлять то, что въ устахъ Самого Спасителя къ нимъ не относилось. — Ужели только для того, чтобы нѣкоторыя изреченія „не стояли отдѣльно“? — Нѣтъ, самъ же Гольцманъ говоритъ противъ такого предположенія. Онъ соглашается съ Гильгенфельдомъ въ томъ, что есть такія повторенныя изреченія Иисуса Христа (Doubletten): „мы, продолжаетъ Гольцманъ, и по сію пору не знаемъ еще о томъ, куда относятся сѣтованія на Виесаиду и на Хоразинъ, и т. п.“ Слѣдовательно, изреченія Господа могли стоять и стоять отдѣльно, не въ группахъ; а это противорѣчитъ предположенію о присоединеніи нѣкоторыхъ отрывковъ къ „дѣйствительнымъ“ рѣчамъ, съ содержаніемъ коихъ они не имѣютъ органической связи, такъ какъ прежде не были въ устной рѣчи Господа произнесены вмѣстѣ съ тѣми. Если же не было нужды прибавлять нѣкоторыхъ отрывковъ къ „дѣйствительнымъ“ рѣчамъ Спасителя, такъ что они могли стоять отдѣльно одинъ отъ другаго, если при томъ главное содержаніе „дѣйствительныхъ“ рѣчей не имѣетъ для себя параллельныхъ отрывковъ; то остается признать, что эти рѣчи не составныя, что извѣстныя части ихъ не приставлены къ нимъ изъ другихъ источниковъ; слѣдовательно, рѣчи, изложенныя въ V—VII, X, XI, XIII, XVIII, XXIII, XXIV и XXV гл., не вставочныя, хотя для нѣкоторыхъ своихъ частей они имѣютъ параллельныя отрывки—Die Doubletten.

За цѣлостность рѣчей, содержащихся въ Евангеліи отъ Матѳея, V—VII, X, XI гл. и пр., далѣе говоритъ самъ Гольцманъ: „такъ какъ второй источникъ—А содержитъ не столько изреченія, сколько рѣчи; то писателю перваго Евангелія, т. е. Матѳею, при этомъ приходилось матерію рѣчей этого втораго источника организовать совершенно и представить въ своемъ трудѣ въ большей связи. И вотъ онъ извѣстныя части Собранія изреченій или уже извѣстныя рѣчи вставилъ въ содержаніе А на извѣстныхъ, соответственныхъ имъ, мѣстахъ, располагая

ихъ по соответственнымъ моментамъ жизни Иисуса“. Если справедливо говорить Гольцманъ, то какъ тогда согласить съ его словами понятіе объ отрывочности изреченій, которыя однако размѣщены по соответственнымъ мѣстамъ?—Слѣдуетъ принять что нибудь одно, или—то, что Матѳеи составлялъ рѣчи изъ разныхъ отрывочныхъ изреченій, сказанныхъ при особыхъ поводахъ, и потому эти отрывки въ его Евангеліи не пришли на своихъ мѣстахъ и не находятся въ соответствіи съ извѣстными моментами жизни Иисуса Христа; или—то, что они размѣщены по своимъ мѣстамъ соответственно, какъ должно имъ быть, и при этомъ не предполагаютъ уже группировки. Во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе, что Ев. Матѳеи могъ заимствовать ихъ изъ А въ нѣкоторой связи, и при этомъ онъ могъ скорѣе и вѣрнѣе поставить отрывочныя изреченія на исторически соответствующія имъ мѣста, принимая связь и послѣдовательность А, гдѣ та и другая, по теоріи, были въ первоначальномъ и надлежащемъ ихъ видѣ.—Иначе, какъ Матѳеи, заимствуя многія отрывочныя изреченія изъ А, гдѣ они не имѣли определенной и твердой связи, могъ дать имъ видъ и связь обработанныхъ рѣчей и при томъ помѣстить ихъ на соответственныя имъ мѣста?—Это несогласно съ понятіемъ Гольцмана о содержаніи А. „Въ источникѣ А, говоритъ онъ, были сопоставлены въ группы отдѣльныя изреченія, но группировавшій ихъ не имѣлъ въ виду при этомъ указывать время, къ которому относилось извѣстное изреченіе или составныя части группъ; они были какъ фрагменты Ев. исторіи... Въ А не доставало специальной исторической связи; здѣсь только разнообразныя изреченія (λογια) безъ историческихъ къ нимъ поводовъ излагались въ связи. Такія изреченія были въ Евангеліи Матѳея и онъ группировалъ ихъ: отрывки изъ А онъ поставилъ въ срединѣ своего повѣствованія, переставляя отчасти факты въ ущербъ исторической послѣдовательности“. Если, такимъ образомъ, А не имѣлъ связи, а у

Матѳея находится сравнительно величайшая связь этихъ отрывковъ (хотя Гольцманъ объясняетъ ее группированіемъ); то скорѣе и вѣроятнѣе слѣдуетъ предположить независимость Матѳея отъ Λ и—цѣлостность рѣчей въ V—VII, X, XI и пр. гл.— Здѣсь весьма важно то, что Матѳею въ своемъ Евангеліи имѣетъ величайшую связь, а Λ ее не имѣетъ. Гольцманъ объясняетъ связь въ рѣчахъ, изложенныхъ у Матѳея, группированіемъ (какъ объяснял это и Эвальдъ); но ее можно объяснить, съ его точки зрѣнія, и заимствованіемъ этихъ рѣчей изъ Λ . Что въ рѣчахъ Матѳея находится величайшая связь, это положительно извѣстно; а что Матѳею самъ изложилъ дотолѣ безсвязную матерію Λ въ связи, это еще нисколько неизвѣстно,—именно потому, что еще неизвѣстно, откуда Матѳею заимствовалъ матерію своихъ рѣчей. Гольцманъ думаетъ, что—изъ Λ , но Λ существуетъ въ предположеніи настолько, насколько доказано, что рѣчи, изложенныя у Матѳея въ V—VII, X, XI и пр. гл., принадлежатъ этому Λ ; а это доказано настолько, насколько вѣрно то, что Матѳею группировалъ свои рѣчи изъ отрывковъ Λ ; а это справедливо въ той мѣрѣ, въ какой дознано, что рѣчи у Матѳея въ V—VII, X, XI и пр. гл. содержатъ одну и ту же матерію, которая находится въ Евангеліи отъ Луки, т. е. составлены изъ отрывочныхъ изреченій, находящихся въ этомъ видѣ у Луки. Но этого-то еще и не доказалъ Гольцманъ. Такъ досель неизвѣстно, изъ одного ли источника Λ Матѳею и Лука заимствовали отрывки рѣчей, находящихся въ ихъ Евангеліяхъ. Остается справедливымъ только то, что у Матѳея находятся сравнительно большія рѣчи, кои по частямъ, но неглавнымъ, соответствуютъ нѣкоторымъ изреченіямъ въ Евангеліи отъ Луки (die Doubletten), притомъ далеко не вполне и несущественно. Отсюда слѣдуетъ, что рѣчи, находящіяся въ Евангеліи отъ Матѳея, нельзя признать комбинаціями отрывочнаго содержанія Λ .

— „Отрицать это заключеніе о группированіи рѣчей въ Евангеліи Матѳея тотъ имѣлъ бы полное право, кто постарался бы взять на себя трудъ доказать, что большія рѣчи Христа суть прямо оригиналы, и въ этой формѣ и въ томъ же объемѣ дѣйствительно были произнесены Господомъ. Это—невозможное предположеніе“, восклицаетъ Гольцманъ. Но и утверждать такъ тотъ имѣлъ бы полное право, кто напередъ постарался бы доказать, что этого быть не могло, что рѣчи Матѳея составлены изъ отдѣльныхъ изреченій, что Иисусъ Христосъ не могъ произносить именно такихъ рѣчей. А это странное и невозможное предположеніе!—на это нѣтъ никакихъ основаній въ самыхъ этихъ рѣчахъ, а равно и въ теоріи Гольцмана, гдѣ, напротивъ, указывается большая связь въ нихъ. Ужели Спаситель только и долженъ былъ, только и могъ произносить одни отрывочныя изреченія?—Конечно, форма и объемъ рѣчей Христовыхъ у Матѳея не существенная сторона въ настоящемъ дѣлѣ, чтобы доказывать возможность той и другаго для устной бесѣды Спасителя, который былъ въ превосходномъ смыслѣ Учителемъ и Пророкомъ. Если и кажется Гольцману, что рѣчи въ V—VII, X, XI, XIII и пр. гл. у Матѳея не въ первоначальномъ объемѣ, не въ оригинальной формѣ, то неправильность его взгляда и недостаточность сдѣланной имъ характеристики изложенія этихъ рѣчей выражаются довольно полно и опредѣленно въ тѣхъ несправедливыхъ требованіяхъ, какія Гольцманъ предъявляетъ въ отношеніи устныхъ рѣчей Иисуса Христа, по воспоминанію изложенныхъ Ев. Матѳеемъ. Рѣчь Христову противъ фарисеевъ, изложенную въ XXIII-й гл. у Матѳея, Гольцманъ называетъ „филиппикой“! Послѣ этого, ему естественно придти къ мысли, что эта рѣчь не имѣетъ первоначальной формы, что въ Евангеліи она далека отъ совершенства по художественности изложенія,—по формѣ; здѣсь

она представляется ему составленною изъ отрывочныхъ изречений,—какъ бы компилятивная композиція ³⁴³)...

Но о составномъ характерѣ рѣчей, изложенныхъ у Матѳея, Гольцманъ думаетъ подъ вліяніемъ своей исходной и предвзятой мысли о сродствѣ и компилятивномъ составѣ синоптическихъ Евангелій, въ частности—Евангелія отъ Матѳея. При сознаніи этой будто-бы компилятивной зависимости синоптиковъ, Гольцману и въ настоящемъ „случаѣ кажется, что краткія сентенціи“, зерна изречений „и отдѣльныя мысли (Gnomē) должны быть записаны много ранѣе, нежели длинныя рѣчи Христовы, письменное изложеніе которыхъ требовало многихъ соображеній... И что само по себѣ вѣроятнѣе, спрашиваетъ Гольцманъ,—то ли, что Лука великое зданіе, т. е. цѣльныя рѣчи Христовы, какъ въ Евангеліи Матѳея, произвольно разбилъ и развалины разсыпалъ на четыре стороны; или—то, что Матѳеи выстроилъ тѣ стѣны, т. е. свои рѣчи, изъ груды камней, разсыпанныхъ у Луки?“ Однако *comparaison n'est pas raison*. Вѣроятность того или другаго предположенія опредѣляется не сама собою, но предыдущимъ соображеніемъ Гольцмана, хотя въ недостаточной мѣрѣ.—Что вѣроятнѣе?—прежде всего—ни то, ни другое изъ указанныхъ предположеній Гольцмана; потому что еще неизвѣстно положительно, могло или не могло быть прежде изложеніе прямо длинныхъ рѣчей Господа, каковыя находятся въ Евангеліи Матѳея. Гольцману кажется, что прежде должны были явиться въ записяхъ краткія изреченія—„зерна изречений“; но для него и это соображеніе очень неудобно. Если дѣйствительно запомнились и записывались отдѣльныя изреченія; то слѣду-

343) Замѣтимъ,—какое роскошное, неумѣренное и неудачное сравненіе съ риторической точки зрѣнія!—Да, Рѣчь Спасителя противъ фарисеевъ не носитъ на себѣ ни греческой риторической рамки, ни римской,—какъ рѣчи Демосоена и Цицерона: она—вдохновенная импровизація и по вдохновенію воспроизведенная Ев. Матѳеемъ!—

еть, что могло составляться и записываться содержаніе такихъ длинныхъ рѣчей, какъ у Матѳея въ V—VII, X, XI, XIII, XVIII, XXIII, XXIV—XXV гл., прямо въ видѣ группъ, потому что они, по настойчивому мнѣнію Гольцмана, и здѣсь составлены или сгруппированы (*Composition und Gruppe*) изъ тѣхъ же отрывочныхъ изречений. Этотъ составъ ихъ у Матѳея нисколько не умаляетъ возможности первоначального или сравнительно болѣе ранняго появленія ихъ именно въ видѣ группъ или группированныхъ изречений, а не рѣчей въ собственномъ смыслѣ, какъ они изложены именно въ Евангеліи отъ Матѳея. Конечно, и предполагаемый первоначальный Сборникъ изречений или источникъ Λ не представлялъ собою только агрегата изречений. Отдѣльныя изреченія, какія находятся у Луки, представляются отдѣльными и у Матѳея; только у Матѳея они сложены въ группы. Или, по сравненію Гольцмана, у Луки находятся „камни“, но не въ порядкѣ; у Матѳея эти „камни“ въ порядкѣ, но—не въ связи; а все же „камни“, т. е. отдѣльныя изреченія, безъ органической связи. Теперь ясно представляется слѣдующая дилемма: или рѣчи Христовы у Матѳея суть группы изречений, и поэтому могли быть записаны въ самое раннее время, какъ въ Λ ; или они отличаются отъ содержанія Λ строгою связію и поэтому не группы уже, а цѣльныя рѣчи. Такъ или иначе, но слѣдуетъ принять за-вполнѣ справедливое, что рѣчи у Матѳея могли быть записаны независимо отъ Λ . Избрать среднее предположеніе, что рѣчи Матѳея имѣютъ не особенно строгую связь, такъ что они суть группы, хотя и не агрегаты изречений, нельзя; потому что это предположеніе стоитъ въ противорѣчій съ признаніемъ Гольцмана, что связь рѣчей здѣсь величайшая ³⁴⁴); а съ другой стороны потому, что это предположеніе непригодно Гольц-

344) Holtzmann,—S. 129.

ману для цѣли его доказательства. Если связь рѣчей у Матѳея такъ незначительна, что ихъ удобно можно признать за группы; то эта связь не только не препятствуетъ, а даже благоприятствуетъ тому предположенію, что этотъ видъ рѣчей и есть первоначальный: въ такой, не особенно строгой, связи только и можно первоначально сохранять въ памяти, и потомъ непосредственно по воспоминанію излагать такое содержаніе изреченій, которыя предполагаются афористическими. Связь въ предполагаемой мѣрѣ въ отношеніи къ отрывочнымъ изреченіямъ есть лучшее условіе ихъ запоминанія и воспоминанія, а также и предварительнаго изложенія; такъ какъ безъ всякой связи несравненно труднѣе помнить отрывочныя изреченія. Въ противномъ случаѣ слѣдуетъ предположить, что всякая рѣчь, относительно длинная, должна быть отнесена къ числу группированныхъ рѣчей, составныхъ; а это, по теоріи, невозможно, такъ какъ и въ составныхъ рѣчахъ „основныя стволы“ или дѣйствительныя рѣчи Христа, составляющія главное содержаніе композицій, уже не составныя, а именно такъ записаны Евангелистомъ, какъ были произнесены Спасителемъ. Слѣдовательно, связь рѣчей у Матѳея, ничего не говоритъ противъ возможности ихъ первоначальнаго произнесенія и существованія въ такомъ видѣ. А потому нѣтъ нужды предполагать композицію рѣчей у Матѳея, и при ней особый источникъ матеріи для группированія, именно—А.

Поэтому тотъ „фактъ, что великое множество частей и отрывковъ рѣчей, которыя Матѳея изложилъ въ своемъ Евангеліи, встрѣчается въ Евангеліи Луки въ отрывочномъ видѣ, такъ что его поэтому можно сравнить съ беспорядочной матеріей въ отношеніи къ рѣчамъ у Матѳея...“, — этотъ фактъ, служащій исходнымъ пунктомъ всѣхъ предположеній Гольцмана о существованіи источника А, нельзя признать дѣйствительнымъ и научно обоснованнымъ. Справедливо то, что у Луки есть нѣкоторыя изреченія въ отрывочномъ видѣ, сходныя съ изреченіями у

Матѳея, но изложенными въ связи и составѣ цѣлыхъ рѣчей, и—только. Но что Матѳея составилъ свои рѣчи именно изъ такихъ отдѣльныхъ изреченій, взявъ ихъ, какъ и Лука, изъ особеннаго письменнаго источника А, это—не фактъ, а только недоказанное предположеніе, неимѣющее, поэтому, научнаго значенія.

Независимость изложенія рѣчей Христовыхъ у Матѳея отъ А еще болѣе доказывается тѣмъ, что они имѣютъ большую связь и въ параллельныхъ отрывкахъ отличаются по самому своему содержанію.—Главный пунктъ и, по теоріи, ясно доказывающій составъ, напримѣръ, Нагорной проповѣди, это—„Молитва Господня“, которая, по мнѣнію Гольцмана, какъ и Эвальда, очевидно, вставлена въ Нагорную проповѣдь.—Извѣстно, говоритъ онъ, что есть случаи, когда Лука указываетъ специальный поводъ къ произнесенію рѣчи, которую Матѳея излагаетъ въ связи большой проповѣди. Такъ, Молитва Господня у Матѳея включена въ Нагорную проповѣдь, а Лука мотивируетъ произнесеніе ея иначе въ гл. XI, 1 ст. „Но откуда явилось у Луки это „введеніе“?—историческое ли оно?—„Если его далъ самъ Лука, то какъ онъ могъ дозволить себѣ такого рода поступокъ?“—спрашиваетъ себя даже самъ Гольцманъ и отвѣчаетъ на свой вопросъ такъ: „для отвѣта на это должно знать пріемъ (Manier) Луки въ подобныхъ случаяхъ“. А онъ вотъ въ чемъ состоитъ: „гдѣ при изреченіяхъ Христовыхъ въ А находились надписанія, тамъ и Лука передавалъ ихъ всегда, хотя съ добавленіями; а гдѣ не было никакихъ, тамъ онъ часто самъ пріискивалъ таковыя, и излагалъ въ связи (прагматической). По этому-то правилу (Kanon!) онъ и при Молитвѣ Господней ставитъ „введеніе“: гл. XI, 1 ст. Однако, слишкомъ далеко заходятъ тѣ, которые полагаютъ, что цѣлый 1-й стихъ есть только приписка Луки, и что Иисусъ неоднократно прежде, по собственной потребности къ молитвѣ, молился такъ въ кругу своихъ учениковъ, прежде, нежели эта Его молитва была высказана

Имъ по требованію одного изъ учениковъ. Конечно, ученикамъ много разъ приходилось слышать Господа молящагося; но чтобы они примѣтили именно эту краткую формулу молитвы, для этого требовалось особенное побужденіе, подобное требованію: „научи насъ молиться, какъ и Іоаннъ научилъ учениковъ своихъ“. Это требованіе по своему характеру отличается отъ всѣхъ приписокъ, собственно Лукъ принадлежащихъ, и взято изъ когда-то бывшихъ отрывковъ, введеній и надписаній“. — Такъ для Гольцмана, не смотря на всѣ его чисто субъективныя предположенія, остается вѣроятнымъ, что Молитва Господня заимствована Матѳеемъ и Лукой изъ одного источника; при чемъ Матѳей взялъ ее безъ введенія, а Лука къ тому введенію, какое тамъ было, прибавилъ еще нѣчто отъ себя.—Нѣтъ, если Лука приводитъ Молитву Господню съ предисловіемъ, въ которомъ говорится, что Іисусъ Христосъ молился „въ одномъ мѣстѣ“, *εἰ τῆι τοῦ*...; то, очевидно, Евангелистъ разумѣетъ не ту, которая была сказана предъ множествомъ народа на горѣ блаженствъ. Если Молитва Господня была произнесена въ часъ молитвы *εἰ τῆι τοῦ*; то какое же право имѣлъ Ев. Матѳей помѣстить эту молитву именно въ Нагорной проповѣди и тѣмъ дать знать, что она произнесена именно на горѣ блаженствъ,—когда самъ составитель Собранія изреченій не зналъ, гдѣ именно она была сказана,—когда и Ев. Лука, желавшій достоверно опредѣлить и тщательно обработать свѣдѣнія о жизни Господа и Его ученія, ограничивается въ настоящемъ случаѣ только словами *εἰ τῆι τοῦ*?... Почему Матѳей относитъ Молитву Господню ко времени бесѣды, а не ко времени молитвы?—Если же, судя по различному опредѣленію мѣста и времени, когда дана Молитва Господня, должно предположить, что Матѳей здѣсь не зависитъ отъ Луки; то слѣдуетъ признать, что Матѳей не зависитъ и отъ Λ; слѣдовательно, Молитва Господня заимствована Матѳеемъ и Лукой изъ разныхъ источниковъ; а отсюда слѣдуетъ то,

что Нагорная проповѣдь не составлена изъ отрывковъ Λ,—по крайней мѣрѣ это—такъ, если судить по одному изъ главныхъ пунктовъ ея содержанія—Молитвѣ Господней.—

Это тѣмъ вѣроятнѣе, что о независимости изложенія Молитвы Господней отъ источника Λ свидѣтельствуется не только различное у Матѳея и Луки опредѣленіе мѣста и времени ея произнесенія, но и самый текстъ молитвы. Фактъ, что текстъ Молитвы Господней у Матѳея и Луки неполнѣ тождественъ, свидѣствуетъ о томъ, что Евангелисты заимствовали эту молитву не изъ одного письменнаго источника. Если что-либо они должны были заимствовать дословно-сходно и точно изъ одного письменнаго источника, то преимущественно молитву или заповѣдь, какія были даны Господомъ Спасителемъ; тѣмъ болѣе, что уже самое заимствованіе обыкновенно обнаруживаетъ въ предполагаемомъ компиляторѣ незнаніе точнаго изложенія заимствуемыхъ словъ. Текстъ Молитвы Господней долженъ бы оставаться неизмѣннымъ еще болѣе потому, что помѣщеніе ея въ Нагорной проповѣди не требовало никакого измѣненія ни въ формѣ, ни въ содержаніи оной, а напротивъ даже требовало тщательно точной, дословной передачи ея, потому что тотъ и другой Евангелистъ приводятъ ее, какъ образецъ молитвы. Между тѣмъ этого дословнаго сходства во всей молитвѣ нѣтъ, именно,—

у Матѳея:

„хлѣбъ нашъ насущный дай намъ на сей день; и прости намъ долги наши, какъ и мы прощаемъ должникамъ нашимъ...“

у Луки:

„хлѣбъ нашъ насущный по-давай намъ на каждый день; и прости намъ грѣхи наши, и бо и мы прощаемъ всякому должнику нашему...“ XI, 3—4 ³⁴⁵).

345) И нельзя думать, что это произошло отъ перестановки словъ или за-

Какъ возможно было такое различіе, если Матѳеѣй имѣлъ предъ собою Молитву Господню, изложенную письменно въ томъ ея видѣ, въ какомъ она находится въ Евангеліи отъ Луки?—Для чего ему нужно было измѣнять точное изложеніе такой молитвы, которая дана и указана Самимъ Господомъ, какъ образецъ молитвы, и притомъ по желанію самихъ же учениковъ, для точнаго отличія ихъ молитвы отъ той, какая была въ устахъ учениковъ Іоанна Крестителя?—По мнѣнію Гольцмана, Молитва Господня была записана въ Λ ранѣе въ такой точности и совершенствѣ, при которыхъ она еще болѣе соотвѣтствуетъ характеру Нагорной проповѣди, гдѣ показывается преимущество и совершенство христіанскихъ добродѣтелей предъ іудейскими. Такому характеру бесѣды болѣе соотвѣтствуютъ слова молитвы, на примѣръ: „прощаемъ всякому должнику нашему“, какъ говорится у Луки, нежели вообще—„должникамъ нашимъ,“ какъ у Матѳея. Поэтому, если бы Матѳеѣй заимствовалъ Молитву Господню изъ одного источника, откуда и Лука; то она должна быть у обоихъ дословно тождественна, такъ какъ дѣли Матѳея болѣе соотвѣтствовало то изложеніе молитвы, какое находится у Луки, по теоріи—тоже, что—въ Λ . Это даетъ основаніе предполагать съ большею вѣроятностію, что Лука записалъ Молитву Господню, сказанную не на горѣ блаженствъ, но въ иное время, въ другомъ мѣстѣ, при другихъ обстоятельствахъ и относительно точнѣе, нежели Матѳеѣй; а потому нѣтъ основанія предполагать общій источникъ Λ для Матѳея и Луки; слѣдовательно, Матѳеѣй въ изложеніи этой молитвы не зависитъ

мѣны будвѣ, судя по греческому тексту: $\text{Μθ. } \delta\omicron\varsigma$ —Лук. $\delta\iota\delta\omicron\upsilon$. $\text{Μθ. } \sigma\eta\mu\epsilon\rho\nu$ —Лук. $\tau\omicron$ $\kappa\alpha\delta'$ $\eta\mu\epsilon\rho\alpha\nu$. $\text{Μθ. } \sigma\phi\epsilon\iota\lambda\eta\mu\alpha\tau\alpha$ —Лук. $\tau\alpha\varsigma$ $\alpha\mu\alpha\rho\tau\iota\alpha\varsigma$. $\text{Μθ. } \omega\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\eta\mu\epsilon\iota\varsigma$ $\alpha\phi\epsilon\iota\mu\epsilon\nu$ $\tau\omicron\iota\varsigma$ $\sigma\phi\epsilon\iota\lambda\epsilon\tau\omicron\iota\varsigma$ $\eta\mu\omega\nu$ —Лук. $\kappa\alpha\iota$ $\gamma\alpha\rho$ $\alpha\upsilon\tau\omicron\iota$ $\alpha\phi\epsilon\iota\mu\epsilon\nu$ $\pi\alpha\nu\tau\iota$ $\sigma\phi\epsilon\iota\lambda\omicron\nu\tau\iota$ $\eta\mu\iota\nu$...
См. по изданію *Tischendorffa*: *Novum Testamentum graece*.

отъ Λ ,—Нагорная проповѣдь не составлена изъ отрывковъ изреченій, сказанныхъ въ различное время; она только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ сходна съ нѣкоторыми изреченіями, сказанными Спасителемъ въ другой разъ, въ иное время.

Если же Молитва Господня не заимствована изъ источника Λ , то слѣдуетъ, что она записана Евангелистами по преданію или воспоминанію. И это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ содержанію самой Молитвы Господней. — „Отче нашъ“, какъ образецъ молитвы, предложенное Самимъ Господомъ по требованію Его учениковъ, конечно, очень твердо сохранялось въ ихъ памяти, по крайней мѣрѣ въ памяти собственно Апостоловъ и прямо тѣхъ изъ нихъ, которые желали не только сами помнить о Спасителѣ, но и другимъ завѣщали содержаніе своего воспоминанія о Немъ—Евангеліе, каковы были Матѳеѣй и Лука. Уже ли и для нихъ, и въ этомъ отношеніи требовался непременно письменный источникъ Λ ?—Нѣтъ, если „Іоаннъ могъ научить молиться своихъ учениковъ“, то—тѣмъ болѣе Мессія-Спаситель!...

Такъ, текстъ молитвы Господней далеко недоказываетъ, что Нагорная проповѣдь составлена изъ отрывочныхъ изреченій, сказанныхъ Іисусомъ Христомъ въ разное время, при извѣстныхъ различныхъ обстоятельствахъ; напротивъ, она ясно свидѣтельствуетъ о независимости Матѳея отъ Луки и обоихъ отъ одного общаго, основнаго письменнаго источника, по теоріи—самостоятельнаго Λ ,—въ изложеніи своихъ рѣчей.

Независимость изложенія Нагорной бесѣды отъ Λ еще болѣе обнаруживается при сравненіи нѣкоторыхъ мѣстъ этой бесѣды съ параллельными отрывками ея у Луки. Эти сходные отрывки у Матѳея представляются вставочными столько же, сколько и Молитва Господня, и это ясно видно не только по контексту, но и по самому тексту ихъ. Въ сходныхъ отрывкахъ у Матѳея и Луки текстъ иногда до того разнится, что прямо это различіе

свидѣтельствуемъ о другомъ назначеніи извѣстнаго изреченія у Луки, нежели какое предполагается параллельнымъ ему изреченіемъ у Матѳея. Такого измѣненія, которымъ видоизмѣняется самый смыслъ изреченія не могъ сдѣлать Матѳеи только потому, будто бы, что онъ „произвольно желалъ представить въ связи тѣ отрывочныя изреченія, которыя у Луки были въ видѣ необработанной матеріи (или, по Гольцману—въ Λ): этого не допустилъ бы никакой благоразумный ученикъ въ отношеніи къ достопамятнѣйшимъ словамъ своего учителя; тѣмъ болѣе не могъ подобнаго сдѣлать Апостоль Иисуса Христа Сына Божія, питавшій къ Нему величайшую любовь еще до своего призванія, каковымъ былъ Евангелистъ Матѳеи³⁴⁶⁾.

Гольцманъ, указывая сходство Матѳея и Луки въ параллельныхъ отрывкахъ, относящихся къ Нагорной проповѣди, почему-то игнорируетъ тотъ непрерываемый фактъ, что въ изложеніи многихъ отрывковъ, также отно-

346) Разности у Матѳея сравнительно съ Лукой въ изложеніи изреченій есть и очень значительныя. Такъ, напримѣръ,—

У Матѳея:

«входите тѣсными вратами, потому что широкія врата и пространенъ путь, ведущіе въ погибель и многіе идутъ ими... потому, что тѣсныя врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь и немногіе находятъ ихъ... Мѳ. VI, 13—14.

У Луки:

«подвизайтесь войти сквозь тѣсныя врата, ибо сказываю вамъ, многіе поищутъ войти и не возмогутъ... Когда хозяинъ дома встанетъ и затворитъ двери; тогда вы, стоя внѣ, станите стучать въ двери и говорить: Господи! Господи! отвори намъ! но Онъ скажетъ вамъ въ отвѣтъ: не знаю васъ, откуда вы... Лук. XIII, 24—25.—

Такого различія въ этихъ изреченіяхъ и въ другихъ подобныхъ не могло, по самой крайней мѣрѣ, не должно было быть, если предположить, что Матѳеи имѣлъ полную возможность записать подобныя изреченія буквально сходно изъ одного письменнаго источника. Очевидно, Матѳеи не зависитъ отъ источника Λ . Кто изъ двухъ Евангелистовъ—Матѳеи или Лука дѣйствительно былъ въ зависимости отъ Λ , это рѣшительно неизвѣстно; былъ ли когда-либо самый этотъ Λ , тоже неизвѣстно; составнаго ли характера Нагорная бесѣда, также неизвѣстно. Все это сколько не доказано.

сящихся къ Нагорной проповѣди, и Маркъ сходенъ съ Матѳеемъ. Такъ,—если, съ одной стороны, Мѳ. V, 1—12 стихи параллельны Лук. VI, 20—26 ст.; то, съ другой стороны, Мѳ. V, 31—22 стихи параллельны Мр. X, 11—12 ст.³⁴⁷⁾. На шестьдесятъ параллельныхъ стиховъ Луки въ Евангеліи Марка находятся только девять, относящихся собственно къ Нагорной бесѣдѣ, изложенной у Матѳея. Это, по видимому, пропорція незначительная, но—судя только по количеству стиховъ, а не по самому сходству ихъ, которое въ данномъ отношеніи много важнѣе количества.—Нѣкоторые стихи изъ Евангелія Марка, параллельные стихамъ Нагорной проповѣди у Матѳея, даже буквально сходны съ этими стихами ея: это, конечно, служить основаніемъ признать, согласно съ теоріей, что и Маркъ пользовался источникомъ Λ . Но если такъ, то—источника Λ не было, потому что онъ предполагается въ теоріи только для двухъ Евангелистовъ Матѳея и Луки. Если предположить, что Маркъ не зависитъ отъ Λ только потому, что онъ сравнительно менѣе Луки имѣетъ такихъ стиховъ, параллельныхъ Нагорной проповѣди, то можно будетъ признать, что и Лука не зависитъ отъ Λ , потому что и онъ, сравнительно съ Матѳеемъ, менѣе заимствовалъ изреченій изъ источника Λ ,—менѣе ему и параллельно, нежели Матѳеи. Если же, наоборотъ, признать,—не смотря на то или другое число параллельныхъ отрывковъ у извѣстнаго Евангелиста,—что они дѣйствительно заимствовали ихъ изъ одного общаго источника; то будетъ слѣдовать, что Нагорная проповѣдь, отрывки изъ которой находятся у всѣхъ трехъ Евангелистовъ, должна быть, по теоріи, отнесена къ источнику Λ , но не къ Λ ; такъ какъ для отрывковъ, общихъ всѣмъ тремъ синоптикамъ, въ те-

347) Авторы синоптическихъ таблицъ Sevin, Bunsen и Tischendorf прямо, какъ и должно, указываютъ параллели Марка съ Матѳеемъ. См. ихъ Synopsis'ы.

оріи указанъ первый источникъ А; слѣдовательно, второй—А не нуженъ и за тѣмъ—не самостоятеленъ.—Не самостоятельность А въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе вѣроятна, что „Маркъ, по словамъ Гольцмана, имѣлъ подъ руками Нагорную бесѣду, но опустилъ ее...“³⁴⁸⁾. А такъ какъ онъ опустилъ ее не совершенно всю,—нѣкоторые отрывки изъ нея оставилъ въ своемъ Евангеліи, подобно тому, какъ онъ поступилъ и съ разсказами, заимствованными изъ А; то слѣдуетъ, что и для него должно предполагать источникъ А. Слѣдовательно, этотъ А есть тоже, что А, потому что онъ источникъ общій для трехъ Евангелистовъ; иначе говоря—А не самостоятельное произведеніе.

Такимъ образомъ, если отрывки изреченій, изложенныхъ параллельно у Матѳея и Луки въ Нагорной проповѣди, не буквально тождественны; если нѣкоторымъ параллельнымъ отрывкамъ у Матѳея находятся соответственные и буквально сходные отрывки у Марка: то слѣдуетъ признать или то, что А не самостоятельное письменное произведеніе только въ отношеніи къ Евангеліямъ Матѳея и Луки, или—то, что оно не самостоятельно и по отношенію ко всемъ тремъ синоптикамъ, такъ какъ его отдѣльное существованіе исключается признаніемъ первоисточника А, общаго для трехъ Евангелій.

Независимость Евангелія Матѳея отъ А въ Нагорной проповѣди доказывается не только тѣмъ, что параллельные отрывки ея у Луки не одинаковы съ тѣми, которые находятся у Матѳея; но и главнымъ образомъ тѣмъ еще, что „изложеніе существенной части этой проповѣди, какъ и другихъ рѣчей Христовыхъ, принадлежитъ только Матѳею“, т. е. не имѣетъ себѣ параллели.—Такъ это сознаетъ и самъ Гольцманъ относительно именно Нагорной проповѣди, когда говоритъ: „первая и большая изъ

348) Holtzmann,—S. 75 u. a.

этихъ композицій—Нагорная проповѣдь не изъясняется предположеніемъ только А и А...“; поэтому онъ полагаетъ, что „были для подобныхъ композицій еще нѣкоторые, даже письменные, источники...“ Но, продолжаетъ Гольцманъ, остается неяснымъ, откуда у Матѳея получалась матерія, которая составляетъ существенное (!) содержаніе Нагорной проповѣди... Въ такихъ пунктахъ первое Евангеліе есть вѣроятно оригиналь³⁴⁹⁾. Слѣдовательно, какъ въ главномъ и существенномъ содержаніи, такъ и въ остальныхъ частяхъ своихъ, Нагорная проповѣдь, изложенная у Матѳея, не относится къ источнику А; потому что она имѣетъ твердую связь въ цѣломъ; потому что параллельные отрывки ея у Луки съ ея же частями у Матѳея различны по изложенію; потому что есть параллельные отрывки, соответствующіе ей у Марка; потому что главное содержаніе ея не заимствовано Матѳеемъ ни изъ какого письменнаго источника и принадлежитъ собственно этому Евангелисту.

Независимость Евангелія Матѳея отъ А обнаруживается не только въ Нагорной проповѣди, но и въ другихъ рѣчахъ Христовыхъ, по теоріи, входящихъ въ составъ источника А,—въ томъ именно, что и въ нихъ есть отрывки, которымъ можно указать параллели въ Евангеліи отъ Марка. Такъ, въ рѣчи при посланіи Апостоловъ на проповѣдь, отрывки, общіе у Марка съ Матѳеемъ и Лукой, суть: VI, 6—7. V, 9. XIII, 9—13. IV, 22. VI, 12; общіе только съ Матѳеемъ: VI, 10—11. IX, 41. VI, 13.—Въ Рѣчи при посланіи 70-ти учениковъ отрывки, общіе у Марка съ Матѳеемъ и Лукой, суть: IV, 8—11 и д. Въ Рѣчи противъ фарисеевъ: XII, 38—39, 40 и пр. Этотъ фактъ требуетъ того же объясненія, какое предложено въ теоріи совершенно сходному съ нимъ факту согласія трехъ Евангелистовъ—синоптиковъ

349) Holtzmann,—S. 158. 161—162.

въ разказахъ. Для сходныхъ отрывковъ указанныхъ рѣчей, по теоріи, должно предполагать одинъ общій источникъ; а если эти сходные отрывки находятся именно у трехъ Евангелистовъ; то для нихъ остается опять одинъ первый, общій всѣмъ тремъ, источникъ А, и потому второй—А не нуженъ и несамостоятеленъ.

Эта полная несамостоятельность А сознается, наконецъ, и самимъ Гольцманомъ, когда онъ спрашиваетъ себя, въ какомъ опредѣленномъ видѣ должно представлять себѣ источникъ А.—„Если мы, говоритъ Гольцманъ, обратимся теперь къ вопросу, какъ построить второй источникъ, т. е. А, насколько это возможно по даннымъ основоположеніямъ; то мы должны напередъ замѣтить, что здѣсь по существу дѣла въ высшей степени трудно достигнуть желаемого результата, подобно тому, какъ это было и въ отношеніи перваго источника...“ Почему же?—„потому что Матѳей и Лука воспроизводятъ источникъ А только относительно вѣрно...“ Этого и довольно. Если нельзя точно опредѣлить каждый источникъ въ отдѣльности, то, конечно, невозможно разграничить ихъ одинъ отъ другаго, доказать ихъ самостоятельность или независимость одного отъ другаго.

Итакъ, получается слѣдующая рѣшительная дилемма: или должно признать зависимость Матѳея отъ А и самостоятельность этого втораго источника; или—независимость Матѳея отъ А, и самостоятельность Матѳея, Марка и Луки. Перваго положенія нельзя принять, потому что трудно и даже невозможно разграничить содержаніе А отъ А; чрезъ это приходится признать существованіе только одного А, основнаго для всѣхъ трехъ синоптиковъ, письменнаго источника. Это противорѣчитъ какъ самымъ основнымъ положеніямъ теоріи Гольцмана, такъ и всему направлеңію, котораго онъ держится въ своемъ изслѣдованіи. Но признаніе одного общаго и основнаго письменнаго источника А для всѣхъ трехъ синоптиковъ есть тоже, что признаніе теоріи Первоевангелія,—

что неизбежно ведетъ ad absurdum, какъ показало историческое развитіе этой теоріи въ школѣ Эйхгорна.— Нельзя признать одного А, но нельзя признать при немъ и другаго А; а потому теорія, выставя два источника А и А, изъ коихъ А не можетъ быть самостоятельнымъ, а другой—А—единственнымъ, неудовлетворяетъ своей цѣли—выяснить взаимныя отношенія синоптиковъ и, какъ такая, должна быть признана научно несостоятельною. Слѣдовательно, остается вѣрнымъ второе положеніе выше поставленной дилеммы, что Матѳей, Маркъ и Лука не имѣли для себя письменныхъ источниковъ А и А, или—только одного А.

Неудовлетворительность теоріи Гольцмана всего лучше подтверждается необходимымъ съ ея стороны предположеніемъ еще нѣкоторыхъ письменныхъ источниковъ кромѣ А и А.—„Послѣ того, какъ мы, говоритъ Гольцманъ, содержаніе, общее всѣмъ тремъ Синоптикамъ, отнесли къ А, а общее двумъ Матѳею и Лукѣ къ—А, остается еще рядъ отдѣловъ въ Евангеліяхъ Матѳея и Луки, кои принадлежатъ именно только тому или другому изъ нихъ и возбуждаютъ вопросъ, не было ли при А и А еще нѣкоторыхъ письменныхъ источниковъ?—Эту массу (!) невыводимой ни откуда и неотносимой ни къ какому изъ предположенныхъ источниковъ должно разсматривать какъ авторскій продуктъ обоихъ Евангелистовъ...“³⁵⁰). Одна-

350) Этихъ отрывковъ, не относящихся, по теоріи, къ А и къ А, довольно много. У Матѳея: I—II. III, 14—15. IV, 14—16. V, (14) 16—17. 19—24. 27—28 (31). 33—38. VI, 1—8. 16—18. 34. VII, 6. 15. 21. VIII, 17. IX, 27—31. X, 5—6. 8. (6). 23. 25. XI, 28—30. XII, 5. 7. 17—21. 33. 36. 37. XIII, 24—30. 36—52. XIV, 28—32. XV, 12. 13. XVI, 17—19. XVII, 24—27. XVIII, 15—20. 23—35. XIX, 11. 12. XX, 1—16. XXI, 4—5. 14—16. 28—32. XXII, 2. 3. 5. 8—12. 15—22. 24. XXIV и почти вся эсхатологическая рѣчь. XXVI, 1. 2. 52—54. XXVII, 3—10. 19. 24. 51—54. 62—66. XXVIII, 2—4. 9. 10. 11—15. 16—20.—у Луки: I—II. III, 1. 2. 10—14. 23—38. IV, 16—30. V, 1—11. VII, 11—17. 36—50. VIII, 1—3. IX, 51—56. 61—62. X, 17—20. 25—37. 38—42. XI, 5—8. 27—28. XII, 13—21. 32—33. 35—38. 41. 47—48. 49—50. XIII, 1—5. 6—9. 10—17. 22. 31—33. XIV, 1—15. 16—24. 28—33. XV, 8—10. 11—32. XVI, 1—12. 14. 15. 19—31. XVII, 7—10. 11—19. 20. 23. 25. 28. 29. 32. XVIII, 1—8. 9—14. XX, 1—10. 11—27. 39—44. XXII, 24—30.—

ко, откуда, напимѣрь, у Матѳея явилась та матерія, которая составляетъ существенное содержаніе Нагорной проповѣди и отчасти Рѣчи противъ фарисеевъ?— Въ этомъ случаѣ Евангеліе Матѳея есть собственно оригиналъ“, отвѣчаетъ Гольцманъ. Такое мнѣніе возбуждаетъ прежде всего вопросъ, неужели только одинъ Ев. Матѳеи зналъ и помнилъ существенное содержаніе Нагорной проповѣди, а все общество первыхъ учителей вѣры Христовой не знало этого, одного изъ самыхъ важныхъ пунктовъ ученія Спасителя?—Если же знали это и другіе— что рѣшительно несомнѣнно по примѣру даже самого Ап. Матѳея; то могло быть твердое воспоминаніе какъ того, что составляетъ самое существенное содержаніе Нагорной проповѣди, такъ и того, что менѣе существенно, т. е. изреченій, общихъ у Матѳея съ другими Евангелистами Маркомъ и Лукой. А отсюда слѣдуетъ, что или Матѳеи не оригиналенъ въ изложеніи и тѣхъ отрывочныхъ изреченій, которыя находятся только въ его Евангеліи, или въ параллельныхъ отрывкахъ онъ могъ быть оригинальнымъ также, какъ и въ особенныхъ, ему только принадлежащихъ. Съ точки зрѣнія Гольцмана, слѣдуетъ принять первое положеніе, тѣмъ вѣрнѣе, что и въ собственно Матѳею принадлежащихъ отрывкахъ Гольцманъ усматриваетъ слѣды еще нѣкоторыхъ даже письменныхъ источниковъ. По его мнѣнію,—„опредѣленные слѣды очень небольшого письменнаго источника можно указать, напимѣрь, въ обоихъ родословныхъ таблицахъ“.—Но если для явно различныхъ, а по мнѣнію отрицательной критики—даже противорѣчащихъ, генеалогій, Гольцманъ позволяетъ себѣ предполагать письменный источникъ; то уже совершенно не остается основанія, почему можно было бы узнать, какой отрывокъ принадлежитъ собственно Матѳею и какой—Луку. А если притомъ за нѣкоторыми особенно важными по своему содержанію отрывками, находящимися только у одного изъ Евангелистовъ, есть возможность и основаніе при-

знать, съ точки зрѣнія Гольцмана, компилятивный характеръ; то теорія, очевидно, лишается всякаго опредѣленнаго критерія, такъ какъ, по Гольцману, слѣдуетъ, что сходные и несходные отрывки Евангелій, записанные Синоптиками, непременно компилятивны. Это и служить кореннымъ противорѣчіемъ всей теоріи Гольцмана.

Сущность этой теоріи состоитъ въ томъ, что содержаніе Евангелій, сходно изложенное у трехъ Синоптиковъ, предполагаетъ одинъ, а сходное у двухъ изъ нихъ—другой письменный источникъ. Но это основное и существенное положеніе теоріи отрицается тѣмъ, что и несходные отрывки, по теоріи, также предполагаютъ письменный источникъ. Если, на-оборотъ, предположить, что несходные отрывки, составляющіе иногда главное содержаніе большихъ Ев. рѣчей, оригинальны; то сходные тѣмъ болѣе должны быть таковыми, если они даже не составляютъ главнаго содержанія рѣчей, относимыхъ къ письменнымъ источникамъ А и Л.

—Общій результатъ предыдущаго разбора: нельзя признать научно вѣрнымъ какъ то положеніе Гольцмановой теоріи, что а) сходство синоптиковъ предполагаетъ общій для нихъ письменный источникъ; такъ и то, что б) содержаніе общее тремъ синоптикамъ должно отнести къ одному источнику—А, и общее двумъ изъ нихъ—къ другому—Л. Слѣдовательно, синоптики вполне самостоятельны.

XIV.

Въ подтвержденіе своихъ соображеній о существованіи письменныхъ источниковъ для первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій Гольцманъ обращается къ филологическимъ или вообще лингвистическимъ основаніямъ,—къ языку и слово-употребленію Синоптиковъ. Здѣсь, по его выраженію, находится полное оправданіе его мнѣнія и, какъ ему кажется, потому, что „можетъ быть весьма ясно выражено взаимное отношеніе трехъ Евангелистовъ къ ихъ источникамъ, если тщательно изслѣдовать стилистическія особенности ихъ Евангелій“.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что каждому писателю свойственны особенныя, его лично-характерныя выраженія, составляющія его стиль; и если такія выраженія напередъ будутъ извѣстны критику текста извѣстныхъ сочиненій, то, конечно, онъ можетъ указать тѣ или другіе отрывки, написанные слогомъ извѣстнаго уже ему автора въ сочиненіи другаго, также напередъ уже извѣстнаго по своему стилю. А если сочиненія, подлежащія критикѣ, принадлежатъ такому автору-компилятору, который то пополняетъ, то опускаетъ, то видоизмѣняетъ и замѣняетъ, то поясняетъ или иначе представляетъ рассказы и рѣчи,—предложенія и выраженія,—слова и ихъ формы

въ извѣстномъ компилируемомъ сочиненіи; то можно а ргіогі справедливо сказать, что при этихъ условіяхъ нѣтъ возможности дать какой-либо опредѣленный, не-субъективный критерій, съ помощію котораго можно было бы одни обороты рѣчи отнести по принадлежности къ сочиненію одного автора или его источника, а другіе къ другому.

Впрочемъ, по замѣчанію Гольцмана—„основное положеніе, что стиль есть человѣкъ, должно быть правильно понято“. Это—конечно; но въ томъ-то и состоитъ трудность,—какъ соблюсти эту желаемую правильность, если въ данномъ дѣлѣ—при опредѣленіи письменныхъ источниковъ синоптическихъ Евангелій—нѣтъ опредѣленнаго и точнаго критерія. Это—такъ и по признанію самого Гольцмана: „различные источники и оригиналъ могутъ быть легко указаны и измѣнены лишь только тогда, когда критикъ вспомоществуется въ этомъ отношеніи надежной нормой и основаніями“.—Да. Но какъ опредѣлить норму и дать основанія для того, чтобы въ достаточной мѣрѣ точно указать отношеніе между мнимо-извѣстной компиляціей и оригиналомъ источникомъ Евангелій?—на это нѣтъ и не можетъ быть удовлетворительнаго отвѣта въ теоріи Гольцмана, которая въ данномъ моментѣ своего развитія идетъ отъ указанія особенностей къ опредѣленію имъ соответствующихъ, хотя по нимъ же и опредѣляемыхъ, источниковъ Евангелій.

Что именно признать особенностію въ стилѣ и какого собственно источника?—вотъ существенно главный вопросъ въ настоящемъ дѣлѣ; но онъ необходимо остается безъ удовлетворительнаго отвѣта,—по ложному направленію и неправильному приложенію самаго метода изслѣдованія со стороны Гольцмана.—Сущность дѣла, съ точки зрѣнія Гольцмана, можетъ быть выражена такъ: нѣкоторые рассказы или рѣчи, заключающіе въ себѣ извѣстныя выраженія или слова, которыя составляютъ ихъ особенность, принадлежатъ собственно такому-то источ-

нику, напимръ—А. Это само собою возбуждаетъ вопросъ, почему же не другому—А?—На это необходимо должно и можно искать отвѣтъ только уже въ самомъ содержаніи данныхъ разказовъ или рѣчей. Между тѣмъ само содержаніе ихъ относится, по теоріи, напимръ, къ А только потому въ данномъ случаѣ, что они заключаютъ въ себѣ такіа фразы или слова. Такъ, по теоріи, приходится объ особенностяхъ стиля А или т. п. судить по содержанію отрывковъ извѣстнаго источника, а содержаніе этого источника опредѣляется по извѣстнымъ стилистическимъ особенностямъ или вообще лингвистическимъ даннымъ. Очевидно, должно принять за вѣроятное что-либо одно, или—то, что стилистическія особенности Евангелій, опредѣляемыя содержаніемъ ихъ отрывковъ, не имѣютъ самостоятельной силы доказательности, или—независимо отъ этого—никакой совершенно. Но для теоріи Гольцмана, которая доказательность стилистическихъ особенностей обусловливаетъ самымъ содержаніемъ ихъ включающихъ отрывковъ, независимое отъ того разсмотрѣніе этихъ особенностей, собственно говоря, и невозможно. Также и второй способъ разсматриванія для опредѣленія значенія ихъ, какъ аргументовъ, не достигаетъ цѣли именно потому, что тогда и всякая другая теорія можетъ найти въ нихъ для себя столь же твердую опору. Иначе говоря, эти стилистическія особенности синоптиковъ не могутъ быть строго научнымъ средствомъ для оправданія какой-бы то ни было теоріи. Это положеніе не отрицается самымъ пониманіемъ и приложеніемъ понятія о стилистическихъ особенностяхъ въ теоріи Гольцмана, хотя онъ и заявляетъ, что „такое пониманіе и правильное приложеніе его, дѣлаютъ стилистическія особенности средствомъ, пригоднымъ для цѣли, — что этими особенностями опредѣляются извѣстные письменные источники и даже извѣстное число ихъ“³⁵¹⁾.

351) Нужно замѣтить, что Гольцманъ для своей цѣли пользуется трудами

По изслѣдованію Гольцмана, открывается, что а) въ основаніи всѣхъ трехъ синоптическихъ Евангелій лежитъ источникъ А, сверхъ того, для Евангелій Матѳея и Луки—еще источникъ А. Эти два источника представляютъ особую область языка.—б) Каждый Евангелистъ имѣетъ свой собственный стиль, который равномѣрно въ его Евангеліи проходитъ чрезъ всѣ разказы и рѣчи. Та и другая часть Евангелія равномѣрно обработана. Относительно рѣчей Матѳея и Луки весьма значительно обнаруживаютъ свою самостоятельную авторскую дѣятельность,—они тотъ и другой источникъ комбинируютъ въ одномъ Евангеліи.—в) Синоптики перерабатывали свои источники при самостоятельномъ словоупотребленіи: никто изъ нихъ не передаетъ свою матерію словами А или А исключительно, т. е. каждый непременно привноситъ свои слова и обороты рѣчи или оригинальный стиль. Не извѣстно, однако, что и чѣмъ здѣсь оправдывается: тео-

своихъ давнихъ и позднѣйшихъ предшественниковъ, каковы суть: Wetstein, Von- Willes, Iohan Daniel Schulze, David Schulz; большое значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи Саксонскій пасторъ Christophor Gott-helf G e r s d o r f, который «былъ увѣренъ, что такіа малости, какъ слова, ихъ формы, обороты рѣчи и п., суть именно то, чрезъ что можно различить писателей Новозавѣтныхъ точнѣе, подлинное отъ неподлиннаго отдѣлить острѣе, не впасть въ ошибку по поводу схолий, интерполицій и глоссемъ». Ему принадлежитъ: Beitrage zur Sprach—Charakteristik der Schriftsteller. d. N. T., eine Sammlung meist neuer Bemerkungen. 1. 1816. Послѣ Gersdorf'a извѣстны: Röstlin, De - Wette, Credner, Zeller, Mayerhoff, Wilke, Hitzig und Weiss, наконецъ къ числу ихъ отчасти относится и самъ Holtzmann. Понятно само собою, что всѣ эти ученые въ такомъ дѣлѣ, какъ опредѣленіе слога извѣстнаго источника синоптиковъ, должны были разногласить другъ съ другомъ. И дѣйствительно, Гольцманъ говоритъ, что Gersdorf «принималъ за характерное то, что не было даже особеннымъ,—относилъ къ Матѳею и Лукѣ то, что скорѣе было характеристикой Марка или его источниковъ (!)...» Такъ «ошибался» Gersdorf, менѣе другихъ тенденціонный лексикологъ Н.—З. св. писанія; что же сказать объ авторахъ разбираемыхъ нами теорій?—

рія-ли извѣстнымъ употребленіемъ стилиа или употребленіе стилиа разсматривается и опредѣляется соответственно теоріи. Такъ или иначе; но прежде всего самые тезисы Гольцмана, касающіеся стилистическихъ особенностей Евангелій, представляютъ взаимное противорѣчіе одинъ другому.

Въ самомъ дѣлѣ, если „каждый Евангелистъ имѣетъ свой собственный стиль, проходящій въ его Евангелии одинаково по всѣмъ рассказамъ, какъ и по всѣмъ рѣчамъ (тезисъ 2-й)“; то какъ можно отличить при этомъ еще источники каждаго Евангелія и дознать, что въ основаніе всѣхъ трехъ синоптиковъ положенъ одинъ общій источникъ А (тезисъ 1-й)?—Понятно, такъ: слова и выраженія, которыя встрѣчаются только у одного Евангелиста, будутъ относиться къ числу особенностей его стилиа, а сходныя у трехъ или двухъ—къ области языка извѣстнаго источника, напримѣръ А. Но если такъ, то съэтимъ трудно примирить тотъ тезисъ, что „Синоптики не были только копіистами, а перерабатывали свои источники при самостоятельномъ употребленіи языка (тезисъ 3-й)“?—Слѣдовательно, должно признать, что синоптики были и самостоятельны, и компилятивны въ отношеніи къ языку письменныхъ источниковъ. А это возбуждаетъ новый вопросъ, почему же нѣкоторыя слова Синоптики замѣняли другими, а нѣкоторыя и большинство ихъ оставляли?—На это въ теоріи нѣтъ и не можетъ быть удовлетворительнаго отвѣта. И это—такъ, именно потому, что предположеніе—сходные обороты рѣчи или слова указываютъ одинъ источникъ, а особенные у того или другаго Евангелиста—другой,—уничтожается тѣмъ соображеніемъ Гольцмана (тезисъ 3-й), что различныя формы выражаютъ собственно одно и тоже содержаніе (—одинъ источникъ?), только самостоятельно переработанное въ стилистическомъ отношеніи. Слѣдовательно, стиль еще не свидѣтельствуетъ о различіи письменныхъ источниковъ. Этотъ выводъ подтверждается еще тѣмъ соображеніемъ

Гольцмана (тезисъ 2-й), что Матѳеей и Лука при изложеніи рѣчей весьма много обнаруживаютъ свою авторскую самостоятельность, комбинируя оба главные источника А и Л. Отсюда, если даже есть сходство въ извѣстныхъ отрывкахъ по стилю, то и оно не свидѣтельствуетъ объ одномъ и томъ же источникѣ; потому что оно можетъ быть объяснено переработкою двухъ источниковъ въ одномъ трудѣ и однимъ авторомъ—въ одномъ опредѣленномъ отдѣлѣ его труда. А потому, сходство (по тезису 2-му) не свидѣтельствуетъ о тождествѣ одного источника, такъ какъ оно можетъ быть слѣдствіемъ самостоятельной обработки и комбинаціи двухъ источниковъ; разнообразіе выраженій (по тезисамъ 2-му и 3-му) не свидѣтельствуетъ о двухъ различныхъ источникахъ, такъ какъ оно могло быть слѣдствіемъ также самостоятельной переработки одного и того же источника.—Итакъ, если (по тезису 1-му) представляется, что существовали два источника А и Л съ особенной окраской языка; то они (по тезису 3-му) могли быть двумя редакціями одного и того же источника въ стилистическомъ отношеніи. Если (по тезису 2-му) каждый Евангелистъ имѣетъ свой собственный стиль; то (по тезису 1-му) нѣтъ основанія предполагать для него особой окраски языка, указывающей на другой основной для него источникъ. Если (по тезису 3-му) Синоптики не были только копіистами, а напротивъ, обрабатывали свои источники при самостоятельномъ словоупотребленіи; то ихъ обработка (по тезису 1-му) не представляетъ ничего вполнѣ и существенно самостоятельнаго или (по тезису 2-му) не даетъ возможности указать ихъ источники; такъ какъ они перерабатывали свои источники иногда А и Л вмѣстѣ, иногда одинъ А или Л, придавая имъ (по тезису 2-му) самостоятельный стиль и (по тезису 3-му) даже языкъ.—Такъ изъ самыхъ тезисовъ теоріи видно, что ея указаніе стилистическихъ особенностей въ текстѣ синоптиковъ, не имѣетъ значенія научной аргу-

ментации въ пользу ихъ компилятивной зависимости отъ источниковъ А и Л.

Сбивчивость и несостоятельность тезисовъ, касающихся стилистическихъ особенностей, обнаруживается въ самомъ приложеніи къ дѣлу того общаго сужденія, что „стиль есть человекъ“.—Въ теоріи: „судя по сравненію языка и выраженій, синоптическія Евангелія въ главномъ дѣлѣ являются вариациями одного и того же источника и уклоненія ихъ отъ него состоятъ въ перемѣнѣ а) синонимическихъ выраженій,—б) въ выборѣ названій лицъ,—в) въ положеніи, которое принимаетъ опредѣленное слово въ составѣ предложенія,—г) въ выраженіи предложенія,—д) въ приведеніи пояснительныхъ предложеній,—е) въ различномъ спряженіи однихъ и тѣхъ же словъ“. Этимъ, по теоріи, и доказывается, что „всѣ Синоптики, судя по ихъ языку и словоупотребленію, имѣли предъ собой опредѣленный текстъ, которому они то слѣдуютъ до-словно, то перемѣняютъ нѣкоторыя выраженія“. Слѣдовательно, какъ сходство, такъ и различіе въ языкѣ Синоптиковъ одинаково говорятъ въ пользу теоріи, предполагающей для нихъ письменный источникъ. На-оборотъ, что же требуется отъ писателей-синоптиковъ, чтобы они стали для критики Гольцмана самостоятельными въ стилистическомъ отношеніи?—ужели полнѣйшее различіе въ ихъ текстѣ и языкѣ?—Если это такъ, то слѣдуетъ предположить вмѣстѣ съ тѣмъ такое же различіе и въ самомъ содержаніи ихъ, выраженіемъ котораго служить синоптическій текстъ. Сходное содержаніе,—особенно если оно точно выражается или прямо изъ устъ въ уста передается и воспоминается,—неизбѣжно должно быть сходнымъ въ изложеніи и въ самомъ языкѣ у различныхъ посредствующихъ въ этомъ дѣлѣ лицъ. Самостоятельность не есть то, что называется совершеннѣйшею независимостію или полнѣйшимъ различіемъ одного автора отъ другаго въ содержаніи и изло-

женіи одного и того же предмета ³⁵²⁾. Разказы и рѣчи, сходные по содержанію, однако достаточно различные по выраженію и языку, еще не предполагаютъ для себя непременно общій письменный источникъ, объясняющій, по теоріи, это сходство. Тамъ, гдѣ теорія по сходству заключаетъ объ одномъ источникѣ, можно на-оборотъ думать, что оно зависѣло отъ одного автора; гдѣ различіе въ стилѣ, по теоріи, предполагаетъ особенности автора, тамъ, на-оборотъ, можно думать объ одномъ источникѣ, переработанномъ съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ въ стилистическомъ отношеніи и т. д.

Если это вѣрно вообще, то также оно вѣрно и въ частностяхъ.

а) Относительно „перемѣны синонимическихъ выраженій“ должно сказать, что она при письменномъ источникѣ не имѣетъ цѣли. Гольцманъ указываетъ слѣдующіе примѣры въ этомъ отношеніи. Въ притчѣ о сѣятелѣ у Марка стоитъ слово *σατανας*, у Матѳея вмѣсто этого—*πονηρος*, у Луки—*διαβολος*. Это, по мнѣнію Гольцмана, доказываетъ, что Синоптикамъ предлежалъ одинъ письменный источникъ, но они съ своей стороны перемѣнили названіе сѣявшаго плевелы синонимами *σατανας*, *πονηρος*, *διαβολος*. По какому же поводу произошла эта перемѣна синонимовъ?—неизвѣстно и не можетъ быть извѣстно; такъ какъ отъ перемѣны этихъ синонимовъ смыслъ притчи не измѣняется; при томъ даже и неизвѣстно, какой именно изъ синонимовъ *σατανας*, *πονηρος*, *διαβολος* принадлежитъ собственно первоисточнику: синонимъ **σατανας*, принятый Маркомъ, встрѣчается и у другихъ, а синонимъ *διαβολος*, принятый Лукою, встрѣчается въ Евангеліи

352) Одни и тѣ же разказы или изреченія, ясно и опредѣленно переданные искренно интересующимся, а потому тщательно внимательнымъ, слушателямъ всегда находятъ себѣ приблизительно полное, однако точно, а потому и вообще сходное изложеніе и выраженіе при устной или письменной ихъ передачѣ. Это предполагаютъ, знаютъ и подтверждаютъ Психологія и Дидактика.

Маттея,—не только въ данной притчѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Эти синонимы употребляются какъ въ одномъ источникѣ, такъ и въ другомъ, и въ разныхъ ³⁵³). Следовательно, употребленіе разныхъ синонимовъ, какъ *σατανας, πανηρος, διαβολος*, не говоритъ ни объ особенномъ стилѣ синоптическихъ Евангелистовъ, ни о письменномъ источникѣ ихъ: въ данномъ случаѣ синоптики различны, но не стилистически; они употребляютъ различные синонимы, но не видно, чтобы они держались одного письменнаго источника,—различіе вообще указываетъ только на независимость...

Еще примѣръ того же рода: Ев. Маркъ въ той же притчѣ употребляетъ *οι σπειρομενοι*, Маттея—*οι σπαρεις*, Лука—*το πεσον*. Дѣйствительно, у Марка въ одномъ и томъ же объясненіи притчи о сѣятелѣ употребляется слово *σπειρομενοι* трижды; у Маттея слово *σπαρεις*—четыре раза; у Луки слово *πεσον*—однажды. Но что же отсюда слѣдуетъ?—никакъ не особенность стиля. Прежде всего опять неизвѣстно, какое изъ трехъ словъ *σπειρομενοι, σπαρεις* и *πεσον* было въ первоисточникѣ; неизвѣстно, почему одинъ Евангелистъ отступаетъ отъ другаго; у двухъ—Маттея и Марка слова *σπειρομενοι* и *σπαρεις* одного корня и различаются только въ числахъ,—одно во множественномъ числѣ, другое въ единственномъ; а это нельзя признать особенностью стиля. Въ той же притчѣ и Ев. Маттея нѣкоторыя слова употребляетъ во множест-

353) Слово *σατανας* встречается: Мѡ. XVI, 23. Мр. VIII, 33. Мѡ. IV, 10. XII, 26. Мр. I, 13. III, 23. 26. IV, 15. Лук. IV, 8. X, 18, XI, 18. XIII 16, XXII, 3. 31.—*Πανηρος*: Мѡ. VI, 23. VII, 17. 18. Лук.: XI, 34. Мѡ. V, 37. 45. IX, 4. (3). XII, 34. 35. 39. 45. XIII, 49. XV, 19. XVI, 4. XVIII, 32. Мр.: VII, 23. Лук.: III, 19. VI, 35. 45. VII, 21. VIII, 2. XI, 26. 29. Мѡ. V, 39. VII, 11. XX, 15. Мр. VII, 22. Лук. XI, 13. Мѡ. VI, 14. Лук. XI, 4. Мѡ. XIII, 19. Мр. IV, 15. Лук. VIII, 12. Мѡ. XIII, 38. VI, 13. Лук. XI, 4. Мѡ. XXV, 26. Лук. XIX, 22. Мѡ. XXII, 10. Лук. VI, 22. Мѡ. V, 11.—*Διαβολος*: Мѡ. IV, 1. Мр. I, 13. 38. Мѡ. IV, 5. 8. XXV, 41. Лук. IV, 2. 3. VIII, 12.— по Lexicon'у Schleisner'a.

венномъ числѣ, напримѣръ: *α μεν επεσεν, αλλα...* какъ и Маркъ, на-оборотъ,—въ единственномъ: *ο μεν επεσεν, αλλο επεσεν...* Лука употребляетъ *το πεσον*—по корню отличающееся отъ тѣхъ словъ, принятыхъ Маттеемъ и Маркомъ; но и это не стилистическая разность; потому что слово *το πεσον* соответствуетъ употребляющемуся въ притчѣ слову, одного съ нимъ корня—*επεσον*, а это слово въ формѣ *επεσεν* употребляютъ Маттея и Маркъ, именно такъ: Маттея—*α μεν επεσεν*; Маркъ—*ο μεν επεσεν*; Лука также—*ο μεν επεσεν*. А съ другой стороны слова у Марка *σπειρομενοι*, у Маттея—*σπαρεις*, тоже не стилистическія особенности: какъ у того, такъ и у другаго Евангелиста этимъ словамъ, употребляющимся въ изъясненіи притчи соответствуютъ въ самой притчѣ слова одного съ ними корня, какъ *σπειραι* и под. Маттея говоритъ: *εξηλθεν ο σπειρων του σπειραι...* Маркъ: *εξηλθεν ο σπειρων σπειραι...* А этому слову *σπειραι* и у Луки въ той же притчѣ есть нѣсколько словъ соответствующихъ по корню и сходныхъ по формѣ; онъ употребляетъ такой оборотъ: *εξηλθεν ο σπειρων του σπειραι... και εν τω σπειρευ...* Такъ Маттея и Маркъ, держась глагола *σπειραι* употребляютъ потомъ *σπειρομενοι* и *σπαρεις*, а Лука, держась глагола *επεσεν*, употребляетъ *το πεσον*. Но у всѣхъ трехъ Синоптиковъ есть и *σπειραι*, и *επεσεν*. Если же такъ, то какое между ними стилистическое или лингвистическое различіе?—его нѣтъ; а потому еще непонятнѣе становится самое отступленіе Евангелистовъ отъ текста предполагаемаго письменнаго источника: перемѣна синонимическихъ выраженій *σπειρομενοι, σπαρεις* и *πεσον* не даетъ притчѣ ни большей ясности, ни точнѣйшей опредѣленности, и потому не представляетъ доказательсва, что при этомъ отношеніи синонимовъ синоптическія Евангелія суть видоизмѣненія одного и того же, именно письменнаго, источника.

б) Относительно „перемѣны въ выборѣ выраженій для названія лицъ“ нужно замѣтить, что это различіе

Синоптиковъ не есть въ собственномъ смыслѣ вариация, которая предполагаетъ проведение извѣстнаго слова чрезъ весь варируемый текстъ; этого здѣсь нѣтъ. Напримѣръ: „название *Ἰησοῦς Χριστός*,—впослѣдствіи *solenne Name*, какъ выражается Гольцманъ,—правда, находится нѣсколько разъ въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, однако ни разу не встрѣчается у Луки въ Евангеліи, мало и у другихъ Синоптиковъ (Мѡ. I, 18—variant), если не имѣть въ виду надписи на крестѣ Христа, у Марка въ I, 1 и Матѡея: I, 1 ст., что открываетъ позднѣйшую точку зрѣнія рассказчика.—Первоисточникъ А и Синоптики обыкновенно говорятъ *ὁ Ἰησοῦς*. Членъ *ὁ* отбрасывается, если слово *Ἰησοῦς* точнѣе опредѣляется какимъ-либо другимъ словомъ (напр. Мр. I, 9. X, 46. XVI, 6). Отъ этого правила иногда уклоняется Матѡей, какъ въ гл. XXVI, 51 ст.,—что, напримѣръ, въ XXIX, 30 ст. изъясняется по крайней мѣрѣ опущеніемъ слова *ὁ Ναζαρηνοῦς*, Мр. X, 47. Лук. XVIII, 37. Кромѣ *ὁ Ἰησοῦς* первоисточника А употребляютъ еще иногда *ὁ Χριστός*, какъ имя должности, напримѣръ: Мр. VIII, 29. Мѡ. XVI, 16. Лук. IX, 20. Мр. XII, 35. Мѡ. XXII, 42. Лук. XX, 41. Это слово-употребленіе усвоилъ себѣ Матѡей (ср. I, 17. 18. II, 4. XI, 2); но онъ употребляетъ это слово въ составѣ съ другимъ: *Ἰησοῦς ὁ λεγόμενος Χριστός* (I, 16. 27. XXVII, 17. 22),—какъ съ другой стороны, Лука прибавляетъ названіе *Κυριός*; и это слово, которое у другихъ встрѣчается только въ рѣчахъ, онъ вводитъ въ историческій рассказъ (VII, 13. X, 1. XI, 39. XII, 42. XIII, 15. XVII, 5. 6. XVIII, 6. XXII, 31. 61)³⁵⁴). Пусть все это—такъ; но все это нисколько не говоритъ въ пользу теоріи. Можно ли назвать Евангеліа отъ Матѡея, Марка и Луки видоизмѣненіями А, если въ каждомъ изъ нихъ много разъ и разнообразно встрѣчаются слова *Ἰησοῦς* и *Χρι-*

354) Holtzmann, —S. 276.

στος. Здѣсь весьма важно знать, какое собственно имя варьируется—*Ἰησοῦς* или *Χριστός*. Если—*Χριστός*, то зачѣмъ же употребляется слово *Ἰησοῦς* у всѣхъ трехъ Синоптиковъ и притомъ какъ въ А, такъ и въ Λ? Если—слово *Ἰησοῦς*, то какъ же оно является опять тоже у всѣхъ трехъ Евангелистовъ?—Нѣтъ, слова, какъ *Ἰησοῦς* и *Χριστός* не могутъ быть признаны вариантами, потому что то и другое суть имена равно важныя и кромѣ нихъ нѣтъ еще такого. И что за нужда была измѣнять преблаженное имя *Ἰησοῦς Χριστός*?—Въ Евангеліи встрѣчаются попеременно имена *Ἰησοῦς* и *Χριστός*; но это не варианты источника А или Λ, а только точная передача словъ, сказанныхъ извѣстными Евангельскими лицами. Здѣсь именно нужно имѣть въ виду то, что теорія явно погрѣшаетъ противъ литературно-исторической правды, усвоивъ названія *Ἰησοῦς* и *Χριστός*, какъ стилистическую собственность, Матѡею, Марку и Лукѣ или ихъ источникамъ—А и Λ; она забываетъ, что эти имена передавались въ Евангеліяхъ приблизительно такъ, какъ они были первоначально произнесены извѣстными Евангельскими лицами. Сверхъ того иногда было нужно и прилично поставить именно то, а не другое названіе³⁵⁵).

355) Такъ, напримѣръ, бѣсноватый въ Капернаумѣ говорилъ: *τι ἡμῖν καὶ σοι, Ἰησοῦσε Ναζαρηνε*,—Мр. I, 24. Лук. IV, 34. Сосникъ Капернаумскій называетъ Спасителя *Κυριός*, говори: *Κυριε, οὐκ εἰμι ἰκανός ἵνα μου ὑπο τὴν στέγην εἰσελθῆς...* или: *Κυριε, μὴ σκυλλοῦ σου γὰρ ἰκανός εἰμι ἵνα μου ὑπο τὴν στέγην εἰσελθῆς...* Матѡ. VIII, 8. Лук. VIII, 6. Или: *Βιβλὸς γενεσεως Ἰησοῦ Χριστου...* Мѡ. I, 1 ст. *Ἰησοῦ Χριστου ἡ γενεσις...* Мѡ. I, 18 ст. *Χριστου Κυριου*,—сказано было Симеону Богопріимцу—Лук. II, 26. *Ἀρχὴ τοῦ ευαγγελιου Ἰησοῦ Χριστου...* Мр. I, 1.—Такое и иное употребленіе Евангелистами названій *Ἰησοῦς* и *Χριστός* не доказываетъ ни стилистической особенности, ни зависимости отъ того или другаго источника. Имя *Ἰησοῦς* употребляется даже въ параллельныхъ мѣстахъ у всѣхъ трехъ Евангелистовъ, напримѣръ: *ἰδὼν ὁ Ἰησοῦς*

Слѣдовательно, слова *Ἰησοῦς* и *Χριστός* никакъ не могутъ быть признаны стилистическими особенностями Синоптиковъ въ отношеніи ихъ къ предполагаемымъ источникамъ: они употребляются тѣмъ или другимъ, или третьимъ Евангелистомъ и всѣми тремя вмѣстѣ, смотря по обстоятельствамъ и потребностямъ ихъ авторской дѣятельности. А потому то и другое названіе—*Ἰησοῦς* и *Χριστός* нисколько не говорятъ о существованіи письменныхъ источниковъ съ особой областью языка.

в) Относительно „перемѣны въ положеніи, которое принимаетъ опредѣленное слово въ составѣ предположе-

την πιστην αυτων, ειπεν... Μο. IX, 2.— ἰδων ο Ἰησοῦς πιστην αυτων, λεγει... Μρ. παραλ. — καθηκαν αυτων (ανθρωπον, ος ην παραλελυμενος) συν τω κλινιδιω εις τω μεσον εμπροσθεν του Ἰησου και ἰδων την πιστην αυτων, ειπεν... Лук. V, 19—20. Оно встрѣчается только у двухъ, напримѣръ: *λεγει αυτοις ο Ἰησοῦς... Μο. XIX, 8.— ο δε Ἰησοῦς ειπεν αυτοις... Μρ. X, 5.— αποκρηθεις ο Ἰησοῦς ειπεν αυτοις... Μο. XI, 2—6.— προσκαλεσαμενος διω τινας των μαθητων ο Ἰωαννης επεμφεν προς τον Ἰησουν... και αποκρηθεις, ειπεν αυτοις... Лук. VII, 19 и 22.* Оно встрѣчается только у одного Евангелиста, хотя и въ параллельныхъ отрывкахъ, напримѣръ: *αποκρηθεις ο Ἰησοῦς ειπεν προς αυτον (Σιμονον)... Лук. VII, 40.— του δε Ἰησου γεννηθεντος εν Βηθλεεμ... Μο. II, 1.* Слово *Χριστος* употребляется всѣми тремя Синоптиками, напримѣръ: *συ ει ο Χριστος υιος του Θεου... Μο. XVI, 13. 28.— συ ει ο Χριστος ο υιος του Θεου... Μρ. VIII, 29.— τον Χριστον του Θεου... Лук. IX, 20.* Это одинаковое употребленіе имени *Χριστος* въ параллельныхъ отрывкахъ ясно подтверждаетъ ту мысль, что Евангелисты желали передать точно въ настоящемъ случаѣ въ высшей степени замѣчательныя слова «исповѣданія» Петра,—такъ сказать его символъ; оттого у нихъ и одинаковая постановка этого слова съ другими. Оно упоминается у одного Евангелиста, напримѣръ: *Χριστος Κυριος... Лук. II, 11.— Χριστου Κυριου... Лук. II, 26.— αυτος ειη ο Χριστος... Лук. III, 15.— τον Χριστον αυτον ειnai... Лук. IV, 14.— τα εργα του Χριστου... Μο. XI, 2; ср. Лук. VII, 18—23.*

нія“, должно замѣтить, что эта особенность въ отношеніи къ другимъ подобнымъ несамостоятельна. Такъ, слѣдующая особенность—„перемѣна въ выраженіи предложенія“ есть, конечно, одно и тоже съ этой предшествующей. Къ этимъ двумъ относится и послѣдующая, по счету шестая, особенность, состоящая въ „различномъ спряженіи словъ въ одномъ и томъ же предложеніи“. Эти три особенности составляютъ собственно одну—„перемѣну въ выраженіи предложеній“.—Но эта и только такая перемѣна всего менѣе можетъ быть причислена къ стилистическимъ особенностямъ. Если авторъ перемѣняетъ форму спряженія слова, мѣсто, которое оно занимаетъ въ предложеніи, иначе выражаетъ данное слово, но не въ опредѣленной и постоянной формѣ; то чрезъ это онъ еще не получаетъ своего опредѣленнаго, характеристическаго стили (какъ—*Α, Λ* и под.); потому что такая особенность необходимо должна быть и у всякаго другаго писателя, излагающаго тотъ же рассказъ со словъ очевидца, слѣдовательно она неособенность ³⁵⁶).

356) Таковы именно: 1) — перемѣна положенія слова въ предложеніи: Лук. VIII, 12.— *αιρει τον λογον* соединено съ *απο της καρδιας αυτων*; между тѣмъ какъ *Μρ. IV, 15 (A)*— *Μο. XIII, 19* при *τον λογον* прибавляется *τον εσπαρμενον εις αυτοις*; далѣе въ эсхатологической рѣчи изъ *εις μαρτυριον αυτοις* *Μρ. XIII, 9 (A)*— *Μο. XXIV, 14* ст. составлено предложеніе: *αποβησεται δε υμιν εις μαρτυριον... и οταν δε ιδητε το βδελυγμα της ερημωσης (XXI, 13) Μρ. XIII, 14 (A)*— *Μο. XIV, 15* является въ видѣ *οταν δε ιδητε—γνωτε οτι ηγγικεν η ερημωσις (XXI, 20); и т. п.*—2) Перемѣна въ выраженіи предложенія. Такъ: *Μο. XXI, 26: εφοβουντο τον λαον* переделано въ *φοβουμεθα τον οχλον*. А Лука вмѣсто этой фразы поставилъ *ο λαος απος καταλιθασει ημας... Или Маркъ говорить: ο Πητρος ην συγκαθημενος μετα των υπηρετων... Μρ. XIV, 54,— Матей: εκαθητο μετα των υπηρετων... XXVI, 58,— Лука: συγκαθησαντων εκαθητο ο Πητρος μεσος αυτων... XXII, 55.—3) — Перемѣна въ спряженіи или склоненіи словъ: *Μρ. VIII, 36: τι ωφελησει (вмѣсто τι ωφελειται)*; но болѣе—у другихъ. Ср. Лук. IX, 4:*

Но въ чемъ же и выразится самостоятельность автора, передающаго одну и ту же мысль, одинъ и тотъ же рассказъ, слышанные отъ другихъ, какъ не въ особенностяхъ только такого рода, — въ измѣненіи и перестановкѣ словъ, въ передачѣ одной и той же мысли собственными словами, — въ парафразѣ готовыхъ предложеній, — въ измѣненіи формъ словъ одного корня, и под. Но какъ понять несамостоятельность автора, прикрытую такимъ видоизмѣненіемъ текста источника, какъ перемѣщеніе словъ, перемѣна формъ глагола, легкой парафразъ предложеній и т. п.? Едва ли можно указать какую-либо цѣль для Евангелиста, которому было безцѣнно дорого каждое подлинное слово Господа — отступать настолько отъ основнаго и первоначальнаго источника А, А и под. — По крайней мѣрѣ, съ этой точки зрѣнія, въ теоріи нѣтъ отвѣта на вопросъ относительно цѣли и значенія самостоятельности Синоптиковъ въ стилѣ. А потому и нѣтъ основанія признавать такія отступленія ихъ въ словопотребленіи за самостоятельныя особенности, указывающія, будто бы, на обработку текста готовыхъ источниковъ съ опредѣленнымъ собственнымъ стилемъ. — Эти особенности указываютъ скорѣе на независимость Синоптиковъ; потому что они очень незначительны. Самая эта ихъ незначительность есть значительное доказательство самостоятельности авторовъ, которымъ они принадлежатъ: такая зависимость была бы при этомъ нисколько не сокрыта отъ внимательнаго читателя синоптиковъ; ина-

και εκειθεν εξερχεσθε вмѣсто εως αν εξελθητε εκειθεν; xx, 24: τινος εχει εικονα — вмѣсто τινος η εικων αυτη; xxii, 34: ου φωνησει αλεκτρων εως απαρνηση вмѣсто πριν αλεκτορα φωνησαι απαρνηση. Мѣ. XII, 4: ους α ουκ εξον η — вмѣсто ους ουκ εξεστι; XIX: εκλοβωθησαν αι ημεραι можетъ быть вмѣсто ο κυριος εκολοβωσε τας ημερας. —

че — особенности были бы въ совершенно иномъ видѣ и несравненно большей мѣрѣ.

г) Многозначительнѣе въ этомъ отношеніи того же рода по счету пятая особенность — „введеніе пояснительныхъ прибавленій“ ³⁵⁷⁾.

Но такого рода прибавки, какъ на примѣръ — *τον πατερα Αλεξανδρου και Ρουφου* и под., разсматриваемыя сами по себѣ, могутъ свидѣтельствовать только о томъ, что автору подобныхъ прибавокъ хорошо былъ извѣстенъ предметъ его повѣствованія, потому что онъ излагаетъ свой рассказъ въ данномъ отношеніи точнѣе, нежели другіе. Подобныя особенности въ стилѣ могутъ указывать скорѣе на независимость Синоптиковъ отъ какихъ либо письменныхъ источниковъ. Такія пополненія скорѣе противорѣчатъ тому заключенію теоріи, что Матѳеи имѣетъ въ своемъ Евангеліи нѣкоторыя прибавки, слѣдовательно, онъ заимствовалъ извѣстный свой рассказъ изъ источника А. Нѣтъ; скорѣе можно думать на-оборотъ: Матѳеи дѣлалъ нѣкоторыя прибавки къ источнику А, слѣдовательно онъ зналъ и излагалъ полнѣе, яснѣе и точнѣе извѣстное событіе или изреченіе, нежели то зналъ и излагалъ авторъ предполагаемаго источника А.

Всѣ подобныя стилистическія особенности еще имѣли бы нѣкоторое значеніе въ ряду доказательствъ теоріи, если бы они находились въ самомъ священномъ текстѣ

³⁵⁷⁾ Такъ, на примѣръ, *Mr. II, 25: οτε χρειαυ εσχε...* и *XV, 21: τον πατερα Αλεξανδρου και Ρουφου...* далѣе, *Мѣ. XVI, 21: απελθειν εις Ιεροσολυμα...* и *XIX, 13: και προσευξηται...* далѣе, *Лук. VIII, 15: εν καρδια καλη και αγαθη...* и *XXI, 8: και ο καιρος ηγγικε.* После того какъ у Марка въ XII, 27 ст. было сказано: *ουκ εστιν θεος νεκρων αλλα ζωντων...* Матѳеи въ XXII, 33 ст. приводитъ замѣчаніе, которое содержитъ описаніе впечатлѣнія этихъ словъ Спасителя, какое они произвели на народъ; а Лука приводитъ поясненіе въ XX, 38 ст.: *παντες γαρ αυτω ζωσιν.* Маркъ заканчиваетъ рѣчь словами: *πολυ πλανασθε...*

также изолированно и были только въ такомъ числѣ и только въ такомъ именно родѣ, какъ ихъ излагаетъ Гольцманъ. Но въ самомъ дѣлѣ это—не такъ. Всѣ такія и весьма многія иныя особенности синоптиковъ находятся у нихъ въ каждомъ разсказѣ, во всякой рѣчи. При этомъ становится очевидно и ясно, что Евангелисты, судя по всѣмъ особенностямъ ихъ писаній, совершенно независимы отъ текста предполагаемыхъ источниковъ А, Λ и под. Если, въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ отрывкѣ разсказа и рѣчи встрѣчаются всѣ особенности, какія указываетъ Гольцманъ; то по этимъ особенностямъ должно судить конечно такъ, что и Евангелисты, которымъ они принадлежатъ настолько же отличаются одинъ отъ другаго, насколько велики ихъ особенности. Однако,—въ какой именно мѣрѣ? остается-ли основаніе предполагать между ними и зависимость?—Нѣтъ; если въ каждомъ параллельномъ отрывкѣ разсказа или рѣчи встрѣчаются: перемѣна въ спряженіи глагола, измѣненіе другихъ словесныхъ формъ, перемѣщеніе однихъ словъ на мѣсто другихъ, замѣна однихъ другими, опущеніе нѣкоторыхъ, прибавленіе нѣсколькихъ, перемѣна предложенія по формѣ, парарафъ иногда всѣхъ предложеній отрывка, сокращеніе и пополненіе рѣчи, приведеніе частныхъ объясненій и мн. т. под., какъ это не совсѣмъ полно перечисляетъ и самъ Гольцманъ,—если все это встрѣчается въ каждомъ отрывкѣ; то нѣтъ никакого основанія отрицать, что Евангельскіе разсказы и рѣчи записаны съ устнаго преданія или по воспоминанію, и утверждать противное, что они записаны непременно подъ руководствомъ письменнаго источника. А такіе примѣры, въ коихъ обнаруживаются всѣ указанныя (и многія неуказанныя) особенности, находятся въ такомъ количествѣ, въ какомъ содержатся въ Евангеліяхъ самыя параллельныя отрывки, относимые Гольцманомъ къ тому или другому источнику.

Вотъ изъясненіе притчи о сѣятелѣ (Мѡ. XIII, 18—23. Мр. IV, 14—20. Лук. VIII, 11—15), которое,

по теоріи, представляется примѣромъ сходства и несомнѣнно относится къ источнику А. Оно дѣйствительно весьма сходно у Синоптиковъ въ самомъ содержаніи и стилѣ. Каково же именно это сходство даннаго отрывка?—подтверждаетъ ли оно мнѣніе Гольцмана о зависимости Синоптиковъ въ этомъ отрывкѣ отъ одного основнаго и общаго для нихъ источника А?—Всѣхъ словъ въ данномъ отрывкѣ по Евангелію отъ Матѡея числомъ 100,—включая сюда и многократныя повторенія однихъ и тѣхъ же словъ; по Евангелію отъ Марка въ томъ же отрывкѣ такихъ словъ 116-тъ; у Луки—82. Очевидно уже по этому, что синоптики въ данномъ отрывкѣ не до-словно сходны, хотя этотъ отрывокъ изъ числа самыхъ сходныхъ. Это число словъ у одного изъ нихъ болѣе, у другаго менѣе, а у третьяго еще менѣе. Но какъ велико сходство и сколько именно сходныхъ, сколько различныхъ словъ?—Совершенно сходныхъ словъ у всѣхъ трехъ Синоптиковъ, не считая повтореній, только шестнадцать. Конечно, это число сравнительно не очень велико. Затѣмъ, число словъ сходныхъ, но не вполне, а только образованныхъ отъ одного корня, или сходныхъ по значенію, но различныхъ по формѣ, только семь. Итакъ, у всѣхъ Синоптиковъ всѣхъ сходныхъ словъ только 16 и 7, или—23, и эти даже не совершенно сходны! Но это для Гольцмана служить основаніемъ признать, что Евангелисты-Синоптики компиляторы... Нѣтъ; только это число и даже неполнѣ сходныхъ словъ въ небольшомъ отрывкѣ несомнѣнно могло быть и при томъ условіи, если бы онъ былъ записанъ по воспоминанію того, что неоднократно слушалось и произносилось самимъ Евангелистомъ. Иначе придется прямо утверждать, что строго-внимательный ученикъ поистинѣ обожаемаго Учителя не могъ запомнить настолько сходно съ другими, одинаково съ нимъ внимательными, слушателями, того изъясненія притчи, которое было предложено ихъ вниманію и завѣщено имъ, какъ важный предметъ ихъ памятованія (Мѡ. XIII) и притомъ—по ихъ требованію (Мѡ.

ХП, 36). На-оборотъ, обыкновенный дидактическій опытъ весьма легко можетъ подтвердить возможность этого, и—прямо въ отношеніи къ изъясненію той же самой притчи Спасителя.—Если возможность этого вѣроятна только въ виду самаго числа сходныхъ словъ; то она становится еще вѣроятнѣе при разсмотрѣніи самаго сходства этихъ словъ и причинъ повторенія нѣкоторыхъ изъ нихъ у всѣхъ Синоптиковъ, по чему они не замѣняются другими словами.

Совершенно сходныя слова суть: *και, ακουω, λογος, ερχομαι, εν, αυτος, ειμι, παρα, οδος, επι, μετα, χαρας, ουκ, ριζαν, ακανθα, πλουτου*, и—только. Если принять во вниманіе, что здѣсь между шестнадцатью совершенно сходными словами заключаются четыре предлога: *εν, παρα, επι* и *μετα*, одинъ союзъ *και* и одно нарѣчіе *ουκ*,—шесть такъ-называемыхъ служебныхъ частицъ рѣчи; то сходство между синоптиками въ данномъ отрывкѣ остается только въ десяти словахъ вполнѣ одинаковыхъ. Впрочемъ, эти служебныя частицы еще не слѣдуетъ принимать въ строгое вниманіе при разсужденіи о сходствѣ и различіи даннаго отрывка, именно потому, что они сами всегда находятся въ зависимости отъ другихъ словъ и оборотовъ рѣчи, не составляя чего-либо самостоятельнаго. Союзъ *και* встрѣчается въ данномъ отрывкѣ у всѣхъ трехъ Синоптиковъ; но онъ же встрѣчается здѣсь и у каждаго изъ нихъ по нѣсколько разъ: у Матѳея—7, у Марка—15, у Луки—8 разъ,—такъ часто, въ разнообразныхъ комбинаціяхъ съ различными словами.—Предлогъ *εν* встрѣчается у всѣхъ трехъ Евангелистовъ, но только Матѳеемъ употребляется его однажды, а Маркъ и Лука—по четыре раза, и—также въ разныхъ сочетаніяхъ съ разными словами.—Предлоги *παρα, επι, μετα* употребляются у всѣхъ трехъ Синоптиковъ въ одинаковомъ соединеніи,—*παρα την οδον*—Мѳ. ст. 19; Мр. ст. 15; Лук. ст. 12-й; *επι τα πετρωδη*—Мѳ. ст. 20; Мр. ст. 16-й; *επι την πατραν*—Лук. ст. 13-й; *μετα χαρας*—Мѳ. ст. 20; Мр. ст. 16; Лук. ст. 13-й,—хотя, очевидно, употребляются не съ совершенно оди-

наковыми словами. Притомъ, предлогъ *επι* у Матѳея употребляется дважды, у Марка—трижды, у Луки—однажды. Сходство въ настоящемъ случаѣ происходитъ отъ того, что предлоги *παρα* и *μετα* суть составныя части однихъ и тѣхъ же выраженій, которыя усвоены Синоптиками одинаково, какъ тому и должно быть, именно—*παρα την οδον... επι τα πετρωδη... μετα χαρας...* А также сходство въ выраженіяхъ обусловлено и самою важностію ихъ или точнѣе—самыхъ понятій, входящихъ въ составъ выраженій,—въ логическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ такія понятія, какъ *ακουω, λογος, ερχομαι, αυτος, οδος, χαρας, ακανθα* и *πετρα*, суть одни изъ самыхъ главныхъ понятій какъ данной притчи, такъ и ея значенія; а потому вполнѣ естественно то, что они повторяются у каждаго Евангелиста. Это было даже необходимо, иначе—измѣнился бы весь смыслъ самой притчи и ея значенія. Притча говоритъ о сѣмени, которое есть собственно слово; за тѣмъ, въ изъясненіи указывается значеніе этого сѣмени въ отношеніи его къ почвѣ,—каменистой, покрытой терніемъ и доброй землѣ, т. е. къ сердцу человѣческому съ различными его свойствами. Какъ же можно, рассказывая притчу или передавая ея значеніе, не упоминать такихъ понятій, какъ *λογος* и при немъ *ακουω*,—*ακανθα* и при немъ *εις*, и т. п. ?—Дѣло простое и естественное, тѣмъ болѣе, что такихъ словъ употребляется весьма немного, только семь: это—естественно, но не такъ необходимо, какъ представляетъ себѣ Гольцманъ. Здѣсь есть одни и тѣ же слова, но они встрѣчаются у Синоптиковъ не въ одинаковыхъ сочетаніяхъ и формахъ.

Изъ общаго числа сходныхъ словъ имѣются девять такихъ, которыя различны по формѣ ³⁵⁸). Относитель-

358) А именно: Мѳ.—*ακουσατε*, Мр.—*ακουσωσιν*, Лук.—*ακουσαντες*. Мѳ.—*παραβολης*, Мр.—*παραβολας* (и *παραβολην*), Лук.—*παραβολη*. Мѳ.—*σπειραντος*, Мр.—*σπει-*

но этихъ, хотя и не вполнѣ сходныхъ, словъ, должно замѣтить, что нѣкоторыя изъ нихъ употребляются неоднократно. Такъ, *παραβολή* у Марка является въ двухъ формахъ *παραβολήν* (какъ и у Матѳея) и *παραβολας* (а у Луки—*παραβολη*), чѣмъ прямо указывается на довольно значительную перемену выраженій текста даннаго отрывка. Потомъ—*σπειραντος*, *εσπαρμενον* и четыре раза *σπαρεις*. Этому у Марка соответствуютъ *σπειρων*, *σπειρει*, *σπειρεται*, *εσπαρμενον*, *σπειρομενοι* (дважды) и *σπαρευτες*. У Луки всему этому соответствуетъ только—*σπορος*. Здѣсь опять и по количеству словъ, и, при этомъ количествѣ, по различію ихъ формъ, видно, что одинъ Евангелистъ далекъ отъ другаго въ стилистическомъ отношеніи. Такъ, изъ шестикратно употребленнаго у Матѳея слова *σπειρω* въ различныхъ его формахъ, у Марка есть только одна сходная форма его, встрѣчающаяся у Матѳея, именно—*εσπαρμενον*, тогда какъ Маркъ употребляетъ слово *σπειρω* въ другихъ различныхъ формахъ семь разъ. Лука употребляетъ это слово однажды и при томъ въ такой формѣ, какой нѣтъ у другихъ—*σπορος*. Или: еще—Матѳея дважды употребляетъ слово *αυτος* въ формахъ *αυτου* и *αυτου*; Маркъ—трижды въ формѣ *αυτου* и дважды въ формѣ *αυτοις*; Лука—дважды въ формахъ *αυτη* и *αυτων*. Опять очевидно, что Матѳея и Маркъ сходны только въ одной формѣ слова *αυτος*, именно—*αυτου*, а Лука въ обоихъ случаяхъ имѣетъ особенную форму, употребляемую различно съ Матѳеемъ и Маркомъ. Потомъ, Матѳея четыре раза употребляетъ слово *ειμι* въ формѣ *εστιν*;

ρων, Лук.—*σπορος*. Мѳ.—*αυτου*, Мр.—*αυτοις*, Лук.—*αυτη*. Мѳ.—*ουτος*, Мр.—*ουτοι*, Лук.—*ουτοι*. Мѳ.—*πετροδη*, Мр.—*πετροδη*, Лук.—*πετραν*. Мѳ.—*εχει*, Мр.—*εχουσι*, Лук.—*εχουσιν*. Мѳ.—*μεριμνα*, Мр.—*μεριμναι*, Лук.—*μεριμνων*. Мѳ.—*συμπιχει*, Мр.—*συμπιχει*, Лук.—*συμπιχονται*. Мѳ.—*χαρποφορει*, Мр.—*χαρποφορουσιν*, Лук.—*χαρποφορουσιν*.

Маркъ—шесть разъ въ формѣ *εισιν*; Лука употребляетъ тоже въ формѣ *εισιν*, но только дважды. Далѣе,—Матѳея четыре раза употребляетъ слово *ουτος* и только въ этой его формѣ; Маркъ—трижды, но только въ формѣ *ουτοι*; также—и Лука. Одно даже изъ главныхъ понятій самой притчи и ея значенія, именно *πετρα*, Матѳея употребляетъ однажды и въ формѣ имени прилагательнаго *πετροδη*; Маркъ—тоже; но Лука—въ формѣ имени существительнаго *πετραν*. Другое понятіе и опять изъ числа самыхъ главныхъ—*μεριμνα* у Матѳея употребляется однажды и прямо въ формѣ *μεριμνα*, у Марка—*μεριμναι*, у Луки—*μεριμνων*. Даже отсюда очевидно, что и въ одинаковыхъ словахъ, какія неизбежно приходится передавать каждому Евангелисту въ силу строго вѣрнаго изложенія притчи и особенно ея значенія, есть различіе, объясняемое только тѣмъ, что Евангелисты не имѣли подъ руками данныхъ и опредѣленныхъ формъ выраженій и словъ, которыя по корнямъ своимъ были одинаковы,—не имѣли текста готоваго источника А или под. Оттого именно одинъ Евангелистъ говоритъ: *σπειρων*, другой—*σπειρομενοι*, третій—*σπαρεις*; одинъ—*αυτου*, другой—*αυτοις*, третій—*αυτη*; одинъ—*μεριμνα*, другой—*μεριμναι*, третій—*μεριμνων*. Или: Матѳея и Маркъ—*παραβολην*, Лука—*παραβολη*; Матѳея и Маркъ—*πετροδη*, Лука—*πετραν*; Матѳея и Маркъ—*συμπιχει*, Лука—*συμπιχονται*; Матѳея и Маркъ—*χαρποφορουσιν*, Лука—*χαρποφορει*; Маркъ и Лука—*εχουσι(ν)*, Матѳея—*εχει*; Маркъ и Лука—*εισιν*, Матѳея—*εστιν*; Маркъ и Лука—*ουτοι*, Матѳея—*ουτος*, и т. п.—Только тѣмъ предположеніемъ, что данный отрывокъ записанъ Синоптиками по воспоминанію, а не списанъ съ готоваго письменнаго источника, объясняется то, что одинъ Евангелистъ не только отстываетъ отъ другаго въ формѣ слова, но и въ выборѣ его. Только при этомъ понятнo и то, что одно и то же слово однимъ или двумя Евангелистами употребляется, а третьимъ нѣтъ. Отсюда, въ данномъ отрывкѣ должно различать слова, принадле-

жащія уже не тремъ, а двумъ Евангелистамъ: Матѳею съ Лукой или Матѳею съ Маркомъ, или Марку съ Лукой.

Всѣхъ словъ сходныхъ въ данномъ отрывкѣ у Матѳея и Марка девятнадцать; у Матѳея съ Лукой только три; у Марка съ Лукой только четыре. Изъ этого опять видно, что Синоптики въ стилистическомъ отношеніи другъ къ другу стоятъ не близко. И это число девятнадцати сходныхъ словъ получить здѣсь еще меньшее значеніе, если принять во вниманіе, что нѣкоторыя изъ нихъ или не вполне сходны, или стоятъ на разныхъ мѣстахъ въ иной конструкціи и связи. Такъ слова, сходныя у Матѳея только съ Маркомъ, суть: *πας*, *αρπαζω*, *ευθυς*, *λαμβάνω*, *εαυτος*, *αλλα*, *προσκαιρος*, *γινομαι*, *θλιψις*, *η*, *διωγμος*, *δια*, *σκανδαλιζω*, *αιων*, *απατη*, *αχαρπος*, *εκατον*, *εξηκοντα*, *τριακοντα*. Но эти слова не вполне одинаково употреблены Матѳеемъ и Маркомъ. Слово *πας* Матѳея употребляется въ формѣ *παντος*, а Маркъ—*πασας*; Матѳея—*λαμβάνων*, Маркъ—*λαμβάνουσιν*; Мѳ.—*εαυτω*, Мр.—*εαυτοις*; Мѳ.—*προσκαιρος*, Мр.—*προσκαιροι*; Мѳ.—*σκανδαλιζεται*, Мр.—*σκανδαλιζονται*. Есть и еще нѣсколько словъ сходныхъ у Матѳея съ Маркомъ, но употребляемыхъ не въ одинаковомъ числѣ разъ. Слово *ευθυς* Матѳея употребляется дважды, Маркъ—трижды. Слово *γινομαι* употребляется по дважды, но не одинаково: Мѳ.—*γινεται* и *γενομενης*; Мр.—*γινεται* и *γενομενης*. Или—такія слова стоятъ не въ одинаковомъ порядкѣ; напримѣръ, Матѳея говоритъ: *ποιει ο μεν εκατον, ο δε εξηκοντα, ο δε τριακοντα*; а Маркъ—*χαρποφορουσιν εν τριακοντα και εν εξηκοντα και εν εκατον*... Сходныхъ и въ одинаковой связи стоящихъ словъ остается только восемь: *αρπαζω*, въ формѣ *αρπαζει*, за тѣмъ—*αλλα*, *θλιψεως*, *η*, *διωγμου*, *δια*, *αιωνος*, *απατη*, *αχαρπος*. Но изъ числа этихъ словъ, напримѣръ, *αρπαζω* слѣдовало, хотя и не необходимо употребить каждому изъ Евангелистовъ; потому что въ отношеніи къ понятію „похищать“, которое въ притчѣ необходимо, могутъ быть два синонимическихъ слова—*αρπαζω* и *αιρω*. Матѳея и Маркъ употребляютъ сло-

во *αρπαζω*, а Лука—синонимическое *αιρω*. Всѣ остальные сходныя слова составляютъ одно предложеіе, общее двумъ Синоптикамъ, а именно Матѳея говоритъ: *γενομενης δε θλιψεως, η διωγμου δια τον λογον ευθυς σκανδαλιζεται*... Маркъ:—*ειτα γενομενης θλιψεως η διωγμου, δια τον λογον ευθυς σκανδαλιζονται*... Эти, отчасти различающіяся, фразы у Луки находятъ себѣ такого рода параллель: *εν καιρω πειρασμω αφιстанται*!...

Слова, сходныя только у Матѳея и Луки, суть: *μη*, *καρδια*, *εις*,—слова, очевидно, не свидѣтельствующія нисколько о зависимости Евангелистовъ одного отъ другаго при посредствѣ А. Частица *μη* употреблена ими въ совершенно различныхъ случаяхъ. Матѳея говоритъ: *παντος ακουοντος τον λογον της βασιλειας και μη συνιεντος*... Лука: *ερχεται διαβολος και αιρει τον λογον απο της καρδιας αυτων, ινα μη πιστευσαντες*... Слово *καρδια* у Матѳея встрѣчается однажды, у Луки—два раза. Матѳея говоритъ: *ερχεται ο πονηρος και αρπαζει το εσπαρμενον εν τη καρδια*... Лука: *ερχεται ο διαβολος και αιρει τον λογον απο της καρδιας αυτων*. Слѣдовательно, здѣсь Синоптики держатъ себя свободно отъ всякаго опредѣленнаго источника. Но Лука употребляетъ слово *καρδια* еще иначе: *το δε εν τη καλη γη, ουτοι εισιν οιτινες εν καρδια καλη*,—чему уже нѣтъ никакого соответствія ни у Матѳея, ни у Марка.

Тоже оказывается при разсмотрѣніи словъ, сходныхъ только у Марка и у Луки. Эти слова суть: *οταν*, *ειτα*, *πορευομαι* и *οιτινες*. Но изъ нихъ *ειτα* употребляется тѣмъ и другимъ Евангелистомъ въ совершенно различныхъ мѣстахъ и въ различномъ соединеніи. Маркъ говоритъ: *ειτα γενομενης θλιψεως η διογμου δια τον λογον ευθυς σκανδαλιζεται*; а Лука: *ειτα ερχεται διαβολος και αιρει τον λογον απο της καρδιας*.—Слово *οταν* стоитъ у обоихъ Евангелистовъ также въ различномъ соединеніи. Матѳея говоритъ: *και οταν ακουσωσιν, ευθυς ερχεται ο σατανας*... Лука: *οι δε επι πετραν οι οταν ακουσωσιν μετα χαρας δεχονται τον λογον του θεου*... Слово *οιτινες* употребляется также въ различ-

номъ соединеніи. Маркъ говорить: *οιτινες ακουσωσιν τον λογον...* Лука: *ουτοι εισιν οιτινες εν καρδια καλη...* Наконецъ, слово *πορευομαι* употреблено въ различномъ видѣ, иной формѣ и неодинаковомъ соединеніи. Маркъ говорить: *και αι περι τα λοιπα επιθυμιαι εισ πορευομεναι...* Лука: *υπο μεριμνων... και ηδωνων του βιου πορευομενοι...*

Такъ и въ сколько-нибудь сходныхъ словахъ, хотя сравнительно весьма немногихъ по числу, нѣтъ для теоріи основанія признать прямо и только то, что отрывокъ: МѠ. XIII, 18—23. Мр. IV, 13—20. Лук. VIII, 11—15 ст., гдѣ содержится изъясненіе притчи о сѣятелѣ, заимствованъ изъ письменнаго источника: стиль Синоптиковъ, насколько о немъ можно судить по „сходнымъ“ словамъ, не даетъ права утверждать этого положенія. И это тѣмъ болѣе справедливо, что у каждаго изъ трехъ Синоптиковъ есть свои собственные слова, исключительно одному изъ нихъ принадлежащія. Такъ, напримѣръ, у Матѳея находятся: *υμεις, ουν, βασιλεια, πονηρος, δη, ποιω, α* и под. Эти слова сами уже свидѣтельствуютъ о независимости Матѳея отъ письменнаго источника. Въ самомъ дѣлѣ, если въ первоисточникѣ стояли слова, напримѣръ: *λογος του Θεου*, какъ у Луки, то для чего Матѳея замѣнили ихъ словами: *λογος της βασιλειας*, а Маркъ даже совсѣмъ ихъ опустилъ, говоря только: *ο σπειρων τον λογον σπειρει..?*—у Марка особенныя слова суть: *οιδατε, πως, γνωσεσθαι, οπου, οταν, σατανας, ομοιος, δια, αλλοι, περι, λοιπα, επιθυμιαι, εισπορευομενοι, εκεινοι, οιτινες, παραδεχονται.*—У Луки такихъ словъ еще болѣе: *διαβολος, αιρει, ιπο, υνα, πιστευσαντες, σωθωσιν, δεχονται, Θεου, προς, καιρον, καιρω, πειρασμου, αφιστανται, υπο, ηδωνων, βιου, ου, τελεσφορουσιν, αγαθη, κατεχουσιν, υπομονη.*

Оттого вполне понятно выходитъ то, что у всѣхъ трехъ Синоптиковъ нѣтъ ни одного общаго предложенія, которое было бы у всѣхъ трехъ вполне тождественно; такъ что и въ самыхъ сходныхъ предложеніяхъ всегда встрѣ-

чается значительное различіе. Напримѣръ, по Матѳею: *ο δε επι τα πετροδη σπαρεις, ουτος εστιν, ο τον λογον ακουων και ευθως μετα χαρας λαμβανων αυτων ουκ εχει δε ριζαν εν εαυτω αλλα προς καιρος εστιν γενομενης δε θλιψεως η διωγμου δια τον λογον ευθως σκανδαλιζεται...* У Марка это такъ: *και αυτοι ομοιος εισιν οι επι τα πετροδη σπηρομενοι, οι οταν ακουσωσιν τον λογον, ευθως μετα χαρας λαμβανουσιν αυτον και ουκ εχουσι ριζαν εν εαυτοις αλλα προσκαιροι εισιν, ειτα γενομενοις θλιψεως η διωγμου δια τον λογον ευθως σκανδαλιζονται...* У Луки—такъ: *οι δε επι την πετραν, οι οταν ακουσωσιν μετα χαρας δεχονται τον λογον του Θεου. Ουτοι ριζαν ουκ εχουσιν οι προς καιρον πιστευουσιν και εν καιρω πειρασμου αφιστανται...* Еще, Матѳея говоритъ: *ος δη καρποφορει, και ποιει ο μεν εκατον, ο δε εξηκοντα, ο δε τριακοντα...* Маркъ—вмѣсто этого: *παραδεχονται και καρποφορουσιν εν τριακοντα και εν εξηκοντα και εν εκατον...* Лука—только: *και καρποφορουσιν εν υπομονη..*

Итакъ: если у всѣхъ трехъ Синоптиковъ въ данномъ отрывкѣ есть много словъ несходныхъ, для каждаго изъ нихъ особенныхъ; если изъ числа сходныхъ словъ многія различны по формѣ и сочетанію ихъ въ предложеніи; если и вполне сходныя слова суть непремѣнныя и главныя понятія притчи и ея изъясненія, неимѣющія для себя даже и синонимовъ (какъ *λογος, ακανθα* и т. п.); если, вслѣдствіе этого, въ данномъ отрывкѣ нѣтъ ни одного предложенія, совершенно сходнаго у всѣхъ трехъ Синоптиковъ; если, наконецъ, такіе, по видимому одинаковые и сравнительно самые сходные, отрывки представляютъ скорѣе нестрогій парафразъ, неимѣющій опредѣленной формы изложенія, одинаковой полноты содержанія, однообразнаго стиля въ выраженіи: то, по всему этому, слѣдуетъ признать неосновательнымъ то заключеніе, что въ данномъ отрывкѣ, какъ и во всѣхъ ему подобныхъ остальныхъ, Матѳея, Маркъ и Лука компилятивно сходны, что имѣли подъ руками одинъ и тотъ же письменный источникъ, что поэтому они самостоя-

тельны и что существовалъ источникъ А съ своимъ особымъ языкомъ и словоупотребленіемъ. Нѣтъ, въ данномъ отрывкѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ, синоптики такъ мало сходны въ стилистическомъ отношеніи и такъ много различны, что ихъ рѣшительно нельзя признать списками съ одного и того же письменнаго источника: вмѣсто того и удобнѣе того слѣдуетъ признать ихъ независимыми другъ отъ друга и отъ первоисточника. Ихъ сходство по содержанію, а въ общемъ и по изложенію, весьма удобно и сравнительно лучше можно объяснить только при помощи личнаго Апостольскаго воспоминанія и устнаго Евангельскаго преданія. Если это съ полнымъ правомъ можно сказать относительно притчей и ихъ изъясненій; то тѣмъ болѣе это справедливо въ отношеніи къ разсказамъ по Ев. исторіи.

Общій результатъ критическаго разбора мнѣнія Гольцмана:

Если не въ языкѣ и текстѣ синоптиковъ, ни въ анализѣ ихъ содержанія и его изложенія, ни въ самомъ порядкѣ повѣствованія нѣтъ основанія признать существованіе какихъ-бы ни было письменныхъ источниковъ; то предположеніе Гольцмана должно признать немѣющимъ научнаго значенія, а это служить новымъ подтвержденіемъ той мысли, что сходство синоптиковъ еще не указываетъ на ихъ основное писаніе, какъ то полагалъ Гольцманъ въ самомъ началѣ своего изслѣдованія.

Такъ, въ виду результатовъ разбора теорій Гольцмана, какъ и Эвальда, остается признать, что сходство синоптическихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки слѣдуетъ объяснять возможно точной, но устной передачей изреченій и дѣлъ Иисуса Христа, а равно и обстоятельство того и другаго, — Апостольскимъ воспоминаніемъ и устнымъ преданіемъ, по которымъ непосредственно была записана Ев. исторія въ видѣ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки.

XV.

Кромѣ общихъ теоретическихъ и филологическихъ соображеній, основанныхъ отчасти на анализѣ текста синоптическихъ Евангелій, Эвальдъ и Гольцманъ, въ подтвержденіе своихъ мнѣній о письменныхъ источникахъ, обращаются и къ такъ называемымъ внѣшнимъ или историческимъ свидѣтельствамъ, каковы суть главнымъ образомъ Предисловіе (Prolog, Proëmium) къ Евангелію отъ Луки и свидѣтельство Папія, епископа Герапольскаго. Но тщательный анализъ того и другаго устраняетъ предположеніе письменныхъ источниковъ для Синоптиковъ.

A.

Напротивъ, именно за самостоятельность Евангелія отъ Луки особенно важное и сильное свидѣтельство находится въ его предисловіи. Вотъ оно. „Какъ уже многіе начали составлять повѣствованія о совершенно извѣстныхъ между нами событіяхъ, какъ предали намъ то бывшіе съ самаго начала очевидцами и служителями Слова: то разсудилось и мнѣ, по тщательномъ изслѣдованіи всего сначала, по порядку описать тебѣ, достопочтенный Θεοφιλε, чтобы ты узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ (Лук. I, 1—4).”

Эти слова—свидѣтельство самого Ев. Луки, потому что именно и безспорно онъ есть писатель всего своего Евангелія. Такъ въ этомъ увѣренъ даже и самъ Эвальдъ. „Для сомнѣнія въ томъ, что Лука есть авторъ этого писанія, нѣтъ, говорить Эвальдъ, никакого основанія. . . И хотя извѣстный самый ранній писатель, выразительно свидѣтельствующій объ этомъ, есть только Ириной³⁵⁹⁾; но, по состоянію дошедшей до насъ литературы древнѣйшихъ Отцовъ церкви, это очень неудивительно. . . Если же Лука есть писатель своего Евангелія, то ему принадлежитъ и предисловіе онаго. Такъ это признаютъ Эвальдъ и Гольцманъ, и усвояютъ это предисловіе именно самому Лукѣ, притомъ прямо какъ оригинальное и весьма замѣчательное. Но въ этомъ предисловіи Эвальдъ видитъ „краткое, однако достаточное, указаніе на возникновеніе и цѣль Евангелія отъ Луки, т. е. на то, что оно возникло компилятивнымъ способомъ и имѣло цѣлю изложить все до него написанное; слѣдовательно, оно есть сводъ памятниковъ Ев. литературы перваго періода (compendium). Эвальдъ, впрочемъ, не анализируетъ подробно содержаніе этого „предисловія,“³⁶⁰⁾.

Много подробнѣе и обстоятельнѣе взгляды на это „предисловіе,“ изложены въ теоріи Гольцмана.—Онъ согласенъ съ Эвальдомъ въ той основной мысли, что предисловіе Евангелія отъ Луки „указываетъ въ этомъ трудѣ комбинацію нѣсколькихъ письменныхъ источниковъ. За тѣмъ онъ подробно выражаетъ это свое мнѣніе въ слѣдующихъ положеніяхъ.—а) Въ своемъ предисловіи Ев. Лука ясно различаетъ Евангельскую исторію въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и потомъ исторію, возникшую по той современной потребности, которой слѣдовала самъ Ев. Лука, желая изложить Ев. исторію съ самаго начала,

359) Contra eres. I. 1. 14.

360) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 219. 220 und 224.

именно съ рождества Іоанна Крестителя.—б) Предисловіе даетъ право заключать о томъ, что авторъ, т. е. Лука, пользовался источниками двоякаго рода—письменными и устными. Но тщательный анализъ содержанія Предисловія показываетъ также и то, что источники Евангелія отъ Луки различаются одинъ отъ другаго не по категориямъ устнаго и письменнаго, но по категориямъ первой и второй важности. У Луки были какъ письменные памятники по Ев. исторіи, такъ и устное церковное преданіе.—в) Предисловіе показываетъ, что источники у Луки были, однако, неполнѣ совершенны, такъ что, желая передать жизнь Іисуса Христа иноземнымъ христіанамъ, Лука долженъ былъ признать все предварительныя работы неудовлетворительными, и, между прочимъ, Евангелія, основывающіяся на Апостольскомъ авторитетѣ признать недостаточными по крайней мѣрѣ въ общемъ изображеніи Ев. событій, а равно и въ отношеніи полноты и точности порядка изложенія оныхъ.—г) Въ числѣ многихъ составителей Ев. рассказовъ, πολλοι, о которыхъ говоритъ Предисловіе, Лука разумѣлъ и каноническое Евангеліе отъ Марка, которое въ первоначальномъ своемъ видѣ (Ur-marcus) было для Луки однимъ изъ главныхъ источниковъ.—д) Лука въ своемъ Предисловіи намѣренъ былъ сказать не то, что существовали „многіе“ составители Ев. рассказовъ, а то, что онъ самъ сталъ заниматься тѣмъ же дѣломъ, побуждаемый ихъ примѣромъ,—что онъ переработалъ свои письменные источники такъ же, какъ и они.

Изъ числа всѣхъ этихъ положеній для дѣла важно и нужно только второе, потому что остальные имѣютъ свое значеніе только при этомъ положеніи, или не относятся къ теоріи, какъ ея подтвержденіе³⁶¹⁾.

361) Разборъ историческихъ свидѣтельствъ, находящихся въ Евангеліи отъ Луки и у Папія Гернопольскаго, мы дѣлаемъ по греческому тексту,—того требуетъ задача и методъ нашего изслѣдованія.

„Предисловіе, говоритъ Гольцманъ, даетъ право заключать о томъ, что авторъ, т. е. Лука, пользовался источниками двойкаго рода—письменными и устными. Но эти источники въ предисловіи различаются не по категориямъ устнаго и письменнаго, а по категориямъ первой и второй важности“. Какъ же это выходитъ изъ словъ Луки: I, 1—4 ст.?

„Слова: *καθὸς παρέδωκεν ἡμῖν*... всегда, говоритъ Гольцманъ, давали возможность заключать о двухъ главныхъ источникахъ, изъ коихъ *παράδοσις* свидетелей-очевидцевъ означало первый, а *διηγήσις τῶν πολλῶν*—второй. По предисловію кажется, говоритъ Гольцманъ со словъ Кэстлина, что авторъ, т. е. Лука, пользовался письменными и устными источниками; онъ—историкъ, соединившій литературу съ устнымъ преданіемъ и этимъ способомъ онъ желалъ представить со всѣхъ сторонъ отчетливое, столь же совершенное, какъ и вѣрное изображеніе Евангельской исторіи³⁶²). Въ подтвержденіе этого мнѣнія Гольцманъ, съ своей стороны, приводитъ слѣдующія соображенія.—

„Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что *πολλοὶ* также, какъ и самъ Ев. Лука, были писателями; потому что попытка понимать слова *αναταξασθαι διηγήσιν* въ смыслъ только одной дѣятельности, направленной на устное преданіе, уничтожается тѣмъ соображеніемъ, что слову *επεχειρήσαν* составляетъ противоположность не *γραφαί*, а *καθεξῆς γραφαί*. Лука въ словѣ *καμοὶ* явно желаетъ поставить себя на равнѣ съ *πολλοὶ*, какъ писатель съ другими писателями. А что *αὐτοπταὶ καὶ ὑπηρεταὶ τοῦ λόγου* и никакимъ образомъ нельзя признать писателями и что ихъ *παράδοσις* было исключительно и необходимо устнымъ преданіемъ (Tradition), этого по крайней мѣрѣ прямо не сказано. Предисловіе у Луки не различаетъ источникъ отъ источника, но указываетъ совершенно инаго вида противоположность, кото-

362) Holtzmann,—S. 244. (у Köstlin'a S. 134.)

рая находится между дѣятельностію лицъ передающихъ и дѣятельностію лицъ слагающихъ Ев. рассказы. Тѣ имѣютъ въ виду только источники, а эти художественность изложенія или авторство въ собственномъ смыслѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ лица, которыя разумѣются при *παρέδωκεν* и *πολλοὶ*, различаются между собою не по категориямъ устнаго и письменнаго преданія, но по категориямъ первой и второй степени важности. Второстепенной важности тѣ писатели, кои работали по источникамъ; сюда же относится и самъ Ев. Лука. Но изъ этого не то слѣдуетъ, что лица, которыя разумѣются при *παρέδωκεν*, не были писателями, а только то, что они не работали по источникамъ. Въ словѣ *πολλοὶ* разумѣются вообще тѣ писатели, которые дѣлали попытки относительно *αναταξίς* на основаніи *παράδοσις*; но это доказываетъ, что Лука зналъ и другія писанія, которыя основывались не на тѣхъ же самыхъ источникахъ, какіе лежали въ основаніи его собственнаго труда. Съ этими *πολλοὶ* онъ ставитъ и себя самого (какъ это выходитъ изъ словъ *ἡμῖν* и *καμοὶ*) въ одинъ и тотъ же рядъ; такъ какъ онъ имѣлъ предъ собою первоисточникъ—*παράδοσις*, и пользовался имъ также, какъ и *πολλοὶ*,—въ первоначальномъ его видѣ. И ничто не препятствуетъ предположить, что Лука подъ общимъ выраженіемъ *παράδοσις* разумѣетъ какъ письменный источникъ (письменные памятники Апостоловъ), такъ и отъ Апостоловъ исходящее устное преданіе, по которому, слѣдовательно, онъ и себѣ также, какъ и своимъ сотрудникамъ (*πολλοὶ*), приписываетъ непосредственное знаніе Евангельской исторіи. Только это преданіе—письменное или устное—было для Луки источникомъ“³⁶³).

Итакъ,—какое же было это преданіе, на основаніи котораго Лука составилъ свое Евангеліе? —Сущность дѣ-

363) Holtzmann,—S. 244—245.

да—въ томъ, что Лука, по мнѣнію Гольцмана, пользовался двумя источниками: преданіемъ церковнымъ и писаніями Апостоловъ. Онъ переработалъ тѣ же источники, что и πολλοι, но только лучше, художественнѣе, нежели тѣ; сдѣдовательно, Евангеліе отъ Луки—компилация. Вотъ мнѣніе Гольцмана; но, выраженное такъ, оно невѣрно вполнѣ.

Кто такіе были πολλοι?—это писатели второстепенной важности, говоритъ Гольцманъ, потому что они пердѣлывали готовый матеріалъ. Нѣтъ; это, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно; о нихъ сказано только, что „многіе начали составлять рассказы...“ Какъ понимать слово составлять, αναταξασθαι?—въ смыслѣ—писать при помощи готоваго письменнаго источника, говоритъ Гольцманъ. Нѣтъ; относительно этого опять ничего неизвѣстно: сказано только, что „многіе начали составлять...“ а какъ составлять, этого не сказано. Гольцманъ выводитъ свое значеніе слова αναταξασθαι изъ того, что слову επεχειρησαν, начали, служить противоположностію не γραφαι, а καθεξης γραφαι, и изъ того, что Лука въ словѣ χαμοι противопоставляетъ себя какъ писателя другимъ писателямъ—πολλοι. Нѣтъ; Лука говоритъ о себѣ только, что „и ему разсудилось написать по порядку Теофилу то, что онъ, Теофилъ, зналъ изъ устной Апостольской проповѣди. Въ этихъ словахъ Лука противопоставляетъ свое настоящее дѣло трудамъ своихъ предшественниковъ въ томъ же отношеніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и трудамъ „многихъ“, составлявшихъ рассказы о жизни Иисуса Христа. Такимъ образомъ Лука не со-поставляетъ себя со „многими“, а противопоставляетъ себя тѣмъ „многимъ“ повѣтвователямъ, о коихъ точно неизвѣстно, чѣмъ они пользовались при своемъ „составленіи“ рассказовъ—писаніемъ или преданіемъ, и какого рода было ихъ „составленіе“. Нѣтъ никакой необходимости признавать, что αυτοπται και υπηρηται не должны быть писателями“, говоритъ Гольцманъ. Да; но также нѣтъ основаній и признавать ихъ таковы-

ми. А потому, опять неизвѣстно, какого рода было то преданіе очевидцевъ и служителей Слова. Если αυτοπται και υπηρηται различаются между собою не по категоріямъ устнаго и письменнаго, то и не по степени важности; такъ какъ еще неизвѣстно, пользовались ли πολλοι преданіемъ „самовидцевъ и служителей Слова“ вообще и въ частности—письменнымъ преданіемъ ихъ, именно какъ источникомъ. А если—такъ, то и самого Ев. Луку нельзя причислять ко „многимъ“, какъ писателя второстепенной важности; такъ какъ еще неизвѣстно, тотъ ли самый онъ переработывалъ источникъ, какой былъ въ рукахъ πολλοι, или иной,—былъ ли его источникъ письменнымъ или такою онъ вовсе не имѣлъ предъ собою. И самъ Лука не ставитъ себя въ одинъ рядъ съ πολλοι въ словахъ ημιν и χαμοι—въ томъ смыслѣ, что пользуется одними и тѣми же источниками: онъ говоритъ только, что разсудилось и ему написать по порядку... не такъ, какъ пишутъ „многіе“,—но по велику, επειδηπερ „многіе“ начали слагать рассказы не по порядку... Лука принимаетъ свой трудъ, пользуясь не тѣми источниками, которые были у „многихъ“, а непосредственно преданіемъ очевидцевъ, о которомъ еще неизвѣстно, что именно оно и было источникомъ у „многихъ“; о немъ скорѣе можно думать такъ, что „многіе“ его не имѣли, а сами, независимо отъ него, составляли свои рассказы (вѣроятно, апокрифическаго характера) о томъ и такъ, что не имѣло полной исторической точности (ασφαλια). И если, съ одной стороны, „ничто не препятствуетъ Гольцману принять παραδοσις Луки въ смыслѣ записаннаго преданія“; то, съ другой стороны, нѣтъ на то и никакого права³⁶⁴). А по-

364) Съ точки зрѣнія Гольцмана это должно быть понятнымъ: для предположенія письменной работы „многихъ“ онъ указываетъ основаніе въ противоположеніи словъ επεχειρησαν—γραφαι καθεξεις; а для предположенія письменной традиціи нѣтъ такого же основанія; сдѣдовательно, не должно быть и тому подобнаго заключенія...

тому, ни для πολλοι, ни для Ев. Луки нѣтъ основанія признавать самостоятельный письменный источникъ; такъ какъ нельзя разумѣть въ этомъ смыслѣ παραδοσις въ „предисловіи“ Евангелія отъ Луки; а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ основанія видѣть здѣсь и двойкой важности источники двойкаго рода писателей, и Евангеліе Луки нельзя признавать переработкой готовыхъ письменныхъ источниковъ. Слѣдовательно, предисловіе Евангелія отъ Луки, — по выраженію Эвальда „самое историческое, т. е. несомнѣнно подлинное мѣсто въ его книгѣ“, а по выраженію Гольцмана „достопримѣчательное введеніе“, — не подтверждаетъ ихъ общей мысли, что Евангеліе отъ Луки есть переработка предшествовавшихъ ему письменныхъ Евангельскихъ трудовъ и, на-оборотъ, показываетъ, что теоріи ихъ въ этомъ предисловіи не имѣютъ для себя исторической опоры.

Это вполне ясно при положительномъ раскрытіи смысла стиховъ 1—4-го, 1-й гл. Луки, — по переводу Эвальда:

„Когда многіе старались, чтобы сочинить рассказы о дѣлахъ, между нами совершенно достовѣрныхъ (vollgeglaubten), такъ какъ намъ передали (übergaben) ихъ тѣ, которые были сначала свидѣтелями-очевидцами и слугами слова: то и я почелъ за благо, послѣ того, какъ я напередъ точно (genau) все изслѣдовалъ, написать по порядку (geordnet) тебѣ, превосходительный Теофилъ, съ тѣмъ, чтобы ты получилъ твердое знаніе (Gewissheit) того, о чемъ ты былъ извѣщенъ“³⁶⁵). Ясно, поэтому, что „многіе“ писали о такихъ событіяхъ, которыя были достовѣрно извѣстны другимъ, и что къ числу этихъ другихъ принадлежитъ самъ Ев. Лука (—εν ημιν); поэтому Ев. Лука не былъ изъ числа „многихъ“. Слѣдовательно,

365) Jahrb. d. b. W. 1849. S. 183. Sp. d. Drei ersten Evangelien.

было два разряда людей, знавшихъ жизнь Иисуса Христа, — тѣ, которые разумѣются въ словѣ πολλοι, и тѣ, которые разумѣются въ словѣ εν ημιν. Ев. Лука принадлежитъ ко вторымъ. Первые писали о томъ, что было достовѣрно извѣстно вторымъ: εν ημιν των πεπληροφορημενων πραγματον. А если бы и первымъ Ев. исторія была также достовѣрно извѣстна, какъ вторымъ и Лукѣ, то не было бы нужды предпринимать новыхъ изслѣдованій и потомъ писать одно и то же, одинаково достовѣрное; по крайней мѣрѣ, Лукѣ не слѣдовало-бы говорить о томъ, что ему достовѣрно извѣстно, если тоже и также было извѣстно „многимъ“ по-мимо его, изъ одного и того же источника. А это достовѣрно было извѣстно Лукѣ потому, что ему (и подобнымъ ему—εν ημιν) передали благовѣстіе Христово бывшіе сначала свидѣтелями-очевидцами и слугами слова: καθως παρεδοσαν ημιν οι απ. αρχης αυτοπται και υπηρεται γενομενοι του λογου; слѣдовательно, — по точному и вѣрному преданію. И вотъ Лука, зная такъ достовѣрно о событіяхъ Ев. исторіи, о которыхъ доставляли рассказы „многіе“, вознамѣрился самъ написать: επειδηπερ πολλοι επεχειρησαν αναταξασθαι διηγησιν.—Но если уже „многіе“ начали составлять рассказы, то—что же за цѣль была у самого Луки писать, — когда и безъ него επεχειρησαν πολλοι?—Онъ говорить: „разсудилось и мнѣ... по порядку описать тебѣ, достопочтенный Теофилъ, съ тѣмъ, чтобы ты узналъ твердое основаніе того ученія, въ которомъ былъ наставленъ“. Вотъ—цѣль: Евангелистъ признаетъ недостаточнымъ для Теофила прежнее наставленіе его въ Евангеліи, опасаясь, чтобы оно не стало для него нетвердымъ, ибо сообщалось ему устно и не по порядку. Поэтому Евангелистъ говорить: „вознамѣрился и я, т. е. какъ вознамѣрились „многіе“, описать тебѣ, а не вообще составить, какъ дѣлали „многіе“, — съ тѣмъ, чтобы ты, Теофилъ, узналъ твердое основаніе того, въ чемъ былъ уже наставленъ, — а не съ тѣмъ, чтобы переписать тебѣ то же, что дѣлали „многіе“, —

чтобы узнать то, чего прежде не знали или не так знали, какъ будешь теперь знать, разумѣтся, потому, что теперь сообщается тебѣ твердое основаніе, именно историческое, въ порядкѣ изложенное повѣствованіе о Христѣ, писанное на основаніи Апостольскаго преданія,—оно есть основаніе прежде сообщеннаго тебѣ устнаго ученія. Эта цѣль при сознаніи Луки, что πολλοι επεχειρησαν, могла быть только тогда, когда Теофилу не возможно было узнать την ασφαλιαν изъ (του) αναταξασθαι των πολλων; а это могло быть потому, что или πολλοι не знали Ев. исторіи такъ же основательно, какъ Лука, и трудами ихъ нельзя было воспользоваться ни Лукѣ, ни Теофилу, или—потому, что не писали тѣхъ рассказовъ, которые составляли, при чемъ не было твердости въ ихъ (το) αναταξασθαι. Слѣдовательно хотя πολλοι επεχειρησαν, но они не имѣли την ασφαλιαν. Лука по поводу и въ сознаніи этого намѣренъ былъ изложить Ев. исторію такъ, чтобы Теофилъ имѣлъ въ ней την ασφαλιαν, чего, разумѣтся, въ предварительномъ наставленіи Теофила не было. Эта ασφαλια была возможна у Луки, потому что онъ вполнѣ достоверно знаетъ о томъ, о чемъ писали (?) или составляли рассказы πολλοι, и не такъ, какъ знали они,—не совершенно, а вполнѣ точно,—зналъ потому, что и ему вмѣстѣ съ другими παρεδωσαν οι απ, αρχης αυταπται και υπηρεται τв λογου γενομενοι. Слѣдовательно, Евангеліе Луки является какъ достовернѣйшее изложеніе событий, о коихъ писали „многіе“, но незнавшіе совершенно достоверно о нихъ. Его писаніе достовернѣйшее нежели всѣхъ πολλοι, но именно потому, что оно основано на личномъ непосредственномъ свидѣтельствѣ очевидцевъ и служителей Слова. Это свидѣтельство есть παραδοσις очевидцевъ; это παραδοσις Луки намѣренъ записать для Теофила; слѣдовательно, παραδοσις было у него, неписаннымъ источникомъ; иначе онъ долженъ былъ бы только списать съ него какъ съ Первоевангелія; а такое παραδοσις устраняло бы

и трудъ изслѣдованія, съ котораго Лука начинаетъ свое дѣло; такъ какъ и первая запись Апостольская должна была имѣть ту же цѣль—изложить устную проповѣдь въ порядкѣ, какъ и Евангеліе Луки (за это ручается цѣль всякаго каноническаго Евангелія); παραδοσις Апостоловъ въ писаніи представляло бы ту же ασφαλιαν, какой желаетъ для Теофила Ев. Лука ³⁶⁶). Слѣдовательно, Евангеліе Луки имѣло своимъ источникомъ устное преданіе очевидцевъ и служителей Слова, а не частныя записки „многихъ“ или писанное преданіе, какъ полагали Эвальдъ и Гольцманъ. О тѣхъ Ев. событіяхъ, о которыхъ слагали рассказы πολλοι, Лука знаетъ совершенно достоверно,—такъ, какъ ему передали, и такъ вѣрно, какъ могли то сдѣлать сами очевидцы, αυταπται. Свое знаніе онъ сообщалъ уже и другимъ, на примѣръ Теофилу. А потому, если бы и были у Луки подъ руками мнимо-писанные διηγησεις των πολλων, то они ему не были бы нужны въ качествѣ источника, такъ какъ то, о чемъ они повѣствовали, Лука самъ знаетъ совершенно достоверно и безъ нихъ,—зналъ, какъ ему передали свидѣтели очевидцы и слуги Слова отъ начала. Это ненужное предположеніе письменныхъ источниковъ для Луки, знавшаго въ совершенствѣ все ихъ содержаніе по преданію, необъясняетъ и того относительнаго совершенства писанія Луки, которое обозначается словомъ „по порядку“, καθεξης, geordnet. Лука писалъ въ порядкѣ, потому что пользовался многими источниками (διηγησεις—у Эвальда); значитъ, этотъ порядокъ онъ находилъ въ нихъ, а поэтому его трудъ, имѣющій своей задачею именно порядокъ, является ненужною новостію,—тѣмъ болѣе, что и этотъ порядокъ не могъ быть

366) Это, по приему Гольцмана, можно выразить такъ: о томъ, что πολλοι были писателями, онъ заключаетъ изъ словъ: χαμοι—γραφαι καθεξης.. На-оборотъ, изъ того, что сказано ημιν, а не χαμιν (και ημιν) слѣдуетъ, что πολλοι не имѣли παραδοσις. . .

вѣроятнѣе указаннаго въ его источникѣ—*διηγησις*. Это обстоятельство лишаетъ Евангеліе Луки относительнаго совершенства, изъ-за котораго онъ специально принимается за самый трудъ писанія. Нѣтъ, Лука пишетъ Ев. исторію въ порядкѣ, потому что онъ извѣстенъ ему совершенно достовѣрно, такъ, какъ ему передали, свидѣтели—очевидцы“. Евангеліе Луки является дѣйствительно совершеннѣйшимъ писаніемъ, но—потому, что оно не только болѣе упорядочено со стороны послѣдовательнаго изложенія фактовъ Ев. исторіи, а потому, что оно болѣе достовѣрно и точно, *ακριβως*, нежели *διηγησις των πολλων*. Но для того, чтобы писать болѣе совершенное, надобно напередъ знать менѣе совершенное, что бы не написать ненужнаго; и Ев. Лука дѣйствительно говоритъ о себѣ: *εδωξε καμοι, παρηκολουθηχοτι ανωθεν πασι ακριβως καθεξης σοι γραφαι*; но почему *εδωξε*?—*επειδη περ πολλοι επεχειρησαν*... При „тщательномъ изслѣдованіи всего сначала,“ Лука узналъ, что было невѣрно и чего недоставало въ подробномъ и вѣрномъ повѣствованіи у его предшественниковъ—„многихъ,“ потомъ написалъ свое Евангеліе, совершеннѣйшее предъ всѣми тѣми по степени достовѣрности и порядку повѣствованія, совершенство котораго состоитъ также главнымъ образомъ, конечно, въ его достовѣрности, —короче говоря, Ев. Лука писалъ на основаніи самаго достовѣрнаго источника—преданія очевидцевъ—Апостоловъ Иисуса Христа.

Такимъ образомъ содержаніе Предисловія, собственно принадлежащаго Евангелію отъ Луки,—какъ самыя подлинныя слова этого Евангелиста,—ясно говоритъ о цѣли и возникновеніи этого труда, именно о томъ, что Лука имѣлъ цѣлю сообщить Теофилу точнѣйшее, достовѣрное и упорядоченное историческое свѣдѣніе о жизни и ученіи Иисуса Христа на основаніи устнаго непосредственнаго преданія свидѣтелей-очевидцевъ Его,—по поводу того, что „многіе“ начали составлять рассказы о Немъ, но не на основаніи такого источника, которымъ

пользовался Евангелистъ Лука. Слѣдовательно, Евангеліе Луки, по его самоподлинному свидѣтельству, имѣло свою цѣль, свой поводъ, свой источникъ и высокое совершенство независимо отъ письменныхъ произведеній „многихъ“ постороннихъ писателей или составителей Ев. рассказовъ; а потому оно есть трудъ Ев. Луки собственный, некомпильтивный, въ которомъ изложено твердое знаніе жизни и ученія Иисуса Христа, именно—устное преданіе Его Апостоловъ³⁶⁷).

Б.

Кромѣ предисловія Евангелія отъ Луки, какъ Эвальдъ, такъ и Гольцманъ находятъ подтвержденіе для своихъ теорій въ другомъ внѣшнемъ или историческомъ свидѣтельствѣ, которое принадлежитъ Папію, епископу Иерапольскому († 120 г.). Онъ передаетъ, что Ев. Матѳей написалъ Ев. изреченія, *λογια*; а это, будто бы, свидѣтельствуешь о томъ, что существовало когда-то Собраніе изреченій (Эвальдъ) или источникъ А, какъ особое писаніе (Гольцманъ)³⁶⁸).

367) Такъ оправдывается наша общая мысль о происхожденіи Евангелій изъ устнаго Апостольскаго преданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то древнее мнѣніе о смыслѣ стиховъ: 1—4, 1 гл. Луки, принадлежащее св. Аванасію Великому, отъ коего отстужаетъ не только отрицательная, но и апологетическая критика въ данномъ случаѣ, хотя послѣдняя только иногда. Несомнѣнно, что св. Аванасій отлично хорошо зналъ греческій языкъ Св. новозавѣтнаго писанія и потому могъ совершенно точно и критически отчетливо опредѣлить смыслъ словъ въ 1—4 стихахъ 1-й гл. Луки. И вотъ онъ, имѣя въ виду контекстъ данныхъ стиховъ, говорилъ: «боюся, чтобы, какъ писалъ къ Коринѳяномъ Павелъ, нѣкоторые изъ простодушныхъ не были уклонены отъ простоты и чистоты хитростію челоѣковъ и потому не начали внимать инымъ книгамъ, такъ называемымъ апокрифическимъ, будучи обмануты единоვნостію ихъ съ истинными книгами: то потерните, молю, аще о извѣстномъ вамъ еще и я воспоминаю ради нужды и пользы церкви. Желая же о семъ вспомнати, употреблю, для оправданія моего дерзновенія, образъ словесъ Ев. Луки, и реку и я: понеже нѣкіе начали слагати себѣ такъ именуемая апокрифическія книги и смѣшивати оныя съ Богодухновеннымъ писаніемъ, о которомъ мы удостовѣрены, якоже предаша отцамъ отъ начала самовидцы и слуги бывшіе словесе: изволися и мнѣ . . . по порядку изложить, какія книги приняты . . .» Изъ 39-го Посла. о Праздн.—См. *Книгу правилъ*. Москва. 1874. Стр. 334—335.

368) Надобно замѣтить, что разборъ этого свидѣтельства Папія можно находить въ весьма многихъ сочиненіяхъ нѣмецкихъ ученыхъ изслѣдователей, то въ довольно подробномъ видѣ, то въ видѣ краткихъ замѣчаній. Такъ самъ Гольцманъ

Эвальдъ указываетъ на свидѣтельство Папія, какъ на сравнительно болѣе опредѣленное, и утверждаетъ, что это свидѣтельство опредѣленно говоритъ въ пользу его мнѣнія, а именно—то, что Евангелистъ Матѳеѣй написалъ *τα λογια*, т. е. изреченія Иисуса Христа по-еврейски. Конечно, говоритъ Эвальдъ, онъ, т. е. Папій, не придавалъ еще особаго смысла этому слову (*—λογιον*), а скорѣе полагалъ важность дѣла въ томъ, что Матѳеѣй написалъ не въ примѣръ другимъ по-еврейски; однако мы не имѣемъ права смыслъ слова *λογια*—, изреченія “расширять до послѣдняго предѣла и разумѣть подъ нимъ трудъ, въ которомъ изреченія Христа не были бы единственнымъ и главнымъ дѣломъ,—тѣмъ болѣе, что Папій напередъ сказалъ кратко и совершенно иначе о Евангеліи Марка. Слѣдовательно, мы, заключаемъ Эвальдъ, имѣемъ основаніе тотъ трудъ, который—соотвѣтственно его содержанію—мы назвали Собраніемъ изреченій, разумѣть подъ словомъ *λογια*, о чемъ и говоритъ Папій“. Вотъ и все доказательство; оно очень кратко и шатко!...

Необходимо возникаетъ вопросъ—въ самомъ дѣлѣ, говоритъ-ли Папій о Собраніи изреченій, въ томъ его видѣ, какой опредѣляется теоріей Эвальда, или, напротивъ, онъ говоритъ о каноническомъ Евангеліи отъ Матѳея?

указываетъ многихъ, каковы суть: Tobler, Steitz, Hilgenfeld, Delitsch, Bleek, Baur, Meyer, Siffert, Tholuk, Schneckenburger, Lachmann, Credner, Weisse, Wieseler, Baumgarten-Crusius, Köstlin, Reuss, Weiss, Lücke, Kern, Fromann, De-Wette, Harless, Ebrard, Kuhn, Guerike, Thirsch, Feilmoser, Schleiermacher, Strauss, Gfrörer, Schwegler, Fritsch, Weizsäcker, Sepp, Kirchhofer и v. а. Въ нашей отечественной литературѣ разборъ этого свидѣтельства тоже есть. См. у *Архм. Сергія*,—Несомнѣнная истинность Ев. и Ап. исторіи. М. 1867. Стр. 9—11. Полнѣе еще—у *Архм. Михаила*,—о Евангеліяхъ и Ев. исторіи. М. 1870. Стр. 106—112. Почти тоже—у *Свящ. Влад. Маркова*,—о Евангеліи отъ Матѳея. М. 1878. Стр. 129—137.—Тѣмъ не менѣе, въ виду новыхъ возраженій Гольмана главнымъ образомъ противъ этого свидѣтельства, намъ приходится сдѣлать разборъ этого свидѣтельства снова и нѣсколько иначе.

По крайней мѣрѣ, здѣсь нельзя находить указаніе на существованіе именно Собранія изреченій, предполагаемаго теоріей Эвальда. Онъ самъ прямо говоритъ: „мы не имѣемъ права смыслъ выраженія *λογια—Sprüche* расширять до послѣдняго предѣла“. Очевидно, здѣсь Эвальдъ даетъ возможность принимать слово *λογια* въ болѣе или менѣе тѣсномъ смыслѣ, если на то будетъ дано право. Онъ признаетъ въ нѣкоторомъ отношеніи возможнымъ расширеніе смысла *λογια* и до крайняго предѣла, если на то опять дано будетъ право. Самъ онъ не желаетъ понимать это слово въ обширнѣйшемъ его смыслѣ, ограничиваясь значеніемъ только изреченія или рѣчи. Но Эвальдъ, съ своей точки зрѣнія, не имѣетъ права распространять точнаго значенія слова *λογια*; по праву онъ долженъ признавать за нимъ только буквальное значеніе. Иначе, онъ даетъ возможность и право безпрепятственно переходить отъ точнаго къ менѣе точному и самому неточному значенію. Однако, Эвальдъ напрасно заявляетъ здѣсь о томъ, что онъ не имѣетъ права понимать слово *λογια* иначе, а не какъ ему желательно. Онъ самъ неоднократно прежде, какъ и въ настоящемъ случаѣ, отступалъ и отступаетъ отъ буквального пониманія нѣкоторыхъ словъ въ текстѣ историческихъ свидѣтельствъ. Такъ, напримѣръ, еще прежде простому слову *εὐαγγελιστής* онъ для своей цѣли придавалъ значеніе не только благовѣстника, но и составителя письменныхъ рассказовъ, собирателя устныхъ сказаній о Христѣ,—значеніе, которое скорѣе опирается на особенное употребленіе этого слова, нежели на этимологическій составъ его. Въ настоящемъ же случаѣ—относительно свидѣтельства Папія—Эвальдъ соображаетъ иначе: онъ говоритъ, что нѣтъ права понимать слова *λογια* въ иномъ, обширномъ, а не въ тѣсномъ смыслѣ, какъ изреченіе—*Spruch*... Но и здѣсь Эвальдъ самъ первый поступаетъ противъ своего собственнаго правила и понимаетъ слово *λογια* не въ одномъ только буквальномъ его значеніи...

Этимологически слово *λογιον(α)*—отъ *λογος* (или *λογιζομαι*)—значитъ собственно: связь, собраніе, сношеніе; потомъ—изреченіе; отсюда—изреченіе бога (оракула), отвѣтъ, откровеніе, правило божественное ³⁶⁹). Какое же значеніе даетъ Эвальдъ слову *λογιον* и—*λογος*?—За словомъ *λογος* Эвальдъ признаетъ значеніе слова Божія, Евангелія и всего Священнаго Писанія. Именно такъ объясняя слова Луки гл. I, ст. 1—4, онъ говоритъ, что Апостолы были очевидцами и слугами Слова, *του λογου*, именно—Евангелія, которое по обороту рѣчи, не мало употребившемуся въ вѣкъ Апостольскій, еще называлось словомъ Божіимъ или короче—Словомъ. Это выраженіе, конечно, само по себѣ тоже могло обозначать и слово Божіе ветхаго завѣта.—Дѣло въ томъ, что словомъ *λογος*, по мнѣнію Эвальда, называлось все Священное Писаніе ³⁷⁰); слѣдовательно, *λογος* и *λογιον* означали не только слово, но и рѣчь о дѣлахъ,—слово и дѣло, что на Еврейскомъ языкѣ обозначается однимъ словомъ *dawar*,—слово и дѣло. Это вѣроятно еще болѣе потому, что *λογια*, по мнѣнію Эвальда, были написаны на еврейскомъ языкѣ. Если же это такъ, то согласно съ тѣмъ Эвальдъ долженъ понимать и слово *λογια*, какъ слово одного корня съ *λογος*, такъ какъ и *λογια* соответствуетъ слову *dewarim*.—Нѣтъ, Эвальдъ не желаетъ этого. Тѣмъ не менѣе онъ, вопреки своему желанію и праву, долженъ и здѣсь отступить отъ своего правила; этого требуетъ лексикальное значеніе слова *λογιον*. Слово *λογιον* значитъ именно: а) изреченіе оракула, б) отвѣтъ бога (языческаго), в) откровеніе божественное вообще. Въ сви-

369) Ср. по Schleisner'у—W. *λογιον* (α v. *λογος*).

370) Эвальдъ не только указываетъ, но и доказываетъ такое употребленіе слова *λογος* и—относительно словъ *Ευαγγελιον* и *ευαγγελιζω*: X, 7; XIV, 6. Оно находится у Луки очень часто: Ев. V, 1, VIII, 11—21. XI, 28. Дѣян. IV, 4. 31. VI, 2. 4. 7. VIII, 14 (4). XXI, 25. X, 44. XII, 24 и т. д. Изъ этого ясно, говоритъ Эвальдъ, что рѣчь Евангелистовъ допускала такое обращение словъ. См. Jahrb. d. b. W. 1849. S. 183.

дѣтельствѣ Папія слово *λογιον* нельзя понимать въ первомъ смыслѣ, потому что несомнѣнно это были *λογια του Κυριου*. Если принять это слово во второмъ смыслѣ, то въ Собраніи изреченій, предполагаемомъ у Эвальда, должны быть помѣщены только отвѣты Господа и должно быть исключено главное содержаніе его—Нагорная проповѣдь, ибо она сказана не какъ отвѣтъ на вопросъ, а въ видѣ прямой рѣчи. Съ другой стороны, отвѣты предполагаютъ вопросы и Собраніе отвѣтовъ безъ вопросовъ не должно быть. А если такъ, то слово *λογια* будетъ означать бесѣды, а не отвѣты; это значеніе уже не лексикальное. Если же принять это значеніе, то слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предположить, что въ Евангеліи отъ Матѳея были и нѣкоторыя указанія на тѣ историческія побужденія, по которымъ велись бесѣды. Такое значеніе за словомъ *λογια* принужденъ признать и самъ Эвальдъ. Онъ, съ одной стороны, утверждаетъ, что подъ словомъ *λογια* у Папія должно разумѣть Собраніе изреченій, а съ другой, что это Собраніе изреченій содержало въ себѣ не одни только рѣчи или изреченія, но и историческія введенія, показывавшія, по какимъ обстоятельствамъ они были произнесены, именно—небольшіе рассказы. Здѣсь важно то, что въ *λογια* должны были находиться рассказы, а не исключительно изреченія. Теперь—вопросъ: почему и сколько въ Собраніи изреченій должно допустить историческаго содержанія, или—какъ и чѣмъ опредѣлить его много, мало и столько?—У Эвальда нѣтъ на это опредѣленной мѣры. Онъ вноситъ въ содержаніе Собранія изреченій чисто историческіе рассказы, неимѣющіе иногда необходимой органической или чисто логической связи съ тою или другою Ев. рѣчью. Такъ, на примѣръ: у Матѳея, — III, 4—6 ст., гдѣ рассказывается, каковъ былъ Іоаннъ Креститель по виду и жизни; или—у Матѳея въ XII, 22—25 ст., гдѣ говорится: „тогда привели къ Нему (Иисусу) бѣсноватаго слѣпаго и нѣмаго; и (Онъ) исцѣлилъ его такъ, что слѣпой и нѣмой сталъ и говорить и видѣть. И ди-

вился весь народъ, и говорилъ: не это ли Христось, Сынъ Давида? Фарисеи же, услышавъ сіе, сказали: Онъ изгоняетъ бѣсовъ не иначе, какъ силою веельзевула, князя бѣсовскаго... 371). Слѣдовательно, *λογια* означаетъ не изреченія только, а бесѣды съ историческими введеніями. Но если это—такъ, то каноническое Евангеліе отъ Матѳея почти все состоитъ изъ такихъ бесѣдъ; потому что всѣ бесѣды Спасителя были при различныхъ обстоятельствахъ и всѣ дѣла Его сопровождались рѣчами или изреченіями Его и постороннихъ лицъ,—отвѣтами, собесѣдованіями, совѣщаніями. Такъ, на примѣръ, крещеніе Христа сопровождалось бесѣдою съ Иоанномъ Кр., искушеніе Спасителя—бесѣдою съ духомъ-искусителемъ, и т. п. Но если Эвальдъ одни дѣла Господа, при совершеніи которыхъ Онъ велъ свои бесѣды, относить къ числу *λογια*; то слѣдуетъ относить туда же и другія подобныя, и почти всѣ; такъ какъ всѣ дѣйствія Спасителя сопровождались Его бесѣдами,—Его устнымъ словомъ по какому либо поводу. Если же въ Евангеліяхъ и находятся нѣкоторыя историческія примѣчанія, по видимому не строго относящіяся къ извѣстной рѣчи, то и они, однако, имѣютъ цѣлю—выяснить эту рѣчь съ исторической ея стороны; таковы, на примѣръ, указанія Евангелистовъ, что Спаситель былъ въ такомъ-то мѣстѣ, потомъ отправился въ другое, за Нимъ слѣдовалъ народъ, такое-то слово или дѣло произвело извѣстное впечатлѣніе и т. п. Но и при всѣхъ подобныхъ историческихъ замѣчаніяхъ Евангеліе отъ Матѳея можетъ быть названо Собраніемъ бесѣдъ Христовыхъ или *λογια*,—на чемъ настаиваетъ теорія Эвальда.—Въ самомъ дѣлѣ, если Евангелистъ записывалъ рѣчи Господа, то онъ долженъ былъ изложить и то, гдѣ они были сказаны, по какому поводу,

371) См. другіе подобныя и многіе примѣры — у Эвальда, въ его *d. Drei ersten Evangelien*, — по соответствующему шрифту *Собранія изреченій*.

какое произвели впечатлѣніе на слушателей и т. п. Но вотъ онъ долженъ дать названіе этому своему труду; является вопросъ—о чемъ онъ писалъ?—конечно, о томъ, что Иисусъ проповѣдывалъ, ходя и исцѣляя всякій недугъ въ людяхъ... Слѣдовательно, онъ записалъ, главнымъ образомъ, рѣчи, сказанныя Господомъ тогда-то, тамъ-то, такъ-то... Понятіе рѣчи здѣсь остается главнымъ и существеннымъ. Сообразно съ этимъ и названіе Евангельской книги могло быть болѣе соответствующимъ дѣлу такое—бесѣды или изреченія Христа. Но если бесѣды Христа можно было назвать *λογια*, то и трудъ, заключающій ихъ, Папій могъ назвать также словомъ *λογια*. Это названіе соответствуетъ главному предмету Ев. писанія; но, какъ всякое такое названіе, оно не исключаетъ непременно-придаточныхъ и второстепенныхъ частей его содержанія. Названіе *λογια* дано Евангелію отъ Матѳея потому, что въ немъ содержатся болѣею частью бесѣды, а меньшею—разказы, причемъ въ большинствѣ и самыхъ разказовъ содержатся также рѣчи Христовы съ указаніемъ историческихъ обстоятельствъ ихъ произнесенія. Это ясно вполнѣ по сравненію самаго названія *λογια* съ тѣмъ, какое носитъ трудъ Ев. Марка. Онъ называетъ свое писаніе *Ευαγγελιον τῆς Ἰησοῦ Χριστοῦ*, т. е. благовѣстіемъ, хотя оно содержитъ описаніе дѣлъ Спасителя болѣе, нежели изложеніе рѣчей и изреченій Его; оно менѣе проповѣдь, чѣмъ историческое повѣствованіе. А если оно называется благовѣстіемъ Иисуса Христа, то—по существенному предмету своего содержанія (ср. *Μρ. гл. I, ст. 1 и 14-й,—κηρυσσων το ευαγγελιον της βασιλειας...*). Подобно тому и слово *λογια* можетъ означать вообще бесѣды Христа, изъ коихъ дѣйствительно и состоитъ большая часть каноническаго Евангелія отъ Матѳея. Дѣйствительно, оно содержитъ собесѣдованіе Господа—то съ Иоанномъ Крестителемъ, то съ народомъ, то съ Своими Учениками, то съ фарисеями и пр. Слѣдовательно, *λογια του Κυριου* есть точное названіе труда Ев. Матѳея: оно бо-

лѣе соотвѣтствуетъ его содержанію, нежели, напримѣръ, *λογος*, потому что слово *λογια* значитъ собственно „божественныя откровенія“, какъ и слѣдуетъ назвать всѣ бесѣды Господа.

Это заключеніе слѣдовало бы признать вполне удовлетворительнымъ для положительнаго рѣшенія вопроса о значеніи слова *λογια*; но противъ такого заключенія имѣются еще нѣкоторыя возраженія другаго изслѣдователя вопроса о Папиевомъ выраженіи—*λογια*, именно—Гольцмана. Онъ главнымъ образомъ опирается на контекстъ этого свидѣтельства, имѣя въ виду, что сказано объ этомъ свидѣтельствѣ со стороны апологетическихъ изслѣдователей того же свидѣтельства.

„Обратимъ вниманіе, говоритъ Гольцманъ, на важныя основанія изъ свидѣтельства Папія, приводимыя въ пользу подлинности каноническаго Евангелія отъ Матѳея“. Затѣмъ онъ прямо излагаетъ эти основанія въ трехъ пунктахъ, сопровождая ихъ своими отрицательно-критическими замѣчаніями; и такимъ образомъ, въ этомъ древнѣйшемъ свидѣтельствѣ онъ находитъ, по его выраженію, „блестящее оправданіе своего изслѣдованія“.

1.—*Λογιον*, говоритъ Гольцманъ, по общему греческому и эллинистическому языкоупотребленію значитъ не „изреченіе вообще“, но скорѣе—„божественное изреченіе“. Такъ и Отцы церкви подъ этимъ словомъ понимали цѣлое, какъ учительное, пророческое, такъ вмѣстѣ и историческое содержаніе Св. Писанія. Но, продолжаетъ критикъ, ко времени Папія еще не существовало никакого(?) новозавѣтнаго священнаго писанія. Если бы Папій представленіе о вдохновеніи (*Inspiration*) уже вознамѣрился перенести на нѣкоторыя отрывочныя писанія Евангелистовъ, извѣстныя ему съ опредѣленнымъ именемъ, то по крайней мѣрѣ онъ призналъ бы ихъ недостаточными. Могъ-ли онъ еще прежде и такъ рано обозначить содержаніе Евангелія, какъ *λογια Κυριακα* (ср. Евр. V, 12—*τα λογια του Θεου...*)? По этому иные подъ словомъ *λογια* разумѣли устныя преда-

нія объ Иисусѣ. Но какъ могъ Апостоль Матѳея, какъ „самовидѣцъ“, поставить задачей своего труда—собираніе устныхъ преданій и слагать ихъ въ видѣ Евангелія?—Скорѣе съ этимъ словомъ (*λογια*) тѣсно соединяется понятіе авторитета (*effatum, oraculum*). Рѣчи, повелѣнія, сентенціи, ученіе и пророчество Иисуса образовали первое содержаніе Апостольскаго преданія; а рассказы только тогда могли быть названы *λογια*, когда они стояли уже въ каноническомъ писаніи и сами являлись какъ откровенія Святаго Духа (*effata Spiritus sancti*), т. е. только спустя долго послѣ Папія³⁷²). Нѣтъ, все это неправда. Если слово *λογιον* по общему греческому и эллинистическому словоупотребленію означаетъ божественное изреченіе, какъ откровеніе; то въ этомъ смыслѣ, а не въ иномъ, и Папій всего скорѣе могъ приложить это слово къ Евангелію отъ Матѳея. Важно здѣсь не то, что словомъ *λογια* обозначено Евангеліе отъ Матѳея, а то, что собраніе рѣчей Господа Иисуса Христа, составленное Матѳеемъ, получило именно это авторитетное названіе *λογια*, что значитъ Божественное откровеніе. Поэтому-то не было нужды Папію дожидаться того времени, когда церковь канонизовала священныя Ново-завѣтныя книги и, между прочимъ, писаніе Ев. Матѳея, чтобы рѣчи Господа, собранныя ранѣе, признать за „откровенія“ Его. Самая идея вдохновенія (*Inspiration*) и канона должна была существовать, конечно, ранѣе самаго собранія каноническихъ книгъ вмѣстѣ. Какъ собраніе, такъ и отдѣленіе св. писаній отъ прочихъ предполагаютъ общую церковную увѣренность въ ихъ Божественномъ достоинствѣ, какъ книгъ Боговдохновенныхъ. Раздѣлялъ ли такую увѣренность самъ Папій въ отношеніи къ писанію Ев. Матѳея?—Это несомнѣнно по самымъ словамъ того же свидѣтельства. Гольцманъ понимаетъ это

372) Holtzmann, —S. 251.

свидѣтельство Папія такъ: „онъ (Папій) свидѣтельству-
етъ объ Апостолѣ Матѳеѣ, что сей составилъ изреченія
Господа—*λογια του Κυριου*.“ Если самъ Гольцманъ такъ
понимаетъ свидѣтельство Папія, то слово *του Κυριου* по-
казываетъ, насколько были авторитетны для Папія рѣ-
чи, собранныя Матѳеемъ: для Папія они были *λογια του*
Κυριου. А сказать, что это—бесѣды Господа, зна-
чить тоже, что признать ихъ „откровеніями“ Его. Могъ
ли, далѣе, Папій быть убѣжденъ въ томъ, что эти „бе-
сѣды Христа,“ записанныя Ев. Матѳеемъ дѣйствительно,
принадлежатъ этому Евангелисту, какъ дѣло его вдохновен-
наго воспоминанія и—точно Христовы рѣчи?—На это
отвѣчаетъ положительно во-первыхъ то обстоятельство,
что самъ Папій получилъ о томъ свое свѣдѣніе отъ пре-
витера Іоанна, ученика прямо Апостольскаго (если не
отъ Апостола Іоанна), во-вторыхъ то, что Папій самъ зани-
мался изслѣдованіемъ подобныхъ вопросовъ и тщательно
узнавалъ о томъ, что относится къ истинѣ Евангелія.
Это мнѣніе о немъ раздѣляетъ и самъ Гольцманъ ³⁷³).
Остается припомнить, что вѣра въ божественный авто-
ритетъ Лица Христова и отсюда въ божественный авто-
ритетъ Его рѣчей, какъ откровеній, увѣренность въ бо-
жественномъ достоинствѣ и Апостольскаго слова (а въ
частности и проповѣди Ев. Матѳея), были не только
у самихъ Апостоловъ (ср., напримѣръ, Дѣян. VI, 10 ст.
I Кор. II, 4, 5 и 10) и не посредственныхъ преемни-
ковъ ихъ, но и вообще во всей церкви Христовой во
всѣ времена, какъ и во второмъ вѣкѣ ея существованія.
А потому и Папій, епископъ Апостольскаго вѣка, несом-
нѣнно зналъ и питалъ ту же вѣру въ авторитетъ Апо-
стольскаго устнаго и письменнаго слова ³⁷⁴). Онъ, будучи

373) Holtzmann,—S. 249.

374) Ученіе о вдохновеніи св. Писанія Нового Завѣта въ исторически послѣдова-
тельномъ порядкѣ изложено у Ersch'a und Gruber'a въ *Allge-
meine Encyclopädie W. und K. Leipzig. 1841. II. 19. S. 72 u. f.*

епископомъ Герапольскимъ, занимался изслѣдованіемъ „сви-
дѣтельствъ, относящихся къ жизни, дѣламъ и ученію Ии-
суса Христа“; а потому ему, какъ и другимъ древнѣй-
шимъ Отцамъ церкви (Иринею Лионскому, Клименту
Александрійскому и др.), несомнѣнно было извѣстно Апо-
стольское ученіе о Христѣ Спасителѣ, котораго онъ по
этому называетъ Господомъ—и слова его—*λογια του Κυ-*
ριου,—еще до времени составленія Новозавѣтныхъ кано-
ническихъ писаній, до полного развитія и церковнаго
опредѣленія ученія о вдохновеніи,—подобно другимъ древ-
нѣйшимъ Отцамъ церкви.

2.—„Гильгенфельдъ, по словамъ Гольцмана, изъясня-
етъ свидѣтельство Папія о Евангеліи Матѳея изъ свидѣ-
тельства его о Евангеліи Марка“. Вотъ это свидѣтельст-
во: „пресвитеръ Іоаннъ говорилъ и то, что Маркъ, ис-
толкователь Петра, съ точностію записалъ, сколько за-
помнилъ, то, чему училъ и что говорилъ Христосъ,—*τα*
υπο τη Χριστου η λεχθεντα η πραχθεντα,—хотя и не по
порядку,—*ου μεντοι ταξει*,—потому что самъ не слушалъ
Господа и не сопутствовалъ Ему. Въ послѣдствіи, правда,
онъ былъ, какъ сказано, съ Петромъ, но Петръ излагалъ
ученіе съ цѣлію удовлетворить нуждамъ слушателей, а
не съ тѣмъ, чтобы бесѣды Господни передавать по по-
рядку (*συνταξις των χωριακων λογιων*). Посему Маркъ ни-
сколько не погрѣшилъ, описывая нѣкоторыя событія
такъ, какъ припоминалъ ихъ; онъ заботился только о
томъ, какъ-бы не пропустить чегонибудь слышаннаго,
или не переименовать. Такъ Папій повѣствуетъ о Маркѣ,
а о Матѳеѣ онъ (Папій) говоритъ слѣдующее: Матѳеѣй
записалъ бесѣды (*λογια*) Господа на еврейскомъ языкѣ, а
толковалъ (*ηρμηνευσε*) ихъ кто какъ могъ“ ³⁷⁵). Маркъ,
продолжаетъ Гольцманъ, написалъ *ου μεντοι ταξει τα υπο*

375) У Евсевія Кесарійскаго: Церк. Исторія: III, 39,—по рус. переводу
при С.—Птб. Д. Академіи.

τῆς Χριστοῦ ἢ λεχθέντα ἢ πραχθέντα; но Папій, имѣя въ виду прежде всего рѣчи Христа, не обращаетъ вниманія на *πραχθέντα*, а потому и говоритъ далѣе: *ἀλλ' οὐχ ὡσπερ συνταξιν τῶν κυριακῶν ποιούμενος λόγιων* (или скорѣе *λογίων*); слѣдовательно, противоположности между *λογία* Матѳея и *τα λεχθέντα ἢ τα πραχθέντα* нѣтъ; а есть противоположность только въ недостаткѣ порядка, котораго по словамъ Папія нѣтъ именно у Марка. А что вопреки Марку у Матѳея, по словамъ Папія, находится *συνταξίς τῶν λόγιων*, это произошло просто отъ того, что рѣчи образуютъ существенное содержаніе его Евангелія. Но, критически замѣчаетъ Гольцманъ, контрастъ въ свидѣтельствѣ Папія (о Маркѣ и Матѳеѣ) можно признать двойственнымъ; такъ что въ противоположность отрывкамъ только рѣчей (—у Матѳея), полное Евангеліе, какъ каноническое Евангеліе отъ Марка, было обозначено какъ содержащее *ὡπο τῆς Χριστοῦ ἢ λεχθέντα ἢ πραχθέντα* ³⁷⁶⁾.

—Нѣтъ. Маркъ записалъ *τα λεχθέντα ἢ τα πραχθέντα*, но не въ порядкѣ, такъ какъ онъ записывалъ по воспоминанію то, что говорилъ Ап. Петръ; а Петръ говорилъ тоже не въ историческомъ порядкѣ. Очевидно, однако, что слово „порядокъ“ относится къ *τα λεχθέντα* и къ *τα πραχθέντα*,—у Марка то и другое было „не въ порядкѣ“, но то и другое должно было изложить „въ порядкѣ“. Слѣдовательно, *ἢ λεχθέντα ἢ πραχθέντα*, написанное въ порядкѣ, будетъ *συνταξίς τῶν λόγιων*, а написанное не въ порядкѣ будетъ просто *τα λόγια*. Въ томъ и другомъ случаѣ *ἢ λεχθέντα ἢ πραχθέντα* будетъ то же, что *λογία*. Но словомъ *λογία* Папій обозначаетъ Евангеліе Матѳея, говоря: *Ματθῆος μὲν οὖν ἐβραϊδὶ διαλεκτῶ τα λόγια συνετάξατο...* Слѣдовательно, и содержаніе *λογία* есть то же, что *ἢ λεχθέντα ἢ πραχθέντα* Марка; это такъ тѣмъ болѣе, что въ трудѣ Матѳея Папій указываетъ именно *συνταξίς*

376) Holtzmann,—S. 251.

(*συνετάξατο*) τῶν λόγιων τῆς Κυρίου.—Этому выводу противорѣчить то соображеніе Гольцмана, что Папій говоритъ будто-бы объ отсутствіи порядка только въ рѣчахъ Евангелія Марка,—въ *τα λεχθέντα*; и потому нельзя заключать о тождествѣ *λογία* съ *τα λεχθέντα ἢ πραχθέντα*,—*λογία* соотвѣтствуютъ, будто бы, только *τα λεχθέντα*.—Нѣтъ; Маркъ записалъ по воспоминанію то, что говорилъ Ап. Петръ и не въ порядкѣ, такъ, какъ преподавалъ ученіе самъ Петръ (*πρὸς τὰς χρείας ἐποιεῖτο τὰς διδασκαλίας*). Конечно, нельзя предполагать, чтобы Петръ только изреченія Господа передавалъ *πρὸς τὰς χρείας*, потому что прямо сказано—*διδασκαλίας*, а не *λογία*. А если такъ, то слѣдуетъ, что все Евангеліе—*τα λεχθέντα ἢ πραχθέντα*, записанное со словъ Ап. Петра, было изложено Маркомъ не въ порядкѣ. А потому, если сказано, что Ап. Петръ не имѣлъ въ виду передавать „бесѣды Господни“ по порядку, то значить, что этотъ непорядокъ простирался на все преподаваемое имъ ученіе или Евангеліе. Такимъ образомъ Папій говоритъ не объ однихъ „бесѣдахъ“ Марка, но о всемъ его Евангеліи.—Теперь, ученіе, *διδασκαλία* Петра тоже-ли, что *Κυριακά λογια*?—Папій говоритъ:... *Ὅς (Πέτρος) πρὸς τὰς χρείας ἐποιεῖτο τὰς διδασκαλίας...* Что отсюда слѣдуетъ?—то, что *Πέτρος ἐποιεῖτο οὐ τακτικῶς...* Потомъ Папій говоритъ: *ἀλλ' οὐχ ὡσπερ συνταξιν τῶν κυριακῶν ποιούμενος (Πέτρος) λόγιων...* Почему?—потому что (*Πέτρος*) *πρὸς τὰς χρείας ἐποιεῖτο τὰς διδασκαλίας*. Здѣсь одна мысль поясняется другой: *διδασκαλίας* стоитъ вмѣсто *λογία* и на-оборотъ. Петръ излагалъ *λογία κυριακά* не по порядку, потому что *ἐποιεῖτο τὰς διδασκαλίας* не въ порядкѣ. Отсюда, если Петръ преподавалъ „бесѣды Господни“ не въ порядкѣ; то почему же у Марка не были изложены въ порядкѣ *κυριακά λογια*?—очевидно, потому, что эти *κυριακά λογια* суть тоже что *διδασκαλίαι* Ап. Петра, которыя Ап. Петръ преподавалъ не въ порядкѣ. Отсюда,—порядокъ въ *λογία* таковъ же что и въ *διδασκαλίας*; потому что говоря о порядкѣ въ *λογία*, Папій раз-

умѣсть тотъ же порядокъ что и въ *διδασκαλιας*. Порядокъ въ *λογια* тотъ же, что порядокъ въ *διδασκαλιας*, потому что *λογια* то же что *διδασκαλια*. Но слово *διδασκαλια* обозначаетъ все ученіе Ап. Петра; а ученіе это было то же, что Евангеліе Марка; а его Евангеліе было *τα λεχθεντα η πραχθεντα*. Слѣдовательно, — *τα λεχθεντα η πραχθεντα* — то же, что *διδασκαλια* Ап. Петра или *λογια κυριακα*; отсюда, *λογια* — то же, что *τα λεχθεντα η πραχθεντα*; а *λογια* — Евангеліе отъ Матѳея; слѣдовательно, каноническое Евангеліе отъ Матѳея, по Папію — то же, что *λογια* или *τα λεχθεντα η πραχθεντα* (какъ Евангеліе Марка).

Такое значеніе слова *λογια* находится и у самого Папія, въ его собственномъ сочиненіи; но и противъ этого рѣшительно возражаетъ Гольцманъ.

3. — „И Папій написалъ *λογια* (собственно *Λογιων κυριακων εξηγησις*); но въ его произведеніи существовали, по Экумению и Теофилактю, также и нѣкоторые рассказы, напримѣръ, о погибели Иуды Искаріотскаго. За то, критически возражаетъ Гольцманъ, произведеніе Папія не было никакимъ *συνταξις*, но *εξηγησις λογιων κυριακων*. А изъяснять (*εξηγεομαι*) можно было прежде слова, а потомъ чудеса и притомъ — съ прибавленіемъ исторіи“³⁷⁷). Нѣтъ, сущность дѣла не въ томъ, что Матѳея писалъ *συνταξις*, а Папій — *εξηγησις*, а въ томъ, что у того и другаго предметомъ труда были *λογια κυριακα*. — Что это были за *λογια* у самага Папія? — только изреченія, думаетъ Гольцманъ. Но что это за трудъ состоящій изъ однихъ только изреченій, — кто могъ имъ удовлетвориться? — Однихъ „чистыхъ изреченій“ было не достаточно для того, чтобы ознакомиться съ ученіемъ Спасителя, особенно когда преданіе о Его жизни было извѣстно многимъ (Лук. I, 1—4 ст.). И дѣйствительно, самъ же Папій пишетъ *εξηγησις λογιων*, чѣмъ указываетъ на то, что однихъ из-

реченій безъ объясненія историческаго недостаточно было для вѣрующихъ, — чистыя изреченія сами по себѣ понятны не вполне ясно. Но что же было это за *εξηγησις*? — Въ немъ помѣщались историческіе рассказы, какъ-то: объ Иудѣ предателѣ, о женѣ взятой за прелюбодѣянне и т. п. Слѣдовательно, это было не филологическій *εξηγησις*, а историческій, какъ полагаетъ и самъ Гольцманъ, — изложеніе изреченій въ связи съ историческими фактами. Теперь, какое же различіе его труда отъ такого Евангелія, гдѣ содержатся *τα λεχθεντα η πραχθεντα*? — Въ такомъ Евангеліи, какъ, напримѣръ, Марково, не слѣдуютъ сначала рѣчи, а потомъ событія; этого и не могло быть, потому что Спаситель говорилъ свои рѣчи и при своихъ дѣлахъ: поэтому отдѣлять одно отъ другаго нельзя безъ ущерба для яснаго и полнѣйшаго пониманія самыхъ рѣчей. Такъ, различія въ данномъ отношеніи между *συνταξις* и *εξηγησις* у Папія нѣтъ, — въ томъ и другомъ должны быть и были *τα πραχθεντα*. Въ самомъ дѣлѣ, что такое *συνταξις* Матѳея? — несомнѣнно, — *τα λεχθεντα, η πραχθεντα* въ томъ видѣ, какъ они находятся въ каноническомъ Евангеліи отъ Марка, какъ и преподавались вмѣстѣ, въ видѣ *διδασκαλια*, потому что и у Спасителя то и другое было вмѣстѣ, какъ дѣла, такъ и слова. А потому, простая ли запись и простое изложеніе или въ собственномъ смыслѣ *συνταξις* словъ Спасителя, все равно, — эти слова необходимо должно было излагать вмѣстѣ съ Его дѣлами, или такъ, какъ напримѣръ въ Евангеліи отъ Марка или въ большемъ порядкѣ, какъ у Матѳея; иначе излагать ихъ было нельзя. А потому *συνταξις* Матѳея тоже въ данномъ отношеніи, что *εξηγησις* у Папія и Евангеліе Марка. — За это еще яснѣе говоритъ самый контекстъ свидѣтельства. Маркъ, говоритъ Папій, записалъ *τα λεχθεντα η τα πραχθεντα*, но не *συνταξις*, а Матѳея — *συνταξις*, что указываетъ главнымъ образомъ только на порядокъ. Съ другой стороны *λογια* Спасителя у Марка изложены вмѣстѣ съ *τα πραχθεντα*, но не въ порядкѣ; у Матѳея въ порядкѣ, — *συνταξις*. Отсюда, — Маркъ изло-

377) Holtzmann, — S. 251—252.

жилъ та λεχθεντα η πραχθεντα вмѣстѣ, хотя ου συνταξει; слѣдовательно въ томъ Евангеліи, гдѣ былъ συνταξις λογιων, эти λογια тѣмъ болѣе должны быть вмѣстѣ съ та праχθεντα: иначе немислимъ никакой порядокъ въ отношеніи къ словамъ Спасителя!... Это вполне оправдывается, наконецъ, тѣмъ фактомъ, что параллельныя рѣчи въ каноническихъ Евангеліяхъ отъ Матѳея и Марка имѣютъ одинъ и тотъ же порядокъ и одинаково у того и другаго Евангелиста изложены съ историческими обстоятельствами ³⁷⁸). Это такъ и должно быть, потому что порядокъ рѣчей Господа долженъ быть въ собственномъ смыслѣ одинъ,—тотъ самый, въ какомъ Самъ Господь излагалъ въ бесѣдахъ Свое ученіе. Слѣдовательно, εξηγησις Папія, λογια Матѳея, какъ и Евангеліе Марка, не могли содержать въ себѣ изреченій и рѣчей Христа безъ ихъ историческихъ обстоятельствъ.

Теперь остается еще указать, почему содержаніе Евангелія отъ Марка, какъ и Матѳея получило названіе λογια Κυριαχα, если λογια буквально не значить проповѣди и т. п. ?—На это отвѣчаетъ уже не контекстъ свидѣ-

³⁷⁸) Здѣсь слѣдуетъ припомнить, что самъ же Гольцманъ, въ началѣ своего изслѣдованія, разсуждая о буквальномъ сходствѣ Синоптическихъ Евангелій, замѣчаетъ, между прочимъ, что „ebenso sind einzelne Redeabschnitte wie allen Dreien, häufiger noch bei Zweiten buchstäblich gleich referirt, was im griechischen Ausdruck um so mehr befremdet, da Iesus aramäisch sprach. So z. B. die eschatologischen Weissagungen Mt. 24, Mr. 13, Lc. 21, wo nicht blos die affectvollen Stellen sogar wörtlich gleich lauten, sondern auch in bedeutenderen Nebenpartien fast ganz dieselbe Bestimmtheit und Ausführlichkeit der Rede anzutreffen ist“. Holtzmann,—S. 12. II, 3. Послѣ этого понятно, что συνταξις Матѳея не касался порядка въ составѣ известной рѣчи, а только расположенія всѣхъ Ев. рѣчей; въ этомъ и состояло отличіе Марка отъ Матѳея, по контексту свидѣтельства Папія; слѣдовательно, λογια Матѳея бѣли тѣ же бесѣды Евангелія Марка по содержанію, но изложенныя въ большемъ порядкѣ.

тельства Папія, а употребленіе самаго слова λογιον въ священной библейской, отеческой, канонической и вообще церковной литературѣ Ветхаго и—главное—Новаго Завѣта,—въ смыслѣ именно откровенія.—Слово λογιον есть сокращеніе отъ λογος. Но λογος въ Библии употребляется въ смыслѣ болѣе широкомъ, чѣмъ только въ буквальномъ. Λογος соотвѣтствуетъ Еврейскому слову dawar, что значить слово и дѣло: одна изъ Св. книгъ Ветхаго Завѣта и называется по-еврейски Dibrei hajomim, что значить—„Слова или дѣла дней“. Переводъ этихъ словъ на греческій языкъ долженъ быть такой: λογοι των ημερων ³⁷⁹). Впослѣдствіи словомъ λογος стали обозначать откровеніе и прежде всего Ветхозавѣтное; такъ, въ книгѣ пророка Варуха, написанной по-гречески: ουτοι λογοι του βιβλιω... (гл. I, ст. 1) ³⁸⁰). Далѣе, Филонъ, ученый Александрійскій, говоритъ объ Египетскихъ Терапевтахъ, что они принимали νομος και λογια Θεοπισθεντα δια προφητων και υμνους και τα αλλα ³⁸¹).—Послѣ этого, собственно въ христіанской священно-библейской, отеческой и церковно-канонической письменности слово λογιον употребляется прямо въ смыслѣ божественнаго откровеннаго (вдохновеннаго) слова. Такъ: а) Ев. Лука въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ говоритъ: ος εδεξατο λογια ζωντα δουναι ημιν (гл. VII, 38). б)—Ап. Петръ въ 1-мъ посланіи своемъ: ει τις λαλει, ως λογια Θεου... (I Петр. IV, 11). в)—Ап. Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ: πρωτον μεν γαρ οτι επιστευθησαν τα λογια του Θεου... (гл. III, 2); въ Посл.

³⁷⁹) Dibrei hajomim или Chronicorum, или παραλειπομενων; послѣднее—не буквальный переводъ перваго названія этой книги.

³⁸⁰) Ср. Serr'a: Hebräer—Evangelium. München. 1870. S. 106. Bemerk.

³⁸¹) De vita contemplat. См. «Изъ чтеній по Ветх. Завѣту»,—въ «Труд. Кіев. Д. Акад.» 1871. Июль. Стр. 90—91. Примѣч. 1-е. Ср. Opp. tom. II. p. 215, ed. Mangey.

къ Евреямъ: *τα στοιχεία της αρχης των λογίων του Θεου...* (V, 12).—г) После того, какъ слово *λογιον* уже самими Апостолами употреблялось въ смыслѣ „откровения“, оно естественно стало въ томъ же смыслѣ употребляться учениками и преемниками оныхъ. Такъ и должно быть. Если главный предметъ Ново-завѣтнаго откровения, Самъ Господь Иисусъ Христосъ, названъ былъ Словомъ, *Λογος*; то и всѣ Его проявленія или Его откровения суть *λογια του Κυριου (Λογου)*. По этому-то всѣ дѣла Господа Иисуса, какъ откровения *Λογος*’а, названы были *λογια* и назывались много разъ и очень многими. Такъ,—д) пресвитеръ Иоаннъ, современникъ Апостольскій (если не самъ Апостолъ и Евангелистъ) передавалъ Папію, еп. Иерапольскому, что Маркъ записалъ *τα λεχθεντα η πραχθεντα απο τв Χριστου,—ου ποιμενος συνταξιν λογίων.*—е) Самъ Папій говорить, что Матѳей написалъ *συνταξιν των λογίων Κυριακων* (—а не *τη λεχθεντα* просто). ж)—Самъ же Папій написалъ *εξηγησις των λογίων Κυριακων.*—Послѣ Папія цѣлый рядъ церковныхъ писателей употребляетъ это *λογιον* въ смыслѣ откровенія. Именно: з) Климентъ, еп. Римскій, въ 1-мъ посланіи къ Коринѳянамъ, гл. I, ст. 19-мъ: *τους δε καταδεξαμενους τα λογια αυτου...*; въ ст. 50-мъ: *ερχεσθε εις τα λογια του Θεου...* и)—Игнатій Богоносецъ въ посланіи къ Смирнѳянамъ: *φασι γαρ τα λογια Ουτος ο Ιησους...* (изъ кн. Дѣян. Ап.). і)—Поликарпъ Смирнскій въ посланіи къ Филadelphійцамъ, гл. VII: *ος αν μεδοθει τα λογια του Κυριου.* κ)—Климентъ Александрийскій въ Strom. VII, 18: *καθαρα και δεκτα τω Θεω παραδεδωσιν η γραφη, ως αν εις πατερα και εις Υιον δια της πιστεως των δικαιωντων τα λογια Θεου νυκτωρ και καθ’ ημεραν μελετωντων.* λ)—Иринеѳ Ліонскій, въ Proem. ad cont. eges: *ραδιουργηντες τα λογια του Κυριου εξηγεται κακοι των καλως ειρημενων γινομενοι...* *τη των εφαρμοζομενων κυριακων λογίων κακοσυνθετω σοφια.* Или въ I, 8: *και λεξεις και παραβολας, οθεν και ποθεν αποσπωντες εφαρμοζειν βουλονται τοις μυθοις αυτων τα λογια του Θεου...* м)—Въ In-

stitutiones Apostol. много разъ, напримѣръ: I, 4; II, 16 ст., какъ и у Евсевія Кесарійскаго. н,—Оригенъ, ученый Александрийскій, въ Comment. in Mtth. tom. III. V, 19: *ουδεν εν τοις θειοις λογοις εστι σχολιον ουδε στραγγαλιωδες...* ο,—Ефремъ Сиринъ: *αι δε γραφαι εισιν... παλαια διαθηκη και τα κυριακα λογια και τα αποστολικά κηρυγματα...* ³⁸²). π,—Григорій Богословъ, говоря „о подлинныхъ книгахъ богодухновеннаго Писанія“, совѣтуетъ и языкъ и умъ непрестанно упражнять въ Божіихъ словесахъ (*λογια*) ³⁸³). ρ)—Второе правило VII-го вселенск. Собора говорить: „опредѣляемъ... читати Священныя правила, и Святое Евангеліе, и книгу Божественнаго Апостола и все Божественное писаніе, и поступати по заповѣдямъ Божіимъ... Ибо сущность іерархіи нашея составляютъ Богопреданныя словеса (Θεοπαραδοτα λογια),—то есть, истинное вѣдѣніе Божественныхъ Писаній, якоже изрекъ великій Діонисій“ ³⁸⁴). Наконецъ, с),—Патріархъ Конст. Фотій († 886 г.) все Священное Писаніе обозначаетъ словами: *η τε παλαια διαθηκη και τα Κυριακα λογια και τα αποστολικά κηρυγματα,*—Ветхій завѣтъ, Евангеліе, Дѣянія и посланія Апостоловъ ³⁸⁵). Такимъ употребленіемъ слова *λογιον* очевидно доказывается, что оно имѣло общее значеніе откровенія, и въ-этомъ смыслѣ оно прилагалось и къ Ветхому, и къ Новому завѣту Библии и въ-частности къ Евангелію, какъ и къ другимъ книгамъ Св. канона.

Итакъ, по историческому свидѣтельству Папія, Матѳей и Маркъ подлинно сами написали свои Евангелія—первый на основаніи того, что самъ непосредственно

³⁸²) Ср. Вл. Маркова. О Евангеліи отъ Матѳея. Москва. 1873. Стр. 134-л.

²⁸³) Творенія Григорія Богосл. Рус. пер. Москва. 1847. Ч. V. Стр. 48—49.

³⁸⁴) См. «Книгу Правилъ». Москва. 1874. Стр. 128—129. Вселенск. VII-го Соб. прав. 2-е.

³⁸⁵). Cod. 228. p. 248 Bekk.,—у Ebrard’a, въ его Wissenschaftliche Kritik der evang. Geschichte. 1868. Frankfurt a. M. S. 971.

могъ знать, второй—что проповѣдывалъ Ап. Петръ о жизни и ученіи Господа Иисуса Христа. А Лука самъ о себѣ говоритъ въ предисловіи къ своему Евангелію, что онъ писалъ на основаніи „преданія очевидцевъ и служителей слова“. Слѣдовательно, первыя три каноническія Евангелія Матѳея, Марка и Луки, по важнѣйшимъ и самодревнѣйшимъ свидѣтельствамъ Священно-отеческой литературы, написаны на основаніи личнаго воспоминанія и непосредственнаго преданія Апостоловъ, какъ свидѣтелей-очевидцевъ и слышателей Господа Иисуса Христа.

—Общій результатъ разбора теоріи Гольцмана, какъ и Эвальда, опять тотъ же: Первыя три каноническія Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки имѣли своимъ источникомъ не какія-либо записи, а единственно воспоминаніе и устное преданіе Апостоловъ Иисуса Христа.

XVI.

Теоріи Эвальда и Гольцмана, предполагающія письменные источники для каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки, должны быть признаны научно несостоятельными. Но такъ какъ эти теоріи, по своей полнотѣ и послѣдовательному развитію лежащихъ въ ихъ основѣ принциповъ, суть лучшія и совершеннѣйшія въ ряду всѣхъ теорій того же рода; то слѣдуетъ думать, что и самыя ихъ принципы заимствованія и дополненія

не приложимы къ дѣлу, потому что ложны. Если же нѣтъ возможности удовлетворительно объяснить отношеніе сходства и различія синоптическихъ Евангелій при помощи теорій заимствованія (компиляціи) и дополненія; то остается принять для нихъ такой источникъ, при которомъ они должны быть независимы, но могутъ быть и весьма сходны, именно—личное воспоминаніе и преданіе Апостоловъ и сотрудниковъ ихъ.—Этотъ взглядъ основывается на болѣе твердыхъ и строго научныхъ началахъ и соображеніяхъ, нежели гипотетическіе взгляды Эвальда и Гольцмана.

Дѣйствительно, въ самыхъ синоптическихъ Евангеліяхъ нѣтъ указанія на то, что въ основаніи ихъ положены письменные источники. Нѣтъ въ нихъ явныхъ признаковъ зависимости одного отъ другаго или всѣхъ трехъ отъ одного письменнаго источника. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда всего скорѣе они должны бы обнаруживать свою компилятивность, какъ, на примѣръ, въ приведеніи родословныхъ таблицъ (у Матѳея и Луки), нѣтъ и нельзя предположить такой зависимости. Не находится никакихъ и внѣшнихъ или историческихъ свидѣтельств о существованіи предполагаемыхъ письменныхъ источниковъ для Евангелій. Самое время Апостольской дѣятельности было таково, что компилятивное направленіе Ев. литературы не могло быть ему свойственно.—По всему этому можно и должно предположить, что источникомъ первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій было личное воспоминаніе самихъ писателей Евангелистовъ и собственно Апостольское преданіе, сложившееся въ опредѣленные виды разсказовъ и рѣчей, болѣе или менѣе неизмѣнно передаваемые изъ устъ въ уста въ церкви Апостольской, а потому и записанные тремя Евангелистами до нѣкоторой степени сходно и различно.

Но при этомъ объясненіи дѣла и рѣшеніи вопроса о взаимномъ отношеніи синоптическихъ Евангелій, какъ

происшедшихъ изъ устнаго Апостольскаго преданія, напередъ должно быть признано несомнѣннымъ, что:

а) Ученіе свое Иисусъ Христосъ преподавалъ устно; по этому какъ дѣятельность, такъ и собственно проповѣдь Его сохранялись сначала только въ памяти непосредственныхъ очевидцевъ и слушателей Его, каковыми по преимуществу были Апостолы.

б) Твердое храненіе ученія и дѣлъ Господа въ памяти Апостоловъ имѣло всѣ необходимыя для себя условія.

Въ самомъ дѣлѣ, то и другое положеніе вполне вѣрны, потому что каждое подтверждается прямыми и ясными свидѣтельствами самихъ же синоптическихъ Евангелій и писаній св. Отцовъ.

По свидѣтельству первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки, несомнѣнно, что ученіе Иисуса Христа сначала было предметомъ запоминанія и только устнаго преданія Апостоловъ. Иисусъ Христосъ, во исполненіе о Немъ вѣтхо-завѣтныхъ пророчествъ, проповѣдывалъ Свое ученіе устно (Мѳ. XIII, 35; ср. Псал. LXXVII, 2; Лук. IV, 18—19; ср. Ис. LXI, 1. 2). А такъ какъ Спаситель предлагалъ Свое ученіе слушателямъ или въ видѣ изреченій и рѣчей, или въ бесѣдахъ со Своими учениками, съ народомъ и съ извѣстными частными лицами; то слѣдуетъ, что Евангеліе въ началѣ было только устнымъ словомъ. Спаситель не только Самъ преподавалъ свое ученіе устно, но и ученикамъ Своимъ завѣщалъ проповѣдывать его такъ же: „Онъ заповѣдалъ имъ, говоря: ходя, проповѣдуйте, говоря, — *κηρυσσετε λεγουτας*: приблизилось царство небесное (Мѳ. X, 5—6).“ И они, впоследствии, дѣйствительно „пошли и проповѣдывали вездѣ, при Господнемъ содѣйствіи и подкрѣпленіи слова послѣдующими знаменіями (Мр. XVI, 20)“.

Устная проповѣдь Апостоловъ предполагаетъ всѣ необходимыя условія для точнаго усвоенія и воспомина-

нія ученія и дѣлъ Спасителя. Такія условія Апостольскаго воспоминанія дѣйствительно были въ достаточной мѣрѣ и силѣ.

Главнѣйшія и существенныя условія точнаго воспоминанія, съ психологической точки зрѣнія, суть ясность и интересъ воспринимаемыхъ впечатлѣній и воспоминаемыхъ представлений.—Всѣ воспріятыя душою впечатлѣнія становятся ея достояніемъ, а затѣмъ представленія получаютъ опредѣленную, твердую связь, если воспріятіе сопровождалось яснымъ, отчетливымъ сознаниемъ, что обусловливается достаточной степенью вниманія. Но извѣстная степень напряженности вниманія зависитъ отъ интереса въ содержаніи воспринимаемаго и сознаваемаго. Что важно для извѣстнаго лица—при его чувственномъ влеченіи или возвышенномъ стремленіи къ чему-либо,—то возбуждаетъ въ соотвѣтственной мѣрѣ и степени его вниманіе къ впечатлѣніямъ, полученнымъ отъ интересующихъ его предметовъ. А это возбужденіе вниманія дѣлаетъ въ соотвѣтственной мѣрѣ ясными и отчетливыми всѣ воспріятія,—что обусловливаетъ силу и прочность запоминанія и точность воспроизведенія воспріятыхъ впечатлѣній и представлений.—Такія условія и для Апостольскаго воспоминанія были и имѣли свое полнѣйшее значеніе: относительно этого прямо и ясно свидѣлствуютъ синоптическія Евангелія.

Слушатели Иисуса Христа были въ то же время и очевидцами дѣлъ Его; поэтому и слова и дѣла Господа глубоко напечатлѣвались въ ихъ душѣ. Правда, по разнымъ причинамъ, не всѣ слушатели одинаково много и внимательно слышали, видѣли, понимали и усвоили умомъ и сердцемъ слова и дѣла Спасителя; но нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые, хотя немногіе, могли и дѣйствительно запоминать такъ и то, какъ и что „видѣли и слышали отъ начала“.—Многочисленные слушатели божественнаго Учителя видѣли, что Его слова свидѣлствуются Его дѣлами. И эти дѣла имѣли рѣшительное значеніе для воспри-

нимающихъ самое ученіе. Какъ самое ученіе, такъ еще болѣе соединенныя съ нимъ дѣла производили глубочайшее и самое искреннее впечатлѣніе въ душахъ цѣлыхъ сонмовъ народа ³⁸⁶). „И ходилъ Иисусъ по всѣмъ городамъ и селеніямъ, уча и проповѣдуя Евангеліе (Мѡ. IX, 35; ср. IV, 23, 24, 25)“. Когда Господь оканчивалъ слова Свои, то „народъ дивился ученію Его, ибо Онъ училъ ихъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи (VІІ, 28—29). Народъ, удивляясь, говорилъ: никогда не было такого явленія въ Израилѣ (IX, 33; ср. XII, 23. XIII, 54). Народъ дивился, видя нѣмыхъ говорящими, увѣчныхъ здоровыми, хромыхъ ходящими, слѣпыхъ видящими и прославляя Бога Израилева (XV, 31)“. — Очевидно, ученіе Иисуса Христа во всемъ народѣ и всюду возбуждало самое усиленное вниманіе къ себѣ—по силѣ слова въ устахъ Самого Учителя и Чудотворца Господа. Его слово само по себѣ въ умахъ и сердцахъ слушателей было истиной, закономъ, откровеніемъ или богодарованной святыеей...

При этой внутренней силѣ слова Христова были и многоразличныя внѣшнія побужденія, которыя Самъ Господь представлялъ Своимъ ученикамъ съ цѣлію запечатлѣть въ нихъ Свои слова, именно—увѣщаніе, обличеніе, прещеніе и обѣтованія.—Желая научить Своихъ слушателей божественнымъ истинамъ Своего откровенія, Господь внушалъ имъ и даже требовалъ отъ нихъ, чтобы они были внимательны къ Его слову. Онъ неоднократно повторялъ имъ: „кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ“ (Мѡ. XI, 15; XIII, 9. 43 и др.) или говорилъ: „слушайте и разумѣйте“ (XV, 10) ³⁸⁷! Въ противномъ случаѣ

³⁸⁶ Ср. объ этомъ: Мѡ. V, 18. 26. VI, 2. 5. 16. VIII, 10. X, 15. 23. XI, 11. XIII, 17. XVI, 28. XVII, 20. XVIII, 3. 13. 18. XXIV, 46—47. V, 21—22. 17. 27—28. 31—32. 33—34. 38—39. 43—44. 17 и 19. XXIII, 36. XXVI, 21. XI, 23. XIII, 16—17. VIII, 6.

³⁸⁷ Ср. объ этомъ: Мѡ. XXIV, 4. 5. 25. XII, 48—50. XVII, 5 и мн. др. въ Евангеліяхъ отъ Марка и Луки.

Господь обличалъ Своихъ слушателей въ невниманіи. Такъ, однажды Симонъ Петръ, обратившись къ Иисусу Христу, сказалъ отъ лица всѣхъ учениковъ: изъясни намъ притчу... Иисусъ сказалъ: неужели и вы еще не разумѣете? Еще ли не понимаете... (XV, 15—16. 17)? — Или: „еще ли не помните и не понимаете о пяти хлѣбахъ на пять тысячъ человѣкъ, и сколько коробовъ вы набрали (XVI, 9)?“—Обличеніе невниманія и непониманія принимало видъ угрозы, когда это требовалось. Такъ, напримѣръ, замѣтивъ въ Симонѣ Петрѣ мысль, далеко несогласную со Своимъ и его назначеніемъ, Господь грозно сказалъ ему: „отойди отъ меня, сатана; ты мнѣ соблазнъ; потому что думаешь не о томъ, что Божіе, но что человѣческое... (XVI, 23—28)“ ³⁸⁸). Но насколько строги были прещенія Господа къ невнимавшимъ слову Его; настолько же отрадны и утѣшительны были обѣтованія его искренно внимательнымъ слушателямъ Евангелія.—Предметомъ Евангелія Иисуса Христа были тайны царствія Божія. Но эти тайны самъ Господь уподоблялъ „сокровищу, сокрытому на полѣ, которое найдя человѣкъ утаилъ (XIII, 44; ср. 45—46)“. Это ли сокровище недостойно было всякаго храненія?—Однажды Симонъ Петръ сказалъ Спасителю отъ лица всѣхъ учениковъ: „вотъ мы оставили все и послѣдовали за Тобою; что же будетъ намъ? Иисусъ же сказалъ имъ: истинно говорю вамъ, что вы, послѣдовавшіе за Мною, въ паки-бытіи, когда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы своей, сядите и вы на двѣнадцати престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ. И всякій, кто оставитъ дома, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени Моего, получить во сто кратъ, и наследуетъ жизнь вѣчную (XIX, 27—29)... Ибо кто захочетъ душу сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу

³⁸⁸ Ср. объ этомъ: Мѡ. VII, 24—26. XI, 16. 17. 20. 24. X, 14—15.

свою ради Меня и Евангелія, тотъ сбережетъ ее (XVI, 25; ср. X, 32)“.

Такія увѣщанія, обличенія, угрозы и обѣтованія въ отношеніи къ слушателямъ Спасителя имѣли несомнѣнно большое значеніе при усвоеніи и запоминаніи Его словъ и дѣлъ. Но эти условія имѣли еще большее значеніе въ отношеніи собственно къ избраннымъ ученикамъ Христовымъ, призваннымъ на дѣло Евангельской проповѣди. Спаситель говорилъ, что въ Его ученіи, „нѣтъ ничего сокровеннаго „ что не открылось бы, и тайнаго, что не было бы узвано. Что Онъ говорилъ Апостоламъ „ въ темнотѣ, то они должны были говорить при свѣтѣ, что слышали на ухо, то проповѣдывать на кровляхъ . . . (X, 26—27).“ Онъ говорилъ ученикамъ своимъ: „ вы соль земли . . . вы свѣтъ міру . . . да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми (V, 13, 14, 16)“. Онъ предрекалъ Апостоламъ, что чрезъ нихъ „ проповѣдано будетъ Евангеліе царствія по всей вселенной во свидѣтельство всѣмъ народамъ (XXIV, 14)³⁹⁹⁾“.

Всѣ эти условія точнаго усвоенія и запоминанія ученія Христова усиливались и условливались еще вышшимъ—представленіемъ авторитета Самого Господа Иисуса Христа, какой онъ несомнѣнно имѣлъ въ глазахъ народа и особенно своихъ учениковъ. Какъ народъ, такъ и ученики исповѣдывали Его Господомъ и Владыкою жизни. Однажды Иисусъ Христосъ спросилъ учениковъ своихъ: „ за кого люди почитаютъ Меня, Сына человеческого? Они сказали: одни за Іоанна Крестителя, другіе за Ілію, а иные за Іеремію, или за одного изъ пророковъ. Онъ говоритъ имъ: а вы за кого почитаете Меня? Симонъ же Петръ, отвѣчая, сказалъ: Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“. Господь утвердилъ исповѣданіе первоверховнаго Апостола, сказавъ: блаженъ ты, Симонъ, сынъ Іонинъ; потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ Мой, сущій на небесахъ. И Я говорю тебѣ: ты Петръ,

399) Ср. при этомъ: МѠ. XII, 36—37 XVIII, 6.

и на семь кампѣ Я создамъ церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея (XVI, 13—18)“³⁹⁰⁾.

Возбуждая въ своихъ слушателяхъ надлежащее вниманіе къ своему ученію, Господь Иисусъ дѣлалъ вполнѣ возможнымъ и возможно полнымъ воспріятіе его, приспособляя лучшія средства къ запоминанію Своей устной рѣчи. Въ этомъ отношеніи замѣчательны Его указанія на прежде совершившіеся факты и приточный образъ изложенія Евангельскихъ истинъ въ проповѣди. Такъ однажды, обличая учениковъ своихъ, Спаситель сказалъ имъ: „ еще ли не понимаете, и не помните о пяти хлѣбахъ на пять тысячъ человѣкъ, и сколько коробовъ вы набрали? . . . Тогда, замѣчаетъ Евангелистъ, они поняли, что онъ говорилъ . . . (XVI, 9—10, 12)“. Но если замѣтно было или предвидѣлось въ Апостолахъ недостаточное пониманіе и неточное усвоеніе извѣстныхъ истинъ, то Господь предлагалъ ихъ въ притчахъ. „ Онъ поучалъ притчами . . . да сбудется реченное чрезъ пророка, который говоритъ: отверзу въ притчахъ уста Мои, изреку сокровенное отъ созданія міра (XIII, 3, 34 35). Онъ потому говорилъ народу притчами, что они видя не видятъ, и слыша не слышатъ и не разумѣютъ . . . ибо огрубѣло сердце людей сихъ (т. е. слушателей), и ушами съ трудомъ слышатъ, и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами и не услышатъ ушами, и не уразумеютъ сердцемъ, и да не обратятся, чтобы я исцѣлилъ ихъ (XIII, 13, 15; Исаи: VI, 9—10)“. Но обращаясь къ Апостоламъ, Спаситель говорилъ: ваши же блаженны очи, что видятъ, и уши ваши, что слышатъ (XIII, 16)“.—Если же и притча недостаточно была понята, то или ученики сами просили Господа—изяснить имъ притчу (напр. о плевелахъ на полѣ: XIII, 36), или Самъ Господь, обращаясь къ нимъ съ подобнымъ объясненіемъ

390) Ср. объ этомъ: XII, 23. XXI, 9—11. XIV, 1—2. VIII, 8. IX, 28. XV, 22—25. VIII, 25. XIV, 28. 30. XVII, 4. 15. XVIII, 21. XX, 30. 33. XXI, 15. 16.

емъ, говоритъ: „вы же выслушайте значеніе притчи (напр. о сѣятелѣ: XIII, 18 и др.)“.

Но при всѣхъ этихъ условіяхъ, хотя и весьма сильныхъ, при всѣхъ этихъ средствахъ, хотя и весьма важныхъ, однако оставалось мѣсто немощи человѣческой, по которой многое изъ того, что было сдѣлано и сказано Спасителемъ, могло придти въ забвеніе даже въ памяти Апостоловъ. Противъ этой-то естественно человѣческой немощи была дарована Апостоламъ всесильная и вседѣтельная благодать Св. Духа, которая была совершенно достаточна, чтобы подкрѣпить естественно-слабую душу каждаго изъ слушателей и Апостоловъ Христовыхъ, чтобы ни одна іота ново-завѣтнаго закона не исчезла изъ мысли и сердца ихъ. Спаситель, исцѣляя всякую немощь, далъ и Апостоламъ власть надъ нечистыми духами, чтобы изгонять ихъ и врачевать всякую болѣзнь и немощь... (Мѡ. X, 1). Послѣ этого, ужели они не въ состояніи были помогать сами себѣ въ дѣлѣ проповѣди Евангельской, для которой и были призваны,—ужели ихъ при такомъ чрезвычайно важномъ дѣлѣ оставлялъ Духъ Святой?—Нѣтъ, самъ Господь, молитвенно обращаясь къ Отцу небесному, сказалъ: „славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли! что ты утаилъ сіе (т. е. тайны царствія Божія) отъ мудрыхъ и разумныхъ, и открылъ то младенцамъ. Ей, Отче! ибо таково было Твое благоволеніе (XI, 25—26)“. Тайны царствія Божія открыты были по преимуществу Апостоламъ, потому что они должны были проповѣдывать „Евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ (Мѡ. XXIV, 14; ср. XXVI, 13. Мр. XIII, 10)“.—„Васъ, говоритъ Спаситель Апостоламъ, будутъ предавать въ судилища, и бить въ синагогахъ, и предъ правителями и царями поставятъ васъ за Меня, для свидѣтельства предъ ними... Когда же поведутъ предавать васъ, не заботьтесь напередъ, что вамъ говорить, и не обдумывайте; но что дано будетъ вамъ въ тотъ часъ, то и говорите: ибо не вы будете говорить, но

Духъ Святой (Мр. XIII, 9—11; особенно же ср. Іоан. XV, 26).

Итакъ, сила впечатлѣній отъ словъ и дѣлъ Іисуса Христа, значеніе Его ученія, какъ истинно божественнаго откровеннаго закона, особыя побужденія къ внимательному слушанію слова Евангельскаго, какъ-то: увѣщаніе, обличеніе, угрозы и обѣтованія, при всемъ этомъ высочайшій авторитетъ Спасителя, какъ Сына Божія, особо примѣняемые имъ способы ученія, какъ то: повтореніе, приточный образъ изложенія и пр., наконецъ, благодатное содѣйствіе Св. Духа,—всѣ эти условія и средства дѣлали вполне возможнымъ и дѣйствительнымъ, что Апостолы точно и совершенно хранили въ своей памяти слова и дѣла Христовы. Поэтому Спаситель, по воскресеніи Своемъ, далъ Апостоламъ прямое повелѣніе, сказавъ имъ: „идите по всему міру, и проповѣдуйте Евангеліе всей твари... А они пошли, и проповѣдывали вездѣ, при Господнемъ содѣйствіи и подкрѣпленіи слова послѣдующими знаменіями (Мр. XVI, 15 и 20)“.

О томъ, что Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ свое ученіе устно, и что Апостолы точно знали и хранили въ своей памяти Его слова и дѣла, которыя потомъ были записаны въ Евангеліяхъ, объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ и древнѣйшіе Отцы церкви. Такъ св. Іустинъ философъ и мученикъ († 163 г.) говоритъ прямо: „Апостолы въ оставшихся отъ нихъ повѣствованіяхъ (воспоминаніяхъ — *απομνημονεύματα*), которыя называются Евангеліями, передали что имъ было заповѣдано... Или: „такъ повѣствуютъ тѣ, которые описали все, касающееся до Спасителя нашего, и мы вѣримъ имъ“³⁹¹)... Святой Иринеи, еп. Ліонскій (2-го в.), свидѣтельствуетъ: „объ устроеніи нашего спасенія мы узнали не чрезъ кого другаго, а чрезъ тѣхъ, чрезъ которыхъ дошло къ намъ Евангеліе, которое они тогда проповѣдывали (устно), потомъ же по волѣ Божіей предали намъ въ писаніяхъ,

391) Св. Іустина муч. 1 Апол. 66, 33. 2 Апол. 13.

какъ будущее основаніе и столпъ нашей вѣры... Послѣ того, какъ Господь нашъ воскресъ изъ мертвыхъ и они облечены были свыше силою нисходящаго Св. Духа, исполнились всѣми (дарами его) и получили совершенное знаніе,—они вышли въ концы земли, благовѣствуя о благахъ (дарованныхъ) намъ отъ Бога, и возвѣщая небесный миръ людямъ, которые и всѣ вмѣстѣ, и каждый порознь, имѣютъ Евангеліе Божіе. Такъ Матѳеѣй издалъ у Евреевъ на ихъ собственномъ языкѣ писаніе Евангелія въ то время, какъ Петръ и Павелъ въ Римѣ благовѣствовали и основали церковь. Послѣ ихъ отшествія Маркъ, ученикъ и истолкователь Петра, предалъ намъ письменно то, что было проповѣдано Петромъ. И Лука, спутникъ Павла, изложилъ въ книгѣ проповѣданное имъ Евангеліе...³⁹²⁾ Папій, еп. Герапольскій (†120 г.), свидѣтельствуетъ, что „Маркъ, истолкователь Петра, съ точностію записать, сколько запомнилъ, то, чему училъ и что творилъ Христосъ, хотя и не по порядку (времени), потому что самъ не слушалъ Господа и не сопутствовалъ Ему...“³⁹³⁾

Такъ, по свидѣтельству Отцевъ церкви, устная проповѣдь Спасителя первоначально сохранялась въ памяти Апостоловъ и ихъ сотрудниковъ, а потомъ была изложена письменно въ Евангеліяхъ. Это, наконецъ, подтверждается словами и самихъ Апостоловъ. Св. Ап. Павелъ говоритъ Коринѳянамъ: „напоминаю вамъ, братіе, Евангеліе, которое я благовѣствовалъ вамъ, которое вы и приняли, въ которомъ и утвердились, которымъ и спасаетесь, если преподанное удерживаете такъ, какъ я благовѣствовалъ вамъ... Ибо я первоначально преподавалъ вамъ, что и самъ принималъ (I Кор. XV, 1—3)“. Апостоль и Евангелистъ Иоаннъ говоритъ: „о томъ, что было отъ начала, что мы

392) *Ириней*: Противъ ересей. Кн. III, гл. 1-я.

393) См. у *Евсевія* Кесар. Церк. Исторія III, 39.

слышали, что видѣли своими очами, что разсматривали и что осязали руки наши, о Словѣ жизни (ибо жизнь явилась, и мы видѣли и свидѣтельствуемъ, и возвѣщаемъ вамъ сію вѣчную жизнь, которая была у Отца и явилась намъ), о томъ, что мы видѣли и слышали, возвѣщаемъ вамъ, чтобы и вы имѣли общеніе съ нами: а наше общеніе со Отцемъ и Сыномъ Его, Иисусомъ Христомъ. И сіе пишемъ вамъ, чтобы радость ваша была совершенна. И вотъ благовѣствованіе, которое мы слышали отъ Него, и возвѣщаемъ вамъ (1 Иоан. I, 1—5)“.

Итакъ, несомнѣнно, что при всѣхъ, вполнѣ достаточныхъ для того, условіяхъ устная проповѣдь Спасителя и всѣ Его дѣянія твердо сохранялись въ памяти Его Апостоловъ,—ихъ преданіе было точнымъ воспроизведеніемъ Евангельской исторіи.—Точное воспроизведеніе Ев. событій и точное воспоминаніе Апостолами подлинныхъ словъ Спасителя были главною причиною того, что устное преданіе Апостоловъ и Сотрудниковъ ихъ было весьма сходно изложено въ ихъ писаніяхъ или Евангеліяхъ. Но точностію Апостольскаго воспоминанія объясняется сходство синоптическихъ Евангелій главнымъ образомъ въ изложеніи изреченій и рѣчей Иисуса Христа: чѣмъ же объяснить синоптическое сходство въ изложеніи собственно Ев. рассказовъ?—Величайшее сходство синоптическихъ Евангелій въ изложеніи собственно рассказовъ зависѣло отъ того, что Апостоламъ весьма часто приходилось рассказывать объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ съ одною и тою же цѣлію. Неоднократное повтореніе рассказа объ одномъ и томъ же событіи съ одною и тою же цѣлію, естественно, дѣлаетъ изложеніе его однообразнымъ,—какъ устное, такъ и письменное³⁹⁴⁾.

394) Нагляднымъ примѣромъ однообразнаго изложенія одного и того же событія, какъ аналогію съ Евангельскими рассказами, можно представить рассказъ

Подобное сходство было и въ изложеніи устныхъ Евангельскихъ разсказовъ объ однихъ и тѣхъ же событіяхъ изъ жизни Господа. Конечно, это сходство зависѣло также отъ многократнаго повторенія такихъ разсказовъ. Относительно Евангельскихъ разсказовъ это вполне справедливо. По свидѣтельству древнѣйшаго отца церкви

объ обращеніи Ап. Павла, троекратно изложенный въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ: IX, XXII и XXVI гл.—Дѣписатель повѣствуетъ:

Гл. IX, ст. 1...

Савль же, еще дыша угрозами и убійствомъ на учениковъ Господа, пришелъ къ первосвященнику и выпросилъ у него письма въ Дамаскъ къ синагогамъ, чтобы кого найдеть послѣдующихъ сему ученію, и мужчинъ и женщинъ, связавъ, приводить въ Иерусалимъ. Когда же онъ шелъ и приближался къ Дамаску; внезапно осіялъ его свѣтъ съ неба. Онъ упалъ на землю, и услышалъ голосъ, говорящій ему: Савль, Савль! что ты гонишь Меня? Онъ сказалъ: кто Ты, Господи? Господь же сказалъ: Я Исусъ, котораго ты гонишь. Трудно тебѣ идти противъ рожна. Онъ въ трепетѣ и ужасѣ сказалъ: Господи! что повелишь мнѣ дѣлать? а Господь ему: встань и иди въ городъ; и сказано будетъ тебѣ, что тебѣ надобно дѣлать. Люди же, шедшіе съ нимъ, стояли въ оцѣпененіи, слыша голосъ, а никого не вида.

Гл. XXII, ст. 4...

...Я даже до смерти гналъ послѣдователей сего ученія (Христовъ), связывая и предавая въ темницу и мужчинъ и женщинъ; какъ свидѣтельствуешь о мнѣ первосвященникъ и всѣ старѣйшины, отъ которыхъ и письма взялъ къ братьямъ, живущимъ въ Дамаскѣ, я шелъ, чтобы тамошнихъ привести въ оковахъ во Иерусалимъ на истязаніе. Когда же я былъ въ пути и приближался къ Дамаску; около полудня вдругъ осіялъ меня великій свѣтъ съ неба. Я упалъ на землю и услышалъ голосъ, говорившій мнѣ: Савль! Савль! что ты гонишь меня? Я отвѣтствовалъ: кто ты, Господи? Онъ сказалъ мнѣ: Я Исусъ Назорей, котораго ты гонишь. Бывшіе же со мною свѣтъ видѣли и пришли въ страхъ; но голоса, говорившаго мнѣ, не слышали. Тогда я сказалъ: Господи! что мнѣ дѣлать? Господь же сказалъ мнѣ: встань и иди въ Дамаскъ и тамъ тебѣ сказано будетъ все, что назначено тебѣ дѣлать.

Гл. XXVI, ст. 10...

...Получивъ власть отъ первосвященниковъ, я многихъ святыхъ заключалъ въ темницы, и когда убивали ихъ, я подавалъ на то голосъ. И по всѣмъ синагогамъ я многократно мучилъ ихъ, и принуждалъ хулить Исуса; и въ чрезмѣрной противъ нихъ ярости, преслѣдовалъ даже и въ чужихъ городахъ. Для сего иди въ Дамаскъ со властью и порученіемъ отъ первосвященниковъ, среди дня, на дорогѣ, я увидѣлъ, Государь, съ неба свѣтъ, преходившій солнечное сіяніе, осіявшій меня и шедшихъ со мною. Всѣ мы упали на землю, и я услышалъ голосъ, говорящій мнѣ на Еврейскомъ языкѣ: Савль, Савль! что ты гонишь Меня? трудно тебѣ идти противъ рожна. Я сказалъ: кто ты, Господи? Онъ сказалъ: Я Исусъ, котораго ты гонишь. Но встань и стань на ноги твои: ибо я для того и явился тебѣ, чтобы поставить тебя служителемъ и свидѣтелемъ того, что ты видѣлъ...

Вотъ въ какой мѣрѣ сходно изложеніе одного и того же событія въ раз-

Ириней, еп. Лионскаго, устные Ев. разсказы, которые ему приходилось слышать изъ устъ св. Поликарпа, еп. Смирнскаго, мужа Апостольскаго, были вполне согласны съ письменными Евангеліями. Вотъ это свидѣтельство. Въ письмѣ къ Флорину Ириней говоритъ: „такого (т. е. гностическаго) ученія не передали намъ предшествовавшіе намъ пресвитеры, которые обращались съ самими Апостолами. Я былъ еще отрокомъ, когда видѣлъ тебя въ Малой Азіи и Поликарпа: тогда ты былъ знаменитъ при царскомъ дворѣ и старался снискать благоволеніе его (Поликарпа). Что было въ то время я помню живѣе, чѣмъ недавно случившееся. Что мы слышали въ дѣтствѣ, то укрѣпляется вмѣстѣ съ душою и укореняется въ ней. Такъ я могъ бы теперь изобразить мѣсто, гдѣ сидѣлъ и разговаривалъ блаженный Поликарпъ, изобразить его походку, его образъ жизни и внѣшній видъ, его бесѣды къ народу, какъ онъ разсказывалъ о своемъ обращеніи съ Іоанномъ и прочими самовидцами Господа, какъ онъ припоминалъ слова ихъ и пересказывалъ, что слышалъ отъ нихъ о Господѣ, Его ученіи и чудесахъ. Такъ какъ онъ слышалъ отъ самовидцевъ жизни Слова, то онъ разсказывалъ согласно съ писаніемъ. По милости Божіей ко мнѣ, я тогда еще внимательно слушалъ Поликарпа и записывалъ слова его не на бумагѣ, но въ моемъ сердцѣ и по милости Божіей всегда сохраняю ихъ въ свѣжей памяти“³⁹⁵). Изъ этого свидѣтельства знаме-

сказъ Дѣписателя. Если же и есть нѣкоторое различіе въ каждой изъ этихъ трехъ параллелей; то оно объясняется различными цѣлями Дѣписателя. Въ первомъ изложеніи (гл. IX) онъ разсказываетъ объ обращеніи Ап. Павла съ цѣлію передать это событіе съ своей точки зрѣнія; во второмъ изложеніи (гл. XXII) Дѣписатель представляетъ Ап. Павла разсказывающимъ о своемъ обращеніи съ цѣлію оправдаться предъ возмущившимся народомъ и предъ тысяченачальникомъ во Иерусалимѣ; въ третьемъ изложеніи (гл. XXVI) опять представляется разсказывающимъ то же событіе самъ Ап. Павелъ предъ царемъ Агриппой съ подобною же цѣлію. При единствѣ цѣли три параллельные разсказа Дѣписателя объ обращеніи Ап. Павла, конечно, были бы еще болѣе однообразны по своему изложенію.

³⁹⁵) Сочиненія Св. Ириней—въ рус. пер. изд. свяд. Преображенскаго. Москва. 1871. Предисл. стр. VI—VII.

нитѣйшаго отца церкви очевидно, что какъ онъ самъ твердо помнилъ рассказы Поликарпа объ ученіи и чудесахъ Иисуса Христа, такъ и Поликарпъ неизмѣнно хранилъ въ своей памяти устное Апостольское преданіе о жизни Господа,—такъ точно, какъ оно было изложено въ письменномъ Евангеліи. Слѣдовательно, Апостольское преданіе о жизни Спасителя, сложившееся въ видѣ опредѣленныхъ устныхъ рвсказовъ, сохранялось въ памяти Евангелистовъ также точно, какъ и въ ихъ писаніяхъ. А потому, устное преданіе Апостоловъ о жизни Иисуса Христа, записанное различными Евангелистами, должно быть и было болѣе или менѣе одинаково записано.

Что устное преданіе можетъ получать опредѣленный видъ (типъ) въ словесномъ выраженіи и что оно можетъ въ такомъ видѣ тщательно сохраняться и болѣе или менѣе неизмѣнно передаваться изъ устъ въ уста, доколѣ не будетъ изложено письменно, это объясняется и отчасти подтверждается нѣкоторой аналогіей, которую представляетъ въ этомъ отношеніи образование и сохраненіе устнаго преданія въ такъ-называемой народной литературѣ. —Источникомъ устной народной литературы были доисторическія преданія старины; изъ нихъ народъ слагалъ свои сказанія, былины и т. п. Устное преданіе, сложившись въ подобныхъ опредѣленныхъ типахъ или формахъ, передавалось чрезъ рядъ вѣковъ отъ предковъ до отдаленнѣйшихъ потомковъ, болѣе или менѣе неизмѣнно и очень сходно.—„Народъ не помнитъ начала своимъ былинамъ и сказаніямъ. Ведутся они изъ-поконъ вѣку и передаются изъ рода въ родъ по преданію“, какъ старина, какъ лучшее достояніе ума и сердца, какъ мудрость и священный залогъ предковъ потомкамъ. Храненіе преданія было весьма тщательное; оно сопровождалось довольно частымъ затверживаніемъ изреченій и рассказовъ. Преданіе постоянно обращалось въ народѣ: мысль его не отрѣшалась отъ преданія въ болѣе или менѣе серьезные моменты его думы. „Старый рассказы-

валь и поучаль, малый слушалъ и поучался“. Устное преданіе, при такомъ тщательномъ сохраненіи и постоянномъ повтореніи, переходя изъ устъ въ уста, получало свою опредѣленную форму, мѣткое и округленное выраженіе,—такъ что тѣмъ и другимъ устранялась всякая новая попытка перемѣнить складъ рѣчи. Отсюда произошло весьма большое сходство повсемѣстно распространенныхъ преданій народа и въ письменномъ изложеніи, когда разные виды устной литературы, съ теченіемъ времени, стали записываться прямо въ той формѣ, въ какой они существовали въ устахъ самого народа ³⁹⁶). При весьма тщательномъ сохраненіи устныхъ сказаній народа, и записи этихъ сказаній естественно были весьма сходны между собою въ самомъ текстѣ,—настолько, что по одной изъ такихъ записей можно было провѣрять и исправлять текстъ другой (варианты) ³⁹⁷). Исторія народной литературы указываетъ многочисленные примѣры сходныхъ записей однихъ и тѣхъ же устныхъ народныхъ сказаній. Такими примѣрами особенно богаты сравнительно-новѣйшіе „Сборники народныхъ сказаній“ ³⁹⁸).

396) Въ подтвержденіе этого мы ссылаемся здѣсь на спеціальныя изслѣдованія по этому вопросу: *Вулава*—Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. С.-Петербургъ. 1861. т. 1. Стр. 18. 45, 57. 21. 55. 357. 112. 7. 420. 399 и пр. *Сахарова*—Сказанія русскаго народа. С.-Петербургъ. 1841. Изданіе 3-е Т. 1. кн. 1—4. Стр. 9. 10. *Шафарика*—Славянскія древности. Перев. Водинскаго, изд. М. Погодина. Т. 1. Москва. 1837. Стр. 89—90. 91. 251. *Аванасьева*.—Языческія преданія объ Островѣ—Вуангѣ. Временникъ И. М. О. исторій и древностей російскихъ. 1851. Кн. 9. Стр. 5. *Бестужева*—*Рюмина*,—Русская Исторія. Т. 1. С.-Петербургъ. 1872. Стр. 21. 22. 24. 109. 114 и др.

397) *Галаховъ*—Исторія р. Словесности. Стр. 21 и 22. *Карауловъ*—Очерки исторіи русской литературы. Одесса. 1870 г. Т. 1. Стр. 2. Ср. *Вулава*—Истор. очерки русской нар. словесности. Т. 2. Стр. 13—14. Знаменитый «стихъ о Голубиной книгѣ» и по внѣшней формѣ и по содержанію представляетъ разительное сходство съ апокрифической «Бесѣдой трехъ святителей». *Вулаговъ*—Истор. Очерки. Т. 2. Стр. 15—20.

398) Таковы напр. два сборника Богатырскихъ пѣсень въ «Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ», изданныхъ г. *Калайдовичемъ* въ 1818 г., и народныхъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа», изданныхъ г. *Сахаровымъ*—въ 1841 г. 3-е изданіе. Содержаніе перваго сборника было записано со словъ Сибирскихъ людей, содержаніе втораго со словъ великоруссовъ. Для изданія русскихъ былинь, вошедшихъ въ сборникъ г. Сахарова, былъ принятъ за основаніе текстъ, помѣщенный въ

Подобнымъ образомъ и устное Апостольское преданіе, при тщательномъ его храненіи и постоянномъ переска-
зываніи, съ теченіемъ времени, получило своего рода осо-
бой, строго опредѣленный и постоянный типъ, и, пере-
ходя изъ устъ въ уста въ первенствующемъ христіан-
скомъ обществѣ, было неизмѣннымъ по содержанію и бо-
лѣе или менѣе однообразнымъ по выраженію въ самомъ
писаніи.

—Общій результатъ всего изслѣдованія:

Сходство первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій
отъ Матѳея, Марка и Луки въ изложеніи рѣчей Иисуса
Христа и рассказовъ о событіяхъ изъ Его жизни объяс-
няется точностію Апостольскаго воспоминанія и одно-
образнымъ выраженіемъ его въ устномъ преданіи, кото-
рое и было единственнымъ и непосредственнымъ источ-
никомъ каждаго изъ Синоптиковъ. Въ частности, —

Наше изслѣдованіе о происхожденіи первыхъ трехъ
каноническихъ Евангелій отъ Матѳея, Марка и Луки,
имѣющее главною своею задачею опредѣлить и источникъ
этихъ Евангелій и отсюда—причины или условія ихъ
взаимнаго сродства, имѣетъ своимъ результатомъ слѣдую-
щія главныя положенія:

а) Синоптическія Евангелія отъ Матѳея, Марка и
Луки имѣютъ между собою большое сходство въ содер-
жаніи и его изложеніи; но это сходство не даетъ основа-
нія предполагать для нихъ какіе-бы то ни было пи с ѣ
м е н н ы е источники, какъ это принимается и доказы-
вается въ изслѣдованіяхъ Эвальда и Гольцмана и цѣлаго
ряда ихъ предшественниковъ.

рукописи, принадлежавшей одному частному лицу (г. Бѣльскому). Вариантами (раз-
ночтеніями) служили: 1) Русскія былины, собранныя г. Далемъ изъ устныхъ преда-
ній жителей Казанской и Оренбургской губерній—по р. Уралу; 2) Сборникъ Деми-
дова, изданный прежде Ялубовичемъ (1804), а потомъ Калайдовичемъ (1818). Та-
кимъ образомъ «Сборники» Сахарова, Дала и Калайдовича имѣли своимъ непо-
средственнымъ источникомъ устное народное преданіе, но при всемъ томъ, они
относятся другъ къ другу только какъ варианты одного и того же до-словно сходнаго
письменнаго изложенія устнаго преданія.

б) Сходство Синоптиковъ въ текстѣ и языкѣ не на-
столько велико, чтобы оно было неизбѣжнымъ слѣдстви-
емъ употребленія письменныхъ источниковъ; напротивъ,
въ нихъ есть такія разности, которыя съ этой точки
зрѣнія необъяснимы.

в) Въ историческихъ свидѣтельствахъ самихъ кано-
ническихъ Евангелій, Апостольскихъ и Отеческихъ пи-
саній нѣтъ прямого и достаточно яснаго указанія на
зависимость (компилятивность) Евангелистовъ отъ пись-
меннаго источника.

г) Сходство устныхъ, потомъ письменныхъ Ев. раз-
сказовъ вполне возможно объяснить при предположеніи,
что они имѣли источникомъ своимъ только устное пре-
даніе: нѣчто аналогичное съ этимъ представляютъ нѣ-
которые памятники устной народной литературы.

д) Изъ всего этого открывается, что *первыя три ка-
ноническія Евангелія отъ Матѳея, Марка и Луки не ком-
пиляціи извѣстныхъ только по предположенію письменныхъ
источниковъ: Древнѣйшаго Евангелія, Собранія изреченій, VI,
VII, VIII-й книгъ Ев. исторіи, А, А и др., но самостоятель-
ныя, вполне независимыя отъ нихъ, записи личнаго и точно-
го Апостольскаго воспоминанія и твердаго непосредственнаго
устнаго преданія, составленныя при участіи какъ са-
мыхъ Апостоловъ, такъ и сотрудниковъ ихъ, подъ условіемъ
всесовершеннаго содѣйствія благодати Св. Духа.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

| | | |
|------|---|---------------|
| I. | Задача изслѣдованія и два рода теорій, рѣшающихъ оную | Стр. 5—37. |
| II | Теорія Г. Эвальда | 37—49. |
| III | Условія образованія матеріи Синоптическихъ Евангелій—по теоріи Эвальда. | 50—109. |
| IV | Анализъ перваго примѣра образованія Ев. рѣчей | 109—147. |
| V | Анализъ другихъ примѣровъ того жерода. | 147—184. |
| VI | Анализъ примѣра образованія Ев. рассказовъ | 185—230. |
| VII | Евангелисты, какъ составители Евангельскихъ рассказовъ и рѣчей | 230—268. |
| VIII | Первый письменный источникъ синоптическихъ Евангелій—„Древнѣйшее Евангеліе“ Ап. Филиппа | 269—312. |
| IX | VI, VII и VIII-я книги Ев. исторіи, какъ второстепенные источники синоптическихъ Евангелій | 312—349. |
| X | Теорія Ю. Гольцмана | 350—367. |
| XI | Разборъ основнаго положенія теоріи Гольцмановой | 368—384. |
| XII | Первый источникъ Евангелій—А. | 385—419. |
| XIII | Второй источникъ Евангелій—А. | 420—451. |
| XIV | Лингвистическія основанія теоріи Гольцмана | 452—478. |
| XV | Разборъ историческихъ свидѣтельствъ: а) Предисловія къ Евангелію отъ Луки и б) свидѣтельства Папія, еп. Гернопольскаго. | 479—510. |
| XVI | Положительное рѣшеніе вопроса о происхожденіи первыхъ трехъ каноническихъ Евангелій. | 510—527. |

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ.

| | | | |
|------|------|----------------------------|------------------------|
| Стр. | Стр. | Напечатано: | Должно быть: |
| 37. | 15-я | сверху—совѣтъ | отвѣтъ |
| 42. | 5-я | — — избраніе | изображеніе |
| 116. | 4-я | — — <i>απομνημονευματα</i> | <i>απομνημονευματα</i> |

